

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№7-8. Июль-Августъ. 1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	Стр.
К. Ø. Тiандеръ. Главные моменты развитiя скандинавизма . .	5
В. М. Фишеръ. Словацкiй и его борьба съ Мицкевичемъ	24
В. Н. Перцевъ. Политика Гогенцоллерновъ. Вильгельмъ I и Бисмаркъ	51
В. М. Фриче. Поэзія національно-освободительнаго движенiя Италiи	75
II. Воспоминанiя:	
Е. А. Штакенштейндеръ. П. Л. Лавровъ	96
В. В. Берви. Воспоминанiя	110
Е. И. Берви. Изъ воспоминанiй	127
К. И. Ванченко. Воспоминанiя украинскаго актера	143
III. Материалы:	
Бар. А. Е. и А. В. Розенъ. Письма къ А. В. Малиновскому (изъ переписки декабристовъ).	168
Ч. Вѣтринскiй. Глѣбъ Успенскiй въ его перепискѣ.	192
П. Л. Лавровъ. Два черновыя письма къ великому князю Кон- стантину Николаевичу	219
IV. Некрологъ.	
Е. Д. Кускова. Памяти живой души (В. Я. Богучарскiй)	223
В. Къ біографiи В. Я. Яковлева	232
V. Изъ текущей литературы.	
П. Н. Сакулинъ. Новый трудъ по исторiи масонства	234
С. П. Мельгуновъ. Родственники о Растопчинѣ	244
А. А. Кизеветтеръ. Восточная война 1853—56 гг.	251
VI. Критика и библіографiя.	
В. М. Фишеръ. Д. С. Мережковскiй. Дневникъ 1910—1914; Некрасовъ и Тютчевъ. В. И. Семевскiй. Н. Н. Фирсовъ. Петръ III и Екатерина II. Н. П. Вишняковъ. В. Е. Якушкинъ. А. В. Суворовъ. Ю. В. Готье. Б. Д. Грековъ. Новгородскiй	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія III)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 7-8. Іюль-Августъ. 1915

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бул., Путинковскій пер., домъ № 3.
1915.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Статьи:	Стр.
К. Ø. Тiандеръ. Главные моменты развитiя скандинавизма . . .	5
В. М. Фишеръ. Словацкiй и его борьба съ Мицкевичемъ	24
В. Н. Перцевъ. Политика Гогенцоллерновъ. Вильгельмъ I и Бисмаркъ	51
В. М. Фриче. Поэзiя національно-освободительнаго движенiя Италiи	75
 II. Воспоминанiя:	
Е. А. Штакеншнейдеръ. П. Л. Лавровъ	96
В. В. Берви. Воспоминанiя	110
Е. И. Берви. Изъ воспоминанiй	127
К. И. Ванченко. Воспоминанiя украинскаго актера	143
 III. Материалы:	
Бар. А. Е. и А. В. Розенъ. Письма къ А. В. Малиновскому (изъ переписки декабристовъ).	168
Ч. Вtтринскiй. Глbбъ Успенскiй въ его перепискѣ.	192
П. Л. Лавровъ. Два черновыя письма къ великому князю Кон- стантину Николаевичу	219
 IV. Некрологъ.	
Е. Д. Кускова. Памяти живой души (В. Я. Богучарскiй)	223
В. Къ биографiи В. Я. Яковлева	232
 V. Изъ текущей литературы.	
П. Н. Сакулинъ. Новый трудъ по исторiи масонства	234
С. П. Мельгуновъ. Родственники о Растопчинѣ	244
А. А. Кизеветтеръ. Восточная война 1853—56 гг.	251
 VI. Критика и библиографiя.	
В. М. Фишеръ. Д. С. Мережковскiй. Дневникъ 1910—1914; Некрасовъ и Тютчевъ. В. И. Семевскiй. Н. Н. Øирсовъ. Петръ III и Екатерина II. Н. П. Вишняковъ. В. Е. Якушкинъ. А. В. Суворовъ. Ю. В. Готье. Б. Д. Грековъ. Новгородскiй	

домъ св. Софіи. С. П. Мельгуновъ. Русскіе пропилеи. Н. Никольскій. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній. П. А. Берлинъ. 150 лѣтъ Никольско-Бахметьевскаго хрустальнаго завода. Г. В. Вернадскій. В. А. Ватинъ. Село Минусинское. Н. И. Карѣевъ. В. И. Герье. Философія исторіи. Г. Пригоровскій. Проф. В. Бузескуль. Лекція по исторіи Греціи. Ф. Баллодъ. Ш. Диль. По Греціи. С. И. Радцигъ. Алкей и Сафо. С. Г. Сватиковъ. В. Ли. Италія; Современный Римъ—сборникъ статей; Г. Бухгеймъ. По Италіи. С. П. Мельгуновъ. П. Сень-Викторъ. Варвары и бандиты. 259

VII. Романъ.

Шарль де Костеръ. Легенда о подвигахъ Уленшпигеля. Пер. В. Н. Карякина.

VIII. Рисунки.

Портреты В. Я. Богучарскаго, И. В. Малиновскаго, Ю. Словацкаго. Концовки и заставки изъ изданій XVI—XVII в. (см. замѣтку Я. М. Пашкова № 2).

IX. Объявленія.

Главные моменты развитія скандинавизма.

Вопреки общепринятому мнѣнію идеи зрѣютъ чрезвычайно медленно и то, что кажется внезапнымъ и случайнымъ открытіемъ избранныхъ счастливицковъ, на самомъ дѣлѣ росло и крѣпло въ тиши задолго до того времени, какъ овладѣло умами и сдѣлалось лозунгомъ дня. Не удивляться приходится тому, какъ мы быстро шагаемъ впередъ, а недоумѣвать, что самыя очевидныя истины нуждаются въ вѣковой подготовительной работѣ, чтобы внѣдриться въ сознание людей и осуществиться на дѣлѣ. Какимъ естественнымъ казалось бы, чтобы три родственныхъ по языку и культурѣ народа, поселившихся къ тому же по побережью однихъ и тѣхъ же морей, заключили оборонительный и торговый союзъ, а между тѣмъ его необходимость была осознана лишь послѣ многихъ кровопролитныхъ враждованій, безпочвенныхъ мечтаній и горькихъ разочарованій.

I.

Кальмарская унія.

Когда Маргарита, дочь датскаго короля Вальдемара IV, послѣ смерти своего супруга Хокона (Гакона), короля Норвегіи, и своего сына Олафа, наслѣдника датскаго престола, и послѣ побѣды надъ Швеціей при Фальчѣпингѣ,—въ 1389 г. соединила въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми тремя скандинавскими государствами, то это событіе, вызванное случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, казалось торжествомъ опредѣленной идеи. Дѣйствительно, скандинавскіе языки еще едва успѣли отдѣлиться другъ отъ друга, и, конечно, никто тогда еще не забылъ того времени, когда на Сѣверѣ говорили на одномъ общемъ языкѣ. Короли

воевали другъ съ другомъ, но столь же часто сходились и для дружественныхъ бесѣдъ, и для помолвокъ. Въ походахъ викинговъ бокъ-о-бокъ съ датчаниномъ дрался и норвежець, и выходець западной Швеціи; среди варяговъ находимъ ту же смѣсь скандинавскихъ народностей.

Разъединеніе скандинавовъ объясняется географическими условіями—существованіемъ горнаго хребта, отдѣлившаго норвежцевъ отъ шведовъ и заставившаго первыхъ обратиться лицомъ къ Англіи и Америкѣ, вторыхъ—лицомъ къ Россіи, и датскими проливами, вызвавшими, благодаря своему огромному стратегическому и торговому значенію, образованіе особаго государства. Для правильной оцѣнки значенія проливовъ въ образованіи датскаго государства, необходимо помнить, что вплоть до 1658 г. ему принадлежала и вся юго-западная Швеція (Сконе, Халландъ, Блекинге и Бохусъ). Католическая церковь, будучи по идеѣ международной и въ культурномъ смыслѣ безусловно нивелирующей силой, содѣйствовала укрѣпленію во всѣхъ трехъ странахъ единодержавной власти, видя въ возвышеніи одной династіи вѣрный оплотъ противъ язычества и гарантію своихъ собственныхъ привилегій. Но ускоряя превращеніе разрозненныхъ по племенамъ примитивно-торговыхъ странъ въ объединенныя монархическія государства, церковь тѣмъ пробуждала и національную ихъ рознь.

Когда Маргарита въ 1389 г. созвала представителей трехъ скандинавскихъ государствъ въ Кальмаръ, чтобы обсудить способъ выбора въ будущемъ общаго короля и нѣкоторые другіе вопросы, касающіеся ихъ обоюдныхъ интересовъ, тогда не только осуществилась унія скандинавскихъ государствъ, но зародилась также идея скандинавизма, пережившая Кальмарскую унію, которая оказалась недолговѣчной.

Жизненность Уніи зависѣла отъ умѣлой политики лица, стоящаго во главѣ ея. Но уже преемникъ Маргариты возстановилъ противъ себя и шведовъ, и датчанъ, такъ что въ концѣ концовъ ему пришлось отказаться отъ всѣхъ коронъ. Связь Даніи съ Норвегіей продолжалась до 1814 г., такъ какъ первая не покушалась на окончательное подавленіе автономіи Норвегіи, послѣдняя же не обладала никакими ни матеріальными, ни культурными ресурсами къ эмансипаціи. Но зато датскіе короли, ради возстановленія Уніи, стремятся подчинить своей власти и Швецію. Это почти удается Кристіану II, который въ 1520 г. въ Стокгольмской бойнѣ велитъ казнить знатнѣйшихъ шведскихъ вельможъ, чтобы разъ навсегда искоренить крамолу въ этой странѣ противъ Уніи. Но эта безчеловѣчная, ничѣмъ не оправдываемая,

мѣра вызвала въ Швеціи всеобщую ненависть къ датчанамъ. Послѣдовало возстаніе подъ предводительствомъ Густава Вазы, и Унія была похоронена на сотни лѣтъ.

Не только въ 30-лѣтней и Великой Сѣверной войнахъ Швеція и Данія оказались въ противоположныхъ лагеряхъ, но, кромѣ этихъ общихъ войнъ, два скандинавскихъ государства воевали еще другъ съ другомъ, когда остальная Европа наслаждалась миромъ, напримѣръ, въ 1659 г., когда шведы осаждали Копенгагенъ, или въ 1679 г., когда датскій адмиралъ Нильсъ Юэльсъ одержалъ блестящую побѣду надъ шведскимъ флотомъ въ Сундѣ. Въ то время, какъ датскій король Фредерикъ VI оставался вѣрнымъ союзникомъ Наполеона, даже послѣ 1812 г., шведы примкнули къ коалиціи противъ него. Вслѣдствіе этой комбинаціи 500-лѣтняя, почти, связь Даніи съ Норвегіей была порвана, и Швеція, какъ бы въ видѣ компенсаціи за Финляндію, заключила личную Унію съ Норвегіей.

II.

Шведско-Норвежская унія.

Учрежденіе университета въ Кристианіи въ 1811 г. ознаменовало собой начало новой эры для Норвегіи. До сихъ поръ, лучшія ея интеллигентныя силы отхлынули въ Копенгагенъ изъ-за отсутствія въ странѣ образовательнаго центра. Людвигъ Хольбергъ, Хенрикъ Стеффенсъ, Іоханъ Вессель, составляющіе гордость датской литературы, были родомъ норвежцы. Съ открытіемъ университета въ Норвегіи образовался свой культурный очагъ, у котораго скоро закипѣла умственная жизнь.

Уже въ 30-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія среди студенчества въ Кристианіи ясно обозначилось два теченія, вызванныя двумя типами норвежцевъ: западнымъ—земледѣльческимъ и восточнымъ—мореплавательнымъ. Первый ярко представленъ Бьернсономъ, второй—Ибсеномъ. Первый фанатически охранялъ своеобразность національной культуры и поэтому навлекъ на себя злую сатиру космополитически настроеннаго Ибсена въ «Перъ-Гинтѣ» (Доврскія чудища). Но, конечно, и та и другая партія явились строителями независимой Норвегіи, хотя темпъ и приемы ихъ были различны. Въ то время, какъ крестьянская интеллигенція обезпечивала самобытность нравовъ и языка (послѣднее очень важно въ виду долгаго господства датскаго литературнаго языка въ Норвегіи и близости послѣдняго къ норвежскимъ діалектамъ), городскіе дѣятели завязывали международныя сношенія, весьма важныя для будущаго признанія независимой Норвегіи.

Вообще, политической самостоятельности предшествовалъ небывалый дотолѣ расцвѣтъ культурной жизни Норвегіи. Рядъ талантливыхъ писателей, не говоря о всемірныхъ корифеяхъ Ибсенъ и Бьернсонъ, нашли себѣ восторженныхъ читателей во всѣхъ странахъ, гдѣ распространена грамотность,—назовемъ Александра Къелланда, Ионаса Ли, Арне Гарборга, Амалію Скрамъ. Музыка Эдварда Грига и Хальфдана Кьерульфа стала исполняться въ концертныхъ залахъ Европы и повсюду завоевывала себѣ сердца. Пейзажи Отто Синдинга и импрессионистскіе мотивы Эдварда Мунка приковывали къ себѣ вниманіе на художественныхъ выставкахъ. Наконецъ, полярная экспедиція Фрильофа Нансена обратила на Норвегію взоры тѣхъ, кто недоступенъ художественнымъ впечатлѣніямъ.

Къ концу прошлаго вѣка Норвегія стала пользоваться большою популярностью въ интеллигентныхъ кругахъ Европы, и политики, сознавшіе необходимость расторженія Уніи, могли смѣло рассчитывать на сочувствіе всего образованнаго міра въ своихъ притязаніяхъ.

Въ 1824 г. норвежскіе студенты праздновали день 10-лѣтія заключенія Уніи, придавая этому торжеству характеръ праздника національной свободы. Шведское правительство стало преслѣдовать это празднованіе 17 мая и достигло того, что около этого вопроса на нѣкоторое время сосредоточилась борьба норвежскихъ патріотовъ. Въ 1828 г. самъ король Карлъ Іоханъ пріѣхалъ въ Крістіанію, чтобы воспрепятствовать празднованію 17 мая. Но въ слѣдующемъ году празднованіе произошло при особо многочисленномъ стеченіи народа благодаря тому, что въ тотъ же день въ Крістіанію пріѣхалъ первый норвежскій пароходъ «Constitutionen». Были вызваны войска, чтобы разогнать толпу, и произошла свалка, прозванная «битвой на площади» и вызвавшая такое волненіе во всей странѣ, что король отказался отъ дальнѣйшихъ мѣропріятій противъ празднованія 17 мая.

Вскорѣ Норвегія стала добиваться весьма опредѣленныхъ признаковъ своей самостоятельности. Такъ въ 1838 г. торговому ея флоту разрѣшено было пользоваться своимъ флагомъ, снабженнымъ эмблемой Уніи. Черезъ 6 лѣтъ такой же флагъ былъ допущенъ и для военныхъ судовъ Норвегіи. Но велика была радость въ Норвегіи, когда въ 1899 г. имъ удалось отстоять «чистый» флагъ, снявъ съ послѣдняго эмблему Уніи.

Уступчивость, проявленная королемъ въ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, окрылила надежду норвежцевъ. Требованіе самостоятельныхъ представителей за границей въ лицѣ норвежскихъ консуловъ встрѣтило, однако, упорное сопротивленіе ко-

роля и шведскихъ его совѣтниковъ. Война на Скандинавскомъ полуостровѣ казалась неминуемой. Норвежцы возводили укрѣпленія у шведской границы, шведы готовились къ походу. Норвежскій стортингъ принялъ законопроектъ о консулахъ 23 мая 1905 г. Король отказался подтвердить его, и норвежскіе министры подали въ отставку. Выслушавъ докладъ премьеръ-министра объ этихъ происшествіяхъ, стортингъ *единогласно* и безъ преній принялъ слѣдующую резолюцію, предложенную председателемъ: «Принимая во вниманіе, что всѣ члены министерства отказались отъ своей должности, что Его Величество король объявилъ себя не въ состояніи образовать для страны другое министерство, что власть конституціоннаго короля такимъ образомъ перестала функционировать,—стортингъ уполномочиваетъ членовъ подавшаго въ отставку министерства временно исполнять власть, предоставленную королю, въ качествѣ «Норвежскаго Правительства» согласно конституціи Норвегіи и нынѣ дѣйствующимъ законамъ съ тѣми лишь измѣненіями, которыя вызываются распоряженіемъ личной Уніи со Швеціей, такъ какъ король прекратилъ свои функціи въ качествѣ норвежскаго короля».

Никогда еще объявленіе независимости государства не происходило съ меньшей помпой и болѣе дѣловито. Отвѣтомъ на эту резолюцію могло быть объявленіе войны со стороны Швеціи. Но Оскаръ II не пожелалъ воевать, предвидя, что кровопролитіе помѣшало бы примиренію братскихъ народовъ на долгіе годы. Вѣроятно и международная конъюнктура слагалась скорѣе въ пользу Норвегіи, чѣмъ Швеціи.

Грозовое облако, нависшее надъ Скандинавскимъ полуостровомъ, очень быстро разсѣялось. Въ августѣ и сентябрѣ того же года по четыре представителя обоихъ государствъ встрѣтились въ Карлстадѣ, гдѣ и рѣшили скрыть норвежскія укрѣпленія на шведской границѣ и образовать нейтральную зону между Швеціей и Норвегіей. Въ октябрѣ Оскаръ II официально отказался отъ норвежской короны, а 12—13 ноября путемъ плебисцита принцъ Карлъ, сынъ датскаго короля Фредерика VIII, былъ выбранъ королемъ самостоятельной Норвегіи и принялъ названіе Хоконъ VII (Гаконъ VII).

Для упроченія въ будущемъ союза скандинавскихъ государствъ расторгеніе шведско-норвежской Уніи имѣло громадное значеніе. Конечно, Норвегія расцвѣла и въ умственномъ и въ экономическомъ отношеніи во время дѣйствія Уніи, но съ теченіемъ времени наступилъ бы моментъ, когда Унія стала бы опасностью для согласія братскихъ народовъ. Правильно сказано въ прощальномъ адресѣ стортинга Оскару II: «Чувство солидарности

и добровольное соглашеніе цѣннѣе политическаго союза». Другими словами, прочна лишь та дружба, которая основывается на взаимномъ пониманіи и уваженіи свободныхъ единицъ, какъ людей, такъ и государствъ. Но подчиненіе и притѣсненіе рождаетъ ненависть и разрывъ.

III.

Кризисъ скандинавизма въ 1864 г.

Первая половина XIX вѣка протекала на сѣверѣ подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи—Шеллинга и Гегеля—и ознаменовалась высокимъ подъемомъ національнаго чувства, что, въ свою очередь, не могло не вылиться въ демонстраціи симпатій скандинавскихъ народовъ другъ къ другу. Къ тому же на сѣверѣ прибавился еще особый моментъ—оживленіе интереса къ древнесѣверной поэзіи и миѳологіи. Саги, Эдды, Вальхалла казались тогда символами скандинавскаго единства. Романтическая поэзія вдвухала въ отцвѣтшіе миѳы новую жизнь. Вотъ идейная подкладка, на которой происходили сближенія скандинавскихъ народовъ въ прошломъ столѣтіи.

Въ виду значенія поэзіи при оживленіи скандинавизма въ XIX столѣтіи не было простою случайностью, что главы шведскаго и датскаго романтизма протянули другъ другу руки и съ этого началось сближеніе скандинавовъ. Уже въ 1825 г. Тегнеръ, во время своего посѣщенія Копенгагена, поближе познакомился съ Эленшлегеромъ. Но въ 1829 г. въ день Ивана Купала сближеніе ихъ получило свое торжественное освѣщеніе. Въ Лундѣ происходило вѣнчаніе магистровъ, на которомъ присутствовали Тегнеръ, какъ проканцлеръ университета, а Эленшлегеръ, какъ гость. Въ древнемъ соборѣ Тегнеръ прочелъ стихотворное привѣтствіе собрату по Парнаксу и, вѣнчая его чело лавровымъ вѣнкомъ, провозгласилъ братство скандинавскихъ народовъ—«время раздоровъ прошло». Тогда Эленшлегеръ прочелъ свой стихотворный отвѣтъ, и послѣ многовѣкового перерыва въ Лундскомъ соборѣ опять раздались звуки датскаго языка. Черезъ нѣсколько дней Эленшлегеръ возвратился домой, но уже не одинъ—съ нимъ на пароходѣ ѣхалъ Тегнеръ и около 300 шведовъ. Теперь наступила очередь чествованія Тегнера; шампанское искрилось, рѣчамъ, музыкѣ и пѣнію не было конца, и оба поэта шествовали въ толпѣ подъ руку другъ съ другомъ, какъ живые символы примиренія скандинавскихъ народовъ.

Зимой 1837—38 гг. наступили столь суровые морозы, что проливъ, отдѣляющій островъ Сьелландъ отъ Швеціи, покрылся

прочнымъ льдомъ. Какъ извѣстно, на датскомъ берегу Сунда расположенъ Копенгагенъ, на шведскомъ—Мальмэ и недалеко отсюда университетскій городъ Лундъ. Какъ датскіе, такъ и шведскіе студенты захотѣли воспользоваться замерзаніемъ Сунда для посѣщенія своихъ коллегъ на противоположномъ берегу и встрѣтились на льду посреди Сунда. За этой встрѣчей послѣдовали другія, пока не сломался ледъ. Весною 1838 г. въ Лундѣ опять происходило торжественное вѣнчаніе докторовъ при участіи датскихъ студентовъ. Такъ установились періодическія сходки лундской и копенгагенской университетской молодежи. Въ 1842 г. впервые въ такой сходкѣ участвуютъ и норвежскіе студенты. Тогда было рѣшено отправиться въ слѣдующемъ году въ Упсалу, чтобы объединить всѣхъ скандинавскихъ студентовъ однимъ настроеніемъ. Мысль эта была осуществлена, и въ 1845 г. студенты уже всѣхъ трехъ странъ, собравшіеся въ Копенгагенѣ, клялись защищать сѣверъ противъ внѣшнихъ враговъ. Многие, оставаясь вѣрными своей клятвѣ, проливали кровь въ датскихъ войнахъ 1848 и 1864 годовъ.

Неправильно думать, что эти студенческія сходки были исключительно результатомъ юношескаго увлеченія. Во-первыхъ, параллельно съ ними происходили скандинавскіе сѣзды ученаго и экономическаго характера, какъ, напримѣръ, сѣзды естествоиспытателей, начиная съ 1839 г., а во-вторыхъ, въ этихъ студенческихъ сходкахъ участвовали популярныя поэты и публицисты, къ словамъ которыхъ прислушивались всѣ слои общества. Достаточно указать на шведскаго лирика Іохана Ньобума, отличнаго декламатора, предпринявшаго въ 1852—54 гг. турнэ по всей Швеціи, во время котораго онъ съ большимъ подъемомъ читалъ свои стихи. Или на шведа Оскара Патрика Стурценъ-Беккера, посвятившаго свое острое перо на служеніе интересамъ скандинавизма и основавшаго офиціозную газету «Öresunds-posten». Или на Карла Плоуга, популярнаго редактора копенгагенской газеты «Fädrelandet», сыгравшей огромную роль въ обработкѣ общественнаго настроенія Даніи до 1864 г.

Подъ вліяніемъ этихъ манифестацій и правительственныя сферы не могли остаться равнодушными другъ къ другу. Яркими доказательствами того, какъ скандинавизмъ бродилъ въ умахъ правителей, могутъ служить взаимоотношенія Оскара I и Фредерика VII. Въ іюнѣ 1856 г. въ Упсалѣ происходилъ очередной сѣздъ скандинавскаго студенчества, когда Оскаръ I охотно прислушивался къ планамъ Карла Плоуга о «политическомъ единеніи сѣвера». Въ сентябрѣ принцъ Наполеонъ (Plon-Plon), двоюродный братъ Наполеона III, предпринявшій какъ бы науч-

ную экспедицію къ сѣверному полюсу, встрѣтился со шведскимъ кронпринцемъ въ Кристіаніи и увѣрилъ его въ своемъ сочувствіи скандинавскому единенію. Отсюда принцъ Наполеонъ поѣхалъ въ Копенгагенъ и здѣсь дальше плелъ сѣть своей интриги, нити которой сходились въ Парижѣ. Въ теченіе зимы официальные и добровольные дипломаты такъ обработали соотвѣтствующія сферы, что Оскаръ I въ письмѣ отъ 27 марта 1857 г. предложилъ Фредерику VII союзъ съ Даніей и Шлезвигомъ. Но ослѣпленное датское правительство отклонило это предложеніе на томъ основаніи, что въ предполагаемомъ союзѣ не была включена Голштинія; а въ 1859 г. Оскара I уже не стало.

Датскій король Фредерикъ VII принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ монархамъ, къ которымъ современники относятся снисходительно за ихъ невмѣшательство въ правительственныя дѣла, и которыхъ потомство чтитъ за достигнутые во время ихъ царствованія результаты народнаго развитія. Фредерикъ VII любилъ хорошо поѣсть и попить, болталъ, хорошо выпивши, иногда очень милыя вещи, а иногда и вздоръ, носилъ съ достоинствомъ свой тучный корпусъ, мѣнялъ женъ и, два раза разведшись, женился на возлюбленной дѣтства, балеринѣ Расмуссенъ, и всѣми этими качествами и поступками осуществилъ идеаль монарха стараго добраго времени. Въ 1849 г. онъ «даровалъ» народу конституцію и умеръ въ 1863 г., раньше чѣмъ несчастье стряслось надъ Даніей.

Въ рукахъ Карла XV, занимавшаго шведскій престолъ 1859—72 г., идея скандинавизма приняла неожиданно окраску честолюбиваго замысла—захватить Данію, уступивъ Пруссіи Голштинію. Въ январѣ 1862 г. прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Бернсторфъ, писалъ послу въ Парижѣ, принцу Генриху Рейссу: «Очевидно, Карлъ XV хочетъ воспользоваться назрѣвающимъ конфликтомъ между нами и Даніей, чтобы немедленнымъ вмѣшательствомъ въ пользу Даніи овладѣть послѣдней и Шлезвигомъ и вступить въ соглашеніе съ нашимъ правительствомъ относительно этой *societas leonina*. Было бы очень интересно и важно знать, вообще ли и въ какой степени французскій императоръ укрѣплялъ или даже внушалъ ему подобные планы, а также, намѣренъ ли онъ въ случаѣ надобности поддержать его. Острова, пожалуй и Ютландію, можно было бы ему уступить, но ни въ коемъ случаѣ Шлезвигъ». Принцъ Рейссъ пишетъ такой знаменательный отвѣтъ: «Что Наполеонъ равнодушенъ къ шовинистическимъ планамъ Карла XV, не подлежитъ, кажется мнѣ, никакому сомнѣнію... Въ началѣ декабря императоръ сказалъ мнѣ, что вопросъ о герцогствахъ

получить свое простѣйшее рѣшеніе, если шведскіе планы осуществятся, такъ какъ Швеція, аннексировавъ Данію, не будетъ препятствовать соглашенію съ Германіей относительно Шлезвига; тѣмъ не менѣе для такого рѣшенія необходимо-де выждать моментъ перемѣны монарха въ Даніи и для окончательнаго улаженія этого дѣла или созвать европейскій конгрессъ, или предоставить все теченію событий».

Цитированная переписка, которую мы привели по книгѣ Халлендорфа (С. Hallendorff, *Illusioner och verklighet*, 1914), вскрываетъ намъ и основныя ошибки плановъ Карла XV: во-первыхъ, аннексія Даніи шла въ разрѣзъ съ ожиданіями идеалистически настроенныхъ приверженцевъ скандинавизма; во-вторыхъ, предполагаемый раздѣлъ Шлезвига, гдѣ часть населенія смѣшанная, а другая сплошь состоитъ изъ датчанъ, также глубоко долженъ былъ разочаровать всѣхъ скандинавскихъ патріотовъ. Такимъ образомъ, замыслы Карла XV, хотя и были рассчитаны на сочувствіе дѣятелей скандинавизма, должны были ихъ оттолкнуть. Тѣмъ не менѣе Карлъ XV пытался нащупать почву для осуществленія своихъ плановъ.

Въ концѣ іюля 1863 г. Карлъ XV предпринялъ путешествіе въ Сконе и въ Данію, посѣтилъ Фредерика VII, затѣмъ оба короля были въ гостяхъ у шведскаго посла, графа Хамильтона, наконецъ, датскій король гостилъ у шведскаго. Въ началѣ сентября гр. Хамильтонъ неожиданно былъ вызванъ изъ Копенгагена въ Стокхольмъ, а королевскій дворъ собрался на охоту въ Ульриксдалъ, поблизости шведской столицы. «Союзъ формально еще не заключенъ», писала популярная газета «*Aftonbladet*», «но несомнѣнно осуществится, какъ только будетъ достигнуто соглашеніе относительно нѣкоторыхъ менѣе важныхъ деталей». И дѣйствительно, посреди увеселеній, всегда сопровождавшихъ королевскую охоту, король 8 сентября послѣ обѣда устроилъ совѣщаніе при участіи гр. Хамильтона. Несомнѣнно, это совѣщаніе было посвящено вопросу о положеніи Швеции на случай вооруженнаго конфликта Германіи и Даніи. И также несомнѣнно, что планы Карла XV не нашли поддержки его министровъ. Поводовъ возражать королю было много: Швеція ждала реформы парламента, проведенной въ 1866 г.; финансы страны могли не позволить какихъ-либо авантюръ; но, помня только что описанное настроеніе скандинавовъ, развѣ шведское правительство остановилось бы передъ какими бы то ни было затрудненіями, если бы планы Карла XV оказались мало-мальски пріемлемыми для искреннихъ патріотовъ?

Черезъ два мѣсяца послѣ совѣщанія въ Ульриксдалѣ—

15 ноября 1863 г.—наступилъ желанный моментъ для вмѣшательства въ дѣла Даніи, о которомъ писалъ прусскій посолъ, принцъ Рейссъ: Фредерикъ VII скончался, не оставивъ прямого наслѣдника престола. Правда, по Лондонскому трактату 1852 г. великія державы признали наслѣдникомъ принца Кристиана Глюксбургскаго, впослѣдствіи короля Кристиана IX, но со стороны Шлезвига и Голштиніи свои притязанія на престолъ выставилъ принцъ Фридрихъ Августенбургскій. Эта кандидатура послужила поводомъ для столкновенія Пруссіи и Австріи въ 1866 г.

Теперь, когда Швеція и находящаяся съ ней въ личной уніи Норвегія отказались отъ поддержки Даніи противъ Германіи, послѣдняя рѣшила дѣйствовать: 21 января 1864 г. прусскія и австрійскія войска заняли Голштинію, 1 февраля перешли рѣку Эйдеръ и вступили въ Шлезвигъ, 18 апрѣля взяли штурмомъ укрѣпленную позицію датчанъ у Дюббеля, затѣмъ столь же быстро подчинили себѣ всю Ютландію и готовились перенести военное пламя на датскіе острова. Данія предпочла заключить перемиріе 19 іюля, а 1 августа подписала условія мира, по которому отказалась въ пользу Германіи отъ Шлезвига и Голштиніи.

Скандинавизмъ при соприкосновеніи съ дѣйствительностью разлетѣлся, какъ мыльный пузырьъ.

IV.

Скандинавскія страны и польское возстаніе 1863 г.

Кризисъ скандинавизма въ 1864 г. не въ малой степени объясняется также крушеніемъ политики Наполеона III по отношенію къ полякамъ. Въ Швеціи интересъ къ польскому вопросу всегда былъ очень великъ. Торговья сношенія шведовъ съ готами, жившими въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія на устьѣ Вислы, перешли и къ славянамъ Привислянскаго края. Часто затѣмъ шведы были военными союзниками поляковъ, а сынъ Густава Вазы, Іоханъ III, былъ даже женатъ на польской принцессѣ. Вотъ почему, помимо общечеловѣческаго возмущенія, раздѣлъ Польши вызвалъ живѣйшее участіе въ Швеціи. Во всѣхъ польскихъ возстаніяхъ боролось много шведовъ-добровольцевъ, хотя строгая цензура въ 1794 и 1831 гг. не позволяла шведскому обществу демонстрировать свое сочувствіе. Къ 1863 г. не только были сняты цензурныя путы, но и общественное сознаніе было настроено чутко и отзывчиво на всѣ освободитель-

ныя движенія. Скандинавизмъ и сочувствіе полякамъ звучали гармоничнымъ аккордомъ въ сердцахъ шведовъ.

Въ письмѣ отъ 2 февраля 1863 г., написанномъ какимъ-то Магнусомъ Б... въ Копенгагенѣ по адресу Александра Гютри (Guttry) и найденномъ при обыскѣ у гр. Яна Дзялыньскаго (Działyński) въ Познани прусскими властями, адресатъ извѣщается, что авторъ письма ѣдетъ въ Стокхольмъ. Цѣль поѣздки возбудить «тщеславныхъ шведскихъ патріотовъ» и вызвать движеніе въ Финляндіи, ожидаемое также «нашими друзьями» въ Петербургѣ. Желая заручиться поддержкой кого-нибудь изъ польскихъ главарей, авторъ пишетъ одновременно своему знакомому Лангевичу. Стокхольмскій его адресъ—Emil von..., членъ дворянскаго собранія (очевидно, финляндскій уроженецъ Эмиль фонъ Квантенъ). Наконецъ, авторъ предупреждаетъ, что будетъ въ иныхъ случаяхъ пользоваться и симпатическими чернилами.

Вскорѣ послѣ даты этого письма въ Стокхольмъ стали съѣзжаться польскіе эмигранты, среди которыхъ выдавался кн. Константинъ Чарторыскій, племянникъ Адама Чарторыскаго. 2 марта состоялся многочисленный митингъ въ помѣщеніи стокхольмской биржи, принявшій резолюцію, въ которой польскому народу желаютъ возстановленія «національной свободы и благъ автономіи». 14 марта въ дворянскомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ шведскаго парламента одновременно былъ внесенъ проектъ прошенія къ королю о томъ, чтобы «шведское правительство совместно съ другими государствами, подписавшими вѣнскій трактатъ 1815 г., дипломатическимъ путемъ поддержало возстановленіе Царства Польскаго». Проекты эти послѣ оживленныхъ преній были переданы въ комиссію по запросамъ. Не только эти громкія событія, но каждый шагъ кн. Чарторыскаго и его секретаря, «извѣстнаго патріота и историка Калинки», вызывали всеобщее вниманіе и оживленно комментировались въ печати. Всѣ знали, что князь былъ принятъ во дворецъ, и что король оказывалъ ему особое вниманіе. 27 марта былъ устроенъ общегражданскій банкетъ въ честь польскаго князя, на которомъ присутствовало болѣе 200 человѣкъ, представители парламента и биржи, редакторы газетъ, ученые (наприм., путешественникъ А. Норденшельдъ) и др. Банкетъ прошелъ сверхъ ожиданій и вылился въ горячія оваціи польскому народу и его блестящему представителю, кн. Чарторыскому.

Всѣмъ извѣстно, какъ жалко кончились эти бурныя манифестаціи и какъ правъ былъ кн. Чарторыскій, сознавшись передъ своимъ отъѣздомъ изъ Швеціи, что сдѣлалъ «des mauvaises affaires».

17 апрѣля 1863 г. представители Франціи, Англіи и Австріи, каждый въ отдѣльности, подали кн. Горчакову свою ноту въ защиту Царства Польскаго; черезъ нѣсколько дней послы Швеціи, Испаніи и Италіи послѣдовали ихъ примѣру, за ними другіе дипломаты; а кн. Горчаковъ, ссылаясь на манифестъ 31 марта, отвѣтилъ, что самъ государь уже принялъ соотвѣтствующія рѣшенія и что созваніе европейскаго конгресса для рѣшенія польскаго вопроса представляется ему совершенно излишнимъ. Кромѣ того, кн. Горчаковъ указывалъ въ своемъ отвѣтѣ и на то, что польскому народу будетъ оказана реальная услуга, если прекратятся всякія возбужденія извнѣ—*les excitations du dehors*.

Послѣдній намекъ былъ понятъ въ Швеціи даже какъ скрытая угроза, такъ какъ къ тому времени разыгрался эпизодъ, выходящій за предѣлы банкетнаго краснорѣчія. Въ концѣ марта 1863 г. въ Стокхольмѣ пріѣхалъ М. А. Бакунинъ подъ именемъ *Henri Soulie*, а 30 марта вечеромъ въ Мальмѣ сталъ на якорь англійскій пароходъ «*Ward Jackson*». Впослѣдствіи оказалось, что и Бакунинъ пріѣхалъ на этомъ пароходѣ, но въ Хельсингборгѣ сошелъ на берегъ и отправился въ Стокхольмъ, предоставивъ экспедицію своей судьбѣ. Капитанъ и экипажъ, состоящіе изъ англичанъ, побоявшись ответственности, сбѣжали въ Копенгагенъ, забравъ съ собою всѣ документы. По плану Бакунина и Юсифа Демонтовича, снарядившихъ эту экспедицію въ Лондонѣ, пароходъ долженъ былъ ѣхать на Полангенъ, откуда вспомогательный отрядъ долженъ былъ двинуться въ Ковенскую губернію. Ледъ будто бы помѣшалъ пароходу пристать къ русскому берегу. Власти въ Мальмѣ, куда «Уордъ Джексонъ» былъ привезенъ датскими моряками, потребовали его немедленнаго отплытія и, когда онъ задержался, арестовали пароходъ. На немъ оказалось: 3 пушки, 2500 ружей съ аммуниціей, 180 рядовыхъ и 26 офицеровъ, подъ начальствомъ полковника Лапинскаго. Въ Мальмѣ пріѣхалъ генераль гр. Г. А. фонъ Эссенъ, и по его приказанію, грузъ былъ секвестрованъ, а люди, пріѣхавшіе на пароходѣ, помѣщены въ гостиницахъ. 30 мая «Уордъ Джексонъ» ушелъ обратно въ Англію.

Польскому отряду шведское правительство дало 8000 риксдалеровъ (около 8000 рубл.), чтобы онъ только уѣхалъ, и послѣ безконечныхъ переговоровъ и промедленій поляки (ихъ осталось теперь только около 100 человѣкъ) 4 іюня уѣхали на датскомъ пароходѣ въ Копенгагенъ, за исключеніемъ 4 человѣкъ, изъ которыхъ «секретарь *Stephan Poles*» заслуживаетъ особаго вниманія. Дѣло въ томъ, что его считали предателемъ. Датскій лейтенантъ Георгъ Розенмюллеръ писалъ о немъ стокхольмскому

редактору Аугусту Сультману (Sohlman) изъ Копенхагена 1 іюня 1863 г.: «На всякій случай предупреждаю, что датчанинъ Стефанъ Полесъ (alias Rafael Tugendholt) выпущенъ на свободу по неисправимому легкомыслію господина Лапинскаго, послѣ того, какъ St—n'у удалось накрыть его благодаря особо счастливому стеченію обстоятельствъ. Этотъ Полесъ пытался освободиться отъ подозрѣній напыщеннымъ изліяніемъ въ «Snällposten», редакція которой во всей этой исторіи выказала неслыханную тупость и неприличіе. Демонтовичъ поѣхалъ вчера въ Мальмэ, чтобы сегодня отправить новую экспедицію... Демонтовичъ запретилъ Полесу участвовать въ этой новой попыткѣ добраться до Польши».

Въ дополненіе къ сему Розенмюллеръ пишетъ тому же адресату 6 іюня: «Экспедиція отплыла, какъ надѣются, удачно... Капитанъ весьма опытный и надежный человѣкъ. Господину Стефану Полесу не позволили участвовать въ экспедиціи, послѣднимъ его подвигомъ было устройство протеста противъ Чарторыскаго. Демонтовичъ уѣхалъ вчера въ Сёдертелье».

Демонтовичъ въ этой второй попыткѣ экспедиціи высадиться на русскій берегъ участія не принималъ и вообще остался въ Стокхольмѣ, надѣясь получить нѣкоторую сумму денегъ за конфискованное въ Мальмэ имущество. Видя, что всѣ политическіе его планы рушатся, Демонтовичъ занялся агентурой французскихъ винъ и мирно жилъ въ Стокхольмѣ до своей смерти, послѣдовавшей въ апрѣлѣ 1876 г.

Полковникъ Гюлленрамъ отправилъ 15 іюня шведскому королю изъ Висбю такую телеграмму: «Датская шхуна «Emelie», капитанъ Вилькенъ, стала на якорь вчера послѣ обѣда на рейдѣ Клинтехамна, не требуя лоцмана. На шхунѣ оказалось 88 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Лапинскаго. Еще до прибытія ленсмана, Лапинскій и нѣсколько офицеровъ вышли на берегъ. Они сообщили, что судно 11 дней тому назадъ вышло изъ Копенхагена, что отрядъ пытался высадиться гдѣ-то на русскомъ берегу, при чемъ нѣсколько человѣкъ утонули, и высадка была признана невозможной, что судно отправилось затѣмъ въ ближайшую гавань и прибыло въ Клинтехамнъ, гдѣ отрядъ желалъ бы отдохнуть нѣсколько дней, чувствуя себя больнымъ и изнуреннымъ отъ трудовъ. Всякое сношеніе между судномъ и берегомъ запрещено. Вызваны войска для поддержанія порядка. Жду предписаній правительства, которому отправлена телеграмма того же содержанія».

Теперь шведское правительство дѣйствовало болѣе энергично, чтобы избавиться отъ польской экспедиціи: 18 іюня воен-

ное судно «Orädd» прибыло въ Клинтехамнъ и въ тотъ же вечеръ отвезло Лапинскаго и 85 его воиновъ въ Англію. Только двое остались на Готландѣ, такъ какъ нуждались во врачебной помощи.

Такъ кончилась экспедиція послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ высадиться на русскій берегъ: въ первомъ случаѣ помѣшалъ ледъ, во второмъ—выяснилась невозможность высадки. О столкновѣніи отряда съ русскими войсками нигдѣ не говорится, хотя русское правительство знало о готовящейся экспедиціи уже 24 марта («Уордъ Джексонъ» оставилъ Англію 21 марта и 28 былъ въ Копенхагенѣ) и приняло свои мѣры. Даже Кронштадтъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Уже въ концѣ марта кн. Горчаковъ, какъ онъ тогда же признался шведскому посланнику въ Петербургѣ, зналъ «по сообщеніямъ изъ Лондона и другихъ мѣстъ», что экспедиція направится къ острову Готланду и что выгрузка оружія и аммуниціи будетъ производиться небольшими партіями. Значитъ, въ экспедиціонномъ отрядѣ былъ предатель, и всѣ участники были увѣрены въ томъ, что этотъ предатель Полесъ, настоящая фамилія котораго была Тугендхольтъ.

Въ письмѣ Кронхольма (Cronholm) редактору Сульману отъ 31 мая 1863 г. разсказано, что въ Мальмѣ, въ ресторанѣ «Свеа» произошла драка между Полесомъ и польскими офицерами, при чемъ Лапинскій пытался арестовать Полеса, которому, однако, удалось бѣжать въ Копенхагенъ. Лапинскій телеграфировалъ датской полиціи, обвиняя Полеса въ воровствѣ. Полиція задержала его, но отпустила, такъ какъ возведенное на него обвиненіе не могло быть доказано. Ясно, что въ этомъ письмѣ и описывается моментъ обличенія, упомянутаго въ письмѣ Розенмюллера отъ 1 іюня. Слѣдовало бы попытаться раздобыть экземпляръ «Snällposten», въ которомъ Полесъ напечаталъ нѣчто въ родѣ оправданія. Послѣднее возымѣло свое дѣйствіе, если не на земляковъ, то, во всякомъ случаѣ, на шведское общество. Особенно жалѣли Полеса дамы, восторгаясь его обаятельной внѣшностью. Въ цитированномъ выше письмѣ Кронхольма содержится такое мѣсто: «Полесъ всеобщій фаворитъ, въ особенности дамъ. Онъ находится въ отчаяніи изъ-за подозрѣнія, павшаго на него. Если онъ измѣнникъ, то это дѣйствительно рѣдкій примѣръ мерзости и притворства; если же онъ невиненъ, то заслуживаетъ всевозможной поддержки».

Какъ дамы относились къ Полесу, лучше всего характеризуетъ письмо знаменитой романистки и феминистки Фредерики Бремеръ отъ 11 іюня 1863 г. «Въ Мальмѣ», говорится тамъ между прочимъ, «я надѣюсь встрѣтить молодого Полеса—я была и

остаюсь убѣжденной въ его невиновности». Шведскій министр юстиціи Де-Гэръ (De Geer) засвидѣтельствовалъ, что Полесъ «интриговалъ, пользуясь своей красивой наружностью и обходительностью съ дамами». Халлендорфъ, изъ книги котораго я заимствовалъ новыя данныя о Бакунинской экспедиціи, намекаетъ на аристократическую даму, въ салонѣ которой бывали вліятельныя политическіе дѣятели. Къ ней Полесъ втерся въ довѣріе и даже получилъ доступъ къ ея корреспонденціи. Ходили слухи о томъ, что Полесъ намѣренъ выпустить какой-то памфлетъ. Когда Полесъ нѣсколько лѣтъ спустя скончался въ Лондонѣ, изъ Швеціи былъ сдѣланъ запросъ относительно его бумагъ. Куда дѣлись бумаги Полеса, Халлендорфъ не знаетъ.

Въ приведенномъ уже письмѣ Розенмюллера отъ 6 іюня 1863 г. говорится, что Полесъ устроилъ какой-то протестъ противъ Чарторыскаго. Не слѣдуетъ ли понимать это указаніе такъ, что Полесъ дѣйствовалъ отъ имени или какъ бы въ интересахъ третьяго лица. Но кому изъ друзей Польши было важно бороться съ вліяніемъ Чарторыскаго? Опять приходится называть авантюриста, котораго мы встрѣчаемъ во всѣхъ интригахъ данной эпохи, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ—принца Наполеона, двоюроднаго брата Наполеона III. Извѣстно, что онъ спекулировалъ и на польскій престолъ, нужно думать, съ согласія императора. Что Полесъ очень дорожилъ благорасположеніемъ французскаго правительства видно изъ услуги, оказанной ему Фредерикой Бремеръ. Полесу нужно было обѣлить себя въ глазахъ французскаго посла отъ подозрѣнія, что онъ пытался завязать сношенія съ итальянскимъ посломъ въ Стокхольмѣ. Для этой цѣли Фредерика Бремеръ пригласила къ себѣ обоихъ пословъ, Полеса и нейтральное лицо, Терсмедена, друга итальянскаго посла. Цѣль всей этой «mise en scène au bénéfice d'une innocence offensée», какъ Терсмеденъ иронически называетъ эту встрѣчу, заключалась въ томъ, чтобы итальянскій посолъ подтвердилъ, что Полесъ не оставилъ у него карточки. Это случилось 18 февраля 1864 г. и рассказано въ письмѣ Терсмедена извѣстному политическому дѣятелю Висельгрёну, написанномъ на другой день послѣ посѣщенія Фредерики Бремеръ.

Такимъ образомъ личность Полеса принадлежитъ къ тѣмъ тайнымъ правительственнымъ агентамъ, природная или благопріобрѣтенная виртуозность которыхъ не удовлетворяется исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей. Поэтому они ищутъ себѣ «работы» и со стороны, не стѣсняясь возможностью столкновенія интересовъ, ими обслуживаемыхъ. А чтобы спросъ на ихъ услуги не сократился, они сами содѣйствуютъ тѣмъ начинаніямъ,

искоренить которыя они призваны. Такъ и Бакунинская экспедиція не обошлась безъ поощренія съ той стороны, откуда помощь была вовсе нежелательна, но на неудачу обречена была не столько изъ-за болѣе чѣмъ своевременно принятыхъ мѣръ противодействія, сколько изъ-за практической неподготовленности лицъ, стоящихъ во главѣ такого сложнаго дѣла. Полесь же «срѣзался», но, нисколько не унывая, мѣняетъ фронтъ и готовитъ протестъ противъ прежнихъ своихъ «друзей». Но и новые господа не довѣряютъ ему, какъ показываетъ вынужденное объясненіе итальянскаго посла, и въ концѣ концовъ въ его невиновности убѣждены однѣ дамы, и то лишь идеалистки въ родѣ Фредерики Бремеръ.

Неудачное дипломатическое выступленіе, волненіе изъ-за фантастической вспомогательной экспедиціи, опереточный эпилогъ съ Полесомъ сильно скомпрометировали въ глазахъ трезво разсуждающихъ людей-кружокъ лицъ, явившихся оплотомъ полонофильства. Такъ какъ тѣ же лица были и главными дѣятелями скандинавизма, то крушеніе польскихъ мечтаній подорвало вообще энтузіазмъ шведскаго общества. Правда, когда германскія войска напали на Данію, въ салонѣ Де-ля-Круа въ Стокгольмѣ состоялся митингъ 6 марта 1864 г., но принятая имъ резолюція говорила лишь о готовности шведскаго народа «ко всѣмъ жертвамъ, которыя будутъ вызваны совмѣстнымъ выступленіемъ сѣверныхъ государствъ», а пьяная толпа, долженствовавшая придать митингу характеръ всенародной манифестаціи, своими эксцессами окончательно ослабила впечатлѣніе, могущее быть произведеннымъ выраженіемъ шведскими скандинавистами сочувствія Даніи.

V.

Возрожденіе скандинавизма на демократическихъ началахъ.

Въ развитіи скандинавизма наблюдаются три стадіи, отличающіяся другъ отъ друга широтой народной базы. Кальмарская унія и шведско-норвежская унія представляютъ собой первую стадію, гдѣ монархи, не справляясь о желаніи своихъ подданныхъ, пытаются установить единеніе скандинавскихъ государствъ. Въ обоихъ случаяхъ воля монарховъ наталкивается на проснувшееся самосознаніе народовъ и должна отказаться отъ своихъ затѣй. Въ движеніи, предшествующемъ 1864 г., мы уже можемъ констатировать наличность общественнаго элемента. Но широкія массы населенія дѣятельнаго участія въ этой вспышкѣ не принимали, да и не могли принять, такъ какъ еще не были

допущены на политическую арену. Въ Даніи конституція 1848 г. едва успѣла вступить въ жизнь и сама по себѣ не обезпечивала торжества демократическихъ партій—послѣднія подняли голову только послѣ разгрома Даніи, послѣ страшнаго крушенія, къ которому привелъ государственный корабль курсъ, взятый подъ давленіемъ національ-либераловъ. Въ Швеціи борьба за реформу парламента къ срединѣ XIX вѣка увѣнчалась побѣдой, но не успѣла еще дать реальныхъ результатовъ къ 1864 г. Наконецъ, Норвегія не окрѣпла экономически и въ смыслѣ сознанія своей потенціальной силы. Такимъ образомъ, скандинавизмъ, разбившійся въ 1864 г., былъ дѣломъ сравнительно небольшихъ и главное безотвѣтственныхъ группъ населенія—студентовъ, ученыхъ, поэтовъ, журналистовъ и активныхъ и пассивныхъ любителей краснорѣчія. Редакція «Fädrelandet» въ Копенгагенѣ и «Aftonposten» въ Стокхольмѣ вели себя такъ, какъ будто помимо нихъ нѣтъ другого правительства въ странѣ, и въ этомъ ихъ укрѣпляли короли—жизнерадостный Фредерикъ VII и тщеславный Карлъ XV. Министры же безшумно дѣлали свое дѣло: датскіе—своимъ упорствомъ и неумѣніемъ считаться съ реальными величинами доведя свою страну до безнадежнаго вооруженнаго конфликта, шведскіе—жертвуя внѣшними авантюрами въ пользу внутренняго строительства.

Если разгромъ Даніи 1864 г. еще оставилъ бы какія-нибудь надежды у скандинавистовъ, то разгромъ Франціи въ 1870—71 г. окончательно разсѣялъ ихъ. Въ Швеціи только теперь стали понимать, какъ необдуманно были требованія шовинистовъ. Шведская оборона въ сравненіи съ прусской находилась въ плачевномъ состояніи, но когда Карлъ XV въ 1865 г. представилъ парламенту проектъ военной реформы, онъ встрѣтилъ отпоръ и недовѣріе. Съ другой стороны, стали бояться, что Данія, лишившись Шлезвига и Голштиніи, не сможетъ существовать и распадется такъ, что Юлландъ (датская часть Ютландіи) прикнетъ къ Германскому союзу, а острова будутъ тяготѣть къ шведско-норвежской уніи.

На самомъ дѣлѣ опасенія за Данію не оправдались. Разгромъ пробудилъ энергію маленькаго народа и заставилъ его отъ словъ и мечтаній перейти къ дѣлу. Инженеръ Дальгасъ основалъ «Датское степное общество», которое принялось культивировать безплодныя степи въ Юлландѣ и, расширивъ поверхность воздѣлываемой почвы, стало снабжать безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли. Въ лицѣ Карла Титгена Данія обрѣла финансоваго дѣятеля крупнаго масштаба; благодаря его иниціативѣ были основаны слѣдующія

акціонерныя предпріятія: Соединенное датское пароходное общество, Сѣверное телеграфное общество, Датскіе сахарные заводы, Датскіе спиртные заводы, Пивоваренные заводы Туборга, Телефонное общество и др. Оживившіяся торговыя сношенія съ Англіей вызвали, въ зависимости отъ спроса лондонскаго рынка, переходъ отъ простого земледѣлія къ скотоводству, свиноводству, куроводству и маслодѣлію, т.-е. къ болѣе интенсивной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны. Наконецъ, высшія народныя школы, впервые по идеѣ Николая Грундтвига основанныя въ Даніи, подготовили кадръ просвѣщенныхъ крестьянъ, вступившихъ въ упорную борьбу съ помѣщицкой партией національ-либераловъ и, конечно, не безъ содѣйствія рабочихъ и радикальныхъ партій горожанъ, достигшихъ того, что въ послѣднемъ риксдагѣ въ Нижней палатѣ оказалось всего 7 правыхъ.

Еще у датчанъ теплилась, правда, очень скромная надежда не на реваншъ, но на исправленіе допущенной несправедливости. При заключеніи мира Данія, кромѣ областей съ нѣмецкимъ населеніемъ, должна была уступить датское населеніе въ 200,000 человекъ. Это та часть Шлезвига, которая посылаетъ въ германскій рейхстагъ датчанина-депутата и зовется въ Даніи Южнымъ Юлландомъ, насчитывающимъ еще теперь, послѣ суроваго прусскаго режима, 133,000 датчанъ. При заключеніи Пражскаго мира въ 1866 г. Наполеонъ III настоялъ на включеніи въ пятый пунктъ договора оговорки насчетъ датскихъ областей Шлезвига: народный плебисцитъ долженъ былъ рѣшить, должны ли эти области принадлежать Пруссіи или Даніи. Исходъ франко-прусской войны позволилъ Бисмарку игнорировать этотъ пунктъ договора, но датчане его не забыли и навѣрно напомнятъ о немъ, когда будутъ обсуждаться условія мира послѣ окончанія нынѣшней войны.

Вопросъ о сородичахъ, страдающихъ подъ прусскимъ игомъ, заставлялъ датчанъ бдительно слѣдить за настроеніями въ европейской политикѣ. Бракосочетанія датскихъ принцессъ съ Эдуардомъ VII и Александромъ III отвѣчали какъ коммерческой, такъ и политической оріентаціи Даніи. Наконецъ, острое чувство обиды, вызванное «предательствомъ» Швеціи въ 1864 г., стало уступать пониманію истиннаго положенія вещей. Ростъ демократическаго движенія въ Швеціи и Даніи, вылившійся во введеніе всеобщаго избирательнаго права и въ установленіе парламентаризма, заставило забыть политическія ошибки, совершенныя безотвѣтственными правительствами.

Шведско-Норвежская унія бросала нѣкоторую тѣнь на швед-

ско-датскія отношенія, такъ какъ въ стремленіи Норвегіи къ расторженію уніи симпатіи Даніи были на ея сторонѣ, что не могло не раздражать Швецію. При выборѣ норвежскаго короля въ Швецію были обижены той готовностью, съ которой принцъ Карлъ принялъ предложенную ему корону. Но со вступленіемъ на престолъ Густава V разсѣялось и это недовольство, а со смертью датскаго короля Фредерика VIII въ 1912 г. сошелъ въ могилу свидѣтель событій 1864 г., таящій въ своей душѣ горькое воспоминаніе. Такимъ образомъ, къ началу міровой войны были уничтожены прежнія препятствія къ союзу скандинавскихъ государствъ: всѣ три страны могли итти навстрѣчу другъ другу, какъ равныя и независимыя единицы; во главѣ каждой страны стоялъ монархъ, совершенно свободный отъ устарѣлыхъ традицій и разбитыхъ надеждъ; каждый изъ этихъ монарховъ могъ опираться на отвѣтственное правительство и народное представительство, созданное по всеобщему избирательному праву ¹⁾. Если Кальмарская унія и Шведско-Норвежская унія были актами отдѣльныхъ лицъ, а проектируемый союзъ Даніи со Шведско-Норвежской уніей лишенъ былъ демократической основы, то новое сближеніе, начатое конференціей трехъ скандинавскихъ королей въ Мальмѣ 5—6 (18—19) декабря 1914 г., является третьей стадіей скандинавизма. Короли, привѣтствовавшіе народъ съ балкона, были встрѣчены восторженными криками: «Да здравствуетъ унія!» Эти крики нашли свой откликъ во всѣхъ трехъ скандинавскихъ странахъ и ближайшее будущее покажетъ, что идея скандинавизма наконецъ-то, послѣ ряда неудачныхъ опытовъ, выльется въ прочную форму, основанную на справедливости и на широкихъ демократическихъ началахъ.

К. Тиандеръ.

¹⁾ Послѣднее въ Даніи еще не принято, но уже теперь оппозиція справа въ Фолькетингѣ сведена почти что къ нулю.

Словацкій и его борьба съ Мицкевичемъ.

Эпизодъ изъ исторіи польской литературы.

I.

Въ началѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ университетскомъ городѣ Вильнѣ особымъ блескомъ отличался салонъ профессора Бекю. Болѣе свѣтскій, чѣмъ ученый, человекъ, элегантный и остроумный, французъ по происхожденію, проф. Бекю былъ на хорошемъ счету у начальства, вращался въ кругу высшихъ представителей русской администраціи—Пеликана и Новосильцева, что не мѣшало ему вначалѣ принимать у себя представителей передовой польской молодежи. Въ его домѣ можно было видѣть начинающихъ польскихъ литераторовъ и поэтовъ: Одынца, Александра Ходзько, Корсака, иногда и Адама Мицкевича. Остроумные свѣтскіе разговоры звучали здѣсь по вечерамъ, читались произведенія молодыхъ поэтовъ; иногда слышались и болѣе серьезныя пренія изъ угла, гдѣ сидѣли Іоахимъ Лелевель, Леонъ Боровскій, братья Снядецкіе—представители зрѣлаго поколѣнія тогдашней польской интеллигенціи. Душою салона была молодая жена профессора—пани Саломея и его дочери отъ перваго брака—Александра и Герсилія. Межъ интересныхъ гостей постоянно терся красивый, нѣжный, выхоленный, но слабый, мальчикъ-гимназистъ—изящное тепличное растеніе богатаго дома. Пренебрегая обществомъ товарищей, онъ вслушивался въ бесѣды взрослыхъ, всѣми ласкаемый и всѣхъ восхищавшій своимъ развитіемъ, и съ лихорадочнымъ вниманіемъ слушалъ чтеніе стиховъ. Одынецъ, которому Мицкевичъ поручилъ наблюденіе за печатаніемъ перваго тома своихъ «Балладъ и романсовъ», принесъ сегодня свѣжія корректуры, пахнушія типографской краской, и началъ читать простыя, хватающія за душу, романтическія строфы. Нѣжный мальчикъ слушаетъ жадно, вытверживаетъ наизусть стихи еще мало извѣстнаго поэта и весь проникается его обаяніемъ. Этотъ мальчикъ—пасынокъ профессора Бекю, сынъ его

жены отъ перваго брака, единственный «маменькинъ сыночекъ», баловень семьи,—будущій геніальный поэтъ Юлій Словацкій.

Онъ смутно помнитъ своего отца, котораго потерялъ въ пятилѣтнемъ возрастѣ, но живо помнитъ берега Иквы на Волыни съ романтическими развалинами замка въ Кременцѣ, гдѣ протекло его дѣтство, и гдѣ онъ, въ костелѣ, просилъ у Бога какихъ угодно страданій въ жизни и безсмертной славы послѣ смерти. Молитва мальчика была услышана—жалкая жизнь и загробная слава были ему суждены, но не такъ-то легко было съ этимъ помириться.

Но въ дѣтствѣ все ему улыбалось: блестящія способности, быстрое развитіе, ласки любящей матери и ея двухъ падчерицъ, интеллигентная среда, соприкосновеніе съ литературнымъ міромъ,—казалось, все ему благопріятствовало; съ нимъ носились, его называли Байрономъ; не доставало только элемента страданія; но дѣло за этимъ не стало, гимназистъ влюбился въ подругу своихъ сводныхъ сестеръ—Людвигу Снядецкую, и она не отвѣтила ему взаимностью: ея сердце принадлежало «москалю» Корсакову, сыну виленскаго генераль-губернатора. Однако, въ сферѣ этихъ идеальныхъ страданій Юлію не пришлось долго оставаться. Съ безоблачнаго неба грянулъ громъ, разразилась гроза, но юноша, къ своему несчастію, не сумѣлъ понять значенія этой грозы. Весь живя въ мірѣ воображенія, онъ не успѣлъ установить самостоятельнаго отношенія къ тому, что совершалось кругомъ.

А совершалось вотъ что. Началась «руссификація». Сенаторъ Новосильцевъ, вторя реакціи, начинавшейся въ Петербургѣ, счелъ долгомъ найти нѣчто «политическое» у себя въ Вильнѣ, открыть «государственную измѣну» тамъ, гдѣ ея не было. Круги польской молодежи, «филареты» и «филоматы», какъ самое названіе показываетъ, преслѣдовали цѣли научныя и моральныя, но на нихъ-то устремилась подозрительность русскаго сенатора, этого перваго «руссификатора» Польши. Какъ это повторялось и впослѣдствіи, «руссификація» привела къ обратнымъ результатамъ: раздула огонь, готовый погаснуть, повлекла за собою массу бесплодныхъ жертвъ, заставила поляковъ глубже сознать свой сепаратизмъ. Начались обыски, аресты. Старинные виленскіе монастыри превращены были въ тюрьмы, въ которыхъ томились молодые люди во главѣ съ Заномъ, Чечотомъ и Адамомъ Мицкевичемъ. Затѣмъ послѣдовали закрытіе школъ, ссылки въ мѣста не столь отдаленныя. Мицкевичъ очутился въ Россіи и никогда болѣе не видѣлъ родины.

Общество, собиравшееся въ домѣ Бекю, распалось. Карьеристъ-профессоръ предпочелъ остаться приближеннымъ Новосильцева, чѣмъ портить себѣ карьеру сочувствіемъ «незрѣлымъ

умамъ». Пани Саломея, далекая отъ общественныхъ вопросовъ, чувствительная читательница романовъ, была далека отъ оппозиціи мужу; тѣсныя дружескія отношенія, которыя связывали ее съ семьей Пеликана, дѣятельнаго сотрудника Новосильцева, ничуть не пострадали отъ происходившаго тогда процесса «филаретовъ». Въ этихъ кругахъ составлено было вполне опредѣленное мнѣніе о происходящихъ событіяхъ, и это мнѣніе безъ критики принялъ юный Юлій Словацкій. Въ это время умеръ его отчимъ, убитый ударомъ грома. Пани Саломея перенесла нервную болѣзнь и жила еще нѣкоторое время въ Вильнѣ, поддерживая самыя тѣсныя связи съ семьей Пеликана и съ тѣми профессорами, которые смѣнили удаленныхъ за неблагонадежность: каведру исторіи въ виленскомъ университетѣ, вмѣсто Лелевеля, занялъ Павелъ Кукольникъ... Въ такой сферѣ возрасталъ будущій патріотъ.

Переломъ въ душѣ Словацкаго однако, наступилъ, хотя поздно: его, какъ мы видѣли, не вызвали грозныя событія; онъ наступилъ послѣ отъѣзда матери изъ Вильно къ ея родителямъ на Волыни въ 1827 г. Словацкому было тогда 18 лѣтъ, онъ былъ студентомъ юридическаго факультета (по выбору матери, желавшей для сына карьеры); и онъ остался наконецъ наединѣ съ собою, ушелъ изъ-подъ крылышка матери.

Настала пора самоопредѣленія для юноши. Изъ родного дома онъ вынесъ изящныя манеры, аристократическое презрѣніе къ толпѣ, широкое литературное образованіе, развитый художественный вкусъ; все это могло имѣть значеніе при наличности поэтическаго таланта, который юноша чувствовалъ и сознавалъ въ себѣ. Но женское общество, слѣпая материнская любовь сдѣлали свое дѣло: онъ былъ изнѣженнымъ, тепличнымъ растеніемъ, чуждымъ дѣйствительной жизни; принциповъ и убѣжденій не было никакихъ; воля была совершенно атрофирована постоянной опекой; и, въ довершеніе всего, неумѣренныя похвалы окружающихъ развили въ юношѣ мучительное тщеславіе, не дававшее ему покою. Эти черты опредѣлили собою его дальнѣйшую жизнь.

О внутренней его жизни въ этотъ періодъ мы имѣемъ мало свидѣтельствъ. Его внѣшней жизнью попрежнему руководитъ мать издалика, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наталкивается на оппозицію, свидѣтельствующую о внутренней работѣ, совершавшейся въ молодомъ поэтѣ. Подчиняясь общему руководству матери, Словацкій начинаетъ выгораживать для себя одно: одиночество. Мать предполагала поселиться съ нимъ, по окончаніи университета, въ Варшавѣ, гдѣ нашла для него выгодное мѣсто въ казенномъ учрежденіи, а также хотѣла со-

вершить съ сыномъ путешествіе за границу. Поступивъ на скучную службу по желанію матери и ничего не имѣя противъ заграничнаго путешествія, Словацкій настоялъ на одномъ—на отдѣльномъ жительствѣ. Можетъ-быть, инстинктивно юный поэтъ чувствовалъ ту опасность, которая грозитъ его личности отъ материнскаго крылышка, а можетъ быть, и созналъ тотъ вредъ, который принесла ему мать,—во всякомъ случаѣ нельзя этого желанія одиночества объяснять однимъ байронизмомъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые польскіе біографы.

Вдуматься въ окружающую жизнь, въ общественныя и политическія отношенія, установить собственное отношеніе къ жизни, сразу было невозможно благовоспитанному юношѣ. На первыхъ порахъ онъ созналъ себя поэтомъ, служителемъ искусства. Занялся было живописью, но потомъ ушелъ въ поэзію. Въ Варшавѣ, пренебрегая служебными обязанностями, онъ начинаетъ творить. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Мицкевича и отраженнымъ Байрона, возникаетъ рядъ поэмъ и драмъ («Гуго», «Монахъ», «Арабъ», «Янъ Бѣлецкій», «Миндове». «Марія Стюартъ»), повѣствующихъ о страстяхъ и переживаніяхъ, знакомыхъ автору только понаслышкѣ... Самъ онъ еще ничего не пережилъ; не вылить свою душу онъ чувствуетъ потребность, а вылить свой талантъ. А между тѣмъ событія не ждутъ, пока онъ опредѣлитъ свое отношеніе къ жизни: онъ не успѣваетъ напечатать своихъ произведеній,—разражается возстаніе 1830 года и застаётъ его врасплохъ. Оказывается, что его романтическія поэмы не нужны, а нужно что-то другое. Гражданское чувство впервые его захватываетъ,—и онъ отзывается на событія революціонными стихотвореніями, доставляющими ему мимолетную извѣстность.

Революціонныя пѣсни обязываютъ. Это понялъ Словацкій, когда въ Варшавѣ послѣ первыхъ взрывовъ энтузіазма настали дни тревоги и печали. Русская армія приближалась, и польская молодежь вооружалась для отчаянной борьбы. И авторъ зажигательныхъ гимновъ почувствовалъ себя лишнимъ. Его изнѣженность и слабое сложеніе не позволяли ему стать воиномъ. Изъ его словъ мы знаемъ, что онъ пытался быть полезнымъ въ другомъ отношеніи, но его услугъ не приняли. Онъ пережилъ мучительные дни, не зная, что съ собою дѣлать. Конечно, будь сильнѣе въ немъ воля, будь цѣльнѣе его энтузіазмъ, онъ нашелъ бы себѣ дѣло. Но непосредственности въ немъ не было: съ дѣтства онъ привыкъ смотрѣть на себя со стороны, привыкъ къ самолюбованію, и слишкомъ ясно сознавалъ, что кровавая борьба не его дѣло.

Рѣшающее значеніе имѣла для него опять-таки направляющая рука матери: онъ получилъ отъ нея денежный переводъ въ дрезден-

скій банкъ. Мать краснорѣчиво указала ему исходъ—выѣздь за границу. Этотъ исходъ улыбался ему самому, но смутно было на его душѣ, когда онъ покидалъ несчастную родину въ началѣ марта 1831 года. Изъ Дрездена онъ писалъ матери: «я выѣхалъ ночью. Грустно мнѣ было; казалось мнѣ, что я убѣгаю, и теперь еще я не въ ладахъ со своею совѣстью...» Обращаясь къ своему зятю, Т. Янушевскому, онъ пишетъ еще въ іюлѣ: «Милый Теофилъ, если хочешь пощадить меня, пусть въ твоихъ письмахъ не появляется такая иронія, какъ въ послѣдней припискѣ. Я хотѣлъ, но не могъ быть полезнымъ. Я предлагалъ свои услуги въ дипломатическомъ бюро; мой большой нѣкогда покровитель Х. сейчасъ хотѣлъ мнѣ дать жалованье; я не принялъ его, что же... тамъ были графы—я переписывалъ. Мнѣ даже не дали права думать, что я былъ полезенъ, что могъ имъ быть когда-либо... Неясности, пропуски и условный конспиративный языкъ его писемъ къ матери не даютъ намъ болѣе конкретнаго представленія.

Угрызенія совѣсти не мѣшаютъ ему, однако, интересоваться Дрезденомъ и любоваться собой. Ему льститъ замѣчаемая имъ популярность среди соотечественниковъ, видѣвшихъ въ немъ революціоннаго поэта. Онъ видитъ, что другіе въ немъ не видятъ бѣглеца; мало того, онъ становится полезенъ: народное правительство даетъ ему почетное дипломатическое порученіе—вручить важныя бумаги маршалу Груши, котораго поляки просили стать во главѣ польской арміи. Словацкій ѣдетъ въ Лондонъ, исполняетъ миссію, а оттуда ѣдетъ въ Парижъ, куда съ каждымъ днемъ прибывали послѣ неудачи возстанія польскіе эмигранты. И здѣсь Словацкаго встрѣтили привѣтливо. Его дѣтски радовала пріобрѣтенная популярность и, какъ видно изъ его писемъ, быстро залѣчила раны его гражданской совѣсти.

Но тутъ-то начинается трагедія поэта-художника, жреца чистаго искусства, живущаго въ эпоху, когда его искусство никому не нужно.

II.

Не надо забывать, что Словацкій съ дѣтства грезилъ о славѣ молилъ у Бога всевозможныхъ страданій въ жизни за безсмертіе, служилъ одной славѣ, съ помощью любящей матери развилъ въ себѣ непомерное тщеславіе и безъ славы не могъ себѣ представить жизни. Въ то время, когда всѣ польскіе умы и сердца были полны скорбью объ отчизнѣ, Словацкій думалъ о поэзіи и славѣ, и въ лучшемъ случаѣ въ гибели отчизны видѣлъ только темы для поэтическихъ произведеній.

Популярность послужила огромной пищей его тщеславію. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ его письма къ матери, изъ которыхъ привожу цитаты. Чтобы подборъ цитатъ не показался пристрастнымъ, укажу и на смягчающія обстоятельства. Словацкій былъ разлученъ съ любящей и любимой матерью и не зналъ, увидится ли онъ съ нею. Въ письмахъ онъ старался сообщать ей всѣ подробности о себѣ, чтобы смягчить горечь разлуки, съ той же цѣлью онъ сообщаетъ о всѣхъ своихъ успѣхахъ, пріятныхъ материнскому сердцу и тщеславію. О политикѣ не было возможности ясно и подробно говорить и приходилось пользоваться условнымъ языкомъ. Но съ другой стороны, для того, чтобы сообщать всѣ тѣ мелочи о своихъ успѣхахъ, о которыхъ докладываетъ Словацкій, нужно умѣть особенно заниматься собою; а къ условному языку для сообщеній общаго характера поэтъ прибѣгаетъ такъ рѣдко, что, очевидно, это его меньше интересуетъ, чѣмъ его собственная особа. Наконецъ, онъ не только удовлетворяетъ материнскому тщеславію, но потворствуетъ ему. Ему не тошно отъ восторговъ матери: онъ самъ восторгается собою.

Замѣтивъ благосклонное къ себѣ отношеніе эмигрантовъ, Словацкій рассчитывалъ на успѣхъ своей поэзіи и приступилъ къ печатанію своихъ поэмъ, прерванному въ Варшавѣ возстаніемъ. Въ Парижѣ онъ предвкушаетъ грядущій успѣхъ.

«Видите сами»,—пишетъ онъ матери и роднымъ 20 ноября 1831 г.,—«видовъ у меня нѣтъ никакихъ, кромѣ этой несчастной поэзіи; неужели эта надежда, единственная надежда моей жизни, меня обманетъ? Иныхъ сновъ величія у меня не было, иной карьеры я не чаялъ, когда по небольшому отрывку я былъ извѣстенъ всѣмъ полякамъ въ Парижѣ и Дрезденѣ, когда еще донинѣ всякій, знакомясь со мной, восклицаетъ: А, это авторъ «Богородицы»! (Заглавіе революціоннаго гимна Словацкаго). Чего же мнѣ ждать въ будущемъ? По крайней мѣрѣ, не забвенія»...

«Съ здѣшними поэтами»,—пишетъ онъ спустя три недѣли,—«не смѣю и не хочу знакомиться: будучи неизвѣстенъ, я бы страдалъ, не имѣя возможности занять среди нихъ подобающее мнѣ мѣсто»...

7 марта 1832 года онъ сообщаетъ, что написалъ оду по-французски, которая доставила ему славу, но только среди поляковъ, потому что онъ ея не напечаталъ; что за другую оду, написанную по-польски, 200 поляковъ публично постановили поднести ему перстень, какъ пѣвцу прошлогднихъ событій; что онъ нашелъ себѣ издателя, «который будетъ моимъ издателемъ всегда, какъ Муррей—Байрона, и будетъ меня надувать»; что въ одномъ

обществѣ нѣкій Скибицкій сказалъ, «что Польша, имѣя меня, не будетъ завидовать Англіи Байрона».

13 апрѣля онъ рассказываетъ, что на одномъ собраніи, гдѣ читали французскіе стихи, предсѣдатель, «обращаясь къ собранію, заявилъ, что общество упростило *величайшаго изъ польскихъ поэтовъ* декламировать по-польски, и потому онъ предлагаетъ г. С. занять мѣсто»... Въ томъ же письмѣ еще нѣсколько сообщеній: его собираются переводить на англійскій языкъ; «видишь, милая мать, я буду сразу фигурировать въ двухъ языкахъ»; что онъ попалъ въ *списокъ славныхъ людей* въ біографіяхъ Contemporains; что вскорѣ о немъ появится статья въ Revue Encyclopédique съ переводомъ его поэмы «Арабъ», что онъ встрѣчаетъ *столько обо-жанія со стороны соотечественниковъ*, что ему уже нѣтъ дѣла до критики,—это все въ одномъ письмѣ.

Все это писано до выхода въ свѣтъ сочиненій. Среди этихъ сообщеній, столь тщеславныхъ и наивныхъ,—большинство, если не всѣ, таковы, что остаются на совѣсти Словацкаго; никѣмъ они не были провѣрены, и, очевидно, рассчитаны на довѣріе восхищенной адресатки. Тщеславіе поэта простирается, однако, не на одну поэзію. Ему льститъ, что одна дѣвица нашла въ немъ сходство съ Освальдомъ, героемъ «Коринны» де-Сталь; онъ пишетъ по этому поводу: «Прочитавъ романъ Бульвера *Пеламъ*, я изъ освальдовской задумчивости ударился въ дендизмъ, и нынче какъ разъ удалась мнѣ моя роль въ Тюльерійскомъ саду: впервые костюмомъ я привлекъ взоры дамъ: я былъ въ бѣлыхъ штанахъ, въ бѣломъ кашемировомъ жилетѣ въ большихъ разноцвѣтныхъ цвѣтахъ, на манеръ старинныхъ дамскихъ платьевъ, въ рубашкѣ съ отложнымъ воротникомъ, прибавьте къ этому тросточку съ позолоченной головкой и глянцевитыя перчатки,—и получите Юлька... Одинъ изъ моихъ товарищей слышалъ даже слова одной дамы: «какой прекрасный костюмъ»... Такъ услаждалъ себя въ Парижѣ обезпеченный польскій эмигрантъ. Но другимъ жилось не такъ, какъ ему, и онъ это зналъ; въ одномъ только письмѣ онъ прибѣгаетъ къ условному языку, чтобы отвѣтить матери на вопросъ о Польшѣ, объ эмиграціи. Здѣсь подъ «кузиной» слѣдуетъ разумѣть Польшу:

«Ты пишешь мнѣ, милая мама, чтобы я сообщилъ тебѣ что-нибудь о моей *кузинѣ*; бѣдная она, ничего хорошаго ее не ждетъ, по крайней мѣрѣ, предвидѣть этого нельзя. Теперь я жалѣю, что не богатъ: столько здѣсь нужды, что не можете себѣ представить. Нѣкоторые вынуждены жить внѣ Парижа, получаютъ въ день по 15 коп. и ходятъ почти безъ сапогъ» (7 марта 1832 г.).

Но отъ своей позолоченной тросточки поэтъ не отказался.

По крайней мѣрѣ, 9 октября онъ пишетъ: «Если хотите представить себѣ Юлька, онъ въ менѣе холодные дни ходитъ въ длинномъ сюртукѣ темно-кирпичнаго цвѣта, англійскаго покроя, застегнутомъ на одинъ рядъ пуговицъ... въ холодную погоду—въ синемъ плащѣ съ длиннымъ воротомъ и на бобрахъ, а въ теплую—въ черной короткой тужуркѣ»... Черезъ два года, 6 іюня 1834 года,—опять маленькое упоминаніе о бѣдствіяхъ эмигрантовъ: «столько здѣсь бѣдняковъ,—грустно подумать... многихъ прогнали въ Англію, и тамъ буквально голодають: черезъ день только обѣдаютъ—и какъ обѣдаютъ! Можетъ-быть, Богъ насъ когда-нибудь помилуетъ...»

Третій пунктъ его тщеславія—успѣхи у барышень, о чемъ онъ не совѣстится подробно докладывать умиляющейся маменькѣ. Оказывается, что въ Дрезденѣ онъ похитилъ сердце одной саксонки, дочери квартирной хозяйки; Антоній Горецкій, «прежде первый поэтъ», останавливался послѣ Словацкаго на той же квартирѣ, «и эта барышня, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на его комплименты, только и спрашивала его обо мнѣ»... Мало того. Сообщивъ этотъ важный фактъ въ январѣ 1832 г., поэтъ въ сентябрѣ дѣлаетъ существенное добавленіе: «Мицкевичъ жилъ въ той же квартирѣ, но напрасно пытался овладѣть сердцемъ этой барышни (!?); я, или воспоминаніе обо мнѣ, подобно Горацію Коклесу, стоитъ на стражѣ моста, ведущаго къ ея сердцу; какъ сухое дерево, я завалилъ дорогу...» Кто знаетъ біографію Мицкевича, кто знаетъ, что онъ пережилъ въ Римѣ передъ пріѣздомъ въ Дрезденъ, и какой страшный кризисъ онъ переживалъ въ Дрезденѣ, тотъ пойметъ, что сообщеніе Словацкаго—пошлая сплетня.

Въ Парижѣ онъ одновременно плѣнилъ собою двухъ дочерей владѣльца типографіи, гдѣ печатались его стихи. Нравилась ему больше младшая Кора. Объ этомъ онъ сообщаетъ матери въ письмѣ отъ 13 апрѣля 1832 г. Мать требовала дальнѣйшихъ сообщеній, и 4 іюля 1832 г. онъ пишетъ уже о томъ, что въ Кору не влюбленъ, но что изъ вѣжливости признался ей въ любви; вынудивъ отвѣтное признаніе, онъ спросилъ ее, что она сдѣлаетъ, если онъ любить ее перестанетъ; она отвѣтила, что отравится или утопится; тогда онъ рѣшилъ доказать ей, что этого не будетъ, и сталъ мучить ее равнодушіемъ и капризами; съ горя она разболѣлась и въ бреду разболтала свою тайну сестрамъ; онъ пересталъ бывать, потомъ встрѣтился и т. д.

Каждый самолюбивый и талантливый юноша грезить о славѣ, воображаетъ себя гениемъ, отдается забавнымъ самообольщеніямъ, съ ревливой мелочностью слѣдитъ за малѣйшими призна-

ками своего успѣха, ловить жадно мало-мальски благопріятные отзывы о себѣ, поддается самой грубой лести; каждый юноша любить «пофрантить», принарядиться, пококетничать, «помучить» барышню. И все это очень мило, но при одномъ условіи: если это происходитъ непосредственно, наивно; если тотъ же юноша въ серьезную минуту размышленія самъ себѣ попеняетъ за недостатокъ серьезности. Но у Словацкаго этой непосредственности нѣтъ: онъ дурачится и одновременно любитъ собою, привлекая къ этому любованію мать, которая готова всѣмъ любоваться въ единственномъ сынкѣ. Въ немъ нѣтъ «возвышенной стыдливости страданья»: онъ не совѣстится повѣрять бумагѣ—не только передъ матерью, но и передъ зятемъ, къ которому тутъ же обращается,—самые завѣтные честолюбивые помыслы, о которыхъ другой не сказалъ бы и на Страшномъ Судѣ; онъ «франтить» не только костюмомъ, но франтить своимъ франтовствомъ, онъ кокетничаетъ своимъ кокетствомъ; онъ не строгъ къ себѣ, но потворствуетъ себѣ и потворствуетъ матери, потворствующей ему. Изъ материнской любви онъ беретъ какъ разъ то, что другимъ сыновьямъ въ тягость,—безпринципное умиленіе. И нѣтъ здѣсь молодости, нѣтъ непосредственности...

Такъ, на развалинахъ Польши, среди обломковъ эмиграціи, Словацкій занимался собою, сидѣлъ все время передъ зеркаломъ, питая всячески свое тщеславіе. Всѣ его надежды основаны были на двухъ томикахъ, печатавшихся его поэмъ, въ успѣхъ которыхъ онъ не сомнѣвался.

Но поэмы успѣха не имѣли!

Вмѣсто «единодушнаго восторга взволнованныхъ душъ»—гробовое молчаніе, холодъ равнодушія.

Самъ Словацкій впослѣдствіи объяснилъ свой неуспѣхъ причинами общественными. Публика у него состояла изъ обломковъ недавней бури; потерпѣвъ страшное идейное, политическое и матеріальное крушеніе эмигранты были слишкомъ подавлены духомъ; на чужбинѣ, вырванные изъ родины, терпя нужду, растерянные, они нуждались въ нравственной поддержкѣ и утѣшеніи: ихъ могли тѣшить самыя несбыточныя политическія иллюзіи и утопіи, увлекать—идиллическія воспоминанія о незабвенной родинѣ, но чистое искусство было имъ не нужно. Спустя годы, Словацкій такъ писалъ о своихъ первыхъ выступленіяхъ: «Я появился въ первый разъ, какъ художникъ, передъ людьми, которые совершенно о художественности не думали, занятые важною и ужасною трагедіей дѣйствительности. Первыми двумя томами я погубилъ себя на всю жизнь». Но Словацкаго съ его вѣрой въ свой геній равнодушіе публики убить не могло; спустя годъ,

онъ выступилъ съ третьимъ томомъ своихъ поэмъ, «бросилъ третій томъ въ ту безмолвную бездну, которая два первые поглотила», какъ онъ выразился въ предисловіи. Но и третій томъ не нашелъ отзыва.

Такъ, повидимому, склонны надѣло смотрѣть и біографы Словацкаго. Но критика польская одновременно признаетъ первыя поэмы Словацкаго неудачными. И кажется въ этомъ главная причина ихъ неуспѣха. Въ самомъ дѣлѣ, нестрогій къ себѣ, какъ къ человѣку, Словацкій не былъ строгъ къ себѣ, какъ поэту. Его байроническія поэмы мало оригинальны; въ нихъ все подражательно; чувства натянуты и выдуманы; нѣтъ впечатлѣній жизни; въ нихъ нѣтъ главнаго элемента поэзіи—непосредственности и искренности. Единственное ихъ достоинство—языкъ и стиль; несмотря на большую зависимость отъ Мицкевича въ этомъ отношеніи, въ этихъ опытахъ уже виденъ будущій несравненный мастеръ слова. Но это—только обѣщанія. Ясно, что въ какую бы эпоху эти ученическіе опыты ни появились, лавровъ поэту они дать не могли. Только относительно дальнѣйшихъ, болѣе зрѣлыхъ произведеній, можно говорить, что они не были оцѣнены потому, что явились не вовремя.

Для тщеславія юноши это было большимъ ударомъ. Въ письмахъ къ матери онъ, какъ мы видѣли, обрисовалъ себя европейской знаменитостью. Онъ очутился въ положеніи крыловской синицы, которая надѣлала славы, а моря не зажгла. И въ письмахъ къ матери послѣ выхода его поэмъ самохвальство исподволь, насколько позволяетъ приличіе, идетъ на убыль. Хотя въ началѣ оказывается, что со всѣхъ концовъ Франціи онъ получаетъ привѣты, но рѣчи о «величайшемъ поэтѣ Польши» уже нѣтъ; а далѣе мы читаемъ, что ему въ Парижѣ скучно, что соотечественники ему надоѣли, и, наконецъ, онъ удаляется въ Женеву, поселяется тамъ въ тихомъ пансіонѣ г-жи Паттѣ и довольствуется похвалами ея дочерей и знакомыхъ. Трубы и литавры смолкаютъ. Но была еще одна причина, заставившая его покинуть Парижъ. Это—чувство личной обиды и мучительной зависти, въ которую стало выливаться его тщеславіе.

III.

Для Словацкаго была невыносима мысль, что есть поэты-современники выше его. Роль перваго поэта Польши казалась ему слишкомъ скромной; ему грезилась лавра мірового поэта. Смерть Гете въ 1832 г. вызываетъ въ немъ мысль о томъ, что со сцены сошелъ величайшій поэтъ современности, чтобы уступить свое

мѣсто ему, Словацкому. Но въ Польшѣ у него былъ могучій соперникъ въ лицѣ Мицкевича, и этотъ былъ живъ и въ расцвѣтѣ своихъ силъ. Словацкій помнилъ его съ дѣтства; на немъ онъ воспитывалъ свой талантъ. Но признавая его поэтическую силу, Словацкій не чувствовалъ ни благодарности, ни любви къ нему. Злая, мучительная зависть терзала его, и борьба съ Мицкевичемъ, взявшая у него около десяти лѣтъ его недолгой жизни, обратилась въ какое-то богоборчество.

Сначала онъ слѣдитъ за Мицкевичемъ издали. Изъ Бреславля онъ сообщаетъ матери: «Мицкевичъ въ Римѣ». Изъ Парижа онъ сообщаетъ: «Мицкевичъ въ Дрезденѣ». Вскорѣ за этимъ онъ сообщаетъ и пошлую сплетню объ ухаживаніяхъ Мицкевича за той саксонкой, которая будто бы осталась вѣрна памяти его, Словацкаго. Наконецъ, 30 іюня 1832 года въ его письмѣ встрѣчаемъ характерныя слова:

«Мицкевичъ сегодня пріѣхалъ въ Парижъ, но я не пойду къ нему первый; если захочетъ познакомиться со мной, то прекрасно»...

Почему Мицкевичъ долженъ сдѣлать визитъ неизвѣстному юношѣ, котораго онъ зналъ ребенкомъ, и почему юноша лишаетъ великаго поэта чести своего посѣщенія,—этого Словацкій, охваченный мелкимъ чувствомъ, не объясняетъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 3 сентября мы встрѣчаемъ отрывокъ, говорящій такъ громко за себя, что необходимо привести его цѣликомъ:

«Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ Мицкевичъ. Ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ сдѣлать перваго шага къ знакомству; нѣсколькимъ лицамъ онъ говорилъ, что хотѣлъ бы меня видѣть; насъ старались свести и познакомиться... Сегодня мы сошлись на большомъ обѣдѣ... Мицкевичъ импровизировалъ, но довольно слабо. Послѣ обѣда, когда общество было въ саду, Мицкевичъ подошелъ ко мнѣ и мы начали другъ другу говорить комплименты. Онъ говорилъ мнѣ, что зналъ меня ребенкомъ; я напомнилъ ему тотъ визитъ его къ намъ, когда онъ такъ неудачно столкнулся съ Яномъ Снядецкимъ. Онъ смѣялся воспоминанію... Когда мы погрязли въ комплиментахъ, когда я ему говорилъ, что считаю его первымъ поэтомъ,—одинъ изъ поляковъ, стоявшій за мною и, вѣроятно, подъ хмелькомъ, повторялъ какъ эхо: «Ты слишкомъ скромный» и этими словами совсѣмъ спуталъ нашъ разговоръ»...

Въ этомъ отрывкѣ—весь Словацкій и весь Мицкевичъ. Мицкевичъ простъ, искрененъ и добрѣ. Замѣтивъ юношу, котораго онъ зналъ ребенкомъ, онъ самъ подходитъ къ нему, заговариваетъ съ нимъ, смѣется, вспоминая прошлое. Словацкій мелокъ, неискрененъ и тщеславенъ. Назвать Мицкевича первымъ поль-

скимъ поэтомъ, по мнѣнію Словацкаго, комплиментъ. Внутренно, оспаривая у Мицкевича это званіе, Словацкій притворно смиряется, но глупая реплика пьянаго шляхтича ласкаетъ его тщеславіе. Мицкевичъ разговариваетъ со Словацкимъ, какъ старый другъ его семьи, Словацкій съ Мицкевичемъ,—какъ его опасный соперникъ...

Мучительная зависть начинаетъ глотать Словацкаго, и онъ начинаетъ искать недостатковъ въ Мицкевичѣ. Вскорѣ онъ пишетъ: «На вечерѣ былъ Мицкевичъ; не можете себѣ представить, какъ онъ лидерлиховски выглядитъ съ помятымъ воротникомъ рубашки и въ засмоленномъ фракѣ»... То, что Словацкій лучше одѣвался, чѣмъ Мицкевичъ,—осталось при немъ. Но и въ Мицкевичѣ-поэтѣ Словацкій голословно констатируетъ упадокъ: «На дняхъ выходитъ изъ печати четвертый томъ Мицкевича съ третьей частью *Дзядовъ*. *Еще не читалъ, но Мицкевичъ уже очень остылъ въ поэзіи*».

Пока причинъ ненависти къ Мицкевичу не было, если не считать одного отзыва Мицкевича о поэзіи Словацкаго,—отзыва, переданнаго послѣднему. «Онъ сказалъ»,—пишетъ Словацкій матери,—«что моя поэзія прекрасна, что это зданіе прекрасной архитектуры, возвышенный храмъ, но въ храмѣ нѣтъ Бога... Не правда ли прекрасное и поэтическое мнѣніе? Оно напоминаетъ его сонетъ *«Резиньяція...»*»

Словацкій призналъ, такимъ образомъ, красоту и поэтичность сравненія, уловилъ его связь съ сонетомъ *«Резиньяція»*, гдѣ это выраженіе позаимствовалъ Лермонтовъ:

Обширный храмъ безъ божества.

Но Словацкій не подозрѣвалъ всей убійственной мѣткости этого сравненія. Онъ, вѣроятно, полагалъ, что Мицкевичъ упрекаетъ его за отсутствіе въ его поэзіи того религіознаго начала, которое отчетливо выступило въ послѣднихъ произведеніяхъ автора *«Дзядовъ»*. Но едва ли Мицкевичъ-поэтъ могъ требовать у другого поэта опредѣленнаго направленія. Изъ лекцій Мицкевича, читанныхъ имъ въ состояніи религіозно-мистическаго экстаза, видно, что, несмотря на свое настроеніе, онъ сохранялъ способность подходить къ произведеніямъ поэзіи съ чисто поэтическимъ мѣриломъ. Тѣмъ болѣе въ 1831—2 годахъ трудно въ немъ подозрѣвать фанатика своихъ идей. Сравненіе свое Мицкевичъ позаимствовалъ изъ своего сонета, написаннаго въ байроническомъ духѣ еще въ 1825 году. Въ выраженіи «храмъ безъ божества» нѣтъ надобности разумѣть подъ божествомъ того Бога, которому служилъ самъ Мицкевичъ. Достаточно перечестъ первыя поэмы Словацкаго, чтобы понять, что Мицкевичъ требовалъ

отъ Словацкаго не религіознаго догмата, а опредѣленнаго поэтическаго содержанія, котораго въ нихъ нѣтъ. Въ нихъ нѣтъ искренности; нарочито придуманныя чувства и положенія; книжность происхожденія образовъ, отсутствіе истинной потребности поэтически высказаться и явная потребность просто писать стихи,—все это сказывается очень сильно въ первыхъ прѣмахъ Словацкаго; но онѣ же облечены въ безукоризненную форму, играютъ и переливаются блестками роскошнаго стиля. Это и есть «храмъ безъ божества». Своей оцѣнкой Мицкевичъ сказалъ только то, что у молодого поэта замѣтно отсутствіе той стихійной потребности высказаться, безъ которой нѣтъ поэзіи.

Между тѣмъ неожиданно явился мотивъ, давшій богатую пищу злему чувству молодого поэта относительно его старшаго соперника. Когда Словацкій прочелъ ту третью часть «Дзядовъ», о которой голословно высказался прежде, то увидѣлъ, что, во-первыхъ, Мицкевичъ далеко не «остылъ въ поэзіи»: единогласно признано, что это произведеніе—апогей Мицкевича; до такой высоты вдохновенія ни раньше, ни позже поэтъ не поднимался. Во-вторыхъ, въ своемъ великомъ произведеніи Мицкевичъ, дѣйствительно, задѣлъ, если не лично Словацкаго, то его семью.

Дѣло въ томъ, что третья часть «Дзядовъ» изображаетъ виленскую эпоху жизни поэтовъ. Первый актъ этой пьесы происходитъ въ тюрьмѣ, гдѣ томятся «филареты» и «филоматы». Въ ихъ бесѣдахъ раскрывается ужасная картина преслѣдованій, воздвигнутыхъ Новосильцевымъ и Пеликаномъ на польскихъ дѣтей, избиваемыхъ кнутами, угрожаемыхъ смертною казнью и высылаемыхъ на Сибирь. Картина отличается исторической вѣрностью; это подтвердилъ блестяще и внукъ Пеликана (А. А. Пеликанъ), печатавшій свои воспоминанія въ «Голосѣ Минуваго»¹⁾. Въ рядѣ дальнѣйшихъ сценъ изображено варшавское общество, состоящее наполовину изъ русской администраціи, воздвигнувшей гоненіе на польскую молодежь, наполовину—изъ польской аристократіи, отчасти равнодушной къ страданіямъ своего народа, отчасти, изъ низкихъ побужденій, примкнувшей къ Новосильцеву и Пеликану. Между прочимъ, среди послѣдней фигурируетъ нѣкій докторъ, изображенный въ очень нелестныхъ краскахъ, котораго поражаетъ ударъ грома. Этотъ докторъ и есть проф. Бекю, отчимъ Словацкаго. дѣйствительно, убитый ударомъ грома.

Сомнѣній быть не могло. Словацкій почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ; его ненависть къ Мицкевичу получила мотивировку. Теперь онъ признается откровенно въ этой ненависти. Онъ хотѣлъ вызвать Мицкевича на дуэль, но его

¹⁾ См. «Гол. Мин.» 1914 № 9.

удержали, и онъ уѣхалъ въ Женеву, гдѣ тихо проживалъ въ пансіонѣ.

Здѣсь, неудовлетворенный, терзаемый честолюбіемъ, онъ начинаетъ безнадежную борьбу съ Мицкевичемъ. Ему все чудится, что великій поэтъ что-то замышляетъ противъ него, но на самомъ дѣлѣ убійственнымъ для него является то обстоятельство, что Мицкевичъ, занятый другимъ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на сердитаго молодого человѣка. Отказавшись отъ мысли драться съ Мицкевичемъ, онъ рѣшаетъ бороться съ нимъ перомъ. Онъ пишетъ матери: «Мнѣ ничего не остается, мать, какъ озарить тебя лучами такой славы, чтобы удары другихъ людей не могли тебя задѣвать... И я долженъ это сдѣлать. Богъ меня вдохновилъ, потому что развилъ въ моей мысли великое произведеніе... печатаю его анонимно, такъ будетъ болѣе равная борьба съ Адамомъ(!)».

Это «великое произведеніе»—драматическая поэма «Кордіанъ». Оно уже тѣмъ не велико, что представляетъ собою рабское подражаніе той третьей части «Дзядовъ», противъ которой оно тенденціозно направлено. Не будучи въ состояніи освободиться отъ вліянія ненавистнаго Мицкевича въ области поэзіи, Словацкій пытается въ «Кордіанѣ» занять противоположную Мицкевичу идейную и политическую позицію.

Историческій и бытовой элементъ «Дзядовъ» является только фономъ для развитія великой трагедіи индивидуализма. Среди узниковъ, справляющихъ Рождественскую ночь въ тюрьмѣ, (въ 1-ой сценѣ) выдѣляется одинъ, не принимающій участія въ общей бесѣдѣ,—поэтъ, погруженный въ свои думы и видѣнія. Его мы уже встрѣтили въ прологѣ, гдѣ изъ-за него ведется борьба добрыхъ духовъ съ злыми, символизирующая ту внутреннюю борьбу, которую онъ переживаетъ. Это—Густавъ, выступавшій уже въ предшествующихъ частяхъ «Дзядовъ» въ качествѣ польскаго Вертера, романтическаго разочарованнаго героя. Теперь этотъ человѣкъ, испепелившій свою душу въ огнѣ несчастной любви, попалъ въ тюрьму. Вертеръ сталъ политическимъ узникомъ. Въ немъ совершается переломъ: отъ личнаго чувства онъ переходитъ къ «страданіямъ за миллионы». Эту перемену онъ выражаетъ тѣмъ, что мѣняетъ имя и пишетъ на стѣнѣ тюрьмы:

D. O. M.

Gustavus

Obiit MDCCCXXIII

Calendis Novembris

Hic natus est

Conradus

MDCCCXXIII

Calendis Novembris.

Теперь онъ—не Густавъ, а Конрадъ, и духъ надъ нимъ пророчески произноситъ: «Люди, каждый изъ васъ могъ бы, одинокій и скованный мыслью и вѣрой, разрушать и воздвигать престолы». Этими словами намѣчается идея поэмы—внутреннее совершенствованіе есть та сила, отъ которой зависитъ общественное благо.

Безучастный къ скромному торжеству союзниковъ, Конрадъ во второй сценѣ остается одинъ и произноситъ знаменитую «Импровизацію», написанную Мицкевичемъ въ состояніи высшаго экстаза ночью: утромъ послѣ написанія «импровизаціи» поэта нашли въ его комнатѣ въ состояніи глубокаго обморока. Въ этой импровизаціи можно различить слѣдующіе элементы: это, во-первыхъ, апогей индивидуализма, гимнъ творческой силѣ поэта; затѣмъ, въ ней намѣченъ мощный переходъ отъ сферы личныхъ чувствъ къ чувствамъ общенароднымъ, общечеловѣческимъ: Конрадъ заявляетъ, что его любовь относится не къ одному человѣку, не къ одной семьѣ, не къ одной эпохѣ; онъ любитъ весь народъ; онъ называется Милліонъ, потому что за милліоны любитъ и страдаетъ. Далѣе, Конрадъ провозглашаетъ «правительство душъ», которое оспариваетъ у Бога. Наконецъ, «Импровизація» содержитъ титаническій вызовъ Богу, безмолвно и, повидимому, безучастно созерцающему съ неба неслыханныя несправедливости и насилія, чинимыя надъ Польшей. Наступаетъ минута богоборчества: негодуя на безмолвнаго Бога, Конрадъ готовъ произнести хулу, которой ждетъ съ нетерпѣніемъ злой духъ. Конрадъ говоритъ: «отзовись, или я выстрѣлю противъ Твоей природы... крикну, что Ты—не отецъ міра, а...!»—«Царь!»—подхватываетъ дьяволъ. Но Конрадъ хулы не произнесъ и спасается молитвами добрыхъ духовъ. Злыхъ духовъ отгоняетъ отъ него ксендзъ Петръ, представитель христіанскаго смиренія и любви. Силою религіознаго чувства онъ не только поборааетъ злыхъ духовъ, но угрожаетъ и людямъ, совершающимъ дѣло дьявола на землѣ, пророча небесную кару Новосильцеву, Пеликану, доктору Бекю, а также предсказывая возрожденіе Польши.

Герой Словацкаго, Кордіанъ, въ противоположность Конраду—непримиримый индивидуалистъ, нарисованный подъ замѣтнымъ вліяніемъ байроновскаго Манфреда. Онъ ищетъ исхода не въ религіи, не во внутренней работѣ духа, а въ дѣйствіи. Въ противоположность Мицкевичу, Словацкій «въ Кордіанѣ» занялъ воинствующее положеніе по отношенію къ католицизму и папѣ, на котораго Мицкевичъ и его партія возлагали большія надежды. Въ драмѣ Словацкаго папа, къ которому обращается Кордіанъ за поддержкой въ дѣлѣ возрожденія Польши, изображенъ грубо карикатурно и насмѣшливо. Кордіанъ рѣшаетъ, что съ этой

стороны ждаты помощи нечего, и организуетъ въ Варшавѣ заговоръ противъ Николая I. На совѣщаніи, происходящемъ въ подземельѣ, надъ могилами польскихъ королей, выясняется, однако, что планъ убійства царя и его семьи, выработанный Кордіаномъ, не получаетъ санкціи отъ большинства. Представитель этого народного большинства, *старецъ*, указываетъ на безнравственность этого акта, а также и на его бесполезность. Но Кордіанъ, выражая презрѣніе заговорщикамъ, высказываетъ противоположное мнѣніе и, идя вразрѣзъ съ народнымъ мнѣніемъ, предпринимаетъ лично, на свою отвѣтственность, цареубійство, но покушеніе ему не удается,—онъ человѣкъ своего времени: нервный, развинченный, чуждый самообладанія. Казнь его кончается драма.

Призывъ къ дѣйствию, звучащій въ этой драмѣ, проповѣдь «реальной политики» въ пору развитія мистицизма,—конечно, имѣли свое значеніе. Польскіе клерикалы донинѣ не могутъ простить Словацкому выпада противъ папы, и это проявилось на юбилеѣ поэта въ 1909 году, когда краковскій кардиналъ Пузына воспротивился перенесенію праха поэта въ Вавель, польскій Вестминстеръ.

Этой-то злободневности и обязанъ «Кордіанъ» своимъ успѣхомъ. Это былъ первый успѣхъ Словацкаго,—успѣхъ небольшой, но все-таки не «молчаливая бездна». Анонимный «Кордіанъ» читался, и неразборчивая публика даже приписывала его Мицкевичу. Последнее обстоятельство и льстило Словацкому, и одновременно злило его, потому что было очевидно, что никакъ не уйти ему отъ Мицкевича, что этотъ успѣхъ—отраженный, что на него падаютъ лучи славы того же ненавистнаго Мицкевича.

Ударить по сердцамъ съ невѣдомой силой «Кордіанъ» не могъ потому, что его идеи не имѣли никакихъ корней въ интеллектѣ поэта. Словацкій въ эту пору, по крайней мѣрѣ, былъ далекъ отъ всякой политики. Онъ былъ занятъ собой и своей поэзіей, и вождемъ народа не могъ быть тотъ, кого въ то время больше всего занимало поэтическое состязаніе съ Мицкевичемъ. Идеи его, сами по себѣ цѣнныя, не могли быть плодотворными, потому что они были искусственно построены, какъ антитезы идеямъ Мицкевича. Къ нимъ пришелъ Словацкій, думая не о Польшѣ, а о Мицкевичѣ, стремясь, во что бы то ни стало, сказать что-то противоположное тому, что сказалъ Мицкевичъ. И индивидуализмъ Кордіана не внушаетъ никакого довѣрія,—далеко ему до Манфреда; между тѣмъ трагедія Густава-Конрада производитъ мощное впечатлѣніе потому, что она была пережита самимъ поэтомъ.

Разсматриваемый, какъ художественное произведеніе, «Кордіанъ» блестяще иллюстрируетъ собою теорію Шопенгауэра объ участіи воли въ творествѣ. Художественное произведеніе есть продуктъ чистаго интеллектуальнаго созерцанія безъ участія воли. Всякая примѣсь волевого элемента его портитъ. Въ «Кордіанѣ» этотъ волевой элементъ слишкомъ чувствуется, замѣтенъ умыселъ, выступаютъ соображенія, чуждыя задачамъ искусства, проявляется стремленіе во что бы то ни стало затмить Мицкевича и создать великое произведеніе. Словацкому предстояла огромная внутренняя работа, работа освобожденія отъ воли, внутренняго очищенія и перерожденія. Дѣло осложнилось тѣмъ, что онъ не сознавалъ этой необходимости; онъ сердился и недоумѣвалъ, почему онъ, обладая несомнѣннымъ талантомъ, не можетъ занять въ поэзіи подобающаго мѣста, не будить эха въ человѣческихъ сердцахъ. Съ досадою бросилъ онъ третій томъ своихъ стиховъ, «въ ту молчаливую бездну, которая поглотила два первыхъ», какъ онъ выразился въ предисловіи. Тѣмъ мучительнѣе было это сознавать, что онъ, какъ поэтъ, чувствовалъ въ себѣ свой несомнѣнный великій талантъ. Но, очевидно, таланта мало: до уровня таланта нужно еще возвысить свою художественную душу.

IV.

Но въ самомъ талантѣ таится очищающая сила. А талантъ Словацкаго былъ такъ великъ, что долженъ былъ сдѣлать свое дѣло и вырвать его душу изъ тины мелкаго тщеславія. Тѣмъ болѣе, что подъ этимъ тщеславіемъ скрывалось титаническое самолюбіе съ благородной окраской. Ничто великое и прекрасное не было чуждо душѣ Словацкаго: оно всегда находило въ немъ живой отзвукъ. Какъ ни непріятенъ былъ ему Мицкевичъ, Словацкій радостно привѣтствовалъ появленіе «Пана Тадеуша», художественному обаянію котораго не могъ не поддаться. Эта чуткость ко всему благородному и прекрасному спасла поэта. Бывали минуты, когда онъ отдавался чистому творчеству безъ мыслей о славѣ, о побѣдѣ надъ соперниками, и тогда изъ-подъ его пера вышло такое дѣвственное поэтическое созданіе, какъ «Баллядына». Словацкій былъ испорченъ воспитаніемъ, эгоистической любовью матери, развившей въ немъ эгоизмъ и тщеславіе и изолировавшей его отъ дѣйствительной жизни. И теперь, въ зрѣломъ возрастѣ, переживая третій десятокъ, онъ долженъ былъ себя воспитывать. Основную роль въ его самовоспитаніи сыграло живое чувство красоты и добра.

Теперь въ немъ начала развиваться чуткость къ чужимъ стра-

даніямъ. Прежде, двадцатилѣтнимъ юношей, онъ такъ былъ занятъ собой, что даже совершавшаяся на его глазахъ великая трагедія отчизны мало его затронула: онъ воспользовался ею для пріобрѣтенія популярности, написавъ двѣ-три революціонныя пѣсенки, но тутъ же бѣжалъ, правда съ нѣкоторыми укорами совѣсти, не помѣшавшими ему, впрочемъ, заняться въ Парижѣ печатаніемъ своихъ стиховъ и исключительно служить довольно мелкому честолюбію въ то самое время, когда тутъ же, въ Парижѣ, тысячи его несчастныхъ соотечественниковъ, обездоленныхъ изгнанниковъ, безъ крова, безъ денегъ, безъ дѣла, терпѣли нужду и голодъ и начинали трудную исторію эмиграціи. Спустя пять лѣтъ, въ 1834 году, обманувшись въ честолюбивыхъ помыслахъ, никѣмъ незамѣченный, никому не нужный, онъ живетъ въ Женеvѣ, возбуждая сердечное участіе въ пріютившей его французской семьѣ Патте. Здѣсь онъ учится бережливости, и въ письмахъ къ матери мелькаютъ такіа строки: «Столько здѣсь нужды,—грустно подумать!... Многихъ выслали въ Англію, и тамъ прямо голодаютъ: черезъ день обѣдаютъ, и какъ обѣдаютъ!». И о Мицкевичѣ онъ выражается иначе: «не я одинъ не могу зарабатывать головой на хлѣбъ. Вотъ Адамъ женился, въ годъ издалъ два произведенія, а теперь долженъ былъ разсчитать прислугу, а жена сама занимается кухней»... Прежнее щегольство уступаетъ мѣсто бережливости: «Дорогая, скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать, чтобы не быть тунеядцемъ на землѣ! Ты носишь потертый халатъ, но я тоже ношу черный фракъ четыре года, и только лѣтомъ заказываю тужурку, чтобы не свѣтитъ людямъ дырами. Недавно я заказалъ себѣ фракъ, потому что въ старомъ парижскомъ уже не могъ являться на домашнихъ вечерахъ... если бы я былъ при тебѣ, я бы работалъ, потому что *я теперь не гордъ*; но здѣсь—за что взяться?..» Заговариваетъ въ немъ и гражданское чувство угрызёніями совѣсти: своимъ условнымъ языкомъ называя родину «нашей кузиной», онъ говоритъ, что не въ правѣ требовать чего-либо отъ нея, «что онъ не ухаживалъ за ней, когда она лежала больная», что онъ былъ «безполезнымъ плевеломъ». Нѣтъ уже самолюбованія, устанавливается простое отношеніе къ жизни, и это даетъ возможность Словацкому сдѣлаться настоящимъ поэтомъ. Въ это время, подъ вліяніемъ швейцарской природы и идеальной любви къ Маріи Водзинской, возникаетъ одно изъ величайшихъ въ міровой лирикѣ произведеній—поэма «Въ Швейцаріи».

Наконецъ, является великое очищающее средство—страданіе. Поэтъ начинаетъ страдать, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни. Не муки неудовлетвореннаго самолюбія, не байрони-

ческая поза даетъ мѣсто страданію: оно органически вытекаетъ изъ жизни,—и потому оказывается плодотворнымъ и оказываетъ очищающее дѣйствіе на личность поэта.

До сихъ поръ Словацкій относился къ жизни легко, къ людямъ—заносчиво, завидуя великимъ и презирая «малыхъ сихъ», и не имѣя никакихъ правъ на это. Заботясь о славѣ, онъ не заботился о человѣческихъ симпатіяхъ; ничѣмъ никому не жертвуя, онъ требовалъ отъ людей дани преклоненія и восхищенія за одну поэзію, чувствомъ не согрѣтую. Теперь, въ Швейцаріи, онъ почувствовалъ, что ни родина, ни люди въ немъ не нуждаются, а напротивъ, онъ нуждается въ родинѣ и людяхъ. Его начинаетъ терзать тоска одиночества. Потребность любви и ласки начинаетъ ломить въ немъ гордость и уничтожаетъ позу. И льются высоко поэтическіе стихи «Въ Швейцаріи»:

Есть у меня окно,—подъ нимъ фонтана
Немолчный плачъ звучитъ въ тиши ночной;
Есть дерево,—въ листьѣ его густой—
Хоръ соловьевъ, мелодіями пьяный.
Въ окно глядитъ печальный ликъ Діаны,
Мнѣ на лицо бросая трепетъ свой;
И плачущаго будятъ въ часъ ночной
То дерево, луна и плачъ фонтана.
И блѣдень, появляюсь я въ окнѣ
И внемлю разнымъ плачамъ по долинамъ:
Фонтана шуму, стонамъ соловьинымъ...
Они объ ней напоминаютъ мнѣ;
Я смерть зову въ отчаяннй пьяномъ,
Но смерти нѣтъ,—я стыну въ чуткомъ снѣ
И внемлю ночью плачущимъ фонтанамъ...

Тутъ подоспѣваетъ путешествіе—по Италіи и на Востокъ, и оно даетъ Словацкому очень многое. Но въ теченіе этого путешествія, устроеннаго съ помощью родственниковъ, глубокая тоска одиночества—господствующій мотивъ. Падчерица его матери свидѣтельствуетъ, что въ Италіи Словацкій оцѣнилъ и родственныя связи, «сознавъ, что донинѣ питался одной лестью, ничего не дававшей сердцу». Встрѣтившись въ Іерусалимѣ со старымъ школьнымъ товарищемъ, поэтъ до глубины души задѣтъ былъ холоднымъ пріемомъ съ его стороны, между тѣмъ какъ самъ летѣлъ ему навстрѣчу съ горячимъ чувствомъ. Съ другой стороны онъ глубоко цѣнитъ всякое, даже незначительное, проявленіе участія и радуется сердечно пріобрѣтенію друга въ лицѣ нѣкоего Голынскаго, предложившаго поэту искренно свою помощь. Одно письмо онъ кончаетъ воплемъ: «Любите меня!»

«И оттого, что часто я раздумывалъ надъ человѣческими могилами, и оттого, что почти не зналъ отчаго дома, и оттого, что былъ я какъ странникъ въ трудной дорогѣ при блескѣ грома, и оттого, что не знаю, гдѣ лягу въ могилу,—грустно мнѣ, Боже!»—

воскликаетъ онъ въ своемъ великолѣпномъ «Гимнѣ при закатѣ солнца».

Сердце его, освѣщенное страданіемъ, открывается чужимъ страданіямъ. Задержанный въ карантинѣ Эль-Аришъ на границѣ Аравіи, онъ выслушиваетъ потрясающую повѣсть карантиннаго врача объ одномъ отцѣ семейства, арабѣ, который потерялъ въ карантинѣ свое многочисленное семейство, погибшее отъ чумы, которая его не коснулась. Этотъ рассказъ онъ передалъ въ поэмѣ «Отецъ Зачумленныхъ», одномъ изъ величайшихъ созданий польской поэзіи, соперничающемъ по силѣ выразительности съ группой Лаокоона, съ рассказомъ Уголина у Данте и «Шильонскимъ Узникомъ» Байрона. Создавая эту поэму, Словацкій самъ творчески пережилъ страданія несчастнаго отца, потому что иначе не могъ бы передать такъ глубоко ужасъ губящей смерти, этотъ ростъ страданія, постепенно разстающагося съ надеждой и переходящаго въ кроткое отчаяніе.

Понявъ во время своего путешествія великое значеніе любви, поэтъ устремился къ ея источнику—Христу. То воинственное отношеніе къ католицизму, которое онъ занялъ наперекоръ Мицкевичу, не характерно для Словацкаго: его оторванность отъ реальной жизни, привычка жить воображеніемъ, одиночество и меланхолія, склонность къ чудесному и таинственному,—все это представляло благодарную почву для религіознаго мистицизма, къ которому онъ и пришелъ въ концѣ своей недолгой жизни. Не могу удержаться отъ приведенія многозначительнаго отрывка изъ его письма:

«Ночь, проведенная у гроба Христа, произвела на меня неизгладимое впечатлѣніе. Въ 7 часовъ вечера храмъ заперли; я остался одинъ и бросился съ великимъ плачемъ на камень гроба. Надо мною пылали 43 лампы. У меня была библія, которую я читалъ до 11-ти ночи. Въ половинѣ двѣнадцатаго вошла въ храмъ молодая женщина и мужчина, жившіе въ монастырѣ и сдѣлавшіе обѣтъ ежедневно молиться у гробницы. Оба молились недолго, приложились къ камню, а потомъ, подойдя ко мнѣ, поцѣловали меня въ руку. Я такъ смутился, что не зналъ, какъ быть. Они ушли, я остался одинъ. Въ полночь деревянный колоколъ разбудилъ въ храмѣ греческихъ священниковъ. Различныя вѣроисповѣданія, имѣвшія каждое свои придѣлы въ этомъ зданіи, стали просыпаться при звукахъ этого колокола. Богатая греческая часовня озарилась лампадами, вверху армянская церковка тоже зажгла свѣчи и начала свои пѣснопѣнія. Коптъ въ своей маленькой деревянной клѣткѣ, прилаженной къ гробницѣ, тоже началъ (какъ я видѣлъ въ щели) въ своей бесѣдкѣ раздувать жаръ

и готовить одинокое кадило. Католики тоже въ дальней часовнѣ стали пѣть заутреню,—словомъ, въ полночь люди проснулись, какъ птички въ нишахъ одного зданія просыпаются, щебеча о восходѣ солнца... Греки на гробницѣ совершили службу, потомъ армяне, а въ два часа ночи ксендзъ-соотечественникъ вышелъ служить молебенъ за мою кузину¹⁾, а я, стоя на колѣняхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ бѣлый ангелъ сказалъ Магдалинѣ: *«Нѣтъ Его тутъ, Онъ воскресъ!»*, слушалъ молитву съ глубокимъ чувствомъ. Въ три часа ночи, утомленный, я пошелъ въ монастырь и спалъ сномъ ребенка, утомленнаго слезами».

Любовь, люди, Христосъ, человѣчество, отчизна,—вотъ что наполняло душу поэта, бывшаго еще недавно «пустымъ колосомъ съ поднятой головою», по его собственному опредѣленію.

Передъ отправленіемъ въ это путешествіе поэтъ уже былъ серьезно и торжественно настроенъ, благодаря возвышенному вліянію поэта и философа Красинскаго, съ которымъ онъ сблизился въ Италіи. Этотъ мученикъ категорическаго императива, вся жизнь котораго была философски обоснованное самоотреченіе, научилъ Словацкаго видѣть въ жизни дѣйствіе общихъ и вѣчныхъ разумныхъ законовъ, опредѣляющихъ каждому индивидууму мѣсто въ мірозданіи (онъ былъ гегельянцемъ); уничтоживъ беспочвенный индивидуализмъ Словацкаго, онъ показалъ ему неразумность протеста противъ этихъ законовъ. Впрочемъ, Словацкій самъ наилучше опредѣлилъ, чѣмъ обязанъ Красинскому, въ обращенномъ къ нему стихотвореніи:

«Прощай, о прощай, архангелъ вѣры! Ты пришелъ совершать чары надъ моимъ сердцемъ, ты превратилъ его красную кровь въ слезы, вырвалъ его изъ груди, взялъ его въ собственное лоно, согрѣлъ, озарилъ, чтобы въ гробъ оно не сошло ни менѣе спокойнымъ, ни менѣе гордымъ. И вотъ гдѣ-то далеко, у божественной цѣли,—хвала тебѣ, о, воскреситель сердецъ, а мнѣ—миръ, и духу моему, и праху, потому что обоимъ нужно спокойствіе... Но если являются убійцы духа, если есть борьба,—ты далъ мнѣ сердце!»

Это сердце, данное Красинскимъ, Словацкій понесъ въ свое паломничество,—и вернулся изъ него настоящимъ поэтомъ.

Въ великолѣпномъ храмѣ его поэзіи появилось божество, котораго не находилъ Мицкевичъ, а съ нимъ—жизнь и красота.

Изъ путешествія Словацкій вернулся, нравственно просвѣтленный, обогащенный яркими и красочными впечатлѣніями, съ душой, открытой для міра.

¹⁾ Опять условный языкъ. Разумѣется отчизна.

V.

Истинно поэтическія созданія, привезенныя Словацкимъ изъ путешествія, («Въ Швейцаріи», «Отецъ Зачумленныхъ», «Ангелли») не нашли, однако, признанія ни въ критикѣ, ни въ публикѣ. Они были оцѣнены потомствомъ, стали впоследствии на ряду съ произведеніями Мицкевича, но въ эти годы ихъ дружно замолчали. Виною было отчасти время, невоспріимчивое къ созданіямъ чистаго искусства, отчасти и то холодно-враждебное отношеніе, которое установилось къ Словацкому среди эмиграціи. Хотя Мицкевичъ умолкъ, отказавшись отъ поэзіи, и пересталъ быть соперникомъ Словацкому, пietetъ его въ польскомъ обществѣ былъ такъ великъ, что на признаніе могли рассчитывать только тѣ лица, которыя грѣлись въ лучахъ его славы, стояли къ нему близко. Словацкій же сразу отдалился отъ Мицкевича, и этимъ отчасти погубилъ себя, тѣмъ болѣе, что руководился въ этомъ мотивами невысокаго порядка.

Однако, теперешній свой неуспѣхъ Словацкій перенесъ безропотно, съ благороднымъ смиреніемъ. Сложная внутренняя работа не прошла даромъ. Мало того: проживъ нѣкоторое время во Флоренціи, онъ пріѣхалъ въ Парижъ и сдѣлалъ шагъ къ сближенію съ Мицкевичемъ,—шагъ, правда, неудавшійся по причинамъ, отъ поэта не зависѣвшимъ.

25 декабря 1840 года затѣяно было эмигрантами чествованіе Мицкевича по поводу открытія имъ курса славянскихъ литературъ въ Collège de France. На чествованіе былъ приглашенъ Словацкій, привѣтствовавшій Мицкевича импровизаціей. Мицкевичъ отвѣтилъ тоже импровизаціей. Поэты обнялись, провели вечеръ въ дружеской бесѣдѣ,—примиреніе состоялось. Но Мицкевича въ Парижѣ окружали люди, слѣпо ему преданные, которые происшедшимъ сближеніемъ не удовлетворились, а обнаружили тенденцію унижить Словацкаго, заставить его признать себя однимъ изъ вассаловъ Мицкевича. Тутъ сыграла роль неизбѣжная мелкая зависть: Словацкій былъ, несомнѣнно, крупнѣйшей личностью въ сферѣ приближенныхъ Мицкевича, и ясно чувствовалось, что оставаться въ ней онъ можетъ только на правахъ равнаго. И здѣсь, какъ всегда, люди оказались не въ силахъ простить чужого превосходства.

Экспромпты обоихъ поэтовъ произвели такое сильное впечатлѣніе, что на первыхъ порахъ рѣшено было поднести обоимъ поэтамъ серебряные кубки. Но недоброжелатели Словацкаго измѣнили проектъ: предложено было заказать одинъ кубокъ и поручить Словацкому поднести кубокъ Мицкевичу. Но Словацкій отъ этого

порученія отказался. Тогда, въ февралѣ слѣдующаго года въ одной газетѣ появилась статья подъ заглавіемъ «Импровизаторы» съ очень прозрачными намеками на чествованіе 25 декабря, представляющая дѣло въ невыгодномъ для Словацкаго свѣтѣ, якобы Мицкевичъ отказалъ ему въ названіи поэта. Эта безымянная статья сдѣлала невозможнымъ появленіе Словацкаго въ кругу Мицкевича.

Обидно было Словацкому, что Мицкевичъ ни однимъ словомъ не отозвался на статью, не опровергъ ее. Обидно было также и то, что въ курсѣ своихъ лекцій, имѣвшихъ вначалѣ колоссальный успѣхъ, Мицкевичъ ни разу не упомянулъ о Словацкомъ, хотя касался новѣйшихъ поэтовъ, даже второстепенныхъ. Но эти обиды Словацкій перенесъ совсѣмъ иначе. Если до сихъ поръ Словацкій въ отношеніяхъ къ Мицкевичу былъ безусловно не правъ, то теперь вызываетъ сомнѣніе поведеніе Мицкевича. Почему онъ систематически замалчивалъ Словацкаго?

Возможно, что великій поэтъ невольно поддался вліянію людей, тѣснымъ кольцомъ сомкнувшихся вокругъ него; возможно, что, занятый высшими вопросами, онъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ частную шумиху. А свои лекціи Мицкевичъ построилъ по такому плану, въ которомъ мѣста Словацкому не могло быть. Въ курсѣ славянскихъ литературъ Мицкевичъ развивалъ послѣдовательно свое міровоззрѣніе и пользовался только такими фактами, которые могли иллюстрировать это міровоззрѣніе. Во всякомъ случаѣ Словацкій заслуживалъ большаго вниманія.

Словацкій еще разъ взялся за перо, но не съ цѣлью создавать «гениальное произведеніе», какъ прежде, не съ цѣлью затмить Мицкевича, а для того, чтобы раздѣлаться съ мелкой стаей противниковъ, свести съ ними счеты. Онъ задумалъ эпосъ, придалъ ему форму байроновскаго «Донъ-Жуана», позволявшую ему высказываться свободно въ лирическихъ отступленіяхъ. Вскорѣ вышло пять пѣсенъ поэмы «Беньовскій», имѣвшихъ шумный успѣхъ. Эпическая часть поэмы почти не удалась: дѣйствіе развивается слишкомъ медленно и не захватываетъ. Зато лирическій элементъ, бьющій ключемъ, составляетъ главную цѣнность поэмы: нѣжные нюансы, тонкіе переходы отъ меланхоліи къ смѣху, отъ элегіи къ сатирѣ, отъ злостныхъ выпадовъ къ задушевнымъ нотамъ—облечены въ виртуозную форму. Изумительнымъ волшебникомъ слова является въ этой поэмѣ Словацкій¹⁾. Успѣхомъ поэма обязана своему полемическому задору. Приминая къ лѣвому крылу польской политической мысли, поэтъ

безпощадно издѣвается надъ «молодой Польшей», созданной Мицкевичемъ, клерикальной и канонической. Въ концѣ пятой пѣсни Словацкій непосредственно обращается къ Мицкевичу, оспаривая у него пальму первенства и роль народнаго вождя, и заканчиваетъ свою филиппику словами: «Прощай! Но такъ прощаются не враги, а два—на своихъ противоположныхъ солнцахъ—бога!»

Поэма имѣла шумный успѣхъ, удовлетворившій, наконецъ, самолюбіе Словацкаго. Задѣтая группа рѣшила его «пугнуть», не вѣря его храбрости: онъ получилъ вызовъ на дуэль; но здѣсь онъ повелъ себя такимъ безукоризненнымъ рыцаремъ, что представитель враждебной группы, его противникъ, самъ мелко струсилъ, принесъ повинную,—и поэтъ вышелъ изъ дѣла съ полнымъ триумфомъ. Получивъ полное удовлетвореніе, поэтъ писалъ къ матери, что долженъ былъ сойти со своего пьедестала (выпуская «Беньовскаго») для того, чтобы признали, что онъ на немъ находится. Съ той поры Словацкій прекращаетъ борьбу съ Мицкевичемъ, прекращаетъ свое «богоборчество».

Инымъ словомъ трудно охарактеризовать его отношеніе къ автору «Дзядовъ». Трагедія Словацкаго заключалась въ томъ, что онъ, по своей сущности, могъ быть только вторымъ, между тѣмъ по размѣрамъ своего таланта имѣлъ права и притязанія на первенство. Подобно ракетѣ, холодной и вправленной въ гильзу, онъ могъ разсыпать причудливѣйшія гирлянды огней, но только при томъ условіи, если къ ракетѣ приложить горящій фитиль. Какъ ракета безъ фитиля, онъ не могъ обойтись безъ Мицкевича, о котораго онъ зажигался,—и это его приводило въ негодованіе. Словацкій—пышная ракета, сердитая на подложенную подъ нее спичку, безъ которой она, однако, не можетъ обойтись. У Словацкаго, между прочимъ, есть свои наброски «Конрада Валенрода», «Дзядовъ», «Пана Тадеуша». Въ многолѣтней борьбѣ съ Мицкевичемъ Словацкій возмужалъ нравственно и закалилъ свой художественный геній. Мицкевичъ былъ для него той внѣшней силой, въ какой, для своего равновѣсія, нуждается всякая сильная индивидуальность.

Но и послѣ того, какъ тѣнь Мицкевича перестала преслѣдовать Словацкаго, и онъ очутился въ совершенно иной плоскости,—и тогда онъ остался вѣренъ себѣ и почерпнулъ огонь въ другой личности, имѣвшей тогда огромное вліяніе. Этой личностью былъ Товянскій, мистикъ и мессіанистъ, создавшій цѣлое умственное теченіе среди польской эмиграціи. Онъ не былъ поэтомъ, и Словацкій не могъ въ немъ видѣть соперника, какъ въ Мицкевичѣ. Уже предрасположенный къ мистицизму, Словацкій сво-

бодно отдался вліянню Товянскаго, усвоилъ его идеи о нравственномъ совершенствованіи личности, какъ естественномъ пути къ всемірному благу, о миссіи польскаго народа, призваннаго осуществить это благо внутренней работой духа. Но недолго Словацкій оставался «товянистомъ»: почерпнувъ у Товянскаго основы, онъ выработалъ собственное міровоззрѣніе. Міровоззрѣніе Словацкаго есть чистый спиритуализмъ. «Все сотворено духомъ и для духа, и ничто не существуетъ для плотскихъ цѣлей». Волею духа созданы формы, начиная отъ неорганическаго міра, продолжаясь въ мірѣ растений, животныхъ и завершаясь человекомъ. Человекъ продолжаетъ развиваться, но только духовно. Факторами его развитія является любовь, воля, подвигъ. Въ будущемъ человекъ приблизится къ идеалу Христа, получить Его власть надъ природой. Къ постоянному духовному росту Богъ-Духъ понуждаетъ человека ниспосылаемыми страданіями. Въ цѣломъ человечество осуществляетъ ту же идею съ помощью народовъ, каждому изъ которыхъ соотвѣтствуетъ опредѣленная ступень въ эволюціи духа. Но носителями миссій народовъ являются отдѣльныя личности, которыхъ орудіемъ являются ихъ народы. Идея эволюціи, входящая въ составъ философіи Словацкаго, дѣлаетъ его до нѣкоторой степени предшественникомъ Дарвина, но особенностью этого поэта-философа является спиритуализмъ, индивидуализмъ и мессіанизмъ: Польшѣ принадлежитъ величайшая и послѣдняя миссія—осчастливить человечество.

Поэтическимъ выраженіемъ этой философіи является великолѣпная мистическая эпопея Словацкаго—«Царь-Духъ».

Когда Словацкій почувствовалъ совершившійся въ немъ переломъ, созналъ свои ошибки, измѣнились и его отношенія къ матери. Онъ чувствовалъ, что теперь она понять его не можетъ, но старался объ этомъ. Онъ писалъ ей 16 апрѣля 1844 года: «Подумай о томъ, что я уже не тотъ маленькій Юля, не этотъ скучающій ребенокъ, ведомый на привязи Байрономъ и другими, но человекъ, идущій далѣе отъ той точки, до которой меня привели иные отчаяніемъ и красотою духа... Ибо желая быть со мною, надо быть и тамъ, гдѣ былъ я, или не испытъ вовсе горечи міра и сѣсть теперь, какъ за готовый столъ. Поймутъ наивысшіе и наинизшіе,—средніе останутся, долго еще осматриваясь по сторонамъ... Не давай же себя тревожить людскимъ голосамъ этихъ среднихъ, но вѣрь, что Богъ поднимаетъ духовъ и призываетъ ихъ для своего дѣла, и не предастъ вѣрныхъ». Мать, очевидно, была обезпокоена экстатическимъ состояніемъ сына и, не считаясь съ тѣмъ, что онъ выросъ нравственно, требовала прежняго,

требовала подробнаго отчета о мелочахъ, объ успѣхахъ, и, не находя этого въ письмахъ, выражала недоумѣніе. 12 августа того же года поэтъ отвѣчаетъ ей: «Почему ты, дорогая, хочешь отъ меня подробностей моей жизни и матеріальныхъ условій. На всѣ вопросы, которые бы мнѣ предложилъ пошлый человѣкъ, желая узнать, счастливъ ли я, я бы отвѣтилъ такимъ образомъ, что этотъ человѣкъ рѣшилъ бы, что у меня нѣтъ ничего изъ того, что составляетъ счастье. Если счастье въ забавахъ, я ихъ не знаю; если—въ деньгахъ, у меня ихъ столько, сколько нужно, но меньше того, что требовалъ бы этотъ человѣкъ для счастья; если счастье—въ похвалахъ, получаемыхъ отъ людей и расточаемыхъ въ глаза, то я ихъ не слышу, а если слышу, то содрогаюсь, чувствуя какой-то стыдъ и униженіе»... Поэту доступно теперь иное, высшее счастье, выражающееся въ чувствѣ какой то внутренней радости, но онъ чувствуетъ, что матери оно будетъ непонятно. И онъ не ошибся. Въ письмѣ отъ 20 января 1845 года онъ опять пытается уяснить матери свое состояніе: «Ты, дорогая моя, привыкла къ моему прежнему тону, къ яркимъ одеждамъ, въ которыхъ я выступалъ, къ меланхоніи, къ стонамъ; все это поражало тебя, какъ эхо, какъ голосъ, знакомый твоему сердцу; теперь, можетъ-быть, долго не сумѣешь привыкнуть къ человѣку, который является изъ моего ошипаннаго облика»... Но мать не успокоилась и, въ своемъ материнскомъ эгоизмѣ, попыталась подѣйствовать на сына иначе, возбудить его самолюбіе, расшевелить его тщеславіе, милое ея сердцу. Она напомнила ему слова Мицкевича о его поэзии («храмъ безъ божества»), но поэтъ отвѣтилъ: «Другой, худшій грѣхъ ты совершила, повторяя мнѣ мнѣніе Адама, которое онъ, умѣя добродушно, но глубоко уязвлять, бросилъ мнѣ пятнадцать лѣтъ назадъ, предчувствуя, что эта сплетня будетъ кружить по родинѣ упорнѣе, чѣмъ статья, подтвержденная доказательствами. Праздные люди подхватили ее и приняли за общее мнѣніе. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ не одинъ ея оцѣнивалъ мою личность. Не одинъ по слову Адама не считалъ нужнымъ заглянуть въ пустынный храмъ моей поэзии. Я это все сокрушилъ, упорно идя шагъ за шагомъ, не газетными статьями, а внутренней сущностью моихъ произведеній. Эта сплетня, какъ черный нетопырь, уже улетала въ уголъ неба, а ты мнѣ ее опять бросила въ своемъ письмѣ. Что же слѣдуетъ? Совѣтъ не спѣшить съ печатаніемъ, а охолонувъ, перечитать свое произведеніе, какъ чужое? Подумай, дорогая, это—совѣтъ дурной и ложный... Итакъ, ты хочешь, чтобы я поступалъ, руководясь обычнымъ мірскимъ принципомъ, т.-е., ревнивой завистью, и ее бралъ за основу и душу моихъ дѣйствій? То-есть, чтобы я, прочитавъ

свою поэму, думалъ: «Ахъ, теперь Адамъ лопнетъ отъ зависти или Шекспиръ, вставъ изъ гроба, упадетъ въ обморокъ!—и быть довольнымъ собою?»...

Такъ, сознавъ Словацкій мелочность своихъ прежнихъ чувствъ, постарался, чтобы въ храмъ его поэзіи было божество, и упрекъ Мицкевича потерялъ свою силу. Даже личныя сношенія съ Мицкевичемъ возобновились, и поэтъ провелъ нѣсколько времени въ его домѣ, живя съ нимъ и его семьею, «какъ братъ». И даже помня свою прежнюю вражду къ нему, поэтъ въ правѣ былъ воскликнуть, «что «никто благородный не былъ ему безразличенъ».

Влад. Фишеръ.

Политика Гогенцоллерновъ.

Вильгельмъ I и Бисмаркъ ¹⁾.

Заручившись поддержкой буржуазіи, Бисмаркъ твердыми шагами пошелъ къ своей главной цѣли—завершенію германскаго единства.

Путь къ окончательному объединенію Германіи лежалъ черезъ войну съ Франціей,—въ этомъ Бисмаркъ былъ твердо убѣжденъ. Наполеонъ III считалъ раздробленіе прежней Германіи на три части: Сѣверо-Германскій Союзъ, южныя государства и Австрію—дѣломъ своихъ рукъ и былъ совершенно нерасположенъ отказываться отъ этого блестящаго, какъ онъ думалъ, дипломатическаго успѣха своей политики. Разбитая на три осколка Германія была ему не страшна, но всякая попытка къ воссоединенію хотя бы двухъ ея частей должна была встрѣтить въ его лицѣ отчаяннаго врага. Однако, на пути къ германскому единству стояла не только одна Франція. Сами южно-германскія государства отнюдь не были проникнуты общегерманскимъ патріотизмомъ. Правда, они заключили съ Пруссіей наступательный и оборонительный союзъ и, кромѣ того, для разрѣшенія таможенныхъ вопросовъ депутаты отъ южныхъ государствъ допускались въ Сѣверо-Германскій рейхстагъ; получался, такимъ образомъ, обще-германскій органъ для разрѣшенія вопросовъ таможеннаго законодательства,—своего рода таможенный парламентъ, который, по мысли Бисмарка, долженъ былъ стать переходною ступенью къ созданію общегерманскаго парламента вообще.

Но скоро выяснилось, что сами южно-германскія государства отнюдь не хотятъ сливаться съ Пруссіей. Партикуляристовъ юга пугала прусская властность, и они отнюдь не хотѣли разставаться со своей независимостью; либералы не могли простить Бисмарку его безбюджетнаго управленія Пруссіей въ эпоху конфликта; католическое населеніе юга, особенно крестьяне,

См. «Гол. Мин.» № 6.

находившіеся подъ вліяніемъ духовенства, склонны были видѣть въ протестантахъ сѣвера еретиковъ; кромѣ того, на югѣ боялись усиленія налогового бремени со включеніемъ въ общегерманскій союзъ, что дѣйствительно уже и случилось съ сѣверными государствами. Поэтому депутаты южныхъ государствъ, входившіе въ составъ рейхстага для обсужденія таможенныхъ вопросовъ, оказались въ большинствѣ довольно рѣшительными противниками общегерманскаго единства; они совсѣмъ не хотѣли обращать таможенный парламентъ въ общегерманскій рейхстагъ и заводить тамъ разговоры на политическія темы, чего упорно, но безуспѣшно добивался Бисмаркъ. Однако, Бисмаркъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые опускаютъ руки отъ неудачъ. На выручку для него и здѣсь должна была прійти война съ Франціей. Онъ зналъ, какимъ крѣпкимъ цементомъ можетъ быть война, если ее вести подъ національнымъ флагомъ,—а какая война могла быть для германскихъ государствъ національнѣе войны съ Франціей, вѣковымъ врагомъ Германіи? Если Бисмаркъ чувствовалъ себя неподготовленнымъ къ ней въ 1866 г., то 4 года спустя, когда закончилась реорганизація германской арміи и когда Франція попрежнему была плохо подготовлена къ войнѣ, обстоятельства измѣнились къ лучшему. Какъ предусмотрительный политикъ, Бисмаркъ позаботился не только о войнѣ, но и о дипломатической подготовкѣ войны и сдѣлалъ это съ рѣдкимъ искусствомъ: Россію, которая съ благодарностью еще вспоминала нейтралитетъ Пруссіи во время крымской кампаніи, онъ поманилъ возможностью возстановить ея черноморскій флотъ, и Александръ II не только обѣщаль свое полное невмѣшательство въ предстоящую прусско-французскую войну, но даже согласился пригрозить Австріи захватомъ Галиціи, если бы та, помня недавнюю обиду и крушеніе своихъ велико-германскихъ плановъ, вздумала воспользоваться случаемъ и объявила бы Пруссіи войну. Кромѣ того, онъ обезопасилъ себя и со стороны Италіи, признавъ право Виктора-Эммануила на Папскую область; сочувствіе сверженію папы во имя довершенія итальянскаго единства ставило Бисмарка въ связь чуть не съ революціей, но онъ уже не въ первый разъ приносилъ идеи легитимизма и реакціонную идеалогію въ жертву соображеніямъ практической выгоды. Викторъ-Эммануиль долженъ былъ перейти на его сторону, потому что никто иной, какъ Наполеонъ III мѣшалъ до сихъ поръ его планамъ захвата Рима.

Бисмарку нужно было найти только поводъ для войны. Какъ звѣстно, такой представился въ видѣ вопроса изъ-за кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна на испанскій престолъ, противъ которой рѣшительно выступилъ Наполеонъ III. Вильгельмъ не

хотѣлъ итти на войну и держался въ общемъ примирительно въ этомъ вопросѣ, но и Бисмаркъ, и Наполеонъ старались всячески раздуть этотъ вопросъ и, въ концѣ-концовъ, усиліями обоихъ незначительный въ общемъ дипломатическій вопросъ былъ раздуть въ casus belli. Война началась, и здѣсь Бисмаркъ въ полной мѣрѣ обнаружилъ свое несравненное умѣнье воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Позиція Германіи была имъ представлена, какъ строго оборонительная; Германія, по увѣреніямъ офиціозной прессы, только защищала свое достоинство и ту долю единства, которая была осуществлена въ видѣ Сѣверо-Германскаго Союза. Въ послѣдней своей части аргументъ Бисмарка былъ въ высокой степени убѣдителенъ. Въ Сѣверной Германіи всѣ понимали, что, если побѣдитъ Франція, то съ такимъ трудомъ добытое двумя войнами частичное объединеніе Германіи разлетится, какъ дымъ, и Германія будетъ обречена на свое прежнее раздробленное прозябаніе. Теперь уже не одна буржуазія, но и всѣ остальные классы сѣверно-нѣмецкаго общества, отъ пролетаріата до юнкерства,—готовы были стать подъ національный стягъ для борьбы съ врагомъ, готовящимся повернуть назадъ колесо германской исторіи. Но не только Сѣверо-Германскій Союзъ, но, къ полной неожиданности для Наполеона, и южныя государства прониклись теперь чувствомъ самаго горячаго общенѣмецкаго патріотизма. Во всѣхъ южно-нѣмецкихъ государствахъ война была вотирована или единогласно, или огромнымъ большинствомъ голосовъ. Въ виду войны съ Франціей для нихъ теперь вмѣсто опасности прусской гегемоніи выростала гораздо болѣе существенная опасность французскаго владычества. Бисмаркъ обнаружилъ очень большое умѣнье играть на національныхъ струнахъ нѣмецкаго народа и сталъ теперь настоящимъ національнымъ вдохновителемъ нѣмцевъ.

Война, которая прошла подъ національнымъ флагомъ защиты отъ иноземныхъ посяганій, закончилась быстрѣе, чѣмъ то предполагали Бисмаркъ и его соратники. Ходъ и исходъ ея слишкомъ извѣстенъ, чтобы на ней стоило остановиться. Для насъ важно здѣсь опредѣлить, остался ли Бисмаркъ въ послѣдній моментъ германскаго объединенія вѣренъ тѣмъ путямъ, которыми онъ шелъ раньше. Мы видали уже, что «желѣзо и кровь» играли далеко не исключительную роль во всей его предшествовавшей политикѣ и что онъ всегда искалъ поддержки общественнаго мнѣнія, признавая, однако, дѣйствительную общественную силу лишь въ лицѣ буржуазіи, при чемъ въ тѣ моменты, когда этой поддержки у него не было, онъ чувствовалъ себя очень неспокойно. Но въ 1870 и 71 гг. положеніе Бисмарка было иное, чѣмъ въ 1866 г.

Тогда объединеніе Германіи еще не было довершено; теперь Бисмаркъ закладывалъ (какъ онъ, по крайней мѣрѣ, тогда думалъ) послѣдній камень германскаго единства. Тогда позади него стояли годы открытой борьбы съ народнымъ представительствомъ; теперь въ ближайшемъ прошломъ была блестящая внѣшняя политика и все увеличивавшаяся популярность, приводившая канцлера къ репутаціи національнаго героя. Тогда частичное объединеніе совершалось послѣ войны съ правительствами тѣхъ самыхъ государствъ, которые вошли въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза; теперь еще до окончательнаго завершенія разгрома Франціи, а именно въ декабрѣ 1870 г. (напомнимъ, что Парижъ сдался на капитуляцію 24 января 1871 г.) сами правительства южно-нѣмецкихъ государствъ по инициативѣ баварскаго короля Людвига II выразили согласіе дать Вильгельму I титулъ германскаго императора (но не «императора Германіи», ибо это выражало бы притязаніе на господство надъ всей территоріей Германіи). Все это, вмѣстѣ взятое, съ одной стороны создавало для Бисмарка болѣе прочную позицію, сообщало ему большую увѣренность въ своихъ силахъ, но съ другой стороны побуждало и къ большей мягкости по отношенію къ тѣмъ правительствамъ, которыя добровольно соглашались стать подъ гегемонію прусскаго короля. Бисмаркъ, поэтому, въ значительной степени ограничилъ строгость подчиненія южно-германскихъ государствъ общеимперскимъ интересамъ; но уступки, которыя онъ сдѣлалъ въ ихъ пользу, были чисто династическими; это былъ поклонъ въ сторону южно-нѣмецкихъ государей, а не въ сторону южно-нѣмецкихъ народовъ. Въ то время, какъ сѣверно-германскія государства отдавали въ пользу Союза не только таможенные доходы, но и доходы съ предметовъ потребленія, съ почты и телеграфа, южно-нѣмецкія земли сохранили косвенные налоги съ нѣкоторыхъ предметовъ очень широкаго распространенія (пиво и спиртъ) въ свою пользу (Баварія, Вюртембергъ, Бадень), удержали въ своихъ рукахъ почту и телеграфъ, конечно, съ доходами отъ нихъ (Баварія, Вюртембергъ) и даже свободу отъ подчиненія нѣкоторымъ общеимперскимъ законамъ (Баварія). Это увеличивало казенные доходы южныхъ государствъ, но мѣшало единству налоговой системы, вносило нѣкоторую путаницу въ почтово-телеграфныя сношенія, а, главное, значительно ослабляло имперскіе доходы. Буржуазія, съ которой Бисмаркъ до сихъ поръ особенно считался, хотя и ссорился съ ней, менѣе всего могла быть ему за это признательна; здѣсь-то и сказалась та увѣренность въ себѣ, то сознаніе прочности своего положенія, которыми Бисмаркъ былъ тогда всецѣло проникнутъ, и которыя позволили ему ради угожденія

династическимъ интересамъ южныхъ государей пренебречь интересами національными.

Но пока это было еще сравнительно незначительное уклоненіе въ сторону отъ національныхъ интересовъ. Зато во всемъ остальномъ конституція новой германской имперіи явилась почти повтореніемъ конституціи Сѣверо-Германскаго Союза, съ замѣной лишь титула для прусскаго короля. Попрежнему исполнительная власть въ лицѣ имперскаго канцлера сохраняла перевѣсъ надъ властью законодательной. Попрежнему Пруссія имѣла рѣшительное преобладаніе въ общеимперскихъ вопросахъ надъ всѣми остальными нѣмецкими государствами. Фактически получалось такое положеніе, при которомъ не Германія поглощала въ себѣ Пруссію, а Пруссія растворяла въ себѣ Германію.

Вильгельмъ I въ день провозглашенія германской имперіи, 18 января 1871 г., писалъ своей женѣ: «не сумѣю тебѣ описать, въ какомъ настроеніи я провелъ эти послѣдніе дни,—отчасти въ виду тяжкой отвѣтственности, которую мнѣ приходится на себя взять, а отчасти и прежде всего въ виду того горя, которое я испытываю при мысли о томъ, что мой титулъ прусскаго короля отодвигается на задній планъ». Но это была совершенно напрасная боязнь: титулъ прусскаго короля передалъ коронѣ германскаго императора всѣ свои главные отѣнки, и прусскій характеръ управленія съ его преклоненіемъ передъ матеріальными средствами культуры—арміей и финансами, съ его чиновничьей безотвѣтственностью охватилъ постепенно и германскую имперію. Только общественная опора власти теперь обнаружила тенденцію къ перемѣщенію—правда, съ частыми колебаніями и уклоненіями на старые пути—изъ феодально-дворянскихъ круговъ на круги торгово-промышленные, при чемъ эти круги по мѣрѣ того, какъ укрѣплялось ихъ положеніе, все болѣе теряли свои старые либеральные лозунги и проникались консервативно-авторитарными и милитаристическими настроями (въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ мы видѣли, нѣмецкая буржуазія сдала свои позиціи уже въ 1866 г.).

Союзъ Бисмарка съ буржуазіей былъ особенно яркъ послѣ 1870 г. Въ первые годы имперіи—политика германскаго правительства является прямымъ продолженіемъ политики Сѣверо-Германскаго Союза. Только покровительство буржуазіи принимаетъ гораздо болѣе ярко-выраженный характеръ. Изъ пяти-милліардной контрибуціи, которую Германія получила отъ Франціи, значительная доля пошла на субсидіи промышленникамъ и новымъ акціонернымъ обществамъ. Правительственная помощь совпала съ самостоятельнымъ расцвѣтаніемъ буржуазіи, и въ

Германіи, какъ грибы, стали расти разнаго рода капиталистическія предпріятія. Это было повтореніемъ промышленной горячки 50-хъ и 60-хъ годовъ, только въ гораздо болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Обществомъ овладѣла страсть къ легкой наживѣ, своего рода спекуляціонная лихорадка, а Бисмаркъ не находилъ нужнымъ мѣшать этимъ увлеченіямъ нѣмецкаго общества. А пока, опираясь на свой союзъ съ національ-либералами, онъ завязывалъ все болѣе прочныя узы нѣмецкаго единства. То, что въ конституціи Сѣверо-Германскаго Союза было провозглашено только въ качествѣ принциповъ—и получило пока только частичное осуществленіе, теперь стало облекаться въ форму отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и получало немедленное практическое примѣненіе. Въ 1873 г. во всей Германіи была установлена единая монета и введено золотое обращеніе. Крупныя государства Германіи отказались отъ права имѣть своихъ дипломатическихъ представителей за границей (1871—72 гг.). Въ 1871 г. было введено общее почтовое право. Въ 1875 г. былъ созданъ общій Имперскій банкъ. Затѣмъ объединенію подверглось и судопроизводство, а въ концѣ 70-хъ годовъ появились суды, дѣйствовавшіе на основѣ общеимперскихъ законовъ. Параллельно съ этимъ шла политика сплоченія и объединенія арміи: въ 1872 г. во всей Германіи былъ введенъ общій военно-уголовный кодексъ;—въ 1874 г. прусскій законъ о воинской повинности былъ распространенъ на всю Германію. Конечно, Бисмаркъ не забывалъ и объ усиленіи арміи и періодически требовалъ отъ рейхстага и новыхъ контингентовъ, и новыхъ ассигновокъ на военныя нужды.

Зато во всемъ томъ, что не касалось объединенія, коммерческаго расцвѣта и внѣшняго усиленія Германіи, Бисмаркъ не обнаруживалъ ни энергіи, ни торопливости. Къ 70-мъ годамъ относятся всего двѣ реформы Бисмарка, носившія характеръ борьбы противъ феодально-консервативныхъ пережитковъ. Во-первыхъ, это была административная реформа округовъ (1872 г.), дополненная указами 1875 г. и 1876 г. объ административныхъ судахъ и о надзорѣ за органами мѣстнаго самоуправления. Реформа 1872 г. касалась только 5 восточныхъ прусскихъ провинцій, гдѣ попрежнему помѣщикамъ принадлежала административная, юридическая и полицейская власть надъ крестьянскимъ населеніемъ (на западѣ этого уже давно не было). Теперь патримоніальную власть помѣщиковъ должны были замѣнить назначенные королемъ чиновники и выбранные представители мѣстнаго населенія; именно на низшей ступени—участкѣ (Amtsbezirk) во главѣ стоялъ назначенный правительствомъ участковый начальникъ (Amtsvorsteher), которому помогали избранные отъ общинъ

старшины (шульцы). Слѣдующей ступеню были уѣзды (Kreis'ы) подъ управленіемъ назначеннаго ландрата, стоящаго во главѣ уѣзднаго комитета изъ шести членовъ, выбранныхъ окружными собраніями (Kreistag'и); еще выше стояли провинціи, управляемыя провинціальнымъ директоромъ (Landesdirektor) и провинціальнымъ комитетомъ, избираемымъ провинціальнымъ собраніемъ, которое въ свою очередь составлялось изъ делегатовъ отъ окружныхъ собраній и муниципальных городскихъ совѣтовъ. Вліяніе мѣстнаго дворянства на провинціальную администрацію этимъ закономъ не было вполне уничтожено. Въ окружныхъ собраніяхъ (Kreistag'ахъ), которыя выбирались на основѣ прусскаго трех-класснаго закона, землевладѣльцы играли еще очень значительную роль, а между тѣмъ эти крейстаги были основнымъ зерномъ провинціального управленія. Тѣмъ не менѣе, реформа 1872 г. значительно урѣзывала права дворянства на мѣстахъ, и потому вызвала со стороны юнкеровъ самую яростную оппозицію. Особенно сильное сопротивленіе было оказано прусскою палатою господъ; королю, чтобы сломить это сопротивленіе, пришлось прибѣгнуть къ экстраординарной мѣрѣ,—а именно къ назначенію новыхъ 25 членовъ верхней палаты. Это было сдѣлано Вильгельмомъ, конечно, по настоянію Бисмарка, и партія «Крестовой газеты» теперь зачислила канцлера въ ряды ревностныхъ противниковъ юнкерскихъ идеаловъ,—несмотря на то, что и послѣ 1872 г., какъ показалъ опытъ, помѣстное дворянство еще продолжало господствовать въ области мѣстнаго управленія.

Второй либеральной реформой Бисмарка въ 70-хъ годахъ былъ его законъ о печати. Бисмаркъ не былъ сторонникомъ свободы для печати, но національ-либералы въ союзѣ съ прогрессистами побуждали его скорѣе реформировать устарѣвшее положеніе о печати, и такъ какъ и центръ былъ на сторонѣ реформы, то Бисмаркъ, послѣ нѣкоторыхъ оттяжекъ, представилъ въ палату 1874 г. проектъ закона, устанавливающаго судебную отвѣтственность по литературнымъ дѣламъ и явочный порядокъ для періодическихъ изданій.

Зато по самымъ существеннымъ вопросамъ внутренней политики Бисмаркъ не хотѣлъ дѣлать никакихъ либеральныхъ уступокъ. Въ числѣ программныхъ требованій національ-либераловъ стояло требованіе отвѣтственности министровъ и вознагражденія депутатовъ, но Бисмаркъ здѣсь твердо стоялъ на своемъ и ни за что не хотѣлъ признать, что онъ и его помощники могутъ отвѣчать за свои дѣйствія передъ кѣмъ-либо, кромѣ короля; и національ-либералы не особенно настаивали на принципѣ парламентарнаго управленія, такъ какъ политика Бисмарка ихъ

теперь вполне удовлетворяла. Особенно полно было въ это время согласіе Бисмарка съ торгово-промышленными кругами по вопросамъ экономической политики. Правой рукою Бисмарка во всѣхъ экономическихъ вопросахъ былъ тогда извѣстный манчестерецъ Дельбрюкъ. Бисмаркъ былъ въ это время вполне согласенъ съ нимъ, что главнымъ залогомъ благосостоянія націи является предоставленіе полной свободы капиталистическому хозяйству. Конечно, въ этотъ періодъ совершенно прекратились прежнія заигрыванія Бисмарка съ рабочими и ихъ вождями. Въ офиціозѣ правительства, «Provincial-Correspondenz», теперь помѣщаются открытыя нападенія и на лассалианцевъ, и на социаль-демократовъ, при чемъ обѣимъ партіямъ посылаются упреки, что онѣ «забрасываютъ рабочее населеніе обѣщаніями государственной помощи, которая вообще не можетъ осуществиться и попытки осуществленія которой съ самаго начала терпятъ крахъ». Отъ всякой связи съ государственнымъ социализмомъ Бисмаркъ теперь рѣшительно отрекается. Въ одной запискѣ 1872 г., которая была составлена Дельбрюкомъ, но подъ которой подписался Бисмаркъ, стоятъ такія слова: «конечно, ослѣпленные рабочіе и ихъ вожаки предъявляютъ далеко идущія требованія о заботѣ и помощи со стороны государства. Они взываютъ къ вмѣшательству власти, чтобы провести ихъ требованія о сокращеніи рабочаго дня и увеличеніи заработной платы; они хотятъ обезпечить себѣ... участіе въ прибыляхъ того предпріятія, гдѣ они заняты; наконецъ, они требуютъ, чтобы государство давало свои средства или открывало свой кредитъ для основанія предпріятій, прибыль съ которыхъ шла бы рабочимъ. Такія требованія государство должно принципиально отклонить, какъ выходящія за границы его полномочій и задачъ. Каждому свѣдующему и образованному человѣку извѣстна истина, что государство можетъ только стѣснять частную промышленную дѣятельность и глубоко разстроить всѣ хозяйственныя отношенія, если пожелаетъ со своими средствами и кредитомъ вмѣшиваться въ промышленную область или выступать съ регулированіемъ цѣнъ и заработныхъ платъ». Правда, эта категоричность настроенія скоро покидаетъ Бисмарка, и онъ уже въ восьмилѣтній періодъ своего либеральнаго канцлерства колеблется, не слѣдуетъ ли государственнымъ властямъ въ виду успѣховъ социалистическаго движенія принять нѣкоторыя активныя экономическія мѣропріятія—отчасти въ видѣ удовлетворенія нѣкоторыхъ требованій рабочихъ, отчасти въ видѣ полицейскихъ репрессій противъ социалистовъ, но пока эти колебанія еще не выходили изъ стадіи офиціальныхъ и офиціозныхъ записокъ, писемъ и проектовъ, не приводя ни къ какимъ положитель-

нымъ мѣрамъ и не нарушая союза Бисмарка съ либеральной буржуазіей.

Къ восьмилѣтнему періоду либеральнаго канцлерства Бисмарка относится и надѣлавшая такого шума его борьба съ католиками, которую Вирховъ назвалъ «борьбой за культуру» (Kulturkampf). Въ нашу задачу не входитъ изложеніе внѣшняго хода этой борьбы, слишкомъ извѣстной и еще живущей въ памяти многихъ изъ нашихъ современниковъ. Въ нашей статьѣ мы имѣемъ въ виду лишь отмѣтить, съ какими изъ старыхъ элементовъ гогенцоллерновской политики она находилась въ согласіи и какими новыми фактами германской исторіи она была вызвана. Равнодушіе къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ было одной изъ характерныхъ чертъ прусской политики, но миръ съ католиками и до Бисмарка не разъ нарушался въ теченіе прусской исторіи. Еще въ 20-хъ годахъ XIX вѣка католическое духовенство рейнскихъ провинцій отказалась подчиниться обычаю, получившему право гражданства въ остальной Пруссіи, по которому при смѣшанныхъ бракахъ сыновья должны слѣдовать религіи отца, а дочери—религіи матери. Въ 30-хъ годахъ также были случаи столкновеній между свѣтской и духовной властью. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наступающей стороною было католическое духовенство, а прусское правительство занимало позицію активной обороны. При Бисмаркѣ въ наступленіе перешли одновременно обѣ стороны. Бисмаркъ, какъ и большинство предшествовавшихъ ему прусскихъ политиковъ, былъ вполне равнодушенъ къ религіи, но онъ былъ проникнутъ безграничнымъ преклоненіемъ передъ властью и потому не могъ допустить никакихъ помѣхъ на пути побѣды государства на пути побѣды государственной колесницы. Культъ государства былъ одной изъ старыхъ гогенцоллерновскихъ традицій; къ возвеличенію государства, его внѣшней мощи и внутренней прочности были въ сущности направлены всѣ усилія наиболѣе энергичныхъ прусскихъ монарховъ и ихъ министровъ. Но какъ разъ по отношенію къ католической церкви прусское и другія германскія правительства дѣлали очень крупныя уступки. Въ католицизмѣ даже прусское, протестантское правительство видѣло одинъ изъ устоевъ порядка и прощало ему то, что не простило бы другимъ общественнымъ элементамъ—слишкомъ большую самостоятельность и даже нѣкоторую заносчивость въ поведеніи. Почти во всѣхъ случаяхъ столкновеній между государствомъ и церковью уступало государство. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ католики достигли очень важныхъ правъ и преимуществъ въ Германіи; народное образованіе находилось въ значительной степени въ рукахъ католическаго духовенства,—даже и въ протестантскихъ государствахъ. Бисмаркъ нашелъ нужнымъ положить всему этому конецъ.

Католицизмъ былъ для него силою опасною въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, съ возрожденіемъ единой Германіи должна была снова возродиться старая противоположность между папствомъ и имперіей. Конечно, церковно-политическая ситуація въ XIX вѣкѣ была очень непохожа на отношенія между папской и императорской властью въ XI—XIII вѣкахъ; но теперь папство, лишенное свѣтской власти, приобрѣло новый авторитетъ въ народномъ сознаніи, облекшись въ терновый вѣнецъ отреченія отъ мірскихъ благъ; мистическія настроенія, которыя доминировали въ первой половинѣ XIX вѣка, подняли его вліяніе среди среднихъ слоевъ общества и нѣмецкой интеллигенціи; оно только что провозгласило (1870 г.) принципъ непогрѣшимости римскаго первосвященника, и совсѣмъ не думало отказываться отъ вліянія на свѣтскія дѣла и отъ господства надъ свѣтской властью.

Бисмаркъ угадывалъ чутьемъ, что и безъ свѣтской власти католицизмъ займетъ агрессивное положеніе по отношенію къ имперіи. «Католическое духовенство», писалъ онъ позднѣе въ своихъ «Воспоминаніяхъ», «если оно хочетъ въ полной мѣрѣ выполнить свое теоретическое призваніе, должно поверхъ церковной сферы выставлять притязаніе на участіе въ свѣтскихъ функціяхъ государства, должно стремиться стать подъ церковными формами политическимъ институтомъ и переносить на своихъ сотрудниковъ свое собственное убѣжденіе, что свобода церкви заключается въ ея господствѣ, что всюду, гдѣ она не господствуетъ, она въ правѣ жаловаться на діоклетіановское гоненіе». Возродившаяся имперія должна была прежде всего подвергнуться нападеніямъ папской власти, потому что во главѣ ея стояло протестантское государство съ ясно выраженнымъ свѣтскимъ направленіемъ политики, и это свѣтское направленіе, несмотря на всѣ уступки, которыя до сихъ поръ дѣлались католикамъ, должно было дать себя знать съ особенной силой теперь, когда новой имперіи приходилось выступать на широкій путь промышленнаго развитія и имперіалистическаго господства.

Во-вторыхъ, католики для Бисмарка были силой, опасной для германскаго единства. Съ присоединеніемъ южныхъ государствъ ихъ оказалось болѣе трети всего населенія Германіи; они группировались компактными массами на югѣ и въ Польшѣ, и Бисмаркъ не безъ основанія боялся, что католицизмъ можетъ стать однимъ изъ элементовъ партикуляризма и даже сепаратизма. Послѣднее относилось къ польскимъ провинціямъ Пруссіи, которая въ силу пріемовъ прусской политики смотрѣла на свое сліяніе съ Пруссіей, какъ на тяжкое иноземное иго. И Бисмаркъ, принимаясь за *Kulturkampf*, прежде всего имѣлъ въ виду борьбу

противъ сепаратистскихъ стремленій поляковъ; въ «Воспоминаніяхъ» онъ прямо говоритъ, что «польщизна» (Polenthum) была для него лейтмотивомъ культуркампфа. Боялся онъ также и партикуляризма южанъ и съ опасеніемъ смотрѣлъ на ту часть программы католической партіи, которая особенно настаивала на сохраненіи федеративнаго строя имперіи.

Но католики все-таки подняли борьбу первыми. Въ рейхстагѣ они образовали довольно сильную партію центра (63 депутата) во главѣ съ Виндгорстомъ и потребовали отъ правительства, чтобы оно выступило на защиту свѣтской власти папы; когда имъ было отказано въ этомъ, католическіе епископы обрушились съ репрессіями на тѣхъ изъ священниковъ и профессоровъ богословія, которые не соглашались съ принципомъ папской непогрѣшимости; въ польскихъ провинціяхъ католическое духовенство проявляло усиленную дѣятельность въ порученныхъ ему надзору школахъ. Бисмаркъ поднялъ брошеную ему перчатку. Противъ агрессивныхъ дѣйствій католиковъ посыпались репрессивные законы. Рейхстагъ принялъ законъ о наказаніи тюремнымъ заключеніемъ церковныхъ проповѣдниковъ за рѣчи, способныя нарушить общественное спокойствіе (1871 г.); вслѣдъ за тѣмъ въ прусскомъ ландратѣ министромъ культовъ Фалькомъ былъ проведенъ законъ, устанавливавшій надзоръ правительства за преподаваніемъ въ школахъ (1872 г.). Въ томъ же году рейхстагъ запретилъ доступъ на германскую территорію ордену іезуитовъ и родственныхъ ему орденовъ и конгрегаций. Въ слѣдующемъ году были приняты знаменитые майскіе законы, устанавливающіе обязательный образовательный стажъ въ *германскихъ* учебныхъ заведеніяхъ для кандидатовъ на церковныя должности, ограничивавшіе карательныя права духовной власти надъ паствою и духовными служителями и облегчавшіе выходъ изъ любого вѣроисповѣданія. Вслѣдъ за тѣмъ (1874 г.) въ Пруссіи былъ установленъ гражданскій бракъ, законъ о которомъ въ 1875 г. былъ распространенъ на всю имперію, и проведенъ цѣлый рядъ другихъ законовъ, ограничивавшихъ имущественныя и юридическія права духовенства.

Борьба разгоралась. Епископы и священники не хотѣли признавать майскихъ и имъ подобныхъ законовъ, папа поддерживалъ ихъ въ этомъ. На непокорныхъ посылались штрафы и судебныя приговоры, каравшіе тюремнымъ заключеніемъ. Пришлось прибѣгнуть къ полицейскимъ мѣрамъ воздѣйствія, а именно къ ссылкѣ и высылкѣ непокорныхъ. Католики и не думали сдаваться. Партія центра въ рейхстагѣ усилилась съ 63 до 91 депутата. Консерваторы, для которыхъ политика Бисмарка была

нарушеніемъ добрыхъ старыхъ нравовъ и поруганіемъ церкви, смотрѣли теперь на своего бывшего союзника, какъ на явнаго врага; прогрессисты, которые вначалѣ поддерживали Бисмарка, видя въ немъ борца противъ церковнаго мракобѣсія, скоро, когда канцлеръ вступилъ на путь чисто полицейской борьбы съ католиками, отвернулись отъ него; для нихъ все болѣе выяснялось, что борьба Бисмарка противъ католиковъ была борьбою за престижъ государственной власти, а не за религіозную свободу; даже и національ-либералы, которые вполнѣ искренне сочувствовали Бисмарку во все время культуркампфа, по мѣрѣ того, какъ выяснялось, что Бисмаркъ не можетъ продолжать борьбы безъ ихъ поддержки, стали вспоминать о забытыхъ лозунгахъ своей программы, и ихъ вождь Беннигсенъ условіемъ своего вступленія въ прусскій кабинетъ поставилъ—помимо продолженія фритредерской политики—и осуществленіе требованій парламентаризма.

Для Бисмарка это было уже слишкомъ. Союзъ съ либералами продиктованъ былъ для Бисмарка исторической необходимостью, но онъ давно уже смущалъ его юнкерскую душу. Его искренне огорчало то, что онъ все дальше и дальше отходилъ отъ своихъ деревенскихъ друзей изъ круга восточно-прусскихъ помѣщиковъ. И теперь (съ начала 1878 года) Бисмаркъ сталъ думать о томъ, нельзя ли ему снова вернуться въ родное ему лоно консерватизма. Для этого нужно было совершить совершенно неожиданный скачокъ; нужно было признать друзьями своихъ недавнихъ враговъ и друзей—врагами. Бисмарка это не смущало; онъ былъ слишкомъ смѣлъ и слишкомъ увѣренъ въ себѣ, чтобы останавливаться передъ самыми смѣлыми поворотами въ своей политикѣ, если находилъ, что для нихъ пришло время. А съ 1878 г. не только обстоятельства стали благопріятно складываться для новаго поворота въ политикѣ, но для него являлась какъ бы новая государственная необходимость въ видѣ запросовъ со стороны финансоваго вѣдомства.

Національ-либералы продолжали держаться за фритредерство, но теперь выяснилось, что при господствовавшей въ Германіи финансовой системѣ фритредерство не удовлетворяетъ требованіямъ государственнаго казначейства. Финансовыя средства Германіи складывались изъ матрикулярныхъ взносовъ отъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ и изъ таможенныхъ налоговъ и налоговъ на предметы потребленія. Но существованіе первыхъ ставило общегерманское правительство въ унизительную зависимость отъ отдѣльныхъ государствъ и даже давало ходъ патрикуляристическимъ настроеніямъ; а вторые были слишкомъ недостаточны въ виду все усиливавшихся расходовъ на армію и флотъ.

До конца 70-х годовъ недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ покрывался изъ пятимиллиардной французской контрибуціи; теперь этотъ источникъ начиналъ изсякать. И вотъ Бисмаркъ задумалъ подвести прочный базисъ подъ имперскіе финансы. Планъ, который возникъ въ это время въ его головѣ, былъ очень простъ: нужно было поднять косвенные налоги, главнымъ образомъ, таможенные, и изъ таможенныхъ поступленій создать постоянный и прочный источникъ имперскихъ доходовъ, освобождающій германское правительство отъ унижительной необходимости «стучаться въ двери отдѣльныхъ государствъ». И здѣсь, такимъ образомъ, соображенія о финансовой мощи Германіи, доминировали въ головѣ Бисмарка, и его планъ измѣненія экономической политики носилъ по преимуществу фискальный характеръ. Но Бисмаркъ не принадлежалъ къ числу людей, которые бросаются въ новую политику, очертя голову, не будучи увѣрены, что на новомъ пути они найдутъ для себя достаточную поддержку во вліятельныхъ общественныхъ кругахъ. Такую поддержку онъ долженъ былъ теперь найти и среди части нѣмецкихъ промышленниковъ, измѣнившихъ прежнимъ либерально-экономическимъ лозунгамъ, и среди землевладѣльческихъ круговъ, также переходившихъ теперь на сторону протекціонизма. Какъ прекрасный сельскій хозяинъ и недюжинный экономистъ, Бисмаркъ не могъ не замѣтить, что состояніе промышленности и сельскаго хозяйства было теперь совсѣмъ не то, что 10—15 лѣтъ тому назадъ. Въ области промышленности эпоха грюндерства, начавшаяся послѣ 1870 г., завершилась цѣлымъ рядомъ грандіозныхъ кризисовъ, и многіе фабриканты стали разоряться вслѣдствіе перепроизводства. Поэтому-то цѣлый рядъ нѣмецкихъ промышленниковъ теперь ничего не имѣлъ противъ перехода къ протекціонистскимъ тарифамъ, сокращавшимъ ввозъ въ Германію иностранныхъ товаровъ, конкурирующихъ съ германскими. Сокращеніемъ иностраннаго ввоза они надѣялись поднять спросъ на туземныя произведенія. Нужно оговориться, конечно, что далеко не вся промышленная буржуазія перешла въ лагерь протекціонистовъ; существовалъ цѣлый рядъ производствъ, не затронутыхъ кризисомъ, и представители этихъ производствъ не имѣли никакихъ основаній измѣнять своимъ либеральнымъ лозунгамъ въ области экономической политики. Но какъ бы то ни было, среди буржуазіи, до сихъ поръ единодушной по своимъ экономическимъ взглядамъ, начинался расколъ, и Бисмаркъ не приминулъ имъ воспользоваться въ цѣляхъ своей фискальной политики. Еще болѣе рѣшительный и крутой переломъ произошелъ теперь среди сельскихъ хозяевъ. Пока восточно-прусскіе юнкера сами вывозили свой хлѣбъ

изъ Германіи, фритредерство было для нихъ выгодно; но вскорѣ послѣ объединенія Германіи въ аграрной исторіи ея произошелъ полный переворотъ: удешевленіе провоза вызвало наплывъ въ Германію иноземнаго хлѣба изъ странъ съ лучшей почвой и болѣе дешевымъ трудомъ, чѣмъ въ Германіи. Привозный изъ Аргентины, С.-А. Штатовъ и Россіи хлѣбъ стоилъ дешевле, чѣмъ германскій, и нѣмецкіе землевладѣльцы стали жаловаться на плохой сбытъ ихъ товара. Высокія пошлины на привозный хлѣбъ должны были придти имъ на выручку, и естественно, что юнкера встрѣтили поворотъ въ экономическихъ взглядахъ Бисмарка съ нескрываемымъ восторгомъ. Высказываясь за высокія таможенныя ставки на привозный хлѣбъ, Бисмаркъ убивалъ этимъ одновременно двухъ зайцевъ: повышалъ доходы казны и привлекалъ къ себѣ консервативные землевладѣльческіе круги. Наоборотъ, съ національ-либералами онъ долженъ былъ разорвать. Національ-либералы голосовали противъ предложенныхъ Бисмаркомъ пошлинъ на желѣзо и хлѣбъ, но, несмотря на это, въ маѣ и іюнѣ 1879 года эти налоги были приняты рейхстагомъ. Бисмаркъ стремился кромѣ того еще ввести табачную и винную монополію и выкупить въ казну всѣ желѣзныя дороги. Но табачная и винная монополія были отвергнуты рейхстагомъ, и ему удалось только провести налоги на табакъ, кофе и керосинъ; также и выкупъ въ казну желѣзныхъ дорогъ получилъ только частичное осуществленіе, и за все время канцлерства Бисмарка ему удалось «огосударствить» всего 30 тысячъ километровъ желѣзныхъ дорогъ. Зато пошлины на хлѣбъ Бисмаркъ неуклонно увеличивалъ и довелъ ихъ уже къ 1887 году до 5 марокъ съ двойного центнера (вмѣсто 1 марки въ 1779 году). Въ 80-хъ же годахъ имъ были проведены пошлины на виноградную лозу, на солодъ, на продукты помола и стручковые плоды. Сельскіе хозяева могли быть теперь вполне довольны.

Принятіемъ покровительственныхъ пошлинъ на хлѣбъ Бисмаркъ прокладывалъ одинъ изъ мостковъ въ лагерь консерваторовъ. Вслѣдъ за тѣмъ не замедлили протянуться и другіе мостки. Разорвавъ съ экономическимъ либерализмомъ, Бисмаркъ не колебался разорвать съ либерализмомъ и въ политикѣ. Для этого разрыва, даже и помимо его общей склонности къ консерватизму, у него было достаточно причинъ. Во-первыхъ, все болѣе выяснялась мощь католической церкви; епископы и священники оказывали отчаянное сопротивленіе майскимъ законамъ и шли въ тюрьмы, не поступаясь ни пядью изъ своихъ старыхъ правъ и привилегій. Десятки епископскихъ кафедръ оставались незамѣщенными, тысячи приходоу оказались безъ священниковъ.

Большинство рейхстага и прусской палаты депутатов теперь уже не сочувствовали культуркампу. Подъ вліяніемъ всего этого Бисмаркъ не прочь былъ пойти теперь на мировую съ католиками. Онъ отдалъ приказъ судамъ, администраціи и полиціи прекратить преслѣдованія католическаго духовенства. Ненавистный католикамъ министръ культовъ Фалькъ получилъ отставку и былъ замѣненъ консерваторомъ до мозга костей Путкаммеромъ. Вслѣдъ затѣмъ были отмѣнены особенно ненавистные для католиковъ законы, и духовныя лица постепенно стали возвращаться на свои мѣста. Ликвидация культуркампа продолжалась въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, вплоть до 1887 г. Въ этомъ году самъ папа Левъ XIII призналъ, что тяжелой и ожесточенной борьбѣ между церковью и государствомъ положенъ конецъ. Бисмаркъ уступилъ не по всѣмъ пунктамъ; уцѣлѣлъ государственный надзоръ за школами, гражданскій бракъ, законъ о запрещеніи доступа іезуитовъ въ имперію и нѣкоторые другія, сравнительно второстепенныя, ограниченія церковныхъ правъ. Бисмаркъ продолжалъ настаивать, что самыя существенныя права остались отнятыми у церкви, но для всѣхъ было ясно, что канцлеръ во многихъ отношеніяхъ капитулировалъ передъ папою. Государственный экзаменъ для кандидатовъ на духовныя должности былъ отмѣненъ, церковный судъ упраздненъ; многіе монашескіе ордена снова расширили свою дѣятельность, иностранцы получили снова право занимать духовныя должности въ Германіи и т. п. Хотя клерикалы и заявляли, что они далеко не удовлетворены сдѣланными правительствомъ уступками, однако, въ рейхстагѣ католическій центръ (пріобрѣвшій на выборахъ 1881 г. 110 голосовъ) сталъ теперь опорой правительства, и его лидеръ Виндгорстъ началъ пользоваться необычайнымъ вліяніемъ въ парламентѣ и въ правительственныхъ кругахъ.

Ликвидацией культуркампа Бисмаркъ оттолкнулъ отъ себя либераловъ и сблизился съ консерваторами. Вторымъ его шагомъ по этому же пути явилась борьба съ социалистами. Къ концу 70-хъ годовъ социализмъ въ Германіи выросъ въ довольно внушительную силу, и Бисмаркъ былъ имъ не на шутку напуганъ. Пока социаль-демократы были не опасны, Бисмаркъ велъ съ ними игру и даже пользовался ими для борьбы противъ тѣхъ, въ комъ видѣлъ въ то время дѣйствительную опасность. Но уже въ 70-хъ годахъ онъ своимъ чутьемъ практическаго политика понялъ, какую угрозу любезнымъ его сердцу началамъ таитъ въ себѣ социализмъ и сталъ подвергать преслѣдованіямъ социалистовъ, не разбирая ни лассальянцевъ, ни марксистовъ. Пока онъ дружилъ съ либералами и былъ во враждѣ съ консерваторами, у

него не было возможности вести особенно энергичную борьбу противъ социалистовъ. Разрывъ съ національ-либералами въ 1878 году развязалъ ему руки, и теперь онъ могъ дать волю своимъ интимнымъ настроеніямъ прусскаго юнкера. Два покушенія на жизнь императора значительно облегчили Бисмарку его дѣло. Бисмаркъ постарался использовать эти покушенія для того, чтобы запугать общество призракомъ социалистической опасности, и со свойственнымъ ему искусствомъ достигъ своей цѣли. На выборахъ 1878 г. число голосовъ, поданныхъ за прогрессистовъ, національ-либераловъ и социаль-демократовъ, значительно понизилось и эти голоса были поданы теперь за правыхъ. Въ новомъ рейхстагѣ правые обладали внушительнымъ количествомъ голосовъ (115) и вмѣстѣ съ центромъ (94 голоса) представляли уже очень значительную силу. Бисмаркъ немедленно учелъ это обстоятельство и внесъ въ рейхстагъ драконовскій законопроектъ противъ социалистовъ. Національ-либералы, которые также были напуганы покушеніями на императора, голосовали за законопроектъ, и онъ былъ принятъ 19 окт. 1878 г. По этому закону союзы и собранія, «преслѣдующія социаль-демократическія и коммунистическія цѣли», подлежали запрещенію; правительству предоставлялось право объявлять въ мѣстностяхъ, въ которыхъ «общественная безопасность особенно угрожаема», малое осадное положеніе; социалистическія газеты и типографіи закрывались. Теперь на социалистовъ посыпались тяжелыя кары. Въ Берлинѣ, позднѣе въ Гамбургѣ и Лейпцигѣ было введено малое осадное положеніе. Вожди социаль-демократической партіи подверглись высылкѣ или тюремному заключенію, почти всѣ социалистическія газеты были закрыты; тысячами уничтожались изданія съ социалистическимъ оттѣнкомъ, сотнями закрывались союзы и собранія. Открытая дѣятельность социалистической партіи послѣ этого прекратилась, социаль-демократическія газеты стали издаваться за-границей. Но социаль-демократическое движеніе не было задавлено, и число голосовъ, подаваемыхъ на выборахъ въ рейхстагѣ за социаль-демократовъ, продолжало расти (за исключеніемъ выборовъ 1881 г.).

Бисмаркъ и не надѣялся задавить социалистическое движеніе въ Германіи одними только полицейскими мѣрами. Его голова не была похожа на головы шаблонныхъ бюрократовъ, и онъ понималъ, что нѣмецкій социализмъ имѣетъ слишкомъ глубокіе корни, чтобы его можно было задавить одними репрессіями. На выручку ему пришла школа катедеръ-социалистовъ, которые въ противоположность манчестерцамъ доказывали, что государство въ своихъ собственныхъ интересахъ долж-

но вмѣшаться въ борьбу между трудомъ и капиталомъ въ защиту перваго и законодательнымъ путемъ гарантировать интересы рабочихъ. Во главѣ этой школы стояли крупнѣйшіе политико-экономы Германіи (Шмоллеръ, Вагнеръ, Шефле, Брентано, Гельдъ и др.), и Бисмаркъ оказался ихъ понятливымъ ученикомъ. Въ объяснительной запискѣ, которая была приложена къ законопроекту страхования отъ несчастныхъ случаевъ (1881 г.), говорилось, что цѣль разумной политики должна заключаться въ томъ, чтобы «внушить неимущимъ классамъ... тотъ взглядъ, что государство—учрежденіе не только необходимое, но и творящее добро» и что положительная задача государства заключается въ «укрѣпленіи благосостоянія всѣхъ его членовъ, и особенно слабыхъ и нуждающихся въ помощи». Въ тронной рѣчи, которую Бисмаркъ сочинилъ для Вильгельма въ томъ же 1881 г., было также опредѣленно заявлено, что «исцѣленія общественныхъ золъ слѣдуетъ помогать не однимъ подавленіемъ крайностей социаль-демократіи, но также и путемъ положительнаго содѣйствія благосостоянію рабочихъ». Такія заявленія обязывали къ очень многому. Но когда дѣло дошло до практическаго осуществленія заявленныхъ принциповъ, то обычная энергія покинула Бисмарка, и онъ не пошелъ дальше нѣсколькихъ робкихъ и незначительныхъ начинаній. Причина этого заключалась въ томъ, что Бисмаркъ вступилъ на путь социальной политики не добровольно, а подъ давленіемъ обстоятельствъ, изъ боязни роста социаль-демократическаго движенія. Онъ больше всего думалъ о томъ, какъ бы ограничиться минимальными уступками, которые вызвали бы у рабочихъ благодарность по отношенію къ государству, не вырывая ихъ въ то же время изъ условій приниженаго существованія, не внушая имъ преувеличенныхъ понятій объ ихъ силѣ и достоинствѣ и не поднимая ихъ правоваго самосознанія. Настоящая демократія никогда не могла вызвать въ душѣ Бисмарка искреннихъ симпатій, и если онъ протягивалъ имъ теперь одну руку для помощи, то рабочіе не могли забыть, что въ другой его рукѣ лежалъ камень въ видѣ исключительныхъ мѣръ противъ социаль-демократовъ. При такихъ условіяхъ его политика защиты труда не могла ни вызвать довѣрія въ средѣ рабочихъ, ни принести большихъ результатовъ въ смыслѣ улучшенія ихъ экономического благосостоянія. У него и мысли не являлось гарантировать пролетаріатъ отъ безработицы, несмотря на то, что въ годы кризисовъ безработица являлась однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ золъ для пролетаріата; онъ упорно не хотѣлъ согласиться на обязательное установленіе праздничнаго отдыха для рабочихъ. «Запрещеніе работы по воскресеньямъ», заявлялъ онъ, «и въ

5*

субботу послѣ обѣда...—на практикѣ натолкнется на столь многія препятствія и повлечетъ за собою столь существенное вмѣшательство въ свободу каждаго отдѣльнаго лица, что можетъ а ргіогі считаться невыполнимымъ»; онъ противился также установленію 10 часового рабочаго дня и запрещенію ночныхъ работъ для женщинъ и дѣтей; онъ не былъ согласенъ также и съ необходимостью установленія обязательнаго посѣщенія школы дѣтьми и подростками, занятыми въ производствѣ. Даже и институтъ обязательной фабричной инспекціи вызывалъ его неодобреніе. «Я считаю заблужденіемъ думать», писалъ онъ, «что затрудненія между работодателями и рабочими можно разрѣшить созданіемъ новаго класса чиновниковъ, который несетъ въ себѣ всѣ зародыши бюрократическихъ злоупотребленій». Онъ, конечно, всѣми силами стремился превратить рабочій вопросъ изъ вопроса о желудкѣ (Magenfrage) въ вопросъ о культурѣ (Kulturfrage). Мѣры, которыя могли бы поднять культурный уровень рабочихъ, онъ считалъ выходящими за предѣлы рабочаго вопроса. «Борьба работодателей и рабочихъ», писалъ онъ, «вращается, главнымъ образомъ, вокругъ высоты участія каждой стороны въ доходѣ и размѣра труда, котораго можно требовать отъ рабочаго»...

Еще до того, какъ Бисмаркъ вступилъ въ новую эру своего соціально-политическаго міровоззрѣнія, въ 1877 г. соціалъ-демократы представили въ рейхстагъ довольно широкій законопроектъ объ улучшеніи участи рабочихъ (10-ти часовой рабочій день, учрежденіе примирительныхъ камеръ и промышленныхъ судовъ, установленіе обязательной фабричной инспекціи, свободы профессиональныхъ организацій); въ слѣдующемъ году подъ вліяніемъ этихъ требованій была запрещена truck-system, усилена отвѣтственность за нарушеніе контракта и принято въ принципѣ обязательное введеніе фабричной инспекціи, что на практикѣ свелось къ назначенію всего 30 правительственныхъ инспекторовъ. Бисмаркъ соглашался и на это, скрѣпя сердце; его душа лежала къ тому, чтобы ограничить дѣло помощи рабочимъ введеніемъ обязательнаго страхованія рабочихъ на случай болѣзни, увѣчья, старости и неспособности къ труду¹⁾. Въ институтѣ обязательнаго страхованія подчеркивалась забота государства о рабочихъ и въ то же время помощь давалась въ такомъ видѣ, что отъ нея никакъ нельзя было ожидать подъема культурнаго сознанія рабочихъ. Поэтому мысль объ обязательномъ страхованіи рабочихъ вполне удовлетворяла Бисмарка, и на проведеніи ея въ жизнь онъ сосредоточилъ всѣ свои усилія.

¹⁾ Мысли о страхованіи на случай безработицы, какъ слишкомъ соціалистической, Бисмаркъ тщательно избѣгалъ.

Для облегченія своей задачи Бисмаркъ создалъ въ 1880 г. для Пруссіи особый народно-хозяйственный совѣтъ (Volkswirtschaftsrat). Онъ долженъ былъ играть роль совѣтника правительства въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Въ немъ было 75 членовъ, 45 изъ которыхъ выбирались различными экономическими учрежденіями, а 30—назначались министромъ (изъ этихъ 30, какъ особенно настаивалъ Бисмаркъ, 15 должны были обязательно принадлежать къ ремесленникамъ или рабочимъ). Бисмаркъ имѣлъ въ виду, кромѣ прусскаго совѣта по хозяйственнымъ дѣламъ создать такой же совѣтъ для всей Имперіи, но рейхстагъ отказалъ дать на это нужные кредиты, заподозрѣвъ Бисмарка въ желаніи создать «побочный парламентъ» (Nebenparlament). Прусскій народно-хозяйственный совѣтъ тоже былъ въ скоромъ времени распущенъ, но ему все-таки удалось выработать законопроектъ о страхованіи рабочихъ, который былъ затѣмъ внесенъ въ рейхстагъ (1881 г.). Рейхстагъ принялъ этотъ законопроектъ съ такими измѣненіями (именно, была отвергнута идея государственной субсидіи при выдачѣ страховыхъ премій), что Бисмаркъ предпочелъ взять весь законопроектъ обратно. Онъ былъ принятъ по частямъ въ слѣдующихъ рейхстагахъ: законъ о страхованіи на случай болѣзни въ 1883 г., на случай увѣчья въ 1884 г., на случай старости и неспособности къ труду въ 1889 г. Законами отъ 1885—87 гг. страхованіе было распространено на нѣкоторыя частныя категоріи рабочихъ и служащихъ, которыхъ первоначальные законы не предусматривали (на служащихъ на путяхъ сообщенія, на земледѣльческихъ, лѣсныхъ и строительныхъ рабочихъ, на моряковъ и судоходныхъ рабочихъ). Принципъ государственной субсидіи былъ теперь сохраненъ; остальныя суммы, необходимыя для уплаты страховой преміи, складывались изъ взносовъ отъ рабочихъ и предпринимателей. Во время преній съ цѣлью прочнѣе закрѣпить свой союзъ съ католиками, Бисмаркъ неустанно подчеркивалъ, что проводимыя имъ мѣры являются актами христіанской благотворительности, «практическимъ христіанствомъ» и даже рекомендовалъ членамъ рейхстага «почитать Библію», чтобы оттуда почерпнуть аргументы въ пользу соціальнаго законодательства. На соціаль-демократовъ такія заявленія Бисмарка производили, конечно, глубоко отрицательное впечатлѣніе, и они встрѣтили проекты Бисмарка жестокой критикой, рассматривая ихъ какъ своего рода ловушку, въ которую канцлеръ хотѣлъ заманить рабочій классъ. То, въ чемъ они видѣли право рабочихъ, Бисмаркъ давалъ, какъ благодѣяніе со стороны государства. Съ такой точкой зрѣнія они согласиться не могли. Поэтому съ изданіемъ новыхъ законовъ соціаль-демократическая

агитація нисколько не ослабѣла, и соціализмъ пускалъ все болѣе глубокіе корни среди германскаго пролетаріата.

Чтобы покончить съ политикой Бисмарка въ царствованіе Вильгельма I, намъ надо дать еще общую характеристику его международной политики. Послѣ войны 1870 г. Германія стояла на вершинѣ военной славы, но Бисмаркъ былъ слишкомъ осторожнымъ политикомъ для того, чтобы почить на лаврахъ. Своими побѣдоносными войнами Германія обидѣла много національныхъ самолюбій, и Бисмаркъ, несмотря на всѣ свои заигрыванія съ Россіей и Италіей, несмотря на всю свою умѣренность по отношенію къ Австріи, боялся, какъ бы противъ нея не возникла могущественная коалиція, похожая на времена семилѣтней войны. Противъ этой опасности ее нужно было застраховать. Прежде всего онъ направилъ свои дипломатическія усилія въ сторону Австріи, поманивъ ее возможностью компенсацій на Балканскомъ полуостровѣ за утрату вліянія въ Германіи. Но онъ отнюдь не хотѣлъ въ то же время ссориться и съ Россіей. Его идеаломъ было устроить дѣло такъ, чтобы Россія и Австрія полюбовно размежевались на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ находилъ достаточно мѣста для обоихъ. Поэтому къ соглашенію Германіи съ Австріей онъ стремился привлечь и Россію. Александръ II ничего не имѣлъ противъ этого, такъ какъ онъ боялся какъ бы одностороннее соглашеніе Германіи съ Австріей не нанесло ущерба русскимъ интересамъ на Балканахъ; къ тому же отъ Германіи Россія еще не встрѣтила пока для себя никакой неприятели. Дальновидная политика Пруссіи по отношенію къ Россіи во время крымской войны и въ 1870 г. и умѣренность по отношенію къ Австріи въ 1866 г. теперь принесла свои плоды, и результатомъ ея было соглашеніе трехъ императоровъ (*Dreikaiserverhältniss*). Въ Берлинѣ въ сентябрѣ 1872 г. съѣхались Вильгельмъ I, Францъ-Іосифъ и Александръ II и обязались не предпринимать ничего важнаго на Балканахъ безъ соглашенія другъ съ другомъ, поддерживать *status quo* въ Европѣ и совместно бороться противъ соціалистической опасности. Это было какъ бы возобновленіемъ Священнаго Союза съ характернымъ для него подчиненіемъ внутренней и внѣшней политики международному контролю, съ пристрастіемъ къ *status quo* во внѣ и съ реакционными замашками внутри. Если бы этотъ союзъ оказался прочнымъ, то Бисмаркъ могъ бы не беспокоиться за будущее Германіи. Но Бисмарку было мало того, что Германія была однимъ изъ членовъ этого тройственнаго соглашенія. Онъ хотѣлъ играть въ немъ первую роль и стремился подчинить своей политикѣ двухъ остальныхъ членовъ соглашенія. Началось съ того, что

Бисмаркъ совершенно неожиданно для своихъ новыхъ друзей сталъ готовиться къ новой войнѣ съ Франціей. Онъ думалъ, что кровопусканіе 1870—71 гг. надолго обезсилило Францію, а между тѣмъ Франція обнаружила удивительную жизнеспособность и стала оправляться гораздо быстрѣе, чѣмъ это было въ интересахъ Германіи. Бисмаркъ, всегда боявшійся реванша, забилъ въ военные литавры, а когда во Франціи былъ принятъ въ 1875 г. законъ, увеличивавшій численность арміи, прямо сталъ грозить Франціи войною. Онъ намѣревался устроить для Франціи новое кровопусканіе, которое обезсилило бы ее уже на десятилѣтія. Но этого не могли допустить ни Англія, ни Россія, для которыхъ чрезмѣрное усиленіе Германіи не могло не быть опаснымъ. Особенно энергично въ пользу сохраненія мира старался русскій царь, который въ маѣ 1875 г. пріѣзжалъ лично въ Берлинъ. Онъ уговаривалъ Вильгельма, которому уже начинала надоедать воинственная политика Бисмарка, не затѣвать новой войны. Но Бисмаркъ далеко не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Заступничество Александра за Францію поставило передъ нимъ новую опасность—франко-русскаго сближенія, и онъ теперь приложилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы ослабить вліяніе Россіи на международныя дѣла Европы и по возможности ее изолировать. Случай представился ему во время русско-турецкой войны 1877—78 г. Эта война доказала невозможность полюбовнаго соглашенія Россіи и Австріи по Балканскимъ дѣламъ. Извѣстно, что еще до Сенъ-Стефанскаго договора Австрія начала военные приготовления и не на шутку готовилась къ войнѣ съ Россіей. Бисмарку предстояло теперь выбирать между Россіей и Австріей, и онъ не колебался въ своемъ выборѣ. Въ теченіи всей русско-турецкой войны онъ игралъ искусную игру и держалъ Александра II въ убѣжденіи, что его нейтралитетъ носитъ дружественный по отношенію къ Россіи характеръ. Но на Берлинскомъ конгрессѣ, о созывѣ котораго онъ усиленно хлопоталъ и на которомъ онъ игралъ исключительную по своему вліянію роль, онъ раскрылъ свои карты и поддержалъ не Россію, а Австрію. Во время конгресса русскій уполномоченный графъ Шуваловъ прямо предлагалъ Бисмарку союзъ Россіи, но Бисмаркъ предпочелъ не ссориться съ Австріей; онъ не поддержалъ Россію и во время ея ссоры съ Англіей изъ-за границы Болгаріи, и Россія, не видя ни откуда поддержки, должна была сдать свои санъ-стефанскія позиціи. Благодаря Бисмарку, Австрія получила право оккупировать Боснію и Герцеговину, и потому уже совершенно забыла про 1866 г. и прониклась чувствомъ благодарности къ Германіи. Отсюда былъ уже одинъ шагъ до заключенія оборонительнаго

союза между Германіей и Австро-Венгріей, который и былъ заключенъ въ октябрѣ 1879 г. Онъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ Россіи, потому что въ немъ прежде всего было установлено, что если на одну изъ договаривающихся сторонъ нападетъ Россія, то другая должна помочь ей всѣми своими военными силами. Въ случаѣ же нападенія другихъ государствъ требовалось соблюденіе только дружественнаго нейтралитета. Этотъ союзъ былъ всецѣло дѣломъ рукъ Бисмарка, потому что самъ Вильгельмъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Александромъ II, приходившимся ему роднымъ племянникомъ, и ни за что не хотѣлъ подписывать враждебнаго Россіи договора. Чтобы побудить его къ этому, Бисмарку пришлось пригрозить даже отставкою всѣхъ министровъ, и только послѣ этой угрозы старый императоръ уступилъ. Бисмаркъ, однако, и послѣ заключенія оборонительнаго союза съ Австріей не терялъ надежды сохранить дружественныя отношенія съ Россіей. Въ 1887 г. онъ даже устроилъ нѣчто въ родѣ возобновленія союза трехъ императоровъ. По договору, заключенному между Вильгельмомъ I, Францемъ-Иосифомъ и Александромъ III въ этомъ году въ Скерневицахъ, три императора обязывались соблюдать по отношенію другъ къ другу дружественный нейтралитетъ, если кто-либо изъ нихъ подвергнется чьему-либо нападенію. У Россіи въ то время были натянутыя отношенія съ Англіей изъ-за дѣлъ въ Передней Азіи и на Кавказѣ, и потому она охотно пошла на заключеніе такого договора, который гарантировалъ ей невмѣшательство постоянно-враждебной ей Австро-Венгріи въ возможную войну съ Англіей. Незадолго до этого, въ 1882 г. Бисмарку удалось достигнуть еще одного дипломатическаго успѣха: къ двойственному союзу Австро-Венгріи и Германіи была присоединена еще и Италія, которой Бисмаркъ обѣщалъ гарантіи ея территоріальной цѣлости въ обмѣнъ за союзъ. Тройственный союзъ сталъ теперь крупнѣйшей силой во всемъ мірѣ, и Бисмарку, казалось, теперь уже нечего было бояться за безопасность Германіи. Даже ненависть Франціи ему удалось значительно ослабить, развязавъ ей руки на захватъ Туниса (1881 г.). Такъ искусными дипломатическими ходами Бисмаркъ создавалъ гарантіи прочности и европейскаго могущества новосозданной имперіи. На дипломатическомъ полѣ у него не было соперниковъ, и онъ могъ теперь торжествовать полную побѣду.

Но одного только европейскаго могущества Бисмарку было мало. Онъ намѣревался превратить Германію въ міровую державу и на склонѣ своихъ лѣтъ, въ послѣдніе годы царствованія Вильгельма, сталъ неустанно работать въ пользу укрѣпленія власти Германіи на моряхъ и на океанахъ. До восьмидесятихъ

годовъ у Германіи не было колоній, и Бисмаркъ раньше относился довольно равнодушно къ вопросу о приобрѣтеніи колоній. «У меня нѣтъ колоніальныхъ стремленій», говорилъ онъ еще въ 70-хъ годахъ. Но онъ былъ всегда чутокъ ко всему, связанному съ коммерческимъ процвѣтаніемъ Германіи. Даже и въ годы, когда онъ разорвалъ съ національ-либералами и вернулся къ аграрнымъ симпатіямъ своей молодости, онъ не могъ не замѣтить, какую огромную экономическую роль играютъ колоніи въ промышленномъ развитіи страны конца XIX вѣка. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ одна гамбургская фирма, разрабатывавшая природныя богатства самоанскихъ острововъ и уже близкая къ банкротству, обратилась къ Бисмарку съ просьбой о субсидіи, онъ занялся изученіемъ колоніальнаго вопроса и уже очень скоро пришелъ къ выводу, что Германія должна стать на колоніальный путь. Онъ думалъ, однако, что государство не должно само завоевывать колоній, а только помогать тѣмъ смѣлымъ людямъ, по существу авантюристамъ, которые заведутъ торговыя факторіи во внѣевропейскихъ странахъ или займутся тамъ полезными промыслами. Колоніальное могущество Германіи должно было, по его мнѣнію, начаться съ частнаго предпринимательства, а роль государства должна была ограничиться лишь предоставленіемъ льготы и поддержки тѣмъ, кто на свой рискъ и страхъ поѣдутъ за моря съ цѣлью заняться тамъ промышленной или торговой дѣятельностью. Скоро, однако, Бисмаркъ сдѣлалъ шагъ и дальше: онъ призналъ возможнымъ объявить суверенитетъ Германіи надъ тѣми землями, гдѣ нѣмецкіе негоціанты стали на твердую почву. Отсюда было недалеко и до того, чтобы объявлять нѣмецкими колоніями и тѣ земли, гдѣ нѣмецкія купцы и промышленники еще не укрѣпились, но гдѣ они только *могли* въ близкомъ будущемъ развить широкую коммерческую дѣятельность. Началось дѣло съ того, что въ 1884 г. по просьбѣ бременскаго купца Людерица Германія провозгласила свой суверенитетъ надъ южно-африканской бухтой Ангра-Пекеной. Затѣмъ въ той же юго-западной Африкѣ также по предложенію частныхъ лицъ (гамбургскихъ купцовъ Вермана, Тормелена и Янтцена) германскій флагъ былъ водруженъ въ Тогѣ и Камерунѣ (1884 г.). Черезъ годъ въ восточной Африкѣ были заняты (опять по инициативѣ частнаго лица—Петерса) обширныя земли протяженіемъ къ югу отъ экватора (Уками, Узагора, Нгуру, Узегуа). Въ то же время Бисмаркъ обратилъ свое вниманіе и на Океанію. Въ 1884 г. тамъ была занята часть новой Гвинеи и Новобританскаго Архипелага. Въ слѣдующемъ году были заняты Маршалскіе и Каролингскіе острова. Такимъ образомъ, въ очень короткій срокъ Германія

превратилась въ колоніальную державу. Ея колоніи во много разъ превышали теперь территорію Германію (такъ въ одной Африкѣ у Германіи оказалось въ 4 раза больше земель, чѣмъ въ европейской ея метрополіи). Пока всѣ эти земли считались подъ германскимъ верховенствомъ, но находились въ управленіи частныхъ торговыхъ компаній, которыя имѣли охранныя грамоты отъ нѣмецкаго правительства. Въ нихъ не посылались ни имперскія войска, ни правительственные губернаторы. Превращеніе этихъ земель въ имперскія колоніи въ точномъ смыслѣ этого слова (*Kronkolonien*) произойдетъ уже послѣ смерти Вильгельма I.

Въ концѣ царствованія Вильгельма I Германія стояла на вершинѣ могущества, и старый императоръ умеръ (1888 г.) въ глубокой старости, на 91 году отъ рожденія, чувствуя, что подъ зданіе созданной его министромъ Имперіи подведенъ прочный фундаментъ. Но въ этомъ зданіи уже намѣчались двѣ трещины: первую—былъ милитаризмъ, который вытекалъ изъ стремленія Германіи поддерживать съ такимъ трудомъ доставшееся ей первое военное мѣсто въ Европѣ; второй—былъ маринизмъ, который былъ обусловленъ начавшейся въ 80-хъ годахъ колоніальной политикой Бисмарка и требовалъ колоссальныхъ денежныхъ затратъ. Но эти трещины разрослись и дали себя знать уже при внукѣ стараго императора.

В. Перцевъ.

Поэзія національно-освободительнаго движенія Італіі.

(1797—1870).

Нынѣ, когда Італія снова стоитъ лицомъ къ лицу съ своимъ старымъ врагомъ—съ Австріей, когда она мечомъ намѣрена завершить незаконченное когда-то дѣло объединенія итальянскихъ провинцій, какъ-то невольно вспоминаются страницы прошлаго, встаютъ въ памяти поэты національно-освободительнаго движенія, призывавшіе страну къ сверженію чужеземнаго ига, къ объединенію.

Въ ихъ душѣ звучала та пѣсня о «свободной» и «единой» Італіи, которая потомъ, благодаря усиліямъ героевъ-борцовъ и государственныхъ дѣятелей, облеклась въ кровь и плоть живой дѣйствительности.

И теперь при свѣтѣ разыгравшихся событій они проходятъ передъ нами съ своей печалью и своимъ гнѣвомъ, съ своимъ энтузіазмомъ и своими призывами.

Образы былого, они какъ-будто наши современники.

Въ 1797 г. привѣтствовалъ Уго Фосколо Наполеона, какъ освободителя, какъ творца новой демократической Італіи—каково же было его изумленіе, его негодованіе, когда онъ въ томъ же самомъ году узналъ, что, заключая миръ въ Кампо-Форміо, Наполеонъ продалъ австрійцамъ венеціанскую область.

На родной почвѣ хозяиномъ сталъ чужеземецъ—*lo straniero*.

Подъ впечатлѣніемъ этой катастрофы Фосколо и написалъ свой романъ «Послѣднія письма Якопо Ортиса» (*Le ultime lettere di J. Ortis*)—первый крикъ отчаянія итальянскаго патріотизма, первый—въ XIX в.—призывъ къ объединенію.

Какъ признавался самъ Фосколо въ письмѣ къ Гёте, сопровождавшемъ посылку ему экземпляра романа, «Послѣднія письма Я. Ортиса» навѣяны «Страданіями молодого Вертера» (*forse*

die'origine il vostro Werter). Вмѣстѣ съ тѣмъ итальянскій поэтъ подчеркивалъ, что по существу онъ взялъ всѣ подробности изъ жизни (avendo tutto tratto del vero) и изобразилъ, пользуясь именемъ друга, студента падуанскаго университета, покончившаго съ собой¹⁾, «самого себя, свои страсти и свое время».

Подобно гетевскому герою, Ортисъ любитъ невѣсту другого (Терезу), которая хотя и отвѣчаетъ ему взаимностью, но не можетъ и не хочетъ принадлежать ему. Какъ Вертеръ, онъ человѣкъ «чувствительный» и потому чрезвычайно неуравновѣшенный, легко переходящій отъ одного настроенія къ другому, прямо противоположному. Какъ Вертеръ, онъ страстно любитъ природу, и въ его письмахъ разсѣяно множество описаній пейзажей въ духѣ характерной для сентиментализма *poesia campestre*. Подобно гетевскому герою, и еще въ большей степени, Ортисъ—демократъ. Онъ ненавидитъ галантное свѣтское общество, пережитокъ эпохи Рококо, и знать, гордящуюся тѣмъ, что она «ничего не знаетъ и ничего не дѣлаетъ». Протестуя противъ стараго режима, «ставящаго столько препятствій генію и сердцу человѣка», и противъ «тираніи», построенной на «произволѣ» и «личномъ интересѣ», онъ видитъ причину отсталости Италіи въ томъ, что въ ней еще нѣтъ настоящаго «третьяго сословія». Онъ сочувствуетъ бѣднякамъ, обреченнымъ на безысходный трудъ, эксплуатируемымъ «всесильными богачами». При видѣ заключенныхъ и голодныхъ ему хочется потребовать для нихъ ихъ законную долю, долю, предназначенную имъ самой природой, «нашей доброй и безпристрастной матерью». По примѣру Парини, котораго онъ навѣщаетъ въ Миланѣ, онъ взываетъ къ законодателямъ, прежде чѣмъ судить и наказывать, вмѣшаться въ «гущу плебса», «въ предмѣстія столицы», и они увидятъ, что «четвертая часть населенія спитъ на соломѣ и не знаетъ, какъ удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ».

Если указанная черта роднитъ Ортиса съ Вертеромъ, то въ отличіе отъ него онъ—патріотъ.

Сердце его принадлежитъ настолько же Терезѣ, насколько и Италіи.

«Свершилось!»—такъ начинается его первое письмо. «Наша родина принесена въ жертву. Все потеряно. И если у насъ останется жизнь, то только для того, чтобы оплакивать наше горе и нашъ позоръ». Его особенно возмущаетъ, что Наполеонъ предалъ и продалъ Италію почти на другой день послѣ того, какъ подписалъ проектъ демократической конституціи для страны.

¹⁾ Имя этого студента: Джироламо Ортисъ.

Мысль, что ни у него, ни у дѣтей возлюбленной не будетъ родины, проходить траурной нитью черезъ всѣ его письма. Быть можетъ, еще глубже скорбитъ онъ однако о томъ, что во всѣ вѣка итальянцы были заняты междоусобными распрями, которыми всякіе чужіе и свои тираны пользовались, чтобы подчинить своему господству страну... «Я побывалъ во всей Тосканѣ!»—пишетъ онъ.—«Здѣсь всѣ поля и горы прославлены братоубійственной войной, а на трупахъ итальянцевъ, массами убивавшихъ другъ друга, воздвигали свой тронъ императоры и папы». Бросая съ альпійскихъ высотъ свои взоры на итальянскую равнину, куда то и дѣло вторгались «жадные» чужеземцы, онъ съ горечью восклицаетъ: «Гдѣ же твои сыны? О, Італія, тебѣ одного недостаетъ: воли къ единенію» (*la forza della concordia*).

Чувствуя себя безсильнымъ помочь горю, Ортисъ обращается къ другимъ такимъ же «одинокимъ», какъ онъ, душамъ съ призывомъ повѣдать грядущимъ поколѣніямъ о своихъ страданіяхъ и благословить ихъ на борьбу и на месть.

«Скажите міру: мы несчастны, но не низки. У насъ есть мужество, но нѣтъ силъ. Пишите для будущихъ поколѣній, которыя одни будутъ достойны васъ слушать и сильны отомстить за васъ. Если у нѣкоторыхъ изъ васъ отняты отчизна и имущество, если всѣ страшатся сладкаго имени отца, боясь въ изгнаньи подъ гнетомъ печали производить новыхъ рабовъ, новыхъ несчастныхъ, то почему вы такъ привязаны къ жизни? Среди униженій тюремнаго заключенія и казни вы будете выше вашихъ гонителей, и ихъ жестокое съ вами обращеніе только усугубитъ ихъ позоръ и вашу славу».

Чѣмъ больше крѣпнетъ въ душѣ скитальца-патріота убѣжденіе, что день свободы гдѣ-то очень далеко, онъ все глубже погружается въ меланхолію. Всѣ высокія идеи и чувства—слава, знаніе, счастье, даже отчизна,—когда-то игравшія роль въ «драмѣ его жизни», потускнѣли, стали «призраками»—*fantasmi*. Жизнь не болѣе, какъ сонъ, печальный и тяжелый... И онъ кончаетъ съ собою.

Вслѣдъ за «Послѣдними письмами Ортиса» Фосколо издалъ въ свѣтъ поэму о «Гробницахъ» (*Carme dei sepolcri*), поэму, оказавшую на итальянскую интеллигенцію, быть можетъ, еще болѣе сильное впечатлѣніе. «Кладбищенская» или «могильная» поэзія была, какъ извѣстно, одной изъ стереотипныхъ темъ въ литературѣ сентиментализма всѣхъ странъ.

Поэты-меланхолики склонялись надъ урнами и склепами и проливали слезы скорби надъ жизнью и смертью. Въ эту сентиментально-меланхолическую тему Фосколо внесъ тоже чувство

патріотизма, которое жило въ душѣ его двойника Ортиса, и сумѣлъ такимъ образомъ придать ей совершенно оригинальный оттѣнокъ¹⁾.

Поэма «Гробницы»—это пѣснь о могилахъ великихъ гражданъ, вдохновляющихъ сильныхъ духомъ къ возвышеннымъ и славнымъ подвигамъ.

A egregie cose il forte animo accendono
L'urne dei forti.

Какъ Ортисъ посѣтилъ гробницы Данте, Маккіавели и Галилея, великихъ мыслителей и писателей-гражданъ, такъ Фосколо воспоминаетъ въ своей поэмѣ о томъ, какъ онъ посѣтилъ во Флоренціи церковь Santa Croce, куда приходилъ вдохновляться къ своей проповѣди свободы и Витторіо Альфіери, учитель Фосколо, съ которымъ такъ мечталъ познакомиться его Ортисъ.

На стражѣ могилъ сидятъ богини-музы, и даже когда гробницы уже давно превратились въ прахъ подъ рукой всеразрушающаго времени, пѣсня о герояхъ продолжаетъ жить въ сердцахъ и зажигать сердца. Паль древній Иліонъ, кто укажетъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ его основателей и защитниковъ, но память о борьбѣ Трои за ея независимость, благодаря Гомеру, никогда не исчезнетъ, и «пока свѣтитъ солнце надъ людскими горестями, вездѣ тамъ, гдѣ кровь, пролитая за родину, будетъ почитаться священной, будутъ оплакивать Гектора», героя, павшаго за отчизну.

E tu onore di pianti, Ettore, avrai
Ove fia santo e lagrimato il sangue
Per la patria versato...

Патріотическія думы и патріотическая печаль, жившія въ душѣ Уго Фосколо, нашли скорѣ новаго поэта въ лицѣ молодого больного графа Джакомо Леопарди.

Воспитанный отцомъ въ строго-консервативномъ духѣ, въ преданности власти, каково бы ни было ея происхожденіе, Леопарди стоялъ первоначально въ сторонѣ отъ національно-освободительнаго движенія. Когда попытка Мюрата вызвать послѣ

¹⁾ Поэма Фосколо вызвала рядъ подражаній, свидѣтельствующихъ о произведенномъ ею впечатлѣніи. Таковы: поэма И. Пиндемонте: *I sepolcri* (отвѣтъ Фосколо), поэма Дж. Торти: *Sui sepolcri di U. Foscolo*, а также V пѣсня поэмы Монти: *Mascheroniana*. Поэма Фосколо была переведена и на латинскій языкъ Дж. Ф. Борньо, снабдившимъ свой переводъ восторженнымъ комментариемъ. Всѣ эти произведенія напечатаны въ миланскомъ изданіи сочиненій Фосколо 1825 г. (*Prose e versi*), составляющемъ 118-й томъ *Biblioteca scelta di opere italiane antiche e moderne*.

паденія Наполеона въ Італіи анти-австрійскую революцію потерпѣла крушеніе, онъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ провозгласилъ утопіей идею единой и свободной Італіи.

Потомъ въ мѣстечко Реканати, гдѣ молодой аристократъ жилъ отшельникомъ, погруженнымъ въ свои филологическія занятія и поэтическіе опыты, пріѣхалъ гостить П. Джордани, превосходный стилистъ, авторъ надгробныхъ панегириковъ. Вѣря всѣмъ своимъ существомъ въ «возрожденіе» родины, онъ, какъ писатель-интеллигентъ, представлялъ себѣ это новое Risorgimento прежде всего, какъ рожденіе новой литературы. Въ даровитомъ, хотя и молодомъ еще, другѣ-аристократѣ онъ и видѣлъ передъ собой, какъ ему казалось, того, кто призванъ стать во главѣ мерещившагося ему литературнаго Ренессанса.

Бесѣды съ пылкимъ убѣжденнымъ Джордани переродили поэта-филолога, ушедшаго всецѣло въ воспоминанія о классической древности, и онъ, три года тому назадъ провозгласившій утопіей стремленія итальянцевъ къ объединенію и независимости, настроилъ теперь свою лиру на патріотическій и гражданскій ладъ.

«Отчизна моя!»—восклицалъ онъ въ своей одѣ «Къ Італіи» (All' Italia). «Я вижу стѣны, триумфальныя арки, колонны, статуи и одиноко высящіяся башни нашихъ предковъ, но славы ихъ я не вижу, не вижу я ни лавровыхъ вѣнковъ, украшавшихъ ихъ головы, ни мечей, блиставшихъ въ ихъ рукахъ».

И воображенію поэта рисуется тотъ самый образъ униженной и порабощенной родины, который такъ часто мелькаетъ въ тогдашней итальянской поэзіи и который былъ такъ дорогъ сердцу заговорщиковъ-карбонаріевъ¹⁾. Она сидитъ, когда-то «царица», теперь «рабыня», съ обнаженной грудью и непокрытой головой. На рукахъ ея—цѣпи. Развѣваются по вѣтру волосы. Безутѣшная она прячетъ лицо въ колѣняхъ и плачетъ. «Плачь, о Італія моя, ибо есть у тебя, отъ чего плакать». И повторяя слова Уго Фосколо, поэтъ недоумѣнно спрашиваетъ: «Гдѣ же твои сыновья?». «Ужели никто не хочетъ за тебя сражаться? Такъ дайте мнѣ оружіе! Я одинъ буду за нее биться, одинъ умру за нее!»

L'armi, qua l'armi: io solo
Combatterò, procomberò sol io.

Поэтъ переносится во времена древней Эллады, вспоминаетъ героевъ, погибшихъ въ Термопилахъ, и вкладываетъ въ уста Симонида побѣдную пѣсню въ честь спасителей отчизны.

¹⁾ См. объ этомъ книгу: J. Luchaire. Essai sur l'évolution intellectuelle de l'Italie de 1815 à 1830 г.

Передъ умственнымъ взоромъ больного отшельника встаютъ, какъ въ памяти Уго Фосколо, какъ въ душѣ Якопо Ортиса, образы великихъ гражданъ прошлаго, рисуется суровый обликъ пѣвца «Божественной комедіи», властителя думъ всей этой эпохи (*Sopra il monumento di Dante*). Онъ привѣтствуетъ кардинала Анджелио Май, открывшаго столько потерянныхъ старыхъ рукописей, воскресившаго столько славныхъ писателей (*Ad Angelo Mai*). «Воскрешай мертвыхъ, такъ какъ живые спятъ; заставь говорить умолкнувшія уста древнихъ героевъ, дабы нашъ мерзкій вѣкъ проникся, наконецъ, тоской по жизни, сталъ бы способнымъ на славные подвиги или—проникся стыдомъ за себя».

Поэтъ обращается къ юношѣ, побѣдителю въ игрѣ въ мячъ, съ призывомъ развить свои силы, научиться бороться, чтобы встать потомъ на защиту родины (*A un vincitore nel pallone*), а къ женщинамъ съ призывомъ воспитать поколѣніе героевъ (*Nelle nozze della sorella Paolina*).

Встревоженные австрійцы поспѣшили запретить распространение этихъ стихотвореній въ Ломбардіи.

А Леопарди продолжалъ развивать и углублять свою теорію патріотизма въ своихъ философскихъ афоризмахъ, въ своихъ «Мысляхъ» (*Pendieri*)¹⁾. Свои симпатіи къ древнему міру онъ мотивируетъ теперь тѣмъ, что нигдѣ не стоялъ такъ высоко культъ родины, какъ у грековъ и римлянъ. Они такъ исключительно-страстно были привязаны къ своей почвѣ, къ своему языку, къ своимъ богамъ, что всякій иностранецъ былъ въ ихъ глазахъ—«варваромъ». Нынѣ—скорбѣлъ Леопарди—это національное чувство почти уничтожено съ одной стороны—идеей индивидуализма, съ другой—идеей космополитизма. Понятію «я» и понятію «человѣчество» онъ рѣзко противопоставляетъ понятіе «нація».

«Будемъ слѣпо любить нашу отчизну!—воскликаетъ онъ.—Ибо даже ослѣпленіе здѣсь необходимо. Развѣ стали бы мы любить отчизну, если бы не считали ее лучшей изъ всѣхъ странъ? Не будемъ сомнѣваться въ томъ, что въ тотъ самый день, когда человѣкъ перестанетъ вѣрить, что его нація есть цвѣтъ всѣхъ другихъ, а раса, къ которой онъ принадлежитъ, есть вершина человѣческой іерархіи, они погибли, ибо интеллектуальное безпристрастіе приведетъ неизбѣжно къ равнодушію и къ апатіи».

Въ своемъ увлеченіи національной идеей Леопарди доходилъ въ это время такъ далеко, что провозглашалъ «патріотизмъ» и «добродѣтель» вообще «синонимами».

А потомъ въ его душѣ, больной и неуравновѣшенной, про-

¹⁾ *Pendieri di varia Filosofia e di bella letteratura.*

изошелъ тотъ же самый переворотъ, какъ и въ душѣ Якопо Ортиса. Всѣ высокія идеи и чувства: любовь, знаніе, слава, даже родина, когда-то игравшія роль въ «драмѣ его жизни», вдругъ потускнѣли, стали «призраками»—*fantasmi*. Жизнь показалась ему сномъ, тяжелымъ и печальнымъ. И онъ возвелъ въ своихъ стихотвореніяхъ и философскихъ діалогахъ пессимистическія чувства Уго Фосколо въ цѣлую стройную систему, на фронтонѣ которой красовались слова: «*Amaro e poja è la vita e fango è il mondo*» (жизнь—печаль и скука, а міръ—комъ грязи)¹⁾.

Въ 1820 г. австрійская полиція арестовала въ Миланѣ, какъ члена тайнаго общества, какъ карбонарія, поэта Сильвіо Пеллико.

Итальянская публика знала его очень хорошо, какъ автора трагедіи «Франческа да Римини»—драматической обработки извѣстнаго эпизода о любви брата риминійскаго герцога Ланчотто, Паоло, къ его женѣ Франческѣ, любви, воспѣтой Данте въ безсмертныхъ стихахъ пятой пѣсни «Ада». Если эта пьеса пользовалась въ Італіи огромной популярностью, то въ этомъ повинны были не столько сюжетъ и обработка, а одинъ монологъ, отъ котораго вѣяло страстной любовью къ родинѣ.

Паоло вернулся изъ чужихъ странъ. Своимъ мечомъ онъ служилъ византійскому императору, который осыпалъ его милостями за его услуги. Но теперь онъ отрезвѣлъ.

«Развѣ у меня нѣтъ отчизны, которой нужна кровь ея гражданъ?»—воскликаетъ онъ... «За тебя, о Італія моя, буду я сражаться, если зависть подниметъ руку на тебя. Развѣ ты не самая благородная страна, которую согрѣваетъ солнце? Развѣ не ты мать всѣхъ искусствъ? Развѣ не въ твоей почвѣ покоится прахъ героевъ? Ты была пріютомъ для моихъ славныхъ предковъ и ты вмѣщаешь все, что дорого моему сердцу».

D'ogni bell' arte non sei madre, o Italia?
 Polve d'eroi non è la polve tua?
 Agli avi miei tu valor desti e seggio,
 E tutto quanto ho di più caro alberghi.

При этихъ словахъ весь театръ обычно разражался рукоплесканіями и слезами.

Изъ Милана арестованнаго Сильвіо Пеллико перевели въ знаменитые *piombi* въ Венеціи, въ находящуюся въ дожескомъ

¹⁾ Въ своей сатирической поэмѣ «*Paralipomeni della Batrachomyomachia*» Леопарди впоследствии осмѣялъ національно-освободительное движеніе, во главѣ котораго стояли либералы.

дворцѣ тюрьму, изъ которой въ XVIII в. такъ чудесно удалось спастись авантюристу Казановѣ. Предварительное слѣдствіе, длившееся два года, такъ истомило поэта, что онъ одно время былъ близокъ къ помѣшательству. 21 февраля 1822 г. его и его товарищей ввели въ залу, гдѣ засѣдалъ судъ. Приговоръ гласилъ: «смертная казнь», но послѣдняя, по постановленію австрійскаго императора, была смягчена. Предстояло 15 лѣтъ просидѣть въ заточеніи въ крѣпости Шпильбергъ. На другой день осужденныхъ вывели на Пьяцетту, въ ручныхъ кандалахъ, прочли имъ приговоръ, и затѣмъ помилованіе, при чемъ тысячная толпа, едва удерживаемая въ порядкѣ австрійскими солдатами, громко выражала осужденнымъ свое сочувствіе. По дорогѣ къ мѣсту заключенія арестованные встрѣчали самое теплое отношеніе даже со стороны австрійскихъ крестьянъ, и Сильвіо Пеллико по этому поводу не могъ воздержаться отъ слѣдующаго замѣчанія:

«Люди часто ненавидятъ другъ друга просто потому, что не знаютъ другъ друга, и если бы они обмѣнялись хоть нѣсколькими словами, то они, вѣроятно, протянули бы довѣрчиво руку другъ другу».

Въ крѣпости Шпильбергъ царилъ поистинѣ каторжный режимъ. Большинство заключенныхъ не выдерживали его. Сильвіо Пеллико тяжело заболѣлъ. Другіе умирали. Впрочемъ, нашлись добрые люди и здѣсь. Тюремный смотритель, по странной случайности носившій фамилію Шиллеръ, оказался при всей своей наружной суровости человѣкомъ мягкимъ и всячески облегчалъ заключеннымъ ихъ тяжелую жизнь.

Находясь въ одиночномъ заключеніи сначала въ Венеціи, потомъ въ Шпильбергѣ, Сильвіо Пеллико не переставалъ заниматься литературой, и именно здѣсь въ тюремной камерѣ возникъ цѣлый рядъ его трагедій: Ester d'Engaddi, Iginia d'Asti и Leoniero da Dertona, причемъ послѣднюю изъ нихъ поэтъ не написалъ, а сложилъ въ умѣ и только потомъ записалъ. Если не считать тѣхъ моментовъ, когда Сильвіо Пеллико удавалось видѣться и перебраться словомъ съ другими заключенными товарищами, наилучшими минутами въ эти тяжелые годы были, вѣроятно, тѣ, когда онъ могъ воочию убѣдиться, насколько онъ популяренъ, какъ поэтъ. Такъ, сидя въ венеціанскихъ *piombi*, онъ получилъ отъ другого ему неизвѣстнаго заключеннаго письмо, начинавшееся словами: «Я одинъ изъ вашихъ поклонниковъ. Я знаю наизусть всю вашу «Франческа да Римини».

Пятнадцатилѣтнее заключеніе было поэту сокращено до десяти лѣтъ. И вотъ онъ на свободѣ.

Подъ охраной комиссара его привезли съ нѣкоторыми дру-

гими товарищами (Марончелли и др.) въ Вѣну, показали достопримѣчательности города, между прочимъ и Шёнбрунъ¹⁾.

«Гуляя по прекраснымъ аллеямъ парка,—вспоминалъ онъ потомъ—мы увидѣли вдали императора, и комиссаръ приказалъ намъ итти назадъ, такъ какъ нашъ истощенный видъ могъ подѣйствовать непріятнымъ образомъ на государя».

Въ Брешии, уже на родной почвѣ, въ гостиницѣ, гдѣ онъ остановился, лежала на столѣ афишка, извѣщавшая о представленіи въ мѣстномъ театрѣ оперы «Франческа да Римини».

— Чья это опера?—спросилъ Пеллико слугу.

— Право не знаю, кому принадлежать текстъ и музыка. Собственно это все, та же «Франческа», которую знаютъ всѣ.

— Ну, я иностранецъ! Какъ мнѣ знать всѣхъ вашихъ Франческъ.

— Рѣчь идетъ вовсе не о многихъ, а объ одной, о трагедіи Пеллико...

— А! Пеллико! какъ же, слышалъ! Это тотъ самый молодецъ, котораго осудили на смертную казнь, а потомъ помиловали.

Сильвіо Пеллико былъ не радъ, что позволилъ себѣ это шутливое замѣчаніе. Слуга побагровѣлъ, метнулъ глазами, оскалилъ зубы и, если бы не шумъ въ сосѣдней комнатѣ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, убилъ бы его.

Когда поэтъ пріѣхалъ въ Миланъ, то очень скоро вѣсть о его прибытіи разнеслась по городу, и вечеромъ прохожіе стали останавливаться подъ окнами гостиницы, гдѣ онъ жилъ, и онъ отчетливо видѣлъ, какъ кто-то—быть можетъ кто-нибудь изъ его старыхъ товарищей по движенію—поднялъ руку въ знакъ привѣтствія.

Очутившись на свободѣ, Сильвіо Пеллико просто и смиренно повѣдалъ міру о всемъ, что вытерпѣлъ и выстрадалъ, и эта его книга, озаглавленная «Мои темницы» (*I miei prigioni*), была переведена на всѣ почти европейскіе языки. Проникающій ее духъ христіанскаго смиренія, равно какъ и гуманное отношеніе къ преступникамъ, предвосхитили до извѣстной степени «Мертвый домъ» Достоевскаго.

Правда, многимъ итальянскимъ радикаламъ, нар., Никколини, весьма не понравился этотъ духъ религіозной покорности, роднящій Пеллико съ Монцони.

Однако для огромнаго большинства итальянской интелли-

¹⁾ Процессъ С. Пеллико и Марончелли теперь освѣщенъ во всѣхъ подробностяхъ на основаніи архивнаго матеріала въ книгѣ Luzio: *Processo Pellico—Maroncelli*.

генціи воспоминанія Пеллико о Шпильбергѣ были одной изъ настольныхъ книгъ, укрѣплявшей въ нихъ вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ жажду борьбы и мученичества, и Чезаре Бальбо былъ несовсѣмъ неправъ, замѣтивъ, что для австрійцевъ она была опаснѣе «проиграннаго сраженія».

Въ 1818 г. возникъ въ Миланѣ журналъ *Il Conciliatore*.

Возникъ онъ въ противовѣсъ издававшемуся на австрійскія деньги журналу «*Biblioteca italiana*». Въ политическомъ отношеніи послѣдній ратовалъ за сближеніе Италіи съ Австріей, въ литературномъ—за классицизмъ. Напротивъ «*Посредникъ*» былъ органомъ патріотовъ-либераловъ и романтиковъ. Въ немъ сотрудничали, кромѣ Сильвіо Пеллико, многіе другіе участники карбонарскаго движенія, которыхъ онъ зналъ, съ которыми потомъ встрѣтился въ венеціанскихъ *riombi* и въ Шпильбергѣ,—М. Джойа, Ф. Конфолоньери и др.

Главнымъ теоретикомъ журнала былъ Джованни Бершэ.

Одинъ изъ піонеровъ итальянскаго романтизма, изложившій его программу въ *Lettere semiseria di Grisostomo*, авторъ романтическихъ балладъ въ духѣ Бюргера, Бершэ въ началѣ 20 г.г., когда Ломбардія стонала во власти австрійцевъ, а въ Піемонтѣ восторжествовала реакція, покинулъ Италію и эмигрировалъ въ Лондонъ. Здѣсь, снѣдаемый тоской по родинѣ, онъ сложилъ въ своемъ родѣ гимнъ итальянскихъ эмигрантовъ въ поэмѣ «*I profughi di Parga*» (Бѣглецы изъ Парги). Въ основу поэмы легъ историческій фактъ, подробно описанный Фосколо въ памфлетѣ «*Narrazione delle fortune e della cessione di Parga*» (Исторія судебъ и уступки Парги), а именно допущенная Англіей переуступка Турціи албанскаго города Парги, послѣ чего всѣ жители покинули его. Въ лицѣ уроженца Парги, пытающагося при видѣ опустѣлаго родного города броситься въ море, тоскующаго по отчизнѣ, которую у него отняли, Бершэ изобразилъ себя и всѣхъ эмигрантовъ.

Болѣе объективный характеръ носятъ его «Романсы» (*Romanzi*), рисующіе трагическое положеніе страны, отданной во власть чужеземца—*lo straniero*. То передъ нами отшельникъ, оплакивающий сына, заточеннаго въ темницу—въ немъ нетрудно узнать отца поэта Сильвіо Пеллико (*Il romito del Cesenio*), то дѣвушка, приходящая въ ужасъ при одной мысли о томъ, что ее вынуждаютъ выйти замужъ за австрійца (*Matilde*), то мать, не помнящая себя отъ горя, такъ какъ ея сынъ долженъ служить въ рядахъ войскъ поработителя отчизны (*Giulia*).

Черезъ всѣ эти трагическіе эпизоды проходитъ неизмѣнно одна и та же мысль, все тотъ же призывъ къ единенію и къ борьбѣ, который раньше раздался изъ устъ Якопо Ортиса, и онъ же ярче еще звучитъ въ поэмѣ Бершэ «Le Fantasia». Поэтъ противопоставляетъ здѣсь современной Італіи, разъединенной и безсильной, средневѣковую «ломбардскую лигу», когда-то сокрушившую мощь германскихъ завоевателей, ее мечталъ воспѣть, сидя въ венеціанскихъ ріотбі, и Сильвіо Пеллико. Въ заключительной изъ этихъ «фантазій» поэтъ обращается къ итальянскимъ ветеранамъ, такъ часто побѣждавшимъ австрійцевъ подъ знаменемъ Наполеона, съ призывомъ встать на защиту страны.

Въ 1847 г. Бершэ вернулся въ Італію. Онъ былъ въ Миланѣ въ продолженіе достопамятныхъ «пяти дней», когда миланцы принудили къ отступленію Радецкаго съ его двадцатитысячной арміей. Потомъ Ломбардія снова перешла въ руки австрійцевъ, и Бершэ уединился въ Туринѣ, оплакивая въ душѣ «страданія родины, безбрежныя, какъ омывающія ее моря», но и продолжая вѣрить, что Савойская династія дастъ Італіи единство, а вмѣстѣ съ нимъ и свободу.

Хотя глава итальянскаго романтизма, А. Манцони, и не сотрудничалъ въ *Conciliatore*, журналъ былъ духомъ отъ его духа.

Какъ для остальныхъ поэтовъ этой эпохи, такъ и для Манцони поэзія была въ концѣ концовъ лишь средствомъ будить и укрѣплять въ читателѣ гражданское чувство. Эта тенденція придавала даже его произведеніямъ на историческія темы отпечатокъ злободневности. Его знаменитый историческій романъ «Обрученные» (*I promessi sposi*) читался современниками съ такимъ захватывающимъ интересомъ въ значительной степени потому, что поработенная испанцами Ломбардія XVII в. была для нихъ Ломбардіей 20 гг. XIX в., отданной во власть австрійцамъ.

Исторична по существу и драма Манцони «Графъ Карманьола» (*In conte di Carmagnola*). Изображается трагическая судьба кондотьера XV в., сражавшагося во главѣ венеціанцевъ съ ломбардами, и обвиненнаго республикой (по мнѣнію Манцони: неосновательно, хотя позднѣйшія изслѣдованія опровергли его взглядъ) въ измѣнѣ и казненаго. Въ эту историческую быль Манцони вставилъ хоровую пѣсню, столь же злободневную, какъ ранѣе приведенный монологъ Паоло въ трагедіи Сильвіо Пеллико: «Франческа да Римини».

То былъ призывъ къ примиренію и къ объединенію.

Описавъ битву между двумя ратями, хоръ съ укоризной указываетъ на то, что то бьются не двѣ чуждыя другъ другу націи,

а «дѣти одной страны», «говорящія на одномъ языкѣ», «именуемыя иностранцами-братьями»

D'una terra sono tutti: un linguaggio
Parlan tutti: fratelli li dice
Lo straniero.

Побѣдители шумно празднуютъ побѣду. Прекратите пиршества и игры—совѣтуетъ хоръ. Вернитесь къ вашимъ знаменамъ! Развѣ вы не видите, что съ горъ спускается чужеземецъ? Онъ уже у воротъ Италіи.

Lo straniero discende. Egli è qui.

И хоръ призываетъ къ единенію. «Будемъ братьями».

Siam fratelli.

Къ объединенію, безъ котораго невозможно и освобожденіе страны отъ чужеземнаго ига, призывалъ Манцони и въ своемъ стихотвореніи: «Риминійское воззваніе» (*Il proclama di Rimini*), написанномъ по поводу воззванія Мюрата, пытавшагося вызвать въ Италіи національно-освободительное движеніе. Изливъ всю накипѣвшую горечь, вызванную несправедливымъ отношеніемъ державъ къ Италіи, которую не пригласили на вѣнскій конгрессъ, осудивъ ее «какъ нищую сидѣть у порога дома богача», Манцони протестуетъ противъ ходячаго мнѣнія, будто во всѣхъ своихъ невзгодахъ виновата сама страна, способная производить, какъ утверждаютъ ея враги, только сыновей, «тѣшущихся междоусобной войной и не желающихъ пролить кровь за общее отечество». Нѣтъ, пусть «силы» Италіи были разъединены, «воля» у всѣхъ была «едина» и во всѣхъ сердцахъ горѣло одно и то же убѣжденіе: «мы завоюемъ свободу только, если объединимся».

Liberi non sarei se non siam uni.

Еще болѣе повышеннымъ патріотическимъ настроеніемъ вѣяло отъ другого стихотворенія Манцони, написаннаго по поводу начавшагося въ Пімонтѣ освободительнаго движенія (*Marzo 1821*). Какъ впослѣдствіи Кардуччи и почти тѣми же словами обращается поэтъ къ чужеземцамъ съ совѣтомъ покинуть страну, которая имъ не «родина—мать». «Пусть всякая нація будетъ независима и да погибнетъ несправедливое господство меча». Пусть «сильные духомъ» стануть на защиту родины, и побѣда обезпечена. И поэту рисуются вдали свѣтлые дни грядущаго освобожденія.

«Достоинъ сожалѣнія тотъ, кто издали, изъ устъ другихъ, словно онъ чужестранецъ, услышитъ о нихъ, кто, рассказывая о нихъ своимъ сыновьямъ, долженъ будетъ со вздохомъ приба-

вить: «я въ нихъ не участвовалъ». Сожалѣнія достойнъ, кто въ эти дни самъ не привѣтствовалъ священное знамя побѣды.

O giornate del nostro riscatto.
O dolente per sempre colui,
Che da lungi, dal labbro d'altrui
Come un uomo straniero le udrà;
Che a suoi figli narrando un giorno
Dovrà dir sospirando: io non c'era.
Che la santa vittrice bandiera
Salutata quel di non avrà.

Опасаясь австрійской цензуры, Манцони напечатавъ свои патріотическія стихотворенія лишь въ 1848 г., а между тѣмъ, какъ они лежали никому невѣдомыя въ его писменномъ столѣ, по рукамъ уже ходили и жадно заучивались наизусть сатирическія пѣсенки Джузеппе Джусти.

Поэтъ окрестилъ ихъ scherzi, шутками, хотя ничего шуточного въ нихъ не было—сквозь легкій покровъ юмора и насмѣшки чувствовался здѣсь горячій гнѣвъ патріота-гражданина.

«Создавая эти стихотворенія, я ничего не придумалъ самъ!»—замѣчаетъ Джусти въ предисловіи, написанномъ къ изданію 1848 г. Моей является только внѣшняя форма (vestito). Содержаніе же этихъ пѣсенъ (l'ossa e le polpe) мнѣ доставила сама нація. Размышляя, облакая свои размысленія въ стихи, я смотрѣлъ на себя лишь, какъ на истолкователя надеждъ и гнѣва, трепетавшихъ вокругъ меня».

«Шутки» Джусти прежде всего призывъ къ сверженію чужеземнаго ига. Рѣзкіе выпады по адресу (покойнаго) австрійскаго императора Франца I, палача Італіи (Dies irae), чередуются съ гнѣвными инвективами по адресу итальянскихъ государей, васаловъ Австріи и приспѣшниковъ реакціи. (L' incoronazione). Совѣтуя полицейскому агенту отказаться отъ услугъ шпионовъ, ибо теперь все равно всѣмъ извѣстно, чего добиваются итальянцы, поэтъ диктуетъ ему слѣдующую декларацію. «Пиши! Мы хотимъ, чтобы каждый сынъ Адама считался человѣкомъ и не хотимъ нѣмцевъ. Мы хотимъ имѣть хорошіе законы и умное правительство и не хотимъ нѣмцевъ. Пиши! Мы всѣ хотимъ, чтобы Італія принадлежала итальянцамъ и не хотимъ нѣмцевъ».

Seriva. Vogliam che ogni figlio d'Adamo
Conti per uomo e non vogliam Tedeschi.
Vogliamo
Leggi e governi e non vogliam Tedeschi.
Scriva. Vogliamo tutti quanti siamo
L'Italia, Italia e non vogliam Tedeschi.

«Шутки» Джусты не только призывъ къ сверженію чужеземнаго ига, но и—какъ стихотворенія Манцони—проповѣдь объединенія. Поэтъ сравниваетъ (Lo stivale) Италію съ сапогомъ, который изъ вѣка въ вѣкъ надѣвала чужая нога и который теперь громко повѣствуетъ о своихъ злословіяхъ. Переходя изъ одной «неуклюжей и грубой лапы» въ другую, онъ постепенно потерялъ прежній видъ, да и совершенно разучился ходить самостоятельно. Пора бы найти ногу не французскую и не нѣмецкую, а свою итальянскую:

Non tedesca, s'intendi, non francese,
Ma una gamba vorrei del mio paese.

Придется, право, заново его сшить. Дѣло, конечно не легкое. Но когда вы меня будете перешивать,—просить сапогъ, заключая свою исповѣдь,—обратите вниманіе на одно обстоятельство. Вотъ здѣсь я синяго цвѣта, тамъ дальше краснаго и бѣлаго, а вотъ здѣсь желтаго и чернаго. Словомъ, я пестръ, какъ истый арлекинъ. Если вы будете меня передѣлывать, то будьте такъ добры и благоразумны—сдѣлайте меня изъ *одного куска и одного цвѣта*.

Tutto d'un pezzo e tutto d'un colore.

Такъ какъ объединеніе и освобожденіе Италіи требуетъ личности героическихъ чувствъ и высокой гражданственности, то Джусты казнить въ своихъ «шуткахъ» невѣжественную и испорченную знать, дѣльцовъ-капиталистовъ, для которыхъ политика средство обдѣлывать свои коммерческія дѣла, мододежъ, разыгрывающую чайльдъ-гарольдовъ, карьеристовъ, мѣняющихъ свои политическія убѣжденія вмѣстѣ съ перемѣной режима, и весь современный ему вѣкъ, слишкомъ преданный грубо-матеріальнымъ интересамъ.

Когда въ 1848 г. освободительное движеніе было въ полномъ разгарѣ, Джусты понялъ, что наступилъ моментъ, когда поэты обязаны скромно уступить мѣсто бойцамъ.

«Нынѣ—писалъ онъ въ предисловіи къ своимъ стихамъ, когда народъ, этотъ безсмертный поэтъ, самъ творитъ свою чудесную эпопею, мы, жалкіе риѣмослагатели, должны стать изумленными зрителями. Гимнъ новой жизни уже звучитъ въ вашей мужественной груди, о юноши, собирающіеся въ ломбардской равнинѣ, чтобы отдать свою кровь за дорогую отчизну. Я уже слышу прелюдію этого гимна и мой слухъ ловитъ ее съ безмолвной радостью. На нашу долю выпала скромная обязанность вырвать изъ почвы сорную траву, ваше дѣло развести на ней лавръ и дубъ, въ тѣни которыхъ ваше дѣло будутъ продолжать грядущія поколѣнія».

А вдали поэту мерещилось время, когда исчезнетъ искусственно разжигаемая правителями вражда между народами, когда всѣ націи объединить единый братскій союзъ.

Этой темѣ посвящено одно изъ его лучшихъ стихотвореній: Sant'Ambrogio.

Поэтъ случайно зашелъ въ церковь св. Амвросія, превращенную австрійцами въ казарму. Вдругъ онъ слышитъ, какъ изъ грубыхъ солдатскихъ устъ льется пѣсня-молитва. Въ ней и мысль о далекомъ дѣтствѣ, и тоска по матери родной и печаль по покинутой отчизнѣ. Поэтъ невольно призадумался. Всѣ эти солдаты, посланные сюда австрійскимъ императоромъ, боящимся стремленія итальянцевъ къ независимости, лишь слѣпые орудія «многоокаго грабежа», до котораго «имъ нѣтъ никакого дѣла» и о которомъ они, быть можетъ, даже не «догадываются». Эта вражда между «ломбардцами» и «нѣмцами» кому она нужна, какъ не тому, кто, «разъединяя, править», тому, кто имѣетъ основаніе бояться, что нынѣ враждующіе народы объединятся въ «братскій союзъ»?

E quest' odio che mai non avvicina
Il popolo lombardo all' alemanno
Giova a chi regna dividendo e teme
Popoli avversi affratellati insieme.

Въ «Послѣднихъ письмахъ Якопо Ортиса» встрѣчается мимоходомъ очерченная фигура, представляющая полную противоположность главному герою, то Лоренцо, къ которому обращены самыя посланія несчастнаго самоубійцы. Между тѣмъ, какъ сердце Ортиса раздвоено между любовью къ Терезѣ и любовью къ Італіи, Лоренцо весь поглощенъ одной только мыслью—мыслью о родинѣ. И онъ порой горько упрекаетъ друга за то, что онъ слишкомъ много времени удѣляетъ своей страсти.

Въ этомъ суровомъ гражданинѣ-патріотѣ читатели узнавали юнаго тогда Никколини.

Никколини началъ свою дѣятельность драматурга послѣдователемъ Альфіери, придерживаясь, какъ и Фосколо, канона классической трагедіи съ сюжетами изъ античной міѳологіи, но потомъ—какъ онъ признавался въ предисловіи къ «Эдипу», имѣвшему большой успѣхъ—онъ все болѣе убѣждался, что «миѳы» потеряли свое обаяніе, такъ какъ всѣ умы заняты интересами «политическими».

Повинуясь всевластному духу времени, Никколини отдалъ съ тѣхъ поръ свое перо драматурга на служеніе національно-освободительному движенію, а такъ какъ патріотическая драма тяго-

тѣла къ романтизму, то и онъ превратился изъ классика въ романтика.

Изъ его многочисленныхъ драмъ второго періода мы остановимся здѣсь только на одной.

Когда въ 1830 г. была поставлена пьеса Никколини: «*Giovanni da Procida*», воспроизводящая «сицилійскую вечерню», кто-то замѣтилъ австрійскому уполномоченному въ Тосканѣ, что, вѣроятно, представитель Франціи остался весьма недоволенъ пьесой, такъ какъ она преисполнена ненависти къ этой странѣ, на что тотъ отвѣтилъ:

«Пьеса, правда, адресована на имя Франціи, да предназначена она для меня».

Джованни Прочида (герой пьесы) покинулъ родной Неаполь послѣ того, какъ одинъ изъ воцарившихся въ немъ иностранцевъ, офицеръ, соблазнилъ его жену. Долго скитался онъ на чужбинѣ, и вотъ онъ возвращается домой осуществить замыселъ мести. Когда его родная дочь не узнаетъ его, одѣтаго въ жалкія лохмотья, онъ восклицаетъ:

«Ты смотришь на меня и плачешь. Въ этомъ рубищѣ отецъ кажется тебѣ чужимъ. Увы! Въ этой странѣ, гдѣ города раздираетъ междоусобная война, въ этой странѣ, всегда открытой для набѣговъ варваровъ, малѣйшая перемѣна мѣста дѣлаетъ насъ въ самомъ дѣлѣ чужими. И, однако, я не сумѣлъ найти одежды болѣе жалкой, такой, которая вполне соотвѣтствовала бы твоему печальному положенію, о Италія! Но скоро франки увидятъ, что я живъ. И обращая свои взоры къ солнцу, которое созерцать недостойны рабы, я радостно скажу: Не для нашихъ порабощенныхъ заставляешь ты созрѣвать жатву, о сверкающій царь временъ года! Теперь ты всходишь надъ свободной страной и ты больше уже не отецъ позорныхъ и горестныхъ дней».

Съ недоумѣніемъ замѣчаетъ вернувшійся изгнанникъ, какъ подъ вліяніемъ сознанія вновь пріобрѣтенной родины ослабѣваетъ въ немъ чувство мести, какъ волна нѣжныхъ настроеній разливается по его жиламъ, и слова, съ которыми онъ обращается къ дочери, производили тогда на итальянскую публику то же впечатленіе, какое въ ней вызвалъ монологъ Паоло въ «*Франческъ да Римини*» Пеллико.

«О! тебѣ не вѣдомо то сладостное чувство, которое въ насъ вызываетъ родина, и та скорбь, которой чревато изгнаніе. Ты не знаешь, какъ горько приближаться къ кровлѣ, гдѣ никто тебя не ожидаетъ. Отчизну можно покинуть, забыть же—никогда. Я, скиталецъ, видѣлъ немало городовъ, но не одинъ не былъ обвѣянъ воспоминаніями, говорившими моему сердцу, и всегда наипре-

краснѣйшей казалась мнѣ страна, отъ которой не могла оторваться моя мысль».

Потомъ мы видимъ Джованни Прочида въ полутемной часовнѣ, окруженнымъ заговорщиками, обсуждающими планъ своего выступления. Какой родной должна была казаться эта сцена современникамъ—вѣдь еще такъ свѣжи были воспоминанія о карбонаріяхъ, объ ихъ тайныхъ собраніяхъ, имѣвшихъ ту же цѣль и такой же смыслъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи заговорщики осуществляютъ подъ руководствомъ Джованни свой планъ мести. Они собрались около храма, откуда доносится благовѣстъ вечерни. Вдругъ издалека слышится пѣсня сицилійскихъ поэтовъ, она звучитъ все ближе и громче—въ этой сценѣ Никколини хотѣлъ подчеркнуть значеніе поэзіи для національно-освободительнаго движенія—и подъ звуки ихъ гимна, привѣтствующаго день «крови и свободы», неаполитанцы свергаютъ чужеземное иго.

Свое наиболѣе цѣльное и красивое выраженіе получила національно-освободительная поэзія Італіи подъ перомъ Джозуэ Кардуччи, молодость котораго протекла въ атмосферѣ борьбы за объединеніе и независимость родины и которому потомъ было суждено стать первымъ великимъ поэтомъ новой Італіи—Італіи «единой» и «свободной».

Эти патріотическіе стихи, многочисленные въ его раннихъ сборникахъ (*Juvenilia* 1850—60; *Levia et Gravia* 61—67, *Giambi ed erodi* 67—72), мелькаютъ порой, какъ послѣднее воспоминаніе о героическомъ прошломъ, и въ болѣе позднихъ его книгахъ (*Odi barbare*; *Rime e Ritmi*).

Въ своей совокупности они образуютъ пѣсню борющейся и торжествующей Італіи. Въ нихъ встаетъ вѣковая исторія стремленія страны къ единству и къ свободѣ, встаютъ образы поэтовъ, героевъ и мучениковъ національно-освободительнаго движенія.

Въ литературномъ отношеніи Кардуччи продолжаетъ классическія традиціи Уго Фосколо, которому онъ вообще былъ близокъ по духу и которому посвятилъ поэтическую памятку (*Per il trasporto delle reliquie di U. Foscolo in Santa Croce*).

Надъ колыбелью будущаго поэта какъ-бы склонился тотъ, кто для «души итальянца былъ тѣмъ же, что для тѣла солнце». Какъ Колумбъ, стоялъ Мадзини на скалѣ и видѣлъ очертанія, если не новаго свѣта, то «Третьей Італіи». Ребенокъ выучилъ имя Мадзини вмѣстѣ съ именемъ Італіи, и оба казались ему одинаково бессмертными. Узнавъ о смерти творца «молодой Італіи», онъ не

могъ и не хотѣлъ этому повѣрить (G. Mazzini; Alla morte di G. Mazzini). Мальчиномъ будущій поэтъ слышалъ о побѣдѣ, одержанной піемонтцами Карла Альберта надъ австрійцами при Гойто (1848), и эта вѣсть о «первой итальянской побѣдѣ», объ этой «веснѣ отчизны» глубоко и радостно «потрясла его дѣтское сердце».

«Замолкли послѣдніе выстрѣлы пушекъ во слѣдъ отступавшимъ австрійцамъ»—вспоминаетъ онъ, потомъ въ одномъ изъ своихъ наиболѣе извѣстныхъ стихотвореній (Piemonte). «Король сошелъ съ коня. Окруженный подоспѣвшими рыцарями, покрытыми дымомъ и пылью, разгоряченными побѣдой, онъ вынулъ и развернулъ депешу. «Пескъера пала». И между тѣмъ, какъ въ воздухѣ колыхались знамена, изъ груди всѣхъ вырвался одинъ радостный и громкій возгласъ: Да здравствуетъ король Италіи».

Подобно Фосколо, автору «Гробницъ», юноша Кардуччи стоялъ во Флоренціи въ храмѣ Санта-Кроче, поклоняясь праху великихъ гражданъ прошлаго, и переносясь въ настоящее клялся питать «вѣчную вражду» къ *tedeschi* (нѣмцамъ, собственно австрійцамъ). «Да не увидитъ никто изъ нихъ родного крова. Да будетъ имъ всѣмъ могилой итальянская земля». (A Santa Croce).

Какъ всѣ патріоты, даже республиканцы, какъ Мадзини и Гарибальди, такъ видѣлъ и молодой Кардуччи въ піемонтскихъ короляхъ, въ савойской династіи тѣхъ, кто дастъ Италіи единство а вмѣстѣ съ единствомъ и свободу.

Такъ возникли его стихи, связанные съ Викторомъ Эммануиломъ, сыномъ «великодушнаго» Карла Альберта, побѣдителя при Гойто, послѣ пораженія при Новарѣ сложившаго съ себя корону и умершаго въ изгнаніи, этого «итальянскаго Гамлета» (*italo Amleto*), «короля его юныхъ дней».

«Почему медлишь ты?»—обращается онъ къ Виктору Эммануилу (A. Vittorio Emanuele). «Какъ можешь ты терпѣть, чтобы въ долинь По сверкали мечи иноземцевъ. Между угнетателями и угнетенными не можетъ быть мира, а только война, война и война!»

Если другіе дружественные народы не хотятъ притти странѣ на помощь, то остается одинъ только выходъ: «во имя высокой мечты нашихъ предковъ, во имя нѣмой мольбы младенцевъ, о итальянцы, братья, о мой народъ, возстанемъ, а ты, Витторіо, разверни итальянское знамя».

Почтивъ въ другомъ стихотвореніи, особенно популярномъ въ Италіи, (*Alla Croce di Sovoia*) великихъ гражданъ прошлаго, словомъ и дѣломъ боровшихся за объединеніе страны: Данте,

Маккіавелли и Бурламакки ¹⁾), поэтъ кончаетъ прославленіемъ савойской династіи, бѣлаго креста ея герба, призваннаго довершить дѣло, начатое ими.

«Чтобы народъ Феруччо ²⁾ находился подъ властью Габсбурговъ! Никогда! Воскресни же, Пьеръ Каппони, бей въ бронзовой колоколь свободы. Да будетъ намъ битва утѣхой, а смерть—побѣдой... Потомки, не недостойные славныхъ предковъ, мы объединились оружіемъ и сердцемъ вокругъ тебя, дорогое знамя. Да хранить тебя Богъ, бѣлый крестъ Савои!».

Bianca croce di Savoia
Dio ti salvi.

А когда въ 1860 г. сѣверныя провинціи Італіи объединились и провозгласили королемъ Виктора Эммануила, Кардуччи привѣтствовалъ это событіе страстной одой (*Il plebiscito*), приглашавшей чужестранца—*lo straniero*—покинуть наконецъ край, который, выражаясь словами Манцони, ему не «родина-мать».

Сильная Эмилія слилась съ благородной Тосканой. Леньяно и Гавинана теперь части одной отчизны. Мы нынѣ одна итальянская семья—*itala famiglia*. Пусть же король «свободныхъ гражданъ» станетъ во главѣ націи. «Съ тобою Богъ и страна. Кто устоитъ противъ тебя!»

И черезъ все стихотвореніе въ честь «плебисцита» 1860 г. проходитъ, какъ звуки побѣднаго марша, ликующее двустипіе: «Чужестранецъ, покинь нашъ край. Кончилось твое господство».

Leva, o stranier, le tende
Il regno tuo cessò.

Впослѣдствіи, Кардуччи измѣнилъ свой взглядъ на монархію «бѣлаго креста» и все болѣе склонялся въ сторону республики.

Въ своей поэзіи Кардуччи воздвигъ вмѣстѣ съ тѣмъ новый, построенный изъ чистѣйшаго античнаго мрамора, храмъ Санта-Кроче для героевъ и мучениковъ освободительной борьбы.

Въ этомъ храмѣ помѣстилъ онъ бюсты Л. Поеріо, автора *Risorgimento*, павшаго во время осады австрійцами Венеціи (въ 1848 г), и П. Кальви, геройскаго защитника Кадоры, казненнаго въ Мантуѣ, образы Мамели, сложившаго гимнъ «*Fratelli d'Italia*» (Братья-итальянцы) и Дж. Кайроли, сраженнаго пулей,

¹⁾ Бурламакки—гонфалоньеръ города Лукки, жившій въ XVI в. и казненный за свою попытку объединить итальянскія провинціи въ единую федерацію итальянскихъ республикъ.

²⁾ Феруччо—кондотьеръ, защищавшій въ 1530 г. Флоренцію противъ Карла V и папы Климента VII.

когда пытался (въ 1867 г.) овладѣть Римомъ, павшаго за отчизну, какъ и его трое братьевъ ¹⁾).

А вотъ и онъ—предводитель славной тысячи.

Когда Карлъ Альбертъ умиралъ въ изгнаніи, ему привидѣлось, какъ пророчество о свѣтломъ будущемъ, «чудесное видѣніе»—то былъ

di Nizza il marinaio biondo

то былъ «бѣлокурый морякъ изъ Ниццы» (Piemonte).

При видѣ его Данте говоритъ Вергилію: «Никогда не создавали мы такой совершенный образъ героя!» А Ливій перебиваетъ ихъ улыбаясь, словами: «Онъ,—достояніе не поэзіи, а исторіи, о поэты! Эта настойчивость и смѣлость, эти чисто лигурийскія черты, эта любовь къ справедливости и къ идеалу, они—достояніе гражданской исторіи Италіи» (A. G. Garibaldi)

Гарибальди—символъ не только «неумирающей римской доблести», но и всѣхъ народовъ, стремящихся къ самоопредѣленію и независимости. Когда легендарная тысяча совершаетъ свой походъ въ Марсалу (Sicilia e al rivoluzione), то въ шумѣ ея мѣрныхъ шаговъ явственно слышится пѣснь, обращенная ко всѣмъ поработленнымъ націямъ: сербамъ и грекамъ, мадьярамъ и кроатамъ стать во имя «справедливости, любви и вѣрности» на защиту своей свободы. Да будетъ у всѣхъ одно стремленіе и одинъ девизъ: долой чужестранныхъ поработителей!

Genti oppressi sorgete sorgete.
Di giustizia, d'amore, di fede
Tutti armati leviamoci su.
Uno il cuore, uno il patto, uno il grido.
Ne stranier ne'oppressori mai più.

Въ своемъ поэтическомъ храмѣ Санта-Кроче Кардуччи отвелъ почетное мѣсто и народу-борцу.

Въ 1868 г. онъ вспомнилъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Болоньѣ 8 авг. 1848 (Nel vigesimo anniversario del VIII agosto 1848). Когда австрійцы грозили разгромить городъ, то «сердца магнатовъ» затрепетали отъ ужаса, и знать и богачи трусливо попрятались по своимъ норкамъ, тогда какъ народъ, «чернь», «святая чернь»—*santa sanaglia*—отвѣтила на вызовъ врага: «Мы будемъ биться до послѣдней капли крови». Народъ, у котораго отняли право «издавать законы» и «отчизну» самоотверженно, бился въ эти «страшные и прекрасные» дни за «законъ» и за «отчизну».

¹⁾ Alla croce di Savoia Cadore; In morte di G. Cairoli.

E pur non fai
Tu leggi, o plebe, e diredato gregge,
Patria non hai.

Народъ Болоньи сражался за свой идеаль свободы. То не маркиза съ обнаженной грудью и любовной истомой въ глазахъ. Нѣтъ, то суровая дѣва-воительница, требующая отъ своихъ поклонниковъ любви, не боящейся ни опасностей, ни смерти.

Marchesa elle non è,
Il cui busto offre il seno ed offron gli occhi
Tremulo il letto.
Dura virago ell' è, dure domanda
Di perigli e d'amor pruove famose
In mezzo al sangue de la sua ghirlanda
Crescon le rose ¹⁾.

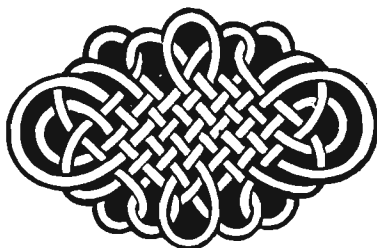
Свой гимнъ народу, борцу за свободу, Кардуччи кончаетъ пророчествомъ. Пусть нынѣ (въ 1868 г.) еще спятъ въ зеленыхъ почкахъ цвѣты будущаго: за августомъ настанетъ «свѣтлый благоухающій май».

И пророчество поэта сбылось.

Два года спустя осуществилась, наконецъ, мечта, за которую боролись словомъ и дѣломъ поэты, герои и мученики національно освободительнаго-движенія.

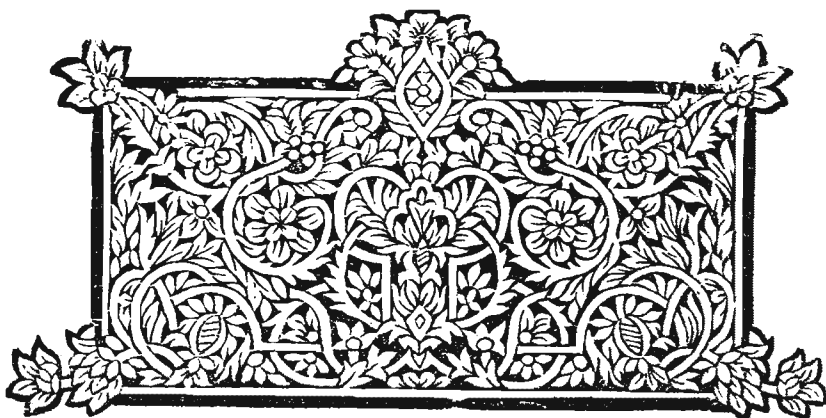
Италія стала «единой» и «свободной».

В. Фриче.

¹⁾ Эта часть оды Кардуччи навѣяна извѣстными стихами Баррье (La Cigée), написанными по поводу июльской революціи 1830 г.

C'est que la Liberté n'est pas une comtesse
Du noble faubourg Saint-Germain и т. д.

П. Л. Лавровъ ¹⁾.

Было время, когда мы очень часто видались съ Бенедиктовымъ. Онъ приходилъ къ намъ раза два-три въ недѣлю и, кромѣ того, мы встрѣчались и въ другихъ домахъ. Познакомились же мы съ нимъ 31 декабря 1853 г. на юбилеѣ 50-лѣтней служебной дѣятельности своего дѣда—Федора Лаврентьевича Колчинскаго. Въ этотъ день я въ первый разъ въ жизни увидѣла живого поэта. До тѣхъ поръ я поэтовъ считала какими-то мифами, хотя и знала, что они существуютъ, но не чаяла сподобиться ихъ лице-зрѣнію. Велико же было мое удивленіе, когда мнѣ сказали, что маленькій, невзрачный человѣкъ въ мундирѣ, бѣлыхъ брюкахъ съ золотыми лампасами и орденомъ на шеѣ,—поэтъ, авторъ

¹⁾ Авторъ помѣщаемыхъ воспоминаній о П. Л. Лавровѣ—Елизавета Андреевна Штакеншнейдеръ, дочь извѣстнаго петербургскаго архитектора, проф. Академіи Художествъ. Штакеншнейдеры вели широкій образъ жизни. Въ ихъ гостиной бывали выдающіеся представители тогдашняго литературнаго и художественнаго міра; съ нѣкоторыми изъ нихъ Ш. связывала близкая дружба (напр., поэтъ Полонскій). Благодаря этимъ литературнымъ связямъ пріобрѣтаетъ значительный интересъ дневникъ, который вела изъ года въ годъ Е. А. Штакеншнейдеръ. Здѣсь встрѣчаются имена: Лаврова, Тургенева, Достоевскаго, Майкова и мн. др. Къ сожалѣнію, дневникъ не сохранился въ полномъ видѣ. Нѣкоторые отрывки изъ этого многолѣтняго дневника печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1899 г.—дневникъ за 1854 г., и въ 1901 г.—дневникъ за 1858—61 гг. Въ «Русскомъ Архивѣ» (1893, т. II) былъ напечатанъ разсказъ Е. А. о домашнемъ спектаклѣ въ ихъ домѣ въ 1856 г. при участіи: Тургенева, Полонскаго Григоровича, Дружинина и др. Въ нашемъ распоряженіи имѣются остальные сохранившіяся тетради записей Е. А., какъ чистовыя, такъ и черновыя, полученныя нами отъ племянника Е. А., И. П. Малиновскаго. Кромѣ дневника, имѣется еще большая пачка писемъ Я. П. Полонскаго къ ней, а равно серія писемъ П. Л. Лаврова изъ Парижа. Отрывки изъ дневниковъ и письма будутъ напечатаны въ «Голосѣ Минувшаго». Въ первую очередь мы печатаемъ незаконченный отрывокъ изъ воспоминаній о П. Л. Лавровѣ, съ которымъ въ молодые годы Е. А. была тѣсно связана дружественными отношеніями,—впослѣдствіи оказалось слишкомъ большое различіе въ міросозерцаніяхъ. О Лавровѣ много говорится въ дневникахъ Е. А. Этотъ отрывокъ являлся попыткой со стороны Е. А. дать общій очеркъ о Лавровѣ. Въ бумагахъ ея онъ остался незаконченнымъ, но и въ такомъ видѣ онъ представляетъ несомнѣнный интересъ.

Ред.

«Полярной Звѣзды» и «Утеса». Съ этого времени возникла и продолжалась съ начала 60-хъ годовъ близость наша съ нимъ. Затѣмъ, онъ началъ понемногу удаляться, уходить въ свою скорлупку, какъ улитка, и вынырнулъ изъ нея только въ 1866 г., когда Лавровъ сидѣлъ уже въ ордонансгаузѣ.

Я потому, приступая къ воспоминаніямъ о Лавровѣ, начинаю съ Бенедиктова, что, во-первыхъ, онъ, если и не лично познакомилъ насъ, то подготовилъ это знакомство и сближеніе, много и съ восторгомъ рассказывая мнѣ про Лаврова, а во-вторыхъ, потому, что удаленіе его, страннымъ образомъ, совпадало съ появленіемъ Лаврова, а возвращеніе—съ его удаленіемъ.

Теперь оба—далече! Одинъ, пишутъ мнѣ изъ Петербурга ¹⁾, снова засѣлъ въ своей раковинкѣ и такъ смирно, что мнѣ уже встрѣчалось въ журналахъ его имя безъ буквы *г* передъ нимъ, точно его уже нѣтъ на свѣтѣ, хотя онъ и живъ; а другой, бѣдный бѣглець, гдѣ онъ? Кто знаетъ. Въ Парижѣ былъ онъ, когда разразилась война, а затѣмъ Коммуна. Бенедиктовъ питалъ къ Лаврову самое искреннее и глубокое уваженіе и какъ къ ученому, и какъ къ человѣку вообще. Онъ говорилъ о его громадныхъ познаніяхъ и о его нравственныхъ качествахъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Его познанія, говорилъ онъ, трудно оцѣнить вполне, потому что они немногимъ доступны; и какъ они вмѣщаются въ такомъ строгомъ порядкѣ и въ такой ясности въ его головѣ, объясняется только его необыкновенными математическими способностями. Какъ математикъ, онъ привыкъ обращаться съ точностью цифръ и приучилъ къ этой точности свою мысль. Математика же дала ему и безстрастіе мысли, тоже немногимъ доступное. Его выводы—не полетъ фантазіи, а математическая выкладка, страшно послѣдовательная, передъ которой можно закрыть глаза, но уничтожить которую нельзя; она все же будетъ существовать, а вѣрѣ, или даже сомнѣнію, мѣста не будетъ.

Такъ же точно строгъ и послѣдователенъ онъ и въ своей частной жизни, относительно самого себя. Я не встрѣчала человѣка, въ комъ бы слово и дѣло такъ мало расходились между собой, въ комъ мысли и убѣжденія были бы такъ одинаковы съ поступками. Точность и опредѣленность математика выражаются у него въ частной жизни глубокой честностью, безстрашіемъ научной мысли, безстрашіемъ въ исповѣдываніи своихъ убѣжденій. И при всемъ при этомъ, у него не сухой умъ ученаго. Напротивъ того, ему не только доступно все нѣжное и изящное, но онъ

¹⁾ Писано весной 1871 г. въ Изюмѣ.

и поэтъ. «У васъ вѣдь есть его стихотворенія, написанныя во время войны?»—продолжалъ Бенедиктовъ. «Онъ способенъ сильно и страшно увлекаться, но привыкъ сдерживать себя. Духовное начало въ немъ такъ сильно, что, право, мнѣ кажется иногда, что плоти въ немъ и нѣтъ совсѣмъ, исключая мозга и нервовъ, да и тѣ въ полномъ порабоженіи у духа. Но чтобы узнать вполнѣ его нравственныя качества, надо его видѣть въ домашней жизни; надо видѣть, какъ боготворить его семья. И поистинѣ лучшаго сына, брата, мужа и отца, конечно, не найти».

Такъ не разъ говорилъ Бенедиктовъ и однажды заключилъ рѣчь свою словами: «Вы, вѣроятно, скоро познакомитесь съ нимъ, такъ какъ Иванъ Карловичъ ¹⁾ уже познакомился, и тогда сами увидите, что въ кругу вашихъ знакомыхъ нѣтъ никого ему подобнаго, что онъ выше всѣхъ; и тогда всѣ мы, которые окружаемъ васъ теперь, отойдемъ на задній планъ, иначе нельзя, иначе нельзя!»

Я въ то время стояла у изгороди нашего сада и искала счастья въ сирени. При послѣднихъ словахъ Бенедиктова я обернулась къ нему. Невзрачный, маленькій человекъ, не математикъ съ безстрастіемъ мысли, передъ которой можно только закрыть глаза, а уйти отъ которой нельзя, но поэтъ съ полетомъ фантазіи, не исключавшей вѣру и сомнѣніе, стоялъ передо мной и добрыми, и умными, голубыми, какъ незабудки, глазами вопросительно и серьезно смотрѣлъ мнѣ въ лицо. Я не нашлась, что отвѣтить. Мнѣ вдругъ вспомнилось въ эту минуту, какъ ребенкомъ переходила я съ рукъ няни на руки гувернантки, и какъ няня тихо плакала, узнавъ, что и день вступленія въ домъ этой гувернантки уже назначенъ.

Я никогда не могла понять, зачѣмъ велъ такія рѣчи Бенедиктовъ. Потому я не разъ возражала ему, что Лавровъ и вниманія на меня не обратитъ, а мнѣ будетъ страшно даже взглянуть на него, не то что съ нимъ разговаривать, но онъ стоялъ на своемъ. Его повидимому завлекалъ вопросъ, останусь ли я въ той области фантазіи и поэзіи, въ которой держали меня окружающіе, какъ самъ онъ между прочимъ, или пойду за безстрастіемъ мысли, вслѣдъ Лаврову. Но зачѣмъ же было предупреждать и возбуждать воображеніе? Все выяснилось бы въ свое время; и, можетъ быть, не надоумъ онъ, оставалось бы все попрежнему. Ему, въ сущности, и хотѣлось, чтобы все оставалось попрежнему. Я отлично подмѣтила въ его взглядѣ, тогда, у изгороди, что ему чего-то или кого-то жаль; оттого и вспомнила про няньку. Конечно,

¹⁾ Гебгардтъ, родственникъ Штакеншнейдеровъ, другъ проф. Никитенко.

наэлектризованная имъ, я сдѣлалась восторженной поклонницей Лаврова. Стала смотрѣть на вещи его глазами, повторять его слова, любить, что онъ любилъ, ненавидѣть, что онъ ненавидѣлъ, однимъ словомъ, стала превращаться въ нигилистку, хотя этого слова еще и не существовало въ то время..... Мы, дѣйствительно, вскорѣ познакомились съ нимъ, на вечерѣ у самого же Бенедиктова. Но на этомъ вечерѣ такъ много читалось и декламировалось и Бенедиктовымъ, и его братомъ, генераломъ Баумгартеномъ и его женой Авдотьей Павловной, что я даже голоса Лаврова не слыхала. Такъ что собственно знакомство мое съ нимъ началось уже при второй встрѣчѣ у Ливотовыхъ, къ которымъ его привелъ Иванъ Карловичъ. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ маленькаго толчка не со стороны Бенедиктова уже, а такъ случайно, который помогъ сближенію ¹⁾).

Въ одномъ изъ журналовъ, кажется «Современникѣ», появилась около этого времени статья Никитенко о Сикстинской Мадоннѣ. Я была тогда больна и даже лежала въ постели, но Иванъ Карловичъ непремѣнно настаивалъ прочесть ее и, читая, все ею восторгался и требовалъ такого же восторга отъ меня. Мнѣ же она показалась, несмотря на ея восторженный тонъ, совершенно холодной и дѣланной. Мнѣ казалось, что не зная Никитенко заранее, что это Рафаэлева Мадонна, которой восхищается весь міръ, то онъ бы прошелъ мимо нея, ее бы даже не замѣтивъ, и никакой статьи о ней бы не написалъ. «Вѣдь это риторика, какая-то», сказала я, между прочимъ. Иванъ Карловичъ ужасно разсердился на меня, главное за это слово: риторика, и ушелъ. Черезъ нѣсколько дней онъ опять пришелъ и говорить: «Ну вотъ, радуйтесь, знаете, кто сказалъ о статьѣ Никитенко то же самое, что и вы, и тоже назвалъ ее риторикой? Лавровъ! Значитъ Карла (онъ себя звалъ Карлой)—дуракъ, если вы съ Лавровымъ говорите одно и то же. Я ужъ и сказалъ ему, что есть на свѣтѣ такая Шплиттерхексе, которая тоже обзываетъ ее риторикой».

Вотъ эта-то риторика насъ и свела. Съ тѣхъ поръ мы стали видаться очень часто. Сначала я сильно робѣла передъ нимъ. Но противъ робости есть средство, не думать о себѣ, забыть себя. Лавровъ дѣлалъ эту задачу нетрудной. Я скоро, благодаря ему, забыла не только себя, но и все окружающее. Тогда-то началъ удаляться отъ насъ Бенедиктовъ, но я его отсутствія, какъ и отсутствія или присутствія многихъ другихъ, не замѣчала. Я вся поглощена была тѣмъ новымъ міромъ, который открывалъ передо мной Лавровъ. То вѣдь были первые годы новаго царство-

¹⁾ Ср. дневникъ 25 августа 1858 г. («Русск. Вѣстн.», 1901 г., т. 273, стр. 124).

ванія. Но тотъ, кто не проводилъ лично рубежъ между царствованіемъ Николая I и Александра Николаевича, не можетъ себѣ составить вполне точнаго понятія о состояніи тогдашняго общества. А мнѣ пришлось еще переживать эту эпоху въ обществѣ такого человѣка, какъ Лавровъ. Ребенокъ перешелъ съ рукъ няньки на руки гувернантки, и горька была подѣль часть наука, ею преподаваемая, горечью отзывалась она и потомъ, но очарованный ребенокъ долго этого не разумѣлъ. Я познакомилась и съ семьей Лаврова и увидѣла обожаніе, которымъ онъ былъ окруженъ; видѣла, какъ относятся къ нему его сверстники, также составившіе себѣ имя въ наукѣ. Молодежь, льнушая ко всему, весь нашъ кругъ вторили его семьѣ, вторили тому, что говорилъ про него Бенедиктовъ. На лекціяхъ, читанныхъ имъ въ залѣ Пассажа, толпа не только переполняла всю залу, но тѣснилась, стоя въ проходахъ, и встрѣчала и провожала его громомъ рукоплесканій. Эти три лекціи (*Очеркъ теоріи личности*), читанныя имъ въ пользу Литературнаго Фонда, дали сбора около 10.000 руб.¹⁾ Онъ былъ поистинѣ героемъ дня въ то время, а для меня какимъ-то апостоломъ новой вѣры, вѣры разрушенія. Именно разрушенія. Какъ ни странно это звучитъ: вѣра разрушенія, но онъ его то и проповѣдывалъ. Онъ говорилъ: «разрушайте; весь строй существующей жизни долженъ быть разрушенъ; и государство, и церковь, и семья, все это должно пасть и исчезнуть; и каждый честный человѣкъ обязанъ всѣми силами способствовать ихъ паденію. Мы всѣ, нынѣ живущіе люди, разрушители, не создатели, помните это. Созидать не наше дѣло, а будущихъ поколѣній. И что они построятъ—мы не знаемъ; это также не наше дѣло. Мы должны имъ только расчищать мѣсто». Теперь, когда уже прошло столько лѣтъ со дня моего знакомства съ нимъ, если бы меня спросили, былъ ли Лавровъ республиканецъ или монархистъ, я бы затруднилась отвѣтомъ. Я думала, что и то и другое было для него безразлично. Но онъ былъ революціонеръ. Его мечтой была революція. Революція, которая сломаетъ и унесетъ все старое, изжившее, всѣ предрасудки и суевѣрія, весь износившійся строй жизни и расчиститъ мѣсто новому. Въ чемъ будетъ состоять это новое, онъ не зналъ и не гадалъ даже о томъ. Себя участникомъ этого новаго онъ не мнилъ; новое должно было принадлежать новымъ людямъ. Онъ и всѣ его современники должны были только расчистить имъ мѣста. Таково было ученіе

¹⁾ Вѣроятно, это описка вмѣсто 1000 руб., такъ какъ лекціи эти читались въ небольшой залѣ Пассажа наверху, и зала эта, какъ сообщилъ намъ присутствовавшій на лекціяхъ Л. Ф. Пантелѣевъ, вовсе не была переполнена.

Ред.

Лаврова; таковъ путь, которымъ онъ шелъ и другихъ приглашалъ идти, на этомъ пути не было никакихъ заговоровъ, никакихъ замысловъ противъ отдѣльныхъ лицъ или учреждений, никакой ненависти противъ нихъ. Они должны были пасть, жалко ли это или не жалко; погребутъ ли они или не погребутъ подъ своими развалинами и его и насъ всѣхъ—это все равно. Напротивъ того, намъ и слѣдовало лечь костью, составить почву, на которой грядущіе зодчіе грядущихъ поколѣній выстроятъ дивный храмъ людского счастья. Но онъ и любилъ революцію, кромѣ того, что считалъ ее великой истребительницей неправды на землѣ; любилъ ее такую, какою выставлялъ ее Ламартинъ въ своей «Исторіи Жирондистовъ». Недаромъ говорилъ онъ, что лишь только минетъ 14 лѣтъ его сыну, онъ ему дастъ прочесть «Исторію Жирондистовъ», чтобы онъ *влюбился въ революцію*. И въ то же время, когда, напр., такъ ужасно нападали на Майкова за «*Коляску*»¹⁾, онъ всегда выступалъ его защитникомъ, и всегда единственнымъ, потому что тогда было такое настроеніе, что если кто въ душѣ и самъ сочувствовалъ «*Коляскѣ*» или Николаю I, то не рѣшился бы это высказать. Онъ же развивалъ идею понятія о русскомъ самодержавномъ царѣ и рисовалъ его образъ въ такихъ привлекательныхъ краскахъ, въ такомъ величественномъ видѣ, прибавляя, что Николай I очень походилъ на такого царя, что слушатели только недоумѣвали, переспорить же его краснорѣчіе не могли²⁾. То же самое относительно нынѣшняго государя. Въ первое время, несмотря на то, что всѣми чувствовалась мягкость его правленія, его не любили; говорили, что онъ и неумень и безхарактеренъ и что полагаться на него нельзя. Всѣ взоры были устремлены на брата, на в. к. Константина Николаевича, на него уповали, его любили и все хорошее, что совершалось, относили къ его вліянію; говорили, что если бы не онъ, то все бы пропало; а если бы, съ другой стороны, ему не мѣшали, то все было бы хорошо. Лавровъ съ этимъ не соглашался. Онъ говорилъ, что роль, которая ему досталась или которою онъ завладѣлъ, очень благодарная роль, когда все бремя власти и вся отвѣтственность лежатъ на другомъ. Что нѣтъ основаній предполагать, что Россія была бы счастливѣе, если бы роли перемѣнились, и т. п. Странное было то время, время первыхъ годовъ послѣ смерти Николая I. Точно плотины всѣ прорвались. Говорилось столько и говорилось то, чего при

¹⁾ Стих. 1853 г. О немъ въ дневн. Штакеншнейдеръ стр. 129, а также «Русск. Вѣстн.» 1899 г., стр. 551.

²⁾ Ср. обращеніе къ имп. Николаю I въ стихотвореніи Лаврова «Отзывъ на манифестъ» этого государя по случаю Крымской войны, напечатанное въ журналахъ «Былое» 1907 г., № 2, стр. 289.

Редакція.

Николаѣ не только здоровые не рѣшались молвить, но о чемъ и горячечные въ бреду не смѣли бредить. И кто могъ говорить лучше Лаврова? Кто зналъ болѣе его? Кто, подобно ему, могъ черпать изъ сокровищницъ своей неисчерпаемой памяти все новые и бодрые примѣры и факты, ихъ сближать, группировать, освѣщать и примѣнять къ злобѣ дня? Когда, бывало, въ нижнемъ этажѣ нашего роскошнаго дома на Милліонной, въ зимнемъ саду или въ комнатѣ съ арками, возлѣ сада, откуда несся ароматъ тропическихъ растений и слышно было, какъ падаютъ капли со стекляннаго свода на широкіе листья банановъ или каменные плиты пола, Лавровъ говорилъ и всѣ ему внимали, мнѣ чудились катакомбы Рима и первые христіане, новые люди, укрывающіеся въ нихъ, совершающіе тамъ свое новое богослуженіе, слушающіе апостола.

Возвратясь наверхъ, въ жилыя комнаты, къ обыденной вседневности, я думала, что возвращаюсь въ древній Римъ, преисполненный лжи и зла, подлежащій разрушенію и который новые люди всѣми силами должны стараться разрушить.

Лавровъ, дѣйствительно, по пророчеству Бенедиктова и вопреки моимъ ожиданіямъ, сблизился со мною. Не думаю, чтобы онъ смотрѣлъ на меня, какъ на прозелитку: я по многимъ причинамъ для нея не годилась, да и тонъ нашихъ бесѣдъ былъ иной; темы слишкомъ разнообразны и, я бы сказала, откровенны; пропагандистъ долженъ держаться разъ принятой программы, строже смотрѣть за проводимой идеей. А со мной, я думаю, напротивъ того, Лавровъ, если и были у него прозелиты, отдыхалъ отъ нихъ. У каждаго, даже самаго ничтожнаго, человѣка бываетъ же какой-нибудь талантъ. Есть, я знаю, такой и у меня, это талантъ слушать и, сказала бы, понимать, да боюсь, не будетъ ли слишкомъ, скажу, схватывать мысль на лету и вовремя бросить слово, которое дѣйствуетъ на собесѣдника, какъ масло на огонь, давая ему увѣренность, что его слушаютъ и понимаютъ. При этомъ, я никогда не перебиваю, не дѣлаю охлаждающихъ вопросовъ или попытокъ самой завладѣть рѣчью. Вотъ что, вѣроятно, нравилось во мнѣ Лаврову. Я многихъ даже невольно обманывала такимъ образомъ, т.-е. меня считаютъ поэтому гораздо умнѣе и болѣе знающей, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ. Другіе находятъ, что я люблю льстить, и это, пожалуй, правда. Я люблю, чтобы мой собесѣдникъ напоминалъ мнѣ кошку, которая грѣется на солнцѣ и которой щекочутъ за ушами. Называютъ это также—залѣзать въ душу. Ну да, я и залѣзала, и въ какія чудныя души, и какія сокровища въ нихъ находила!

Но возвращаюсь къ Лаврову.

Въ его душу я въ то время, по крайней мѣрѣ, еще не залѣзала. Наши разговоры вращались въ иныхъ сферахъ, болѣе отвлеченныхъ, касались вельтшмерца и вельтменша ¹⁾, а въ глубь души отдѣльнаго человѣка, его ли, моей ли, того, что всѣ люди зовутъ гемютслебенъ, не заглядывала. Но моему личному сознанию было любо, когда онъ, войдя въ гостиную, искалъ меня своими близорукими глазами, и другіе, догадываясь, кого онъ ищетъ, улыбаясь, направляли его ко мнѣ. Тщеславное самолюбіе ликовало, мнѣ было лестно, что Лавровъ такъ много обращаетъ на меня вниманія; но въ то же время самъ Лавровъ, какъ человѣкъ, Петръ Лавровичъ Лавровъ, былъ для меня совершенно чужимъ ²⁾. Онъ былъ не человѣкъ для меня, а воплощеніе идеи, существо безъ плоти и крови, существо неравное мнѣ, да и никому изъ людей неравное. Только въ 1866 г. узнала я, что онъ изъ плоти и крови, такой же простой и смертный, какъ и всѣ мы грѣшныя, и что между мною и имъ существуетъ связь, связь дружбы; раньше я и самую мысль такую сочла бы дерзостью. Но до этого времени было еще далеко, и мы, т.-е. петербургское общество, продолжали еще радоваться всеобщему распечатанью устъ и говорили, говорили безъ конца, готовясь къ великому событію освобожденія крестьянъ. Прошла студенческая исторія. Совершилось великое событіе 19 февраля 1861 г. «Отбунтовалась вновь Варшава».

Около этого времени, т.-е. въ концѣ 65-го или началѣ 66-го годовъ, умерла жена Лаврова. Послѣ ея смерти онъ сталъ ходить къ намъ еще чаще, но темой нашихъ бесѣдъ съ нимъ уже не были отвлеченные вопросы, а именно *Gemüthsleben*, которой онъ прежде никогда не касался. Лавровъ былъ неспокоенъ. Сомнѣніе въ себѣ, что-то въ родѣ угрызенія совѣсти, какое-то смущеніе, вопросъ объ отношеніяхъ его къ дѣтямъ тревожили его. Точно почва уходила изъ-подъ его ногъ. Зданіе, которое онъ созидалъ годами, рушилось. Съ нимъ совершалась нѣчто, поколебавшее его незыблемость, нарушившее гармонію между его воззрѣніемъ и его характеромъ, вѣрнѣе, темпераментомъ. У героя оказалась ахиллесова пята...

Между тѣмъ наступило 4-ое апрѣля 1866 г. и тутъ намъ всѣмъ стало уже не до нашихъ дѣлъ; всеобщее вниманіе было поглощено Каракозовымъ и Комиссаровымъ. Начались восторженные манифестаціи по улицамъ и театрамъ; пошли аресты; пріѣхалъ въ Петербургъ чинить судъ и расправу Муравьевъ.

¹⁾ *Weltschmerz*—міровая скорбь; *Weltmensch*—гражданинъ міра.

²⁾ Дѣйствительныя отношенія Е. А. Штакенштейндеръ къ Лаврову выступаютъ опредѣленнѣе въ той части ея дневника, которая будетъ напечатана въ «Гол. Мин.».

Въ эту весну мы очень рано переѣхали на свою мызу близъ Гатчины. Такъ какъ кругомъ то и дѣло говорилось объ обыскахъ и арестахъ, и молва часто примѣшивала къ нимъ имя Лаврова, то я предложила ему дать мнѣ на храненіе, на всякій случай, его бумаги или книги. Онъ далъ *небольшую пачку старыхъ, пожелтѣвшихъ писемъ и свой юношескій дневникъ*; я ихъ увезла съ собой.

Но въ деревнѣ мнѣ не сидѣлось. Весна въ томъ году была холодная и непривлекательная, а главное—слишкомъ тяжело было воспоминаніе о недавней кончинѣ отца нашего; все въ мызномъ домѣ слишкомъ живо напоминало нашу невозвратимую потерю. Къ тому же стали доноситься до насъ слухи, что Лавровъ арестованъ. То рассказывали, что его взяли ночью съ постели, то арестовали въ стѣнахъ Артиллерійской Академіи; то, наконецъ, во время заутрени во дворцѣ. Пробывъ на мызѣ дней 10, я вернулась въ городъ къ братьямъ, которые оставались въ Петербургѣ.

Все утро на другой день Лавровъ просидѣлъ у меня. Говорилъ долго и много. Говорилъ и о слухахъ объ его арестѣ и, между прочимъ, рассказалъ, что разъ, когда онъ выходилъ изъ ялика, на томъ берегу, гдѣ находится Артиллерійская Академія, куда онъ отправлялся на экзаменъ, какъ профессоръ, къ нему подошелъ какой-то, вовсе незнакомый ему молодой человѣкъ, назвалъ его ученикомъ и объявилъ ему, что только что видѣлъ собственными глазами предписаніе арестовать его сегодня же въ залахъ Академіи. Онъ умолялъ Лаврова не ходить туда и тутъ же на берегу вручалъ ему фальшивый паспортъ и деньги для немедленнаго бѣгства.

Лавровъ не принялъ ни того, ни другого, отправился въ Академію и только распорядился, если бы это случилось, послать со служителемъ записку дѣтямъ. Экзаменъ сошелъ, какъ обыкновенно.

Мнѣ живо вспоминаются всѣ подробности этого памятнаго дня, субботы 21-го апрѣля 1866 г.

Уходя, онъ взялъ съ меня слово, что я непременно буду вечеромъ у Конради¹⁾. Проводивъ его, я пошла къ Стасовымъ, жившимъ въ одномъ съ нами домѣ, и тамъ обѣдала, а вечеромъ добрая Надежда Васильевна съ И. Н. Шульговскою отвели меня на Надеждинскую, уголь Сапернаго. Тамъ въ 4-мъ этажѣ занимали небольшую угловую квартиру Конради.

Все общество было уже въ сборѣ, когда я пришла. Были Рюльманъ²⁾ и его товарищи, тоже медицинскіе студенты, Крашев-

¹⁾ Докторъ, лѣчившій жену Лаврова.

²⁾ Студентъ-медикъ. учитель сына Лаврова—Миши.

скій, была подруга Ев. Ив. (Конради) толстая, красивая дѣвица, извѣстная подъ именемъ Оенички, и былъ Чуйко, постоянный гость, безъ рѣчей. Онъ что-то писалъ или переводилъ въ то время о Тэнѣ, но у Конради на него никто никогда не обращалъ никакого вниманія, и онъ всегда молча сидѣлъ гдѣ нибудь въ углу и только изрѣдка хихикалъ. У дѣдушекъ и бабушекъ Е. Ив. вѣроятно бывали постоянно подобные безсловесные приживальщики, и ей онъ былъ не въ диковинку.

Часа въ два ночи сѣли ужинать. Сидѣли мы за столомъ долго. Бѣлая ночь глядѣла во всѣ окна, и свѣчи можно бы было погасить, но ихъ не замѣчали. Говорили о Belle Hélène съ Деверіей, всю зиму сводившей съ ума Петербургъ; я одна ея не видала по случаю траура. Вдругъ звонокъ! Прислуга уже спала. Конради всталъ и со словами: «вѣрно къ больному», пошелъ со свѣчей въ темную прихожую. Звякнули шпоры, и послышался чужой голосъ: «полковникъ Лавровъ здѣсь?» Лицо Конради было блѣдно и свѣча нетвердо держалась въ рукѣ его, когда онъ объявлялъ Лаврову, что его спрашиваетъ жандармскій офицеръ. Лавровъ поспѣшно всталъ и вышелъ, но не прошло и минуты, какъ онъ уже снова былъ посреди насъ и объявилъ, что ему надо ѣхать домой съ присланнымъ отъ Муравьева жандармскимъ офицеромъ. Онъ не былъ блѣденъ, какъ Конради, напротивъ того, лицо его оживилось, онъ точно выросъ въ одну минуту, помолодѣлъ. Въ началѣ вечера онъ былъ пасмуренъ, и Конради были не въ духѣ.

Отведя въ сторону Конради, сказавъ ему нѣсколько словъ и передавъ свой бумажникъ, Лавровъ сталъ своими близорукими глазами искать фуражку, и всѣ кинулись помогать ему. Офицеръ, между тѣмъ, вышелъ на лѣстницу, деликатно притворивъ за собою дверь. Найдя фуражку, Лавровъ быстро пожалъ намъ всѣмъ руки и исчезъ, сопровождаемый Конради, который проводилъ его до подъѣзда и видѣлъ, какъ онъ съ офицеромъ сѣли въ коляску и поѣхали на Фурштадтскую, въ домъ Лаврова.

Когда Конради вернулся и, молча поставивъ свѣчу передъ собой, сѣлъ, мы всѣ, точно такъ же молча, стояли и сидѣли все еще на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ оставилъ насъ Лавровъ. Точь-въ-точь, какъ въ оперѣ, когда Черноморъ похищаетъ Людмилу. Но всему бываетъ конецъ, отошло и наше оцѣпенѣніе. Прервала его я, и довольно глупо, каюсь. Было что-то возмутительное въ этомъ похищеніи человѣка среди ночи, изъ чужого дома, отъ ужина и разговора о Belle Hélène. Если бы онъ еще скрывался или былъ булавка, которую надо искать. Но вѣдь полковникъ Лавровъ всегда былъ налицо. Застать врасплохъ, не дать времени, что-нибудь уничтожить, кого-нибудь предупредить, повидимому,

тоже въ виду не имѣли,—вѣдь ушелъ же офицеръ на лѣстницу и затворилъ за собою дверь.

Второе, что меня возмущало, было—мы сами. Сколько лѣтъ намъ твердили и мы твердили, что правительство глупо, что оно труситъ, что слѣдуетъ съ нимъ бороться, не уважать его, презирать, дѣлать ему всякія каверзы, и вотъ явилось это правительство въ лицѣ одного молоденькаго офицера, и мы палець о палець не ударили, только съ величайшей предупредительностью кинулись искать фуражку, чтобы его не задержать, едва попрощались съ Лавровымъ, хотя не знаемъ, увидимся ли съ нимъ опять, дали его похитить и затѣмъ оцѣпенѣли.

Первая мысль моя понравилась всѣмъ; вторая не понравилась никому. «Чтожъ,—говорятъ,—драться, что ли было съ офицеромъ? Или итти теперь брать приступомъ лавровскій домъ и выручать силой Петра Лавровича?» Но мнѣ хотѣлось вовсе не этого и не это возмущало. Меня возмущали фуражка и наши фізіономіи, когда вернулся Конради, поставилъ свѣчу передъ собой и сѣлъ.

Я накинулась на Рюльмана. «Вы то,—говорю,—что сидите и не идете домой? Мы брать приступомъ домъ Лаврова не можемъ, а вамъ можно и должно итти туда, вы тамъ живете. Вы можете пригодиться ему или его матери или хоть намъ расскажете потомъ, если его увезутъ, что съ нимъ дѣлали и куда его дѣвали. Какъ оставлять его въ такую минуту и когда есть возможность быть при немъ. И, наконецъ, могутъ сдѣлать обыскъ и въ вашей комнатѣ».

Онъ шевельнулъ ногами, чтобы встать, но не всталъ сразу. Наконецъ, поднялся, и за нимъ поднялся и Крашевскій.

«Миша говорилъ мнѣ,—продолжала я,—что онъ спряталъ какія-то бумаги и книги Петра Лавровича такъ искусно, что никто ихъ не найдетъ». На эти слова уходившій уже Крашевскій обернулся. «Миша,—спросилъ онъ,—да знаете ли вы, куда онъ все это попряталъ? За диванъ и шкапы, а помогали ему лакеи и дворники».—Но что же онъ пряталъ?—спросилъ кто-то.—«А кто его знаетъ! Какія-то кипы бумагъ и книгъ. Вѣроятно все, что попадалось ему подъ руку и не было въ ту минуту нужно Петру Лавровичу, потому что онъ ему не препятствовалъ, не указывалъ, не выбиралъ и только улыбался на эту возню, какъ на забаву мальчика».—«Ну, а если эти вещи найдутъ,—опять заговорила я,—въ какомъ неловкомъ положеніи очутится П. Л. Вѣдь не скажетъ же онъ, что это его сынъ забавлялся. Нельзя ли ихъ оттуда вытащить?» Студенты только плечами пожали и ушли.

Когда они ушли, зашевелились и Конради. Они начали вытаскивать изъ своихъ столовъ и пр. кипы бумагъ, тетрадей,

писемъ и фотографическихъ карточекъ, растопили печь и все это побросали въ огонь; осмотрѣли и бумажникъ Лаврова. До утра провозились они, и некому было проводить меня домой, всѣ работали; такъ прошла ночь. Въ 8 ч. пришла Маня за бумажникомъ. Мы осыпали ее вопросами, но она, четырнадцатилѣтняя нигилистка, не хотѣла ничего рассказывать, не хотѣла снять свою броню равнодушія и, со свойственной ей невозмутимостью, давала лишь лаконическіе отвѣты: «Отецъ дома; кабинетъ запечатанъ; днемъ будетъ второй обыскъ, а до тѣхъ поръ отецъ не выйдетъ изъ дому». Я хотѣла тотчасъ же отправиться къ нему, но Ев. Ив. попросила подождать ее, покуда она кончитъ свои домашнія дѣла; между тѣмъ дѣти ея раскапризничались, и она провозилась съ ними до 4-хъ часовъ.

Лаврова мы застали за обѣдомъ. Онъ былъ веселъ, много смѣялся, шутилъ. Ночью осмотрѣть его кабинетъ не успѣли, поэтому придутъ опять, но и тутъ въ одинъ пріемъ, вѣроятно, не кончатъ. Значитъ, придется заниматься дѣломъ этимъ дня три, и покуда обыскъ будетъ длиться, онъ не будетъ выходить изъ дому, будетъ подъ домашнимъ арестомъ и насъ и всѣхъ просить не ходить къ нему.

Отъ него поѣхала я обѣдать къ Стасовымъ и вернулась домой только поздно вечеромъ. Прихожу и что нахожу? Все, такъ искусно спрятанное Мишей, тутъ, у меня. Спрашиваю, кто привезъ? Говорятъ: Миша и Крашевскій. Носили они въ нѣсколько пріемовъ, и Миша радовался, что у насъ, у дверей и воротъ, стоитъ полиція, а они выносятъ тюки бумагъ, среди бѣла дня, и никто не замѣчаетъ и не останавливаетъ.

Что было въ этихъ бумагахъ—не знаю. Рыться въ нихъ и разбирать ихъ было слишкомъ хлопотливо, да и въ правѣ я себя не считала; да и не привело бы ни къ чему, разъ ихъ надо было, во всякомъ случаѣ, сохранить, потому что онѣ были чужія. Но я была увѣрена, что и на этотъ разъ въ этой Мишиной забавѣ отецъ участія не принималъ. Онъ уже вручилъ мнѣ самъ то завѣтное, что желалъ уберечь и отъ истребленія, и отъ посторонняго глаза, и это у ученаго, у гвардіи полковника, у государственнаго преступника, наконецъ, оказалось юношескимъ дневникомъ и пачкой пожелтѣлыхъ отъ времени писемъ.

Признаюсь, мнѣ было досадно на Мишу, а еще болѣе на большого умника—Крашевскаго. Отослать обратно—нельзя, оставить на квартирѣ у братьевъ—тоже неудобно. Неровенъ часъ, самъ же Миша проболтается, да и видѣла же и прислуга, если не полиція, какъ они таскали; сдѣлаютъ обыскъ у братьевъ моихъ. Зачѣмъ имъ это похмелье на чужомъ пиру? А будетъ

обыскъ, значить, и увезуть все въ слѣдственную комиссію. Но если бы я знала тогда, какую непріятность совсѣмъ иного рода причинить мнѣ эта выходка Миши, то я думаю, несмотря ни на что, отвезла бы ихъ обратно и отдала бы старушкѣ Лавровой. Теперь же оставалось одно—увезти все на мызу. Приѣхала моя мать и взяла часть съ собой; надо еще прибавить, что мы смѣняли квартиру въ то время, и уже потому было съ этимъ ворохомъ затруднительно. Кабинетъ Лаврова былъ до самаго потолка заставленъ книгами и весь заваленъ бумагами. Съ воскресенья осматривали его, и наступилъ четвергъ, а я все еще не могла видѣть П. Л. Въ четвергъ вечеромъ надо было мнѣ быть въ комитетѣ Общества дешевыхъ квартиръ, а оттуда поѣхала я ужинать къ знакомымъ Шульцамъ на Знаменскую и просидѣла у нихъ до 3-хъ ч. утра. Приѣзжаю домой, братъ говоритъ, что былъ П. Л. Сидѣлъ долго, съ 9 до 2-хъ, все ждалъ, не возвращусь ли я, въ 2 ушелъ, потому что въ 2¹/₂ долженъ былъ явиться къ Муравьеву.

Нужно ли говорить, какъ жаль мнѣ было и какъ смущалъ меня этотъ ночной призывъ къ Муравьеву.

П. Л. оставилъ у брата письмо ко мнѣ и къ Ев. Ив. на случай, если бы отъ Муравьева онъ больше домой не вернулся, въ благопріятномъ же случаѣ обѣщаль зайти поутру.

Поутру я сама встала пораньше, чтобы ѣхать къ нему, но не успѣла переодѣться, какъ посланный отъ его матери принесъ роковую вѣсть—Петръ Лавровичъ арестованъ. Онъ явился въ условный часъ къ Муравьеву, но Муравьевъ выслалъ ему сказать, что теперь принять его не можетъ и просить быть у него черезъ часъ. Въ этотъ промежутокъ времени Л. хотѣлъ еще зайти къ намъ, но не рѣшился въ виду ночного времени. И хорошо сдѣлалъ, потому что не прошло часа, какъ явился жандармскій офицеръ, отобралъ у него шпагу и отвезъ его въ ордонансгаузъ.

Такъ кончилась для него жизнь равноправнаго гражданина, профессора и всѣми уважаемаго человѣка на родинѣ, человѣка, котораго ожидала почетная, а можетъ быть и блестящая будущность.

Арестованъ и посаженъ въ ордонансгаузъ былъ Петръ Лавровичъ въ ночь на 27-ое апрѣля 1866 г. Оставленное Евген. Ив. и мнѣ письмо мы съ нею прочли, и она тотчасъ же его разорвала. Лавровъ въ немъ поручалъ намъ обѣимъ свою дочь, и къ ней была вложена записка. Прошло нѣсколько дней, и получилось отъ него извѣстіе посредствомъ бѣлья: онъ всунулъ маленькую записку въ снятый носокъ. Это удалось, и съ тѣхъ поръ образо-

балась совершенно правильная переписка между имъ и его матерью и мною. Она изловчилась съ бѣльемъ же переслать ему карандашъ и бумагу, и онъ клалъ свои записки въ носки и такимъ же путемъ получалъ отъ матери и меня отвѣты. Писалъ онъ и къ Конради, но они страшно злились и просили прекратить эту корреспонденцію. Черезъ нѣкоторое время матери разрѣшили съ нимъ видѣться, тогда мы наши записки передавали черезъ нее. Черезъ мѣсяцъ по заключеніи своемъ, Лавровъ вздумалъ написать письмо къ в. к. Константину Николаевичу; черновая этого письма хранится у меня ¹⁾. Въ немъ онъ проситъ справедливости, приводитъ, между прочимъ, извѣстныя слова Талейрана: «Дайте мнѣ любыя двѣ печатныя строки, и я возведу автора ихъ на эшафотъ». Письмо написано съ достоинствомъ, серьезно, умно, но оно слишкомъ длинно, какъ вообще все, что писалъ и пишетъ Лавровъ.

Мысль писать къ великому князю могла зародиться только въ такой теоретической головѣ, какъ голова Лаврова. И теоретически его расчетъ былъ вѣренъ. Задавшись мыслью написать кому-нибудь изъ близкихъ къ государю или правительству вообще лицъ, онъ долженъ былъ остановиться на великомъ князѣ—либералѣ. Но великій князь—либераль, вовсе не теоретикъ, да и практикъ плохой, относительно самого себя, прежде всего, на этотъ разъ былъ практиченъ. Онъ не только не принялъ никакого участія въ Лавровѣ, но и поспѣшилъ, такъ по крайней мѣрѣ рассказывали, увѣрить Муравьева, который не на шутку на него косился въ то время уже, что онъ въ глаза не видалъ Лаврова и никогда не подавалъ ему ни малѣйшаго повода обращаться къ нему.

Наступило лѣто. Каракозовъ былъ повѣшенъ и сообщники его получили каждый свою долю наказанія, что кому пришлось. Лавровъ все сидѣлъ. Ни на допросахъ, ни въ приговорѣ, прочитанномъ ему черезъ 8 мѣсяцевъ, не было ни слова о прикосновенности его къ Каракозову. А онъ все сидѣлъ ²⁾.

Е. А. Штакеншнейдеръ.

¹⁾ Ниже оно приводится въ отдѣлѣ матеріаловъ.

²⁾ О послѣдующей жизни П. Л. Лаврова будутъ помѣщены въ «Голосѣ Минувшаго» воспоминанія нѣсколькихъ лицъ и письма его къ Е. А. Штакеншнейдеръ. Ред.

Воспоминанія В. В. Берву¹⁾.

VI. Сибирь и ссыльные поляки.

Въ Сибири мѣстомъ ссылки для меня былъ назначенъ Кузнецкъ, городъ или, лучше сказать, большая деревня, заброшенная къ подножью Алтайскихъ горъ. За городомъ вверхъ по рѣкѣ Томи можно было ѣхать на лошадахъ въ экипажѣ только часъ или полтора, далѣе начинались горы и дѣвственные лѣса, гдѣ приходилось ѣздить верхомъ по тропинкамъ; но зато же изъ оконъ моей квартиры виденъ былъ горный хребетъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, правда, очень рѣдко,—онъ находился на разстояніи ста слишкомъ миль. Немедленно разнесся по городу слухъ, что привезли русскаго социалиста и нигилиста. Новость была пикантная, къ ссыльнымъ полякамъ тамъ давно привыкли, но русскій социалистъ и нигилистъ составлялъ диковину. Мудрецы объясняли жителямъ, что нигилисты проповѣдуютъ, что всѣхъ чиновниковъ слѣдуетъ перевѣшать, а всѣхъ помѣщиковъ перерѣзать. Исправникъ пригласилъ меня къ себѣ на именины, и любопытные жители собрались посмотрѣть на вновь прибывшее кровожадное чудовище. Я не только явился, но и не уклонялся отъ разговоровъ на щекотливыя темы. Заговорили о положеніи чиновниковъ; я рассказалъ имъ о томъ впечатлѣніи, которое произвела на меня властолюбивая петербургская бюрократія въ то время, когда обсуждался вопросъ о правѣ начальниковъ увольнять чиновниковъ безъ всякихъ объясненій. Для сравненія я выбралъ положеніе норвежскихъ чиновниковъ, гдѣ даже занимающаго полицейскую должность можно было уволить только по суду, за доказанную вину. Изъ моихъ воспоминаній я привелъ имъ много случаевъ возмутительнаго обращенія съ чиновниками. Тогда они наперебой стали приводить мнѣ еще болѣе

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 2, 3, 4 и 6.

рѣзкіе примѣры и убѣдили меня, что обращеніе съ чиновниками въ Сибири гораздо деспотичнѣе, чѣмъ въ Россіи. Я рассказалъ имъ, что въ Норвегіи чиновники вполне обезпечены. Зато у норвежскихъ чиновниковъ существуетъ корпоративный духъ, который заставляетъ ихъ быть популярными въ народѣ; шведскій король охотно лишилъ бы ихъ независимости и подчинилъ бы ихъ себѣ, если бы не боялся ихъ популярности. Мои собесѣдники утверждали, что и въ Сибири чиновники непремѣнно заботились бы о своей популярности, если бы они имѣли положеніе норвежскихъ чиновниковъ. Мы разстались большими друзьями и о томъ, что нигилисты и социалисты желаютъ перерѣзать всѣхъ чиновниковъ, не было болѣе помину.

Во время моего пребыванія въ Кузнецкѣ и вообще въ Сибири (1866 г.), туда высылались въ большомъ числѣ поляки, прикосновенные къ возстанію; въ томъ числѣ было много крестьянъ западнаго края, противъ которыхъ даже и политическихъ подозрѣній не было; они переселялись просто по самодурству администраціи, а потому считались добровольными переселенцами. У русской бюрократіи приемы очень просты, если она не имѣетъ ни малѣйшаго, даже фиктивного предлога.

Я зналъ такое множество людей, участвовавшихъ въ возстаніи, какъ рядовыхъ, такъ и передовыхъ, какъ изъ западнаго края, такъ и изъ Царства Польскаго, что мнѣ пришлось не увидать, а перечувствовать всю жгучесть ихъ боли. Очувтившись въ ихъ средѣ, я имѣлъ передъ собою самый несчастный изъ всѣхъ народовъ, принадлежащихъ въ западно-европейской цивилизаціи. Перечислите всѣ эти народы, ни одного изъ нихъ нельзя сравнить съ поляками по злополучію ихъ судьбы. Въ Италіи деспотическіе государи опирались на своихъ солдатъ, но эти солдаты были итальянцы; Гарибальди былъ невозможенъ въ Польшѣ 1863 года. Венгерцы были подъ властью нѣмцевъ, но нѣмцы стояли выше ихъ и по своей культурѣ и по своему развитію, а затѣмъ они составляли только горсть людей среди австрійской имперіи; они побѣдили венгерцевъ русскимъ оружіемъ, а затѣмъ должны были безъ боя сдѣлать имъ тѣ уступки, отъ которыхъ отказывались. Я смотрѣлъ въ лицо этимъ закованнымъ въ цѣпи полякамъ и думалъ: «Одну минуту вы осмѣлились мечтать о томъ, что вы снова завоюете себѣ свободное отечество, что это отечество снова заблистаетъ яркою звѣздой между великими народами,—и вотъ теперь до чего вы дожили. Счастливы тѣ между вами, которые пали на полѣ битвы, они нашли себѣ вѣчное успокоеніе среди надежды и восторга, а вы? Можно ли сравнить съ вами тѣ народы, которые сами создаютъ себѣ свое положеніе: русскихъ,

французовъ, нѣмцевъ, англичанъ; они никогда не имѣли ничего лучшаго, чѣмъ то, что они теперь имѣютъ, а если имѣли, то это только колебаніе сверху внизъ, по силѣ энергіи оно опять вознесетъ ихъ наверхъ и еще выше прежняго; а вы долго были великими свѣточами въ исторіи народовъ, свѣточами свободы и просвѣщенія, и всего этого вы лишились волею судьбы. Глядя на васъ, я вспоминаю грека, великаго, геніальнаго грека, который подпалъ римскому владычеству и сдѣлался жертвою римскаго деспотизма. Только съ горячею слезою на глазахъ исторія можетъ говорить о его судьбѣ. Я представляю себѣ, каковы были горькія чувства грека, когда онъ въ цѣпяхъ у римлянъ созерцалъ погибающія творенія греческаго генія. Но вы несчастіе грека. Грекъ погибъ, но могъ имѣть нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что, погибая, онъ создалъ науку и философію своихъ побѣдителей, а вы ничего не могли дать варварской имперіи, которая васъ поглотила. Несчастной вашей судьбой вы напоминаете мнѣ не грековъ, а мавровъ, завоеванныхъ испанцами; точно такъ же, какъ они, вы сдѣлались жертвою національнаго и религіознаго фанатизма; точно такъ же, какъ они, вы погибаете бесплодно и окончательно».

Мнѣ недолго пришлось ждать, я дожился до развязки ихъ кроваваго дѣла. Съ той же слѣпой яростью, съ какой испанскіе короли преслѣдовали мавровъ, терзали теперь злополучныхъ поляковъ, а мы русскіе не смѣли сказать ни слова въ осужденіе этой политики. Мы могли только думать про себя: сегодня ихъ очередь, а завтра наша. Какое завтра? По инициативѣ Каткова уже начала спускаться съ цѣпи та свора взяточниковъ и негодяевъ, которая мучила и терзала Россію при Николаѣ; намъ оставалось подставлять шею... Судьба ввѣрила Александру I Польшу, и онъ обязанъ былъ во имя чести русскаго народа развить ея свободныя учрежденія, а онъ началъ съ того, что на каждомъ шагу нарушалъ права этого народа. Николай I-й, какъ русскій императоръ, которому ввѣрены были Финляндія, Остзейскій край, Польша... обязанъ былъ заботиться, чтобы просвѣщеніе, благосостояніе и свобода процвѣтали въ нихъ, но крайней мѣрѣ, въ той же самой степени, какъ въ наиболѣе благоденствующихъ странахъ Европы, а онъ подавилъ въ нихъ то, что онъ долженъ былъ развивать. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ нашихъ непримиримыхъ враговъ вмѣсто того, чтобы соединить насъ всѣхъ въ одинъ братскій союзъ. Онъ сѣялъ между нами вражду, вмѣсто того, чтобы дѣлать насъ горячо любящими другъ друга соотечественниками. Когда онъ вызвалъ польское возстаніе дурнымъ своимъ управленіемъ, онъ долженъ былъ бы чувствовать за то свою вину передъ нами и

долженъ былъ бы исправить свою ошибку, а онъ сталъ считать виноватыми поляковъ, а не себя. Когда я увидалъ, какъ послѣ 1863-го года поступали съ поляками, тогда я могъ сравнивать Муравьева только съ такими укротителями бунтовъ, какъ Филиппъ II-й и герцогъ Альба; я предчувствовалъ, что система отзовется на насъ такъ же, какъ преслѣдованія мавровъ отозвались на судьбѣ Испаніи, и къ несчастью мои предчувствія слишкомъ скоро оправдались. Въ ужасной картинѣ подавленія возстанія и ея послѣдствій блеснулъ одинъ только свѣтлый лучъ: правительство возстанія дало крестьянамъ такія права, какихъ имъ никогда бы не дожидаться отъ русскаго правительства. Правительство не рѣшалось поступить съ ними такъ сурово, какъ оно поступало въ Россіи; въ своихъ распоряженіяхъ оно нѣсколько приблизилось къ идеѣ революціоннаго правительства. Русскіе крестьяне были обездолены по стачкѣ съ помѣщиками, а принадлежавшіе полякамъ получили то, что имъ слѣдовало не потому, что это было справедливо, а потому, что правительство вынуждено было къ этому возстаніемъ...

Возвращаясь, однако, къ сибирскимъ полякамъ. Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза, что въ Сибири поляки повсемѣстно расположили къ себѣ русскій народъ. Чиновники и здѣсь, точно такъ же какъ въ Россіи, въ угоду правительству... разжигали въ населеніи вражду къ полякамъ. Въ Россіи поляковъ было мало, населеніе не знало ихъ и вѣрило взводимымъ на нихъ клеветамъ, но здѣсь ихъ было много, населеніе могло судить о нихъ самостоятельно и рѣшало совсѣмъ иначе. Съ особенной ясностью воззрѣніе народа на поляковъ обнаружилось передъ мною въ Томскѣ во время паники, которая овладѣла жителями, когда горѣлъ городъ. Губернаторъ старался обратить гнѣвъ народа на поляковъ и сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ всѣхъ сосланныхъ поляковъ изъ Томска; но, узнавъ объ этомъ, русское населеніе засыпало его прошеніями о томъ, чтобы онъ взялъ свое распоряженіе назадъ; оно доказывало ему, что поляки полезный, а вовсе не вредный для города элементъ. И дѣйствительно, въ Томскѣ поляки играли такую же роль, какую искусные мавры и гугеноты, высылаемые изъ Испаніи и Франціи, играли въ тѣхъ странахъ, куда переселялись.—они вносили съ собою цивилизацію. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ ссыльные поляки жили уже давно, напр., въ Иркутскѣ, Вяткѣ, это вліяніе было гораздо болѣе замѣтно. Въ Иркутскѣ во всѣхъ слояхъ общества, между рабочими, мѣщанами, мелочными торговцами и т. д. было поразительно болѣе свободомыслія и интеллигентности, чѣмъ въ Томскѣ, куда поляки явились въ большемъ числѣ только послѣ возстанія 1863-го года.

Я вполнѣ могъ понять, какую великую пользу принесли бы поляки Россіи, если бы русское правительство было бы способно оцѣнить блага цивилизаціи... Если бы поляки подъ русскимъ владычествомъ развивали свои конституціонныя учрежденія, они освѣтили бы и Россію свѣтомъ своей прошедшей политической опытности. Разказы поляковъ представляли для меня прекрасную иллюстрацію того, какимъ образомъ вся русская бюрократія, кончая послѣднимъ этапнымъ офицеромъ и унтеръ-офицеромъ, послѣднимъ смотрителемъ поселенцевъ, получала звѣриный образъ отъ тѣхъ пріемовъ, какіе они считали себя въ правѣ практиковать при усмиреніи польскаго возстанія. Все облагораживающее вліяніе литературы послѣднихъ лѣтъ исчезало отъ ядовитаго дуновенія этихъ варварскихъ пріемовъ. Во время моего пребыванія въ Томскѣ губернаторъ пересѣкъ образованныхъ поляковъ, даже и не лишенныхъ дворянскихъ правъ, за то, что они, жалѣя своихъ женъ и дѣтей, умиравшихъ отъ слишкомъ быстрыхъ переходовъ, настаивали на отдыхѣ. И я скоро услыхалъ, какъ это разнузданное звѣрство губернатора стало отзываться на образованныхъ русскихъ, которые въ политику не мѣшались и, по развитію своему, стояли гораздо выше самого губернатора. И тѣни такой развязности не могло бы въ немъ явиться, если бы звѣрь не былъ спущенъ съ цѣпи.

Загрубѣть, подчиниться деморализаціи какому-нибудь томскому губернатору очень легко; онъ всегда былъ грубъ. Катковъ говорилъ ему только то, что онъ всегда чувствовалъ въ своей душѣ. До передовыхъ статей Каткова въ немъ еще оставался слѣдъ стыда, онъ не осмѣливался проявить свою грубость; Катковъ развязамъ ему руки: теперь онъ съ такимъ же восторгомъ безчинствовалъ и сѣкъ, съ какимъ пьянствовалъ и развратничалъ, пользуясь своей властью. Но грубѣть, подчиняться деморализаціи для человѣка, стоявшаго на нравственной высотѣ, ужасная вещь, величайшее изъ страданій, какое можетъ его постигнуть. Нужно видѣть эти страданія своими глазами, чтобы понять, что долженъ былъ перенести польскій народъ въ тѣ многіе злополучные годы... Расскажу, что происходило передъ моими глазами. Начну даже не съ поляковъ, а съ бѣлоруссовъ и имъ подобныхъ людей, которые будто бы переселились въ Сибирь добровольно. Читатели русскихъ газетъ воображаютъ, что именно за нихъ-то правительство и распиналось, для ихъ огражденія

преслѣдовало поляковъ. Я насмотрѣлся всласть на плоды этого огражденія. Чѣмъ эти несчастные люди, ни однимъ бокомъ не участвовавшіе въ возстаніи, провинились передъ русской бюрократіей, я не могу себѣ представить. По выраженію одного чиновника, ихъ высылали заурядъ, кстати, чтобы спокойнѣе было. И вотъ положеніе, въ которое *кстати* ставили этихъ людей! Провѣзжая по богатымъ сибирскимъ селеніямъ, вы въ началѣ, въ концѣ, на задахъ находите жалкія лачуги—не то жилища, не то нежилыя; дворъ обнесенъ не заборомъ, а жердями; если есть какой-нибудь жалкій скотъ, онъ стоитъ подъ навѣсомъ, открытымъ всѣмъ вѣтрамъ въ сорокаградусные морозы—это кандидаты сибирской язвы. Окна безъ стеколъ, затянутыя высушенными внутренностями животныхъ, а гдѣ ихъ не достало, забитыя доской. Эти жилища дикарей принадлежатъ добровольнымъ будто бы переселенцамъ изъ западнаго края. Обработанной земли сибирскій крестьянинъ имъ не даетъ: иди, расчищай тайгу! А какъ онъ будетъ ее расчищать, когда у него имущества всего одинъ старый топоръ? Тамъ однихъ насѣкомыхъ такая масса, что десяти минутъ нельзя выдержать, не только жить. Ему остается одно: онъ или идетъ въ батраки, или на золотые промыслы, гдѣ въ одинъ годъ сдѣлается пьяницей и негодяемъ; семья его нищенствуетъ и воруетъ; дѣти —погибшія созданія съ малыхъ лѣтъ, жена непрестанно со слезами повторяетъ всѣмъ и каждому, какъ они на родинѣ хорошо жили въ полномъ довольствѣ и какъ ея мужъ теперь спился совсѣмъ. и ни жены, ни дѣтей знать не хочетъ.

За этими невинными слѣдуютъ слабые, въ свѣтлую минуту они пожелали служить своей родинѣ, но вотъ они арестованы, они не могутъ выдержать пытки и дѣлаются предателями, нерѣдко даже крестятся въ православную вѣру. Обличая другихъ, они, однакоже, прежде всего обличаютъ самихъ себя; благодаря этому, противъ нихъ имѣется больше доказательствъ, чѣмъ противъ тѣхъ, кого они обличали; мнѣ извѣстны случаи, гдѣ послѣ заслуженнаго предательства снисхожденія подобныхъ лицъ присуждали все-таки къ лишенію правъ въ то время, когда обличаемые ими подвергались только административной ссылкѣ. Путешествуя по этапу въ Сибирь, они воображали себѣ, что ихъ русскіе примутъ тамъ съ распростертыми объятіями. Они и не подозревали, что катковскіе восторги никѣмъ изъ русскихъ не раздѣляются, кромѣ эгоистически заинтересованныхъ. Мало-мальски образованныхъ изъ числа поляковъ принимали вездѣ въ обществѣ и смотрѣли снисходительно, если ихъ костюмъ имѣлъ дефекты; но предателей никто не принималъ, даже у купцовъ ихъ православіе не помогало. Всякій боится предателя, а сибирскій

чиновникъ болѣе всякаго другого. Мнѣ рассказывали, что одинъ губернаторъ при выходѣ подобнаго человѣка изъ своего кабинета отвѣтилъ на вопросъ: кто это такой?—«Этотъ—гдѣ ѣлъ, тамъ и напакостилъ»—такова была ихъ общая кличка въ Сибири. Ни одного изъ нихъ я не зналъ, ни разу не видалъ ни въ одномъ обществѣ; случалось мнѣ, возвращаясь съ прогулки, на задахъ предмѣстья встрѣтить поляка, котораго лицо я въ первый разъ вижу; оказывалось—это предатель. Они были вполнѣ отверженными, жалкими паріями.

Далѣе слѣдуютъ помѣщики, чиновники, слетѣвшіе съ высокихъ мѣстъ, люди со средствами, но разоренные возстаніемъ, вообще такъ называемые бѣлые или либералы. Тяжко было смотрѣть на нихъ. Всѣ они безъ исключенія носили на себѣ печать прекраснаго воспитанія; нѣкоторые отличались интеллигентностью и свѣдѣніями; эти читали своимъ товарищамъ лекціи и старались поддерживать въ ихъ средѣ времяпровожденіе, приличное для развитаго человѣка. Менѣе интеллигентные разгоняли себѣ тоску тѣмъ, что учились чему нибудь, напр., какому нибудь языку. Жизнь они вели замкнутую и въ одиночествѣ грызли свое горе. Меня поражало то, что при своемъ свѣтскомъ лоскѣ они не умѣли себя держать въ томъ положеніи, въ какое попали. Прежняя жизнь не приучила ихъ къ выносливости и къ страданіямъ, и теперь они носили на себѣ печать упадка духа, которая ихъ сильно деморализировала. Глядя на нихъ и припоминая рассказы о поведеніи французской аристократіи во время великой революціи, мнѣ приходило на мысль, что всѣ эти рассказы, за исключеніемъ напускнаго геройничанья, одно вранье, до такой степени настроеніе ссыльной польской аристократіи психологически прямо вытекало изъ прежней ихъ избалованности. По большей части они утверждали, что они возстанію не сочувствовали, и я не сомнѣвался въ искренности ихъ словъ; они должны были инстинктивно чувствовать тягость для нихъ послѣдствій кровавой расправы. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что каждый изъ нихъ, подобно французскимъ дворянамъ великой революціи, былъ способенъ съ большимъ эффектомъ войти на эшафотъ, но пережить свою жизнь съ достоинствомъ они не были способны. Лучшіе изъ нихъ рассказывали мнѣ, какъ передъ возстаніемъ уязвлялась ихъ гордость отъ унизительнаго обращенія съ ними правительства, лишь только они осмѣливались напомнить ему о своихъ правахъ. Въ эти минуты они не могли не вспомнить о томъ, чѣмъ они были и что они теперь. Я представлялъ себѣ ихъ борьбу между противоположными чувствами въ то время, когда дѣлались манифестаціи, когда юноши брали ружье и шли въ

банды. Сколько горьких слезъ было тогда пролито въ спальняхъ и кабинетахъ! Они не въ силахъ были переносить свое положеніе и умирали. Я встрѣтилъ ихъ похоронныя процессіи, когда они шли за умершимъ своимъ братомъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ, съ натянутыми фигурами, съ серіозными и блѣдными фізіономіями. Въ такія минуты я видѣлъ умственнымъ взоромъ многочисленное польское дворянство, разоренное и обнищавшее, разсыпанное въ Сибири, въ Западномъ краѣ, въ Царствѣ, въ Европѣ и за океаномъ; всѣ ихъ страданія, многочисленныя, какъ пески морскіе, воскресали передъ мною. Я спрашивалъ себя: кому приносило пользу то, что ихъ мучили такимъ образомъ? Если бы имъ дали положеніе, согласимое съ ихъ достоинствомъ, они были бы прекрасными, благородными, свободомыслящими людьми, принадлежали бы къ самымъ развитымъ людямъ русскаго государства и дали бы намъ очень многое изъ того, въ чѣмъ мы нуждаемся, а теперь, что изъ нихъ сдѣлали?—нравственныхъ уродовъ. Администрація не довольствовалась униженіемъ дворянства, она вносила въ его среду деморализацію, которая внушала къ дворянамъ презрѣніе ихъ собственныхъ единоплеменниковъ. Одинъ изъ дворянъ, Понсетъ, приговоренный Муравьевымъ къ смертной казни, очутился, вслѣдствіе сильныхъ связей своихъ въ Петербургѣ ¹⁾, живымъ и здоровымъ въ Томскѣ. Тутъ губернаторъ, по инструкціямъ его покровителей, устроилъ для него слѣдующую штуку. Онъ открылъ на имя одного изъ томскихъ купцовъ мастерскую всѣхъ ремеслъ и отдалъ эту мастерскую, такъ сказать, въ феодальное владѣніе этому дворянину. Когда въ числѣ политическихъ, высылавшихся въ Томскую губернію, оказывался искусный ремесленникъ, губернаторъ давалъ ему на выборъ или отправляться въ глухую деревню, гдѣ онъ никакой работы имѣть не будетъ, или идти въ заведеніе дворянина П. Случайно проскочили въ Кузнецкъ каретникъ изъ Варшавы, фортепіанный мастеръ, шорникъ и поваръ; на вопросъ мой, отчего они не пошли въ заведеніе дворянина П., они мнѣ отвѣчали, что они ссыльные, а все-таки не крѣпостные, а тамъ они были бы крѣпостными. Фортепіанный мастеръ не могъ имѣть въ Кузнецкѣ занятія по своей специальности, а дѣлалъ столярную работу, и все-таки радъ былъ, что ускользнулъ отъ Томска и заведенія г. П.—Польскіе дворяне называли крѣпостную команду ассоціаціей г. П., разглагольствовали о желѣзной твердости его характера, восхищались тѣмъ, какъ онъ мило живетъ, какая у него хорошенькая лошадка; я слушалъ ихъ и ду-

¹⁾ Онъ былъ двоюродный братъ жены военнаго министра Д. А. Милютина. См. «Голосъ Минувш.» 1913. № 10, стр. 183.

Ред.

маль: «вотъ гдѣ истинное униженіе—это хуже голода и нужды. Какъ низко нужно было пасть польскому дворянину, чтобы рѣшиться отымать послѣднія крохи у того, кто вмѣстѣ съ нимъ страдалъ за свое отечество».

Ксендзы, по своему образованію, стояли вообще выше нашего духовенства. Они отличались способностью къ тому роду самоотверженія, который прививается католическому духовенству его аскетическимъ воспитаніемъ. Это помогало имъ переносить свою судьбу съ большей стойкостью и съ бѣльшимъ достоинствомъ, чѣмъ переносили дворяне. Ни отъ одного изъ нихъ я не слыхалъ малодушнаго увѣренія, что онъ былъ противъ возстанія. Кромѣ того ни одна категорія ссыльныхъ не пользовалась такой поддержкой, какъ ксендзы. Если образъ дѣйствія императора Николая и правительство Александра II по отношенію къ польскимъ дворянамъ казался мнѣ дурной политикой, то ихъ образъ дѣйствія по отношенію къ польскому духовенству былъ лучшимъ доказательствомъ ограниченности ихъ взгляда. Съ какой надобности Николай своимъ агрессивнымъ образомъ дѣйствія по отношенію къ польскимъ ксендзамъ создалъ себѣ изъ этого рѣшительнаго духовенства опасныхъ и непримиримыхъ враговъ? У нихъ было такъ много общаго, что онъ могъ бы извлечь для себя гораздо болѣе пользы изъ ксендзовъ, чѣмъ изъ православнаго духовенства. Ихъ вражда къ прогрессу доходитъ до наивности. Однажды я встрѣчаю на улицѣ каноника варшавскаго епископа, одного изъ первостепенныхъ дѣятелей и мучениковъ польскаго возстанія. Онъ издала махаетъ мнѣ рукой и кричитъ съ восторгомъ: «читали?»—Статья, которая возбудила въ немъ такой восторгъ, была одна изъ мерзопакостныхъ реакціонерныхъ статей Цитовича. Цитовичъ писалъ такъ, что даже между русскими консерваторами пересталъ находить читателей и долженъ былъ замолчать. Сколько нужно было наивности со стороны каноника, чтобы воображать, что онъ найдетъ во мнѣ сочувствіе къ такимъ идеямъ; но онъ не могъ себѣ представить, что серьезный человѣкъ можетъ симпатизировать такимъ глупостямъ, какъ женская эмансипація и тому подобныя затѣи. Считаю его типическимъ представителемъ возрѣвнй ксендзовъ, я однажды два часа разговаривалъ съ нимъ съ задней мыслью найти какой-нибудь пунктъ, на которомъ мы могли бы сойтись,—но такого пункта не оказалось. Ксендзы были консервативнѣе Николая, и нужна была вся его близорукость, чтобы не понять, какъ любовно они могли бы войти въ соглашеніе. Если бы онъ выполнялъ статью основныхъ русскихъ законовъ о вѣротерпимости, если бы онъ заботился объ интересахъ католическаго

духовенства, какъ о любимомъ своемъ дѣтищѣ, если бы приблизилъ къ себѣ тѣхъ, кто стоялъ у нихъ во главѣ, они бы прекрасно поняли выгоду для нихъ союза съ могучимъ императоромъ и платили бы ему услугою за услугу. Правительству Александра II также не было никакой надобности ссориться съ польскимъ духовенствомъ, онъ легко могъ войти съ ними въ тѣсный союзъ во имя либеральной идеи вѣротерпимости; онъ сдѣлалъ себѣ лишнихъ и опасныхъ враговъ въ то время, когда онъ легко могъ приобрести въ нихъ весьма полезныхъ для себя друзей. Ему тѣмъ легче было бы достигнуть этого, что для католическаго священника интересы религіи стоятъ выше всевозможныхъ другихъ. Въ ссылкѣ ксендзы деморализировались немногимъ меньше дворянъ. Подъ гнетомъ нужды и бездѣлія они начинали пьянствовать и развратничать, развитіе ихъ не было достаточно велико, чтобы оградить ихъ отъ этого.

Красная интеллигенція представляла изъ себя людей совсѣмъ иного закала; они не только дѣлали геройскія усилія для того, чтобы поддержать себя на уровнѣ нравственной высоты, но горячо заботились о томъ, чтобы оградить отъ нравственнаго паденія людей рабочаго класса и мало развитую шляхту, которую постигла горькая участь политической кары. Но задача была неимоვნѣнно трудная, за немногими исключеніями они были люди безъ всякихъ средствъ; если у кого-нибудь оставалось отъ разгрома какихъ-нибудь 200 или 500 р., то это была большая рѣдкость, да и тѣ быстро расходились на помощь въ безпримѣрной нуждѣ. Только очень немногіе могли добывать себѣ скудное пропитаніе уроками и другой подобной работой. Съ энергіей, къ которой дворяне и ксендзы оказывались окончательно неспособными, они предпочитали итти въ работу къ ремесленникамъ и крестьянамъ. Они учились ремеслу у кузнеца, портного, красильщика или плотника, разумѣется, изъ за однихъ харчей. Черный хлѣбъ, квасъ и лукъ составляли всю ихъ пищу, спали они въ избѣ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Зимой въ убогой одежкѣ имъ приходилось въ вѣтеръ и мятель, въ сорокаградусный морозъ ѣхать въ поле за десятки верстъ, возить бревна и доски или работать цѣлый день въ кузницѣ безъ крыши. Многіе изъ нихъ умирали при этомъ жестокой смертію, и все-таки они всегда предпочитали такое положеніе должности писца въ канцеляріяхъ или въ полицейскомъ управленіи и часто урокамъ и другимъ занятіямъ. На равной ногѣ, на «ты» съ хозяиномъ интеллигентный полякъ, больной и здоровый, работалъ усерднѣе своего патрона,

часто будилъ его и понукалъ, когда тотъ лѣнился. «Такихъ мы и не видывали», говаривали хозяева, «другой батракъ радъ, когда хозяинъ спитъ, а вы, натъ-ка, и побаловаться хозяину не дадите». Несмотря на всѣ эти геройскія усилія, умственный и нравственный упадокъ былъ неизбѣженъ. Даже вполне развитой человѣкъ понижался въ своемъ умственномъ уровнѣ по недостатку чтенія, необходимаго для его поддержанія. Но по большей части это были юноши, некончившіе своего образованія, у нихъ отрѣзаны были средства выработать изъ себя развитыхъ людей, даже въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, при существованіи книгъ и т. д., потому что работа отымала у нихъ все время. Въ описанныхъ положеніяхъ было опять-таки только меньшинство, большинство было разослано по глухимъ деревнямъ, гдѣ о книгахъ, чтеніи, интеллигентномъ обществѣ не могло быть и помину. Относительно нихъ сельскимъ обществамъ даны были инструкціи, которыя осуждали ихъ на голодную смерть; напр., сельское начальство должно было смотрѣть, чтобы они не отлучались отъ деревень далѣе 25 сажень. Сельская работа для нихъ была невозможна при этомъ условіи. Крестьяне смѣялись надъ этими варварскими инструкціями, однакоже они давали какому-нибудь старостѣ возможность бить поселенца, когда ему это вздумается въ пьяномъ видѣ и т. д. Если первые сосланные были отчасти, то послѣдніе были окончательно погубленными умственными силами. Ужасно было видѣть ихъ: объ европейскомъ костюмѣ, даже о тѣхъ одеждахъ, которыя они перешли себѣ изъ выданнаго имъ арестантскаго платья и которымъ они придали болѣе приличный видъ, не было и помину,—они ходили въ оборванномъ и заплатанномъ крестьянскомъ платьѣ, какъ послѣдніе изъ сибирскихъ пролетаріевъ. Ихъ загрубѣлыя лица и руки, ихъ разлѣзающіеся во всѣ стороны волоса создавали имъ сходство съ послѣдними изъ людей; только тогда, когда они начинали говорить, изъ-за этой оболочки начиналъ просвѣчивать интеллигентный и нравственно высокій человѣкъ; въ оживленной бесѣдѣ вы окончательно забывали то первое впечатлѣніе, которое онъ на васъ производилъ.

Въ мою память врѣзалось одно воспоминаніе. Когда я шелъ изъ Сибири, я на одномъ этапѣ встрѣтилъ молодого героя. Офицеръ генеральнаго штаба, двадцати трехъ лѣтъ, онъ весь покрытъ былъ ранами съ головы до ногъ; одни говорили, что у него ихъ двадцать, другіе тридцать, онъ самъ не зналъ точно ихъ счета. Геройство его растопило сердца судившихъ его офицеровъ, они скрыли то обстоятельство, что онъ офицеръ генеральнаго штаба, потому что въ этомъ случаѣ его пришлось бы повѣсить. Онъ шелъ

на поселеніе въ Восточную Сибирь въ качествѣ подобраннаго безъ чувствъ на полѣ сраженія гражданина Соединенныхъ Штатовъ изъ Нью-Йорка (онъ даже и по-англійски не умѣлъ говорить). Я смотрѣлъ на его мощную, цвѣтущую молодостью фигуру: ни раны, которыми покрыто было лицо, ни этапъ не лишили ее интеллигентности и свѣжести, и вдругъ я вспомнилъ тѣ лица и тѣ фигуры, которыя я видѣлъ въ сибирской тайгѣ; и онъ будетъ такимъ же, онъ предсталъ передъ мною въ оборванной одеждѣ, съ загрубѣлымъ лицомъ, съ фигурой, которая скрывала все, что въ немъ было героическаго и прекраснаго подъ внѣшностью мазурика; впечатлѣніе было такое сильное, что я его до сихъ поръ не забылъ.

Хотя они и проповѣдовали противъ космополитизма, подъ личиною котораго у поляковъ скрывалось малодушіе, но къ русскимъ они ненависти не имѣли и прекрасно уживались съ рабочимъ народомъ. Они интересовались всѣмъ русскимъ, и въ Кузнецкѣ я имъ читалъ лекціи о русскихъ соціальныхъ идеяхъ. Пылкіе поляки быстро воспаменялись этими идеями и наполняли ими свои письма; въ особенности имъ понравилось то мѣсто, гдѣ я доказывалъ, что матеріальный трудъ вовсе не осуждаетъ рабочаго человѣка на невѣжество и что рабочій классъ можетъ быть настолько же развитымъ и интеллигентнымъ, какъ и такъ называемая образованная часть общества. По этому поводу случился даже анекдотъ. Въ Томскѣ я встрѣтился съ Лапинскимъ, читавшимъ по обязанности переписку поляковъ. «Я васъ давно знаю!»—воскликнулъ Лапинскій,—«очень хорошо знаю; поляки въ своихъ письмахъ рассказали мнѣ подробно вашъ образъ мыслей; я самъ демократъ, терпѣть не могу аристократовъ».

Опытность, которую я приобрѣлъ, изучая образованныхъ поляковъ въ ссылкѣ, обратила мое вниманіе на одну сторону возрѣній нигилистовъ тогдашняго времени. Къ нимъ принадлежала самая развитая и самая талантливая часть русскаго общества; они первые стали изобрѣтать для себя трудъ, который бы давалъ имъ независимость. Мужчины и женщины писали талантливыя статьи, сотрудничали въ періодическихъ изданіяхъ, переводили книги, выработывали изъ себя артистовъ въ разныхъ родахъ, могли участвовать въ концертахъ, играть на сценѣ. Съ Чернышевскимъ во главѣ они старались доказать русскому образованному обществу, что можно быть въ самой рѣзкой оппозиціи съ правительствомъ, защищать и практиковать самыя крайнія идеи, и въ то же время вовсе не быть похожимъ на какого-нибудь оборванца, а, напротивъ, возбуждать въ консерваторахъ зависть своимъ благосостояніемъ. Я не помню того вре-

мени, когда въ Россіи невозможно было жить изданіемъ журнала или газеты, но во время моего пріѣзда въ Петербургъ въ 1849 г. указывали на писателей, живущихъ исключительно литературнымъ трудомъ, какъ на рѣдкость. Даже писатели такой большой извѣстности, какъ Гончаровъ, не могли жить литературой, а находились на службѣ; обезпечивать себѣ независимость было не такъ легко. Глядя на жизнь поляковъ въ Сибири, я убѣждался, какъ удобно правительство можетъ совладать съ людьми, избалованными комфортомъ и роскошью. Борьба между нигилистами и правительствомъ должна была неизбѣжно разгораться, и тогда привитыя имъ воззрѣнія будутъ парализовать ихъ смѣлость и сдѣлаются для нихъ источникомъ униженія и слабости. Чтобы спасти насъ отъ такого бѣдствія, я рѣшился проповѣдывать имущественное равенство, добровольную бѣдность, сліяніе съ народомъ. Я доказывалъ, что человѣкъ, который живетъ бѣдно по принципу, не теряетъ отъ этого ни въ своихъ собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ общества; человѣкъ изъ народа, который привыкъ къ бѣдности съ молодыхъ лѣтъ и знаетъ ремесло, нужное вездѣ и всюду, кузнецъ, плотникъ, печникъ—неистребимъ. Ихъ губить только ихъ невѣжество. Интеллигентные люди, привившіе себѣ ихъ свойства и научившіеся подобнымъ ремесламъ, сдѣлаютъ изъ себя такихъ враговъ правительства, какихъ оно еще не имѣло передъ собою. И что можетъ быть прелестнѣе идеи равенства свободы, чести и имущества: она содержитъ въ себѣ слишкомъ много способнаго увлекать человѣческія сердца.

Чѣмъ болѣе я думалъ объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе я одушевлялся имъ, пока наконецъ весь отдался своему энтузіазму. Мнѣ не разъ приходило на мысль, до какой спепени я измѣнился; давно ли прошло то время, когда я былъ либераломъ самага умѣреннаго образа мыслей, когда я раздѣлялъ ученія политико-экономовъ и, слѣдуя имъ, предпочиталъ поземельную собственность общинному владѣнію; а теперь я дошелъ до идеи имущественнаго равенства и добровольной бѣдности. Нѣсколько лѣтъ позже я жилъ въ Вологдѣ одновременно съ Шелгуновымъ. Онъ былъ извѣстный писатель и нигилистъ самой чистой воды. Я его глубоко уважалъ и мы были самыми лучшими друзьями, но уже представляли собою два противоположныхъ направленія—вся вологодская голь была на моей сторонѣ. Скоро и мнѣ, и правительству пришлось увидать на практикѣ, какимъ могучимъ стимуломъ для развитія человѣческой энергіи и несокрушимаго мужества можетъ послужить энтузіазмъ имущественнаго равенства, добровольной бѣдности и сліянія съ народомъ.

Польская красная интеллигенція старалась удержать отъ де-

морализаціи ссыльныхъ поляковъ, принадлежавшихъ къ рабочему классу, внушая имъ чувство своего достоинства. Образованные поляки доказывали имъ, что то геройство и самоотверженіе, съ которымъ они боролись за свое отечество, возвысило ихъ въ глазахъ всего міра; весь цивилизованный міръ восхищается ими и превозноситъ ихъ. Они должны высоко держать то знамя свободы, которое подняли, и съ твердостью переносить свои страданія. Они дѣйствительно и поступали такимъ образомъ; несмотря на то, что на ихъ долю выпадало всего болѣе тягостей, они переносили ихъ съ такимъ удивительнымъ самоотверженіемъ, которому не только помѣщики, но и ксендзы неспособны были подражать. У нихъ и у красныхъ нужно было учиться умирать молча и сосредоточенно; безъ стона и жалобы переносить свою агонію,—а агонія эта продолжалась долгіе годы. Не легко умереть на полѣ битвы, когда васъ сразила смертельная пуля, но еще въ сто кратъ труднѣе умирать долгіе годы отъ нескончаемой нужды и безнадежныхъ страданій. Когда вы видѣли эти исхудалыя тѣла, эти блѣдныя лица, на которыхъ написанъ былъ образъ смерти, потухающіе глаза, изъ которыхъ она глядѣла своимъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ, и когда они держали себя передъ вами такъ тихо и спокойно, вамъ хотѣлось зарыдать; чтобы подавить въ себѣ этотъ порывъ, вамъ нужно было употребить столько же воли, сколько было въ этихъ обреченныхъ на смерть. Подъ гнетомъ нужды они оказались изобрѣтательными и самыми находчивыми изъ всѣхъ. Между ними оказывались такіе, которые устраивали ассоціаціи труда, не такія крѣпостныя команды, какъ такъ называемая ассоціація дворянина П., а дѣйствительныя товарищества, въ которыхъ находили себѣ помощь и спасеніе не только такіе же пролетаріи, какъ они, но и интеллигентные поляки. Дѣло устраивалось и тогда, когда ни у одного изъ товарищей не было копейки въ карманѣ. Надо же было гдѣ-нибудь жить, нанимался домъ, подходящій для ихъ цѣлей, всѣ искали работу и распредѣляли ее между собою по способностямъ каждаго, а между дѣломъ обзаводились хозяйствомъ, сами создавали себѣ орудія труда и сами же пускали ихъ въ дѣло, плели неводъ и ловили рыбу, воздѣлывали огородъ и сажали табакъ, обзаводились птицей, а потомъ и какой-нибудь жалкой коровенкой. Жили, ѣли, пили вмѣстѣ, дѣлились одеждой и всѣмъ. Никто не кричалъ о желѣзной твердости ихъ характера; они не нуждались ни въ желѣзной твердости, ни въ протекціи губернатора, никого имъ не нужно было ни дисциплинировать, ни удерживать въ своихъ лапахъ; никто отъ нихъ не бѣжалъ, а всѣ видѣли въ нихъ послѣднее свое прибѣжище.

Знакомство съ ихъ жизнью имѣло большое вліяніе на мои соціальныя и экономическія воззрѣнія. Я могъ наблюдать, какъ искусные и трудолюбивые люди доходили до того, что удовлетворяли всѣмъ своимъ потребностямъ, не имѣя ни копейки капитала, а обмѣниваясь произведеніями своего труда съ помощью соотвѣтствующихъ организацій. У красной интеллигенціи былъ съ рабочими поляками одинъ споръ. Она шла въ работу къ людямъ изъ народа, къ кузнецамъ, столярамъ и т. д., а рабочіе менѣе всего стремились итти къ русскимъ ремесленникамъ въ ученики или къ русскимъ крестьянамъ въ работники. Чиновники и купцы были въ восторгѣ отъ польской прислуги. Всѣ аристократіи въ свѣтѣ воспитываютъ образцовую прислугу, и польская аристократія не уступала въ этомъ отношеніи своимъ собратьямъ въ западной Европѣ. Такой прислуги сибиряки и не видывали; не было никакого сравненія между этой развязной, сдержанной и ловкой прислугой и сибирскими медвѣдями. Сибирякъ въ услуженіи дѣлать ничего не умѣетъ, пьянствуетъ, грубитъ, отказывается то отъ того, то отъ другого, наровитъ наняться куда-нибудь на пріискъ или внезапно потребовать расчетъ, чтобы итти косить или жать, когда даютъ за это большія деньги. Если озлится, онъ выберетъ такой день, когда у хозяина собрались гости, оставитъ огонь подъ плитою и ужинъ на плитѣ, все сожжетъ, перепортитъ и уйдетъ. Съ польской прислугой не только чиновникъ и чиновница, но и купецъ и купчиха чувствовали себя панами и аристократами, они вырастали въ собственномъ мнѣніи на много вершковъ. Они жадно искали польской прислуги, брались испрашивать у начальства разрѣшенія для ссыльнаго остаться въ городѣ. Подъ гнетомъ нужды и безвыходного положенія ссыльные соглашались. Красная интеллигенція возмущалась этимъ, ей невыносима была мысль видѣть повстанца, прислуживающаго у русскаго чиновника. Оно дѣйствительно было ужасно: израненный въ борьбѣ за свободу герой возстанія вызывалъ самыя мрачныя чувства, когда какой-нибудь взяточникъ или купецъ-кулакъ помыкалъ имъ, какъ лакеемъ. Но что было имъ дѣлать?! Кто могъ освободиться отъ этого, освобождася. Варшавскій поваръ былъ спеціально присланъ въ Кузнецкъ, чтобы поступить въ услуженіе къ мировому пореднику; однако же онъ ушелъ отъ него и завелъ самостоятельную кухмистерскую, гдѣ обѣдали преимущественно ссыльные, жилъ въ общежитіи и принадлежалъ къ тѣмъ полякамъ, которые существовали, обмѣниваясь своими произведеніями. Но не всѣ могли обезпечить себя такимъ образомъ: если бы они, подобно интеллигенціи, пошли къ ремесленникамъ или крестьянамъ въ работ-

ники, то эти люди не стали бы съ ними обращаться, какъ обращаются съ интеллигентными людьми, а даже хуже, чѣмъ обращались съ ними чиновники и купцы. Случаи создать себѣ самостоятельное положеніе были слишкомъ рѣдки. Люди, которыхъ умственный и нравственный уровень и на родинѣ былъ пониженъ русскимъ владычествомъ, создавая себѣ самостоятельное положеніе, могли дойти при удачномъ ходѣ дѣла до еще болѣе низкаго нравственнаго паденія, чѣмъ то, до котораго ихъ доводили голодъ, нужда и необходимость лакействовать передъ русскимъ чиновничествомъ. Полуграмотный человѣкъ начиналъ ни съ чѣмъ, подвергался со стороны русскихъ всевозможнымъ прижимкамъ и, когда достигалъ своей цѣли, то въ видѣ репрессалій считалъ себя въ правѣ совершать самыя неблаговидныя дѣла; вѣдь онъ мстилъ этимъ своимъ врагамъ. «Я относился къ нимъ какъ братъ, но они хотѣли меня съ голоду умерить, теперь пусть платятся».

Одинъ полякъ, который былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, рассказывалъ мнѣ впослѣдствіи, какъ выгодно имѣть кабакъ въ рабочемъ центрѣ. Рабочій приноситъ ему сюртукъ, который стоитъ три рубля, онъ даетъ вина ему на тридцать копеекъ, а сюртукъ оставляетъ себѣ. Конечно всѣ кабатчики поступаютъ такимъ же образомъ, но вѣдь у нихъ никогда и не шевелилось высокаго чувства, а вѣдь онъ когда-то горѣлъ самоотверженнымъ патріотизмомъ. Съ какой стороны ни посмотри на это дѣло и на этихъ людей, вездѣ вамъ представляется на первомъ планѣ картина невыразимыхъ страданій, а за нею необходимое ея послѣдствіе—мрачная деморализація...

Русскіе и поляки отличаются такими противоположными достоинствами, которыя дополняютъ другъ друга; если бы ихъ союзъ былъ добровольный, то они съ большею пользою воздѣйствовали бы одинъ на другого. Полякъ дипломатъ и рожденный политическій дѣятель. Существуетъ пословица: гдѣ два поляка, тамъ три партіи,—и изъ этого заключаютъ неспособность поляковъ къ политической жизни. Однако же то же самое можно было сказать о французахъ, но имъ именно и принадлежитъ инициатива политическаго движенія на материкѣ Европы, и въ области политическаго самоуправленія они ушли дальше всѣхъ прочихъ великихъ державъ материка. Политическая задорность французовъ и поляковъ вытекаетъ изъ живости и пылкости ихъ характера; но изъ той же пылкости характера вытекало то стремленіе въ самодѣятельности въ политической области, которое сдѣлало французовъ первымъ изъ европейскихъ народовъ и заставило поляковъ выносить русское иго съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ его выносили остзейскіе нѣмцы и финляндцы, которые отставали отъ

западной Европы и завядали безъ протеста. Французы имѣли надъ поляками одно великое преимущество; они способны воодушевляться сочувствіемъ къ народной массѣ; французы почти единственный народъ въ свѣтѣ, который оказывался способнымъ дѣлать революціи; у всѣхъ другихъ народовъ революціи превращались или въ междуусобную войну или въ мало успѣшную попытку; они способны были одушевиться идеей свободы, равенства и братства и во имя этой идеи возстать, какъ одинъ человѣкъ. Поляки никогда не были способны къ такому единодушному движенію, они для этого народъ слишкомъ пропитанный классовыми предразсудками. Мы, русскіе, въ этомъ отношеніи прямо противоположный полякамъ народъ: мы одинаково презираемъ всѣ наши высшіе классы—дворянъ, чиновниковъ, духовенство, буржуазію ¹⁾.

Мы способны одушевиться только такой идеей, какъ идея свободы, равенства: если въ насъ по временамъ просыпалась тѣнь искренняго энтузіазма, то она всегда имѣла демократическую окраску. Всѣ другіе классы. не только презирались нами, но глубоко презирали и презираютъ сами себя; я не видалъ ни одного русскаго, который бы вѣрилъ въ добродѣтели какого бы то ни было класса. Но зато же вмѣсто той пылкости, которая превращала поляковъ въ героевъ, у насъ господствуетъ политическая апатія, которая далеко оставляетъ за собою апатію остзейскихъ нѣмцевъ и финляндцевъ; только этимъ безучастіемъ неограниченная монархія и держится. Результатъ оказался бы совсѣмъ другимъ, если бы польская пылкость присоединилась къ нашему демократическому духу; поляки возбуждали бы насъ и къ манифестаціи, и къ борьбѣ, а мы научили бы ихъ одушевлять энтузіазмомъ весь народъ..... Возрожденіе польскаго и русскаго народа можетъ быть только одновременнымъ и можетъ быть только результатомъ общаго дѣйствія. Тогда поляки поймутъ, что только въ союзѣ съ русскими они могутъ сдѣлаться народомъ настолько могущественнымъ, чтобы достигать своихъ великихъ цѣлей, а мы поймемъ, что свободный польскій народъ не имѣетъ причины отдѣляться отъ насъ, а имѣетъ причину оставаться съ нами для общей борьбы съ Австріей и проч.

В. В. Берви.

¹⁾ Надо помнить, что все это писалось очень давно.

Ред.

Изъ воспоминаній ¹⁾.

III. Въ Сибири.

I. На новомъ мѣстѣ.

Изъ Кузнецка видны отроги Алтайскаго хребта, и мѣстоположеніе считается красивымъ. Калиновскій уѣзжаетъ въ страну пчелъ и меда, а съ молодымъ товаришемъ мы простились еще въ Тобольской губерніи.

Намъ даютъ въ провожатые скромнаго солдата и безъ дальнѣйшихъ околичностей отправляютъ въ нашъ живописный уголокъ, гдѣ изъ оконъ своихъ квартиръ обыватели могутъ любоваться снѣговыми вершинами, сіяющими и сверкающими на солнцѣ отъ августа и до іюня, цѣлыхъ девять мѣсяцевъ въ теченіе года. Къ нашему удивленію ими никто не любитъ.

— На что вы смотрите? Это на бѣлки-то? Ну ужъ нашли невидаль, равнодушно замѣчаютъ обыватели.

Эти отроги Алтайскихъ горъ называются Кузнецкими горами.

На югъ отъ Кузнецка дорога тянется еще на тринадцать верстъ, а дальше уже вѣчная, дѣвственная тайга.

Квартиру мы скоро нашли у причетника; за два рубли въ мѣсяцъ двѣ комнаты съ мебелью и съ общей кухней.

Своеобразная была семья нашихъ хозяевъ: и смѣшная, и трогательно-прекрасная.

Она состояла изъ трехъ сестеръ, трехъ старыхъ дѣвушекъ и брата причетника. Всѣ были одинаково косноязычны, никто между ними не выговаривалъ ни *р*, ни *л*, ни *ш*, ни *щ*, ни *ж*, ни *ч*. Между тѣмъ говоръ ихъ былъ не отталкивающий, а какой то забавно-мягкій. Было немножко смѣшно первое время, а потомъ привыкли.

Всѣ три дѣвицы прекрасно знали хозяйство и умудрялись существовать не на рубли даже, а чуть ли не на копейки. Во время излюбленныхъ чаепитій онѣ охотно знакомили меня со

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 5, 6.

своей скромной долей. «Покойный папенька», имя котораго вся семья произноситъ съ особымъ уваженіемъ, всегда прибавляя, «царство ему небесное», «былъ нрава крутого, человѣкъ умственный, но очень строгій, страшно вспомнить, сколь онъ былъ строгъ. Маменька, передъ нимъ бывало дрожить, словечка вымолвить не смѣть, только на цыпочкахъ бывало подойдешь къ нему въ комнату, снять съемцами нагаръ съ его свѣчки и тихонько, тихонько назадъ. А намъ погрозить пальцемъ: не шумите, слышь дѣтки, отецъ церковными книгами занимается, готовитъ отцу благочинному. Такъ и жили въ смиренствѣ, въ большомъ смиренствѣ».

«А какъ померли родители,—продолжаетъ старшая поповна Павла Ивановна,—такъ братца и поставили во дьячки. Папенька, царство ему небесное, не тѣмъ будь помянуть, избидѣли братца еще махонькаго: какъ толкнули маменьку въ сердцахъ, да какъ ударили, они вдвоемъ съ Пашенькой упали въ сѣнахъ, братецъ и повредились головкой и долго хворали; трое сутокъ подъ иконами лежали, да видно Господь смилостивился, отошли, только вотъ рѣчь маненько попортилась. А то быть бы имъ священникомъ!»

«Ну ужъ ты скажешь, робко вставилъ Павелъ Ивановичъ, хоша бы дьякономъ».

Смирение этихъ людей было въ полномъ смыслѣ христіанское, но безъ всякой примѣси низкопоклонства или самоуниженія.

Павла Ивановна, она же и самая умная между ними, и въ мысляхъ не допускала иного отношенія между людьми, какъ строго іерархическаго. Она доказывала, что самъ Господь установилъ такой порядокъ на небесахъ. Значитъ, люди должны слѣдовать ему на землѣ.

Любимая поговорка ея: «чинъ чина почитай» служила базисомъ ея поведенія и поступковъ.

«Сами подумайте,—внушительно толковала она,—къ чему бы Господь раздѣлилъ чины ангельскіе: у него и ангелы, и архангелы, и херувимы, и серафимы; замѣчайте,—и между архангелами только два самыхъ заслуженныхъ: архангелъ Гавріиль, да архангелъ Михаилъ. Одному Господь даровалъ милость возвѣстить Дѣвѣ Маріи про благодѣя зачатія, а другой удостоится протрубить въ день страшнаго Суда: «Еже судите живыхъ и мертвыхъ». Такъ то оно...»

Мы съ мужемъ оказались въ самомъ критическомъ положеніи относительно вещей и одежды. Послѣ того, какъ всѣ его вещи были расхищены полиціей послѣ обыска въ Петербургѣ, а мои вещи исчезли въ Астрахани, приходилось только штопать и чи-

нить, потому что новаго купить было не на что. Въмѣсто прекрасныхъ тюфяковъ я купила себѣ войлокъ, на которомъ мы и спали.

Жизнь въ Сибири такъ круто повернулась, что всѣ мои знаніи пошли насмарку. И музыка, изнаніе языковъ, и всякія вышивки отошли на задній планъ. Все это было лишнее, ненужное. Необходимо было умѣть купить, сварить, сшить, сберечь, а это было для меня китайской грамотой. Кромѣ того, я болѣла лихорадкой и ослабла. Видя, какъ я туго подвигаюсь въ хозяйствѣ, мужу пришла счастливая мысль, пригласить къ намъ Доната Іосифовича Домановскаго, славнаго шляхтича, и передать въ его руки тѣ небольшія деньги, которыми мы располагали.

Вышло отлично. Съ появленіемъ на нашемъ горизонтѣ этого добраго человѣка, мы положительно расцвѣли.

Теперь у насъ все было въ порядкѣ. Сводили концы съ концами. Мало того, благодаря его распорядительности и умѣнію, мы получили возможность приглашать на ужинъ товарищей по ссылкѣ. Несетъ бывало Донатъ Іосифовичъ блюдо бифштексовъ ¹⁾ и я, быстро оглянувъ число посѣтителей, съ радостью убѣждаюсь, что всѣмъ хватитъ съ избыткомъ.

2. Поляки.

Во время нашего пріѣзда политическихъ поляковъ было лишь нѣсколько, потомъ все прибывало, дошло до сотни и перешло за сто

Собственно интеллигентовъ было немного. Г. Ф., ученикъ художественной школы, высланный изъ Варшавы за первыя манифестаціи и въ ссылкѣ относившійся къ жизни съ артистической небрежностью и легкомысліемъ баловня судьбы; Кухарскій, юноша-студентъ, взятый раненымъ на полѣ битвы, два брата Ландсберги и Феликсъ Альбертовичъ Ковальскій, гордость и украшеніе всей польской братіи, самоотверженный патріотъ въ лучшемъ значеніи этого слова.

Чтобы понять весь драматизмъ положенія подобнаго человѣка, нужно или испытать его горькую судьбу, или воочію убѣдиться въ этомъ.

По пріѣздѣ въ Кузнецкъ у него были еще средства, но они быстро растаяли, такъ какъ онъ откликался на всякую нужду товарищей, помогая имъ устроиться и встать на ноги. Кромѣ того, это былъ человѣкъ идейный и стойкій. Онъ самъ высоко держалъ свое знамя и отъ другихъ требовалъ того же. Когда же онъ раздалъ всѣ свои деньги, то поступилъ къ сапожнику въ

¹⁾ Мясо было 2 коп. фунтъ, если купить тушу.

ученье. Ему было тогда лѣтъ 38, и никто изъ молодыхъ не переносилъ такъ спокойно бѣдность и гоненіе, никто такъ легко не отрѣшился отъ комфорта, какъ онъ, хотя въ Варшавѣ жизнь его была вполне обезпечена.

Большинство были шляхтичи съ элементарнымъ образованіемъ. Кое-кто зналъ ремесло и тѣ сравнительно устраивались. Дворяне получали по 6 р. въ мѣс., что при кузнецкой дешевизнѣ было достаточно на самыя примитивныя нужды, но большинство должно было проявлять настоящее искусство, чтобы прожить на свой паекъ. Было также нѣсколько помѣщиковъ, и странно сказать, они вели себя хуже другихъ, а нѣкоторые—просто жалкимъ образомъ.

Панъ Ко—скій, напр., старательно ухаживалъ за исправниковскими дочерьми и даже сплетничалъ на товарищей. Поляки отзывались о немъ съ большимъ пренебреженіемъ... Онъ побалъ въ Сибирь такимъ образомъ: не въ мѣру ретивый губернаторъ одной изъ юго-западныхъ губерній разослалъ по волостямъ приказъ, чтобы разрѣшили крестьянамъ хватать и вязать всѣхъ пановъ, которые, якобы, участвовали въ возстаніи. Панъ Ко—скій, жившій съ крестьянами на ножахъ, поплатился однимъ изъ первыхъ. Къ нему ворвались въ домъ, переломали посуду и мебель, и даже изрубили его роскошный вѣнскій рояль, куски выбросили за окошко. Его самого связали и доставили въ волость. Понятно, что во время разгара страстей и вражды дѣйствовали больше всего по личной злобѣ противъ тѣхъ пановъ, которые были ненавистнѣе прочихъ. Панъ Ко—скій, по виду своему, точно сорвавшійся съ вывѣски фешенебельнаго портного, красавецъ, восхищалъ Кузнецкихъ дамъ своею красотой, а въ семьяхъ городничаго и исправника патетически жаловался на претерпѣнныя имъ злоключенія и страданія. Дамы слушали и то негодовали, то умилялись.

Второй представитель обезпеченнаго польскаго дворянства былъ панъ Ю—ъ. Несчастье его заключалось въ томъ, что онъ былъ братомъ своего брата, извѣстнаго начальника банды. Длинный и сухопарый съ виду, мелочно скупой и невыносимо скучный въ общеніи съ людьми, онъ напоминалъ рыцаря печальнаго образа.

Съ товарищами онъ не сошелся. Всѣ его избѣгали подъ разными благовидными предлогами и ему, дѣйствительно, больше ничего не оставалось, какъ завести свою Россинанту и разѣзжать на ней. Но и на лошади онъ былъ такъ же смѣшенъ. Длинные ноги его какъ-то безпомощно болтались. Неприспособленный къ верховой ѣздѣ костюмъ, неловкая посадка, нескладная фигура, все вмѣстѣ вызывало всеобщій смѣхъ и остроты. Намъ слу-

чалось иногда встрѣчаться на прогулкѣ и неизмѣнно онъ мнѣ сообщалъ одно и то же: что жена его, очень деликатной комплекціи, что ей только минуло 22 г. (ему же лѣтъ 47) и она, убоявшись суровости сибирскаго климата, осталась въ краѣ, но что онъ все время занятъ мыслью, какой бы ей сдѣлать подарокъ, и не можетъ рѣшить: купить ли ей муфту или воротникъ? На что я неизмѣнно отвѣчала однимъ и тѣмъ же совѣтомъ. «Полагаю, что вашей дорогой пани пріятно было бы получить и то и другое: и воротникъ и муфту». При этомъ я должна была употреблять усиліе, чтобы не размѣяться ему въ лицо. Наступала новая встрѣча и я, чтобы избѣгнуть извѣстной мнѣ скучной прелюдіи, сама спрашивала: ну что, купили муфту, или купили воротникъ, на что слѣдовалъ обычный отвѣтъ, что онъ еще разъ хочетъ посовѣтоваться со мною и еще съ тѣмъ-то и съ тѣмъ-то. Когда мы черезъ пятнадцать мѣсяцевъ уѣхали изъ Кузнецка въ Томскъ, нашъ Донъ-Кихоть все еще не совершилъ своей пресловутой покупки.

Въ сущности незлобивый и тихій, онъ, однако, случайно вызвалъ негодованіе въ казацкомъ эсаулѣ.

Однажды мужъ мой, возвращаясь съ прогулки, разговаривалъ съ молодыми казаками, дѣтьми эсаула. Они стали жаловаться ему, что проклятый долговязый полякъ каждый день ѣздитъ верхомъ по ихъ сѣноосу и подъ вечеръ поджегъ у нихъ стогъ, за что они ему дадутъ карачуна. Но мы поторопились заблаговременно предупредить ни въ чемъ неповиннаго путешественника объ ожидавшей его бѣдѣ, и онъ со страху прекратилъ свои прогулки.

Третій изъ помѣщиковъ, самый домовитый и практичный, занялся хозяйствомъ и такъ блистательно разрѣшилъ мудрый экономическій вопросъ, что оставалось только удивляться. За пять или шесть рублей въ мѣсяцъ она наняла цѣлый домъ, купилъ за 12 р. корову, развелъ куръ и, подобравъ по своему вкусу компанію въ 28 человѣкъ, упорядочилъ хозяйство и распредѣленіе работъ. Поляки товарищи сплели сѣти и ловили рыбу, ходили на охоту за зайцами, воздѣлывали огородъ и запасались на весь годъ овощами, сажали табакъ, сами стирали свое бѣлье, а панъ Гудовичъ даже собственноручно доилъ корову, варилъ обѣдъ и мылъ посуду.

Органистъ Конюшевскій, большой острякъ и насмѣшникъ, изображалъ Гудовича въ лицахъ и презабавно, а Ф. нарисовалъ подходящую карикатуру. Хозяйственный панъ, напр., долженъ былъ обязательно одѣвать на голову пестрый ситцевый платокъ, подражать бабѣ, когда отправлялся доить корову. Безъ этого аксессуара корова не спускала молока. И уморительно же было

видѣть пана въ платкѣ и съ подойникомъ; щетинистые усы его торчали впередъ, точно щетки, а самъ онъ невозмутимо шагаль по двору до сарая, гдѣ была корова.

Карикатуръ ходило у насъ не мало. Ф. былъ неистощимъ.

Напр., изображена большая кровать и на ней двое спящихъ кузеновъ Лансберговъ изъ компаніи Гудовича. Одинъ изъ нихъ длинный, а другой короткій и свернулся калачикомъ. Въ полуоткрытую дверь высовывается голова пана Гудовича, только что подоившаго корову и еще не снявшаго своего головного убора. Онъ приглашаетъ братьевъ: панове, проше на ружанецъ (это молитва). Короткій Ландсбергъ высовываетъ носъ изъ-подъ одѣяла и невинно спрашиваетъ: «а цо то за потрава» (что это за кушанье).

Всѣ знали, что карикатура эта страшно разозлитъ добраго католика, и я попросила ее уничтожить.

А сколько стихотвореній, сколько экспромптовъ, уже не говоря о рисункахъ и карикатурахъ, погибло у насъ при слѣдующихъ обыскахъ. Я даже до сихъ поръ не понимаю этой безпричинной жестокости жандармовъ.

Кромѣ Ковальскаго, воспоминаніе о которомъ мы свято чтимъ съ мужемъ, я считаю долгомъ упомянуть еще объ одномъ героѣ, не помню былъ ли то шляхтичъ или кметъ, который съ пятерыми такими же удалыми храбрецами, какъ и онъ, отстаивалъ старую ригу и такъ упорно и искусно отстрѣливался, что ввелъ въ заблужденіе цѣлый отрядъ. Его цѣлью было выиграть время, чтобы помочь бандѣ скрыться и спрятать обозъ. И онъ съ успѣхомъ совершилъ это дѣло. Когда, наконецъ, рига была взята и молодой поручикъ, командовавшій отрядомъ, убѣдился, что горсть людей, руководимая единственно энергіею отчаянія, могла задержать на нѣсколько часовъ нападеніе; когда ему, кромѣ того, рассказали, какіе они употребляли для этого приемы, то онъ и удивился, и умилился духомъ, и протянулъ руку со словами: «позвольте русскому воину пожать руку польскаго героя. Повѣрьте, что если бы всѣ поляки были похожи на васъ, едва ли бы удалось подавить ваше возстаніе».

Не безынтересно разсказать, что ожидало въ ссылкѣ этого героя, тяжело израненнаго храбреца.

Не зная мастерства, ему пришлось согласиться на первый предложенный заработокъ. У казначея, оказалось, запьянствовалъ кучеръ и онъ предложилъ это мѣсто нашему герою, имени котораго я, къ сожалѣнію, не помню. За три рубля въ мѣсяцъ бывшій повстанецъ обязался чистить дворъ, вывозить навозъ, быть и кучеромъ, и дворникомъ, и посыльнымъ и даже помогать при надобности и въ комнатѣ. Но это бы все еще ничего; на немъ

Юлій Словацкій.

была обязанность, которой даже трудно приискать названіе. Дѣло въ томъ, что казначейша не то, чтобы страдала формальнымъ запоемъ, а такъ, что-то въ этомъ родѣ. Приходилось, напр., совлекать ее съ колокольни, а дама она была шестипудовая, грузная и притомъ во хмелю безпокойная. Она бранилась и отбивалась, а казначей, между тѣмъ, добрый старикъ полякъ, настоятельно просилъ кучера привести жену, гдѣ бы онъ ее ни нашелъ.

Встрѣтившись съ нимъ какъ-то на базарѣ, я спросила, куда онъ идетъ, на что онъ отвѣчалъ, смѣясь: «тшеба пошукать мою пани».

Когда товарищи спросили его, почему онъ не идетъ къ Гудовичу и неужели онъ не тяготится своимъ положеніемъ, отвѣтъ его неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же: «Кушать надо и работать надо, а васъ у пана Гудовича и безъ меня довольно».

По примѣру Ковальскаго сталъ учиться ремеслу и младшій Ландсбергъ. Коренастый и сильный, онъ, отъ избытка молодой энергіи, иногда по утрамъ поднималъ съ койки подвыпившаго наканунѣ хозяина и просилъ его приниматься за работу, на что кузнецъ отвѣчалъ добродушной воркотней: «вотъ послалъ Богъ работничка, и отдохнуть хозяину не дать, просто бѣда съ нимъ», а самъ въ душѣ радовался.

Соберемся, бывало, вечеромъ, послѣ дневныхъ заботъ, и пойдутъ рассказы и воспоминанія. Молодой Л., орудовавшій въ минуту рассказа кузнечнымъ молотомъ, былъ въ недавнемъ прошломъ кавалеристомъ, повстанцемъ изъ банды Яблоновскаго, и даже получилъ отъ него въ подарокъ лошадь, которая ѣла мясо.

Вотъ какимъ образомъ она досталась самому Яблоновскому. Во время одного изъ походовъ на банду внезапно напали казаки. Увидавъ ихъ издали, повстанцы кинулись въ кусты, и стали оттуда отстрѣливаться. Казаки остановились. Но у одного изъ нихъ лошадь была до того горяча, что бросилась въ кусты и онъ не могъ ее удержать. Повстанцы окружили его и взяли лошадь, которая была такъ хороша, что самъ Яблоновскій сталъ на ней постоянно ѣздить до тѣхъ поръ, пока не настало время распустилъ людей и самому уйти за границу. На прощанье онъ подарилъ ее Ландсбергу, но юноша недолго ею пользовался, потому что возстаніе угасло; ряды сражавшихся постоянно рѣдѣли и послѣ одной стычки, ему оставалось лишь благословлять судьбу, что онъ миновалъ казацкой расправы и еле живой дотащился до родимой кровли.

Какъ пришелъ, такъ и упалъ, договорилъ юноша свой рассказъ, сапоги пришлось не снять съ ногъ, но разрѣзать, и снимать по-

лосками, иногда вмѣстѣ съ кожей. Ноги распухли и покрылись струпьями. Прошло нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ онъ оказался въ состояніи снова ходить и двигаться, и для этого была пущена въ ходъ вся деревенская медицина, весь любящій родной уходъ. Но доносъ не дремалъ. Еле выздоровѣвшій, онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Сибирь.

Органистъ Конюшевскій почему-то считалъ своимъ долгомъ смѣшить товарищей и часто держалъ въ запасѣ забавный анекдотъ. Онъ или копировалъ своего кормильца Гудовича, или бывало раздражить нашего Доната Іосифовича. Этого, признаюсь, я всегда опасалась.

На Пасху мужъ разослалъ полякамъ чуть не весь запасъ имѣвшихся у насъ визитныхъ карточекъ къ великой досадѣ почтальона, принужденнаго разыскивать такимъ неинтересныхъ, по его мнѣнію, людей. Вотъ когда пришлось вспомнить поговорку: «въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ». Когда всѣ они собрались намъ отдать визитъ, то у насъ было такъ тѣсно, что съ трудомъ можно было пробираться въ толпѣ.

Весело и оживленно прошло время, когда собрались всѣ. Пѣли... и какія то были чудныя пѣсни. Торжественные гимны, маршъ зуавовъ перемежались съ прелестными, граціозными мотивами, которые нѣжно ласкали слухъ и скользили по немъ, какъ легкое облачко по лазурному небу. Или же пѣніе переходило въ тихія, заунывныя мелодіи, невольно вызывая чувство тоски и грусти.

Еще не замеръ въ воздухѣ заключительный аккордъ простой, но мелодичной пѣсенки, гдѣ дѣвушка, провожая милаго на поле брани, проситъ привезти ей ниточку корольковъ, а онъ только смотритъ въ ея милыя очи и думаетъ: не видать мнѣ тебя больше, моя ясочка, не слышать твоего голоса; чувствую, не уйти мнѣ отъ вражьей пули и лежать мнѣ въ чужой землѣ одинокому.

Но уже раздается новая пѣсня: то дѣвица провожаетъ милаго на бой за отчизну. Она весело уговариваетъ его не заботиться, она обѣщаетъ его ждать, не горевать и не плакать, но когда онъ выѣхалъ за ворота, она пошатнулась, проѣхалъ околицу, она упала, а когда скрылся изъ глазъ, она умерла.

Мнѣ очень жаль, что при простой, подстрочной передачѣ смысла этихъ пѣсенъ совершенно утрачивается ихъ чарующее впечатлѣніе. Музыкальная идея при свѣжемъ молодомъ голосѣ точно облекаетъ въ плоть и кровь всѣхъ этихъ любящихъ и тоскующихъ юношей и дѣвушекъ.

Или вотъ еще пѣсня: то мать оплакиваетъ своего сына, который, не послушавшись ея увѣщаній, пошелъ въ бой. Ей при-

несли его раненаго и онъ умеръ на ея глазахъ. Каждая строфа оканчивается однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: «ой не слухавъ ойца съ маткою, мое дытенько».

И съ материнской лаской она снова перечисляетъ добрыя качества и красоту своего сына: его черныя очи, его шелковистые кудри, его молодецкую силу и звонкій голосъ, вставляя отъ времени до времени скорбный вопросъ: «Кто же теперь одѣнетъ суконную свитку и смушковую шапку, для кого вышивала она воротъ рубашки и плела пестрый поясокъ?»

Кому же теперь все это отдать!

Мотивъ этой пѣсни можно приурочить къ типу «berceuses». Онъ и нѣжитъ, и ласкаетъ, и вызываетъ въ сердцѣ тихое умиленіе:

Но вотъ раздается веселый голосъ органиста Конюшевскаго. «До сытъ, панове, якъ Бога кохамъ, до сытъ, если не хотите, чтобы я сейчасъ же расплакался и чтобы изъ моихъ слезъ образовалось цѣлое море, въ которомъ вы всѣ утоните вмѣстѣ со своимъ кофе. Лучше послушайте меня. Я вамъ расскажу, какъ меня чуть живьемъ въ землю не закопали. Начинать, что ли?»

Мы всѣ встрепенулись, и онъ началъ рассказъ.

«Дѣло это случилось лѣтомъ, въ Ковенской губ. Въ нашемъ мѣстечкѣ ожидали прихода партіи повстанцевъ и усердно готовились: пекли хлѣбы, варили мясо, заготавливали и забивали бочонки съ масломъ и сметаной для фуража и съ огороховъ собирали овощи, а ксендзъ между тѣмъ всѣмъ намъ велѣлъ собираться въ костель и сказалъ такую проповѣдь, такую проповѣдь!

«У меня сердце затрепетало и точно огонь разлился по жиламъ отъ его словъ,—продолжалъ рассказчикъ,—меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Я игралъ на органѣ, и какъ я игралъ господа, вспомнить пріятно. Никогда въ жизни больше мнѣ такъ не сыграть. Мнѣ казалось, что весь міръ слушаетъ мою игру, что мой органъ, повинувся мнѣ, властно и горячо призываетъ всѣхъ добрыхъ поляковъ на спасеніе родины, что спасеніе это близко,—вотъ, вотъ пройдетъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и оно наступитъ, и разольется по всей польской землѣ, и точно сотня колоколовъ загудятъ объ радостной вѣсти, отъ края и до края, на радость всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отчизны.

«Бодрый и веселый вернулся я домой изъ костела, но тутъ на меня напала внезапно какая-то непонятная истома. Ни боли, ни радости, ни тоски, ничего я не ощущаю, а только слабость и слабость, которая овладѣваетъ мною, быстро увеличиваясь. Вотъ уже я не могу стоять и сажусь, вотъ уже не могу сидѣть, двигаюсь съ трудомъ, въ безсиліи падаю на свою койку и теряю надъ собою всякую власть. Я не могу ни двинуть, ни пошевелить ни однимъ

членомъ, не могу даже разомкнуть глазъ, не могу вымолвить слова. Что же это, думаю я, что это? Неужели же я умираю?

«Проходитъ нѣсколько томительныхъ часовъ, а можетъ быть и минутъ, и я слышу, какъ вокругъ меня двигаются люди, посылаютъ за ксендзомъ, совѣщаются, горюютъ. Слышу голосъ ксендза: «надо поторопиться,—говоритъ онъ,—сейчасъ получились тревожныя вѣсти. Вслѣдъ за бандой, говорятъ, двигается русское войско и лазутчики видѣли даже аванпосты. Если здѣсь произойдетъ битва, Богъ знаетъ, чѣмъ дѣло можетъ окончиться, и тѣло останется непогребеннымъ. Вѣдь это ляжетъ на мою совѣсть.

«Я слушаю, холодѣю, ясно сознаю опасность, въ которой нахожусь и о ужасъ! попрежнему остаюсь недвижимымъ. Слова ксендза, точно раскаленные гвозди, вонзаются въ мое тѣло и рвутъ, и жгутъ мое сердце. Мнѣ кажется, что весь я обливаюсь потомъ и одна мысль стучить во мнѣ молотомъ: вотъ, вотъ, скоро, сейчасъ, они заколотятъ меня въ гробъ, второпяхъ пропоютъ заупокойную мессу, и я живой, такой молодой, долженъ буду задохнуться въ гробу, въ могилѣ. Значить, мало мнѣ моей настоящей пытки, предстоитъ еще въ сто кратъ болѣе тяжелая.

«Я стараюсь кричать,—нѣтъ звуковъ, стараюсь двинуть рукой или ногой, но нѣтъ—члены мои точно скованы льдомъ, не двигаются, не гнутся. Что я перестрадалъ, что я перечувствовалъ, о Господи, этого не выразишь и не выразишь и тотъ только пойметъ, кто самъ испыталъ. Боже правый, думаю я, неужели же мнѣ суждено погибнуть такой лютой смертью. Христосъ, Пресвятая Дѣва, смилуйтесь надо мною. Вѣдь я жить, я жить хочу, столько во мнѣ силы, столько молодости и вдругъ, въ двадцать два года, захлопнется надо мною гробовая крышка. И навсегда это будетъ навѣки.

«Слышу, явственно слышу, уже приступаютъ къ послѣднимъ приготовленіямъ. Ксендзъ приказываетъ подать себѣ облаченіе, кто-то рыдаетъ близъ меня, что-то несутъ, о ужасъ, должно быть гробъ и носилки, и отчаяніе мое достигаетъ самаго крайняго предѣла.

«Я напрягаюсь, я тужусь изо всѣхъ силъ, я напрягаюсь, не переставая, мнѣ кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ я долженъ лопнуть, расколоться надвое, разорваться на части, употребляю нечеловѣческія усилія, чтобы двинуть хоть бы однимъ членомъ, и о блаженство! вдругъ поднимаюсь и сажусь.

«Вокругъ меня раздаются дикіе крики и вопли. Всѣ въ ужасѣ бѣгутъ, всѣ устремляются къ выходу, и ксендзъ, подобравъ сутану, одинъ изъ первыхъ. Снаружи чѣмъ-то закладываютъ дверь, но я уже хохочу, громко, истерически хохочу, вѣдь я спасенъ...

— Пся кровь, кричу я имъ, пся кровь, всѣ вы, начиная съ ксендза, спокойно хотѣли зарыть въ землю живого человѣка, а теперь, когда я очнулся, испугались и разбѣжались, какъ школьники.

«Съ большимъ усиліемъ покидаю я свой смертный одръ и пытаюсь пройти по комнатѣ, чтобы размять одеревянѣлые члены. Вокругъ меня царитъ паника и всеобщая тишина. Ни звука, ни голоса человѣческаго. Вижу, къ окнамъ подкрадываются блѣдныя, перепуганныя лица, всѣмъ хочется взглянуть на страшнаго покойника, выходца съ того свѣта. Но я кричу имъ, что я живъ, живъ, сто кратъ живъ и еще проживу сто лѣтъ, что они, подлецы, чуть не закопали меня, а теперь малодушно прячутся. Я дѣлаю имъ различные знаки руками, приглашаю войти, начинаю креститься, громко читаю молитвы и лишь постепенно они перестаютъ меня бояться.

«Ко всеобщей радости, никакого русскаго эскадрона не появилось; все это были выдумки напуганной фантазіи и, празднуя мое избавленіе, мы веселились до глубокой ночи.

«Ксендзъ рѣшилъ меня причастить на слѣдующій день, а товарищи, на радостяхъ въ тотъ вечеръ такъ меня качали и подбрасывали что я громко молилъ, чтобы мнѣ не переломали кости».

«Ну что каковъ мой разсказъ?—обратился къ намъ въ заключеніе Конюшевскій. Неправда ли, точно святочный, жаль, что теперь Пасха, онъ какъ разъ для Рождества».

* * *

Со времени водворенія у насъ Домановскаго, мы поселились въ домъ почтмейстера, на берегу Томи.

Весною, во время разлива, передъ нами открывалось зрѣлище такой невиданной мощи и красоты, что описать его подъ силу развѣ только художнику.

Томъ рѣка горная и чрезвычайно быстрая. Когда на вершинахъ начинается таяніе, то цѣлая громада ледяныхъ великановъ мчится внизъ со страшнымъ грохотомъ и трескомъ. Вотъ гиганты столпились, точно сомкнулись, точно борются, оспаривая другъ у друга право первенства, кому двинуться впередъ, кто сильнѣе. Передъ очарованными взорами зрителей, любующихся съ берега, нагромождается громадный ледяной костеръ и немного, спустя, одинъ изъ ледяныхъ гигантовъ, раздавленный, съ страшнымъ трескомъ взлетаетъ кверху, разсыпаясь алмазными брызгами, точно ледяной каскадъ. Въ Сибири ледоходъ называютъ шугой, сибиряки говорятъ: шуга шумить, шуга идетъ.

Цѣлыми часами простаивали мы съ мужемъ на берегу, любясь шугой и слушая этотъ неумолчный трескъ и шумъ, который, однако, въ силу общаго впечатлѣнія, не только не утомляетъ, и вамъ не только не хочется уйти, а напротивъ, вы придвигаетесь какъ можно ближе къ краю берега, вы любуетесь, не переставая, и лишь стараетесь запечатлѣть все это въ вашей памяти, чтобы и впослѣдствіи передъ вами воскресала эта феерія.

«Ото добже, якъ Бога кохамъ», восклицаетъ, потирая руки, панъ Гудовичъ; «ото будетъ рыбы» и спѣшить отъ берега домой, сдѣлать распоряженіе товарищамъ пересмотрѣть невода: все ли въ порядкѣ, не порвалось ли гдѣ что, не потерялось ли?

По возвращеніи домой, мы застаемъ обыкновенно столъ уже накрытымъ.

По странной случайности, изъ всего, чѣмъ меня снабдила добрая мамаша, какимъ-то чудомъ уцѣлѣла граненая хрустальная тарелочка, и почему-то, растерявъ все цѣнное, я привезла ее изъ Астрахани въ Казань, а теперь даже въ Сибирь.

На этой тарелкѣ, составлявшей единственное украшеніе нашего хозяйства, обыкновенно красовалась цѣлая горка душистаго, таёжнаго мѣду. Сахаръ мы не употребляли, онъ сталъ 40 к. фунтъ и былъ для насъ дорогъ, а мѣдъ превосходный, душистый, при покупкѣ пудами, обходился по 6 коп. за фунтъ. Хлѣбъ пшеничный, темный, но очень вкусный Домановскій пѣкъ самъ.

Въ теченіе поста онъ откормилъ пару свиней и приготовилъ для продажи колбасъ и сосисекъ, съ цѣлью сколько-нибудь заработать. Съ насъ за свой личный трудъ онъ бралъ только три рубля въ мѣсяцъ. Пріятно вспомнить объ этомъ серьезномъ, честномъ товарищѣ, который не допускалъ никакихъ компромиссовъ, не только лжи. Своей правдивостью, своимъ нелицепріятнымъ поведеніемъ, онъ прямо импонировалъ товарищамъ такъ, что когда Конюшевскій, въ общемъ парень легкомысленный, пообѣщавшій помочь ему чистить кишки для колбасъ, обманулъ его и не пришелъ, то даже пересталъ къ намъ ходить; очевидно, онъ струсилъ. Когда же, наконецъ, рѣшился притти, то не могъ преодолѣть неловкости, избѣгая встрѣчаться съ нимъ взглядомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не избѣгнулъ кары. Не успѣлъ онъ что-то сказать или предложить товарищамъ, какъ Домановскій круто повернулся въ его сторону и проговорилъ по-польски, по адресу органиста, что-то очень нелестное, окинулъ его такимъ презрительнымъ взглядомъ, что бѣдняка покорило. Воцарилось неловкое молчаніе, и разговоръ въ тотъ вечеръ не возобновился.

Но кто имѣлъ способность доводить шляхтича до бѣлаго каленія, такъ это былъ Ф.

По обыкновенію, враждебная пикировка разыгрывалась за вечернимъ чаемъ.

Ф., какъ гастрономъ, начнетъ обыкновенно припоминать какое-нибудь особенное варшавское блюдо, а Домановскій тотчасъ отрѣжетъ: «это гадость». Но Ф. дразнилъ умышленно, не теряя хладнокровія, а Домановскій горячился до бѣшенства. Наконецъ, уже напорившись вдоволь, онъ все еще не могъ преодолѣть своего волненія и уже самъ себѣ задавалъ вопросы и самъ же на нихъ отвѣчалъ.

* * *

А время шло. Мужъ, по утрамъ, если не занимался своею статьею, которую онъ предполагалъ издать за границей подъ заглавіемъ «Macht und Kraft», то или знакомилъ желающихъ между поляками съ русскими социальными идеями, читая имъ рядъ лекцій, или предпринималъ далекія прогулки, а я все время нянчилась со своей больной и слабой дѣвочкой, которой не суждено было и года прожить на свѣтѣ.

Моя прогулка ограничивалась крѣпостью, расположенной на горѣ, съ очень отлогимъ подъемомъ, тянувшимся на цѣлую версту.

На горѣ, близъ крѣпости, стояла очень ветхая буддійская часовня китайской архитектуры, съ изображеніемъ злобнаго бога Бурхана. Мнѣ никогда не приходилось встрѣтить болѣе грубый и болѣе выразительный горельефъ, какъ это высѣченное изъ дерева изваяніе буддійскаго идола. Эта небольшая фигура, прикрѣпленная на возвышеніи, поражала всякаго входившаго въ часовню.

Въ полутъмѣ это злое деревянное лицо, съ глазами на выкатѣ и рѣзко присвоеннымъ ему свирѣпымъ выраженіемъ, съ простертыми впередъ руками, казалось, устремлялось на входящаго и грозило ему. Безобразно мрачная, но выразительная фигура, казалось, вотъ-вотъ, еще сдѣлаетъ шагъ, другой, и бросится отъ стѣны на васъ, немилосердная и карающая. Было ясно, что тотъ, кто водилъ рѣзцомъ, для созданія этого идола, былъ занятъ не деталями, а исключительно идеей, которую и выразилъ вполне наглядно.

Ежегодно, въ Николинъ день, 9 мая, около этой часовни толпились массы народа. Съ горъ, съ китайской границы и изъ непроглядной тайги собираются иновѣрцы, въ красивыхъ шелковыхъ нарядахъ. Собираются и русскіе крестьяне и мѣщане

чувствовать Николая Чудотворца. И тѣ и другіе отождествляютъ въ этотъ день взаимное желаніе: почитать предметъ своего поклоненія.

Православное духовенство, въ полномъ облаченіи съ хоругвями и крестами, служитъ молебенъ въ часовнѣ, поставивъ передъ изваяніемъ Бурхана образъ Николая Чудотворца, и затѣмъ совершается торжественный крестный ходъ по всему городу.

Спускаясь съ горы, разноплеменная толпа скрещивается и сливается, дружелюбно поглядывая другъ на друга. Обѣ стороны удовлетворены вполне. Иновѣрцы твердо уповаютъ, что всѣ русскіе, начиная отъ священниковъ въ блестящихъ ризахъ и кончая народомъ, боятся ихъ бога зла Бурхана, а потому, чтобы умиловить его, воздають ему должное почтеніе и поклоненіе. А русскіе обыватели и крестьяне, въ свою очередь, польщены не менѣе. Въ толпѣ слышно: «вотъ вѣдь, батюшку то нашего, Николу Угодника, всѣ то уважають. И нехристи, и тѣ пришли издалека, знаютъ, видно, сколько отъ него милости исходитъ».

* * *

Вблизи отъ Кузнецка, въ тайгѣ, можно было встрѣтить сначала русскихъ, а затѣмъ уже инородцевъ, селившихся какъ можно далѣе.

Эти жители лѣсовъ часто курили вино своимъ первобытнымъ способомъ и обходили акцизъ.

Чиновники притѣсняли ихъ, благодаря ихъ полному незнанію законовъ, и брали большую мзду. Но случилось и такъ, что зарвавшійся блюститель закона платился нерѣдко жизнью за свое вымогательство. Рассказывали, что бывший становой приставъ безслѣдно погибъ въ тайгѣ.

Говорили также, что инородцы официально считались христианами, что избы у нихъ на манеръ русскихъ и потомство у нихъ красивое. Предполагали, что это то же племя, которое живетъ въ Джунгаріи. Въ сущности, всѣ они оставались въ идолопоклонствѣ и женщинъ своихъ также принуждали поклоняться идоламъ.

Старообрядцевъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ было немного. Появленіе ихъ въ Сибири объясняется слѣдующимъ образомъ.

Еще во времена самостоятельнаго существованія Польши, русскіе старообрядцы спасались отъ преслѣдованія въ польскія и австрійскія владѣнія. Когда Россія овладѣла Польшей, ихъ выслали въ Бійскій уѣздъ, сосѣдній съ Кузнецкимъ, гдѣ они, по отзывамъ жителей, зажили спокойно и сытно.

Но проповѣдниковъ и вожаковъ высылали въ другія мѣста,

между прочимъ, одинъ изъ нихъ попалъ въ Кузнецкъ и поселился у мѣщанина Безсонова, который существовалъ тѣмъ, что отправлялъ обязательныя выборныя должности за другихъ, получая съ нихъ за то вознагражденіе.

Старый начетчикъ постарался употребить все свое вліяніе, чтобы пріобрѣсти прозелита, и, дѣйствительно, до извѣстной степени расшевелилъ Безсонова. Его рѣчи о равенствѣ людей передъ Богомъ и закономъ, его филиппики противъ нелѣпой обрядности, его совѣты заглянуть въ собственную душу и работать для ея спасенія,—все это заставило мѣщанина задуматься и вникнуть. Въ результатѣ явилось охлажденіе къ церковнымъ обрядамъ. Священникъ донесъ. Послѣ этого было поднято обвиненіе противъ мѣщанина Безсонова въ наклонности къ ереси и воспрепятствованіе отправлять общественныя службы по вольному найму.

Тогда онъ взмолился. Какъ же ему быть, какъ существовать? И наказаніе было ему замѣнено строгой эпитеміей.

Съ тѣхъ поръ, Безсоновъ ежедневно въ церкви, волею-неволею, отбивалъ огромное количество земныхъ поклоновъ. Злые языки говорили, что онъ дѣлалъ это со скрежетомъ зубовымъ.

* * *

Но вотъ наступило лѣто, волшебное сибирское лѣто. Не успѣла еще земля окончательно прогрѣться, какъ все въ природѣ зазеленѣло. Вотъ уже цвѣты застилаютъ поле красивымъ пестрымъ ковромъ, а вскорѣ появились на базарѣ и ягоды. Пчелы ретиво хлопчутъ и на пасѣкахъ оживленіе. Эта метаморфоза производитъ чарующее впечатлѣніе. Страна чудесъ, думалось мнѣ, да и только. А виды—настоящая прелесть.

Передъ самымъ Кузнецкомъ у подножія Соколиныхъ горъ наша быстрая Томъ сливалась съ Кандомой. Жители еще раньше обращали мое вниманіе на эту рѣку, прославляя ея цѣлебныя, якобы, воды.

«Ненаглядная рѣченька», говорили мои милыя поповны. Чуть у кого проявится золотушка, только и ждутъ лѣта; покупаются въ Кандомѣ недѣльки двѣ—три, и все какъ рукой сниметъ. Вы замѣтили, вода-то какая: вѣдь бирюза, чистая бирюза. А пріятность вкуса, а мягкость! Испить, и то хорошо, а бѣлье постирать, почитай, и мыла не надо. Поѣзжайте-ка, да покатайтесь на лодочкѣ, никогда не забудете нашу голубушку Кандому».

И дѣйствительно, когда мы подъѣхали къ мѣсту сліянія, насъ поразило контрастъ въ цвѣтѣ воды.

Вода Кондомы голубая, прозрачная, тихая, такъ что рядомъ съ нею вода Томи кажется совсѣмъ темною. Точно чертоку раз-

дѣляются эти два теченія и представляютъ любопытное явленіе для глаза.

Но рядомъ съ очарованіемъ и поэзіей проза жизни настойчиво напоминала о себѣ. Во что бы то ни стало надо было найти работу, а ее въ Кузнецкѣ получить невозможно. Пришлось написать губернатору о разрѣшеніи перевестись въ Томскъ.

Разрѣшеніе на переѣздъ въ Томскъ получилось черезъ мѣсяць, и въ іюнѣ мы тронулись въ сопровожденіи смирнаго солдата, возсѣдавшего рядомъ съ ямщикомъ на козлахъ.

Кромѣ того, передъ нашимъ отъѣздомъ пришла къ намъ молодая дѣвушка и откровенно заявила, что ей или удавиться, или отъ людей скрыться. Милый покинулъ ее, а отъ людей проходу нѣтъ, говорила она, все спрашиваютъ, когда же свадьба.

— Я буду хорошей няней, просила она, возьмите меня, ради Христа возьмите. Здѣсь мнѣ не утерпѣть, либо себя порѣшу, либо кого другого, лучше отъ грѣха уйти въ другое мѣсто.

Въ послѣдній разъ товарищи поляки провожали насъ до первой станціи верхами, цѣлой кавалькадой.

Е. Берви.

Воспоминанія украинскаго актера.

Обрусители въ Западномъ краѣ. — Въ гимназiи. — Первое посѣщеніе театра. — Увлеченія молодости. — Учителство въ сельской школѣ. — Первые выступленія передъ публикой. — М. Т. Ивановъ-Козельскій. — Начало сценической дѣятельности. — Въ опереткѣ. — Н. Н. Савинъ. — Спектакли украинской труппы М. П. Старицкаго. — Переходъ къ малороссамъ. — М. Л. Кропивницкій. — Отношеніе русскихъ актеровъ.

Если бы полста лѣтъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ моимъ родителямъ, что дѣти ихъ—маленькій бутузъ Костя и плакса-дѣвчонка Павлуша—вырастутъ и будутъ «актерами», они бы широко раскрыли глаза отъ удивленія, а мама непременно спросила-бы по-украински:

— Що воно ото за «ахтеры», нехай Богъ мылце?

Живя въ деревенской глуши, они о театрѣ никакого представленія не имѣли и о существованіи актеровъ столько же знали, какъ о существованіи самоѣдовъ и чукчей... Отецъ съ молодыхъ лѣтъ завѣдывалъ лѣсными угодами богатаго польскаго помѣщика, графа Ильинскаго, на Вольни, унаслѣдовавъ эту должность отъ отца, и прожилъ въ лѣсу безвыѣздно много лѣтъ, и лишь когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, бросилъ лѣсничество, поступилъ письмоводителемъ къ судебному слѣдователю и переселился изъ лѣсной глуши въ большое еврейское мѣстечко Чудновъ.

Послѣ возстанія Польши въ 1863 году секвестрованные у польскихъ помѣщиковъ имѣнія правительствомъ были раздарены дворянамъ и чиновникамъ, съ цѣлью обрусенія края. Такимъ образомъ и имѣніе Чудновъ перешло во владѣніе нѣкоего дворянина Обелянова. Пріѣхалъ онъ съ семействомъ прямо изъ Петербурга и поселился въ старомъ «палацѣ», занявъ въ немъ всего нѣсколько комнатъ, большая же часть этого громаднаго зданія оставалась въ томъ же полуразрушенномъ видѣ и необитаемой.

Не повезло такимъ обрусителямъ въ нашемъ краѣ, а въ 70-хъ годахъ наѣхало ихъ въ нашъ край великое множество. На дѣлѣ вышло, что они и въ обрусеніи «мятежной Польши» мало пре-

успѣли да и себя совсѣмъ разорили. Хозяйство повели неумѣло и безтолково, а кутежи, карты да забавы съ «соблазнительными польками» и «задорными хохлушками» привели къ полному разоренію.

Однимъ изъ такихъ неудачниковъ былъ и дворянинъ Обельяновъ. Когда мы поселились въ Чудновѣ, онъ проживалъ уже послѣднія крохи, кругомъ въ долгу, какъ въ шелку, и всецѣло находился въ рукахъ ростовщиковъ.

Семейство Обельянова состояло: изъ жены—безличной, тще-душной особы, двухъ взрослыхъ дочерей, изъ коихъ старшая Анна была уже перезрѣлая дѣвица, а младшая Лидія очень красивая барышня, гордая своей красотой и недоступная... Она составляла теперь надежду семьи, что вотъ Лида выйдетъ замужъ за богатаго и поправитъ ихъ разстроенныя дѣла. Были еще и два сына-подростка, изгнанные изъ губернской гимназіи за невзносъ платы за право ученія. Оканчивалъ ихъ воспитаніе привезенный изъ Петербурга «гувернеръ», странный субъектъ съ краснымъ носомъ и козлиной бородкой. Ученье, повидимому, не спорилось, такъ какъ «гувернеръ» большую часть времени проводилъ по кабакамъ, поясничая и показывая мужикамъ за рюмку водки фокусы. Воспитанники же его бѣгали по мѣстечку, «дразнили собакъ» и затрагивали «дѣвчатъ».

Самъ старикъ Обельяновъ былъ грозенъ на видъ, хвастливъ и заносчивъ, ни съ кѣмъ не ладилъ, ссорился и не уживался.

Мы были знакомы съ семействомъ Обельяновыхъ, но бывали рѣдко. Отца чаще приглашали на пулечку въ преферансъ, и то если не хватало болѣе достойнаго партнера. Отецъ съ неохотой ходилъ на эти пулечки, ибо когда проигрываетъ,—расплачивается аккуратно, а выигрываетъ больше «на мѣлокъ». Вскорѣ, однако, случилось, что мы даже до нѣкоторой степени породнились съ гордыми дворянами Обельяновыми. А произошло это вотъ при какихъ обстоятельствахъ: къ намъ пріѣхалъ погостить дядя, старшій братъ мамы. Пріѣхалъ изъ Крыма, гдѣ служилъ управляющимъ въ одномъ изъ многочисленныхъ имѣній князя Воронцова. Человѣкъ уже не молодой, лѣтъ подъ 40, со средствами, симпатичнѣйшій добрякъ, Бургемуха-Кашинскій. Познакомился онъ съ семействомъ Обельяновыхъ, увлекся красавицей Лидой и женился на ней. Женитьба, какъ въ послѣдствіи оказалось, вышла неудачной, какъ и большинство неравныхъ браковъ, пошли семейные раздоры и непріятности. Она была легкомысленной, вѣтренной женой, разорила дядю прихотями и нарядами и довела до преждевременной кончины.

Прошелъ еще годъ, и Обельяновы окончательно разорились,

имѣніе было продано съ молотка, ихъ выдворили изъ «палаца», и они переѣхали на жительство въ губернскій городъ Житомиръ, гдѣ проживали въ большой нуждѣ. Старшая дочь Анна поступила на сцену, а старикъ съ сыновьями зарабатывали гроши, переписывая для театра роли.

Ровно черезъ годъ и родители мои покинули Чудновъ и переселились въ городъ. Отецъ со введеніемъ въ Юго-Западномъ краѣ мировыхъ судебныхъ учрежденій занялся частной адвокатурой. Такимъ образомъ мы изъ деревенскихъ стали городскими. Это было въ 1874 году.

Семейство Обельяновыхъ все еще пребывало въ Житомирѣ, бѣдствуя ужасно. Частенько заходили къ намъ, къ великому огорченію моего родителя, ибо всякое посѣщеніе Обельяновыхъ сопровождалось истребленіемъ большого количества спиртныхъ напитковъ и займомъ денегъ безъ отдачи. Дочь Анна на зимній сезонъ уѣхала служить куда-то въ труппу, а старшій сынъ тоже поступилъ на сцену, на выходныя роли, къ антрепренеру Н. Н. Савину. Благодаря знакомству съ Обельяновыми, мнѣ удалось побывать и за кулисами театра. Насъ съ младшимъ Обельяновымъ, по протекціи его брата актера, пропустили за кулисы. Забравшись на самые колосники, мы смотрѣли оперетку «Птички пѣвчія». Оперетка мнѣ понравилась еще лучше уже видѣнной драмы, въ особенности пѣніе и костюмы. Закулисная обстановка крайне заинтересовала, я ко всему присматривался, вникалъ и разспрашивалъ, что и какъ? Вернулся я домой поздно ночью, въ пыли и грязи, съ огромной шишкой на лбу, полученной отъ столкновенія въ темнотѣ съ кулисой, но въ восторгѣ отъ всего видѣннаго. Зато отецъ моего пребыванія за кулисами, къ тому же безъ разрѣшенія, не одобрилъ, сдѣлавъ должное внушеніе и запретилъ такое посѣщеніе театра. Мнѣ больше и не пришлось побывать за кулисами, вскорѣ спектакли прекратились, Обельяновы куда-то выѣхали изъ Житомира, и больше мы о нихъ не слыхали.

Учился я неважно. Шалилъ, баловался и высиживалъ почти въ каждомъ классѣ по два года.

Были двѣ существенныхъ причины моихъ неуспѣховъ въ ученіи: лѣтомъ—природа, зимой—театръ.

Какое истинное наслажденіе испытывалъ я, бывая въ театрѣ!

Бывать въ театрѣ ученикамъ не позволяли. Разрѣшали въ извѣстные дни и на извѣстныя пьесы только съ родителями или родственниками, и то въ мѣстахъ партера и ложахъ, на галерею же и балконъ безусловно воспрещалось. Но вотъ читаешь афишу,

идеть интересная пьеса или бенефисъ любимаго актера.—Какъ не пойти? И на скопленные отъ завтрака гроши, преодолювая всѣ трудности, стараешься попастьъ въ театръ хоть на галлерку. Переодѣваешься, наклеиваешь усы, бороду, чтобы не быть узнаннымъ злымъ надзирателемъ гимназіи или педелемъ «Иваномъ-барабаномъ».

Антрепренерствовалъ тогда въ Житомирѣ извѣстный на югѣ Н. Н. Савинъ (умеръ пансіонеромъ Театр. Об. 16-го окт. 1906 г.). Онъ тогда держалъ большое театральное предпріятіе въ трехъ городахъ: въ Кіевѣ, Полтавѣ и у насъ, труппы поэтому чередовались и составъ всегда былъ превосходный. Нашими любимцами въ то время были: Ѳ. П. Горевъ, Дарьяловъ, Сеймская, Н. Н. Синельниковъ (тогда еще юный талантливый простакъ въ опереткѣ), С. Н. Новиковъ, И. Н. Новиковъ, К. Гаринъ, С. Томскій, Салмановъ, Біазі, Родонъ, С. Бѣльская (не забуду въ роли «Торопки» въ «Аскольдовой могилѣ») «знаменитый» Выходцевъ, Крузова, А. К. Вольская, Глама Мещерская, Пилони, Ренье, Брянчанинова, Неметти, Киселева, Монштейнъ и др., многихъ, конечно, не упомяну. Но, я думаю, достаточно и этихъ именъ, чтобы судить о составѣ тогдашнихъ труппъ. Какъ было не увлекаться такими артистами? Какъ не аплодировать до пузырей на ладоняхъ рукъ и не вызывать до хрипоты горла?

Часто я попадался и часто мнѣ влетало за театръ и отъ гимназическаго начальства, и отъ строгаго родителя, но ни родительскія внушенія, ни тройки по поведенію, ни вѣчный карцеръ меня не могли унять, я стремился въ театръ, преодолювая всѣ трудности, и только тамъ находилъ истинное наслажденіе.

Я зачитывался произведеніями драматической литературы и устраивалъ у себя на дому дѣтскіе спектакли.

Покойная мама, видя такое мое рвеніе и любовь къ театру, тогда еще предсказывала:

— Охъ, чуе мое сердце, изъ зъ нашего Кости ничего путнѣго не выйде, буде комедіантшыкъ, якъ оти Обельяновы.

Да, мама не ошиблась... Меня и тогда уже влекло на сцену, я мечталъ о ней, лелѣялъ эту мысль, какъ о чемъ-то великомъ, несбыточномъ и недостижимомъ. А ученіе подвигалось туго, я съ грѣхомъ пополамъ дотянулъ до 5-го класса.

Я въ 5-мъ классѣ... Этотъ классъ былъ для меня роковымъ. Случилась катастрофа, перевернувшая мою юность, а затѣмъ и послѣдующую жизнь.

У меня былъ другъ дѣтства нѣкій—Стѣпа Чуйковъ. Одновременно мы поступили въ гимназію и въ первыхъ двухъ классахъ учились вмѣстѣ, а затѣмъ онъ шелъ впереди меня на классъ,

дотянувъ до 4-го, принужденъ былъ выйти изъ гимназіи за неимѣніемъ средствъ продолжать ученіе. Занимался грошовыми уроками, а затѣмъ поступилъ на незначительную должность въ почтовую контору. Въ семьѣ у него не ладилось: отецъ, бѣдный чиновникъ, запивалъ, сестра-курсистка, поднадзорная, умирала отъ злой чахотки, а брата, гимназиста 8-го класса, сослали въ Вологодскую губернію за политическую неблагонадежность.

Мы съ Стѣпой жили по сосѣдству и подружились вскорѣ по прїѣздѣ въ Житомиръ. По выходѣ его изъ гимназіи дружба наша не прекращалась, хотя Стѣпа былъ серьезный мальчикъ, смирный, задумчивый и по характеру совсѣмъ не подходилъ ко мнѣ,—я шалилъ, паясничалъ, любилъ общество, танцевалъ на вечерахъ, все же мы во многомъ сходились, и я его очень любилъ. Мы часто бывали вмѣстѣ, гуляли по окрестнымъ селамъ, въ лѣсу, удили рыбу, катались на лодкѣ. Въ то же время вели безконечные разговоры и споры на всевозможныя темы, доступныя нашему дѣтскому воображенію.

И вотъ, однажды, Стѣпа таинственно сообщаетъ мнѣ, что онъ въ сношеніяхъ съ кружкомъ молодежи, увлекающейся освободительными идеями. Политическое увлеченіе молодежи семидесятыхъ годовъ памятно многимъ, рѣдкій юноша тогда не увлекался этимъ. Ввелъ онъ и меня въ этотъ кружокъ, и мы стали посѣщать собранія и вечеринки, устраиваемыя кружкомъ. Вечеринки эти устраивались такъ: съ разрѣшенія полиціи въ извѣстномъ домѣ снимали залъ для семейнаго танцевальнаго вечера. По приглашенію и за извѣстную плату входила молодежь обоого пола, танцевали подъ оркестръ или піанино, пили чай, пиво, закусывали бутербродами тоже за извѣстную плату, а вырученная прибыль поступала на «дѣло народнаго освобожденія». На этихъ вечеринкахъ читались воззванія, нелегальная литература, говорились рѣчи, пѣли запрещенныя пѣсни и пр.

Съ какимъ любопытствомъ и затаеннымъ страхомъ я, бывало, слушалъ эти свободныя рѣчи, приникая къ каждому слову нашихъ доморощенныхъ ораторовъ. Трепетно замирало тогда мое юное сердце... Робкимъ, дрожащимъ голосомъ подтягивалъ и я запрещенныя пѣсни... Два куплета одной изъ нихъ я и теперь помню. Она была написана на смерть какого-то политическаго ссыльнаго съ мотивомъ похороннаго марша:

«Замученъ тяжелой неволей,
«Ты раннею смертію почилъ,
«Въ борьбѣ за народное дѣло
«Ты голову честно сложилъ!...
«Твой врагъ надъ тобой не смѣялся,—
«Вокругъ тебя были свои,
«И молча, родимый, закрыли
«Орлиныя очи твои!...».

Подпѣвая эту пѣсню, я нервничалъ, и у меня нерѣдко выступали слезы на глазахъ. И я воображалъ уже себя въ нѣкоторомъ родѣ борцомъ за идею и крохотнымъ участникомъ того дѣла, на которое, какъ мнѣ казалось, съ такой рѣшимостью шли эти люди. На вечеринкахъ преобладала все больше молодежь: студенты и курсистки, прїѣзжавшіе на каникулы, гимназисты и гимназистки старшихъ классовъ, начальные учителя, семинаристы,—молодежь пылкая и увлекающаяся.

Мы съ Стѣпой въ то время, какъ юнцы, активнаго участія принимать не могли и дѣлу никакой пользы не приносили къ великой досадѣ нашей, хотя рвались и готовы были даже на самопожертвованіе.

Но какъ-то мнѣ поручили отпечатать на гектографѣ какую-то программу партіи. Съ трепетомъ я принялся исполнять порученіе. Хотя въ домѣ я имѣлъ особую комнату, все же надо было дѣлать это съ большой осторожностью, чтобы домашніе не провѣдали. Сначала надо было составить по рецепту сплавъ массы для гектографа. Къ сплаву я приступилъ поздно ночью, когда въ домѣ всѣ уснули. Поставилъ горшокъ въ печь, топка выходила въ мою комнату, но впопыхахъ забылъ открыть трубу, и вдругъ по всему дому распространился удушливый смрадъ, который проникъ и въ спальню мамы, находившуюся рядомъ съ моей комнатой. Поднялся переполохъ, подумали въ домѣ пожаръ, всѣ посхватывались. Я вытащилъ горшокъ изъ печи, ожогъ руки и спряталъ. Когда бросились на смрадъ въ мою комнату я успокоилъ и объяснилъ, что выбросилъ въ печку окурки съ пепельницы, а въ ней былъ огарокъ сальной свѣчки. Повѣрили, открыли трубу и все кончилось благополучно. А сколько волненій и страха я пережилъ и до сихъ поръ не забуду. На утро сдалъ работу и получилъ «молодца», что меня несказанно польстило и вознаградило за пережитый страхъ и волненіе.

А все-таки я въ концѣ-концовъ выдалъ себя передъ родными.

Какъ то ночью, лежа въ постели, я перечитывалъ свѣжій номеръ издававшейся тогда революціонной газеты «Земля и воля»... Прочитавъ, сунулъ подъ подушку, а на утро, спѣша въ гимназію, забылъ о немъ, такъ и оставилъ подъ подушкой. Убирая постель, нашли газету... Что только было!... Прихожу изъ гимназіи, застаю маму въ слезахъ, а родитель сразу накинулся на меня:

— Что же это ты, негодяй, задумалъ? Хочешь погубить насъ? Мы не желаемъ изъ-за твоего вольнодумства угодить въ тюрьму или подъ надзоръ полиціи! Вонъ изъ дому! Тебя все равно выгонятъ изъ гимназіи, такъ пожалѣй ни въ чемъ неповинныхъ брата и сестру...

И много, много въ этомъ родѣ пришлось мнѣ выслушать отъ разгнѣванныхъ родителей. Напередъ сталъ осторожнѣй и всякую нелегальщину запрятывалъ подальше.

Предсказаніе отца, что меня выгонятъ изъ гимназіи, сбылось очень скоро. При концѣ учебнаго года меня и четырехъ товарищей одноклассниковъ выставили изъ гимназіи по доносу мальчишки-фискала за храненіе нелегальной литературы.

Выставили меня изъ гимназіи, впрочемъ, съ правомъ поступленія въ другую, но въ другомъ городѣ. Куда же было думать о другомъ городѣ, когда и здѣсь на хлѣбахъ у родителей я еле тянулъ ученіе. У отца средствъ не хватало на воспитаніе помимо меня еще младшаго брата и сестры. И вотъ я рѣшилъ найти такое занятіе, гдѣ бы могъ одновременно готовиться и на аттестатъ зрѣлости.

Меня потянуло опять на село. Я думалъ принести пользу просвѣщеніемъ тьмы народной и выхлопоталъ должность учителя сельской школы въ м. Черняховъ, недалеко отъ нашего города.

Со всѣмъ пыломъ и рвеніемъ молодости я посвятилъ себя симпатичному дѣлу преподаванія, увлекся имъ и отдался сердцемъ и душой. Но встрѣтилъ на пути массу перепетій и невзгодъ и сразу, какъ говорится, нажегся... Принялъ я школу въ самомъ жалкомъ состояніи... Мой покойный предмѣстникъ, какъ мнѣ передавали, больше занимался коммерческими дѣлами да писаніемъ мужикамъ прошеній и ябедъ, нежели школой. Оно и понятно,—человѣку семейному на 12 руб. 40 коп. учительскаго мѣсячнаго жалованья существовать и въ тѣ поры было немыслимо. Мнѣ, холостяку, и то жилось далеко несладко.

Первый и главный тормазъ въ обученіи грамотѣ сельскихъ ребятъ на Украинѣ, это—языкъ. Невыразимо трудно, а подчасъ положительно невозможно, преподавать не на родномъ языкѣ, а на языкѣ для многихъ совсѣмъ непонятномъ, особенно въ то время. Это все равно, какъ бы намъ въ гимназіи учитель французскаго или латинскаго языка сталъ бы преподавать на данномъ языкѣ, что бы мы поняли? Такъ выходило и здѣсь,—большинство ребятишекъ кромѣ своего родного языка не понимали иного, развѣ немного словъ, кои по произношенію схожи съ украинскими. Приспособленныхъ учебниковъ не было, а объяснять по-украински строго воспрещалось. Выходили нерѣдко курьезы въ родѣ слѣдующаго: у меня въ одной изъ группъ училось пять дѣвочекъ. Объясняю какую-то задачу по ариѳметикѣ.

— Поняли?—спрашиваю.

Мальчики отвѣчаютъ—поняли, дѣвочки—молчатъ.

— Вотъ дѣвочки видно не поняли,—молчать. Кто не понялъ, подымайтесь съ мѣста.

Вижу дѣвочки мои смѣшались, покраснѣли, какъ піоны, опустили глаза и ни съ мѣста, а мальчишки при этомъ заржали.

Я еще разъ повторяю:

— Подымитесь, которая не поняла!

Опять замѣшательство, хохотъ мальчишекъ, а дѣвочки и пуще того зардѣлись.

Такъ и не добился толку.

Потомъ уже сообразилъ, что «подняться» по-украински значитъ: «поднять подолъ юбокъ»...

Понимаете, какая получилась невѣроятная скверность.

И постоянно выходило масса курьезовъ въ этомъ родѣ.

Дѣтишки меня не понимали, а это меня злило, раздражало и доводило порой до слезъ. Я злился на самого себя, разстраивался и рѣшилъ, что у меня нѣтъ никакой преподавательской способности и что на такое дѣло я не гожусь. Къ тому же пошли нелады съ отцомъ духовнымъ, и отъ него въ послѣдствіи я перенесъ массу непріятностей.

Батюшка придирался въ школѣ къ преподаванію, писалъ жалобы инспектору, обвиняя меня въ вольнодумствѣ и непочтительности и пр. Надоѣло мнѣ все это. Къ тому же все время уходило на занятія въ школѣ, такъ что мысль, лелѣянная мною о подготовкѣ на аттестатъ зрѣлости, становилась неосуществимой. Поэтому, закончивши учебный годъ, къ слову сказать, съ успѣхомъ, такъ какъ получилъ благодарность инспектора, я, съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ, отказался отъ учительства и переѣхалъ въ городъ. Тамъ поступилъ въ казенную палату вольнонаемнымъ писцомъ. Обладая же голосомъ, устроился въ церковномъ хорѣ пѣвчимъ и въ то же время успѣвалъ пѣть мессы въ католическомъ костелѣ.

Въ то время въ Житомирѣ былъ очень хорошо организованный кружокъ любителей драматическаго и музыкальнаго искусства, подъ предсѣдательствомъ статскаго генерала, чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, Дединцева. Кружокъ составляли высшіе чиновники разныхъ губернскихъ учреждений и присяжные адвокаты недавно открытаго окружного суда. Кружокъ имѣлъ свой уставъ, утвержденный министерствомъ, и даже получалъ небольшую субсидію отъ правительства въ цѣляхъ обрусенія края. Ставили спектакли, концерты и вечера въ собственномъ крошечномъ театрикѣ. Я получилъ приглашеніе примкнуть къ кружку и началъ выступать тамъ помимо концертовъ и въ драматическихъ пьесахъ и тоже имѣлъ успѣхъ.

Однако, все это меня не удовлетворяло. Меня потянуло въ настоящій театръ, гдѣ играютъ профессиональные актеры.

Мечтой моей была консерваторія,—тамъ бы я могъ усовершенствовать свой голосъ. Но это была мечта несбыточная, на это нужны средства, а я въ то время принужденъ былъ, питанія ради, пѣть въ церковномъ хорѣ и строчить бумаги въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ казенной палаты, къ которому не имѣлъ ни малѣйшаго призванія. Да и то, благодаря тому, что начальникъ отдѣленія нашей палаты былъ любитель драматическаго искусства, членъ кружка, и на мои упущенія по службѣ смотрѣлъ сквозь пальцы, я манкировалъ службой и пользовался извѣстными льготами, а то бы меня давно прогнали.

Въ 1881 г. зимній сезонъ въ Житомирѣ въ городскомъ театрѣ держалъ антрепренеръ П. М. Надимовъ. Труппа у него была довольно слабая по составу. Театральнымъ оркестромъ дирижировалъ еще тогда совсѣмъ юный, но талантливый М. Черняховскій (теперь извѣстный на югѣ капельмейстеръ симфоническихъ оркестровъ). Помимо драматическихъ спектаклей, подъ руководствомъ Черняховскаго, шли и нѣкоторыя оперетки. Оперетки въ то время были въ большой модѣ. Хора не было, и потому участвовали наши церковные пѣвчіе. Пригласили меня, и я, такимъ образомъ, попалъ уже на настоящую сцену. Хористъ я былъ самый старательный, мнѣ давали и небольшія партіи въ опереткахъ, кромѣ того я съ удовольствіемъ участвовалъ и въ драматическихъ спектакляхъ изъ одной любви къ искусству, такъ какъ платы за это не получалъ; я все еще считался на службѣ въ казенной палатѣ и могъ участвовать лишь въ свободное отъ занятій время, а поступить на сцену окончательно я все еще не рѣшался.

Въ томъ же сезонѣ пріѣзжалъ къ намъ на гастроли незабвенный артистъ М. Т. Ивановъ-Козельскій. Игра его произвела на меня чарующее впечатлѣніе. Не объясню теперь почему, но такого сильнаго впечатлѣнія на меня впослѣдствіи не производилъ ни одинъ артистъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть, не исключая и заграничныхъ знаменитостей: Поссарта, Барная, Росси и др.

Я въ то время выходной, ели дышавшій, актеръ при его гастроляхъ игралъ лишь незначительныя роли. Козельскій, къ слову сказать, былъ очень строгій гастролеръ. Въ обращеніи съ актерами до невозможности грубъ, требователенъ, придиричивъ и даже деспотиченъ. Бывало и старыхъ, опытныхъ актеровъ за незнаніе роли или за «тонъ» такъ раздѣляетъ, что бѣдняги не знаютъ, куда дѣваться отъ стыда. Его за это старые актеры ненавидѣли и даже не признавали его могучаго дарованія.

Въ особенности покойный трагикъ былъ придирчивъ и раздражителенъ, когда на репетиции являлся «подъ бахусомъ».

На слѣдующій сезонъ я уже поступилъ на вторыя роли. У Надимова въ эти два сезона служили также видные актеры. Репертуаръ былъ самый разнообразный и сносшибательный, ставили и старинныя драмы и оперетки и даже мало-русскія пьесы. На амплуа актеровъ тогда не обращали вниманія, и вчерашній «Гамлетъ» сегодня жарилъ «полицмейстера» въ «Птичкахъ пѣвчихъ». Ежедневно шли новыя пьесы, и поэтому постановка была самая небрежная, а актеры отличались незнаніемъ ролей... Происходила масса казусовъ и недоразумѣній... Помню два курьеза съ актеромъ Варравинымъ (недавно похороненъ въ Москвѣ, артистъ Малаго императорскаго театра).

Шла пьеса «Тарасъ Бульба». Въ послѣднемъ актѣ у Бульбы, котораго изображалъ Варравинъ, трескучій монологъ съ проклятіемъ Андрію. Только что Варравинъ разошелся въ монологѣ и, по-старинному, повысилъ голосъ до «львиного рыканія», какъ вдругъ выбѣгаетъ на сцену казакъ и докладываетъ о измѣнѣ Андрія, т.-е. срываетъ ему самое лучшее мѣсто монолога... Варравинъ смѣшался, вращаетъ сердито глазами, скрежетъ зубами и кричитъ казаку:

— Дуракъ!... Дайте занавѣсъ!

Занавѣсъ опустили и потомъ начали актъ сначала...

Суфлеръ нашъ, Кольцовъ, былъ очень смѣшливый, при томъ больной, разбитый параличомъ съ сведенной рукой и ногой. Когда бывало разсмѣется чему-нибудь въ будкѣ, перестаетъ подавать и прекомично подергиваетъ больными рукой и ногой и долго отъ смѣха не можетъ удержаться.

Ставить Варравинъ своимъ бенефисомъ пьесу «Неронъ—пожаръ Рима». Идетъ сцена, гдѣ Неронъ читаетъ передъ патриціями въ парламентѣ рѣчь. Патриціевъ изображаютъ солдаты мѣстнаго гарнизона. Одѣты—въ ситцевыя рубахи и въ своихъ солдатскихъ сапогахъ... Солдатикамъ смѣшно, они зажимаютъ носы, чтобы громко не расхохотаться... Вдали пылаетъ Римъ... Неронъ падаетъ, корчится въ предсмертной агоніи... Патриціи не выдерживаютъ и разражаются повальнымъ хохотомъ... Суфлеръ, глядя на все это, тоже расхохотался и молчитъ...

Варравинъ кричитъ со сцены:

— Суфлеръ въ будкѣ не долженъ смѣяться!

Слышится отвѣтъ суфлера:

— А ты учи роли въ бенефисѣ!

Неронъ умираетъ съ такой фразой:

— Мерзавецъ!... Кончу спектакль—убью!

Занавѣсъ опускается.

Неронъ оживаетъ съ крикомъ: «дайте мнѣ его, мерзавца!»... устремляется къ выходу изъ суфлерской будки, но суфлеръ другимъ ходомъ спасается бѣгствомъ отъ разъяреннаго трагика...

Мнѣ тогда давали уже порядочныя рольки, и я со всѣмъ рвеніемъ отдался театральному дѣлу.

Въ томъ же году послѣдовало разрѣшеніе украинскихъ спектаклей. Много писали о первой украинской труппѣ Марка Лукича Кропивницкаго и о томъ громадномъ успѣхѣ, какой эта труппа имѣла въ Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Изъ артистовъ нашей труппы И. В. Загорскій, И. И. Николаевъ-Бѣлоконъ, Горскій, Ф. П. Красовская, Е. П. Борисова владѣли малорусской рѣчью, и мы поставили нѣсколько малорусскихъ пьесъ: «Наталку Полтавку», «Назара Стодолю», «За Нѣмань иду», «Сватанье на Гончаривци» и нѣсколько водевилей. Въ пьесахъ этихъ и я, какъ урожденный украинецъ, принималъ участіе. Малорусскіе спектакли имѣли большой успѣхъ и у насъ въ Житомирѣ и давали сборы.

Кончивъ зимній сезонъ, я продолжалъ участвовать въ любительскихъ спектакляхъ кружка.

Надо знать, что я о своемъ окончательномъ рѣшеніи поступить на сцену скрывалъ отъ родныхъ: меня бы ни за что не отпустили.

Надо было найти предлогъ уѣхать изъ Житомира, и предлогъ былъ найденъ: я отпросился погостить на каникулы къ дядѣ, брату мамы, Д. М. Бургемухѣ-Кашинскому, въ его имѣніе въ Дубенскій уѣздъ, и уѣхалъ съ затаенной мыслью, чтобы въ Житомиръ больше не возвращаться.

Проживъ у дяди лѣтнія каникулы, я въ послѣднихъ числахъ августа уѣхалъ прямо въ Кіевъ. Здѣсь я поступилъ за 45 руб. въ мѣсяцъ въ оперетку къ актеру Н. Н. Савину.

Итакъ, я сдѣлался профессиональнымъ работникомъ сцены... Я торжествовалъ!

Зато дома, когда узнали о моемъ поступленіи на сцену,—отпѣли панихиду...

1-го сентября 1882 г. послѣдовало открытіе сезона и начало моей профессиональной сценической дѣятельности.

Служилось мнѣ въ общемъ недурно; главное, ко мнѣ относились не такъ грубо, какъ вообще относятся къ хористамъ, и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Держалъ я себя солиднѣй другихъ; аккуратно одѣвался, исправно являлся на спектакли и репетиціи, не пьянствовалъ и потому даже самъ нашъ «генералъ» Н. Н. Савинъ, директоръ, очень гордый и заносчивый въ отношеніи мелкихъ служащихъ, мнѣ иногда подавалъ два пальца лѣвой руки

и говорилъ: «здравствуйте, Ванченко!» Такое отношеніе ко мнѣ «генерала» даже порождало нѣкоторую зависть моихъ сотоварищей.

Интересенъ типъ Н. Н. Савина, этого театральнаго дѣльца стараго времени.

Красавецъ мужчина, бывшій морской офицеръ, своей мощной осанкой и фигурой онъ напоминалъ Петра Великаго... Гордъ и заносчивъ... Недурной драматическій актеръ, но выступалъ рѣдко.

Антрепренерствовалъ онъ на югѣ и во время войны въ Болгаріи... Держалъ по двѣ, по три труппы вразъ и арендовалъ по столько же городовъ, вообще былъ предприниматель широкаго размаха—по-Лентовскому. Нѣсколько разъ прогоралъ, исчезалъ съ горизонта и опять выныривалъ для какого-нибудь новаго большаго дѣла.

Разсказывали, что въ послѣднее время Н. Н. Савинъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ 5 рублями денегъ въ карманѣ. Онъ остановился въ лучшемъ отелѣ и на тѣ 5 руб. послалъ купить десятокъ сигаръ. И вотъ съ помощью этихъ сигаръ, которыми угощалъ нужныхъ ему лицъ, онъ снялъ два театра въ Кіевѣ. Снявши театры, открылъ широкій кредитъ, сдалъ буфеты, вѣшалки, отобралъ отъ всѣхъ служащихъ залоги, а на эти деньги составилъ двѣ громадныя труппы и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ большое театральное предпріятіе. Впрочемъ, кончилъ печально такъ же, какъ и большинство не въ мѣру зарывающихся театральныя дѣльцовъ. Это былъ тотъ же московскій «магъ и волшебникъ» М. В. Лентовскій, только чуть немного въ меньшихъ размѣрахъ. Казалось, такъ широко и умно постановленному дѣлу конца не будетъ, а оба закончили торжественнымъ крахомъ съ неоплатными на сотни тысячъ долгами и съ растратой залоговъ. Съ тою лишь разницею, что М. В. Лентовскій, какъ говорятъ, до самой смерти пилъ шампанское, а Н. Н. Савинъ кончилъ свое земное страданіе въ театральной богадѣльнѣ.

Два мѣсяца прошло съ моего поступленія въ оперетку. Я продолжалъ пѣть въ хорѣ и игралъ небольшія роли въ нѣсколько фразъ, партій же мало-мальски приличныхъ, гдѣ бы я могъ показать свой голосъ, мнѣ не попадало. Служить только хористомъ—перспектива не изъ завидныхъ.

Въ ноябрѣ 1882 г. появляются анонсы о гастроляхъ въ Кіевѣ украинской труппы подъ управленіемъ М. П. Старицкаго во главѣ съ артистомъ М. Л. Кропивницкимъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда этой труппы, о шумныхъ успѣхахъ которой въ Одессѣ и Харьковѣ тогда много писали и говорили.

Такъ какъ труппа Старицкаго играла въ нашемъ опереточномъ театрѣ, опереточные спектакли на это время прекратились, и я имѣлъ возможность бывать на всѣхъ спектакляхъ украинской труппы.

Съ колоссальнымъ успѣхомъ прошелъ первый спектакль «Наталка Полтавка» и водевилъ «Кумъ мирошныкъ». И дѣйствительно, пьеса была обставлена лучшими силами: «Наталку» играла М. К. Заньковецкая, «Терпелыху»—А. И. Вѣрина, «Выборнаго»—М. Л. Кропивницкій, «Вознаго»—И. К. Карпенко-Карый, «Мыколу»—Н. К. Садовскій и «Петра»—В. Е. Грицай. Отъ исполненія и я пришелъ въ восторгъ.

Такого колоссальнаго приѣма, какой оказала публика своимъ любимцамъ (труппа до того лѣтомъ была уже въ Кіевѣ), мнѣ видѣть не приходилось. Каждый выходъ, уходъ, а иногда отдѣльныя фразы награждались громомъ аплодисментовъ, каждую пѣсенку заставляли биссировать по нѣскольку разъ. Закончился спектакль, и общій ревъ, буря, рокотъ раздались въ театрѣ и не смолкали долго, вызовамъ не было конца. На сцену полетѣли букеты, цвѣты, шапки, фуражки, привѣтственные билетки и пр. Въ заключеніе публика вынесла изъ театра на рукахъ своихъ любимцевъ Заньковецкую и Кропивницкаго, и сопровождала до гостиницы, оглашая тѣми же привѣтственными криками уснувшій городъ. Я и самъ поддался общему экстазу и присоединился къ этимъ восторженнымъ оваціямъ. Во мнѣ воспрянулъ духъ украинца!.. Этимъ энтузіазмомъ наэлектризованная украинская масса выказывала не одни восторги артистамъ за ихъ исполненіе, а въ лицѣ ихъ всему своему родному украинскому, возрожденію того, что до сего было запрещено, забыто, загнано, заглушено и преслѣдуемо, а въ силу чего и по какимъ побужденіямъ,—одному Богу извѣстно... Какъ же было не радоваться родному слову, своей, полной грусти, задушевной пѣснѣ, льющейся въ душу и чарующей звуками дивной мелодіи!

Само собою понятно, что восторги эти лились больше изъ пылкихъ грудей молодежи, всегда увлекающейся, а теперь доходившей до экстаза... Старики же сѣдые, поддаваясь общему настроенію, лишь проливали слезы умиленія и повторяли:

— Свое, родне!...

Это былъ не спектакль, а всеобщее празднество, ликованіе возрождающагося украинства и триумфъ молодого украинскаго театра!

Всѣ послѣдующіе спектакли сопровождались не меньшимъ успѣхомъ. Билеты раскупались въ буквальномъ смыслѣ съ бою, и на кассѣ неизмѣнно красовался аншлагъ: «всѣ билеты проданы».

Примѣръ небывалый: прощальный утренникъ, въ непраздничный день, далъ полный сборъ!

Однако, такое проявленіе энтузіазма и шумные успѣхи украинцевъ въ Кіевѣ и оваціи по адресу труппы, пришлось не по вкусу начальству и не прошли даромъ... Тогдашній генераль-губернаторъ нашелъ въ этомъ ликованіи украинцевъ нѣчто «потрясающее основы» и «возбуждающее умы» и на цѣлыхъ десять лѣтъ воспре-тилъ малорусскіе спектакли въ своемъ генераль-губернаторствѣ, т.-е. въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, такъ сказать въ самомъ сердцѣ Малороссіи. Собственно, что побудило строгаго начальника края принять такія мѣры, осталось неизвѣстнымъ, ибо трудно допустить и даже невозможно, чтобы десятокъ пьесъ тогдашняго скуднаго малорусскаго репертуара и самыхъ наивныхъ по содержанию, могли «возбуждать умы» и «потрясти основы». Надо полагать въ данномъ случаѣ прислужилась обрусительная пресса въ лицѣ газеты «Кіевлянинъ», которая и тогда получала субсидію за то, что лаяла все польское и украинское, а тогда особенно изоощрялся въ этомъ фельетонистъ «Кіевлянина» еврей Фуксъ, или Заксъ (не помню), подписывавшійся псевдонимомъ «Неизвѣстный».

Составъ труппы Старицкаго былъ въ то время небольшой. Хоръ состоялъ изъ любителей и пѣвчихъ.

Чрезвычайно симпатичнымъ показалось мнѣ это новое театральное дѣло. Къ тому же заговорило украинское сердце, любовь къ своему родному и потянуло меня къ землякамъ.

И вотъ задумалъ я бросить оперетку и перейти къ своимъ украинцамъ, благо къ тому и случай представился. Старицкій набиралъ на дальнѣйшую поѣздку свой собственный хоръ и вызывалъ желающихъ.

Предложилъ и я свои услуги. Голосъ мой пробовалъ самъ извѣстный нашъ украинскій композиторъ Николай Витальевичъ Лысенко и опредѣлилъ такъ:

— Вамъ, голубчику, голосу Богъ далъ ажъ на двоихъ, тильки голосъ ще степовой, треба добре выправыты голосныки.

Покончилъ я къ малороссамъ на увеличенный окладъ, т.-е. на 60 руб. въ мѣсяцъ. Оказалось, не я одинъ бросилъ оперетку, а со мной перешло къ малороссамъ еще три хориста.

Приняли меня братья-украинцы хорошо.

Марья Константиновна Заньковецкая, когда я ей былъ представленъ, какъ особый сотрудникъ, разсмѣялась:

— А,—це той самый журавель, що выдыбувавъ въ оперетци въ долгиы ногамы?

Она видѣла меня въ опереткѣ. Я, дѣйствительно, въ то время былъ высокъ и худъ, и фигура моя въ трико была пресмѣшная, къ тому же, какъ «вожакъ хора», я въ разныхъ опереточныхъ маршировкахъ и шествіяхъ выступалъ всегда впереди, что не-сказанно смѣшило Марью Константиновну.

Дали мнѣ для начала въ пьесѣ: «Дай сердцю волю—заведе у неволю» сказать фразу, и я опять возбудилъ смѣхъ. У насъ въ Волынской губерніи украинская рѣчь, подъ вліяніемъ Польши и Бѣлоруссіи, имѣетъ своеобразное произношеніе и я сказалъ: «Куды кубыла, туды и лоша», а надо было сказать: «куды кобыла»...

Всѣ херсонцы и полтавцы разсмѣялись, я смутился.

Зато режиссеръ Маркъ Лукичъ Кропивницкій, поправляя меня, утѣшилъ:

— Ничего, не смущайтесь, молодой человѣкъ, рѣчь легко исправить.

Въ общемъ первый пріемъ мнѣ понравился. Я почувствовалъ себя въ своей средѣ, будто не между актерами, а въ особой, дружной семьѣ, гдѣ былъ совсѣмъ иной укладъ, иной строй, иной духъ и отношенія.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось во многомъ разочароваться, но первое впечатлѣніе было отрадное и вселило въ мое юношеское воображеніе самыя радужныя надежды въ будущемъ.

Недѣли черезъ двѣ мы выѣхали изъ Кіева, и съ тѣхъ поръ началось мое скитаніе по бѣлу свѣту.

Еще меня радовало и то обстоятельство, что труппа Старицкаго изъ Кіева ѣхала на нѣсколько спектаклей въ мой родной городъ Житомиръ, гдѣ я могъ повидать своихъ стариковъ, ознакомить съ моимъ новымъ положеніемъ и примирить съ тѣмъ, что избранный мною родъ жизни не такъ ужасенъ, какъ рисуетъ ихъ воображеніе. Отчасти это мнѣ и удалось, хотя матушка на всѣ мои доводы и увѣренія недовѣрчиво качала головой и говорила:

— Ну, нехай Обелянны пишли по такій дорози, вони неучы, ни до чого путнѣго не здатни, а ты жъ, сынку, можешъ бути и учителемъ и чыновныкомъ... Нащо таби оти театры?

Напрасно увѣрялъ я, что этотъ трудъ хорошо оплачивается, и что теперь на сцену идутъ и студенты кончившіе, и дворяне, и гимназисты, матушка все-таки осталась при своемъ убѣжденіи, что театръ непутѣвое дѣло.

Въ декабрѣ мы изъ Житомира уѣхали въ Кишиневъ, затѣмъ въ Одессу, гдѣ и закончили зимній сезонъ. Труппу повсемѣстно сопровождалъ громаднй матеріальный и сценическій успѣхъ. Нашему пану директору Старицкому «карбованци» такъ и плыли въ «кешеню», поговаривали, будто онъ отъ этого сезона положилъ

въ Одессѣ въ банкъ крупненькую сумму въ двадцать тысячъ карбованцевъ.

Прослужилъ я въ труппѣ Старицкаго болѣе трехъ мѣсяцевъ, а за это время пришлось мнѣ сыграть всего двѣ-три небольшихъ рольки и говорить фразы въ массовыхъ народныхъ сценахъ, а больше приходилось пѣть въ хорѣ и даже выходить въ безсловесныхъ выходахъ, да и то каждый разъ съ большими придирками со стороны режиссера.

М. Л. Кропивницкій былъ очень хорошій, талантливый актеръ, но, какъ режиссеръ, строгъ и придирчивъ до мелочей, порой доходящихъ до смѣшного.

Пьесы, которыхъ въ то время и въ репертуарѣ было не болѣе двадцати и которыя у насъ проходили десятки разъ, всѣми уже выученныя почти наизусть, каждый разъ репетировались вновь въ день спектакля и каждый разъ съ новыми указаніями и придирками со стороны режиссера, часто идущими въ разрѣзъ съ указаніями на предыдущихъ репетиціяхъ. Получалась какая-то механическая, надоѣдливая и совершенно лишняя, никому ненужная работа. Взять хотя бы прародительницу украинскаго театра «Наталку Полтавку». Прошла она тогда не менѣе ста разъ, ее уже знали наизусть не только дѣйствующія въ ней лица, а и неучаствовавшіе персонажи, а, по капризу М. Л. репетировали каждый разъ съ начала до конца. При этомъ онъ брюжжалъ, придирался къ каждому слову, стараясь уязвить самолюбіе актера и уколоть до боли замѣчаніемъ, подчасъ совсѣмъ не относящимся къ дѣлу. Вообще былъ и строгъ, и часто несправедливъ. Извѣстно каждому актеру, какъ надоѣдаетъ играть одно и то же много разъ. До того иногда надоѣдаетъ, что играешь безъ всякаго подъема и настроенія, какъ-то забываешься и фразы произносишь механически.

Я припоминаю такой случай: мнѣ, однажды, когда я уже былъ актеромъ, въ Москвѣ пришлось сыграть роль «Грыця» въ пьесѣ: «Ой не ходы, Грыцю, на вечерныци» чуть ли не 50 разъ къ ряду. Я въ послѣднемъ актѣ умираю отъ отравленія ядомъ. Вначалѣ я продѣлывалъ конвульсіи, судороги и пр., потомъ до того стало надоѣдать, что я постепенно сокращалъ предсмертныя муки, и наконецъ сталъ умирать моментально, сейчасъ же послѣ принятія яда. Такъ что газета «Московскій курьеръ» справедливо по этому поводу замѣтила: «любопытно знать, отъ какого яда умираетъ Грыцко? Смерть сражаетъ его моментально безъ всякихъ страданій, вѣроятно, такіе яды существуютъ только въ богатой Малороссіи».

Такъ и тѣ 20 пьесъ тогдашняго малорусскаго репертуара

надоѣли исполнителямъ, ибо всѣ малѣйшія детали были заучены и переучены.

И не только на репетиціяхъ, а и на сценѣ, во время хода дѣйствія, М. Л. иногда не сдерживалъ гнѣва и позволялъ себѣ оскорблять партнеровъ.

Меня какъ-то обидѣлъ, будучи самъ кругомъ виноватъ. Въ водевилѣ «Якъ ковбаса и чарка, то мынеця й сварка» играли: онъ помѣщика Шпоньку, а я его работника Гаврилу. Выходимъ,—громъ аплодисментовъ Кропивницкому... По ремаркѣ онъ ходитъ по сценѣ, а я стою и зѣваю въ потолокъ... Его первая фраза: «Куды-жъ ты дывался, не бачышь, що панъ засанався?»... Большая пауза... Онъ все ходитъ и не говоритъ... Вдругъ подходитъ ко мнѣ, шепчетъ:

— Говорите, чортъ васъ возьми!

Я молчу, что же мнѣ говорить?

Опять подходитъ и довольно громко говоритъ:

— Да говорите же!... и отпускаетъ очень крѣпкое выраженіе.

Я ему шопотомъ: не мнѣ, вамъ говорить!...

Спыхватился, принимаетъ свои слова и продолжаетъ роль.

Разобравшись послѣ спектакля, по его—оказался виноватымъ суфлеръ, не подавалъ,—громъ и молніи на суфлера, а я слыхалъ, что суфлеръ подавалъ и подавалъ нѣсколько разъ, а М. Л. прямо забылъ свои слова.

Суфлеръ всегда бывалъ главнымъ козломъ отпущенія, и ему, бѣдному: отъ М. Л. доставалось больше всѣхъ... Я всегда жалѣлъ бѣднаго нашего Алешу, когда М. Л. начнетъ его пилить.. Впрочемъ, и Алеша иногда выходилъ изъ себя, и тогда дѣло доходило чуть ли не до драки...

Обыкновенно на репетиціяхъ, когда суфлеръ читаетъ пьесу, М. Л. все время повторяетъ за нимъ тихо свою роль и замѣчаетъ:

— Поставь здѣсь большую паузу... здѣсь маленькую... не торопи... отмѣть это... подчеркни это... подай здѣсь громче... опять маленькая пауза... и т. д.

Его роль въ пьесахъ суфлеръ бывало всю испестритъ отмѣтками. Въ спектаклѣ же часто М. Л. самъ все перепутаетъ, а набросится на суфлера:

Въ пьесѣ «Невольникъ» вышелъ такой казусъ: старикъ запорожець (М. Л.) ѣстъ вареники, суфлеръ подаетъ:

— «Смашни вареныки, сами въ ротъ лизутъ»...

— Эге...

Говоритъ М. Л. и продолжаетъ ѣсть.

Суфлеръ опять:

— «Смашни вареныки»...

— Эге...

Говорить М. Л. и зло поводитъ глазами.

Суфлеръ вновь:

— «Смашни вареныки»... и д.

Марко Лукичъ говоритъ: Эге... «смашни вареныки, сами въ ротъ лизуть»... и добавляетъ громко въ тонъ: Я бы ще ивъ, такъ отъ суфлеръ торопить...

Жди, значить, баталіи съ суфлеромъ.

Понятно къ старшимъ по положенію М. Л. относился нѣсколько сдержаннѣе и только за кулисами ворчалъ и ругался про себя, если не по его шла сцена, а къ суфлеру, помощнику режиссера и молодымъ актерамъ относился прямо деспотически. Это были вѣчные страдальцы, страсотерпы и козлы отпущенія.

Замѣчательно, что М. Л. настроеніе мѣнялъ по характеру исполняемыхъ имъ ролей. Играетъ комика—становится мягче и добрѣе, на репетиціи шутить, смѣется, если и дѣлаетъ замѣчанія, то въ безобидномъ тонѣ, а играетъ злодѣя—дѣлается звѣрь-звѣремъ, тогда не подходи! Въ особенности злился онъ на всѣхъ и вся, придирался и волновался, когда шла пьеса его собственнаго сочиненія... Тутъ уже не щадилъ и старшихъ, и младшихъ, всѣмъ доставалось на орѣхи.

Часто послѣ такого спектакля, М. Л., кряхтя и отдуваясь, вваливался на верхъ въ общую уборную специально за тѣмъ, чтобы отчитать и уязвить нашего брата... Доставалось всѣмъ по порядку...

Онъ садился, тяжело дыша, и, послѣ многозначительной паузы, обращался къ первому:

— Вы, Иванъ Васильевичъ, на сколько я помню, до поступленія на сцену, были хорошимъ наборщикомъ въ типографіи газеты «Южный край»?

— Вѣрно, наборщикомъ и корректоромъ,—отвѣчаетъ актеръ, къ которому относился этотъ вопросъ...—А что вы, М. Л., хотите этимъ сказать?

— А то, что типографія за вами, вѣроятно, соскучилась, да и сцену вы несказанно обрадовали бы, если бы вернулись въ первобытное состояніе... Лучше быть хорошимъ наборщикомъ, чѣмъ плохимъ актеромъ.

— Не всѣмъ же, М. Л., снимать звѣзды съ неба.

— Зачѣмъ же намъ снимать ихъ, когда мы «не въ ти взулысь»... Молчаніе...

Обращается къ другому:

— Вы, говоритъ, учились въ университетѣ?

— Да, учился.

— Какой же злой геній вселилъ вамъ мысль итти на сцену? На сценѣ нуженъ талантъ, призваніе, способность... изъ васъ, можетъ быть, и вышелъ бы эскулапъ, годный қлистиры ставить.

— Я окончилъ юридическій факультетъ, а не медицинскій, былъ судебнымъ слѣдователемъ, а бросилъ изъ-за сцены.

— Напрасно, значить—были такимъ же плохимъ слѣдователемъ, какъ сейчасъ актеромъ...

Къ третьему по очереди:

— И вамъ, Федоръ Васильевичъ, не мѣшало бы вернуться къ своимъ прежнимъ занятіямъ—описывать имущество должниковъ, а то сцена вамъ такъ же пристала, какъ коровѣ сѣдло.

Къ четвертому:

— Сцена не лошадь, ею не такъ легко управлять, её не осѣдлаешь и не поѣдешь, если не хватаетъ таланта... (актеръ черноморскій казакъ).

Къ пятому:

— Вы были въ ссылкѣ, говорятъ, но васъ простили и вернули?

— Да.

— Вернули «на безголовье нашего украинскаго театра»?

— Можетъ быть.

— Не можетъ быть, а вѣрно.

А къ иному подойдетъ, измѣритъ взглядомъ сожалѣнія...

— А вы...

Махнетъ рукой, плюнетъ и уйдетъ.

Такъ кончили зимній сезонъ и наступилъ постъ.

Старицкій уѣхалъ въ Петербургъ ходатайствовать о разрѣшеніи спектаклей въ кievскомъ генераль-губернаторствѣ.

По возвращеніи Старицкаго, труппа отправилась въ Новочеркасскъ, но спектаклей на Пасхальной недѣлѣ не разрѣшили. Въ то время существовалъ законъ, воспрещающій въ Пасхальную недѣлю спектакли. Дозволяли всевозможныя балаганныя представленія: цирки, карусели, петрушки, а театральныя представленія воспрещались, какъ нѣчто развращающее истинно вѣрующихъ... Логика!...

Къ прежнему составу прибавилось много новыхъ лицъ: Ю. И. Касиненко, М. К. Ярошенко, И. Н. Дворниченко, Т. Селивановъ, Свѣтловъ-Стоянъ и др. А исключительно на русскіе водевили, безъ которыхъ по новому циркуляру не разрѣшались малорусскіе спектакли, были приглашены артисты императорскихъ театровъ Е. Яблочкина и Н. Журинъ.

Вспомнивъ объ обязательной постановкѣ при малорусскихъ пьесахъ русскихъ, я и сейчасъ невольно разсмѣялся.

Собственно по циркуляру разрѣшались малорусскія пьесы

только при русскихъ, при чемъ количество актовъ одной пьесы не должно превышать количество другой. Т.-е. если пьеса малорусская въ 5-ти актахъ, то и русская должна быть въ 5-ти, или 10 актовъ въ одинъ спектакль.

Поставить 10 актовъ въ одинъ вечеръ, значить, проморить публику до 3—4 часовъ ночи, а это невозможно, это же мученье для публики и для актеровъ, къ тому же во многихъ городахъ требуютъ окончанія спектаклей къ 12 час. ночи. И вотъ нѣкоторые градоправители, даже столичные, соглашавсь съ такой несуразностью, разрѣшали малорусскія пьесы только съ одноактными русскими водевилями. Провинціальныя же законники требовали обязательно точнаго исполненія циркуляра. Само собою разумѣется, что русскія пьесы публика совсѣмъ не смотрѣла, поэтому играли какъ попало, лишь бы сбыть, вымарывали и сокращали до безобразія. А затѣмъ додумались и до такого казуса: пишемъ, наприимѣръ, на афишѣ водевилъ одноактный «Не зная броду, не суйся въ воду», пьеса въ 5-ти перемѣнахъ и играемъ этотъ водевилъ, раздѣливъ на 5 актовъ, т.-е. проговоримъ нѣсколько фразъ и опускаемъ занавѣсъ, и т. д. до 5 разъ. Можно судить до чего это выходило курьезно, смѣшно, нелѣпо и глупо. Но, ничего не подѣлаешь,—циркуляръ!

Вотъ до какихъ циркуляровъ додумывались въ то время тамъ сидящіе и власть имѣющіе?... Теперь вспомнишь и дивишься?

Изъ Новочеркаска мы переѣхали въ Ростовъ на Дону и затѣмъ въ Воронежъ.

Въ Воронежѣ мы встрѣтили такой пріемъ, какой до сего не встрѣчали и въ городахъ чисто украинскихъ.

Къ тому же насъ чрезвычайно радушно приняло мѣстное общество. Для насъ устраивали вечера, пикники, катанья по рѣкѣ въ живописную загородную мѣстность «Шлюзь» и пр. Мы приобрѣли друзей въ лицѣ нашихъ земляковъ И. И. Чернушенко, Н. К. Миронова, Мокренскаго и др., въ домахъ которыхъ мы находили радушное гостепріимство.

Характерно и то, что на нашихъ спектакляхъ помимо горожанъ, бывала масса пріѣзжихъ изъ окрестныхъ сель крестьянъ-малороссовъ. Вѣдь большую половину Воронежской губерніи населяютъ малороссы, а имъ очень нравились спектакли на родномъ языкѣ.

Припоминаю такую сцену.

Въ театрѣ на репетицію является старушка.

— А де у васъ той, що всимъ диломъ керуе?—спрашиваетъ она одного изъ служащихъ.

Ей указали Старицкаго.

— Ого-го, який здоровый хохлюга!—удивилась она, увидѣвъ громадную фигуру Михаила Петровича.

— А чого тобі треба?

— Я до вашої милости... Прочула ото я видь нашихъ такі людей, тутечки на базари, що у васъ въ театри дуже хороше представляють, балакають, співають, та все по нашому, по нашому стародавньому... Цикаво и мени глянуты... Зробить ласку, наноче, подозвольте побачыты та послухаты.

— Визьмы квиточокъ въ касси, ось бачышь виконце, тамъ продає квитки лысый панокъ, а у вечери прыходь и побачышь.

— Такъ за квитокъ платыты треба?

— А якъ же

— А багато?

— 30 копійекъ, 40, а то 50, на яку цину збажаешъ.

— Такъ у мене грошей катъ-ма... Ось возьмить горнятко масличка... Масличко свіже, учора тильку збыла, на базаръ привезла..., а грошей не маю... Зять у мене, стало быть, вже зъ кацапны, тутешній расейскій, грошей не дає... Я ему вже казала, такъ вонъ каже: ето усё глупости усякіє тамъ цирки та балаганы,— а наши дуже хваляють... Не дасть грошей, не дасть, винь краще пропье, а не дасть... Визьмить, добродію, масличко и пустить мене зъ унукомъ... Я місця не засыжу, абы де небудь, хочь однимъ глазкомъ побачыты...

Старицкій далъ ей безплатную контрамарку на вечерній спектакль.

Играли пьесу «Глытай, абожъ павукъ».

Послѣ спектакля заходить старуха за кулисы.

— А покажить мени оту бидну Оленочку...

Еѣ проводили въ уборную къ М. К. Заньковецкой.

— Охъ ты-жъ моя, Оленочко, голубочко моя сызкрылая, ты-жъ моя сирота безталанна! Доконавъ тебе отой проклятый бузувирь! Зигналь зъ свиту билого Иродъ анаѣемскій!

Причитывала старуха, обнимая М. К. Заньковецкую и проливая обильныя слезы.

— Це вже мабуть я скоро умру, а передъ смертю мене Богъ сподобывъ побочыты таке чудо та диво... Охъ и якъ-же хороше, якъ хороше!... спасыби вамъ, голубчыки, спасыби риднесеньки!... Поиду на село, буду всимъ розказуваты... И все по-нашому, все по-нашому...

Причитывала старуха, уходя изъ театра.

Изъ Воронежа мы уѣхали въ Харьковъ, гдѣ послѣ мѣсячнаго перерыва, 30-го августа 1884 года, открыли зимній сезонъ въ

старомъ оперномъ театрѣ на Екатеринославской улицѣ, теперь уже не существующемъ.

Перерывъ сезона все-таки состоялся по настоянію нашихъ первачей, пожелавшихъ отдохнуть на «лаврахъ и карбованцяхъ». И въ этотъ перерывъ мнѣ пришлось съ большимъ товарищемъ Викторомъ Старовымъ порядкомъ поголодать.

Такъ и питались до начала сезона. Открывши сезонъ съ большой помпой, новой опереттой «Утоплена», передѣланной по разсказу Гоголя «Майская ночь» Старицкимъ, съ оригинальной музыкой Н. В. Лысенко, который пріѣзжалъ изъ Кіева и лично дирижировалъ и руководилъ постановкой своего произведенія.

На роль «панночки-русалки» была приглашена артистка М. К. Барилотти-Садовская, служившая до того на русской сценѣ. Въ той же опереттѣ дебютировала въ роли «Гали» Е. П. Боярская, впоследствии извѣстная малорусская драматическая артистка. «Левка» пѣлъ оперный артистъ Бородинъ. Къ пьесѣ много готовились, много издержали на постановку и декораціи и возлагали большія надежды. Оперетта прошла безукоризненно... въ «декоративномъ» отношеніи, но въ исполненіи вяло и неувѣренно и должнаго успѣха не имѣла, слѣдовательно и не оправдала возлагавшихся на нее надежды. Н. В. Лысенко остался недоволенъ исполненіемъ и по отъѣздѣ прислалъ письмо, въ которомъ разгромилъ всѣхъ въ отдѣльности исполнителей, досталось даже «батьку» Кропивницкому.

Другую половину этого зимняго сезона мы закончили опять въ Одессѣ съ меньшимъ, какъ и въ прошломъ году, успѣхомъ.

Большіе сборы давала пьеса «Глытай, абожъ павукъ», соч. М. Л. Кропивницкаго.

Это—одно изъ лучшихъ произведеній М. Л. Кропивницкаго и не только въ Одессѣ, но и въ другихъ городахъ пользовалась успѣхомъ. М. К. Заньковецкая захватывающе играла «Олену», а самъ авторъ М. Л. былъ неподобенъ въ роли «паука-міроѣда».

Онъ давалъ до отвращенія гадливый типъ стараго хищника-сластолюбца, отъ котораго «землею смердыть» и который убѣжденъ, что за деньги купить весь свѣтъ. Онъ, словно паукъ паутиной, опутываетъ несчастный, темный деревенскій людъ и пьетъ изъ него соки, разоряя и пуская по-міру обглоданныя жертвы.

Однажды въ Ростовѣ на Дону въ той сценѣ послѣдняго акта, гдѣ всегда происходили истерики и обмороки, какой-то господинъ изъ креселъ перваго ряда до того забылся и увлекся, что вскочилъ съ мѣста и, потрясая въ воздухѣ тростью, на весь театръ закричалъ:

— Бей, его мерзавца!! Бей!!

Затѣмъ опомнился, сконфузился и въ смущеніи, утирая платкомъ слезы, убѣжалъ изъ театра.

Кажется, черезъ годъ послѣ этого пьесу «Глытай», а также другую хорошую пьесу Марка Лукича, «Доки сонце зійде,—роса очы выисть», цензура запретила къ постановкѣ и цѣлыхъ десять лѣтъ держала подъ запретомъ. Разрѣшили затѣмъ вновь къ представленію по особому ходатайству и протекціи какого-то высокопоставленнаго лица, но въ искаженномъ, противъ прежняго, видѣ.

Первыя пьесы М. Л. Кропивницкаго: «Дай сердцю волю, заведе у неволю», «Глытай», «Доки сонце зійде,—роса очы выисть», «По ревызії»,—это лучшія произведенія украинской драматической литературы того времени. Написаны талантливо, сценично и съ большимъ знаніемъ народной жизни и ея этнографическихъ и бытовыхъ сторонъ. Позднѣйшія же его вещи несравненно слабѣе, а нѣкоторыя не выдерживаютъ даже самой снисходительной критики.

Я уже говорилъ, что для русскихъ водевилей, постановка которыхъ при малорусскихъ пьесахъ была обязательна, служили у насъ русскіе актеры Журинъ и Яблочкина, въ Одессѣ же образовалась цѣлая труппа.

Сообща мы поставили нѣсколько русскихъ пьесъ: «Ревизоръ», «Лѣсъ», «Обрывъ» и др. Въ «Ревизорѣ» городничаго игралъ М. Л. Кропивницкій. По его адресу, во время монолога, помню кто-то изъ публики крикнулъ:

— Кропывныцькій, що ты робишь? А де твоя люлька?

Вѣроятно, намекая на то, что онъ взялся не за свое дѣло.

Сборовъ русскіе спектакли не давали, а труппа съ такими силами стоила дорого, получался чистый убытокъ. Къ тому же нашихъ актеровъ, участвовавшихъ въ русскихъ спектакляхъ, здорово поругивали газеты за произношеніе и акцентъ. Оно и понятно—намъ трудно давалась чисто русская рѣчь послѣ украинской, и происходили вѣчныя оговорки въ родѣ: «графѣвъ и князѣвъ», «тамъ въ шкафѣ», или «проковтнувъ сотню устриць».

Кстати выскажу кое-что о тогдашнихъ отношеніяхъ къ намъ, украинцамъ, русскихъ актеровъ.

Повсемѣстный тогдашній успѣхъ нашихъ спектаклей въ Россіи породилъ, конечно, у русскихъ актеровъ зависть къ намъ, а съ ней и злобу. Публика ломилась къ намъ, мы подрывали сборы русскихъ театровъ и конкурировать съ нами было тяжело. Уже тогда много русскихъ актеровъ, какіе мало-мальски владѣли украинской рѣчью, устремились на нашу сцену, какъ теперь замѣчается обратное движеніе. Впрочемъ, объ этомъ я поговорю

дальше, а теперь коснусь лишь отношеній къ намъ русскихъ актеровъ, какъ служителямъ вновь народившагося національнаго театра.

И на сценѣ, и въ жизни великороссы относились къ намъ надменно и свысока, насмѣхались, старались язвить, пускали колкости, остроты, называя нашъ театръ балаганомъ, а актеровъ скверными любителями. Отрицали пользу нашего театра даже какъ чисто народнаго для нашей же украинской народности. Словомъ, всегда давали намъ чувствовать свое превосходство. Превосходства, конечно, нельзя было не признавать, ибо какъ русскій театръ, такъ и литература развивались и крѣпли вѣками, а наша литература и театръ находились долго подъ гнетомъ запрета и только теперь возрождались и возрождались опять-таки при ужасныхъ цензурныхъ и циркулярныхъ условіяхъ. Вѣдь періодической прессы нашей тогда не существовало, а чтобы издать книжку на «малорусскомъ нарѣчій», надо было проходить цѣлыя мытарства. Отрицать же право существованія нашего театра—это значить отрицать такое же право и другихъ славянскихъ народностей. Споры и размолвки наши нерѣдко кончались даже скандалами.

Когда Старицкій пригласилъ русскую труппу, между нами произошелъ одинъ инцидентъ, ярко характеризующій эти отношенія.

Насъ, вторыхъ актеровъ, заставляли участвовать въ русскихъ спектакляхъ, и намъ-то приходилось чаще другихъ выслушивать вышучиванья, насмѣшки и даже обиды.

Для утреннихъ дѣтскихъ спектаклей репетировали какую-то белиберду, феерію «Багдадскіе пирожники». Все время то Дмитріевъ, то Журинъ, то другіе острили надъ нашимъ акцентомъ и вышучивали малороссовъ. Какого-то стража игралъ товарищъ Ярошенко, у него по мановенію волшебника вырастаетъ ослиная голова и онъ говоритъ:

— Что это? Неужели я превратился въ осла?

Суфлеръ, къ слову сказать, и самъ малороссъ, но изъ этихъ жалкихъ «перевертней», какъ у насъ принято такихъ называть, подаетъ:

— Неужели я превратился въ малоросса?

Такая острота вызвала дружный смѣхъ русскихъ актеровъ. Меня это взорвало и вывело изъ себя, я сказалъ остряку дерзость, товарищи поддержали, вмѣшались другіе, и произошелъ крупный скандалъ, въ которомъ русскимъ актерамъ не поздоровилось. Какъ потомъ въ газетѣ писали, «произошла битва славныхъ за-порожцевъ съ русскими опричниками».

Само собою, такія виходки были верхомъ неделикатности со стороны русскихъ актеровъ. Служить въ малорусскомъ дѣлѣ при убыточности русскихъ спектаклей и въ глаза издѣваться, по меньшей мѣрѣ, неделикатно.

Русскіе актеры и теперь недолюбливаютъ насъ и считаютъ какими-то отщепенцами искусства. По крайней мѣрѣ, я рѣдко встрѣчалъ доброжелателей между ними, хотя случалось служить вмѣстѣ въ русскихъ труппахъ.

Театральное общество, членами котораго состоятъ многіе малорусскіе актеры и цѣль котораго вообще объединеніе сценическихъ дѣятелей въ Россіи, совсѣмъ сторонится малорусскаго дѣла и ни въ какія сдѣлки по спросу и предложенію актерскаго труда не вступаетъ. Очень рѣдко посредничало только между предпринимателями по снятію театровъ, да и то въ исключительныхъ случаяхъ, по желанію постоянныхъ кліентовъ общества.

Я самый старый и неизмѣнный членъ этого общества, состою членомъ не только съ основанія его, но и членъ б. «Общества вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ», функціи котораго перешли къ Театральному обществу, и когда, однажды, мнѣ понадобилось снять театръ для малорусской труппы черезъ Московское Бюро, то завѣдывавшій бюро, покойный И. О. Пальминъ, сказалъ:

— Мы вообще дѣлъ малороссовъ не ведемъ, я вамъ дамъ адресъ, а вы списывайтесь сами.

Разъ, впрочемъ, былъ вызванъ въ Москву и заключилъ договоръ черезъ Бюро съ покойнымъ антрепренеромъ Н. М. Бориславскимъ по снятію у него пензенскаго театра, но, вѣроятно, потому, что это было желаніе самого Бориславскаго, отказать которому, какъ русскому антрепренеру, Бюро было неудобно.

К. И. Ванченко.

(Окончаніе слѣдуетъ.).

Изъ переписки декабристовъ ¹⁾.

IV. Бар. А. Е. и А. В. Розень—И. В. Малиновскому.

Въ данной книгѣ мы помѣщаемъ 16 писемъ Анны Васильевны Розень къ ея брату Ивану Васильевичу Малиновскому и 6 писемъ къ нему же бар. Андрея Евгеніевича Розена. Въ періодъ (1831—1839 г.), къ которому относятся письма Розень изъ ссылки, Малиновскій жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи Каменкѣ, Изюмского у., Харьковской губ., посвящая свое время занятіямъ по хозяйству и службѣ по дворянскимъ выборамъ. Хорошій хозяинъ, М. не забывалъ и своихъ крестьянъ, заботы о нихъ проскальзываютъ и въ приводимыхъ письмахъ. Въ 1831 г. М. потратилъ много энергіи въ борьбѣ съ голодомъ и холерой въ Изюмскомъ уѣздѣ. Съ упоминанія объ этомъ и начинаются письма его сестры, отправившейся 17 іюня 1830 г. за мужемъ въ Сибирь и поселившейся вмѣстѣ съ Нарышкиной, Трубецкой и ФонъВизинъ въ тюремномъ казематѣ при Петровскомъ заводѣ, куда были переведены декабристы изъ Читы²⁾.

С. М.

ПЕТРОВСКОЕ, 29 января 1831 г., (по-французки).

Любезный братъ, мы только что получили твое письмо отъ 22 ноября и 100 рублей.

Первая твоя строчка, начинающаяся словами «благополучно», произвела на насъ пріятное впечатлѣніе, такъ какъ мы предположили, что все обстоитъ хорошо какъ среди окружающихъ тебя, такъ и въ твоемъ сердцѣ, но послѣдующія строки разрушили эту иллюзію; прочитавъ все письмо, мы увидали, какъ ты страдаешь.

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 3, 4, и 6.

²⁾ Подробности о лицахъ, упоминаемыхъ въ перепискѣ, можно найти въ запискахъ А. Е. Розена («Записки декабриста», Спб. 1907 г.), а также въ книгахъ: Д. Ѳ. Кобеко «Императорскій Царскосельскій лицей»; Н. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина по Императорскому царскосельскому лицей», т. I (харак. Волховскаго), т. III (Малиновскіе и Пушкинъ).

Голодь гораздо важнѣе и хуже холеры, послѣдняя оставляетъ хоть надежду на выздоровленіе, первое же — никакой; тебя теребять, любезный братъ, со всѣхъ сторонъ и ты далеку отъ того, чтобы вкусить что нибудь отъ сладости жизни. Такъ какъ ты привязанъ къ сестрѣ, то хоть изъ Петровскаго получишь утѣшеніе, что я счастлива и здорова; о здоровьѣ тебѣ трудно повѣрить, видя меня погибающею, но это однако чистая правда. Богъ не покинетъ насъ, онъ позаботится о твоей Анѣ, о нашихъ родныхъ и о всѣхъ. Пролетѣвшую почту мы очень обрадовались, получивъ два письма отъ Андрея ¹⁾ очень мило написанныя, въ которыхъ онъ старается насъ успокоить относительно своего разстроеннаго здоровья, а между тѣмъ его положеніе — это одно мученіе, и всѣ кто окружаетъ и видитъ его — впадаютъ въ отчаяніе. Онъ счастливъ только съ Аней, какъ намъ пишутъ, которую любить и забавляетъ. Намъ только и повторяютъ, что Аня единственное утѣшеніе тети ²⁾ и Маши ³⁾ и, судя по письмамъ чужихъ и близкихъ, этотъ ребенокъ является дѣйствительно ихъ утѣшеніемъ, благодаря своимъ способностямъ и развитости не по годамъ, надо быть отцомъ или матерью, чтобы понять счастье, которое даетъ этотъ маленькій ангелъ.

Передайте отъ меня поклонъ всѣмъ, кто меня помнитъ, не забудьте священника, его жену и крестьянъ. Евдокимъ и Масловъ служатъ хорошо, и я радуюсь, что ихъ семьи здоровы. Мы ждемъ ихъ писемъ, которыя, я надѣюсь, вы сейчасъ же намъ перешлете. Розенъ тебя цѣлуетъ и шлетъ пожеланіе, чтобы послѣ столькихъ мученій ты получилъ бы хоть немного пріятнаго отдыха.

Да сохранить тебя Богъ и да поможетъ творить добро.

Твоя А. Розенъ.

Когда у тебя будетъ время, пришли намъ сухихъ вишенъ и сливъ изъ Каменки, намъ доставитъ радость имѣть что нибудь здѣсь въ Сибири изъ вашего хозяйства. Я угостила Розена кашей, сваренной изъ пшена изъ Каменки, котораго я привезла ему небольшой мѣшочекъ.

ПЕТРОВСКОЕ, 19-го Апрѣля 1831 г.

Христось Воскресе!

Обнимая тебя мысленно, любезный братъ, желаемъ тебѣ всего того, чего желаютъ въ сей великій день добрые послѣдователи

¹⁾ А. В. Малиновскаго.

²⁾ Анна Андреевна Самборская, сестра жены Малиновскаго—отца, старшая дочь извѣстнаго законоучителя Александра I.

³⁾ М. В. Малиновская, впослѣдствіи Вольховская.

Спасителя. Ты вѣрно вспомнишь, что въ сей же день воскресли наши радости, наше счастье, которое могу сказать отъ всей души несравненно умножилось въ сравненіи шести лѣтъ тому назадъ и съ благословеніемъ Божиимъ и продлится такъ до конца дней нашихъ, мы уповаемъ.

Радуюсь за добрыхъ жителей Каменки. Розенъ помнитъ, какъ ты, иногда даже не посовѣтовавшись съ кошелькомъ своимъ, умѣлъ веселить (.) роты, вѣрно и въ Каменкѣ каждый забудетъ въ праздники голодь и моръ. Я рассказывала другу, какъ мы прошлаго года разгавливались и какъ ты со всѣми добрыми людьми христосовался и, наконецъ, какъ пили чай съ столѣтнимъ старикомъ нашимъ, который намъ много рассказывалъ про старину, и какъ Энни ¹⁾ на него глядѣлъ. Пиши мнѣ, живъ ли онъ. И скажи ему, что помню его. Мнѣ кажется, воспоминаніе это неизгладимо въ душѣ моей. И теперь воображаю тебя окруженнымъ сими людьми и, признаюсь, одному можно тебѣ позавидовать, или лучше сказать радоваться тому, что ты можешь дѣлать столько добра и благодѣяній.

Въ великую пятницу получили мы твое письмо отъ 21 февраля и 100 руб. въ девятый разъ. Образъ, давно обѣщанный и который вмѣстѣ съ прочими на полочкѣ, и нужно ли сказать, принять съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и присланъ. Ты предупредилъ мое желаніе, приславъ цвѣты съ могилы незабвенной, добродѣтельной сестры, хотѣлось бы мнѣ имѣть первый весенній оттуда же. Живы ли три дуба, что сажала тамъ съ Энни прошедшую весну?

Строки твои послѣднія обрадовали насъ въ особенности по тремъ отношеніямъ: что ты наконецъ повѣрилъ нашему душевному спокойствію и счастью, что кончится твоя должность предводителя, и что ты обѣщаешь быть болѣе домашнимъ, когда пріѣдетъ тетя въ Каменку. Послѣдняя статья есть самая важная; ты самъ знаешь, сколько для тети необходимы всѣ возможныя устраненія горестей и безпокойствъ, которыми она столько уже обременена въ ея лѣта и при ея слабомъ здоровіи! Мы просимъ тебя слѣдовать только внушеніямъ твоего сердца, и тогда ты доставишь ей всевозможное утѣшеніе отъ себя и отъ насъ, лишенныхъ сей отрады въ отдаленіи. — Не считаемъ нужнымъ препоручить тебѣ нашего Энни, онъ самъ и жребій разлученныхъ родителей всего краснорѣчивѣе говорятъ въ пользу его. Не умѣю сказать ничего особенно о Машѣ — Ангелъ-Хранителъ Энни, ибо чувства къ

¹⁾ Старшій сынъ Розенъ, взятый на воспитаніе М. В. Малиновской, жившей съ теткой своей, А. А. Самборской, въ Ревелѣ.

обѣимъ нераздѣльны. Евдокимъ и Настя¹⁾ служатъ хорошо, первый радуется здоровьемъ своихъ родныхъ, вторая замужеству сестры и благодарить за полотенце... Скажи роднымъ ихъ, что они здоровы и ждутъ писемъ. — Изъ Петербурга и Ревеля получили мы много писемъ. Всѣ слава Богу здоровы, кромѣ Андрюши. Изъ Дрездена также отъ Лизы Г.²⁾ получила пріятнѣйшее письмо. — Знакомые твои тебѣ кланяются и мы желаемъ отъ души тебѣ успѣха во всемъ хорошемъ, въ семъ числѣ и въ женитбѣ³⁾, о которой ты упоминаешь, будь счастливъ, какъ мы, есть лучшее желаніе сестры твоей А. Розенъ...

ПЕТРОВСКІЙ ЗАВОДЪ, 2-го іюля 1831 г.

Письмо твое, любезный братъ, писаное въ свѣтлый праздникъ воскресенія Спасителя, получили мы въ день твоего рожденія — по возвращеніи моемъ изъ церкви отъ всенощной службы. Тебѣ предоставляемъ судить о пріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на наши чувства твоимъ благороднымъ поступкомъ. Не удивляемся тому, въ противномъ случаѣ надлежало бы сомнѣваться во всякой добродѣтели, но не менѣе того были сильно растроганы. Ты отказался отъ заслуженныхъ наградъ, чтобы доставить облегченіе ссыльнымъ — брату и сестрѣ. Благодаримъ тебя отъ всей души, не можемъ не принять твоего предложенія, но прежде, нежели изложу, въ чемъ состоитъ наше желаніе, должна тебѣ сказать мнѣніе Розена. Онъ не можетъ пенять на тебя, увѣренъ также, что если исполнить твою просьбу, то примешь эту за высшую награду и самую сладостную для тебя: но съ другой стороны думаетъ, что обыкновенная, слѣдующая тебѣ награда, могла бы распространить твой кругъ дѣйствій; по чину и отличнымъ заслугамъ въ губерніи, могъ бы надѣяться быть со временемъ губернаторомъ, и тогда оказать пользу и добро большому числу людей; между тѣмъ, какъ въ случаѣ неудачи твоей просьбы относительно насъ, твоя цѣль не будетъ достигнута. Впрочемъ не будемъ унывать, ты уже наградишь себя самого безкорыстнымъ и добродѣтельнымъ поступкомъ.

Вотъ тебѣ, любезный братъ, отвѣтъ на твой вопросъ въ нѣсколькихъ словахъ: срокъ нашего поселенія наступитъ съ 10-мъ днемъ іюня въ 1832 году, слѣдовательно черезъ годъ. Проси, чтобъ намъ отдали нашего Энни, котораго обязываемся возвра-

¹⁾ Живя вмѣстѣ съ мужемъ въ Петровской тюрьмѣ, А. В. Розенъ имѣла квартиру, гдѣ велось небольшое хозяйство и готовился обѣдъ для заключенныхъ.

²⁾ Головина?

³⁾ И. В. Малиновскій женился на сестрѣ декабристовъ Пущиныхъ, Маріи Ивановѣ.

тить родственникамъ на 15-мъ году его возраста, для окончательнаго воспитанія на службу отечества по той части, для которой у него окажутся способности и охота. Касательно предварительнаго воспитанія чувствуемъ въ себѣ достаточныя силы съ помощью Божіей. Корень всякаго воспитанія есть чистѣйшая нравственность, и кому передать ее сыну, какъ не родителямъ, полагающимъ въ томъ единственную цѣль своей жизни, и имѣющимъ на то привольное время. — Если просьба твоя увѣнчана будетъ успѣхомъ, то самъ привези его къ намъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ все наше желаніе. — Относительно какихъ-либо жизненныхъ неудобностей на поселеніи не должно и беспокоиться, ибо жить нѣсколькими градусами сѣвернѣе или южнѣе не есть большая разница для людей, не поставляющихъ своего блаженства въ однихъ только чувственныхъ наслажденіяхъ, и сверхъ того я увѣрена, что поселятъ насъ въ такія мѣста, гдѣ люди не умираютъ отъ холода и голода ¹⁾).

Мы весьма довольны, что тетя сообщаетъ тебѣ мои письма, ты теперь знаешь подробности нашего житья-бытья, которое однообразно и также постоянно, какъ наше благополучіе и здоровіе.

Равномѣрно утѣшены и тѣмъ, что весна въ вашихъ странахъ обѣщаетъ обильную жатву, и будетъ всѣмъ легче отъ бѣднаго до богатаго.

И. И. Пущинъ и Мих. Ф. Митковъ кланяются тебѣ и часто вспоминаютъ. Рѣпинъ отправился по сроку въ этомъ мѣсяцѣ на поселеніе. Обнимая тебя, желаемъ всевозможныхъ радостей и утѣшенія.

Твоя сестра А. Розенъ.

ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОДЪ, 3-го іюня 1831 г.

Въ продолженіе шести недѣль, бывъ лишены удовольствія читать твои письма, любезный братъ, были мы обрадованы на послѣдней почтѣ хорошими отъ тебя извѣстіями. Хотя твои заботы прибавляются, но пріятно видѣть довѣренность, которою ты пользуешься, ибо человека недѣятельнаго и недоброхотствующаго не стали бы назначать въ предсѣдатели комиссій по разнымъ дѣламъ. Трудись бодро и пожнешь самодовольствіе — лучшую награду и необходимое условіе для счастья.

Не можемъ тебѣ изъяснить, сколько были тронуты твоимъ сообщеніемъ о Андрюшѣ; мы имѣли отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что снова онѣмѣлъ, не вѣдавъ тому причины; а по

¹⁾ Родственники Розена ходатайствовали о поселеніи ихъ, по окончаніи тюремнаго срока, въ Курганъ, Тобольской губ.

послѣднимъ извѣстіямъ отъ Тети и Маши пишутъ, что говоритъ, читаетъ вслухъ и даже проводилъ А. И. Пущина домой. Это насъ утѣшаетъ и подаетъ надежду.

Мы, слава Богу, постоянно здоровы и довольны, занятія наши все прежнія, съ тѣми только измѣненіями, что чаще дышимъ теплымъ и благоуханнымъ воздухомъ, и прилежно занимаемся огородомъ; относительно послѣдняго занятія ты, быть можетъ, вспомнишь четверостишіе Вольтера, переложенное Копьевымъ, и которое написано у него на воротахъ, ведущихъ на его дачу; тамъ сказано, что именно даровано юношамъ и старцамъ и къ чему они стремятся, а мудрому велѣно садить свою капусту. (Ты вѣрно это помнишь?) Не хочу этимъ сказать, что мы мудры, но что желаемъ быть таковыми.

Благодарю за присылку 100 руб. денегъ въ десятый разъ; слѣдовательно тебѣ отдыхъ на два мѣсяца, и будешь посылать опять съ 21-го мая.

Розенъ поздравляетъ тебя съ новымъ родомъ поста, похожаго на старовѣрскаго, и удивляется, какъ ты можешь быть безъ трубки семь недѣль, когда бывало не выпускалъ ея изъ рота, и сравнивалъ твое куренье съ трубою Бертова завода. Впрочемъ это хорошо для здоровья, и послѣ лишенія увеличится наслажденіе.

Еще сверхъ всѣхъ твоихъ хлопотъ даемъ тебѣ также препорученіе, которое тебя однако не обременитъ, — а именно, воспользуйся первымъ случаемъ, чтобы продать нашу желтую коляску; она совершенно бесполезна, и сверхъ того не надежна для дальней дороги, хотя и работы Вебера. Можетъ быть помѣщикъ или женихъ какой купить ее; можешь дешево продать, ибо время испортить ее, а намъ деньги нужны.

Прости, будь здоровъ и доволенъ, сколько возможно.

Всѣмъ добрымъ людямъ и помнящимъ меня кланяйся.

Твоя сестра А. Розенъ.

ПЕТРОВСКІЙ ЗАВОДЪ, 6 августа 1831 г.

Послѣдняя почта обрадовала насъ твоимъ письмомъ отъ 30 мая, и ты можешь себѣ представить, любезный братъ, какъ мы довольны извѣстіемъ, что ты здоровъ. Твое здоровье необходимо для всего семейства, какъ ты самъ знаешь. Пашпорты получены по принадлежности.

По двумъ моимъ предшествовавшимъ письмамъ ты увидишь, что отгадалъ наше желаніе относительно коляски, и выгодная продажа превзошла наше ожиданіе. Розенъ думаетъ, что ты прибавилъ изъ экономическихъ денегъ, но я разувѣрила его, ибо

увѣрена, что кошелекъ Каменскій пусть послѣ мора и голода. Ты хорошо сдѣлаешь, если вдругъ пришлешь намъ эту сумму, а проценты отправишь попрежнему. Слѣдуетъ начать присылку съ 25 іюня, ибо полученные нами послѣдніе сто рублей за истекшіе десять мѣсяцевъ были отправлены 25-го марта.

Умѣемъ вполне цѣнить твои безпокойства и участіе о насъ, ты непрестанно всячески думаешь о нашемъ поселеніи, имѣя безъ того много хлопотъ. Мы живемъ такъ спокойно и такъ мирно, что и не считаемъ мѣсяцевъ къ приближенію нашего срока. О всей Сибири знаемъ мы только одну почтовую дорогу, прочія мѣста намъ извѣстны по картѣ и по слухамъ, и трудно избрать; еще труднѣе полагаться на исполненіе нашихъ желаній, которыя, конечно, заключаются въ томъ, чтобы жить поближе къ роднымъ и подалѣе отъ десяти-мѣсячныхъ морозовъ. Впрочемъ повторяю тебѣ еще, не безпокойся о насъ, чувства и правила истиннаго человѣчества не исчезли и исчезать не могутъ, и по симъ-то чувствамъ и правиламъ имѣемъ право ожидать, что насъ поселятъ въ удобное мѣсто изъ многихъ удобныхъ мѣстъ въ пространной Сибири.

Изъ Петербурга имѣемъ письма съ каждою почтою. Энни и всѣ наши здоровы. Но къ несчастію холера коснулась и многолюдной столицы; бѣдствіе общее, будетъ и помощь общая. — Просимъ, любезный братъ, крѣпись и не унывай. Евдокимъ и Настя здоровы, они оба служатъ хорошо. Мы тебя обнимаемъ и просимъ тебя успокоиться насчетъ насъ. Богъ насъ видимо хранить. Здоровіе мое совершенно, о здоровіи Розена и говорить нечего, онъ всегда здоровъ и спокоенъ. — Кланяйся отъ меня всѣмъ, помнящимъ меня... Поклонъ отъ меня всѣмъ добрымъ крестьянамъ, я увѣрена, что ты напоминаешь имъ о отдаленной сестрѣ, а молитва добрыхъ людей этихъ для меня всегда дорога.

А. Розенъ.

Я препоручила Энни поздравить тебя съ именинницею.

ПЕТРОВСКІЙ ЗАВОДЪ, 18 августа 1831 г.

Вчера имѣли удовольствіе получить твое письмо отъ 12 іюня, любезный братъ, съ приложенными 100 рублями. Первыя строки обрадовали насъ, и мы готовы тебя поздравить, если ты насъ не мистифируешь. Посмотримъ, что скажетъ слѣдующее твое письмо (которое надѣюсь не будетъ слишкомъ отсрочено), кто эта brune? По твоему строгому и искательному вкусу должно полагать, что она въ своемъ родѣ единственная. Мы еще много что сказали бы тебѣ, еслибы ты писалъ откровеннѣе; теперь предоставляемъ это

удовольствіе на другое время. Во всякомъ случаѣ, если дѣло твое рѣшено, то обними свою félicité отъ имени брата и сестры.

Радуюсь, что ты наконецъ повѣрилъ моему счастью, это лучшее доказательство твоихъ прежнихъ неизмѣнныхъ добрыхъ ко мнѣ чувствъ; по словамъ Вѣры и Надежды я вспомнила акrostихъ, тобою писанный до моего замужества; — Розенъ смѣется на твою игру словъ — фамиліи и цвѣтка — и весьма доволенъ, что розы съ шипами, ибо именно въ шипахъ находитъ онъ важное достоинство цвѣтка во многихъ отношеніяхъ: шипы заставляютъ быть осторожными и бережными при сорваніи цвѣтка, и доволенъ тотъ, кто сорвалъ его, не уколовъ себя; а иной и не покусится на это также по причинѣ шиповъ. Розенъ не сердится нисколько на то, что онъ съ шипами по словамъ твоимъ; и я съ тобою спорить не хочу, а скажу просто, что я совершенно счастлива, какъ только можно того желать, и поэтому выходить, что и шипы необходимы для совершеннаго благополучія.

Однако и я заговорила аллегоріями и не сказала еще тебѣ, что письмо твое разоблачило впечатлѣніе, полученное отъ извѣстія объ ужасной холерѣ въ Петербургѣ — слава Богу, что Тетя, Маша и Энни въ Бѣлозеркѣ. Воображаемъ себѣ, какъ ты смутился, и видимъ, что твое предчувствіе въ предпоследнемъ письмѣ сбылось: ибо ты опасался новыхъ горестей; но утѣшься и мужайся, мы уфрены, что Богъ устроитъ все во благо.

Мы живемъ постарому, счастливо и спокойно, и все на прежнемъ мѣстѣ и удивляемся твоему вопросу: «гдѣ мы?» Уже прошло пять недѣль съ того времени, какъ уѣхали Рѣпинъ и Кюхельбекеръ. Не знаемъ, гдѣ поселенъ старый твой сослуживецъ, но надѣмся получить отъ него письмо и тогда увѣдомимъ. Прости, добрый братъ, будь спокоенъ и счастливъ, сколько тебѣ того желаетъ твоя сестра *А. Розенъ*.

Евдокимъ и Настя здоровы и служатъ хорошо. Кланяйся отъ меня всѣмъ добрымъ людямъ.

ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОДЪ, 16 сентября 1831 г.

Письмо твое, любезный братъ, отъ 2-го іюля получили мы на третій день рожденія второго сына нашего Кондратія ¹⁾, которымъ Богъ насъ благословилъ въ день ангела усовершенствовавшейся сестры нашей Лизы. Тебѣ трудно представить себѣ наше благополучіе, вдобавокъ ко всему скажу тебѣ, что я и малютка, благодареніе Богу, совершенно здоровы и я сама кормлю. Мальчикъ славный,

¹⁾ Декабристъ кн. А. И. Одоевскій привѣтствовалъ рожденіе новаго сына Розенъ стихотвореніемъ «Колыбельная пѣснь».

похожъ на Энни, только волосы у него темные, вотъ уже 12-й день, какъ онъ на свѣтѣ и необыкновенно живой и сильный; остается только желать, чтобы онъ преуспѣвалъ во всемъ.

По послѣднему письму отъ Тети, собирается она скоро въ путь въ Каменку, дай Богъ, чтобъ не было болѣе препятствій и Маша, и Энни также желаютъ быть скорѣе тамъ. Желаю, чтобы они тамъ обрѣли спокойствіе и радости, ты можешь имъ приготовить и то, и другое. Въ предыдущемъ письмѣ нашемъ поздравляли мы тебя съ зарею новой жизни, но не зная твоей прекрасной Надежды, потому и остаемся въ пріятномъ ожиданіи.

Пишу тебѣ наскоро, ибо Атій ¹⁾ нашъ безпрестанно меня призываетъ, хотя Розенъ и смѣняетъ меня и нянчить его хорошо ²⁾.

Прости, любезный братъ, будь счастливъ, сколь того отъ души тебѣ желаемъ. Кланяйся всѣмъ добрымъ людямъ и благодари всѣхъ, помнящихъ насъ.

Господь да сохранить всѣхъ васъ и устроить все во благо—есть искренняя молитва преданной сестры.

А. Розенъ.

ПЕТРОВСКІЙ ЗАВОДЪ, 15 октября 1831 г.

Съ послѣднею почтою получили мы твое письмо, любезный братъ, отъ 1-го августа и 200 рублей денегъ. Извѣстіе о вновь явившейся холерѣ было намъ весьма непріятно; ты опять въ хлопотахъ, люди страдаютъ, всѣ вы въ опасности — и это новая помѣха Тетѣ пріѣхать въ Каменку, и какъ она, Маша и Энни сего желали... Мы радовались, воображая, какъ они всѣ будутъ довольны, какъ ты ихъ успокоишь, утѣшишь, теперь все это разстроилось, и даже тебѣ некогда думать о твоей félicité. Намъ остается желать, чтобы все опять прояснило у васъ, и лучи радости вашихъ придадутъ теплоту лучамъ нашего отдаленнаго солнца.

Мы живемъ попрежнему, да еще припѣваячи, потому что утромъ и вечеромъ поемъ Атью пѣсни, которыя онъ очень охотно слушаетъ. У насъ уже морозы, но въ комнатахъ, слава Богу, тепло, и Атій растетъ и здоровъ, приговариваетъ гу, гу и агу. Ты бы порадовался, глядя на него, онъ такой крѣпкій и живой ребенокъ, и теперь у папы на рукахъ забавляется.

Отъ Андриюши мы тоже получили письмо изъ Алушты, кажется, что онъ выздоравливаетъ, слава Богу, что спокоенъ и не скучаетъ.

Евдокимъ и Настя очень рады письмамъ родныхъ своихъ,

¹⁾ т.-е. Кондратій.

²⁾ При рожденіи сына Розенъ должна была переѣхать на квартиру, и мужу было дано только разрѣшеніе посѣщать ее два раза въ недѣлю.

И. В. Малиновскій.
(Съ фот. 1871 г.).
Изъ собранія И. П. Малиновскаго.

и при семь прилагаю отъ нихъ отвѣтъ на оныя, они здоровы и служатъ добропорядочно. Мы тебя просимъ дать изъ числа нашихъ процентовъ родителямъ Евдокима и Насти по 5 рублей, и дѣлаемъ это охотно потому, что видимъ ихъ привязанность къ роднымъ.

Прости, любезный братъ, будь здоровъ, Господь тебѣ да будетъ въ помощь противу холеры, и потомъ вдвое будешь наслаждаться предстоящимъ тебѣ благополучіемъ.

Твоя сестра *А. Розенъ*.

Кланяйся отъ меня всѣмъ добрымъ людямъ.

27 ноября 1831 г.

Спасибо Жанкѣ ¹⁾ за полученные 200 рублей и за то, что ты утѣшаешь нашего Энни; слова его: мнѣ скучно безъ Жанки — доказываютъ его любовь къ тебѣ. Совѣтуемъ тебѣ не беспокоиться о музыкантахъ, и пришли намъ остальные деньги за коляску, какъ можешь, но такимъ образомъ, чтобы мы получили оныя до нашего отъѣзда на поселеніе.

Еще должна я тебѣ извѣстить о горестной кончинѣ стараго твоего сослуживца Николая Петровича Рѣпина. 11-го іюня онъ уѣхалъ отъ насъ на поселеніе въ полномъ здоровіи и съ надеждами на мирную и спокойную жизнь, и черезъ три мѣсяца послѣ того узнали мы, что онъ умеръ отъ собственной своей неосторожности, не погасивъ свѣчи, когда легъ спать. Хозяйка дома, услышавъ запахъ дыма, пошла къ его комнатѣ и, отворивъ двери къ нему, была встрѣчена пламенемъ, а Рѣпинъ, задушенный дымомъ среди крѣпкаго сна, могъ дойти только до дверей, гдѣ былъ найденъ безъ жизни. — Миръ его душѣ доброй и честной. — Воображаю себѣ горестъ несчастной сестры его, Анны Петровны, и если она еще не увѣдомлена о томъ, то не худо писать тебѣ къ ея дядѣ Фед. Ив. Миллеру, онъ ее приготовить, — иначе можетъ она внезапно получить обратно спасенныя его вещи, и это можетъ имѣть худыя послѣдствія для осиротѣвшаго семейства.

Такъ пути Господни неисповѣдимы; изъ числа всѣхъ товарищей Розена, прибывшихъ съ нимъ въ Читу, не умеръ ни одинъ въ заключеніи, и это точно удивительно, ибо, по принятому расчету относительно смертности, слѣдовало бы умирать ежегодно по два человѣка изъ 75. — Прости, будь здоровъ и благополученъ, твоя сестра *А. Розенъ*.

Пиши мнѣ объ Аннѣ Петровнѣ Юнкеръ, какъ она перенесла горестную потерю брата ²⁾.

¹⁾ т.-е. И. В. Малиновскому.

²⁾ т.-е. Н. П. Рѣпина.

ПЕТРОВСКІЙ ЗАВОДЪ, 8 января 1832 г.

Съ удовольствіемъ получили мы твое пространное письмо на осьми страницахъ, любезный братъ, въ коихъ каждая строчка обнаруживаетъ твое доброе сердце и твои добрыя намѣренія относительно дѣлъ семейственныхъ и общепользныхъ. Трудно успѣвать во всемъ, и вѣрное малое добро лучше большого невѣрнаго, почему полагаемъ, что тебѣ лучше будетъ продолжать въ Каменкѣ свои хозяйственныя занятія; къ тому ты не можешь жаловаться на недовѣренность, и сдѣланныя тобою улучшенія ручаются также за умѣніе.

Особенное спасибо отъ насъ за твою любовь къ намъ и Энни. Соединеніе съ нимъ предоставимъ промыслу Божію; но не престанемъ никогда молить о тѣхъ, кои замѣняютъ ему отца и мать, и не сомнѣваемся, что Господь Всемогушій воздастъ имъ сторицею.

Что касается до предварительнаго раздѣла имѣнія, мы думаемъ, эти мѣры предосторожности могутъ оказать большую пользу впослѣдствіи; но не худо держать въ общей массѣ по возможности долѣе, что будетъ выгоднѣе для каждаго отдѣльно.

Объ участи Маши не въ состояніи и не имѣю тебѣ ничего сказать теперь, — ты долженъ знать какъ это близко сердцу моему, и потому признаюсь тебѣ, что неизъяснимо меня трогаетъ и занимаетъ. Предоставляю все это Всемогущему. А на добраго брата надѣюсь для сбереженія этой ангельской души. Не знаю, понятно ли изъясняюсь, но долженъ быть знакомъ и всегда понятенъ голосъ сестры тебя любящей.

Деньги двѣсти рублей получили.

КУРГАНЪ, 22 сент. 1832 г.

Любезный братъ и кумъ Иванъ Васильевичъ, къ близкому кровному родству хотѣлъ я присовокупить и родство духовное, и избралъ тебя въ крестные отцы моего младшаго сына Василія, именующагося симъ именемъ въ память нашего незабвеннаго родителя Василія Федоровича. — Благополучно прибыли мы въ Курганъ, въ лучшее мѣсто Западной Сибири, и сверхъ этой важной выгоды имѣю еще другую, столь же важную, бывъ поселенъ въ одномъ городѣ съ Назимовымъ, Лихаревымъ, Фохтомъ, тремя добрыми соизгнанниками; первый изъ нихъ знаетъ тебя и вспоминаетъ о тебѣ съ большимъ удовольствіемъ; съ Лихаревымъ познакомился я въ Читинскомъ острогѣ, а съ Фохтомъ знакомлюсь теперь. — Если исполненіе просьбы моей Annette тебя затрудняетъ, то прошу не спѣшить и не запутать дѣлъ своихъ, а пришли деньги, когда можешь удобно извернуться, — до того времени обойдемся и наемною квартирою, которая очень

хороша, но все же свой уголъ лучше чужихъ палатъ. Съ этою почтою пишу также въ Ревель и Павлу Федоровичу ¹⁾. — Дай мнѣ убрать все и найти добрую старушку няню, тогда буду въ силахъ говорить съ тобою такъ, какъ того желаетъ сердце брата твоего

Андрея Розена.

КУРГАНЪ, 22 сентября 1832 г. (по-французски).

Въ память нашего дорогого родителя и увѣренныя, что ты останешься этимъ доволенъ, любезный Жанъ, не дожидаясь твоего согласія, которое сильно бы запоздало, мы назначили тебя крестнымъ отцомъ нашего маленькаго Василя; молись за него и люби его какъ брата нашего Энни, столь любимаго всѣми своими родными. Мое искреннее желаніе, чтобы онъ походилъ на него во всемъ. Теперь ты будешь доволенъ, узнавъ, что мы на мѣстѣ. Я пишу тебѣ второпяхъ, постоянно прерываемая дѣтьми и потому пишу въ нѣсколькихъ словахъ, что наши обстоятельства заставятъ меня можетъ быть побеспокоить тебя: я говорю о послѣднемъ векселѣ. Намъ необходимо имѣть домъ, и потому намъ нужна будетъ сумма въ 4 тысячи рублей; мы надѣемся, что домъ, мѣсто и принадлежности будутъ стоить меньше, но придется ремонтировать его внутри и прикупить все, что нужно для хозяйства, такъ что все это вмѣстѣ будетъ стоить указанную сумму. Если бы ты могъ дать мнѣ эту сумму, мы бы устроились. Спѣшу кончить письмо и посылаю тысячу благопожеланій моему доброму брату.

Что можешь ты сказать, любезный братъ, что я нахожу время тебѣ писать только тогда, когда мнѣ надо говорить о деньгахъ — это происходитъ отъ того, что твой крестникъ очень здоровый мальчишка и часто требуетъ свою бутылочку; къ счастью у насъ здѣсь молока въ изобиліи, чтобы удовлетворить его аппетитъ, на который ты бы поразился, если бы увидалъ.

Итакъ, дорогой Жанъ, наши обстоятельства заставляютъ меня опять говорить о деньгахъ; если бы ты могъ намъ прислать сумму, о которой говорилось, поскорѣе, такъ какъ есть случай купить подходящий намъ домъ и не очень дорогой; придется только оштукатурить стѣны и сдѣлать мебель. Если построить новый домъ,—это будетъ стоить много денегъ по причинѣ высокой цѣны на строительный матеріалъ и доставить много затрудненій съ контрактами и рабочими.

Съ этою почтой Розенъ не можетъ тебѣ написать, такъ какъ онъ отсылаетъ семь писемъ родителямъ своихъ товарищей по

¹⁾ Малиновскому—дядѣ жены бар. Розена; П. О. Малиновскій, другъ Карамзина, бывший директоръ Ассигнаціоннаго Банка, въ это время уже умеръ, (9 сентября), о чемъ Розенъ еще не знала.

несчастью, которымъ онъ это обѣщаетъ, да и дѣти отнимаютъ у насъ каждую минуту. Какъ только онъ улучшить минутку, онъ тебѣ напишетъ, такъ какъ онъ это хочетъ.

Твой крестникъ тебя мысленно обнимаетъ; шлемъ самыя лучшія благопожеланія. Вася требуетъ меня, онъ въ данный моментъ на рукахъ Розена, у котораго теперь такъ много заботъ; онъ встаетъ до восхода солнца и не имѣетъ ни минуты отдыха, такъ какъ занялся хозяйствомъ.

Должна кончать письмо

твоя преданная сестра *А. Розенъ*.

КУРГАНЪ, 9 февраля 1833 г. (по-французски).

У меня не было ни одной свободной минуты, и потому я задержала до этой почты мой отвѣтъ на твое милое письмо, любезный Жанъ, да и сейчасъ пишу наспѣхъ, но не могу пропустить и этой почты, не сказавъ тебѣ, какъ утѣшили меня твои строки, полученные нами сегодня. Слава Богу, ты не пишешь ни одного слова о своей болѣзни, что заставляетъ меня думать, что ты окончательно освободился отъ нея. Во всякомъ случаѣ, напоминаю тебѣ мою просьбу беречь свое здоровье и не забывать, что оно необходимо для блага всей семьи. Нужно ли мнѣ повторять, что я черезчуръ хорошо знаю тебя, чтобы сомнѣваться въ томъ, что все, что ты ни дѣлаешь, — сводится къ благополучію насъ всѣхъ. Ты работаешь отъ всей души, и вотъ почему я не могу простить тебѣ то, что ты пишешь въ твоемъ послѣднемъ письмѣ относительно пріобрѣтенія земли, всю выгоду чего я понимаю. Ты просишь насъ написать тебѣ въ Петербургъ, но забываешь, что, когда письмо дойдетъ до тебя, тебя уже не будетъ тамъ, такъ какъ я надѣюсь, что ты не пробудешь тамъ долго. Я страдаю за тебя при мысли о тѣхъ печальныхъ волненіяхъ, которыя ожидаютъ тебя тамъ. Помолись, вспоминая меня на могилѣ дяди, нашего благодѣтеля. — Миръ праху его! Я не могу безъ возмущенія, и горя вспомнить о томъ, что несмотря на его желаніе, мы не могли выполнить нашего послѣдняго долга, но святое Провидѣніе предназначило иначе.

Сегодняшній день живо напоминаетъ мнѣ тотъ, когда я получила отъ тебя медальонъ съ надписанными псалмами, и я не могла отказать себѣ въ удовольствіи написать тебѣ эти строки и не напомнить тебѣ о немъ.

Я очень хотѣла бы, но не могу дать тебѣ никакого совѣта относительно твоего проекта о женитьбѣ; да направить тебя Господь и дать счастья, согласно моему сердечному желанію.

Твой крестникъ тебя цѣлуетъ и остаюсь искренно любящая тебя

А. Розенъ.

КУРГАНЪ, 31 января 1835 г. (по-французски).

Ты не можешь себѣ представить, любезная сестра ¹⁾, какъ я обрадовалась, узнавъ о прекрасномъ состояніи твоего здоровья, шлю тебѣ свои лучшія пожеланія и съ все возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о тебѣ. Какъ я завидую, любезный братъ, твоему паломничеству въ Воронежъ, надѣюсь, что отсутствующіе не будутъ забыты въ вашихъ молитвахъ. Мнѣ хотѣлось бы написать вамъ побольше, мои дорогіе, но мнѣ мѣшаютъ; должна сознаться, что меня очень огорчило извѣстіе о болѣзни Маши, да поможетъ ей Всемогушій.

Мы получили вашу посылку, посылаю тысячу благодарностей моей дорогой сестрѣ за чепчикъ и башмаки нашему Владимиру, онъ по-своему имъ очень обрадовался, а ваше вниманіе мнѣ такъ утѣшительно. Спасибо, дорогая сестра, за тулупчики, они очень кстати, а также и за хорошую шерсть, которую я сохранила какъ драгоценный талисманъ отъ болѣй въ колѣняхъ.

Спасибо за свадебныя полотенцы, которыя я отдала дѣтямъ и которыя вмѣстѣ съ татарскими сапогами доставили имъ такую радость, что, вообрази себѣ, Атій обрадовавшись сказалъ: «мнѣ теперь ничего больше не надо». Видишь, какъ мало имъ надо, чтобы быть счастливыми, какой счастливый возрастъ.

Должна бросить, хотя и съ большимъ сожалѣніемъ, перо, мои дорогіе, и да сохранить васъ Господь... Всѣмъ добрымъ людямъ поклонъ усердный.

Вамъ преданная сестра *А. Розенъ*.

КУРГАНЪ, 16 мая 1835 г. (по-французски).

Мы имѣли удовольствіе получить ваши письма отъ 23 марта дорогіе сестра и братъ, и я приношу вамъ благодарность за письма бумагу и карандаши, доставившіе большую радость дѣтямъ, которыя, какъ умѣютъ, благодарятъ Васъ. Что касается меня, то мнѣ это напомнило нашего добраго дядю, и я васъ вдвойнѣ благодарю. Скажу вамъ откровенно, что эта бумага, не говоря уже о вашемъ миломъ вниманіи, будетъ намъ очень полезна, такъ какъ здѣсь нельзя достать хорошей, да и стоитъ она очень дорого. Но ты напомнила мнѣ прошлое и нашу любимую Лизу. Она всегда играла посмертныя произведенія Бріо, и мы ихъ получили какъ разъ 10-го мая, я не могла удержаться отъ слезъ, я вспомнила нашу послѣднюю молитву на ея могилѣ и благословеніе наканунѣ нашего отъѣзда изъ Каменки. Теперь ты долженъ молиться за насъ всѣхъ...

¹⁾ Жена И. В. Малиновскаго.

Я вполне понимаю, какъ утомляетъ тебя твоя служба ¹⁾, любезный Жанъ, и я очень жалѣю тебя и особенно Марью Ивановну ²⁾. Эти постоянныя отлучки и занятія, а также и дѣла по хозяйству не даютъ тебѣ пользоваться своимъ личнымъ счастьемъ и прекрасной весной въ Каменкѣ. Да поможетъ тебѣ Всемогушій и всѣ твои дѣла и добрыя начинанія...

Разрѣзавъ полотно, я нашла прекрасный крестъ для твоего крестника и очень благодарю тебя; мы его благословили отъ твоего имени и повѣсили у изголовья его постели, онъ былъ этимъ очень доволенъ.

Спасибо за рукавички, которые я сохранию, какъ талисманъ на тотъ случай, когда у меня заболитъ рука, что у меня бываетъ иногда, и я тогда использую ихъ; каждое ваше самое маленькое вниманіе намъ очень дорого, мои дорогіе. Розенъ вамъ пишетъ, онъ принужденъ былъ заботиться и ухаживать все время, пока я была больна; дѣти еще малы и не понимаютъ, что я не всегда могу дѣлать, какъ они къ этому привыкли. Жду не дождусь хорошихъ извѣстій объ Андреѣ, если онъ съ вами, передайте ему отъ меня пожеланія здоровья и спокойствія... Не забывайте добрыхъ сосѣдей и всѣхъ добрыхъ людей. Прошу тебя передать нѣсколько словъ Катеринѣ Осиповнѣ. Если ты ее увидишь скажи ей между прочимъ, что я до сихъ поръ сохраняю маленький шерстяной платокъ, который она когда-то связала для Маши. Но однако я увлеклась, надо бросать перо, мысленно цѣлую васъ и да сохранить васъ Богъ въ полномъ здоровьѣ.

Ваша А. Розенъ.

КУРГАНЪ, 17 мая 1835 г.

Любезный братъ Иванъ Васильевичъ и добрая сестрица Марья Ивановна: письма ваши отъ 23 марта получили мы съ большимъ удовольствіемъ и радуемся вашему здоровью. — Добрая Annette моя крѣпко страдала отъ нарыва на груди, который заставилъ ее кормить Имѣра ³⁾ только одною лѣвою грудью; благодарю Бога, что это такъ кончилось; бѣду отъ опасной болѣзни чувствуемъ мы въ нашемъ состояніи втрое противу другихъ, которые въ болѣзняхъ окружены добрыми родными и помощью; зато яснѣе видимъ и признаемъ помощь Божію. Дѣти всѣ здоровы, веселы и довольны, требуютъ непрестанныхъ о нихъ попеченій, и мнѣ трудно было одному справиться съ ними во время болѣзни матери, которая

¹⁾ Въ 1832 г. Малиновскій былъ избранъ изюмскимъ предводителемъ дворянства.

²⁾ Жена И. В. Малиновскаго, урожденная Пушина.

³⁾ Владимѣра.

вся для нихъ и въ нихъ живетъ и дышитъ. Атій большой систематикъ и мыслитель, разсуждаетъ и во всемъ находитъ себѣ занятія. Илій, твой крестникъ, мальчикъ веселый и рѣзвый, какъ нельзя болѣе, онъ очень понравился бы тебѣ; въ прочихъ отношеніяхъ онъ отъ Атія не отстаеъ, и если онъ не такъ понятливъ, какъ старшій братъ, то въ сравненіи съ нимъ имѣетъ годъ впереди. Имѣрь, прелестное дитя, имѣетъ право быть помѣщеннымъ въ группѣ херувимовъ.

Если братъ Андрей Васильевичъ уже пріѣхалъ въ Каменку, то привѣтствую его, желая ему хорошаго здоровья; кажется, онъ въ послѣднее время своего пребыванія въ Крыму занимался наукою сельскаго хозяйства; онъ будетъ славнымъ помощникомъ въ управленіи Каменкою; тебѣ же, любезный братъ Иванъ Васильевичъ, должность по службѣ много доставитъ дѣлъ и хлопотъ; желаю во всемъ успѣха.

Очень благодарю тебя за присланные 300 руб., за отлично хорошую бумагу и карандаши; еще благодарю за газеты, которыя началъ получать съ послѣднею почтою; онѣ доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, удовлетворяютъ моему любопытству знать, что дѣлается на свѣтѣ; Атій съ восторгомъ узналъ эти вѣдомости и встрѣтилъ ихъ, какъ стараго добраго знакома.

Добрая сестрица Марья Ивановна, помнится мнѣ, любитъ садоводство и цвѣты; ей пріятно будетъ знать, что всѣ ея сѣмена взошли у меня хорошо. Дубъ и яблони, взрощенные изъ Каменскихъ сѣмянъ, отзимоваы благополучно; жаль только, что изъ 200 желудей взошелъ только одинъ; или желуди были нехороши, или я очень глубоко ихъ сажилъ; прошу, любезный братъ, прислать мнѣ, съ полученіемъ сего письма, нѣсколько десятковъ или сотенъ желудей, дабы я осенью могъ ихъ сажать, мнѣ бы очень хотѣлось развести здѣсь это дерево, которое, несмотря на новѣйшія изобрѣтенія выдѣлки кожъ, есть все (же) лучшее для того вещество; а здѣсь стада не перечесть и кожи сырыя дешевы.—Марью Ивановну прошу удѣлать мнѣ нѣкоторыя сѣмена цвѣтовъ, но только однихъ душистыхъ, какъ на примѣръ, махровыхъ левкоевъ, belles de nuit и пр. Садъ нашъ красуется, дѣти въ немъ наслаждаются и укрѣпляютъ свои силы. Будетъ теплѣе, то и добрая Annette моя съ Имѣромъ тамъ будутъ жить.

Будьте здоровы и счастливы, добрые родные, какъ вамъ того желаетъ истинно васъ любящій братъ *Андрей Розенъ*.

Спасибо дядѣ Ивану Васильевичу за карандаши—бумагу; цѣлуетъ

(самъ писалъ) *Атій*.

Спасибо крестный папа за образокъ и благословеніе

Твой *Илій*.

КУРГАНЪ, 30 мая 1835 г. (по-французски).

Ваше милое письмо съ поздравленіемъ со днемъ Пасхи очень насъ порадовало, любезные сестра и братъ, и я не знаю, какъ благодарить васъ за вашу сердечную память, особенно въ такіе торжественные дни. Я не могу даже выразить, какое это для меня утѣшеніе, что ты относишься какъ хорошій отецъ къ крестьянамъ и между своими добрыми дѣлами не забываешь насъ. Скажи имъ нѣсколько словъ отъ моего имени. Я съ радостью думаю о томъ, что они вспоминаютъ обо мнѣ, и я никогда не забуду нашего прощальнаго обѣда съ ними въ Сторожевѣ и полные смысла разсужденія почтенныхъ старцевъ, которые меня такъ тогда утѣшили; это было въ Троицинъ день, ты навѣрное помнишь это, дорогой Жанъ,—тогда было еще благословеніе скота; я могу сказать, что это были лучшія минуты, которыя я провела въ Каменкѣ. Большое спасибо, за цвѣтокъ съ могилы нашей Лизы. Что дубы, которые я посадила, растутъ?... Существуетъ ли еще плющъ? Это былъ ея любимый цвѣтокъ и мнѣ очень хотѣлось бы имѣть его здѣсь. Слава Богу мы чувствуемъ себя хорошо...

ПЯТИГОРСКЪ, 6-го іюня 1838 г. ¹⁾

Благодарю тебя, любезный братъ Иванъ Васильевичъ, за родственное и исполненное любви письмо твое отъ 16 мая. Никогда не было и тѣни сомнѣнія въ твоей привязанности къ намъ, которую ты такъ часто намъ доказывалъ; расчеты сведемъ мы исправно, они нашимъ чувствованіямъ не будутъ мѣшать, по твоему желанію включаю въ это письмо подробный счетъ женинымъ деньгамъ. Досадно мнѣ только, что ты и я мы различно смотримъ на всѣ стороны моего состоянія. — Ты по своимъ желаніямъ общаешься мнѣ хорошую будущность для дѣтей и устраняешь настоящее, а я на послѣднее обращаю все вниманіе, а что впереди, то въ рукахъ Божіихъ. — Почтенный Владиміръ Дмитріевичъ ²⁾ изустно пере-

¹⁾ Въ 1837 г. Розенъ былъ переведенъ изъ ссылки рядовымъ въ отдѣльной кавказскій корпусъ — въ Мингрельскій полкъ около Тифлиса. Но Розенъ не могъ нести военной службы, такъ какъ вслѣдствіе поврежденія ноги ходилъ на костыляхъ. Въ силу этого, по Высочайшему повелѣнію, онъ для излѣченія былъ переведенъ въ 3 кавказскій линейный баталіонъ въ Пятигорскъ.

²⁾ В. Д. Вольховской въ чинѣ ген.-маіора въ это время былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Тѣсно связанный съ семьей Малиновскихъ еще съ юныхъ лѣтъ (Вольховской также воспитанникъ перваго выпуска царскосельскаго лицея), В. дружественно относился къ Розенъ и оказалъ значительное содѣйствіе женѣ его при переселеніи ея въ Сибирь. Въ 1834 г. Вольховской женился на младшей Малиновской, взявшей къ себѣ на воспитаніе старшаго сына Розенъ. Косвенно замѣшанный въ дѣлѣ декабристовъ, В. не пользовался благорасположеніемъ высшихъ сферъ и долженъ былъ въ 1838 г. выйти въ отставку.

дасть тебѣ, какъ мы озабочены будущностью сибирскихъ дѣтей нашихъ, особенно моя Annette. — Энни, какъ единственный наслѣдникъ всего недвижимаго имѣнія, долженъ получить со-размѣрное своему состоянію воспитаніе, и средства къ начатію своего поприща на выгодномъ и видномъ мѣстѣ. Лучшее для него заведеніе полагаю Лицей или пансіонъ Оболенскаго, для этого ему нужно будетъ по крайней мѣрѣ 2500 р. въ годъ; вотъ главная часть доходовъ жены съ Каменки, съ остальною должны мы со-размѣрять наши расходы; а младшимъ дѣтямъ хотимъ сберечь остатокъ Павла Федоровича благословенія и подарка, они съ благодарностью будутъ хранить напамятованіе о немъ.

Повторяю мою просьбу относительно прикупленной земли къ долѣ жены; если она необходима по доставляемой ею водѣ для водопоевъ, то ты можешь такое же число десятинъ взять съ другой стороны ея доли, съ которой уже отрѣзаны 42 десятины въ 1835 году, и тогда мы уничтожимъ нашъ долгъ тебѣ, который значителенъ, и не можетъ и не долженъ быть уплаченъ нами изъ денежнаго капитала или изъ будущихъ доходовъ Каменки, ибо послѣдніе при лучшихъ урожаяхъ уйдутъ всѣ на ежегодную плату процентовъ залога, на потребности наши и Энни, такъ что дай Богъ только свести концы съ концами, а объ остаткахъ и думать нельзя; итакъ, прошу тебя, устрой все это по нашему общему съ Annette желанію.

Цѣлую ручку доброй сестрицы Марьи Ивановны, цѣлую и ласкаю Сашу, желаю вамъ всѣмъ лучшихъ благъ и счастливаго разрѣшенія отъ бремени сестрицѣ.

Привѣтствую дружески любезнаго брата Андрея Васильевича и мысленно обнимаю Васъ всѣхъ. На оборотѣ сего листа найдешь счетъ, и прилагаю еще старую расписку, по которой Тетя тебя обязала заплатить за нее, ты можешь ее уничтожить. Твой братъ

Андрей Розень.

Отъ благодѣтеля моего Павла Федоровича ¹⁾ получилъ я въ 1825 году банковый билетъ въ 50000 рублей, изъ нихъ было взято

въ 1822 на поѣздку въ Ревель	5000 р.
» 1825 на покупку приданаго	5000 р.
» 1825 мною взято	5000 р.
» 1828 Павломъ Федоровичемъ	5000 р.
» 1836 на перестройку Курганскаго дома.	2000 р.
итого	22000 р.

¹⁾ Малиновскаго.

Изъ остальныхъ 28000 получили отъ тебя въ проѣздъ нашъ черезъ Каменку—10000, остается получить 18000.

NB. Путешествіе Annette въ Сибирь совершено деньгами, которыя она выручила продажею всѣхъ лишнихъ вещей въ Петербургѣ на 5 т. и еще нѣкоторыхъ въ Москвѣ слишкомъ на 1 т.

Курганскій домъ купленъ на проценты оставленнаго ею капитала, кои не были тронуты съ ея отъѣзда 1830-го года до покупки дома въ 1833-мъ году; долгъ Павла Федоровича заплаченъ тобою покупкою земли Тимошенки.

ПЯТИГОРСКЪ, 28-го августа 1838 г.

Любезный братъ Иванъ Васильевичъ и любезная сестрица Марья Ивановна, черезъ нѣсколько дней обнимите вы дорогихъ Тетю и Машу, которыя обнимутъ васъ за насъ и скажутъ вамъ о нашей родственной любви, о нашей жизни, о нашихъ желаніяхъ гораздо подробнѣе и лучше, нежели какъ это возможно передать посредствомъ письма. Могу себѣ представить Ваше свиданіе, и какъ сердце каждаго изъ васъ спросить: зачѣмъ нѣтъ Саши?—Я очень былъ тронутъ твоимъ выраженіемъ—«потеря дѣтей отучаетъ сердце отъ любви»: отцу нѣжному и любящему это понятно; но вмѣстѣ съ тѣмъ при такомъ случаѣ не возрастаетъ ли любовь и привязанность къ другой жизни, къ главной цѣли жизни земной?

Ты недоволенъ, что пишу къ тебѣ рѣдко и кратко; хотя не могу жаловаться на недостатокъ въ времени, но лѣченіе мое, новая болѣзнь и утомительныя, иногда усыпительныя занятія школьнаго учителя, а въ часы досуга обязанности наставника и дядьки—не всегда располагаютъ къ бесѣдѣ и перепискѣ.

Здоровье мое поправляется, особенно послѣ необыкновенной потери крови; ногѣ моей лучше, хожу съ однимъ костылемъ, а другою рукою опираюсь на палку; но все нога короче другой, и въ сгибѣ нисколько не подается болѣе, какъ было при началѣ лѣченія. Можетъ быть сила въ ногѣ придетъ со временемъ, но прямизна и совершенное употребленіе невозвратны отъ неправильно срастившейся кости.

Моя добрая, кроткая Annette отъ желѣзныхъ водъ поправилась сначала видимымъ образомъ; но новая болѣзнь моя, положившая меня въ постель на восемь дней и умножившая ея безпокойства, уничтожила благотѣльное дѣйствіе водъ; можетъ быть это дѣйствіе возобновится со временемъ, чего должно ожидать и желать.

Дѣти всѣ здоровы, кромѣ Имѣра, у котораго разстроены желудокъ; каждый изъ нихъ по-своему спрашиваетъ, гдѣ и какъ живетъ

теперь Саша; всѣ они обнимаютъ и цѣлуютъ васъ всѣхъ очень нѣжно.

Изъ послѣднихъ писемъ твоихъ вижу, любезный братъ Иванъ Васильевичъ, что ты не соглашаешься на сдѣлку, которую предложилъ тебѣ, а именно — въ счетъ долга жены тебѣ взять если не землю, купленную отъ Тимошенки, которая улучшила все ея имѣніе, то отрѣзать соразмѣрную часть земли съ какой-нибудь стороны, смежной съ твоимъ владѣніемъ. Пусть будетъ по-твоему, а благопріобрѣтенная женою земля будетъ нашимъ подаркомъ нашему Энни; относительно его и младшихъ братьевъ да исполнится не духовный, но буквальный смыслъ изреченія Евангелія: кто имѣетъ много, тому дастся еще, а кто имѣетъ мало, у того отнимутъ послѣднее. — Пока Annette моя съ нами и вы всѣ добрые родные, до тѣхъ поръ никто изъ дѣтей моихъ нужды не увидитъ.

Мы просимъ тебя вычесть сумму, которую жена тебѣ должна изъ ея денежнаго капитала, который находится у тебя, а остальную часть положить на ея имя въ ломбардъ и прислать ей билетъ, какъ скоро тебѣ это будетъ возможно.

Жена должна тебѣ

по отчету 1836 по статьѣ 15-й	2461 р. 14 к.
по отчету 1837 по статьѣ 20-й	2116 р. 73 ¹ / ₂ к.
по отчету 1837 остальные деньги, употребленные на прокормленіе крестьянъ въ голодный годъ.	762 р. 35 к.
всего жена тебя должна	5340 р. 22 ¹ / ₂ к.

Сестрицѣ Машѣ жена должна по отчетамъ 2193 руб. 35 к., мы взяли отъ нея еще 6 р. 65 к. и дали расписку въ 2200 руб., которые уплатимъ выручкою отъ продажи нашего Курганскаго дома. Сверхъ того заняли мы у Маши вчера еще 1050 руб., потому что казна наша истощилась отъ необыкновенныхъ расходовъ: не считая городской годовой квартиры, издержали мы на лѣкарей, на квартиру въ Желѣзноводскѣ, гдѣ жили 7 недѣль, на ванны и извозчиковъ почти 1000 руб. Но слава Богу есть средства къ уплатѣ долговъ, а долговъ боюсь болѣе всего на свѣтѣ.

Съ этою почтою пишемъ къ Аннѣ Ивановнѣ и просимъ Николая Ивановича¹⁾ прислать намъ часть процентовъ и раздробить банковый билетъ, который ты намъ вручилъ, на три различныя части, дабы въ непредвидимый случай нашего перемѣщенія или другого назначенія, могли бы размѣнять билетъ въ небольшую сумму на наличныя деньги. Живемъ мы расчетливо и умѣренно, доказа-

¹⁾ Набоковы?

тельствомъ тому служить что на 4 т., которыя отъ тебя получили въ этомъ году, мы совершили путешествіе сюда изъ Грузіи, жили здѣсь, лѣчили, и сегодня остается у насъ изъ этихъ 4 т. еще 320 руб. въ наличности; а деньги, взятые вчера у Маши, остаются въ запасѣ. Вѣроятно скоро увидишься и съ почтеннымъ Владиміромъ Дмитріевичемъ¹⁾ и вмѣстѣ всѣ отрадно проведете зиму. Знаю, что ты никогда не перестанешь любить моихъ дѣтей и заботиться о нихъ, однако опять повторяю мою просьбу: *ничего не устраивай для нихъ въ Каменкѣ. Я тебѣ изложилъ причины, онѣ всѣ основательны. Охотно принимаю помощь отъ каждого изъ васъ, только безъ актовъ, безъ гербовой бумаги. Прости, любезный братъ, посылаю тебѣ виноградную трость съ надписью: Кавказъ 1838; ты съ нею пойдешь прогуливаться и вспомнишь меня, а черезъ четыре года пусть Антоній скачетъ на ней за тобой. Цѣлую ручки Марьи Ивановны; будьте всегда счастливы и здоровы. Любящій васъ искренно*

Андрей Розенъ.

Не могъ исполнить твоего порученія къ князю Тагану, его здѣсь не было и на ярмаркѣ не было ни одной отъ него лошади и никого изъ его узденей или служителей, развѣ ты пришлешь ко мнѣ письмо къ нему.

Мы только что получили извѣстіе объ Иванѣ Ивановичѣ²⁾, сама милѣйшая княгиня Трубецкая сообщила намъ его *собственные слова*. На будущій годъ ты будешь имѣть утѣшеніе увидать наконецъ послѣ столькихъ лѣтъ его почеркъ; пошли тебѣ небо самыя большія утѣшенія.

Прекрасно зная этихъ дамъ, мнѣ очень хотѣлось бы знать, какіе три портрета ты видѣла; воображаю какъ ты заинтересовалась ими. По истинѣ это счастливая встрѣча послѣ твоей болѣзни въ Харьковѣ.

Я не могла написать тебѣ, несмотря на мое желаніе, прошлую почту, Розенъ былъ опять боленъ, его здоровье такъ разстроено, что внушаетъ мнѣ серьезныя опасенія.

Я не пишу тебѣ подробностей о насъ, такъ какъ ты имѣешь о нихъ полныя свѣдѣнія отъ тети и Маши...

Преданная А. Розенъ.

2 Октября.

Благодарю тебя за присылку денегъ, о которыхъ говорилось; при нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ мы, къ несчастью,

¹⁾ Вольховскій.

²⁾ Пущинъ.

ничего не можемъ предпринять для нашихъ дѣтей, остается слѣпо довѣриться святому Провидѣнію и всецѣло покориться ему во всемъ. Теперь болѣе чѣмъ когда либо меня смущаетъ здоровье Розена, никогда оно не было въ такомъ плохомъ состояніи. Онъ пользовался всегда такимъ отличнымъ здоровьемъ.

ПЯТИГОРСКЪ, 3-го Октября 1838.

Не знаю, застанетъ ли письмо мое тебя въ Каменкѣ, любезный братъ Иванъ Васильевичъ, но гдѣ бы ты его ни получилъ, желаю, чтобы оно застало тебя довольнымъ и здоровымъ. Благодарю тебя за дружескія письма и за оконченный денежный расчетъ по капиталу жены моей; дай Богъ, чтобы мы могли его беречь и увеличить для нашихъ дѣтей. На первый случай ничего не могу предпринять, не имѣя постоянного крова и не зная, гдѣ и какъ его найду; настоящее же мое званіе и положеніе связываетъ мнѣ руки для всякаго рода предпріятій. Впрочемъ всѣ эти личныя неудобства едва ли покинутъ меня когда-нибудь, лишь бы уволили отъ всякой службы, которая не согласуется съ моею больною ногою и разстроеннымъ здоровьемъ вообще, и позволили устроиться на одномъ мѣстѣ. Съ хорошимъ здоровьемъ я отвергнулъ бы себя совершенно, и сталъ бы служить до тѣхъ поръ, пока всѣ мои кантонисты не были бы произведены въ офицеры. Какъ Богу угодно,—повторяю безпрестанно; безъ этого упованія не могъ бы жить на свѣтѣ. Ожидаю возвращенія въ Петербургъ добрыхъ людей и къ нимъ обращаюсь съ просьбою.

Цѣлую ручку доброй сестрицы Марьи Ивановны; я сильно былъ растроганъ ея послѣднимъ письмомъ къ моей Annette; понимаю ея скорби объ утратѣ невозвратимой и желаю, чтобы Антоній былъ вамъ всегда на радость. Съ послѣднею почтою получилъ я письмо отъ Ивана Ивановича Пущина отъ 9 іюля и просилъ Анну Ивановну похлопотать, чтобы ему назначили хорошій городъ въ хорошемъ мѣстѣ для его поселенія; всего лучше спросить у него, куда онъ самъ желаетъ; больная нога его есть лучший предлогъ просьбы. Желаю, чтобы осеннія дороги не затрудняли вашего пути.

Прошу объявить родственникамъ Евстафія и Матрены, что у нихъ родился сынъ Михайла и всѣ здоровы. Я хотѣлъ, чтобы воспріемниками были Annette и Энни, но священникъ объявилъ мнѣ, что новымъ узаконеніемъ запрещено быть воспріемникомъ отроку моложе 15 лѣтъ, почему избрали тебя, любезный братъ Иванъ Васильевичъ. Всѣ наши прислужники служатъ хорошо и ревностно, даже Евдокимъ въ ожиданіи получить обѣщанную волю; по нравственнымъ качествамъ онъ ея не заслуживаетъ,

имѣя гибельную страть напиваться; но Annette ему обѣщала дать отпускную въ воспоминаніе за то, что онъ добровольно отправился съ нею въ Сибирь и тамъ служилъ хорошо.

Напиши мнѣ, какъ поступать при выдачѣ отпускной, и если къ тому нужны какія свидѣтельства изъ Каменки, то не земедли присылкою оныхъ. Надобно отпустить его съ честью, пока онъ хорошо себя ведетъ, а за его терпѣніе въ воздержаніи не ручаюсь надолго, а отпускная можетъ быть исправить его и заставить быть порядочнымъ человѣкомъ, зная, что хлѣба даромъ не найдеть. Если же пустить его съ пашпортомъ, то оборванный и хворый придетъ наконецъ къ помѣщику, который долженъ его кормить и одѣвать. Цѣлую Антонія! Всегда любящій и душевно преданный

братъ твой *Андрей Розенъ.*

ПЯТИГОРСКЪ, 5 февраля 1839.

Вы первые, любезный братъ Иванъ Васильевичъ и милая сестрица Марья Ивановна, сообщили намъ радость и счастье ¹⁾. Открывая пакетъ, сердце предчувствовало, глаза мигомъ пробѣжали выписку, слезы радости покатались,—и пошли объятія съ женою и дѣтьми. Почта опоздала цѣлыя сутки отъ худой дороги, иначе получили бы извѣстіе въ именины жены, въ тотъ день, въ который во всѣхъ православныхъ храмахъ пѣли: нынѣ отпускаеши раба твоего съ миромъ.

Обнимаю тебя всею душою; знаю, сколько ты содѣйствовалъ къ моему счастью. Богъ тебя наградить; мое желаніе исполнено совершенно.

Часъ нашего свиданія зависитъ отъ полученія формальной бумаги по начальству; если она придетъ въ мартѣ, то распутица задержитъ насъ здѣсь до первыхъ дней мая; а если скоро получимъ объявленіе, то увидимся въ началѣ будущаго мѣсяца.

Завтра начнутъ чинить коляску, она въ нѣсколько дней будетъ готова; куплю еще повозку — здѣсь нѣтъ снѣгу. Богъ поможетъ!

Цѣлую Тони. Мысленно крѣпко жму тебѣ руку, благодарю отъ всей души. Твой тебя любящій братъ

Андрей Розенъ.

¹⁾ Въ Пятигорскѣ Розенъ ходатайствовалъ объ увольненіи со службы по разстроенному здоровью и возвращеніи на родину. 10 января 1839 г. послѣдовало на это Высочайшее согласіе съ тѣмъ, чтобы Р. жилъ безвыѣздно на родинѣ подъ надзоромъ полиціи. См. «Записки декабриста».

Обнимаю васъ, мои любезнѣйшіе, и не умѣю благодарить словами за ваши дорогія строки и радостнѣйшую вѣсть;—сердце исполнено признательности къ Подателю всѣхъ благъ, и перо не въ силахъ ничего изъяснить,—наше желаніе совершенно исполнено и душою умѣю благодарить тебя, дорогой братъ, за содѣйствіе одного, надѣюсь при свиданіи буду умѣть сказать тебѣ болѣе. Приласкайте за меня милаго, славнаго Тони. Дѣти васъ обнимаютъ и цѣлуютъ, спѣшу, боюсь опоздать на почту.

А. Розенъ.

Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ¹⁾).

XI. Изъ писемъ къ Г. И. Успенскому В. М. Соболевскаго.

Сотрудничество Г. И. Успенскаго въ «Рус. Вѣдомостяхъ» началось съ 1874 г. и по 1879 г. имъ было напечатано въ газетѣ нѣсколько очерковъ, статей и корреспонденцій. Послѣ закрытія въ 1884 г. «Отечественныхъ Записокъ» это сотрудничество стало болѣе систематическимъ и постояннымъ, и Г. И. напечаталъ на протяженіи 1885—1890 г.г., кромѣ многихъ отдѣльныхъ очерковъ, нѣсколько серій статей: «Письма съ дороги», «Мы», «Концовъ не соберешь» и др. Въ связи съ этимъ болѣе близкимъ сотрудничествомъ была и личная близость, и переписка съ редакторами «Русскихъ Вѣдомостей», В. М. Соболевскимъ и А. С. Посниковымъ.

Въ статьяхъ В. А. Розенберга «Г. Успенскій въ годы безвременья» (сборникъ «Рус. Вѣдомости 1863—1913.») даны подробныя извлеченія изъ писемъ къ названнымъ лицамъ самого Успенскаго. Въ архивѣ его сохранились частью отвѣтныя письма редакторовъ. Большая часть ихъ дѣлового содержанія. Извлекаемъ изъ писемъ покойнаго В. М. Соболевскаго болѣе любопытныя, характерныя либо для времени, либо для личности писавшаго ихъ. Письма эти не имѣютъ даты годовъ, но года устанавливаются большей частью по статьямъ г. Розенберга.

29 ноября 1884 г.

Милый, голубчикъ, Глѣбъ Ивановичъ!

Какъ же Вамъ не совѣстно писать Пагануцци²⁾, что Вамъ совѣстно писать ко мнѣ? Кажется, мы съ Вами другъ друга ничѣмъ корить не можемъ и смотрѣть другъ другу прямо въ глаза имѣемъ неоспоримое право. Грѣхъ Вамъ! Я серьезно сержусь за это. Если намъ съ Вами другъ друга стыдно будетъ, то другимъ-то что-же? Повѣситься со стыда остается.

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго», №№ 1—6.

²⁾ Членъ редакціи «Рус. Вѣд.», † 1888 г.

А лучше вотъ что: и мнѣ, и многимъ нашимъ общимъ пріателямъ и пріятельницамъ очень скучно безъ Васъ. Не загляните ли денька на два, на три? Потолковать есть о чемъ. Можетъ, что и выйдетъ, и договоримся до чего-нибудь. Соберитесь-ка! Мнѣ, право, очень хочется и нужно Васъ видѣть, а самъ не могу двинуться съ мѣста. Пріѣзжайте, пожалуйста. Не въ видѣ приманки — Боже Васъ сохрани подумать—или въ какихъ-либо «издательскихъ» видахъ, а просто, по-пріятельски, могу Вамъ шепнуть на ушко, что теперь время подписки и можно будетъ устроить, думаю, кое-что въ родѣ аванса, о которомъ—помните?—Вы писали. Только по почтѣ—ни за что, а пріѣзжайте сами. Пожалуйста, голубчикъ мой.

Да, можетъ, и Михайловскій соберется. Только до 10-го декабря. А то можете не застать въ Москвѣ. Пріѣзжайте пожалуйста.

Вашъ Соболевскій.

Здѣсь только что былъ Шелгуновъ.

• Изъ письма отъ 14 декабря (1884 г.).

25 декабря я намѣренъ выпустить праздничный № «Р. В.», т.-е. не такой скучный, какъ вообще газеты. Онъ будетъ состоять по преимуществу изъ беллетристики и литературныхъ статей. Я прошу Васъ, если успѣете, прислать что-нибудь къ этому времени и именно—первую изъ статей, задуманныхъ Вами¹). Онѣ должны быть вообще превосходны и были бы теперь именно какъ нельзя болѣе ко времени. (Въ Москвѣ прошелъ между прочимъ нелѣпый слухъ, что «Рус. Вѣдомостямъ» не разрешаютъ Васъ и Щедрина). Но чортъ съ ними, могутъ выдумывать, что хотятъ, а главное, что очень бы хотѣлось получить Вашу статейку для «Р. В.» Дѣло въ томъ, что, безъ самохвальства скажу Вамъ (да я лично тутъ менѣе всего при чемъ-либо),—наша газета въ послѣднее время составляетъ почти единственное упованіе порядочной части газетныхъ читателей. На нее начинаютъ смотрѣть, какъ на нѣкій центръ, гдѣ еще не утраченъ стыдъ и куда стекаются серьезныя силы. Мы съ Вами настолько знаемъ другъ друга, что нечего завѣрять Васъ, что для меня не въ подпискѣ вопросъ. Вопросъ въ томъ, чтобъ по возможности оправдать такія лестныя упованія публики. А такое имя, какъ

¹) Первая серія статей Успенскаго была напечатана въ 1885 году подъ заглавіемъ «Несбыточныя мечтанія», №№ 107, 121, 131, 163.

Голосъ Мичуринскаго. № 7—8.

Ваше, конечно, было бы для нея однимъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ. Пришлите же его. Вы знаете, какъ для меня и для всего нашего кружка это будетъ пріятно. Благо и тема налицо—превосходнѣйшая. Присядьте, голубчикъ.

Чортъ знаетъ какъ досадно, что не могъ двинуться изъ Москвы ни 15 ноября, ни 6 декабря¹⁾. Какъ нарочно все это время одолеваятъ разныя житейскія мелочи, скучныя, невыносимыя, отвращающія жизнь. Настроение адское—и полная невозможность поправить его бесѣдой съ пріятелями. На праздникахъ надѣюсь урваться хоть денька на два специально къ Вамъ и Михайловскому.

Вчера видѣлъ Гольцева первый разъ послѣ *выпуска*²⁾. Нельзя сказать, чтобы сидячій образъ жизни повліялъ на его физику особенно благопріятно. Да при этомъ еще—самая скудная возможность содержать себя и семью. Въ Москву ему позволили на мѣсяцъ. Если увидите Михайловскаго—такъ привѣтъ. Впрочемъ, надѣюсь написать и ему. До свиданія; жду отвѣта.

Вашъ В. Соболевскій.

Р. С. Гонораръ я предложилъ бы Вамъ разсчитать соотвѣтственно тому, что Вы получали въ «От. Зап.». Что касается до аванса, то его можно отложить на будущее время. Теперь же предстоитъ подписка и стало быть (не разобрано слово) разчета не будетъ затруднительно.

17 мая (1886 г.) Москва.

Дорогой, милый, добрый, хорошій Глѣбъ Ивановичъ! Не браните меня: десять разъ собирался писать Вамъ, просили Александру Васильевну³⁾ сообщать мнѣ неукоснительно о всякой перемѣнѣ Вашего адреса—и всякій разъ разныя глупости заставляли откладывать письма. Вы не повѣрите, въ какой отвратительной душевной суматохѣ я нахожусь все это время. То то, то другое,—и свое, и чужое горе, и всякія напасти; не мытьемъ, такъ катаньемъ. Вотъ почему я и заслуживаю Вашего снисхожденія и даже прощенія.

Телеграмма Ваша была получена мною, къ сожалѣнію, на два дня позже, чѣмъ слѣдовало: я уѣзжалъ въ Тверскую губ., гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Я отвѣчалъ Вамъ телеграммой

¹⁾ Дни рожденія и именинъ Н. К. Михайловскаго.

Ред.

²⁾ Изъ дома предварительнаго заключенія въ Спб., гдѣ Гольцева продержали три съ лишкомъ мѣсяца лѣтомъ и осенью 1884 года.

³⁾ Жена Г. И. Успенскаго.

же до востребованія въ Одессу,—не знаю, получили-ли, въ которой увѣдомляю о предстоящей немедленной высылкѣ денегъ Вамъ и Александрѣ Васильевнѣ по 150 руб. Передъ этимъ недѣли три тому назадъ въ Чудово же было выслано еще 150 руб.

Спасибо, большое дружеское спасибо—за Ваши писанія. Уже изъ нихъ я усматриваю, что значительная доза *здѣшной* драни выскочила изъ Васъ, а поѣдете въ Болгарію—и совсѣмъ очиститесь. Очень бы мнѣ хотѣлось, чтобы Вы поѣхали, да и зачѣмъ же только въ Болгарію? Отчего не махнуть, напр., не надолго въ страну «коровы и трехъ акровъ»—хоть посмотрѣть на этихъ дѣйствительно хорошихъ, цивилизованныхъ въ лучшемъ смыслѣ слова людей съ пробритымъ подбородкомъ и дѣйствительно почтенной сѣдиной—сѣдиной не отъ пьянства, отъ тоски, а «отъ времени и лѣтъ»—труда здороваго, разумаго на пользу ближняго. Каково сказано! Подумаешь въ самомъ дѣлѣ мы «здорово-мысленны!» Анъ нѣтъ—мы можемъ только любоваться на чужое дѣло, а своихъ дѣлишекъ-то не умѣемъ все-таки дѣлать... я по крайней мѣрѣ.

Очень, очень хороши Ваши письма ¹⁾. Сегодня помѣщается пятое, полученное вчера. Никакихъ пропусковъ и почти никакихъ поправокъ не потребовалось—они у Васъ вылились очевидно въ въ недурныя минуты. «Три акра и корова» понравилось до того, что сдѣлается «тоѣ», переселенческая партія—также.

Всѣ мои сборы въ Питеръ, и по дорогѣ въ Чудово, не привели ни къ чему. Въ Питеръ незачѣмъ, и нельзя двинуться вообще никуда. Все лѣто просижу въ Москвѣ, т. е. почти въ Москвѣ, около самой заставы, на скверной дачѣ. И никогда, никогда, кажется я больше никуда не попаду. Все такъ выходитъ. А то развѣ я не уѣхалъ бы съ Вами? Вѣдь какъ-бы это было хорошо—вдвоемъ-то, да въ Болгарію да въ Англію,—да и Богъ вѣсть куда мы съ Вами залетѣли бы, если бы крылья у насъ были свободны-то.

Сижу, сижу и сижу. Никого не вижу, ни о комъ не знаю. Отъ Михайловскаго ни слуху, ни духу. Должно быть, хандрить. Хочу писать ему.

Пишите Вы пожалуйста мнѣ почаще, помимо статей. Я совсѣмъ одинъ остаюсь лѣтомъ, и, право, очень нуждаюсь въ Вашихъ письмахъ. Дайте инструкцію, какъ адресовать Вамъ письма.

А пока до свиданія, дорогой мой. Будьте здоровы и отдыхайте. Это необходимо для Васъ и для всѣхъ Васъ любящихъ.

Вашъ В. Соболевскій.

¹⁾ «Письма съ дороги». Рус. Вѣд. 1886 г. №№ 110, 113, 122, 127, 134, 147, 153, 163, 177, 182, 187, 196.

Р. S. Письма адресуйте по новому адресу въ редакцію Р. В., Никитская, Чернышевскій пер., д. бывш. Черкаскаго.

1 іюня (1886 г.).

Дорогой, голубчикъ Глѣбъ Ивановичъ, какъ я радъ, что Вы отозвались. Я былъ смущенъ Вашей телеграммой (первой), потому что не зналъ, на что Вы ждете отвѣта и думалъ, что два ваши письма пропали. Я ихъ получилъ теперь оба. Жду 8-го. Въ 6-мъ, которое напечатано сегодня, пришлось, къ величайшему моему сожалѣнію, по цензурнымъ соображеніямъ вычеркнуть нѣсколько прекрасныхъ строкъ (о совѣтѣ поа вынуть изъ шка-тулки деньги). Нынче на этотъ счетъ строго. Я только что получилъ косвеннымъ образомъ репримандъ за послѣдній очеркъ Астырева ¹⁾, въ которомъ духовное лицо совершаетъ неблаго-видные поступки... А очень жаль этихъ трехъ строчекъ!

А вѣдь все-таки ожили Вы, дорогой мой. Вы сами на замѣ-чаете какъ ожили и въ какой порядокъ пришли. Поѣзжайте не-премѣнно въ Болгарію. Рекомендаціи Вы имѣете отличныя. У Чичагова въ Константинополѣ побывайте непременно и кла-няйтесь ему отъ меня. Только имѣйте въ виду, что его воззрѣ-нія на отношенія Россіи къ Болгаріи (желательныя) діаметрально противоположны воззрѣніямъ Р. В. Онъ весьма склоненъ къ петербургскому шовинизму. Къ свѣдѣніямъ его относитесь не безъ критики, если вздумаете воспользоваться ими въ письмахъ. Вотъ ваши будущіе знакомые въ Болгаріи—иное дѣло. Не зная, читаете ли Вы внимательно газеты, сообщаю Вамъ для ускоренія Вашей поѣздки, что на народномъ собраніи князь намѣренъ произвести скандалъ: провозгласить назависимость возсоеди-ненной Болгаріи. Такъ что нужно спѣшить туда ²⁾.

Денежные наши расчеты приблизительно въ такомъ видѣ: 8 писемъ почти сполна покроютъ то, что получили Вы и Але-ксандра Васильевна (не включая аванса въ 400 руб., который за-чету не подлежитъ). За все, написанное Вами сверхъ этого, Вы, слѣд., имѣете *право* получить гонораръ. Какъ Вы намѣрены распорядиться имъ, т. е. высылать ли Вамъ или Ал. Вас.,—объ этомъ увѣдомите заблаговременно, такъ какъ отъ А. В. могутъ поступить требованія. По секрету скажу Вамъ, что въ случаѣ *серьезной* надобности Вамъ или Ал. В., конечно, отказу не будетъ

¹⁾ Н. М. Астыревъ. Вѣроятно, рѣчь идетъ объ очеркѣ «Первые опыты». Р. Вѣд. 1886 г. №№ 137, 139, 142.

²⁾ Поѣздка Успенскаго въ Болгарію состоялась лишь въ слѣдующемъ году.

и до написанія вышеназванныхъ будущихъ статей; но только не теперь, а когда прїѣдете на мѣсто. Теперь просто—денегъ нѣтъ. Запрещеніе розн. продажи, вслѣдствіе котораго не получено редакціей 10 т., которыя иначе были бы получены отъ разнощиковъ въ Маѣ, совсѣмъ обезсилили насъ. А къ *тому* времени, вѣроятно, наберется опять небольшой запасъ съ іюльской подписки. Такъ что однимъ словомъ поѣзжайте безбоязненно. Это по секрету шепнулъ Вамъ собственно я.

А вотъ еще по секрету. Сегодня вернулся одинъ мой знакомый изъ Петербурга, гдѣ онъ между прочимъ говорилъ съ Теокистовымъ ¹⁾ о розничной продажѣ Р. В. Въ числѣ препятствій къ немедленному снятію запрещенія Теокистовъ указалъ на слѣдующее: у него былъ редакторъ изданія (?), склоннаго къ *либерализму* (московск. или петербургск.—неизвѣстно), и, жалуюсь на несправедливыя *притѣсненія* со стороны Гл. У. по д. печ. по отношенію къ его изданію, попрекнулъ Теокистова *снисходительностью* къ Р. В., которыя, по завѣренію этого «либерала», были бы будто-бы рады *повторенію 1-го марта!*? Гдѣ кошка?—и каковы подлещи есть на свѣтѣ!

Такъ вотъ, милый мой Глѣбъ Ивановичъ, и уѣзжайте Вы скорѣе, подальше отъ этихъ подлещовъ. Посмотрите хоть немножко на людей получше.

А мнѣ никакъ нельзя, никуда и долго. Даже не на дачѣ живу, а на *Дѣвичьемъ Полѣ*, въ д. бывш. *Олсуфьевыхъ*, до Августа.

До свиданія, дорогой Г. И. Пишите о себѣ побольше, кромѣ корреспонденціи. Каждое письмо Ваше для меня дорого, потому что я знаю, что Вы ко мнѣ относитесь хорошо. А я такъ сумѣлъ испортить свои отношенія къ людямъ, что это для меня теперь рѣдкое лакомство.

Вы не повѣрите, голубчикъ мой, какъ я себѣ подчасъ, да и не только подчасъ, а почти что поминутно,—гадокъ кажусь съ моимъ глупымъ, ни на что негоднымъ характеромъ. Простите, если невольно я когда-нибудь обнаруживалъ его и по отношенію къ Вамъ.

Цѣлую Васъ крѣпко и надѣюсь скоро получить отъ васъ благопріятныя вѣсти. Пишите пожалуйста чаще, хоть по нѣскольку строкъ и не оставляйте по долгу въ невѣдѣніи о Вашемъ мѣстопребываніи. Не можете ли Вы приблизительно намѣтить Ваши будущіе адреса для писемъ, и во всякомъ случаѣ, во всѣхъ почтамтахъ оставляйте *будущій* адресъ.

Вашъ В. Соболевскій.

¹⁾ Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Р. С. Высшіе женскіе курсы будутъ закрыты *совсѣмъ*, не исключая медицинскихъ.

28 декабря (1886 г.).

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ,

Мнѣ пришлось сдѣлать во второй части «вступительной» главы ¹⁾ нѣкоторыя измѣненія и сокращенія. Не постѣуйте. Въ первоначальномъ видѣ она могла подать поводъ ко многимъ недоумѣніямъ и неосновательнымъ выводамъ, а инныя мѣста были написаны такъ спѣшно, что нельзя было добраться до истиннаго смысла. Отложить же печатаніе нельзя было, такъ какъ окончаніе неперемѣнно должно было пойти въ нынѣшнемъ году.

Вашъ проектъ относительно политическихъ процессовъ, по моему крайнему убѣжденію—не легко осуществить ²⁾. Тутъ такъ много будетъ недомолвокъ, а что можно,—будетъ неперемѣнно одностороннимъ сужденіемъ, что право лучше не браться за такіе вопросы. Пусть ихъ разбираетъ исторія. Все это еще такъ недавно было, все касающееся этого дѣла такое еще больное мѣсто, что говорить о немъ можно бы было только при полной свободѣ печатнаго обсужденія: иначе выйдетъ пристрастіе въ ту или другую сторону. А вопросъ слишкомъ серьезный, и каждое не такъ истолкованное слово можетъ поставить насъ въ самое фальшивое положеніе. Помимо воли можетъ выйти не то, что слѣдуетъ. Мнѣ кажется, «Мы»—представляетъ собою богатый матеріалъ для писанія и безъ этой ужасной стороны нашей общественной жизни. Пусть ее разбираетъ потомство, болѣе здоровое и хладнокровное. А мы съ Вами, больные, издерганные люди, ничего тутъ какъ слѣдуетъ разобрать не можемъ. Мнѣ такъ представляется дѣло.

Начните, голубчикъ, съ чего-нибудь другого: только неперемѣнно начните. Судя по послѣднимъ Вашимъ произведеніямъ, Вамъ писать *необходимо* много и много. Не *писать* для Васъ теперь невозможно. И писать больше изъ *жизни*, чѣмъ изнутри себя. Въ насъ такъ мало осталось здороваго и понятнаго для непосредственныхъ читателей, что только, право, себя дразнить

¹⁾ Серія статей въ Рус. Вѣд. 1886—87 гг. подъ заглавіемъ: «Мы на словахъ, въ мечтаньяхъ и на дѣлѣ», и просто «Мы». 1886 г.—№№ 350 и 356; 1887 г.—19, 22, 50, 86, 87, 161, 182, 196, 219, 259.

²⁾ Г. И. предлагалъ дать разборъ всѣхъ политическихъ процессовъ, имѣя въ виду безпристрастно пересмотрѣть все «съ полною точностью»; «ошибки нашихъ социалистовъ будутъ названы ошибками», «распуту эту спутанную теперь косу на косички». «Русскія Вѣдомости. 1863—1913» Стр. 227.

и раздражать, и людей смущать нашей философией. Какъ сами видите,—за ней приходится уже ходить къ Мономаху и къ славянофильско-Тютчево-Аксаково-Достоевскаго ерундѣ. Это плохой признакъ. Вѣдь эдакъ пожалуй и до Конфуція дойдешь. Какіе ужъ мы философы, когда всю жизнь насъ только колотили, а мы даже и не кричали;—когда же тутъ было подумать и обдумать, когда и вздохнуть-то свободно было некогда!... Пишите же, голубчикъ, милый, скорѣе.

Вашъ В. Соболевскій.

Приписка на первой страницѣ: Что Михайловскій? Поужо-рите его. Зачѣмъ онъ хандрить: вѣдь онъ еще можетъ и умѣть и долженъ думать.

Р. С. Свертокъ Вашъ у меня. Не прислать ли его. А сами не соберетесь послать... Да и не ѣздите сейчасъ: я до омерзительности скверенъ.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ, со дня на день собирался отвѣтить Вамъ и поблагодарить за присылку «Мы» (идутъ завтра)—и теперь только собрался. Промедленіе не по моей винѣ. Меня всѣ эти дни рвали на части свои и чужія дѣла. Я ужасно радъ, что вы хотите и можете писать. Судя по присланной главѣ, матеріалу у васъ уйма,—стало быть только присѣсть по средамъ.

Что такое дѣется съ Михайловскимъ? Письмо Ваше пугаетъ меня. Если строки, касающіяся его, не навѣяны мрачнымъ настроеніемъ минуты, когда онѣ писаны, положеніе его должно быть въ самомъ дѣлѣ тяжелое ¹⁾. Но не зная какъ и что, я не рѣшаюсь послѣдовать вашему совѣту—выписывать его сюда. Въ такихъ случаяхъ не спросясь броду, можно повредить вмѣсто того, чтобы помочь горю. Особенно, гдѣ ходъ событій обусловливается въ значительной степени нашими собственными нервами,—тамъ постороннему трудно разобратъся, такъ какъ неизвѣстно, что нужно: сейчасъ, кажется, одно хорошо, а черезъ полчаса—совсѣмъ другое. Такъ и идетъ наша дурацкая жизнь. Что же тутъ можно придумать, а тѣмъ болѣе совѣтовать или дѣлать? Я ему пишу особо, но пока въ Москву не зову.

Буду ждать отъ Васъ присылокъ по пятницамъ, какъ обѣщаете. Пожалуйста, пишите, да не только статьи, а и о себѣ побольше. Я совсѣмъ не знаю, какъ Вы живете, а мнѣ, право, хо-

¹⁾ Михайловскій собрался въ это время уходить изъ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника», что Г. И. Успенскаго очень волновало.

чется и нужно это знать. Вы такъ хорошо ко мнѣ относитесь, и въ тяжелыя минуты, если о комъ вспоминаю, то о Васъ первомъ.

До свиданія, милый Глѣбъ Ивановичъ. Поклонъ всѣмъ Вашимъ

Вашъ В. Соболевскій.

19 января (1887).

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ, въ вашей статьѣ о Гаршинѣ ¹⁾ пришлось сдѣлать временную купюру. Надѣюсь Вы не посѣтуете на меня за это. Весь конецъ я сохранилъ въ корректурѣ и посылаю его при этомъ. Думаю, что этотъ сырой матеріалъ можетъ послужить Вамъ для другого, самостоятельнаго этюда. Все вмѣстѣ было неумѣстимо и, къ тому же,—по моему крайнему разумѣнію, ссылка на такой научный источникъ, какъ хроникеръ «Нов. Вр.», только ослабляла бы впечатлѣніе остального превосходнаго очерка. Не сдѣлаете ли Вы изъ этого чего-нибудь «въ дополненіе».

Жду «смѣшнаго», обѣщаннаго Вами. Хорошо бы, если бы управились къ празднику. Очень было бы хорошо...

Не сердитесь пожалуйста. При свиданіи обстоятельно оправдаюсь.

Обнимаю Васъ. Вашъ В. Соболевскій.

11 апрѣля (1888 г.).

29 ноября (1888 г.).

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ, только что получилъ Вашу прелестную страничку изъ дѣтской жизни. Прочитавъ ее съ наслажденіемъ, я хотѣлъ бы поскорѣе подѣлиться имъ съ читателями Русск. Вѣд. и намѣренъ помѣстить воскреснымъ фельетономъ ²⁾. Только разрѣшите пожалуйста Вашу подпись. Пожалуйста,—потому что это очень нужно для насъ съ Вами, независимо отъ того, что самый псевдонимъ мнѣ не нравится: «Небалуевъ» какъ-то плохо гармонируетъ съ трогательно-правдивымъ содержаніемъ разсказа. Ваше собственное имя идетъ къ нему гораздо лучше. Пожалуйста сдѣлайте мнѣ эту уступку. Такой хорошій урокъ матерямъ будетъ во много разъ дѣйствительнѣе, скрѣпленный съ Вашимъ именемъ, а не какимъ-то Небалуевымъ. Вѣдь Вы не фантазируете и не забавляете, а учитесь—и вдругъ Небалуевъ!.. Это главное, а кромѣ того это нужно и по другимъ со-

¹⁾ «Смерть В. Гаршина», Р. Вѣд. 1888 г., № 101.

²⁾ «Изъ жизни дѣтей». Рус. Вѣд. 1888 г. № 334.

ображеніямъ... Разсказъ вылился у Васъ такъ хорошо, что не требуетъ никакихъ авторскихъ измѣненій. Уважьте-жь, голубчикъ, и не задержите отвѣтомъ. Я сдалъ уже въ наборъ ¹⁾).

Простите, что былъ мраченъ въ Петербургѣ и не могъ побесѣдовать съ Вами и Михайловскимъ, какъ слѣдуетъ, но думаю, разныя дѣлишки и меня портятъ, а я былъ удрученъ и захваченъ ими въ этотъ пріѣздъ. Совсѣмъ какъ будто и не видался съ Вами. Теперь ничего,—стало легче, и вотъ могу писать. Надѣюсь, что и Вашъ мракъ нѣсколько разсѣялся...

Вашъ В. Соболевскій.

Р. С. Немедленно по пріѣздѣ въ Москву распорядился о высылкѣ Вамъ 100 р.

Будьте здоровы.

8 марта (1889 г.). Москва.

Дорогой, милый Глѣбъ Ивановичъ. Что съ Вами? Что Вы дѣлаете и думаете дѣлать? Со дня на день ждалъ обѣщаннаго пріѣзда и пересталъ ждать. Ёдите Вы или отдумали? Въ чемъ дѣло? Если Вамъ живется ничего себѣ, я очень радъ. Если нѣтъ,—зачѣмъ сидѣть, ничего не предпринимая? Мнѣ очень интересно знать о Васъ. Получилъ письмо Михайловскаго, изъ котораго тоже ничего не узналъ, потому что онъ очевидно самъ ничего не знаетъ. Отзовитесь, а еще лучше пріѣзжайте. Хорошо бы, очень хорошо повидаться. И всѣмъ хочется, пора Васъ видѣть.

Я только что былъ боленъ и насилу пришелъ въ состояніе писать. Вчера писалъ Михайловскому. Не скучайте Вы, главное, голубчикъ. Вѣдь положительно кругомъ весна. У Васъ, я думаю, ужъ навозомъ и мокрымъ снѣгомъ пахнетъ. О чемъ же скучать-то? Зима прошла, выходитъ—не страшно. Валяйте! Рано еще намъ сваливаться и лежать и охать. Еще другіе ждутъ отъ насъ ободренія, болѣе слабые и въ милліонъ разъ болѣе несчастные и запутанные, и захлестнутые такъ, что ужъ и распутать нельзя. А вѣдь мы—все-же вольныя птицы и «господа». Стыдно намъ носъ вѣшать. Что-же остальнымъ-то дѣлать? Вы не думайте, что я такъ просто себя и Васъ словами утѣшать хочу. Я искренно и серьезно говорю, что намъ скучать и изнемогать стыдно и непростительно. Какіе мы ни на есть, а все же отъ насъ ждутъ многіе и многіе, хорошіе и несчастные люди слова помощи и ободренія, а отъ Васъ-то особенно ждутъ. И никто не повѣритъ, что намъ ужъ такъ скверно, такой капутъ пришелъ, что мы будто бы имѣемъ право ныть—и больше ничего. Ей Богу, никто не повѣритъ, и

¹⁾ Разсказъ появился за полной подписью Успенскаго.

сами мы не повѣримъ, если хорошенько разберемъ и проберемъ себя. Сами же Вы совсѣмъ вѣрно говорите, что Манфредъ и Чайльгарольдъ непонятны и смѣшны мужику—и вдругъ мы-то съ Вами въ Манфреды лѣземъ! Такъ вѣдь тотъ хоть къ парикмахеру при всей своей тоскѣ ходилъ и дамамъ пріятенъ былъ; а мы съ Вами, нечесанные, немытые и дамамъ противны и мужиковъ смѣшимъ, ничего-то не дѣлая. Вѣдь правда, милый? Вы не подумайте, пожалуйста, что я мораль читаю. Я самъ противенъ себѣ и себѣ говорю гораздо больше горькихъ истинъ, чѣмъ теперь пишу Вамъ. И все съ большей очевидностью убѣждаюсь я, что главная, если не единственная, причина горя и тоски—я самъ и никто другой и ничто другое. Вѣдь это что жъ такое наконецъ? Если нельзя жить, такъ убери себя къ черту. А хочешь жить, такъ живи по человѣчески: смотри и понимай, и дѣйствуй, и исправляй, что худо. Толстому хорошо дурить, когда у него жена на однихъ изданіяхъ и его и семью прокормить и капиталъ еще собереть. Да и то еще, имѣетъ ли право онъ такъ себя вести? А мы и подавно нѣтъ. Я говорю *мы*, потому что это дѣйствительно такъ. Я тоже долженъ думать, какъ и Вы о завтрашнемъ днѣ и не о себѣ одномъ. Пріѣзжайте и увидите, что это правда. Стало быть нужно жить. А жить—стало быть ходить, ѣздить, сидѣть, писать, а не лежать въ Пале-Роялѣ или у Введенья Барыши.

Вотъ какъ мы нынче! Ура! Жизнь для жизни... и проч. Давайте-ка покажемъ, какіе мы молодцы и дамамъ съ мужиками и всему православному воинству! Ура, впередъ.

До свиданья, милый мой другъ. Напишите или пріѣзжайте. Что лучше, вамъ лучше знать.

Вашъ В. Соболевскій.

«Халатъ» все никакъ не надѣну. Ничего теперь не подѣлаешь: Чамберленъ, и тотъ въ отставку, какъ видите, выходитъ, а Гладстонъ парламентъ распускать хочетъ. Ну, а мы парламента распустить не можемъ, потому что насъ самихъ распустить хотятъ, а это потому, что мы сами распустились. Простите плохой каламбуръ и прощайте.

ХІІ. Н. В. Успенскій.—Н. В. Максимовъ.—Н. Я. Николадзе.—Кн. А. И. Урусовъ и условіе Успенскаго съ И. М. Сибиряковыми.—А. И. Богдановичъ.—А. М. Пышковъ.

Слѣдами разнообразнаго круга знакомствъ Успенскаго за 80-е годы остается довольно много разрозненныхъ писемъ и записокъ разныхъ лицъ. Выбираемъ въ настоящей главѣ и послѣ-

дующихъ болѣе характерное для самаго Успенскаго или для его корреспондентовъ и времени.

Время отъ времени напоминаетъ о себѣ Г. И—чу обломокъ безудержно-разгульной жизни шестидесятыхъ годовъ, — его жалкій двоюродный братъ *Николай Васильевичъ Успенскій*. Онъ давно уже исписался, беллетристика его печатается только въ фельетонахъ плохенькихъ газетъ, а воспоминанія полны ядовитой злости на всѣхъ и все, и чѣмъ дальше тѣмъ больше опускается на дно, пока не покончилъ съ собою въ 1889 г. Вотъ двѣ сохранившіяся записки, рѣзко различныя по тону, и обѣ характерныя: одна дружески фамиліарная на «ты», въ то время, какъ эта фамиліарность коробила и пугала Г. И—ча (см. болѣзненно испуганный отзывъ Успенскаго предъ нравственнымъ паденіемъ Н. В—ча, по поводу его смерти, въ письмѣ А. С. Посникову отъ 26 октября 1889 въ сборникъ «Рус. Вѣдомости за 50 л.»); другая—вѣжливо-холодная на «вы», какъ бы язвящая этою вѣжливостію и, при напускномъ благородствѣ тона, неуловимо вымогательная. Первая записка безъ даты.

Милый другъ Глѣбушка!

Обращаюсь къ тебѣ съ слезной просьбой, помоги своему собрату по перу. Дѣло вотъ въ чемъ: живу я съ дочкой (жена давно умерла) въ одной глухой, глухой деревушкѣ, и можешь себѣ представить, какія муки испытываю, не получая ни газетъ, ни журналовъ (кромѣ Нивы); ты же, я знаю, заваленъ всякаго рода духовными явствами, подѣлись ими со мной, чѣмъ премного обяжешь. Вышли мнѣ хоть старые какіе по слѣд. адресу:

Г. Алексинъ (Тульск. губ.) Н. В. Успенскому.

Глѣбъ Ивановичъ,

Вы крайне обязали бы меня, выславъ мнѣ сколько-нибудь денегъ по слѣд. адресу:

По Лиговкѣ д. Фридрихса № 2, квар. № 12, Н. В. Успенскому.
По полученіи гонорара немедленно возвращу.

Ян. 4. 86 г.

Напоминаетъ о себѣ иногда и другой обломокъ шестидесятыхъ годовъ, родной братъ извѣстнаго этнографа беллетриста С. В. Максимова, *Николай Васильевичъ Максимовъ*, человѣкъ необыкновенно разносторонней карьеры. Образованіемъ морякъ, въ 60-е годы онъ близокъ съ обоими Курочкиными, съ Д. Д. Минае-

вымъ, Успенскимъ и др. Онъ дебютировалъ въ «Молвѣ», Политики, хроникеромъ. Ызидилъ въ Сербію добровольцемъ, командовалъ отрядомъ, дрался съ турками и вернулся съ орденомъ Такова. Черезъ годъ Ызидилъ военнымъ корреспондентомъ въ Турцію и состоялъ при Скобелевѣ, былъ раненъ и награжденъ, по представленію Скобелева, св. Владим. 4-й ст. съ мечами. Поѣхалъ разѣзднымъ корреспондентомъ на сѣверъ, въ Лапландію и Норвегію, ловилъ и солилъ треску на Лофоденскихъ островахъ. Ликвидировалъ свой промыселъ, метнулся въ Одессу и служилъ помощникомъ капитана дальняго плаванія въ «Рус. О-вѣ пароходства и торговли». Служилъ въ Лондонѣ въ канцеляріи посольства у нашего морского агента, эмигрировалъ въ Америку, испробовалъ нѣсколько профессій, сотрудничалъ въ New York Herald Бернета по русскому отдѣлу. Уѣхалъ въ Закаспійскій край и служилъ на Волгѣ командиромъ землечерпательной машины. Былъ журналистомъ, умеръ 25 янв. 1900 г.

«Жизнь Максимова сложилась, какъ повѣсть. Но она его не утомила и не сдѣлала пессимистомъ. Это былъ замѣчательно симпатичный, прямой, хорошій и честный человекъ. Въ его вѣчномъ скитальчествѣ, въ полномъ пренебреженіи къ опасностямъ и житейскимъ превратностямъ, въ его совершенномъ равнодушіи ко всѣмъ матеріальнымъ благамъ и полной беззаботности о завтрашнемъ днѣ—было нѣчто удивительно простое и въ то же время романтическое. Но ему везло въ жизни въ одномъ отношеніи: всѣ, кто его зналъ, были его друзьями и каждому, кто его узнавалъ, хотѣлось быть его другомъ». (Некрологъ Н. Максимова подписанный «Б», «Новости» 1900, № 27).

Какъ видно изъ писемъ Н. В. Максимова, уцѣлѣвшихъ въ архивѣ Успенскаго, они встрѣчались не разъ и послѣ богемскаго житія шестидесятыхъ—семидесятыхъ годовъ. Максимовъ былъ капитаномъ парохода «Владимиръ» «Общества пароходства и торговли», когда они въ восьмидесятыхъ годахъ встрѣтились въ Севастополѣ.

Въ одномъ письмѣ этого болѣе поздняго времени, когда въ Петербургѣ проектировалась большая газета, чѣмъ въ особенности былъ занятъ г. Н. Николадзе, Максимовъ пишетъ Гл. И—чу:

«Ну это совсѣмъ нехорошо, Глѣбъ Ивановичъ, общаться и не пріѣзжать. Это выходитъ совсѣмъ по-русски и даже не по-мужицки, а по-барски. Я былъ у Николадзе, спрашивалъ его насчетъ контракта, онъ мнѣ сказалъ, что когда сойдемся, то поговоримъ, а на вопросъ мой: когда же мы сойдемся, такъ какъ каждый день дорогъ, онъ отвѣтилъ, что за нимъ дѣло не стоитъ, а за Вами. Я поступаю не такъ какъ Вы, что общаю, то и испол-

няю. Скажите дѣвушкѣ, которая хочетъ въ воспитательный, чтобы она, пріѣхавъ въ Питеръ, зашла прежде всего къ моей матери, съ которой она пойдетъ въ воспитательный и тамъ все это обдѣлаетъ; такъ что даже не надо и ходить къ доктору Жуковскому. Передайте прилагаемую здѣсь записку Семену Никитичу. Затѣмъ убѣжденный въ томъ, что съ Вами каши не сварить, а не только не осуществишь проекта изданія газеты—остаюсь просто любящій Васъ

Николай Вас. Максимовъ.

Хлопоты о какой-то дѣвушкѣ—одинъ изъ обычныхъ мотивовъ переписки разныхъ лицъ съ Г. И: по поводу всякихъ нуждающихся. Что касается газеты, то изъ писемъ Успенскаго къ Некрасовой читатель могъ видѣть, какія возлагалъ на нее большія надежды Г. И. Упрекъ пріятеля, видно, очень задѣлъ за живое Успенскаго, и онъ пишетъ Максиму одно изъ своихъ нѣсколько комически-сердитыхъ писемъ, которое не было отправлено по назначенію:

Любезный Николай Васильевичъ!

Не знаю по-мужицки или по-барски поступаете вы, безъ всякаго основанія претендуя на то, что я не пріѣхалъ, и что со мной не сварить каши. Кашу именно варите Вы, а я хотѣлъ издавать газету. Для того, чтобы эта газета не была кашей, я и просилъ нарочно пріѣхать ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, просилъ васъ переименовать названіе на Русскую Жизнь, зная, что должна означать эта переименовка. Я просилъ Васъ тогда же, —«пожалуйста не болтайте, хлопчите о переименовкѣ, а потомъ извѣстите меня». Кое-что стало-быть руководило мною въ этихъ просьбахъ. Но изъ этихъ просьбъ Вами не соблюдено ни единой. Вопреки моей просьбѣ не болтать, то есть не разговаривать объ этомъ понапрасну, безъ толку, такъ какъ эта безтолковая болтовня, ходьба, разговоры, приглашенія ненужныхъ и незнакомыхъ лицъ къ участию и т. д. и т. д. есть въ 1-хъ признаковъ того, что человекъ не знаетъ хорошенъко сущности и задачи того дѣла, за которое принимается, а во 2-хъ рѣшительно вредить всякому дѣлу, охлаждаетъ, путаетъ и т. д. и т. д.—Вопреки повторяю этой просьбѣ, кто только не былъ приглашаемъ Вами и въ сотрудники и въ пайщики и пр. и кто только не былъ Вами извѣщенъ объ изданіи этой газеты, кромѣ меня, который васъ объ этомъ просилъ нарочно. Это дѣйствительно не по-мужицки, не по-барски, и не по-товарищески. И такъ все дѣло остановилось, потому что Успенскій не пріѣхалъ. Все было готово, налажено, оставалось *только пере-*

говорить, но Усп. не пріѣхалъ и затормозилъ все. Ну а если бы я пріѣхалъ? Что бы мы дѣлали? Пошли бы къ Николадзе, потомъ разошлись бы, потомъ оказалось бы, что нѣтъ денегъ, потомъ Вы пошли бы приглашать Думашевского или Полякова, Николадзе поѣхалъ бы на танцевальный вечеръ, а я опять уѣхалъ бы въ деревню. Затѣмъ Вы пошли бы къ Софѣ Васильевнѣ, и вмѣстѣ съ ней назначили бы собраться у Николадзе, а потомъ Николадзе, Софья Васильевна, Вы и еще Гофштетеръ рѣшили бы, что лучше всего осадить всѣмъ вмѣстѣ Кривенку, котораго и безъ того ужъ достаточно измучило Слово. Потрудитесь сказать мнѣ,—зачѣмъ я такъ необходимо нуженъ? Если Вы мнѣ это скажете, тогда я пріѣду. Теперь же могу только сказать, чтобы Вы по возможности умѣрили Ваше на меня негодованіе, которое рѣшительно ни на чемъ не основано. Вы, какъ хозяинъ газеты, можете устраивать ее какъ найдете лучше. Наконецъ, по совѣсти говоря, мое положеніе до того трудно и исполнено неопредѣленностей, что я рѣшительно не могу»

Вслѣдствіе ли нѣсколько безтолковаго, столь живописно изображеннаго въ письмѣ веденія дѣла, или вслѣдствіе упорства главнаго управленія по дѣламъ печати, систематически препятствовавшаго возникновенію новыхъ органовъ, газета такъ и не состоялась, и надежды Успенскаго организовать черезъ нее широкія обслѣдованія русской областной жизни, такъ всегда интересовавшей его, не осуществились.

Приводимъ письмо къ Успенскому упомянутого здѣсь Н. Я. Николадзе, относящееся къ моменту послѣ закрытія «Отечественныхъ записокъ», поставившему Г. И. въ крайне затруднительное положеніе (о чемъ уже говорилось въ письмѣ его къ Некрасовой). Письмо г. Николадзе любопытно, какъ характеристика взгляда на литературу въ извѣстныхъ кругахъ тогдашняго общества. Упоминаемая въ письмѣ Анна Павловна, вѣроятно А. П. Саввина, знакомая Успенскаго, которая въ 1882 г. была конторщицею въ журналѣ «Устои». Сотрудничество Успенскаго въ тифлисскомъ «Новомъ Обозрѣніи», чрезъ которое г. Николадзе думалъ получить деньги для Успенскаго, повидимому не состоялось.

Спб., 17 мая 1884 г. Офицерская ул. д. 26, кв. 45.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ,

Анна Павловна передала мнѣ Ваше желаніе достать рублей 200 подъ вексель. Я старался устроить Вамъ это дѣло межъ своими

знакомыми, предлагая и свою подпись, и гарантію Павленкова. Но всѣ мои старанія прахомъ пошли. Въ той средѣ, гдѣ я исключительно верчусь, въ средѣ «дѣловой», оказалось положительно невозможнымъ устроить подобное дѣло. Къ нашему брату журналисту, писателю, литератору тутъ всѣ относятся, какъ къ зачумленному, избѣгая всякихъ поводовъ къ сношеніямъ. Даже и личное мое положеніе въ этой средѣ, несмотря на то, что я въ послѣдніе годы несравненно болѣе занимаюсь «докладами» да «дѣлами», чѣмъ литературою, становится нестерпимымъ: всѣ, точно по уговору, стараются держать себя подальше отъ человѣка, «прикосновеннаго» къ литературѣ, сирѣчь къ крамолѣ! Бываютъ же на свѣтѣ такія положенія и жалости достойныя судьбы!

Словомъ, дѣло въ томъ, что здѣсь, въ средѣ моихъ знакомыхъ, я, при всемъ своемъ стараніи, ничего для Васъ сдѣлать не могъ. Сожалѣю отъ души, что я этого сразу не сообразилъ, и потерялъ для Васъ драгоцѣнное время на безплодные поиски. Пойми я все это сразу, я началъ бы съ того, чѣмъ теперь кончаю, т. е. съ обращеніемъ къ г. Степанову, редактору «Новаго Обозрѣнія», который, я въ этомъ убѣжденъ, и можетъ, и захочетъ помочь Вамъ.

Я ему телеграфировалъ сегодня выслать Вамъ деньги, и надѣюсь, въ самомъ непродолжительномъ времени Вы ихъ отъ него получите. Разумѣется, Вы въ правѣ будете вернуть ихъ ему деньгами или статьями, какъ Вы сами пожелаете, но лично я былъ бы счастливъ, если бы Вы избрали послѣдній способъ, да и самъ Степановъ въ миллионъ разъ предпочиталъ бы этотъ именно способъ расплаты.

Глубоко Васъ уважающій *Н. Николадзе.*

Къ сферѣ полудѣлового знакомства Успенскаго принадлежало также знакомство Г. Успенскаго съ извѣстнымъ адвокатомъ кн. А. И. Урусовымъ. Началось оно, если не ошибаемся, въ Москвѣ въ шестидесятыя годы, и онъ, Урусовъ, былъ тѣмъ самымъ товарищемъ прокурора, отъ службы у котораго юноша Успенскій, послѣ неудачи съ опытомъ учительства, ждалъ себѣ «хорошаго хода». Письмо относится къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ (упоминается сверженіе въ Болгаріи слушателями военной школы кн. Баттенберга) и касается составленія контрактовъ между Г. Успенскимъ и И. М. Сибиряковымъ, купившимъ всѣ сочиненія Успенскаго. Извѣстный остроумецъ, кн. Урусовъ и въ дѣловую записку ввернулъ нѣсколько остротъ, изъ которыхъ постскриптумъ даже непонятенъ, заключая намекъ на какую-то забытую мимолетную злобу дня.

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ!

Берлинъ живетъ на Гороховой, № 3 и бываетъ дома постоянно отъ 10 до 4 кромѣ среды и пятницы, когда онъ дежурить у меня. Я просилъ его заѣхать къ Вамъ, чтобы этимъ доказать Вамъ, какъ мы дорожимъ Вашею практикою и довѣріемъ. Всѣ обстоятельства (контрактъ Тургенева и проч.) я ему тоже описалъ.

Каковы болгарскіе кадеты! Просто и мило: «пожалуйте отречение».—Ни за что!—Честью просимъ, пожалуйста!—Ну извольте!—Прощайте!—Прощайте.

Вотъ простѣйшая формула государственнаго переворота. Не ѣздите теперь туда—опасно, Вы можете въ министры попасть. Уважающій Васъ А. Урусовъ.

Р. С. Отчего Вы писали, что я поступилъ не «по-сусѣдски»? Въ чемъ? Почему? Это напоминаетъ романсъ:

Все эта за-гадка му-чить
И не знаю что са мною.

Ужъ не «адскій ли Перекакишъ?»

Изъ договора, заключеннаго между Успенскимъ и И. М. Сибиряковымъ 13 ноября 1886 г., видно, что Успенскій уступилъ Сибирякову всѣ авторскія права на все имъ напечатанное и написанное къ тому времени (съ правомъ Успенскаго ненапечатанное помѣстить въ журналѣ) за 19.155 рублей, изъ которыхъ 15 тысячъ было внесено въ банкъ съ тѣмъ, что Успенскій имѣетъ право пользоваться только процентами до своей смерти, послѣ которой деньги переходятъ къ его наслѣдникамъ. Въ дальнѣйшемъ между Павленковымъ и Сибиряковымъ состоялось особое соглашеніе, по которымъ сочиненія Успенскаго и выходили подъ фирмою Павленкова. Сибиряковъ и въ дальнѣйшемъ не разъ выручалъ Успенскаго. Сохранилась, напр., слѣдующая его расписка (очевидно, проектъ, оставшійся въ бумагахъ):

«14 мая 1888 года, я нижеподписавшійся получилъ отъ Пот. Поч. гражданина Иннокентія Михайловича Сибирякова ссуду въ пятьсотъ рублей для поѣздки въ Бійскій округъ съ цѣлію ознакомиться на мѣстѣ съ переселенческимъ дѣломъ въ Сибири. Всѣ мои корреспонденціи какъ въ газеты, такъ и журналы, касающіяся этой поѣздки, и также всякія беллетристическія произведенія, касающіяся сибирской жизни, если такія будутъ извлечены изъ настоящей поѣздки,—все это поступаетъ въ собственность Иннокентія Михайловича Сибирякова и во 1-хъ можетъ быть издано отдѣльнымъ изданіемъ, подъ названіемъ, которое будетъ

найдено удобнымъ какъ И. М. Сибиряковымъ, такъ и мною; по цѣнѣ назначаемой И. М. Сибиряковымъ, а также и въ такомъ количествѣ экземпляровъ, которое пожелаетъ И. М. Сибиряковъ, и во 2-хъ, этотъ самый отдѣльно изданный матеріалъ, безъ всякой особой приплаты поступаетъ въ вѣчную собственность И. М. Сибирякова, какъ и всѣ прежде приобрѣтенныя имъ отъ меня сочиненія.

Уѣздн. учитель Глѣбъ Ивановичъ Успенскій».

Успенскій мучительно тяготился своей зависимостью и ссудами Сибирякова; хотя они и обезпечивали до нѣкоторой степени его семью, но, вѣроятно, благотворительный характеръ покупки сочиненій и ссудъ имъ остро чувствовался. Должно указать, что въ послѣдствіе Сибиряковъ отказался отъ права собственности на сочиненія Успенскаго въ пользу его наслѣдниковъ, которые и перепродали это право издательству Маркса.

Въ то время, какъ матеріальныя затрудненія и переутомленіе все сильнѣе мучали Успенскаго, его имя дѣлается все авторитетнѣе. Къ нему обращается множество разъ молодежь, и его статьи вызываютъ разнообразныя отклики. Приведемъ два такихъ отклика.

11-го августа 1887 г. въ № 219 «Рус. Вѣдомостей» въ той самой статьѣ изъ серіи «Мы», въ которой было заявлено о необходимости дѣятельнаго утвержденія добра, а не ожесточенной борьбы со зломъ, Г. Успенскій, говоря о чисто-отрицательномъ значеніи «русской идеи», въ примѣръ ея проявленія приводитъ освобожденіе польскихъ крестьянъ, «быдла—отъ пановъ». Эти мѣста статьи больно задѣли жившаго тогда въ ссылкѣ въ Нижнемъ получившаго потомъ чрезъ журналъ «Міръ Божій» извѣстность Ангела Ивановича Богдановича. Въ письмахъ къ Успенскому онъ горячо протестовалъ противъ слишкомъ прямолинейнаго освѣщенія польскаго вопроса. Къ сожалѣнію, сохранилось только второе письмо Богдановича. Вотъ оно.

[Нижній Новгородъ, 4 октября 1884 г.

Милостивый Государь Глѣбъ Ивановичъ!

Мнѣ очень жаль, что я огорчилъ Васъ своимъ письмомъ, тѣмъ болѣе жаль, что все написанное мною относилось не къ статьѣ въ ея цѣломъ, а только къ извѣстному больному ея мѣсту. Читая Вашу статью, я обратилъ вниманіе на предпоследній столбецъ и потому именно больное ея мѣсто сдѣлалось для меня, какъ для поляка, нестерпимо больнымъ. Почему это, спрашивалъ

я себя, даже Глѣбъ Ивановичъ отождествляетъ поляковъ съ турками? Мнѣ хотѣлось доказать Вамъ, что и въ 63 г. «прикрываться фразой освобожденія» было неумѣстно, какъ неумѣстно это и теперь по отношенію къ Болгаріи. Но приводимые мною факты оказались, очевидно, неубѣдительными, такъ какъ Вы сообщаете мнѣ, что написали бы, если бъ это было возможно: «до сихъ поръ идея... могла прикрываться фразой освобожденія». Это подчеркнутое Вами слово «могла» прямо указываетъ, что Вы не обратили никакого вниманія на мои доводы. И въ самомъ дѣлѣ: не скажете же Вы въ то время, когда подъ предлогомъ «неправильности выборовъ», «насилій, производимыхъ узурпаторами» или другихъ какихъ-нибудь этого рода бредней наши пойдутъ «освобождать болгаръ отъ угнетателей», что они «могли» пойти туда, прикрываясь идеей освобожденія? Такъ почему же Вы признаете эту *возможность* въ 63 году?

Вотъ это-то и больно намъ полякамъ, что русскій человѣкъ, что даже Глѣбъ Ивановичъ позволяетъ себѣ игнорировать всѣ ужасы 63 года. Для васъ, господа, остались памятные результаты повѣрочной комиссіи и вы до сихъ поръ ужасаетесь ея разоблаченіями, но забываете сравнить эти данныя съ данными сборниковъ земской статистики. Если бъ вы, господа, помнили, что русскіе помѣщики давятъ русскихъ крестьянъ нисколько не меньше поляковъ, еслибъ Вы не забывали, что въ 63 году поляки потеряли около ста тридцати тысячъ убитыми, казненными и сосланными, если бы Вы не забывали, что до сихъ поръ Апухтины и Гурко наносятъ намъ ударъ за ударомъ; еслибъ Вы помнили, что манифестъ повстанцевъ 63 года отнималъ всякую *возможность* прикрываться идеей «освобожденія», тогда никакія цензурныя условія не могли бы заставить васъ поддерживать въ обществѣ распространяемые правительствомъ заблужденія насчетъ поляковъ.

Вамъ казалось, что одного имени Зиновьева достаточно для указанія, что Вы считаете «подлиннымъ»... Къ сожалѣнію, Вы ошибаетесь. Русская читающая публика такъ мало знакома съ событіями 63 года и вообще съ поляками, она такъ любитъ возмущаться звѣрствами ихъ, что для громаднаго большинства тонкость эта останется непонятной. Мнѣ приходилось встрѣчать очень много русскихъ, даже съ университетскимъ образованіемъ, не имѣющихъ никакого понятія о событіяхъ даже 63 года, а между тѣмъ русскіе весьма свободно разсуждаютъ, какъ это «панъ» душитъ «быдло». Вотъ почему такъ нестерпимо больно было прочесть въ Вашей статьѣ формулировку «русской идеи» рядомъ съ отдѣленіемъ отъ Зиновьева всей свиты мерзавцевъ-обрусителей. Вотъ что и заставило меня писать Вамъ.

Если Вамъ угодно я съ удовольствіемъ переведу Вашу разъяснительную статью и пошлю въ редакцію еженедѣльника «Głos» или «Przegląd Tygodniowy», но возможно ли будетъ что-либо разъяснить? Вѣдь Вамъ пришлось бы имѣть дѣло не съ столичной, а съ *варшавской* цензурой. Во всякомъ случаѣ я къ Вашимъ услугамъ.

Письмо Ваше я получилъ въ Нижнемъ 30 сентября и побоялся было отвѣчать, такъ какъ, уѣзжая изъ Курмыша, узналъ, что власти затѣяли переписку о контролированіи моей корреспонденціи. Посовѣтовавшись кое-съ кѣмъ мы рѣшили, что послать Вамъ письмо изъ Нижняго безопасно, а Вамъ удобнѣе всего будетъ переслать статью на имя Ник. Ѳедор. Анненскаго. Большая Покровка, д. Шмидта.

(Письмо не подписано).

Къ этому же времени относится и слѣдующее коротенькое письмо изъ Нижняго же юноши, полудѣтское по содержанію. Юноши, повѣрившаго въ утопію нѣкогого г. Тимошенкова, которая вдругъ прославилась тогда вслѣдствіе статьи о ней Успенскаго (Р. М. 1887, № 9—«Трудовая жизнь и жизнь труженническая»). Сохранившееся въ бумагахъ Г. И., быть можетъ, какъ курьезъ, письмо это, написанное связно-писарскимъ съ завитками почеркомъ, получаетъ теперь цѣну крайне любопытнаго историко-литературнаго документа вслѣдствіе совершенно-исключительной личности автора.

Многоуважаемый

Глѣбъ Ивановичъ!

Не можете-ли сообщить адресъ г. Тимошенкова, автора книги «Борьба съ земельнымъ хищничествомъ», или—еще лучше—не извѣстно ли Вамъ какъ велика доза правды въ этой книгѣ; т.-е. существуютъ ли Земля и Брага—и если существуютъ, то какъ и гдѣ таковыхъ отыскать.

Весьма возможно, что такимъ сообщеніемъ вы укажете путь десятку-другому парней желающихъ приложить свои силы къ честному и полезному дѣлу. Обращаюсь къ Вамъ, какъ къ *человѣку*, о которомъ слышалъ много хорошаго и который—я увѣренъ—не откажетъ въ помощи.

Уважающій Васъ

Алексѣй Пышковъ.

Просилъ бы прислать мнѣ желаемое сообщеніе по возможности скорѣе.

XIII. Г. Успенскій и Всеволодъ Гаршинъ.—Сборникъ въ память Гаршина.

Со времени появленія въ «Отечественныхъ Запискахъ» извѣстныхъ «Четырехъ дней» и «Записокъ рядового Иванова», составившихъ литературное имя Всеволоду Гаршину, вѣроятно, и началось знакомство его съ Глѣбомъ Успенскимъ. Какъ видно изъ печатаемыхъ ниже писемъ Гаршина, онъ принималъ, въ качествѣ посредника, близкое участіе въ изданіи сочиненій Успенскаго, предпринятомъ Ф. Ф. Павленковымъ. Это изданіе избавило Успенскаго отъ кабалы у мелкихъ издателей, у которыхъ были разбросаны сборники его сочиненій и на время значительно облегчило матеріальное положеніе Г. Успенскаго: 30 рублей за листъ, который заплатилъ Павленковъ, это было все же не 8 рублей, которые платилъ, напр., Базуновъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Свѣдѣній и данныхъ о близости между обоими писателями вообще немного. Въ письмѣ Гаршина отъ 22 іюня 1883 г. изъ Петербурга В. М. Латкину говорится о впечатлѣніи, произведенномъ на него мѣстомъ въ одномъ изъ очерковъ Успенскаго («Отеч. Зап». 1883, № 5 «Изъ путевыхъ замѣтокъ»—въ III т. соч. подъ заглавіемъ «На Кавказѣ» стр. 139): «Читаю я теперь все беллетристику... У насъ въ литературѣ за эти мѣсяцы ничего нѣтъ. Одинъ Г. Ив. ужасно разсмѣшилъ, рассказывая, какъ при приготовленіи икры на доску садится россійскій мужикъ и, нажимая на нее своими природными дарованіями, безъ всякаго посредства интеллигенціи и запада, производитъ цѣнность въ 100 р.» Въ этомъ же письмѣ Гаршинъ пишетъ: «Въ пятницу ѣду съ Успенскимъ и Мишей (художникъ М. Г. Малышевъ) въ экскурсію на богомолье. Въ Тихвинѣ празднуютъ 500-лѣтіе явленія Тихвинской иконы Божьей Матери, такъ всѣ мы хотимъ посмотрѣть на сіе торжество и свойственныя ему чудеса».

Путешествіе это состоялось, а по возвращеніи въ Петербургъ, Гаршинъ и написалъ первое изъ нижеприведенныхъ писемъ Успенскому, вернувшемуся изъ путешествія къ себѣ въ Сябринцы.

Одна строчка третьяго письма стоитъ особаго вниманія. Кто когда-нибудь думаетъ объ удобствахъ для какого-то невидимки-почтальона, когда нужно дать свой адресъ? А вотъ Гаршинъ думалъ, какъ думалъ и страдалъ и Глѣбъ Успенскій, видя и мучась, что какой нибудь обитатель меблированныхъ комнатъ зря мотаешь «человѣка» по лѣстницѣ (см. рассказъ объ этомъ въ воспоминаніяхъ В. Г. Короленка). Эта черточка какъ нельзя

лучше сближаетъ Гаршина и Успенскаго, дополняя и освѣщая все, что мы можемъ почерпнуть изъ ихъ произведеній относительно ихъ исключительной моральной чуткости и требовательности.

Это одинъ и тотъ же нравственный типъ, одна и та же была и судьба въ жестоко ихъ истерзавшей русской жизни. Однимъ изъ общихъ страданій обоихъ было и жгучее горе объ унесенныхъ волнами революціоннаго броженія близкихъ людей. Къ самому Глѣбу Успенскому цѣликомъ примѣнимо то, что онъ писалъ о Гаршинѣ послѣ его трагической въ безуміи смерти (сборникъ «Памяти Гаршина», Спб. 1888).

«... онъ долженъ былъ всю свою жизнь испытывать неумолимую *настойчивость* въ неразрѣшимости всѣхъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые онъ уже пережилъ. Жизнь не только не сулила хотя бы малѣйшаго движенія отъ глубоко сознаннаго зла... да, хоть къ чему нибудь лучшему но, напротивъ, какъ бы окаменѣла въ неподвижности, ожесточилась на малѣйшія попытки не только хорошо думать, но и хорошо дѣлать. Изъ дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ и цѣлые годы, и цѣлые десятки лѣтъ, каждое мгновеніе, остановившаяся въ своемъ теченіи жизнь была по тѣмъ же самымъ ранамъ и язвамъ, какія давно уже наложила та же жизнь на мысль и сердце. Одинъ и тотъ же ежедневный «слухъ»—и всегда мрачный и тревожный; одинъ и тотъ же ударъ по одному и тому же больному мѣсту, и непремѣнно притомъ по больному и непремѣнно по такому, которому надобно «зажить», поправиться, отдохнуть отъ страданія; ударъ по сердцу, которое проситъ добраго ощущенія, ударъ по мысли, жаждущей права жить, ударъ по совѣсти, которая хочетъ ощущать себя. Десятками лѣтъ идетъ какое то непрерывное, непрестанное, неумолимо настойчивое отталкиваніе челоуѣка отъ малѣйшей попытки «поступить»—вотъ что дала Гаршину жизнь послѣ того, какъ онъ уже жгуче перестрадалъ ея горе».

Въ извѣстномъ смыслѣ мы, конечно, имѣемъ полное право сказать, что и Гаршина, и Успенскаго одинаково свела съ ума безумная русская жизнь, съ удручающе-безнадежной реакціей восьмидесятыхъ годовъ.

2 іюля 1883. Спб.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ! Третьяго дня мы съ Малышевымъ наконецъ добрались до Петербурга: вчера же я пошелъ къ Павленкову и говорилъ съ нимъ. Онъ *очень хочетъ*, повидимому, издавать Васъ, но попросилъ *недѣлю* для обсужденія. Въ будущую пятницу дастъ рѣшительный отвѣтъ; во всякомъ случаѣ онъ дастъ вамъ болѣе 1500 р. и выговоритъ себѣ не безконечность экземпляровъ, а тысячъ 5—6. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы издавалъ именно онъ, а не кто-нибудь другой, но если онъ не согласится, пойду къ Карбасникову и ко всѣмъ чертямъ. Павленковъ взялъ недѣлю на обсужденіе потому, что послѣднее время предпринималъ кучу (*вырванъ клочекъ, должно быть: изданій, и*) теперь у него

маловато средствъ. Но я все-таки надѣюсь, что онъ согласится и вы получите за 3 тома рублей 2500—3000.

До свиданья. Искренно Вашъ *В. Гаршинъ*.

Спб. 10 іюля 1883 г.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ. Мы поладили съ Павленковымъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Онъ платитъ Вамъ по 30 р. за печатный листъ, т.-е. за три тома 2250 р.

2) 500 рублей Вы получаете при заключеніи условія, т.-е. сейчасъ же.

500 рублей онъ уплачиваетъ долгосрочнымъ векселемъ на Псковъ.

Остальные 1250 р. уплачиваются помѣсячно суммами отъ 50 до 100 р. въ мѣсяцъ. Павленковъ предполагаетъ платить по 75 р. въ мѣсяцъ, т.-е. выплатить всю сумму въ 16¹/₂ мѣсяцевъ.

3) Павленковъ не рѣшилъ еще, будетъ ли онъ издавать изданіе иллюстрированное или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ онъ выговариваетъ себѣ право изданія 6000 экземпляровъ въ два раза; во второмъ случаѣ издаетъ только 4000 экземпляровъ.

4) Права и обязательства издавать слѣдующіе тома вашихъ сочиненій онъ на себя не беретъ, ограничиваясь на первый разъ только тремя томами, но не отказываясь, если все будетъ благополучно, взяться и за слѣдующіе тома по взаимному соглашенію.

Отвѣчайте на мое имя: когда Вы пріѣдете заключать условіе, если Вы согласны.

Искренно Васъ любящій *В. Гаршинъ*.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ, я получилъ отъ Сергѣя Николаевича черезъ одну знакомую 60 р. и письмо, въ которомъ онъ проситъ меня передать какъ-нибудь эти деньги Людмилѣ Николаевнѣ¹⁾. Я не знаю, какъ послать ей эти деньги. Будьте добры, сообщите мнѣ возможно скорѣе ея адресъ (такой, по которому можетъ дойти денежное письмо). А то, можетъ быть, у Васъ найдутся 60 р. и Вы сочтете возможнымъ дать ихъ Л. Н.? Тогда я пришлю 60 р. Вамъ (сообщите адресъ для денегъ), или же свезу ихъ Александрѣ Васильевнѣ, какъ Вамъ будетъ удобнѣе; во всякомъ случаѣ, прошу Васъ, не задержите отвѣтъ: я получилъ деньги еще вчера, а Л. Н., какъ я слышалъ, очень нуждается.

¹⁾ Жена Сергѣя Николаевича Кривенка.

Мой адресъ: Невскій проспектъ, д. 84, кв. 52. Впрочемъ, лучше пишите: Большая Московская, 6, въ канцелярію общаго сѣзда желѣзныхъ дорогъ: туда не такъ высоко подыматься почталіону.

Искренно Вашъ *В. Гаршинъ*.

8 октября 86 г.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ, если хотите послушать «Коготокъ увязнеть—всей птичкѣ пропасть» Льва Толстого, то благоволите доставить свою особу завтра, въ среду, 21 января 1887 г. на Невскій, д. 84, кв. 52 (домъ Юсупова), въ квартиру Вс. Мих. Гаршина.

Искренно Вашъ *В. Гаршинъ*.

Вслѣдъ за письмами Гаршина мы помѣщаемъ письма Успенскаго къ Я. В. Абрамову, касающіяся сборника «Памяти Гаршина», и сборника, посвященнаго Гаршину же подъ названіемъ «Красный цвѣтокъ». Этотъ второй сборникъ, выпущенный кружкомъ Альбова, Баранцевича и Лихачева, тогда какъ первый исходилъ отъ кружка «Сѣвернаго Вѣстника», былъ значительно слабѣе перваго по именамъ и матеріалу и вышелъ въ свѣтъ не безъ нѣкоторыхъ треній. О характерѣ ихъ въ дополненіе къ нижеприводимымъ письмамъ можно судить по слѣд. замѣткѣ Созерцателя (Л. Оболенскаго) по поводу «Краснаго Цвѣтка» (Р. Богатство, 1889 г. № 1, стр. 224).

«...въ «Красномъ Цвѣткѣ» мы находимъ имя одного стихослагателя, который не очень еще давно напечаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ тяжелую инсинуацію на маститаго поэта Плещеева, и въ то же время написалъ пасквиль на Надсона, и раздавалъ этотъ пасквиль на улицахъ. Какъ вамъ нравится положеніе Плещеева, лучшаго друга Надсона, подъ одною обложкой съ этимъ господиномъ? (Правда, въ пасквилѣ на Надсона этотъ господинъ потомъ публично каялся!). И это не все: мы тутъ же встрѣчаемъ имя одного извѣстнаго критика, котораго значительная часть литературы считала повиннымъ въ преждевременной смерти Надсона...

«Теперь намъ очевидна одна изъ причинъ, почему лучшія силы литературы не объединились подъ стягомъ Альбова, Баранцевича и Лихачева».

Г. Успенскій сперва занялъ, въ поднявшейся литературной бурѣ въ стаканѣ воды, среднюю позицію, хотѣлъ примирить ссорившихся, но въ концѣ концовъ отказался отъ участія въ «Красномъ Цвѣткѣ».

Въ апрѣлѣ 1888 г., вскорѣ по смерти Гаршина, Я. В. Абрамовъ пріѣхалъ къ Успенскому пригласить его на собраніе въ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» для обсужденія программы сборника его памяти, предполагающаго друзьями и товарищами покойнаго.

Не найдя Г. И. дома, Абрамовъ, секретарь въ то время «Сѣвернаго Вѣстника», оставилъ письмо съ изложеніемъ сути дѣла. «Кромѣ товарищей покойнаго по литературѣ,—писалъ Абрамовъ:—на собраніе предположено пригласить слѣдующихъ лицъ, какъ находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ: Герда, Ярошенко, Рѣпина, Леткина, Дрентельна, Малышева и Фаусеа».

Г. И. отвѣтилъ на это приглашеніе слѣдующей запиской:—

Дорогой Яковъ Васильевичъ!

Все, что угодно будетъ Вашему Собранію относит. Гаршина,—я исполню безусловно. Приходить мнѣ незачѣмъ, да я и занятъ статьей именно о Гаршинѣ. Вы только извѣстите меня, когда къ какому времени нужна статья для сборника. Заходите ко мнѣ пожалуйста и передайте Н. С. Дрентельну мою брошюрку.

Вашъ Г. Успенскій.

Къ маю того же года (по помѣткѣ Абрамова на письмѣ Г. И.) относится слѣдующее письмо, касающееся возникшаго раздора.

Дорогой Яковъ Васильевичъ!

Вчера г. Баранцевичъ просилъ меня принять участіе въ сборникѣ памяти Гаршина, который издаетъ ихъ компанія. Дѣло въ томъ, что ихъ именно и обременяетъ, какъ они говорятъ, то, что всѣ участвующіе въ двухъ сборникахъ,—раздѣлились какъ бы на двѣ партіи, тогда какъ всѣ они участвовали въ работахъ со всѣми тѣми, кто участв. и въ Сѣв. Вѣстн. Вы писали въ Наблюд., гдѣ писалъ и Ясинскій, Баранцевичъ писалъ и въ Сѣв. Вѣстникѣ, гдѣ и Короленко, и я и т. д. Словомъ нѣтъ никакого резона дѣлиться на партіи въ виду единой цѣли,—собрать деньги на памятникъ Гаршина. Если же будетъ два изданія и такимъ обр. закрѣпится нѣкоторымъ образомъ литерат. несогласіе, то вѣдь оно будетъ продолжаться и дальше,—одна партія будетъ расхваливать свой сборникъ а другая защищать свой и т. д. Словомъ ни тотъ, ни другой сборникъ не возобладаетъ одинъ надъ другимъ и количество покупателей разобьется на двѣ половины, то есть и для одного и для другого сборника ихъ будетъ мало. Въ ихъ сбор. общ. В. Г. Короленко и Н. К. Михайловскій,—Г. А. Мачтетъ. Вѣдь это пожалуй и отзовется плохо.

Такъ вотъ, чтобы покончить съ могущими быть недоразумѣніями, чтобы сборникъ былъ *одинъ* и покупался бы какъ одно

изданіе, то-есть сохранилъ бы всѣхъ покупателей, а не половину для одного сб. и полов. для другого,—предполагается сойтись обѣимъ партіямъ на слѣдующемъ:

1) Какъ Сѣв. Вѣстн. такъ и *ты, другіе* издають каждый свой сборникъ такъ, какъ они задумали, каждый съ своими сотруди. рисунками и т. д.

2) Но оба сборника во 1-хъ носятъ одно названіе «Красный Цвѣтокъ», во 2-хъ печатаются въ одномъ форматѣ, однимъ шрифтомъ и размѣромъ буквъ въ листѣ, и

3) Дѣлятся на два тома. «Красный Цвѣтокъ» сбор. въ память Гаршина въ *двухъ томахъ*, цѣна такая-то. Продаются оба тома вмѣстѣ нераздѣльно. И если ихъ напечатать въ умѣренномъ количествѣ экземпляровъ хоть и по высокой цѣнѣ,—то они навѣрно разойдутся. Вѣдь—цѣль общая,—для памяти Гаршина или для капитала его имени (я не знаю хор.). Отъ Сѣв. Вѣстн. вести переговоры будете вы, а отъ *нихъ* Баранцевичъ. Онъ и живетъ отъ Васъ близко.

Обдумайте пожалуйста это, посоветуйтесь. На кажд. томѣ можно означить «подъ ред. такого-то» и будьте добры, отвѣтьте на это письмо не мнѣ, а прямо Баранцевичу; отвѣтьте коротко: такое-то предложеніе (пункты 1, 2 и 3) принимаемъ или не принимаемъ—вотъ и все.

Будьте здоровы.

Преданный Вамъ Г. Успенскій.

Р. С. Крайняя надобность знать имя и отчество Мурашкинцев¹⁾. Забылъ совсѣмъ. Пожалуйста отвѣтьте съ этимъ же посыльнымъ, которому заплачено уже.

«Исторія со сборникомъ представляется мнѣ немного курьезною,—отвѣчалъ Абрамовъ. Вопросъ о соединеніи уже поднимался и былъ рѣшенъ отрицательно. Строго говоря, между обоими сборниками общаго только имя Гаршина, при чемъ еще курьезно то обстоятельство, что Баранц. и К^о. издаетъ сборникъ для собранія капитала «на памятникъ», несмотря на переданное этой компаніи категорическое заявленіе вдовы покойнаго о томъ, что она желаетъ поставить памятникъ сама, безъ чьего либо участія (онъ уже ставится). Вообще объ этомъ я Вамъ какъ-нибудь поразскажу многое... «Маленькая фактическая поправка—добавляетъ еще Абрамовъ.—Сборникъ издается друзьями и товарищами Гаршина, а не «С. В.». Послѣдній просто указанъ, какъ

¹⁾ Александръ Андреевичъ Мурашкинцевъ.

мѣсто, куда удобнѣе присылать матеріалы, которые немедленно же передаются мнѣ. Относительно Н. К. Михайловскаго могу сказать только, что онъ чрезъ Короленко передалъ намъ, что имъ будетъ дана въ нашъ сборникъ критич. статья о произв. Гаршина. Короленко въ сборникъ «Красный Цвѣтокъ» далъ напечатанную вещь, а намъ обѣщалъ—новую. Нашъ сборникъ будетъ имѣть 25 картинъ лучшихъ художниковъ на отдѣльныхъ листахъ, двѣ фототипіи, около 30 листовъ текста, будетъ напечатано отъ 3 до 5 тыс. экземпляровъ и будетъ стоить 2 рубля».

Сообщилъ Ч. Вятринскій.

Два черновыя письма П. Л. Лаврова къ вел. кн. Константину Николаевичу¹⁾.

I.

Ваше Императорское Высочество! Человѣкъ Вамъ лично совершенно неизвѣстный и даже не имѣющій чести служить подъ Вашимъ начальствомъ обращаюсь къ Вамъ тѣмъ не менѣе потому что дѣло идетъ болѣе или менѣе о²⁾...

Я имѣю честь помѣщать въ журналъ, издаваемомъ отъ вѣдомства, которое находится подъ Вашимъ начальствомъ, именно въ «Морскомъ Сборникѣ», «Курсъ исторіи физико-математическихъ наукъ». Я нисколько не сомнѣваюсь, что въ Россіи найдутся многіе, которые лучше и искуснѣе меня исполнили бы это дѣло, но никто другой за него не взялся, и я полагаю, что этотъ трудъ можетъ выдержать соперничество съ подобными трудами за границей, трудами, изъ которыхъ нѣтъ ни одного, подходящаго по своему плану къ тому, что я предпринялъ. Слѣдовательно, какъ ни сознаю я недостатки и несовершенства своего предпріятія, все-таки полагаю, что, какъ русскій, я долженъ стараться продвинуть возможно далѣе мою работу, доставляющую русской ученой литературѣ, крайне бѣдной, небольшое пріобрѣтеніе, и увѣренъ, что Ваше Высочество, какъ русскій, тоже не можетъ остаться безучастнымъ къ ученой работѣ, производимой на русскомъ языкѣ и впервые появляющейся въ «Морскомъ Сборникѣ».

Между тѣмъ я нахожусь теперь подъ обвиненіемъ въ какомъ-то темномъ преступленіи, которое повлекло за собой содержаніе меня подъ строгимъ арестомъ, опечатаніе моихъ книгъ и, конечно, почти совершенное прекращеніе моихъ ученыхъ занятій. Да если бы я и имѣлъ возможность ихъ продолжать въ нѣкоторой степени, то, весьма вѣроятно, редакція «Морского Сборника» усомнится въ приличіи помѣщать на страницахъ офиціального

¹⁾ Писано письмо карандашемъ 29 апр., передано 30 апр. 1866 г.

²⁾ Первые строки въ оригиналѣ зачеркнуты.

журнала статьи человека, который заподозрѣнъ въ чемъ-то, вѣроятно, крайне страшномъ.

Воля Гос. Импер. облекла слѣдственную комиссію, подвергшую меня аресту, чрезвычайными правами, и потому всѣ ея дѣйствія законны. «Дайте мнѣ двѣ строки писанныхъ кѣмъ угодно, и я возведу этого человека на эшафотъ», говорилъ, помнится, одинъ французскій министръ, а я вовсе не считаю себя такимъ невиннымъ существомъ, чтобы въ бумагахъ, накопившихся у меня за двадцать два года моей служебной, общественной, литературной и ученой дѣятельности, не нашлось очень и очень сомнительныхъ выраженій и мыслей, особенно въ тотъ періодъ 1856—1861 годовъ, когда казалось, что въ своихъ смѣлыхъ ожиданіяхъ лишь предугадываешь стремленіе правительства и что русское общество, сознающее свои силы и потребности, порывается еще дальше въ своихъ желаніяхъ. Съ тѣхъ поръ и то и другое измѣнилось, но отъ того періода осталось много слѣдовъ, которыхъ не всякій имѣлъ предусмотрительность уничтожить.

Я, признаюсь, никогда не стиралъ минувшаго, потому что дорожу всѣми остатками историческаго развитія въ человѣкѣ и въ обществѣ и ожидаю, что всякій судъ, въ случаѣ моего обвиненія, будетъ меня судить по *общей совокупности* моей дѣятельности. Но я понимаю, что въ минуту страстнаго волненія, возбужденнаго безумными преступленіями, не до того, чтобы судить хладнокровно. Всякое слово, хотя бы и писанное тому за восемь или девять лѣтъ, получаетъ страшное значеніе, всякій мыслящій человѣкъ подозрителенъ въ крайней степени. Такъ всегда было въ исторіи; личности не имѣютъ права протестовать противъ его неумолимыхъ законовъ. Поэтому я не удивлюсь и не стану жаловаться, если все это дѣло кончится для меня весьма нехорошо. Если мнѣ удастся вернуться къ моимъ прежнимъ занятіямъ по службѣ, я сочту это большимъ счастьемъ и неожиданною справедливостью къ общему направленію моей дѣятельности. Если будетъ хуже, то, какова бы ни была моя участь, я подчинюсь всѣмъ случайностямъ безропотно, какъ исходящимъ отъ той верховной власти, которая концентрируетъ въ себѣ всѣ законы моего отечества и волею которой совершается судьба каждого изъ насъ.

Если тогда, приговоромъ ли обычнаго суда или рѣшеніемъ лицъ, облеченныхъ по волѣ Государя Императора правомъ рѣшать судьбу его подданныхъ, я буду поставленъ въ обстоятельства, которыя сдѣлаютъ для меня невозможнымъ продолженіе начатаго труда, то пусть будетъ, что будетъ. Но пока это еще не совершилось, и я могъ бы, можетъ быть, не безъ пользы для

дѣла употребить время, проводимое въ *одиночномъ* заключеніи. Мои занятія исторіею наукъ, конечно, не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, если бы, даже противъ моего ожиданія, я бы оказался дѣйствительно виновнымъ въ какомъ-нибудь серіозномъ преступленіи. Книги, для этого мнѣ нужныя, могли бы быть подвергнуты осмотру, а сами по себѣ онѣ тоже содержанія совершенно невиннаго. Мои занятія мнѣ не дали бы способовъ укрыться ни отъ обвиненія, ни отъ наказанія. Словомъ между моимъ трудомъ по исторіи наукъ и обвиненіемъ, какое бы оно ни было, за которое я арестованъ, не можетъ быть, очевидно, ничего общаго.

Какъ это ни просто, между тѣмъ только къ Вамъ, Ваше Императорское Высочество, я рѣшаюсь обратиться съ указаніемъ на это обстоятельство и даже не вполне увѣренъ, дойдетъ ли нераспечатаннымъ въ Ваши руки мое письмо, адресованное русскому Вел. Кн. прежнимъ над. совѣт. Только братъ Государя поставленъ такъ высоко, что безпристрастно можетъ оцѣнить обстоятельства дѣла безъ боязни, можетъ вмѣшаться въ него и представить его, какъ оно есть Высочайшей власти, и только Высочайшая власть въ эту минуту можетъ разрѣшить скромному работнику продолжать его отвлеченный трудъ, чуждый всѣхъ вопросовъ и волненій современности, но который, можетъ быть, по своему окончаніи (если оно совершится) будетъ не лишень значенія въ европейской ученой литературѣ.

Это заставило меня, человѣка, Вашему Высочеству лично вовсе неизвѣстнаго, обратиться къ Вамъ съ просьбою о содѣйствіи дѣлу, которое Вы оцѣните не только, какъ человѣкъ, знакомый съ движеніемъ науки, но и какъ русскій.

Если Вы, Ваше Императорское Высоч., не найдете это неудобнымъ, то соблаговолите изъяснить ученому комитету морского издательства и редакціи «Морского Сборника», что Вы не имѣете ничего противъ продолженія печатанія моей «Исторіи Науки» въ официальномъ журналѣ, издаваемомъ морскимъ вѣдомствомъ. Это сниметъ нравственную отвѣтственность съ редакціи въ дѣлѣ, которое само по себѣ не заключаетъ ничего предосудительнаго.

II.

Не соблаговолите ли Вы, Ваше Имп. Высочество, исходатайствовать мнѣ право, на время моего нахожденія подъ слѣдствіемъ или подъ судомъ, продолжать мои работы, пользоваться для этого книгами, которыя частью находятся у меня на квар-

тирѣ, но оставлены мною опечатанными, а также и пользоваться новыми книгами въ этомъ отношеніи, требуя ихъ изъ библіотекъ Императорской публичной, Академіи Наукъ, Академіи медико-хирургич. и Императорской Пулковской обсерваторіи, на пользование книгами изъ которыхъ я имѣлъ позволеніе, пока былъ на свободѣ. Такъ какъ всѣ книги и бумаги, до меня доходящія, естественно будутъ подвергаться осмотру, то это не можетъ повлечь за собою никакой помѣхи какому бы то ни было изслѣдованію моего дѣла.

Если просьбу мою Вы, В. В., найдете неумѣстной или если даже и Вы не считаете для себя возможнымъ вмѣшаться въ это дѣло, то мнѣ остается лишь извиниться въ томъ, что, я обезпокоилъ В. В.

Я долженъ еще извиниться въ томъ, что вѣроятно, въ этомъ письмѣ нарушилъ принятыя формы въ обращеніи къ лицамъ Высочайшаго дома. Вѣчно занятый своими скромными дѣлами, я никогда не зналъ этихъ формъ, а теперь, находясь въ одиночномъ заключеніи, и не могу въ этомъ отношеніи ни съ кѣмъ посоветоваться, но считаю, что прошу о дѣлѣ непредосудительномъ и что Вы, Ваше Высочество, заслуживъ извѣстность весьма умнаго человѣка, пренебрежете нарушеніемъ формъ для сущности дѣла.

П. Лавровъ.

Почеркъ мой дуренъ, а при письмѣ тупымъ карандашомъ еще хуже, но я еще не получилъ права имѣть при себя чернила или перочинный ножъ.

Памяти живой души.

(Василій Яковлевичъ Яковлевъ—Богучарскій).

(Род. 19 февр. 1861 г.; ум. 8 мая 1915 г.).

Только что, совсѣмъ недавно догорѣла прекрасная жизнь, погасъ огонь живой души, и навѣки ушелъ отъ всѣхъ насъ дорогой человѣкъ, В. Я. Богучарскій. Кажется, нѣтъ въ Россіи интеллигентнаго человѣка, который бы не зналъ Вас. Як. хотя бы съ какой-нибудь стороны. Многообразная дѣятельность его, жадность къ общенію съ людьми, наконецъ, его произведенія, всегда острые, всегда вызывавшія живой споръ,—все это ставило Вас. Як. на такое мѣсто, съ котораго онъ виденъ былъ многимъ. Но на высотѣ этой стоялъ совсѣмъ простой человѣкъ, обаятельный въ общеніи, страстный въ спорѣ, чуткій и тонкій въ дружеской бесѣдѣ и такой далекій отъ какого бы то ни было самоиѣнія и самоудовлетворенія. Напротивъ,—иногда было странно видѣть, какъ мало этотъ человѣкъ сознаетъ свое значеніе и какъ часто гложетъ его мысль о недостаточной полезности его жизни для русской общественности. А эта общественность,—эта трудная, порою невыносимо-тяжкая общественность,—какою жаркою любовью любилъ онъ ее, и какъ много жертвъ ей приносилъ,—всякихъ жертвъ, щедрою рукою разсыпавшихъ, другими невидимыхъ... И самая болѣзнь его, скоротечная форма рака желудка, такъ быстро съѣла его именно потому, что самая мысль о болѣе заботливомъ отношеніи къ своему здоровью, о болѣе разсчитливой тратѣ силъ казалась ему скучной, надоѣдливой и мѣшающей чему-то гораздо болѣе важному и цѣнному. Уже совсѣмъ больной, онъ крѣпился и не шелъ къ доктору, инстинктивно оттягивая всякій серьезный діагнозъ, чтобы близкіе его не помѣшали ему въ его лихорадочной скачкѣ отъ одного общественнаго дѣла къ другому.

Съ лицомъ землистаго цвѣта, худой, какъ скелетъ, съ глубоко запавшими больными глазами, онъ продолжалъ исполнять

Голосъ Минувшаго.

завѣтъ своего любимаго учителя, Герцена: «Не отъ меня зависить измѣненіе капризнаго людского развитія, но говорить, обращать, убѣждать—зависить отъ меня; и я это дѣлаю отъ всей души и помышленія»... И продолжая выступать на собраніяхъ, продолжалъ бѣшено говорить, обращать, убѣждать, точно чувствуя, что смерть скоро сниметъ его съ этого поста, что скоро замкнутся уста, съ такимъ пыломъ убѣждавшія людей въ томъ, что день ужъ недалеко, что если не насъ, то другихъ онъ озаритъ улыбкою своей. Всю жизнь онъ былъ оптимистомъ, и оптимистомъ, съ глубокой вѣрой въ завтрашній день, онъ умеръ. А оставшіеся долго стояли около могилы, усыпанной живыми цвѣтами, съ тихой нѣжностью вспоминая этотъ образъ, эту живую душу общественности. Мало осталось теперь такихъ людей...

Историки русской общественности не разъ столкнутся съ работами В. Я., съ его анализомъ многихъ темныхъ сторонъ различныхъ формъ движенія, смѣлою рукою выдвинутыхъ имъ и подвергнутыхъ критикѣ и обсужденію. Имъ мы и предоставимъ высказаться какъ о цѣнности примѣненнаго имъ метода, такъ и характерѣ матеріала, собираемаго имъ съ кропотливой настойчивостью. Сейчасъ, въ этой краткой статьѣ, хотѣлось-бы очертить общественно-политическій образъ покойнаго и дать посильную характеристику его общественныхъ убѣжденій.

Сдѣлать это весьма и весьма трудно не только въ силу недостатка мѣста, но въ силу сложности психологіи Вас. Як., сложности, вытекающей почти исключительно изъ причинъ не личного, общаго характера. Слишкомъ неопредѣленна, слишкомъ недифференцирована была та среда, въ которой покойному приходилось работать, и слишкомъ скрупулезно отвѣтственно относился онъ самъ къ вопросамъ самоопредѣленія, ко всякому своему дѣйствію, вообще къ своему участию во всемъ совершающемся.

Внѣшняя сторона его біографіи, напротивъ, несложна, и удивительно похожа на біографію любого интеллигента его эпохи, принимающаго участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Окончивъ кадетскій корпусъ въ Воронежѣ, Константиновское артиллерійское училище въ Петербургѣ и сдѣлавшись офицеромъ, подающимъ надежды и весьма развитымъ для своей среды, В. Я. ѣдетъ съ отвѣтственнымъ порученіемъ въ Кяхту, за что и получаетъ орденъ Станислава. Кажется дорога ясная,—иди по ней безъ сомнѣній. Но сомнѣнія и весьма сложныя, очевидно, не давали покоя молодому офицеру. Въ 1883 г. онъ былъ въ Кяхтѣ, а въ 84 г. уже сдѣлался гостемъ Петропавловской крѣпости, и «въ

В. Я. Яковлевъ (Богучарскій).

великой задумчивости о содѣянномъ» ¹⁾ уже шагаль взадъ и впередъ по узкой камерѣ, оставивъ навсегда такъ ярко начавшуюся карьеру офицера... А затѣмъ—также обычныя для русскаго интеллигента переживанія: долгая тюрьма, шаганье по сибирскому тракту, Якутка, возвращеніе въ провинціальный городъ, надзоръ полиціи и пр. пр. А надъ всѣмъ этимъ внѣшнимъ особая внутренняя жизнь, идейная работа, планы, построеніе теоріи и нерѣдкое ихъ крушеніе, однимъ словомъ, постоянное стремленіе создать что-то свое, новое, чего еще нѣтъ въ дѣйствительности, что еще только мыслится, какъ желанное. Въ этомъ желаніи *претворить* окружающій міръ по тому идейному плану, который создается въ процессѣ общественныхъ исканій и движеній, и состоитъ вѣдь вся дѣятельная сторона жизни интеллигенціи. Быть типичнымъ интеллигентомъ—это значитъ хотѣть постоянного активнаго вмѣшательства во всѣ процессы общественной жизни, но не въ качествѣ единицы безъ лица, а въ качествѣ элемента направляющаго, творящаго, одухотвореннаго опредѣленной идеей. Такимъ типичнымъ интеллигентомъ и былъ Вас. Я., и вся жизнь его прошла въ этихъ страстныхъ исканіяхъ руководящей идеи, рычага, за который можно было бы прочно уцѣпиться. И на себѣ онъ позналъ, какъ трудно найти этотъ рычагъ въ Россіи, сколько страданій—часто невидимыхъ, а иногда и явныхъ—причиняютъ общественному дѣятелю русскія условія и даже сама интеллигентская среда, и сколько нужно имѣть въ запасѣ моральной устойчивости и вѣры, чтобы не махнуть на все рукой... Цѣнность Вас. Як. особенно высока именно потому, что и при этихъ условіяхъ никогда, ни на одну минуту, ни даже въ помышленіи, не бросалъ онъ своего поста, никогда не боялся онъ признаться въ своихъ заблужденіяхъ, а, признавшись, снова искалъ и снова находилъ, сохранивъ свѣжесть идейную до самой могилы. Участвуя въ общественно-политическихъ организаціяхъ, онъ самымъ строгимъ образомъ относился къ тому, чтобы организація эта не расходилась въ своихъ дѣйствіяхъ съ его убѣжденіями, чтобы онъ могъ весь ей отдаваться, гордиться ея успѣхами, отвѣчать за неудачи и, главное, вѣрить тѣмъ людямъ, которые рядомъ съ нимъ идутъ. И какъ любилъ онъ цитировать жалобу Герцена: «Всѣ партіи упрямо консервативны, движеніе впередъ имъ кажется слабостью, чуть не бѣгствомъ; сталъ подѣ знамя, такъ стой подѣ нимъ, хотя бы современемъ и разглядѣлъ, что цвѣта не совсѣмъ такіе, какъ казались». В. Я. внимательно разглядывалъ всѣ «цвѣта» и, если цвѣтъ мѣнялся

¹⁾ Шутливыя слова покойнаго.

или оказывался выцвѣтшимъ, онъ спокойно отходилъ, не боясь укора въ измѣнѣ. Такъ высоко цѣнилъ онъ идейную честность, ненавидѣлъ застой и упрямую консервативность, и съ такимъ упорствомъ шелъ все впередъ и впередъ. Въ ранней молодости онъ засталъ еще идейный расцвѣтъ народовольчества, за близкое прикосновеніе къ нему онъ и пострадалъ, а затѣмъ пережилъ его умирание. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ безъ «своего угла», какъ выражался онъ,—безъ точнаго опредѣленія своей роли. Вѣдь это были тусклые 90-е годы, когда общественная мысль работала вяло, и когда общее броженіе еще не давало ничего устойчиваго и прочнаго. И работа въ это время имъ ведется главнымъ образомъ культурная,—онъ работаетъ въ различныхъ провинціальныхъ изданіяхъ въ Воронежѣ и Смоленскѣ. Къ концу 90-хъ г.г. мы видимъ его уже убѣжденнымъ ортодоксальнымъ марксистомъ. Его статьи въ «Новомъ Словѣ» и «Началѣ», въ «Сѣверномъ Курьерѣ», его острая критика народничества и «земледѣльческихъ идеаловъ» ¹⁾ вполне ясно говорятъ о томъ, что онъ всецѣло захваченъ новой, модной тогда теоріей. Впрочемъ, это продолжалось недолго. Въ началѣ 900-хъ г.г. уже вполне складывается тотъ Вас. Як., которымъ онъ остался до конца. Онъ не «разочаровывается», какъ очень многіе тогда, въ марксизмъ, но вноситъ въ него всю силу своей критики и, главное, начинаетъ ясно понимать, что марксизмъ въ русскихъ условіяхъ долженъ претерпѣть существенныя отличія отъ своего западнаго собрата; анализъ этихъ отличій занималъ его до самаго послѣдняго времени, и въ дружеской бесѣдѣ онъ развивалъ эти свои идеи весьма стройно и убѣдительно. Нашли онъ, конечно, отраженіе и въ его работахъ, въ особенности въ его исторіи партіи «Народной Воли» («Изъ исторіи политической борьбы въ XIX в.», 1912.) и въ «Активномъ народничествѣ 70-хъ гг.» ²⁾. Въ этихъ работахъ намѣтилась и та руководящая идея, которая проникала затѣмъ уже вполне опредѣленно какъ его писанія, такъ и дѣятельность. Этой идеей является *соціально-политическій реализмъ* въ противоположность *соціальному утопизму*. Наряду съ опредѣленными представленіями о соціально-политическомъ демократизмѣ и его развитіи и сущности, эта идея соціального реализма является самымъ характернымъ отличіемъ его направленія отъ другихъ близкихъ направленій. Какъ историкъ русскихъ общественныхъ движеній, В. Я. не могъ не понимать, что именно эта-то идея соціально-политическаго реализма и является наименѣе популярной въ

¹⁾ Такъ называлась одна изъ его статей въ № «Начала».

²⁾ См. написанный Н. В. Чайковскимъ разборъ этой книги въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г. № 6. *Ред.*

русскихъ условіяхъ, что царство утопізма еще долго будетъ стихійно господствовать надъ умами русской интеллигенціи и будетъ мѣшать успѣху всякаго движенія. Это—онъ видѣлъ ясно; и именно это доставляло ему наибольшее страданіе. Эти же убѣжденія поставили его совершенно въ особое положеніе и въ политикѣ. Эта его позиція обращала на себя вниманіе при его жизни, была отмѣчена и послѣ смерти его ¹⁾. Пылкій политикъ, несомнѣнный «общественникъ» и публицистъ, борецъ по натурѣ, не боявшійся никакихъ опасностей въ борьбѣ, членъ безчисленнаго множества безпартійныхъ союзовъ и организацій, В. Я. не примкнулъ ни къ одной политической партіи, не связалъ себя никакими коллективными обязательствами, и остался, какъ выразился П. Н. Милюковъ, политическимъ дѣятелемъ «безъ заглавія»... Чѣмъ объяснить это противорѣчіе? Вас. Як. отлично понималъ, какъ утраиваетъ, удесятеряетъ единичныя силы коллективная партія, какъ выигрываетъ въ ней каждый отдѣльный дѣятель, опирающійся на организованное цѣлое, и, наоборотъ, какъ невыгодна для политика его «дикость», «беззаглавность», невозможность слиться въ одномъ усиліи съ единомышленниками. И тѣмъ не менѣе, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ партійной жизни въ тотъ моментъ, когда она въ Россіи началась. А вѣдь онъ былъ едва ли не самымъ дѣятельнымъ членомъ «союза Освобожденія», безпартійной и широкой политической организаціи, т. е. зналъ силу коллективнаго дѣйствія, испыталъ на себѣ все обаяніе коллективной мысли и дисциплины. Въ своемъ некрологѣ П. Н. Милюковъ говоритъ: «Мнѣ всегда казалось, что именно «съ освобожденствомъ» Богучарскій сливалъ себя гораздо въ большей степени, чѣмъ съ «народничествомъ» и съ «марксизмомъ». Если у народниковъ онъ былъ ученикомъ, у марксистовъ временнымъ товарищемъ, то у освободителей онъ явился дѣятельнымъ идейнымъ единомышленникомъ. Рѣшаюсь думать, что здѣсь его меньше связывала доктрина и больше привлекала широта и жизненность направленія, сразу ставившаго вполнѣ конкретныя задачи, непосредственно вытекавшія изъ неотложныхъ и ближайшихъ нуждъ русской дѣйствительности, слишкомъ хорошо ему извѣстной». Такимъ образомъ, въ представленіи П. Н. Милюкова Вас. Як. является убѣжденнымъ «безпартійцемъ», ибо «Освобожденіе» отнюдь вѣдь не было партіей, и быть прирожденнымъ, такъ сказать, освободителемъ значить быть «безъ доктрины», «безъ партіи». Всѣ позднѣйшія работы Вас. Як. рѣзко противорѣчатъ этому представленію. В. Я. хорошо зналъ, что «Союзъ

¹⁾ См. некрологъ въ «Рѣчи» № 127, написанный П. Н. Милюковымъ.

Освобожденія» есть лишь *временная*, наспѣхъ сколоченная организація, похожая скорѣе на союзъ партій, на координацію дѣйствій разныхъ направленій, а отнюдь не прочная организація, способная къ развитію. И онъ первый поднялъ голосъ за закрытіе «Союза», отслужившаго свою службу и не нужнаго при измѣнившихся условіяхъ. Въ образовавшуюся изъ «Союза Освобожденія» К. Д. партію В. Я. не вошелъ. Не вошелъ отнюдь не потому, что ему вообще противна была «доктрина», что его широкая натура не могла уложиться въ партійныя рамки. Напротивъ, этой доктрины онъ искалъ, и всѣ его произведенія запечатлѣваютъ эти поиски такого міросозерцанія, которое соединяло бы въ себѣ правильное представленіе о завтрашнемъ днѣ и въ то же время активно-дѣйственное начало на сегодня, другими словами, онъ жаждалъ соединить идеальное представленіе о конечныхъ цѣляхъ движенія съ социальнымъ-политическимъ реализмомъ, стройную мечту о будущемъ съ будничными задачами практической политики.

Въ этомъ смыслѣ очень характерна одна его забытая статья въ №№ 24 и 25 «Сибирскаго Листка», написанная въ 1898 г., т.е. тогда, когда онъ еще былъ ортодоксальнымъ марксистомъ. Вниманіе Вас. Як. остановили тогда очень интересныя воспоминанія Н. Н. Златовратскаго, читанныя имъ 27-го апрѣля 1897 г. въ Обществѣ любителей россійской словесности и затѣмъ напечатанныя въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этихъ воспоминаніяхъ Н. Н. Златовратскій рассказываетъ, между прочимъ, объ одномъ вечерѣ, на которомъ присутствовали Н. Н., Глѣбъ Успенскій, Всеволодъ Гаршинъ и др. литераторы, устроенномъ для «бесѣды по душѣ» съ И. С. Тургеневымъ. Рѣчь шла о «новыхъ людяхъ» и о романѣ И. С. — «Новъ». Тургеневъ говорилъ, что онъ своею «Новью» недоволенъ; что онъ хотѣлъ бы полнѣе изобразить типъ *русскаго* социалиста, именно «русскаго», который ничего общаго не имѣетъ съ социалистомъ западно-европейскимъ. И. С. характеризовалъ этого русскаго социалиста такъ: онъ прежде всего отчаянный идеалистъ, никакимъ представителемъ рабочаго класса онъ не является, какъ въ Европѣ, гдѣ всякій социалистъ прежде всего членъ совершенно опредѣленной группы, представитель классовыхъ интересовъ, точныхъ, ясныхъ, безповоротныхъ, не желающій ничего болѣе знать и защищать, кромѣ этихъ интересовъ, что нашъ социалистъ «самъ по себѣ». что его социализмъ есть не болѣе, какъ созданная имъ лично, своя собственная идеальнo-фантастическая программа наилучшей будущей жизни, о которой, можетъ-быть, нашъ рабочій и знать не захочетъ, если онъ о ней узнаетъ, и что онъ поэтому «солистъ», а не социалистъ. Подъ

этимъ названіемъ и думалъ Тургеневъ его изобразить. Приведя эту выдержку изъ воспоминаній Н. Н. Златовратскаго, В. Я. замѣчаетъ, что теперь уже и нашъ социалистъ не является «солистомъ», что и русская жизнь постепенно входитъ въ западно-европейское русло... Впослѣдствіи В. Я., въ интимной бесѣдѣ, часто вспоминалъ это шутливое выраженіе Тургенева, говорилъ «нѣтъ, нѣтъ, что угодно, но только не солисты въ политикѣ. Въ оперѣ соло пріятно послушать, а ужъ въ политикѣ—покорно благодарю, солисты тутъ всю музыку портятъ»... Онъ понималъ, что политика есть прежде всего дѣло массъ, ихъ желаній и ихъ контроля, единоличныхъ же разыгрываній политическихъ арій онъ не терпѣлъ. Отсюда вытекало и его другое, едва ли не самое глубокое, убѣжденіе: необходима широкая культурная работа въ массахъ, необходимъ ихъ подъемъ на извѣстную духовную высоту, необходимо привитіе имъ культурныхъ общественныхъ навыковъ, ибо безъ этого немыслима никакая политика, безъ этого самый реалистическій идеалъ потерпитъ крушеніе.

И какъ подробно, какъ исчерпывающе развивалъ онъ эту любимую свою тему! Онъ былъ убѣжденъ, что наиболѣе готовы къ политической дѣятельности въ Россіи либеральные круги, воспитанные полустолѣтней земской и городской работой. Но либеральная программа для него, демократа до мозга костей, не могла быть пріемлема, и онъ не принялъ ее, когда сложилась у насъ либеральная партія. Программы демократическихъ партій были ему неизмѣримо ближе, ими онъ занимался и ихъ все время анализировалъ и самъ вращался преимущественно въ этой демократической средѣ. Но примкнуть къ какой-либо партіи онъ не могъ: слишкомъ большія тактическія разногласія были бы у него съ руководителями этихъ партій при современныхъ русскихъ условіяхъ и слишкомъ много въ ихъ дѣйствіяхъ противорѣчило бы его воззрѣніямъ на современный политическій моментъ и на роль въ немъ русской демократіи. Это отнюдь не значитъ, что онъ не цѣнилъ работы тѣхъ интеллигентовъ, которые составляли кадры этихъ партій. Въ эту работу онъ вѣрилъ и часто говорилъ: «Могій вмѣстити, да вмѣститъ; я—не могу. Для меня социализмъ есть прежде всего высококультурное движеніе пролетаріата и связанной съ нимъ интеллигенціи; въ нашемъ социализмѣ эта культурность еще только назрѣваетъ, пусть идутъ туда тѣ, кто не скучаетъ отъ азбуки, мнѣ же а, в, с, ей Богу-же, надоѣло!» и онъ искалъ болѣе глубокой работы, такой работы, которая захватывала бы все его политическое существо, а не дѣлала бы его только навязчивымъ педагогомъ, который долженъ «уловлять» своихъ адептовъ.

Въ своей книгѣ объ «Активномъ народничествѣ 70-хъ гг.» В. Я. весьма опредѣленно формулируетъ свои взгляды на ближайшій ходъ развитія общественной мысли въ Россіи. «Народовольцы», говоритъ онъ, «завѣщали русскому освободительному движенію въ Россіи идею борьбы за политическую свободу; чернопередѣльцы—основной лозунгъ всего прежняго движенія—«освобожденіе народа должно быть дѣломъ самаго народа». Эти двѣ идеи были затѣмъ синтезированы въ русскомъ социаль-демократическомъ движеніи, но если въ немъ самомъ реалистическіе элементы до сихъ поръ еще не побѣдили окончательно элементы утопическіе, если оно не приняло еще того русла, по которому *фактически* главнымъ образомъ течетъ с.-д. движеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ, то это, главнымъ образомъ, потому, что въ Россіи нерѣшена еще ея политическая проблема. Съ рѣшеніемъ этой проблемы и рабочее движеніе въ Россіи пойдетъ, несомнѣнно, по тому же реалистическому пути, какъ и на Западѣ. Столь же несомнѣнно, что тогда и освободившемуся отъ утопическихъ элементовъ народничеству предстоитъ еще въ Россіи широкая и плодотворная дѣятельность среди массъ ея земледѣльческаго населенія, среди того самаго «народа», тяга къ которому, тяга, исходящая изъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ порывовъ души, была всегда нераздѣльна съ самымъ существомъ русскаго активнаго народничества» ¹⁾. Изъ этой цитаты видно, какое огромное значеніе придавалъ В. Я. рѣшенію политической проблемы. Но, какъ историкъ, онъ прекрасно понималъ, что эта проблема не можетъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть рѣшена какой-либо одной партіей, какъ бы велики ни были ея силы. Въ рѣшеніи этой проблемы заинтересованы всѣ партіи, всѣ направленія.

Вотъ почему, по его мнѣнію, такъ вреденъ былъ нараставшій все болѣе и болѣе разрывъ между различными идейными теченіями, и вотъ почему самъ онъ употреблялъ такія усилія, чтобы разрывъ этотъ предотвратить или сдѣлать его возможно менѣе рѣшительнымъ. Этимъ объясняется и его весьма мягкое отношеніе къ такимъ теченіямъ, на которыя въ другое время онъ обрушился бы со всей силой своей остроумной критики. «Надо себя попридерживать, не распускать своихъ темпераментовъ, вѣдь все равно придется еще вмѣстѣ работать». Эти идеи единства прогрессивныхъ теченій онъ проводилъ въ «Освобожденіи», въ «Нашей Жизни», въ «Товарищѣ» и «Нашей Газетѣ», ихъ же въ особенности рѣзко приводилъ онъ въ послѣднее время, когда крушеніе обществен-

¹⁾ «Активное народничество 70-хъ гг.», стр. 373.

ныхъ надеждъ обнаруживалось все болѣе и болѣе явственно. Вся его личная дѣятельность за эти годы была направлена именно въ эту сторону, и многіе испытали на себѣ вліяніе его творческой воли и неутомимой энергіи, развиваемыхъ имъ въ этомъ направленіи. «Теперь будетъ уже не союзъ людей, а союзъ партій», говорилъ онъ, и съ ѣдкой горечью встрѣчалъ партійную нетерпимость и недальнозоркость, ибо наносилась жестокая обида тѣмъ идеямъ, въ которыя онъ глубоко вѣрилъ.

«Покоряясь смѣнѣ, одиноко мы уходимъ... Скорѣ догоритъ нашъ закатъ... Но день ужъ недалеко,—онъ другихъ улыбкой озарить»... (слова И. Бунина). Покоряясь смѣнѣ, одиноко ушелъ отъ насъ Василій Яковлевичъ, оставивъ намъ о себѣ яркое воспоминаніе. Это былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, идеалистъ, постоянно искавшій дѣйствительнаго и *реальнаго* воплощенія своихъ идеаловъ въ жизнь. Его идеалы были не для «собственнаго употребленія». Онъ искалъ жизненной концепціи, которая объединила бы многихъ въ одномъ культурномъ порывѣ къ лучшему будущему. И намъ онъ оставилъ свой завѣтъ: открыто смотрѣть въ глаза суровой дѣйствительности, не раскрашивать ее на свой образецъ, не покладая рукъ работать надъ ея преображеніемъ, и тогда—спокойно и увѣренно ждать завтрашняго дня и его побѣдной улыбки, обращенной къ намъ или къ поколѣнію, за нами слѣдующему...

Ек. Кускова.

Къ біографію Василя Яковлевича Яковлева.

Я познакомился съ В. Я. въ Петербургѣ въ началѣ 1880 года. Онъ былъ тогда воспитанникомъ военнаго училища, насколько мнѣ помнится, Константиновскаго. Я имѣлъ съ нимъ сношенія какъ съ представителемъ кружка юнкеровъ по порученію народовольческой организаціи.

Наши свиданія происходили на Пескахъ, въ квартирѣ Елизаветы Николаевны Оловенниковой, сестры извѣстной дѣятельницы народовольческой партіи—Маріи Николаевны Оловенниковой, умершей въ Парижѣ. Е. К. была слушательницей женскихъ медицинскихъ курсовъ. На этихъ свиданіяхъ я снабжалъ В. Я. народовольческой литературой. Онъ часто приходилъ на свиданіе еще съ кѣмъ-нибудь изъ юнкеровъ.

В. Я. былъ худощавымъ, блѣднымъ, свѣтловолосымъ юношей, съ тонкими подвижными чертами лица и глубокими, ясными, свѣтлыми глазами. Онъ говорилъ твердымъ молодымъ и звонкимъ теноркомъ, и его горячая рѣчь звучала искренне и убѣжденно. Онъ тогда уже обнаруживалъ силу организаторскаго таланта и имѣлъ, повидимому, большое вліяніе на своихъ товарищей юнкеровъ. Какъ представитель военнаго кружка, насколько мнѣ извѣстно, В. Я. имѣлъ также сношенія съ военною организаціею, которою руководилъ Желябовъ, и съ представителями этой организаціи онъ встрѣчался на конспиративной квартирѣ на Басейной улицѣ, въ которой жилъ отставной офицеръ Люстигъ, впослѣдствіи осужденный. Въ этомъ же 1880 г. В. Я. кончилъ курсъ и, выйдя въ офицеры, онъ попросился на службу въ Сибирь. Его выборъ былъ связанъ съ будущими планами революціонной дѣятельности. Тогда имѣлось въ виду устроить бѣгство каторжанъ, осужденныхъ по Кіевскому процессу въ 1879 г., въ томъ числѣ: Волошенко, Павла Орлова, Софьи Лешернъ и Наташи Армфельдъ. Въ планы о Наташѣ Армфельдъ была посвящена и мать послѣдней, вдова тайнаго совѣтника Армфельдъ. Она собиралась тогда на Кару для свиданія съ дочерью, и я ѣздилъ въ Мо-

скву поговорить съ нею передъ ея отъѣздомъ въ Сибирь. Я былъ близко знакомъ съ семьею Армфельдовъ и пользовался симпатіей и довѣріемъ этой замѣчательной старухи. Она должна была дать средства на осуществленіе плана. По возвращенію въ Петербургъ, я передалъ В. Я. всякіе условные знаки для встрѣчи съ Армфельдъ.

Не знаю, почему планы эти не осуществились. Когда В. Я. держалъ выпускные экзамены, я долженъ былъ эмигрировать за границу и не знаю, что было сдѣлано имъ тогда, когда онъ очутился въ Сибири офицеромъ. Я слышалъ только, что, когда онъ служилъ въ Иркутскѣ, онъ въ качествѣ караульнаго начальника неоднократно дежурилъ въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ.

Послѣ 1880 года я встрѣтился съ В. Я. только черезъ десять лѣтъ, въ 1890 г., въ одномъ изъ селеній восточной Сибири, въ которомъ я тогда былъ водворенъ на жительство и черезъ которое В. Я. былъ провезенъ подъ конвоемъ въ Якутскую область изъ Тобольской губерніи. Будучи въ ссылкѣ въ Нарымѣ онъ пытался бѣжать. За эту попытку В. Я. былъ переведенъ въ Якутскій округъ. Несмотря на мѣры, принятыя конвоемъ, чтобы партія, въ которой шелъ В. Я., не встрѣтилась съ мѣстными политическими ссыльными, мнѣ все-таки удалось съ нимъ повидаться. Изъ Якутскаго округа В. Я. сдѣлалъ вторую попытку бѣжать. За эту попытку онъ былъ водворенъ въ Вилюйскѣ.

Послѣднія наши встрѣчи уже относятся ко времени послѣ 1900 года, когда дѣятельность В. Я. сдѣлалась извѣстной всему русскому обществу.

В.

Новый трудъ по исторіи масонства ¹⁾.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ редакціи, что «въ широкихъ интеллигентныхъ кругахъ имѣется весьма неопредѣленное представленіе о той группѣ общественныхъ и религіозныхъ явленій, которыя включаетъ въ себѣ прошлое масонства». И если сто лѣтъ тому назадъ «фармазонъ» былъ пугаломъ благонамѣренныхъ Фамусовыхъ, то и въ наши дни не рѣдкость встрѣтить самыя превратныя сужденія о сущности и исторической роли масонства. Въ 1905—6 гг., между прочимъ, воскресла старая легенда о масонахъ, какъ виновникахъ революціи (см., напр., книгу А. Генца «Соціализмъ», М. 1906). Какъ водится, иностранная литература о масонствѣ гораздо богаче, чѣмъ русская. За послѣднія десять лѣтъ вышло нѣсколько цѣнныхъ книгъ преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ (Friedrichs, Schneider, Begemann). У насъ въ 50—60-хъ годахъ XIX в. наблюдается усиленный интересъ къ изученію масонства (Ешевскій, Лонгиновъ, Пекарскій, Пыпинъ), затѣмъ на долгое время его заслоняютъ другія очередныя задачи науки. Въ послѣдніе годы масонство снова поманило къ себѣ русскихъ изслѣдователей: стали опубликовываться сырые матеріалы, стали появляться новыя работы по исторіи русскаго масонства. Г-жа Тира О. Соколовская сдѣлала даже попытку обобщить и популяризировать добытые наукой результаты въ книжкѣ «Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія». Но, дѣйствительно, «въ русской литературѣ нельзя указать ни одного сочиненія, которое могло бы служить пособіемъ для всесторонняго болѣе или менѣе ознакомленія съ прошлымъ и настоящимъ масонства». Правду сказать, намъ еще многого не хватаетъ, чтобы съ увѣренностью конструировать исторію русскаго масонства: необходима еще предварительная черновая работа, обслѣдованіе хотя бы важнѣйшихъ библіотекъ и архивовъ,

¹⁾ *Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изданіе «Задруга» и К. Ф. Некрасова. Т. I, стр. XII+255.*

гдѣ имѣются масонскіе матеріалы; предстоятъ еще изысканія по спеціальнымъ вопросамъ масонства. Тѣмъ не менѣе, не подлежить сомнѣнію потребность, вызываемая и общественными, и научными мотивами, привести въ нѣкоторую ясность и возможную систему наши современныя знанія о масонствѣ. Къ удовлетворенію этой потребности и стремится рассматриваемое изданіе, задавшееся скромной, но весьма почтенной цѣлью «только подвести итоги того, что въ настоящее время сдѣлано по исторіи западно-европейскаго и русскаго масонства».

Передъ нами начало большого коллективнаго труда. Первый томъ открывается очерками, въ которыхъ излагается исторія англійскаго, французскаго и нѣмецкаго масонства, и которые служатъ, такимъ образомъ, необходимымъ введеніемъ въ исторію русскаго масонства.

Написанныя на основаніи новѣйшей научной литературы статьи И. М. Хераскова («Происхожденіе масонства и его развитіе въ Англіи XVIII и XIX в.»), А. М. Васютинскаго («Французское масонство въ XVIII в.», «Орденъ иллюминатовъ») и В. Н. Перцева («Нѣмецкое масонство въ XVIII в.») очень хорошо знакомятъ съ тѣмъ, какъ возникало и развивалось масонство въ разныхъ національныхъ и социальныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе, мы опасаемся, что названныя статьи не вполне удовлетворятъ читателя.

Возьмемъ первый же вопросъ—о *происхожденіи* масонства. «Происхожденіе масонства», говорится въ предисловіи отъ редакціи (X), «тонетъ въ *легендахъ*, которыя создавались впоследствии и тѣмъ самымъ затемняютъ первоначальныя основы. Врядъ ли надо разбираться въ этой фантастикѣ, и мы поэтому начнемъ исторію масонства съ того времени, когда выявляется его сущность и оно становится доступнымъ изслѣдовательскому перу. Такой гранью слѣдуетъ считать XVII столѣтіе». Историкъ нашего времени, разумѣется, нѣтъ надобности отъ себя повторять легенды о происхожденіи масонства. Научная исторія масонства, конечно, начинается не съ Немврода или Гермеса, а съ организацій каменщиковъ XIV—XVII вв., и И. М. Херасковъ высказалъ общепринятое въ наукѣ положеніе, заявивъ въ первыхъ же строкахъ своей статьи, что орденъ франкъ-масоновъ «ведетъ родословную отъ очень скромнаго по происхожденію Лондонскаго клуба начала XVIII вѣка». Но достоинство науки нисколько не упломочиваетъ насъ отметить легенды масоновъ, «которыя создавались *впоследствии*». Пусть, онѣ «затемняютъ первоначальныя основы», но въ нихъ выразилось творчество масоновъ: это—ихъ священная исторія, которая важнымъ элементомъ входитъ въ самую сущность масонства, составляетъ часть, такъ сказать, масонскаго богослу-

женія и во многомъ опредѣляетъ собою символику масоновъ. Игнорировать эти легенды было бы ошибкой, въ чемъ мы сейчасъ и убѣдимся.

«Предками современныхъ франкъ-масоновъ, носившими это же имя, были несомнѣнно настоящіе каменщики», говоритъ И. М. Херасковъ (2), и съ этой цѣлью характеризуетъ организацію камено-строительныхъ рабочихъ XIV—XVII вв. Существовали профессиональныя организаціи и у другихъ ремесленниковъ, при чемъ, напр., въ портновскомъ цехѣ принимали участіе также постороннія лица. Но только одинъ цехъ каменщиковъ могъ подготовить масонскій орденъ въ его позднѣйшемъ значеніи. Были же, значитъ, въ его организаціи и жизни какія-то *особенности*, которыя оказались наиболѣе пригодными для цѣлей идейнаго масонства. На этотъ вопросъ И. М. Херасковъ не даетъ надлежащаго отвѣта. Наоборотъ, онъ стремится доказать, что «связь, соединяющая современный масонскій орденъ со старыми братствами, носить въ сущности, *внѣшній* ¹⁾ характеръ, сводясь лишь къ извѣстной преемственности ритуала и терминологіи» (3). Пользуясь, главнымъ образомъ, книгой Бегемана (*Vorgeschichte und Anfänge der Freimaurerei in England*. 1909), И. М. Херасковъ отвергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ, что, кромѣ обыкновенныхъ каменщиковъ (оперативныхъ масоновъ), были «спекулятивныя» масоны, «масоны—теоретики, носители спеціальнаго знанія и моральной теоріи о духовномъ строителствѣ среди людей». «Документы», говоритъ онъ, «не знаютъ никакихъ «спекулятивныхъ масоновъ»; дворяне и коммерсанты, принятые въ масонство, такъ же мало, *повидимому* ²⁾, занимались «умозрѣніемъ», какъ и ихъ товарищи изъ рабочаго класса: истинной основой ихъ единенія продолжаютъ оставаться традиціонныя банкеты и полныя обаянія старины обычаи и легенды ремесла» (11). Съ этимъ взглядомъ едва ли можно согласиться. Документы могутъ не знать термина «спекулятивныя масоны». Но, если ужъ высказывать предположенія, то правильнѣе признать, что, *повидимому*, кромѣ простыхъ рабочихъ, въ масонскихъ (каменщическихъ) ложахъ участвовали лица, которыя были заняты именно «умозрѣніемъ», которыхъ, по этой причинѣ, и привлекали «полныя обаянія старины обычаи и *легенды* ³⁾ ремесла» (банкеты, конечно, вещь второстепенная). Что именно такъ обстояло дѣло, это видно даже изъ фактовъ, приводимыхъ самимъ И. М. Херасковымъ. Они доказываютъ, что въ ложахъ каменщиковъ шла своя *идейная* работа. Цехъ каменщиковъ,

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ Курсивъ нашъ.

трудившихся надъ сооруженіемъ большихъ общественныхъ зданій и преимущественно храмовъ, не могъ не занять особаго положенія среди другихъ ремесленныхъ цеховъ: въ немъ хранились тайны архитектуры, какъ науки и искусства (отсюда—условные знаки и пароли); онъ неизбежно соприкасался съ сферой религіи и морали ¹⁾. Древнѣйшіе документы (середины XIV—начала XV в.) говорятъ объ артели, работающей при церкви св. Петра въ Юркѣ подъ руководствомъ и высшимъ надзоромъ церковнаго капитула. Церковно-религіозный характеръ получаютъ учрежденія, возникающія при цехахъ, какъ, напр., братства взаимопомощи, имѣвшія цѣлью не одну матеріальную помощь, но и нравственную. Чрезвычайно знаменательно, что въ нѣдрахъ каменщичества къ концу XIV—началу XV в. уже создается своя легендарная исторія, *masonic roem*. Намъ представляется до крайности бѣднымъ то истолкованіе этого факта, на которомъ останавливается И. М. Херасковъ (6): «При помощи нея хотѣли, очевидно, внушить рабочимъ болѣе уваженіе къ ихъ ремеслу и тѣмъ содѣйствовать духу дисциплины. Въ видѣ устной традиціи такія исторіи ремесла существовали, *въроятно*, и у другихъ цеховъ». Оставляя это подчеркнутое нами «въроятно» на совѣсти автора статьи, мы отказываемся приписывать факту созданія масонской легенды столь утилитарный смыслъ. Конечно, и въ XV в. существовали болѣе реальныя мѣры для поддержанія дисциплины среди рабочихъ, чѣмъ какая-то сказка о Немвродѣ. А разъ эта легенда укрѣпилась настолько, что перешла въ конституцію Андерсона и въ позднѣйшее масонство, естественнѣе думать, что она выросла не *ex abrupto*, не по инициативѣ какого-нибудь «человѣка литературно-образованнаго, быть можетъ представителя того самаго духовенства, которое завѣдывало церковными стройками». Очевидно, она зрѣла долгое время, была предметомъ традиціи, и образованный поэтъ далъ ей лишь литературную обработку въ видѣ стихотворной поэмы. Это—болѣе правдоподобный путь миѳотворчества, находящій себѣ многочисленныя аналогіи въ жизни разныхъ народовъ. Существованіе интересующей насъ легенды само по себѣ говоритъ за то, что строительные цехи или, точнѣе, ихъ братства уже въ XV в. заключали въ себѣ извѣстное духовное содержаніе, которое создавалось и развивалось масонской интеллигенціей и привлекало новыхъ адептовъ изъ культурной среды. Только при этомъ условіи мы поймемъ, почему позднѣйшее

¹⁾ Припоминается здѣсь, какъ близкая параллель, положеніе древнерусскихъ иконописцевъ и требованія, предъявляемыя къ нимъ церковью (вплоть до ихъ образа жизни).

масонство родилось именно изъ организацій каменщиковъ. Связь тутъ не внѣшняя, а внутренняя.

Франкъ-масонскій орденъ возникаетъ впервые во второмъ десятилѣтїи XVIII в. Первая масонская конституція была составлена Андерсономъ въ 1721 г. (*The new book of Constitutions. By James Anderson*). Она представляетъ *кодификацію* того, что уже было выработано до сихъ поръ. Это—своего рода масонскій домострой. Его анализъ поможетъ точнѣе опредѣлить идейные источники масонства.

Признавъ, что старыя братства лишь внѣшнимъ образомъ связаны съ масонскимъ орденомъ, И. М. Херасковъ далѣе утверждаетъ, что «истинными, духовными предками» масонства были «алхимики и утописты XVII вѣка съ ихъ проектами всемирныхъ союзовъ и планами преобразованія человѣчества» (3). Выходить, слѣдовательно, что масонство свои формы заимствовало въ одномъ мѣстѣ, а идеи—въ другомъ. Построеніе весьма искусственное. Не правильнѣ ли предположить, что масонскія братства въ своемъ *органическомъ* ростѣ впитывали извнѣ опредѣленный кругъ идей, который затѣмъ передали масонскому ордену?

Въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ «идейныхъ предшественниковъ позднѣйшихъ масоновъ» И. М. Херасковъ называетъ алхимиковъ и утопистовъ XVII в. Отмѣтивъ, что подъ вліяніемъ феодально-католической реакціи XVI—XVII вв., наука, какъ это было въ средніе вѣка, снова «одѣлась покровомъ тайны», вновь пробудила «вѣру къ таинственному и символическому», И. М. Херасковъ на стр. 11—15 своей статьи характеризуетъ три идейныхъ фактора, создавшихъ масонство: розенкрейцерство, утопіи XVII в. и деизмъ. Полагаемъ, что, когда рѣчь идетъ о генезисѣ англійскаго масонства, слѣдуетъ принять какъ разъ обратный порядокъ. Чтобы понять первоначальное ядро масонства, мы должны стоять на почвѣ Англіи XVII—XVIII вв. и выяснить общую идейную атмосферу этого періода. Тутъ не одинъ деизмъ Толанда, о которомъ преимущественно говорится на стр. 15, а и все идейное движеніе, породившее естественную религію (деизмъ), естественную мораль и естественное право. Именно этотъ циклъ идей легъ въ основу первоначальнаго масонства, уже подготовленнаго духовными стремленіями каменщическихъ братствъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и «Новая Книга Конституцій» Андерсона (см. стр. 18—21), и предисловіе Филалета (стр. 17—18), и «*The Grand Mistery of Free-masons discovered*» (22), и даже рѣчь Дракэ (26—27). Какъ бы Бегеманъ, а за нимъ и И. М. Херасковъ ни ограничивали смыслъ масонскихъ принциповъ, изложенныхъ въ конституціи Андерсона, для всѣхъ совершенно ясно, что основными

идеями являются вѣротерпимость въ духѣ деизма и мораль въ духѣ братства. Трудно отрицать это, когда читаешь въ конституціи Андерсона мысль, что человѣкъ свободно выбираетъ себѣ вѣру, и что религія «состоитъ въ обязанности каждаго изъ насъ быть добрымъ и вѣрнымъ долгу, быть человѣкомъ чести и совѣсти, какимъ бы именемъ ни называлось наше вѣроисповѣданіе и какіе бы религіозные догматы ни отличали насъ отъ другихъ людей». Равнымъ образомъ было бы натяжкой сомнѣваться въ прямомъ смыслѣ словъ Филалета, что «въ основу нашей религіи положенъ законъ природы, который есть въ то же время и Божій законъ—именно заповѣдь «возлюби Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго твоего, какъ самого себя». Несмотря на все пережитое англійскимъ масонствомъ въ теченіе XVIII в., оно въ 1815 г. провозглашало тезисъ: «Та или иная религія и способъ поклоненій божеству не можетъ быть поводомъ къ исключенію кого бы то ни было изъ общества франкъ-масоновъ, лишь бы онъ вѣровалъ въ славнаго Архитектора неба и земли и практиковалъ священные обязанности морали» (33—34). Таково было первоначальное англійское масонство, которое опредѣлило собою содержаніе *истиннаго* масонства во всѣхъ прочихъ странахъ (ср. статью А. М. Васютинскаго о французскомъ масонствѣ, стр. 37—38, статью В. Н. Перцева о нѣмецкомъ масонствѣ, стр. 72, статью А. В. Семеки, стр. 135). Утопизмъ XVII в. (13—14) необходимо имѣть въ виду, какъ извѣстный фонъ, дѣлающій понятнымъ для насъ возникновеніе масонскихъ легендъ (что еще разъ подчеркиваетъ недостаточность утилитарной точки зрѣнія, принятой И. М. Херасковымъ на стр. 6). Но, по вѣрному замѣчанію И. М. Хераскова (15—16), было бы неправильно орденъ франкъ-масоновъ отождествлять съ тѣмъ или другимъ утопическимъ обществомъ: основатели франкмасонства вовсе не задавались «тѣми широкими реформаторскими и философскими цѣлями, которыя занимали ученыхъ гражданъ острова Бензалема или членовъ какаго-нибудь «Сократовскаго Общества».

Отчетливо опредѣливъ первоначальное ядро масонства, можно уже говорить о послѣдующихъ наслоеніяхъ. Они состоятъ: а) въ размноженіи системъ и усложненіи ихъ конструкціи; б) въ усложненіи самой легенды масонства, при чемъ наблюдается аристократическая тенденція превратить каменщиковъ въ благородныхъ рыцарей; в) въ измѣненіи идейныхъ основъ масонства посредствомъ усвоенія новыхъ началъ иногда діаметрально противоположныхъ принципамъ ранняго масонства (мистика, алхимія, магія, розенкрейцерство, иллюминатство и пр.). Всѣ эти измѣненія начались уже на почвѣ Англій, но особенно сильно ска-

зались въ жизни французскаго и нѣмецкаго масонствъ. Статьи А. М. Васютинскаго и В. Н. Перцева (особенно послѣдняя) прекрасно излагаютъ послѣдовательные этапы масонской эволюціи во Франціи и Германіи. По отношенію къ Англіи это сдѣлано не совсѣмъ ясно. Передъ читателемъ, какъ призракъ, вырастаетъ розенкрейцерство (12—13, 27—8), интригуетъ его, а впечатлѣніе остается все время смутнымъ, пока читатель не доберется до статьи В. Н. Перцева, гдѣ на стр. 91 и сл. получаетъ болѣе или менѣе ясное понятіе о розенкрейцерствѣ. Ордену иллюминатовъ удѣляется особая статья (А. М. Васютинскаго). Не было бы грѣхомъ выдѣлить также и розенкрейцерство, которое, къ тому же, имѣло столь важное значеніе для русскаго масонства.

Безъ сомнѣнія, есть свой *raison d'être* излагать исторію европейскаго масонства по странамъ. Но, рядомъ съ этимъ, въ изданіи, преслѣдующемъ «популяризаторскія цѣли», безусловно необходима уже теперь (а не въ заключеніе изданія) *обобщающая* статья, которая содержала бы въ себѣ картину всей *внутренней эволюціи*, пережитой въ XVIII в. европейскимъ масонствомъ. Въ ней должно было бы найти себѣ мѣсто также изложеніе натурфилософіи и мистики масоновъ. Здѣсь нечего бояться сухости или излишнихъ подробностей. Читателю какъ разъ хочется узнать о томъ, что составляетъ таинственную сущность «фармазонства». Авторы разбираемыхъ статей неохотно касаются этихъ «бредней» (65, 168), этой «неразберихи» (43), этихъ «дикихъ нелѣпостей» (167). Между тѣмъ изъ этого слагалась жизнь масонства; безъ этого непонятенъ самый языкъ масоновъ, безъ этого нельзя прочесть почти ни одной масонской книги; безъ этого, наконецъ, нельзя осмыслить и тѣхъ богатыхъ иллюстрацій, которыми украшено изданіе «Задруги» и К. Ф. Некрасова. Читатель очень много узнаетъ о внѣшней исторіи европейскаго масонства; ему очень легко познакомиться съ разными «шарлатанами» и «авантюристами» масонства, но, къ сожалѣнію, гораздо труднѣе постигнуть, въ чемъ же состоитъ *истинное масонство*.

Исторію *русскаго масонства* въ XVIII в. даетъ А. В. Семека. Статья написана съ большимъ знаніемъ дѣла. Слаба лишь ея соціологическая сторона. Относясь съ одностороннимъ осужденіемъ къ вольтерьянству, не понимая его идейнаго значенія для русскаго общества (133—134), считая его даже «чуждымъ русскому духу» (171; ср. въ статьѣ В. Н. Тукалевскаго, 176—179),—А. В. Семека думаетъ, что самый фактъ образованія «первой русской интеллигенціи» вызванъ «необходимостью серьезной борьбы съ развращающимъ вліяніемъ «вольтеріанства» (134). Историкъ-

соціологъ едва ли можетъ принять такой взглядъ. Точно такъ же историкъ-соціологъ обратилъ бы вниманіе на соціальный составъ русскихъ масонскихъ ложъ XVIII в., какъ это и сдѣлалъ, напр., П. Н. Милюковъ¹⁾. Русское масонство постепенно демократизируется и вмѣстѣ съ этимъ приобретаетъ болѣе серьезный отѣнокъ, превращаясь въ значительный факторъ общественной жизни. Если это такъ, тогда третій періодъ въ исторіи русскаго масонства XVIII в. недостаточно охарактеризовать словами: «поиски высшихъ степеней и побѣда розенкрейцерства». Вѣдь и самъ А. В. Семека не знаетъ, «насколько всѣ эти бредни увлекали московскихъ масоновъ 80-хъ годовъ XVIII вѣка» (168), а между тѣмъ налицо общественно-просвѣтительный характеръ всей дѣятельности Новикова и Шварца. Мы не станемъ, конечно, поддерживать гипотезы В. В. Сиповскаго, что Шварцъ съ Новиковымъ могли быть иллюминатами: они, безъ сомнѣнія, принадлежали къ розенкрейцерамъ, но дѣятельность ихъ приняла общественное направленіе. Въ этомъ характерное отличіе русскаго розенкрейцерства отъ нѣмецкаго, аристократическаго по преимуществу²⁾.

Къ статьѣ А. В. Себеки примыкаютъ два монографическихъ очерка: В. Н. Тукалевскаго о Новиковѣ и Шварцѣ и Н. К. Пиксанова о Лопухинѣ.

В. Н. Тукалевскій выходитъ изъ рамокъ своей прямой задачи и даетъ, въ сущности, статью, параллельную статьѣ А. В. Себеки. Читатель отъ этого выигрываетъ, однако, мало. Во-первыхъ, то и дѣло встрѣчаются несогласованности въ воззрѣніяхъ двухъ авторовъ. А во-вторыхъ, очеркъ В. Н. Тукалевскаго самъ по себѣ содержитъ очень много спорнаго и неопредѣленнаго. Исторію русскаго масонства новиковскаго времени онъ дробитъ на нѣсколько частныхъ моментовъ, повидимому, рѣзко обозначая отдѣляющія ихъ грани, но его рубрикація неубѣдительна и блѣдна. Случается не разъ и такъ, что авторъ неосторожнымъ движеніемъ руки самъ стираетъ черту, старательно проведенную имъ ранѣе. Сбивчивость сужденій часто ставитъ читателя въ полное недоумѣніе. Приведу два-три примѣра. Охарактеризовавъ по журналу «Утренній свѣтъ» «періодъ исканій» Новикова,

¹⁾ А. В. Себека сочувственно цитируетъ выраженіе П. Н. Милюкова, что масонство это—толстовство XVIII в. Кстати укажемъ, что то же сравненіе масонства съ толстовствомъ есть и въ книгѣ проф. Брюкнера (Geschichte der russischen Litteratur).

²⁾ На стр. 134 статьи А. В. Себеки вкралась фактическая ошибка: Лопухинъ переводилъ не первую главу «Système de la nature», а заключительную («Code de la nature»), о чемъ ясно говорится въ его «Запискахъ». Упоминается здѣсь *первая рукопись* перевода, что, вѣроятно, и ввело въ заблужденіе А. В. Себеку.

В. Н. Тукалевскій говоритъ (186): «Нужна была система; такую систему позднѣе и далъ *мартинизмъ*». Но что такое мартинизмъ, терминъ столь употребительной въ исторіи нашего масонства? Это, отвѣчаетъ В. Н. Тукалевскій, — ученіе С.-Мартена. Его книга «О заблужденіяхъ и истинѣ» «отвѣчала, именно, на тѣ вопросы, которые ставилъ «Утренній Свѣтъ» (186). Повидимому, ясно. Но, оказывается, С.-Мартенъ, проповѣдуя «идею добра», умолчалъ о практическомъ пути. «Этотъ путь указывали тѣ идеи, которыя были положены въ основу книги Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ» (187). Такимъ образомъ Арндтъ дополняетъ С.-Мартена; никакой противоположности между ними нѣтъ. И вдругъ мы читаемъ на стр. 187—8: «Эти двѣ книги имѣли то значеніе, что онѣ намѣтили *два пути* въ русскомъ масонствѣ. Одни, главнымъ образомъ петербургскіе масоны, увлекались «аллегорическимъ» у Сенъ-Мартена, продолжали искать рѣшенія таинственныхъ загадокъ; другіе и главнымъ образомъ Новиковъ и его друзья увлекались истиннымъ христіанствомъ». Впрочемъ, нѣсколько ниже (188) снова утверждается, что «Новиковъ *принималъ* систему Сенъ-Мартена, но изъ нея онъ выбиралъ то, что находилось въ связи съ главнымъ положеніемъ и неизвѣстнаго философа» — «путь добра» (стр. 196—7). Представленіе о С. Мартенѣ получается весьма сбивчивое¹⁾, значеніе двухъ «книгъ» преувеличено до чрезвычайности, и существованіе «двухъ путей въ русскомъ масонствѣ» именно такого происхожденія по меньшей мѣрѣ не доказано. Точно такъ же далѣе авторъ не въ мѣру выдвигаетъ значеніе Беме и Масона, а своими разсужденіями о русскомъ розенкрейцерствѣ окончательно запутываетъ читателя, который только что познакомился со статьями А. В. Семенки и В. Н. Перцева (ср., напр., стр. 205—209, 213—216 и стр. 161—168). Вообще очеркъ В. Н. Тукалевскаго не принадлежитъ къ числу удачныхъ.

Зато съ огромнымъ интересомъ читается очеркъ Н. К. Пиксанова о В. И. Лопухинѣ. Твердой рукой авторъ набросалъ «культурно-психологическій образъ» этого масона, прочно прикрѣпивъ его къ русской почвѣ, связавъ съ «авторитарными формами быта» и «авторитарными формами мышленія». Методологически это вполне правильный путь, хотя для его обоснованія не было никакой надобности упрекать «историковъ вообще» въ склонности «объяснять явленія ближайшими причинами: *post hoc—ergo propter hoc*» и особенно зачислять Герцена, автора «Былого и Думъ», въ разрядъ тѣхъ наивныхъ «историковъ-публицистовъ»,

¹⁾ Не помогутъ читателю и другія статьи, гдѣ говорится о Сенъ-Мартенѣ (стр. 51—52).

которые умѣютъ различать только двѣ категоріи явленій—«свѣтлая» и «темная» (228). Чрезвычайно поучительно слѣдить за тѣмъ, какъ идеологія масонства преломляется въ психологіи русскаго масона-аристократа. Въ этомъ отношеніи Лопухинъ, какъ нельзя болѣе, «типиченъ для цѣлой общественной группы».

Но отсюда, по нашему мнѣнію, еще нельзя дѣлать вывода, что «Лопухинъ болѣе показателенъ для русскаго масонства, чѣмъ Шварцъ и Новиковъ» (229). Это утвержденіе стоитъ въ связи съ общимъ взглядомъ Н. К. Пиксанова на русское масонство. На стр. 248 онъ стремится разрушить иллюзію «гипнотизирующихъ» насъ выраженій «русское масонство», «масонское движеніе», и съ этой цѣлью указываетъ на то, что масоновъ въ Россіи «вообще было мало, поразительно мало, не больше, чѣмъ декабристовъ» (248). Если даже признать, что эта статистика вѣрна (хотя точной статистики у насъ нѣтъ), все же она ничего не доказываетъ: декабристовъ было немного, но декабризмъ, тѣмъ не менѣе, широкое явленіе въ русской общественной жизни 20-хъ годовъ, и важность «масонскаго движенія» опредѣляется не однѣми цифрами участниковъ. Пусть у Новикова и Шварца было очень мало сотрудниковъ, но *самобитная* сторона русскаго масонства выразилась именно въ ихъ дѣятельности, а не въ писаніяхъ «типичнаго» Лопухина. Н. К. Пиксановъ, далѣе, усиленно подчеркиваетъ церковность и аристократизмъ московскаго масонства (247—8, 250). Но эти его утвержденія сильно ослабляются, во-первыхъ, тѣмъ, что многія черты, на которыя ссылается Н. К. Пиксановъ, общи всему масонству, во-вторыхъ, тѣмъ, что наши масоны, въ томъ числѣ и Лопухинъ, своей конечной цѣлью считаютъ «внутреннее христіанство», а не православную церковность (о чемъ очень хорошо сказано у самого Н. К. Пиксанова на стр. 249—252); наконецъ, въ составѣ масонства уже въ 70—80-хъ г. были и демократическіе элементы; часть масонской литературы издавна находитъ себѣ распространеніе среди мистиковъ изъ народа.

Высказывая свои замѣчанія и сомнѣнія по поводу статей, вошедшихъ въ I томъ «Масонства», мы прекрасно сознаемъ, какъ трудно въ настоящее время писать свободную работу о масонствѣ. Это обязываетъ cadaго изъ насъ снисходительно относиться къ тому, что кажется намъ недостатками въ разбираемомъ изданіи, не забывать объ его достоинствахъ и привѣтствовать эту серьезную попытку «удовлетворить давно назрѣвшему интересу къ одному изъ своеобразныхъ и характерныхъ явленій нашего прошлаго, находящаго отклики и въ современной жизни». Внѣшность изданія—превосходна.

П. Сакулинъ.

Родственники о Растопчинѣ.

Передъ нами книга, нигдѣ въ печати не отмѣченная, вышедшая два года назадъ, вскорѣ послѣ пышныхъ юбилейныхъ празднованій Отечественной войны, только теперь нашедшихъ конкретный отзвукъ въ современныхъ общественныхъ настроеніяхъ. Это—воспоминанія старшей дочери (впослѣдствіи Нарышкиной) мнившего себя «спасителемъ отечества», московскаго градоправителя въ 1812 г., гр. Ѳ. В. Растопчина. Воспоминанія г-жи Нарышкиной («Le comte Rastopchine et son temps») могли бы представить значительный интересъ, такъ какъ дочери Растопчина въ знаменательную годину было уже 15 лѣтъ, и она, слѣдовательно, была свидѣтельницей, которая сознательно уже могла воспринимать явленія окружавшей жизни. Воспоминанія, написанныя уже въ 60-е годы, на склонѣ лѣтъ мемуаристики, давали возможность отнестись объективно къ событіямъ давнихъ лѣтъ и подойти къ нимъ, не поддаваясь тому вихрю субъективныхъ воспріятій, которыя въ значительной степени мѣшаютъ многимъ и многимъ мемуаристамъ того времени нарисовать подлинную картину эпохи, покрытую въ устахъ современника флеромъ нѣсколько сентиментальнаго патріотизма. И только историческій скальпель выскребаетъ обыденную жизненную прозу изъ документовъ и сухихъ архивныхъ дѣлъ, передающихъ факты, и не настроенія. Къ сожалѣнію, воспоминанія Нарышкиной, въ качествѣ историческаго источника, обезцѣнены той опредѣленной цѣлью, которой задавался авторъ—возвеличить своихъ родичей. Вся книга написана для восхваленія великаго дѣятеля, неодоленнаго потомствомъ. Это—апологія, апологія неудержимая, несчитающаяся съ фактами. Написанная черезъ много лѣтъ по обрывкамъ личныхъ воспоминаній или записей, сдѣланныхъ съ чужихъ словъ или со словъ столь любившаго всегда себя возвеличить отца, книга полна фантастическими измышленіями, повтореніемъ безъ провѣрки всѣхъ тѣхъ басенъ, которыя передалъ потомству самъ Растопчинъ въ своихъ

запискахъ: личныя наблюденія автора, какъ современника, не дали ему возможности ориентироваться сколько-нибудь удачно въ фактахъ.

Странная судьба Растопчина. То фаворитъ, то фрондирующий вельможа въ опалѣ, то герой на часъ, то кумиръ, низвергнутый съ пьедестала «спасителя отечества», низвергнутый въ сущности той же консервативной дворянской оппозиціей, которая выдвинула его въ 1812 г. чуть ли не на первое мѣсто. Что же это судьба большого человѣка? Отнюдь нѣтъ. Растопчинъ былъ маленькій человѣкъ, умѣвшій себя, однако, прекрасно рекламировать, человѣкъ огромнаго самолюбія и самаго безстыднаго бахвальства. Еще при жизни ему пришлось заниматься само-реабилитированіемъ и съ этого момента реабилитация Растопчина безостановочно продолжается—и все неудачно. Старательно реабилитировала и реабилитируетъ его націоналистическая исторіографія, пытающаяся изобразить Растопчина какъ образецъ для патріотическаго подражанія. Безуспѣшно тѣмъ же дѣломъ занимается и потомство Растопчина. Внукъ послѣдняго гр. Сегюръ съ этой цѣлью выпустилъ въ 1871 г. цѣлую книгу «*Vie du comte Rastopchine*»; за нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ послѣдовала внучка гр. Л. А. Растопчина (дочь младшаго сына Андрея)¹⁾; нынѣ издаются воспоминанія старшей дочери—Наталии. Послѣднія пытаются прибавить новый штрихъ въ реабилитации. Воспоминанія писались, какъ мы знаемъ, въ 60-е годы, въ періодъ однихъ изъ тѣхъ медовыхъ мѣсяцевъ русской общест-венности, которые спорадически выплываютъ у насъ на поверхность. И, подъ перомъ дочери, Растопчинъ становится уже либераломъ, горячимъ противникомъ крѣпостного права, за что его и возненавидѣла аристократія. Читатель, хотъ немного знакомый съ біографіей Растопчина и съ основами его міровоззрѣній, ясно видитъ, какія метаморфозы происходятъ подъ родственнымъ перомъ: крѣпостникъ становится убѣжденнымъ защитникомъ крестьянской свободы. Если послушать дочь Растопчина, то окажется, что послѣдній въ юныхъ годахъ, пораженный низостью окружающей знати и угнетеніемъ бѣднаго народа (*peuple des campagnes*), отправляется за границу съ исключительной цѣлью найти нравственное противоядіе въ изученіи быта и нравовъ другихъ народовъ. Онъ дѣлается англоманомъ—поклонникомъ и моральныхъ качествъ англійскаго народа, и его политическаго устройства. Здѣсь въ Англіи Растопчинъ усвоилъ то понятіе «чести» (слово, незнакомое въ русскихъ во-

¹⁾ Ея книга «Семейная хроника» переведена на русскій языкъ. Гр. Л. А. Растопчина умерла въ іюль 1915 г.

кабулахъ), которое руководило имъ въ послѣдствіи во всѣхъ дѣяніяхъ. Какъ далеки всѣ эти черты отъ дѣйствительности, наилучшимъ образомъ показываютъ письма самого Растопчина къ его другу кн. Циціанову въ первые годы XIX вѣка. Въ періодъ наибольшаго своего либерализма, именно въ тотъ моментъ, когда, находясь не у дѣлъ, Растопчинъ заигрывалъ съ бывшими екатерининскими мартинистами, на которыхъ въ послѣдствіи возводилъ наиглупѣйшія обвиненія, онъ въ такихъ словахъ отзывался о той Англіи, которая, по словамъ дочери, явилась его какъ бы политической воспитательницей: «Я ничего гнуснѣе правилъ Аглицкаго министерства не знаю, а между *глупыми* привычками въ людяхъ говорятъ: *honnête comme un Anglois*» (Письмо 30 марта 1804 г. Бартеневъ. XIX вѣкъ. Кн. II, стр. 42). Онъ рѣзко осуждаетъ, напр., адм. Чичагова за то, что тотъ «отъявленный якобинецъ на аглицкую статью», и вообще всѣхъ тѣхъ, кто дѣлаетъ Россію «орудіемъ губительной Аглинской политики». Растопчинъ въ это время за «Бонопарте»...

Такую же историческую подлинность имѣютъ и всѣ остальные свобододлюбивыя мечты. Только въ воображеніи г-жи Нарышкиной Растопчинъ умоляетъ Александра I послѣ 1812 г. дать политическую и соціальную свободу тѣмъ, кто спасъ корону и честь Россіи (стр. 120, 202). Нарышкина убѣждена болѣе того, что если крестьянское освобожденіе 1861 г. обогрилось въ Россіи кровью, то только потому, что не было втораго Растопчина, который сумѣлъ бы на своемъ народномъ языкѣ растолковать массѣ дарованную свободу... Однако, должны быть предѣлы и для родственнаго чувства!

Если бы воспоминанія г-жи Нарышкиной были изданы лѣтъ сорокъ назадъ, они представляли бы еще значительный интересъ, такъ какъ заключаютъ въ себѣ многочисленныя выписки изъ записокъ и писемъ Растопчина, но теперь, когда и переписка и записки Растопчина опубликованы въ подлинномъ своемъ видѣ, выдержки уже не имѣютъ такого значенія. Приходится отыскивать новые штрихи, что довольно затруднительно, такъ какъ издатели не потрудились сдѣлать никакихъ объясненій, ссылокъ ¹⁾. Пожалуй, новыхъ чертъ мы и не найдемъ въ воспоминаніяхъ Нарышкиной, если только отбросить давно опровергнутыя сказки о Верещагинѣ и приведенныя выше вполне фанта-

¹⁾ Изданіе, повидимому, выпущено родственниками, такъ какъ отрывки изъ нихъ были напечатаны гр. В. А. Татищевой (рожд. Нарышкиной) въ 1912 г. въ «Трудахъ Яросл. Архив. Комиссіи», Кн. III, вып. 3, съ оговоркой, что въ полномъ видѣ записки Н. О. Нарышкиной появятся на французскомъ языкѣ. Это изданіе и появилось, при чемъ указаные перведенные отрывки въ значительной степени не совпадаютъ съ изданнымъ подлинникомъ.

стическія характеристики свободолюбивыхъ мечтаній гр. Растопчина. Но зато въ воспоминаніяхъ дочери найдутся новые нюансы для подтвержденія Растопчинскаго бахвальства.

1815 годъ. Дочь громко читаетъ отцу «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковского. Чтеніе вызываетъ такое замѣчаніе со стороны Растопчина: «Если Гомеръ жилъ бы въ наше время, я думаю, что онъ счелъ бы меня достойнымъ фигурировать среди Гектора и Ахилла, но Жуковский въ своей «Иліадѣ» боится не понравиться императору, говоря обо мнѣ».

Передавая нѣкоторыя бесѣды «героя» 1812 года, Нарышкина и не подозреваетъ, что она тѣмъ самымъ съ поразительной отчетливостью вскрываетъ ту подоплеку комедіанства, которая лежала въ основѣ геройскихъ подвиговъ одного изъ наиболѣе прославившихся патріотовъ Отечественной войны.

1 сентября въ 5 час. утра Растопчинъ прощается съ уѣзжающей семьей. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ съ пафосомъ говоритъ, что ему, какъ начальнику города, предстоитъ раздѣлить всѣ опасности съ народомъ и, быть можетъ, погибнуть въ битвѣ. Какъ хорошо извѣстно, Растопчинъ и не думалъ ѣхать на «Три горы», куда призывалъ населеніе. Это была одна изъ привычныхъ ему буфонадъ. Спрашивается, однако, если онъ морочилъ населеніе сознательно въ цѣляхъ своеобразнаго успокоенія, то для чего онъ дѣлалъ это по отношенію къ собственной семьѣ? Психологически это было бы совершенно непонятно, если бы неискренность и поза не были второй натурой Растопчина. Въ воспоминаніяхъ Нарышкиной находится подтвержденіе одного факта, который до сихъ поръ въ литературѣ продолжаетъ быть спорнымъ,—фактъ участія Растопчина въ Московскомъ пожарѣ. Всѣ поклонники Растопчина настаиваютъ на этомъ фактѣ, видя въ немъ проявленіе наибольшаго Растопчинскаго героизма и его патріотической мудрости. Большинство изслѣдователей не видятъ, однако, въ пожарѣ Москвы элементовъ сознательно продуманнаго плана и отрицаютъ активное участіе въ немъ Растопчина. Москва сгорѣла сама по себѣ. Мнѣ въ свое время, въ юбилейные дни 1812 года, приходилось писать по этому поводу. Я очень далекъ отъ какого-либо преклоненія передъ фальшивымъ образомъ демагога-барина и очень мало склоненъ видѣть въ Московскомъ пожарѣ актъ патріотическаго самопожертвованія—для этого рѣшительно никакихъ данныхъ нѣтъ. Но участіе Растопчина для меня является несомнѣннымъ—это была еще новая буфонада ¹⁾. Нарышкина всю исторію рассказываетъ

¹⁾ См. статью «Кто сжегъ Москву» въ сборникѣ «Отечественная война и русское общество», т. IV.

въ обычномъ духѣ націоналистической и родственной исторіографіи. Она повѣствуетъ о томъ, что 31-го ночью у Растопчина было таинственное совѣщаніе съ начальникомъ полиціи Брокеромъ, приведшимъ на совѣщаніе нѣсколько обывателей и полицейскихъ, которымъ и были даны соотвѣтствующія инструкціи. Нарышкина прибавляетъ, что въ 1819 году, когда она уѣзжала изъ Парижа, отецъ поручилъ ей передать 5000 фр. двумъ женщинамъ, Прохоровой и Герасимовой, въ качествѣ вознагражденія за хорошо исполненное ихъ мужьями порученіе.

Къ сожалѣнію, только приходится сдѣлать оговорку, что при чтеніи воспоминаній Нарышкиной невольно очень мало имъ довѣряешь и не только потому, что она рассказываетъ, въ большинствѣ случаевъ, по слухамъ и съ чужихъ словъ—дочь восприняла по наслѣдству многія качества отца, заставляющія вообще относиться съ большою осторожностью къ ея рассказамъ; и прежде всего это столь типичное для Растопчина самовосхваленіе, заставлявшее его такъ часто говорить сознательно неправду.

Мы могли бы, казалось, болѣе довѣрять Нарышкиной тамъ, гдѣ она говоритъ о семьѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными членами, отца, матери и дѣтей. Интимная жизнь иногда даетъ очень много матеріала для характеристики внутреннихъ переживаній описываемой личности, даетъ возможность глубже войти въ психологію лица и вскрыть иногда побудительныя причины того или иного его дѣйствія. Но, конечно, въ изложеніи Нарышкиной и отецъ, и мать, и дѣти—все это персонажъ исключительныхъ добродѣтелей, обладающій исключительными для своего времени интеллектуальными и моральными качествами. Семья Растопчина—семья выдающаяся. О добродѣтеляхъ самого Растопчина мы хорошо освѣдомлены. Послушаемъ теперь характеристику его еупруги. Она обладала доблестями «настоящей римской матроны: благородствомъ, независимымъ характеромъ, стоицизмомъ», которая дочь не встрѣчала ни въ одной женщинѣ русской націи. И такъ далѣе въ томъ же духѣ. Въ данномъ случаѣ родственники разошлись въ оцѣнкѣ своихъ родичей, и въ упомянутыхъ воспоминаніяхъ внучки мы встрѣтимъ совершенно иную характеристику бабки. Въ изображеніи графини Лидіи Растопчиной ея бабка является женщиной, преисполненной пороковъ. Какъ другіе потомки Растопчина употребили много энергіи и силы для восстановленія его утраченнаго въ исторіи облика рыцаря безъ страха и упрека, такъ внучка давно уже поставила своей задачей «разсказать правду» о графинѣ Екатеринѣ Растопчиной и съ этой цѣлью въ 1904 г. выступила въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ изображеніи внучки,

это была жестокая, черствая женщина, фанатично преданная католичеству, бывшая слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Насколько справедливъ такой образъ? Воспоминанія внучки, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера семьи Растопчиныхъ, крайне тенденціозны. Патенты на право именоваться великими людьми раздаются чрезвычайно легко. И, вѣроятно, образъ жены Растопчина въ значительной степени сгущенъ въ своихъ отрицательныхъ свойствахъ. Бабка не сходилась съ матерью автора воспоминаній (небезызвѣстной московской поэтессой, само собой разумѣется заслужившей, по мнѣнію дочери, безсмертія въ Россіи). Вѣроятно, эта вражда положила неизбѣжный отпечатокъ на характеристику внучки. Но, несомнѣнно, что живоописуемая «доблесть римской матроны» сильно тускнѣетъ при сопоставленіи двухъ родственныхъ характеристикъ.

Но какъ же уживались неудержимыя патріотическія чувствованія Растопчина, приводившія его въ 1812 году къ человѣконенавистнической проповѣди, съ той полной противоположностью, которую представляла его жена. Вѣдь почти неизбѣжно при искренности здѣсь должна была создаться почва для семейной трагедіи, для тяжелыхъ внутреннихъ переживаній. Ничего подобнаго не было—это свидѣлствуетъ все описаніе и дочери, и внучки. Вообще едва ли не единственное столкновеніе произошло между мужемъ и женой тогда, когда Растопчинъ въ апогее своего патріотическаго возмущенія во что бы то ни стало желалъ перенести портретъ Наполеона изъ комнаты въ одно весьма неподходящее для портретовъ помѣщеніе, а жена протестовала на томъ основаніи, что Наполеонъ коронованная особа и притомъ помазанная на царство главой католической церкви. Во всемъ остальномъ эта столь неподходящая пара прекрасно уживалась.

Скажутъ потому, что Растопчинъ обожалъ свою жену. Не только потому. У Растопчина всегда были двѣ фізіономіи: одна—на показъ, другая—сама по себѣ. И первая постоянно видоизмѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ. Весь шовинизмъ Растопчина въ нѣкоторые періоды его жизни не шелъ далѣе выступленій на показъ. Всѣ его французскіе вкусы московскаго барина той эпохи оставались во всей неприкосновенности. И это очень ярко показываютъ воспоминанія его собственной дочери. А при такомъ жизненномъ укладѣ естественно и не было семейныхъ разногласій. Въ жизненномъ обиходѣ Растопчина не было ничего такого, что соотвѣтствовало бы представленіямъ ефремовскаго дворянина Силы Андреевича Богатырева—литературнаго идеала графа Растопчина.

Послѣ прочтеній воспоминаній Нарышкиной фигура московскаго патріота для насъ остается такой же, какъ прежде ¹⁾. Если мы останавливаемся вновь на Растопчинѣ, то вовсе не потому, что его обликъ заслуживалъ бы какого-либо особаго вниманія (для нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, напр., А. А. Кизеветтера, Растопчинъ все-таки человѣкъ незаурядный). Нѣтъ, Растопчинъ человѣкъ ума маленькаго и весьма сомнительныхъ моральныхъ добродѣтелей. Его обликъ съ удивительнымъ художественнымъ чутьемъ уловилъ въ «Войнѣ и Мирѣ» Л. Н. Толстой. Но поставленный судьбою въ годину сильнаго національнаго подъема на отвѣтственный постъ, Растопчинъ, какъ въ фокусѣ, собралъ въ себѣ все то отрицательное, что, къ сожалѣнію, почти всегда прилѣпляется къ здоровому чувству патріотизма. Именно потому, что Растопчинъ былъ человѣкъ очень некрупнаго калибра, всѣ уродливые наросты, связанные съ неправильнымъ пониманіемъ истиннаго патріотизма, выливались у него въ безобразную форму грубаго шовинистическаго задора, другими словами—въ проповѣдь человѣконенавистничества.

Правда, когда лично переживешь время, похожее на эпоху, въ которой дѣйствовалъ Растопчинъ, пожалуй, отнесешься къ нему съ большей снисходительностью. Растопчины, если не рождаются, то проявляются на общемъ фонѣ общественныхъ настроеній; они лишь болѣе ярко проявляютъ то, что въ силу какой-то роковой неизбежности переживаетъ едва ли не значительное большинство общества, охватываемаго какимъ-то психозомъ.

С. Мельгуновъ.

¹⁾ См. мою статью о Растопчинѣ въ IV т. изданія «Отечественная война и русское общество».

Восточная война (1853—56 гг.¹⁾).

Habent sua fata libelli. Первый томъ труда А. М. Заіончковскаго появился въ 1908 г. и прошелъ почти не отмѣченнымъ въ печати: время было такое, когда вниманіе общества было усиленно направлено на текущіе вопросы политической борьбы и громоздкія изслѣдованія научно-историческаго характера не возбуждали къ себѣ интереса въ широкихъ кругахъ читателей. Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, вышелъ обширный второй томъ того же труда, въ двухъ частяхъ и съ особымъ томомъ приложений. Это было еще до начала военныхъ событій, потрясающихъ въ настоящее время Европу, и капитальное изслѣдованіе по исторіи восточной войны 1853—56 г.г. имѣло всѣ шансы привлечь вниманіе читателей; такое вниманіе и въ дѣйствительности было возбуждено и многіе желали достать интересную книгу; но тутъ оказалось новое осложненіе: книга А. М. Заіончковскаго, изданная на средства военного министерства, не поступила въ книжные магазины, а любителямъ историческаго чтенія предоставлено было догадываться, что книгу нужно выписывать прямо изъ названнаго министерства. Немудрено, что и до сихъ поръ интересная работа А. М. Заіончковскаго остается очень мало извѣстной публикѣ, а между тѣмъ съ этой работой весьма стоитъ познакомиться, ибо такого полнаго повѣствованія и о военной, и о дипломатической исторіи восточной войны 1853—56 г.г., основаннаго на изученіи обширнаго матеріала русскихъ архивовъ, въ русской исторической литературѣ доселѣ еще не имѣлось.

Трудъ А. М. Заіончковскаго задуманъ въ очень широкомъ масштабѣ. Три объемистыя части этого труда, до сихъ поръ появившіяся въ печати (т. I и двѣ части тома II), обнимаютъ собою лишь первый періодъ войны, до высадки англо-французскихъ войскъ въ Крыму. Исторія военныхъ операцій сопровождается въ изложеніи автора исторіей дипломатическихъ отно-

¹⁾ А. М. Заіончковскій. *Восточная война 1853—1856 г.г. въ связи съ современной ей политической обстановкой.* Т. I., стр. 763, II. Г. 1908 г.; т. II, ч. 1, и 2 стр. 1248, II. Г. 1913 г.; т. II. Приложенія, стр. 452.

шеній между всѣми затронутыми войной государствами. Наконецъ, исторіи войны предпослано обширное введеніе, въ которомъ находимъ общій обзоръ царствованія императора Николая I, обзоръ внѣшней политики Россіи за время этого царствованія до начала восточной войны 1853 г. и очеркъ состоянія вооруженныхъ силъ Россіи, Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи къ началу этой войны.

Военная и дипломатическая исторія восточной войны излагается А. М. Заіончковскимъ съ большими подробностями. Въ изложеніе введена масса новаго архивнаго матеріала; широко использованы авторомъ архивы военного и морского министерствъ, министерства иностранныхъ дѣлъ, государственный архивъ и рядъ другихъ архивныхъ хранилищъ. Правда, автору можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что онъ во многихъ случаяхъ не отмѣчаетъ, что цитируемые имъ архивные документы частью уже и ранѣе были извѣстны въ печати; такъ, напр., большое количество писемъ императора Николая Павловича, Паскевича, Горчакова, Меншикова, относящихся ко времени восточной войны и использованныхъ А. М. Заіончковскимъ по архивнымъ оригиналамъ, было напечатано въ «Русской Старинѣ» въ 70-хъ и 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Но на ряду съ этимъ А. М. Заіончковскій вводитъ въ литературный оборотъ немало и совершенно новаго матеріала и это даетъ ему возможность излагать свой предметъ такъ подробно, что всѣ предшествующія работы въ этой области, напр., извѣстное сочиненіе Богдановича «Восточная война 1853—1856 г.г.», представляются въ сравненіи съ трудомъ А. М. Заіончковскаго не болѣе, какъ предварительными конспектами.

Нельзя сказать, чтобы изложеніе А. М. Заіончковскаго сколько-нибудь существенно измѣняло общія очертанія ранѣе извѣстной картины. Нѣтъ, эти очертанія сохраняются и теперь; но многочисленныя новыя подробности, введенныя въ изложеніе нашего автора, придаютъ гораздо большую яркость, выразительность и живость многимъ эпизодамъ и фигурамъ, входящимъ въ составъ этой картины. Въ этомъ и заключается историческая цѣнность обширнаго труда А. М. Заіончковскаго.

Что касается того общаго освѣщенія, которое авторъ даетъ изучаемымъ имъ фактамъ, то въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ порой въ трудѣ А. М. Заіончковскаго свѣжія мысли, удачно порывающія съ литературной традиціей, но въ то же время авторъ обнаруживаетъ и весьма сильную зависимость отъ нѣкоторыхъ распространенныхъ въ предшествующей литературѣ шаблонныхъ предубѣжденій. И главное изъ этихъ предубѣжде-

ній, набрасывающее опредѣленную окраску на все изложеніе А. М. Заіончковскаго, состоитъ въ той основной мысли его труда, что при руководствѣ и военными операціями, и дипломатическими сношеніями въ эпоху восточной войны имп. Николай Павловичъ стоялъ совершенно изолированно отъ непосредственныхъ исполнителей своихъ предначертаній. А. М. Заіончковскій выступаетъ вообще горячимъ панегиристомъ Николая Павловича во всѣхъ отношеніяхъ; всѣ части разбираемаго труда исполнены непрерывной хвалой мудрости, возвышенности духа и желѣзной рѣшительности воли этого монарха. Исходя изъ такого представленія о личности Николая Павловича, А. М. Заіончковскій склоненъ объяснять всѣ наши военные и дипломатическія неудачи въ эпоху восточной войны тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе военачальники, во главѣ съ Паскевичемъ и Горчаковымъ, и дипломаты, во главѣ съ Нессельроде, не сочувствовали великимъ замысламъ и стремленіямъ своего императора, вели упорно свою линію, противорѣчившую желаніямъ монарха, и, такимъ образомъ, Николай Павловичъ оказывался въ странномъ одиночествѣ, а событія развивались вопреки его предначертаніямъ. Повторяемъ, эта мысль является основнымъ тезисомъ А. М. Заіончковскаго, проходящимъ красною нитью чрезъ все его изложеніе, какъ военной, такъ и дипломатической исторіи восточной войны. Авторъ страннымъ образомъ не замѣчаетъ глубокаго внутренняго противорѣчія, лежащаго въ основѣ этой мысли. То и дѣло мы читаемъ у г. Заіончковскаго о «желѣзной волѣ» и объ «орлиномъ полетѣ мысли» императора Николая Павловича и тутъ же оказывается, что эта желѣзная воля разбивалась о первое же противодѣйствіе Паскевича и этотъ орлиный полетъ мысли легко пресѣкался шаблонной прозой любого Нессельродскаго доклада.

Между тѣмъ, изъ обильнаго фактами изложенія самого А. М. Заіончковскаго внимательный читатель безъ труда убѣдится въ томъ, что въ дѣйствительности все было совсѣмъ иначе. Никакой «бездны взаимнаго непониманія» между Николаемъ Павловичемъ и исполнителями его воли не существовало; напротивъ того, и военачальники и дипломаты только осуществляли ту самую систему, которая лежала въ основѣ всего царствованія имп. Николая Павловича и, если примѣненіе этой системы приводило къ серьезнымъ неудачамъ, то объясненія тому можно и должно искать въ ложности основныхъ началъ самой этой системы, а не только въ недостаткахъ ея исполнителей.

Неудачный исходъ нашей кампаніи на Дунаѣ въ 1853—54 г.г. А. М. Заіончковскій приписываетъ болѣе всего нерѣшительности

ки. Горчакова и преувеличеннымъ страхамъ Паскевича передъ Австріей. Личности Горчакова и Паскевича обрисованы въ разбираемой книгѣ очень ярко, что нельзя не признать несомнѣнной заслугой автора. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Горчаковъ дѣйствительно совершенно не годился въ главнокомандующіе арміей, а Паскевичъ очень грѣшилъ склонностью ставить на первомъ планѣ свои личные расчеты. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что все это самымъ печальнымъ образомъ отзывалось на ходѣ кампаніи.

Но съ другой стороны, самъ же г. Заіончковскій ясно обнаруживаетъ въ своемъ фактическомъ разсказѣ, что вялость и пассивность нашихъ дѣйствій на Дунаѣ въ то время были предопредѣлены политическими соображеніями, которыя зависѣли не отъ Горчакова и съ которыми Горчаковъ обязанъ былъ сообразоваться. Насчетъ неумѣлости Горчакова слѣдуетъ поставить рядъ важныхъ промаховъ при проведеніи отдѣльных эпизодовъ кампаніи, но общій ходъ всей кампаніи предрѣшался не на Дунаѣ, а въ Петербургѣ. Самъ А. М. Заіончковскій очень хорошо говоритъ о томъ, что въ чисто политическихъ видахъ арміи Горчакова на Дунаѣ была поставлена, по существу, въ высшей степени неблагоприятная задача, обрекавшая наши войска на пассивную роль. Къ сожалѣнію, однако, А. М. Заіончковскій не дѣлаетъ изъ этого положенія всѣхъ необходимыхъ выводовъ и не учитываетъ его значенія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заводитъ рѣчь о томъ, что Николай Павловичъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ несочувствіемъ его планамъ со стороны исполнителей его воли.

Уходъ русской арміи съ Дуная въ 1854 г. былъ вызванъ опасеніемъ столкновенія съ Австріей. А. М. Заіончковскій считаетъ этотъ уходъ громадной ошибкой и ставитъ эту ошибку всецѣло на счетъ Паскевича и его преувеличенныхъ страховъ передъ Австріей. Роль Паскевича въ эту эпоху вообще не заслуживаетъ положительной оцѣнки. Но, что касается вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ Австріи, то нѣтъ никакой возможности отрицать того, что корень этихъ отношеній гнѣзился не въ настроеніи духа Паскевича или какого-либо иного военачальника, а въ самомъ существѣ всей политической системы царствованія Николая Павловича. Австрія почиталась оплотомъ «старого порядка» противъ свободолюбивыхъ вѣяній вѣка. Въ этомъ было все дѣло. Николай Павловичъ сердился на Австрію за ея сближеніе съ нашими врагами, теоретически онъ даже обсуждалъ планы возможнаго столкновенія съ Австріей, но практически онъ готовъ былъ на величайшія жертвы лишь бы избѣжать этого столк-

новения, ибо союзъ съ двумя нѣмецкими монархіями, Австріей и Пруссіей, являлся въ его глазахъ необходимымъ условіемъ охраны того политическаго строя, неприкосновенность котораго составляла весь политическій символъ вѣры этого государя.

Принимая все это во вниманіе, можно ли серьезно говорить о томъ, что въ вопросѣ объ отношеніяхъ нашихъ къ Австріи Паскевичъ обошелъ Николая Павловича? Не правильнѣе ли предположить, что Паскевичъ лишь шелъ навстрѣчу хорошо извѣстному ему дѣйствительнымъ предрасположеніямъ своего государя?

Подобнаго же рода замѣчанія приходится сдѣлать и относительно сужденій А. М. Заіончковскаго, касающихся дипломатической исторіи восточной войны. Въ трудѣ А. М. Заіончковскаго находимъ поистинѣ блестящія страницы, посвященныя характеристикѣ дипломатическихъ донесеній нашего посла въ Лондонѣ, барона Бруннова. Страницы эти тѣмъ болѣе важны, что баронъ Брунновъ можетъ быть признанъ наиболѣе яркимъ выразителемъ типическихъ отличительныхъ чертъ русской дипломатіи эпохи Николая I. Въ этой характеристикѣ А. М. Заіончковскій рѣшительно порываетъ съ традиціоннымъ шаблономъ, утвердившимся въ русской литературѣ по исторіи нашей внѣшней политики первой половины XIX вѣка и наиболѣе рельефно выраженнымъ въ извѣстной книгѣ г. Татищева: «Внѣшняя политика императора Николая I». Согласно этому шаблонному воззрѣнію, внѣшняя политика Россіи за время царствованія Николая Павловича всецѣло опредѣлялась самоотверженнымъ попеченіемъ о благѣ всей Европы, тогда какъ Европа отплачивала намъ за это черной неблагодарностью и только этимъ вѣроломствомъ Европы и объяснялись всѣ наши тогдашнія дипломатическія неудачи. А. М. Заіончковскій на примѣрѣ разбора донесеній Бруннова рисуетъ иную схему, гораздо болѣе соответствующую конкретной исторической дѣйствительности. Во время царствованія Николая Павловича въ ходѣ нашей внѣшней политики всѣ прочія дипломатическія соображенія подчинялись одному руководящему стимулу борьбы съ воображаемой всесвѣтной революціей и отсюда вытекали два, въ сущности противоположныя, но въ одинаковой мѣрѣ для нашей тогдашней дипломатіи характерныя послѣдствія: съ одной стороны,—наша дипломатія относилась тогда къ европейскимъ державамъ свысока, раздражая ихъ своимъ заносчивымъ тономъ, вытекавшимъ изъ противопоставленія Россіи, какъ твердыни законнаго порядка, Европѣ, ослабляемой революціонными потрясеніями; а съ другой стороны,—по той же

причинѣ наша дипломатія чувствовала себя связанной по рукамъ и ногамъ необходимостью держаться сближенія лишь съ тѣми странами, правительства которыхъ стояли на стражѣ политической реакціи. Въ результатѣ всего этого наши дипломаты частью сознательно игнорировали факты, не смѣя отрѣшиться отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, а частью на самомъ дѣлѣ утрачивали пониманіе политической дѣйствительности вслѣдствіе привычки витать въ мірѣ условныхъ шаблоновъ и фантомовъ. А. М. Заіончковскій очень удачно иллюстрируетъ всѣ эти особенности нашей тогдашней дипломатіи на примѣрѣ дѣятельности Бруннова, который, занимая постъ нашего посла въ Лондонѣ, относился къ англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ свысока, словно къ какимъ-то политическимъ младенцамъ, и въ результатѣ такого предвзятаго, ни на чемъ не основаннаго, взгляда онъ во всѣхъ своихъ донесеніяхъ представлялъ въ совершенно извращенномъ видѣ положеніе дѣлъ. А между тѣмъ Брунновъ почитался тогда образцовымъ нашимъ дипломатомъ, своего рода оракуломъ дипломатическихъ истинъ. Вотъ въ этомъ-то и заключался корень нашихъ неудачъ въ области внѣшней политики. Брунновъ являлся не исключительной, а типической фигурой среди русскихъ дипломатовъ, воспитанныхъ въ традиціяхъ политической системы того царствованія. Вездѣ тогда мы закрывали глаза на дѣйствительные факты и сами для себя подмѣняли ихъ условными фантомами. Во имя борьбы съ всесвѣтной революціей мы цѣлко держались за Австрію и не хотѣли видѣть, что реальные интересы этой державы намъ враждебны; во имя того же предубѣжденія мы вызвали Францію на борьбу съ нами, тогда какъ, въ силу цѣлага ряда условій, Франція имѣла очень серьезные счеты съ Австріей и могла бы охотно пойти на сближеніе съ Россіей, направленное противъ Австріи; но такое сближеніе оказывалось невозможнымъ вслѣдствіи того, что направленіе международной политики Россіи всецѣло подчинялось принципу охраны «старого порядка».

Такъ, отмѣченные А. М. Заіончковскимъ характерныя черты нашей тогдашней дипломатіи какъ нельзя болѣе ясно связываются съ основными положеніями всей политической системы царствованія Николая Павловича. Но вотъ этой-то связи А. М. Заіончковскій какъ разъ и не признаетъ. Здѣсь онъ останавливается на полпути въ своемъ отступленіи отъ литературной традиціи. Въмѣсто того, чтобы признать столь живо обрисованныя имъ особенности нашей тогдашней дипломатіи естественной составной частью политической системы царствованія Николая Павловича, А. М. Заіончковскій старается представить

эти особенности своего рода подкопомъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, руководившагося гр. Нессельроде, подъ истинныя стремленія императора, проникнутыя, якобы, здравымъ чувствомъ политической дѣйствительности. И опять перо нашего автора чертитъ образъ императора, одушевленнаго великими замыслами. но совершенно одинокаго среди несочувствующихъ ему сотрудниковъ. Образъ этотъ и въ данномъ случаѣ оказывается вполне фантастическимъ и въ повѣствованіи самого же А. М. Заіончковскаго можно найти очень много фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что на самомъ дѣлѣ и Нессельроде, и Брунновъ и всѣ прочіе дѣятели нашей дипломатіи только и дѣлали, что старались воспроизводить въ своихъ докладахъ и донесеніяхъ мысли, наиболѣе угодныя императору. Иногда получались, правда, видимыя разногласія между Николаемъ Павловичемъ и Нессельроде. Но это нисколько не противорѣчитъ сказанному нами выше. Разногласія эти только потому и кончались быстрымъ успѣхомъ Нессельроде, что министръ этотъ старался убѣдить императора лишь въ томъ, въ чемъ императоръ и самъ желалъ быть убѣжденнымъ.

Это наблюденіе, примѣнимое ко всѣмъ отраслямъ внѣшней политики Россіи той эпохи, вполне примѣнимо и къ исторіи восточнаго вопроса того времени. По утверженію А. М. Заіончковскаго, Николай Павловичъ стремился къ смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ по освобожденію балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига и по закрѣпленію авторитета Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, но изъ этихъ стремленій ничего не вышло: 1) потому-что противъ нихъ интриговалъ Нессельроде и 2) потому что еще не всѣ балканскія народности тогда были подготовлены къ воспріятію идеи національной независимости. И въ этомъ случаѣ утвержденія нашего автора расходятся съ фактами, приводимыми въ его же собственномъ изложеніи. Факты же эти показываютъ, что стремленія Николая Павловича были обречены на неудачу прежде всего потому, что онъ и ихъ желалъ осуществлять на основѣ принциповъ «старого порядка». Онъ хотѣлъ бы поднять народныя движенія на Балканскомъ полуостровѣ, но лишь на томъ условіи, чтобы эти движенія отнюдь не получили демократически-либеральнаго характера. Вся «интрига» Нессельроде только въ томъ и заключалась, что онъ легко и быстро доказалъ императору химеричность такихъ плановъ, въ виду несовмѣстимости лозунга освобожденія народовъ съ политикой «старого порядка». Да и самъ Николай Павловичъ въ концѣ-концовъ отлично сознавалъ эту несовмѣстимость и потому, не считая возможнымъ, съ своей точки зрѣнія, отступить

отъ идей «старого порядка», онъ, въ сущности, очень опасливо относился къ перспективѣ народныхъ возстаній на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ отношеніи очень любопытно одно письмо Николая Павловича къ Горчакову, приведенное у А. М. Заіончкова; въ немъ императоръ пишетъ, что предложенія греческихъ гетерій ему сильно не нравятся, ибо «отъ нихъ явно пахнетъ революціонной вонью» (Заіончк. II, с. 600).

Таковы наши возраженія противъ схемы А. М. Заіончкова. Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ, что онъ старался лишь излагать документальныя данныя, воздерживаясь отъ собственныхъ выводовъ. Мы видѣли, что на самомъ дѣлѣ у А. М. Заіончкова есть и «выводы» и притомъ такіе, съ которыми далеко не всегда можно согласиться. Думаемъ, что эти выводы не будутъ приняты исторической наукой. Но, несмотря на это, трудъ А. М. Заіончкова составитъ крупное приобрѣтеніе исторической литературы по обилію введенныхъ въ него фактическихъ данныхъ. Авторъ излагаетъ эти данныя такъ полно и такъ добросовѣстно, что въ его собственномъ повѣствованіи можно найти фактическую опору для исправленія его же выводовъ и заключеній. И вотъ почему трудъ А. М. Заіончкова представить большую цѣнность для всѣхъ интересующихся новой исторіей Россіи.

А. Кизеветтеръ.

Критика и библиографія.

Д. С. Мережковский. *Было и будетъ. Дневникъ 1910—1914.* Изд. Сытина. Петроградъ. 1915. Стр. 360. Цѣна 1 р. 50 коп.

Д. С. Мережковский. *Дѣтъ тайны русской поэзіи. Некрасовъ и Тютчевъ.* Изд. Сытина. 1915 г. Стр. 123. Цѣна 50 к.

Чѣмъ меньше писателемъ уважается слово, тѣмъ больше цѣнятся имъ слова или печатныя строчки, оплачиваемыя гонорами. Кропотливо подбираются случайныя газетныя замѣтки, фельетоны, сдобриваются нѣсколькими страницами афоризмовъ изъ записной книжки,—и получается книга; имя извѣстнаго писателя обезпечиваетъ ей сбытъ. Мало уваженія къ читателю, еще меньше уваженія къ себѣ.

На такія мысли наводитъ первая изъ названныхъ книгъ. Ея заглавіе «Дневникъ» должно оправдать ея пестроту. Чего въ ней нѣтъ! Гете, Байронъ, Толстой, Горькій, Вербицкая, Наполеонъ, Иліодоръ, Александръ I, Меньшиковъ... Статей разнаго достоинства, иногда на темы, уже забытыя обществомъ, статьи, достойныя вполнѣ забвенія, статьи, читающіяся съ интересомъ—о Гете и Байронѣ, статьи очень скучныя. Все это объединено—съ большими или меньшими натяжками—любимой идеей автора, уже достаточно прискучившей читателю. Идея эта—идея соединенія христіанства съ жизнью, религіи съ политикой, «Христа со свободою»,—потому прискучила, что, какъ ни важной она кажется автору, никакъ не можетъ вырасти у него въ стройную органическую систему, требуетъ безчисленныхъ натяжекъ, которыми читатель начинаетъ забавляться, не придавая имъ серьезнаго значенія. Но независимо отъ идеи, надо быть колоссально увѣреннымъ въ важности всякаго своего слова для публики, чтобы являться передъ нею въ такомъ халатѣ, скроенномъ изъ газетныхъ фельетоновъ. Неужели это «было и будетъ»? Это есть, но прежде не было; было больше уваженія къ слову.

Но вотъ статьи о Тютчевѣ и Некрасовѣ умно выдѣлены авторомъ изъ «Дневника». Имъ тамъ, дѣйствительно—не мѣсто. Какъ критикъ, г. Мережковскій заслуживаетъ большаго вниманія, Если онъ не всегда и не вполне убѣждаетъ, зато всегда волнуетъ, вызываетъ возраженія и уже этимъ приближаетъ къ пониманію даннаго писателя. Теперь г. Мережковскій заговорилъ о поэтахъ, изъ которыхъ одинъ, очень популярный и очень слабо изученный, многимъ кажется «спорнымъ», другой— безспорный, прекрасно изданный, но съ трудомъ постигаемый, представляетъ собою, дѣйствительно, «прекрасную тайну русской поэзіи».

Къ сожалѣнію, насъ сразу расхолаживаютъ приемы критика, слишкомъ уже извѣстные, чтобы сохранить силу гипноза. «Нужно ли сейчасъ говорить о Некрасовѣ?»—спрашиваетъ критикъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мережковскій спрашивалъ: «Почему приблизился къ намъ Лермонтовъ? Почему вдругъ захотѣлось о немъ говорить?» И изъ объясненій критика совершенно неясно, почему въ 1909 г. надо говорить о Лермонтовѣ, а въ 1915 г. о Некрасовѣ? Интересную статью о какомъ бы то ни было писателѣ мы рады всегда прочесть и не требуемъ отъ автора оправданій. Оправданія нужны не намъ, а ему, автору, чтобы придать вѣсу своимъ словамъ. И другіе приемы неизмѣнны: во-первыхъ, неожиданный исходъ. Для объясненія Лермонтова Мережковскому понадобилась легенда гностическаго происхожденія о падшихъ ангелахъ; для объясненія Гоголя—сказка Андерсена о Каѣ... Разсказавъ ее, критикъ заявилъ: «Судьба Кая—судьба Гоголя» (Мережковскій, Сочиненія, 1911, т. X, стр. 205); для объясненія Тютчева критикъ цитируетъ неожиданно «Разсказъ отца Алексѣя» Тургенева, чтобы снова заявить: «Судьба Якова—Судьба Тютчева» («Двѣ тайны», стр. 73). «Бѣдный Гоголь, бѣдный Кай!»—это изъ статьи о Гоголѣ. «Но «дѣточка Байронъ», бѣдная глупенькая дѣточка»...—Это изъ статьи о Байронѣ («Было и будетъ», стр. 102). «Бѣдный Тютчевъ! Бѣдные мы!»—это изъ статьи о Тютчевѣ («Двѣ тайны» стр. 97). И все это скучно.

Тѣ же антитезы, тѣ же натяжки. Такъ же критику важнѣ индивидуальности писателя пропаганда своихъ идей. Во всѣхъ писателяхъ Мережковскому суждено видѣть Мережковскаго. Не умѣю подобрать соответствующей сказки Андерсена для иллюстраціи того факта, что Мережковскій въ каждаго писателя смотритъ, какъ въ зеркало, а если замѣчаетъ какое-нибудь несходство, то съ сожалѣніемъ восклицаетъ: Бѣдный Гоголь! Бѣдный Байронъ! Бѣдный Тютчевъ!

Но если этого не замѣчаетъ, то остается слѣдующее:

Въ Некрасовѣ Мережковскій видитъ единственнаго у насъ

пѣвца завѣтовъ русской интеллигенціи, которая отдѣлена «отъ всей Россіи прошлой, а можетъ быть, и настоящей» глубокимъ ровомъ. «По эту сторону рва—*у насъ*—маленькая кучка людей, ненавидящихъ, любящихъ и ненавидящихъ вмѣстѣ всю Россію прошлую во имя будущей; по ту сторону—*у нихъ*—съ Россіей прошлою великая русская литература художественная.—Пушкинъ увидѣлъ ровъ и отступилъ, остался у нихъ; Лермонтовъ—тоже у нихъ, но ни за нихъ, ни за насъ Гоголь; сначала былъ съ нами, но потомъ ушелъ къ нимъ. Тургеневъ—то у насъ, то у нихъ—вѣчнымъ перебѣжчикомъ. Достоевскій подходилъ къ стѣнамъ крѣпости съ бѣлымъ знаменемъ, но мы его не приняли. А. Толстого мы звали, но онъ не пошелъ къ намъ.—У насъ—нѣмые воины». И вотъ Некрасовъ далъ голосъ «нѣмымъ»...

Эта оригинальная мысль, глубоко вѣрная въ своей основѣ, задѣваетъ за живое, и на ней слѣдуетъ остановиться. Въ самомъ дѣлѣ, почему вся русская художественная литература—не съ нами, не съ интеллигенціей? Такъ ли это? Почему мы—нѣмые воины, и Некрасовъ—нашъ единственный пѣвецъ, да и тотъ «спорный», отвергнутый представителями художественной литературы—напр., Тургеневымъ и Толстымъ?

Предметомъ поэзіи могутъ служить только вполне законченныя формы быта. Все незаконченное, неопредѣлившееся, недоделанное, неустоявшееся не годится для поэзіи. Поэзія возникаетъ большею частію на склонѣ извѣстнаго уклада жизни, принявшей уже вполне законченныя очертанія ¹⁾. Поэзія—либо наивное славословіе устоявшемуся быту,—таковъ Гомеръ,—либо элегія надъ его развалинами,—таковъ романтизмъ. Въ частности русская литература подтверждаетъ этотъ законъ, начиная Пушкинымъ и кончая «Вишневымъ садомъ». Она поэтизируетъ старый, разлагающійся бытъ, теоретически отрицая его; изъ стараго дворянскаго быта, изъ дворянскихъ гнѣздъ, она черпаетъ свои поэтическіе образы, ее питающіе: всѣ эти Татьяны, Лизы, Наталіи, такъ же, какъ и няни, и Лукерьи,—продукты устоявшейся культуры. Вотъ почему великіе русскіе писатели не могли отказаться отъ этого наслѣдія: безъ него они не могли бы быть поэтами. Но теоретически старый бытъ они отрицали и постольку были выразителями настроеній русской интеллигенціи. Некрасовъ же, въ своемъ отрицаніи старой Россіи, отказался и отъ ея поэческаго наслѣдія. Вотъ почему поэзія у него «не вытанцовывалась». Кромѣ «буйныхъ дикарей» онъ ничего не хотѣлъ видѣть въ дворянскихъ гнѣздахъ, не хотѣлъ ихъ поэтизировать. А тотъ бытъ,

¹⁾ Мысль эта принадлежитъ М. О. Гершензону.

который при немъ возникалъ,—городской, еще былъ слишкомъ новъ, чтобы стать предметомъ поэзіи. Поэтому города Некрасовъ такъ и не сталъ; изъ старой Россіи онъ извлекъ героическіе образы Волконской и Трубецкой, но не типическіе. Поэтому Некрасовъ бывалъ только тогда, когда касался другой стороны стараго быта—крестьянства. Его диссонансы и его одиночество въ средѣ русскихъ писателей и объясняются тѣмъ чисто «интеллигентскимъ», не поэтическимъ положеніемъ, которое онъ занялъ по отношенію къ русской дѣятельности. Такая постановка вопроса приблизила бы насъ къ рѣшенію эстетическаго спора о Некрасовѣ.

Но вернемся къ Мережковскому. По мнѣнію критика, свобода для Некрасова, какъ для русскаго интеллигента, несовмѣстима въ сознаніи съ Богомъ, Богъ—несовмѣстимъ со свободою: это основное заблужденіе русской интеллигентской мысли, по мнѣнію Мережковского, раздѣлялъ и Некрасовъ. Онъ былъ сознательный атеистъ, но подъ этимъ атеизмомъ Мережковскій видитъ безсознательное религиозное чувство. Онъ цитируетъ извѣстную молитву Некрасова Богу «поколѣній, предстоящихъ предъ этимъ скуднымъ алтаремъ», и придаетъ философское значеніе тому культу матери и женщины, который проходитъ черезъ поэзію Некрасова. Міръ спасетъ, замѣчаетъ Мережковскій, «Вѣчное Материнство, вѣчная женственность». «Тутъ уже свобода съ Богомъ. Раскрытая въ христіанствѣ тайна о небѣ—любовь есть Богъ, нераскрытая тайна о землѣ—свобода есть Богъ. Вотъ что хочетъ намъ сказать Некрасовъ»... (стр. 61). Выводъ этотъ остается на полной отвѣтственности критика. Мы же невольно вспоминаемъ, что то же самое, по Мережковскому, хотѣли сказать и Лермонтовъ, и Гоголь. «Но кто же примиритъ Бога съ дьяволомъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ лермонтовскій демонъ: любовь, какъ влюбленность, Вѣчная женственность»... (Соч. Т. X., стр. 316); «Вѣчное Материнство и Вѣчная женственность... сливаются въ одно» (Стр. 327); «христіанство отдѣлило... правду земную отъ правды небесной. Не соединить ли ихъ... откровеніе духа—Вѣчной женственности, Вѣчнаго материнства?»... (Стр. 331). Послѣ цѣлаго ряда талантливо выраженныхъ мыслей и мѣткихъ замѣчаній произошла ассимиляція, на плоскости которой встрѣтились: Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ и Мережковскій.

Болѣе цѣльное впечатлѣніе производитъ статья о Тютчевѣ: въ ней дана блестящая характеристика личности и творчества поэта. Въ противоположность Некрасову, Тютчевъ, по мнѣнію Мережковского, христіанинъ только въ сознаніи; въ сущности же своей онъ безсознательный безбожникъ, яркій выразитель буддійскаго міросозерцанія. Очень убѣдительно опровергаетъ Мереж-

ковскій В. Соловьева, который повѣрилъ христіанству Тютчева, принялъ «ціанистый калий за поваренную соль». Жизнь—сонъ, «тѣнь, бѣгущая отъ дыма», личность, «человѣческое я», ничтожна и растворяется безслѣдно въ морѣ хаоса. Вотъ что говоритъ Тютчевъ, блестяще иллюстрируя своей поэзіей философію Шопенгауэра. Политическія стихотворенія Тютчева, по мнѣнію Мережковского, стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ его міросозерцаніемъ; это не болѣе, какъ игра мысли. Дѣйствительно, попытку Соловьева вывести политику Тютчева изъ его поэзіи слѣдуетъ признать неудачной. Но какъ только критикъ начинаетъ указывать ошибку Тютчева, сожалѣть о томъ, что Тютчевъ не зналъ того, что знаетъ онъ, г. Мережковский, получается недоумѣніе. Критикъ намѣчаетъ путь спасенія для Тютчева—любовь. Поэтъ полюбилъ—и этимъ вышелъ изъ бездѣйственнаго созерцанія, «былъ уже на краю спасенія» (стр. 112). «Если бы Тютчевъ понялъ, что любовь есть Богъ»... (стр. 123) Но развѣ чувство любви невозможно при буддійскомъ пессимизмѣ? Развѣ, полюбивъ, Тютчевъ обязанъ былъ принять христіанскаго Бога? «Любовь есть воля и безсмертіе личности», аргументируетъ критикъ (стр. 111); но въ этомъ и трагизмъ этого чувства у Тютчева, не признававшаго безсмертія личности, — и не болѣе. Безъ этого его поэзія была бы неполна. Сожалѣть, что Тютчевъ чего-то не понималъ,—по меньшей мѣрѣ неумѣстно.

Влад. Фишеръ.

Н. Н. Өирсова. Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Опытъ характеристики. Съ портретами. Изд. Т-ва Вольфа. 1915. 108 стр. Ц. 75 к.

Научно-литературная дѣятельность проф. Өирсова продолжается болѣе 25 лѣтъ; его сочиненія можно раздѣлить на двѣ группы: первая изъ нихъ состоитъ изъ изслѣдованій по неизданнымъ матеріаламъ, таковы: «Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII вѣка», «Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ въ царствованіе имп. Екатерины» (оба увѣнчаны академическими преміями) и проч., вторая—представляетъ популярныя книжки, назначенныя для болѣе широкаго распространенія, а именно: «Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни», «Пугачевщина. Опытъ соціолого-психологической характеристики», «Александръ I и его душевная драма. Историко-психологическій очеркъ» и нѣкоторыя другія. Разсматриваемая книга принадлежитъ ко второй группѣ.

Авторъ владѣетъ даромъ давать живыя характеристики исто-

рическихъ дѣятелей, и только характеристика Александра I ему не удалась. Напротивъ, сжатые описанія личностей Екатерины II и Елизаветы Петровны, помѣщенные въ энциклопедическомъ словарѣ Граната, очень удачны, и теперь характеристика Екатерины II появляется отдѣльно, написанная въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ это было возможно для энциклопедического словаря.

Нельзя не привѣтствовать вообще намѣренія ученаго спеціалиста выступать съ общедоступными, назначенными для большой публики книгами, тѣмъ болѣе, что званіе профессора (хотя въ настоящее время далеко не всегда) ручается за хорошее знакомство автора съ предметомъ, о которомъ онъ взялся писать. Въ общемъ задача, поставленная себѣ авторомъ, выполнена удачно; книга написана живо и литературно, и будетъ, конечно, прочитана многими съ пользою и удовольствіемъ. Ограничусь лишь немногими замѣчаніями.

Едва ли можно безъ оговорокъ утверждать, что по установившемуся въ исторической литературѣ взгляду «Петръ III стоитъ какъ бы внѣ конкурса по нелѣпости и бессмысленности своихъ поступковъ и распоряженій», и въ противовѣсъ этому взгляду авторъ тутъ же въ предисловіи упоминаетъ «о нѣкоторыхъ важныхъ мѣропріятіяхъ» кратковременнаго царствованія Петра III. Но полезныя мѣры этого государя относительно секуляризаціи имѣній духовенства, о запрещеніи покупки крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, относительно смягченія гоненій на старообрядцевъ давно оцѣнены изслѣдователями-спеціалистами; попытка объективно отнестись къ его личности и дѣятельности вообще была сдѣлана еще полвѣка тому назадъ въ статьяхъ М. И. Семевского «Шесть мѣсяцевъ въ русской исторіи», напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1867 (т. 173 и 174).

Авторъ, вообще, не всегда пользуется трудами своихъ предшественниковъ. Такъ, напр., онъ говоритъ не вполне опредѣленно о томъ, что было вычеркнуто имп. Екатериною изъ первоначальной редакціи Наказа (стр. 91); это объясняется игнорированіемъ изслѣдованій г. Чечулина по вопросу объ источникахъ Наказа и изданія этого памятника подъ его редакціей; говоря о приведеніи Екатериною II въ Наказѣ тирадъ, взятыхъ у Монтескье «почти безъ измѣненія ихъ текста», авторъ долженъ былъ бы воспользоваться указаніями проф. Тарановскаго на очень существенныя измѣненія нѣкоторыхъ текстовъ Монтескье, не совпадавшихъ со взглядами самой Екатериной (см. статью проф. Тарановскаго въ сборникѣ, изданномъ въ честь проф. Владимірскаго-Буданова). Авторъ, повидимому, незнакомъ и съ изслѣ-

дованіемъ А. В. Флоровскаго «Изъ исторіи Екатерининской законодательной комиссіи» (1910).

Желательно было бы также большая точность и опредѣленность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложенія. Такъ, напр., тамъ, гдѣ авторъ говоритъ объ освобожденіи Петромъ III дворянъ отъ обязательной службы, какъ было не упомянуть о весьма существенномъ ограниченіи этой свободы въ томъ же манифестѣ 18 февраля 1762 г.: дворянъ, состоящихъ въ нижнихъ, менѣе оберъ-офицера, чинахъ, вѣдно было увольнять отъ службы только тѣхъ, которые прослужили болѣе двѣнадцати лѣтъ; остальные же, для полученія права на отставку, должны были дослужиться до офицерскаго чина. Нельзя приравнивать безъ большихъ ограниченій положеніе крестьянъ церковныхъ учреждений и крестьянъ дворцовыхъ къ положенію крѣпостныхъ; «царской семьѣ» принадлежали не дворцовые крестьяне, а крестьяне государевы (стр. 98). Всѣхъ этихъ неточностей авторъ, конечно, не допустилъ бы, если бы при составленіи своего популярнаго очерка не забывалъ о необходимости пользоваться специальными изслѣдованіями по данному предмету.

Но указанные недостатки не уничтожаютъ значительныхъ достоинствъ очерка проф. Фирсова, и мы рекомендуемъ его вниманію тѣхъ, кто незнакомъ съ специальными, болѣе обширными, трудами по тому же предмету.

Внѣшность изданія хороша, но что касается портретовъ, то читатели, конечно, предпочли бы имѣть ихъ въ меньшемъ количествѣ, но лучшаго качества.

В. Семевскій.

В. Е. Якушкинъ. Геній русскаго военнаго искусства А. В. Суворовъ. Посмертное изданіе подъ наблюденіемъ *К. В. Сивкова.* Москва 1915. 96 стр., съ портретомъ. Изд. «Задруга» Цѣна 40 коп.

Жизни и дѣятельности А. В. Суворова—«россійской арміи побѣдоносца»—въ русской литературѣ посвящено довольно много специальныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены извѣстные труды гр. Д. А. Милютина «Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей» (1852—3 и 1857) и А. О. Петрушевскаго «Генералиссимусъ князь Суворовъ» (1884—1900). Есть кое-что о Суворовѣ въ народной литературѣ, преимущественно для солдатъ и дѣтей, гдѣ очень много посвящено анекдотической сторонѣ Суворовской дѣятельности. Что же касается хорошей популярной біографіи и характеритиски этого замѣчательнѣйшаго русскаго дѣятеля XVIII вѣка, пригодной для средняго интеллигентнаго читателя, написанной безъ утоми-

тельнаго увлеченія изложеніемъ мелочей военныхъ операций и съ критическимъ отношеніемъ къ Екатерининской эпохѣ, вполне объективно, то ея нѣтъ. Поэтому мы должны привѣтствовать переизданіе живыхъ и талантливыхъ очерковъ покойнаго В. Е. Якушкина, посвященныхъ Суворову, напечатанныхъ первоначально въ 1900 г. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Въ настоящій же моментъ грандіозной міровой войны напомнить русскому обществу о непобѣдимомъ русскомъ полководцѣ, о лучшемъ выразителѣ самобытныхъ идей національнаго военнаго искусства—особенно умѣстно.

Г. Сивковъ, оставилъ безъ всякой переработки текстъ статей Якушкина, сдѣлавъ лишь незначительное количество примѣчаній, преимущественно библиографическаго характера, при чемъ объясняетъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ 1900 г. «не появилось такихъ новыхъ матеріаловъ или изслѣдованій о Суворовѣ, которыя измѣнили бы точку зрѣнія на великаго полководца или разъяснили нѣкоторые спорные моменты его біографіи». Однако, съ этимъ утвержденіемъ согласиться трудно. Такъ въ 1900 г., уже послѣ появленія въ печати очерка Якушкина, была издана очень важная работа (по архивнымъ даннымъ) А. Герца «Суворовъ—солдаты 1724—1754». Затѣмъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ за послѣдніе годы появилось очень много отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ именно «спорнымъ моментамъ его біографіи» и ихъ разъясненію по документамъ, написаннымъ такимъ виднымъ изслѣдователемъ суворовской эпохи, какъ В. А. Алексѣевъ. Особенно слѣдовало бы г. Сивкову ознакомиться съ работой г. Алексѣева, посвященной отцу Суворова (Журн. Имп. Рус. Воен. Ист. Общ., 1913 г., № 4). Очень жаль также, что ничего не сказано о знаменитой Суворовской «Наукѣ побѣждать» и его наставленіяхъ для обученія солдатъ.

Но всѣ эти замѣчанія не умаляютъ достоинствъ отличнаго очерка г. Якушкина, который сумѣлъ искусной кистью дать современному читателю во весь ростъ портретъ великаго Суворова, воина и философа, чудака и стойка, который съ полнымъ основаніемъ могъ сказать о себѣ: «лгу, какъ Эпаминондъ; бѣгаю, какъ Цесарь; постояненъ, какъ Тюренъ, и праводушенъ, какъ Аристидъ». При чтеніи книжки г. Якушкина читателя настойчиво гнететъ мысль, что Суворовъ, его великіе таланты, и человѣка и полководца, были очень мало использованы для Россіи, которой онъ всю жизнь служилъ не за страхъ, а за совѣсть; его все время держали въ тѣни, не давали самостоятельности, его постоянно обскакивали въ чинахъ и при отвѣтственныхъ порученіяхъ разныя ничтожества и придворные угодники... Та же участь по-

стигла въ послѣдствіи и другихъ видныхъ военныхъ людей Россіи XIX вѣка—Ермолова, Черняева, Скобелева...

Н. Вишняковъ.

Б. Д. Грековъ. *Новгородскій домъ Св. Софіи. (Опытъ изученія организаціи и внутреннихъ отношеній крупной церковной вотчины).* Часть I. С.-Петербургъ. 1914. X+544+129 стр.

Книга Б. Д. Грекова, представляющая его магистерскую диссертацию, затрогиваетъ интересный, но мало до сихъ поръ изученный вопросъ о хозяйствѣ крупной вотчины; въ самомъ дѣлѣ, почти за полвѣка со времени выхода въ свѣтъ извѣстной работы Забѣлина «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ» книга Б. Д. Грекова едва ли не первый трудъ, специально посвященный исторіи и организаціи отдѣльнаго крупнаго хозяйства. Этимъ опредѣляется большой интересъ и несомнѣнное значеніе разбираемаго труда въ нашей современной литературѣ. Появившаяся въ прошломъ году первая часть работы Б. Д. Грекова, помимо разбора источниковъ, которому посвящена первая вступительная глава, логически распадается на двѣ части; въ первой—(главы II—VII) авторъ излагаетъ исторію Новгородскаго архіерейскаго дома, вдаваясь при этомъ въ очень интересные археологическіе экскурсы, затѣмъ подробно изслѣдуетъ организацію управленія Софійскимъ домомъ съ многочисленными хозяйственными учрежденіями, отъ него зависѣвшими, и, наконецъ, знакомитъ съ размѣрами Софійской вотчины, раскинутой по всѣмъ Новгородскимъ пятинамъ, за исключеніемъ Бѣжецкой, и съ землями мелкихъ монастырей, приписка которыхъ къ Софійскому дому дѣятельно продолжалась въ теченіе всего XVII вѣка. Если первая часть книги даетъ исчерпывающее полное знакомство съ внѣшней организаціей обширнаго хозяйства Св. Софіи, то вторая (гл. VIII, IX, X) переноситъ насъ въ исторію населенія Софійской вотчины и его поземельныхъ отношеній и вноситъ очень цѣнные дополненія къ тому, что мы знаемъ о бытѣ крестьянъ и о служиломъ землевладѣніи; въ особенности интересны нѣкоторые отдѣлы главы IX «о служилыхъ людяхъ новгородскаго владыки»: въ крупной духовной вотчинѣ порядокъ обезпеченія землею архіерейскихъ дѣтей боярскихъ отъ «верстанія» помѣстьемъ до выдачи участковъ земли на «прожитокъ» развивался параллельно общему ходу развитія государственной помѣстной системы. Читая книгу г. Грекова, еще разъ убѣждаешься, что процессъ развитія служилого землевладѣнія вездѣ и всегда шелъ одинаковымъ образомъ, различаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ только деталями. Методъ автора отъ начала до конца книги одинъ и

тотъ же: оперируя новымъ свѣжимъ матеріаломъ онъ подавляетъ читателя множествомъ отдѣльныхъ фактическихъ примѣровъ; такой пріемъ нерѣдко загромождаетъ изложеніе и затрудняетъ усвоеніе выводовъ автора, которыхъ иной разъ и не замѣтишь въ безднѣ приводимаго имъ фактическаго матеріала.

Ю. Готье.

Русскіе пропилеи. Т. I Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ М. 1915 г. Ц. 3 р. 50 к.

Повидимому, сборники матеріаловъ, изданіе которыхъ предпринялъ М. О. Гершензонъ, не будутъ носить какого-либо систематическаго характера. Судя по первому тому, это будутъ сборники матеріаловъ, найденныхъ г. Гершензономъ. Въ этомъ отношеніи у составителя счастливая рука, и можно ожидать, что въ сборникахъ г. Гершензона будутъ опубликованы болѣе или менѣе значительныя вещи для исторіи «русской мысли», какъ нѣсколько претенціозно, по крайней мѣрѣ для перваго тома, озаглавилъ свои матеріалы составитель. Книга открывается письмами изъ Сибири (1827—1831 г.) М. Н. Волконской, жены декабриста. Письма, адресованныя свекрови и занимающія пятую часть сборника, не имѣютъ большого историко-литературнаго значенія. Они чрезвычайно сходны съ письмами бар. Розенъ, публикуемыми въ настоящей книгѣ «Голоса Минувшаго». Не давая, въ сущности, чего-либо новаго, они интересны для психологіи женъ декабристовъ, ихъ интимныхъ душевныхъ переживаній. Далѣе идетъ болѣе значительное по содержанію письмо И. Д. Якушкина 1832 г. къ тещѣ своей Н. Н. Шереметевой (письмо это знакомо уже читателямъ «Голоса Минувшаго»—оно было опубликовано у насъ въ мартовской книгѣ съ оригинала, хранящагося у Якушкиныхъ: г. Гершензонъ публикуетъ его по копіи). Наибольшій интересъ въ сборникѣ представляютъ отрывки изъ автобіографіи В. С. Печерина, сохранившіеся въ бумагахъ М. М. Стасюлевича. Приходится пожалѣть, что Стасюлевичъ, получившій эти отрывки отъ В. О. Чижова въ началѣ 70-хъ гг., не опубликовалъ ихъ въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы». Путевыя замѣтки Печерина, молодого профессора московскаго университета, въ 1840 г. перешедшаго въ католицизмъ и сдѣлавшагося монахомъ (М. О. Гершензономъ посвящена ему особая книга «Жизнь В. С. Печерина»), относящіяся къ 1838 г. (къ періоду скитаній послѣ бѣгства изъ Россіи), написаны съ удивительнымъ талантомъ. Наблюдательность и юморъ Печерина дѣлаютъ эти отрывки однимъ изъ лучшихъ произведеній мемуарной литературы. Жаль, что

это только отрывки изъ автобіографіи, которая, очевидно, должна была представлять выдающійся интересъ. Но и то, что напечатано, составляетъ, пожалуй, лучшее въ сборникѣ М. О. Гершензона. Далѣе въ сборникѣ имѣется два письма П. В. Кирѣвскаго и письмо его сестры М. В.; поэма Н. М. Сатина «Ножка»; небольшіе отрывки изъ воспоминаній послѣдняго; два эпизода изъ времени крѣпостного права, рассказанные М. С. Щепкинымъ и записанные Сатинымъ; записка Н. М. Орлова (сына небезызвѣстнаго Мих. Ѳед. Орлова), представляющая откликъ «Философическихъ» бесѣдъ студенческаго кружка, собиравшагося у Ап. Григорьева; записка Е. П. Фроловой, близкой къ московскимъ кружкамъ 40-хъ гг., о воспитаніи женщины въ Россіи. Затѣмъ М. О. Гершензонъ печатаетъ цѣликомъ уже извѣстныя въ отрывкахъ письма Н. А. Герценъ къ Н. А. Огаревой (Тучковой) за 1847—1852 г.; три ея письма къ Огареву (1846) и отрывки ихъ дневниковъ за 1846—47 гг. Въ заключеніе идутъ письма В. К. Гейнса (В. Фрея)—одного изъ русскихъ искателей «религіи человѣчества» и, наконецъ, забытыя стихотворенія Я. П. Полонскаго.

Изъ приведеннаго перечня видно довольно разнообразное содержаніе перваго сборника матеріаловъ, собранныхъ М. О. Гершензономъ. Если сравнить этотъ сборникъ съ нѣкоторыми сборниками матеріаловъ, выпускаемыми нашими учеными обществами, напр., съ серіей, именуемой «Старина и Новизна», то ясно увидишь, насколько продуктивна у насъ частная инициатива, хотя дѣятели этихъ обществъ такъ близко стоятъ къ драгоценнымъ собраніямъ историческихъ матеріаловъ.

Сборники сырыхъ матеріаловъ едва ли могутъ разсчитывать на широкій интересъ въ читательскихъ кругахъ—таково уже свойство самыхъ матеріаловъ. Для того, чтобы привлечь широкое вниманіе и матеріалы должны быть исключительнаго интереса, а это по нынѣшнимъ временамъ уже рѣдкость. То, что подчасъ можетъ представлять большой интересъ для историка или историка литературы, не захватитъ читателя. Тѣмъ болѣе желательно, чтобы хорошее начинаніе М. О. Гершензона, поддержанное издательствомъ «М. и С. Сабашниковыхъ», не остановилось бы на нѣсколькихъ случайныхъ выпускахъ и пріобрѣло бы систематическій характеръ. Слишкомъ много имѣется историко-литературнаго матеріала, громоздкаго для журналовъ, не могущихъ удѣлять «материаламъ» много мѣста, которые ждуть своего опубликованія. Это тѣмъ болѣе важно, что наши историческіе журналы, печатавшіе прежде большое количество матеріаловъ, какъ, напр., «Русская Старина» или «Русскій Архивъ», за послѣднее время уже плохо обслуживаютъ эти интересы.

Въ заключеніе, одинъ вопросъ составителю. Что онъ хотѣлъ сказать, давая своимъ сборникамъ наименованіе «Русскіе пропилеи?» Наименованіе «пропилеями» сборниковъ по классическимъ древностямъ, издававшихся П. Леонтьевымъ въ 50-хъ гг., понятно. Но какой смыслъ вкладываетъ г. Гершензонъ въ слова «Русскіе Пропилеи»—для непосвященнаго читателя это непонятно.

С. Мельгуновъ.

Столѣтіе военнаго министерства. 1802—1902. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній. Ист. оч. Ч. III. Составилъ Н. А. Соколовъ подъ редакціей П. В. Петрова. Петербургъ. 1914 г. Ц. не обозначена.

Вышедшей третьей частью закончился періодъ жизни военно-учебныхъ заведеній за сто лѣтъ (1802—1902). Первая и вторая части были составлены П. В. Петровымъ и вышли въ 1902 и 1907 гг. Онѣ обнимали время, начиная съ Петровскихъ военныхъ школъ и кончая той характерной эпохой въ жизни военно-учебныхъ заведеній, когда во главѣ ихъ стоялъ вел. князь Михаилъ Павловичъ.

Теперь передъ нами лежитъ трудъ г. Соколова, а редакторомъ его значится составитель упомянутыхъ двухъ частей.

Если первые два очерка читаются съ интересомъ и даютъ весьма цѣнный историческій матеріалъ, основанный почти всегда на «архивныхъ» матеріалахъ, то отъ прочтенія труда г. Соколова получается иное впечатлѣніе. Въ началѣ очерка составитель касается той эпохи жизни военно-учебныхъ заведеній, которая, по справедливости, именуется «Милютинской». Этотъ блестящій періодъ, когда военно-учебное вѣдомство шло впереди Министерства Народн. Просвѣщенія, изложенъ г. Соколовымъ съ удивительной осторожностью. Какъ бы боясь «свое сужденіе имѣть», составитель нерѣдко прибѣгаетъ къ труду историка военно-учебныхъ заведеній М. С. Лалаева («Истор. оч. в. у. з. 1700—1891 гг.»), къ сожалѣнію, не дѣлая на него ссылокъ (ср., напр., у Соколова: гл. I, стр. 10 и 11 и у Лалаева, ч. V, стр. 115 и слѣд.).

Характеристика гр. Д. А. Милютина изложена блѣдно. Видимо, составитель не потрудился ознакомиться съ той большой литературой, которая появилась о недавно почившемъ фельд-маршалѣ. Даже извѣстная работа И. Симонова—«Графъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство»—осталась почти неиспользованной. То же надо сказать и о характеристикѣ Н. В. Исакова. Это былъ человѣкъ крупнаго калибра, просвѣщенный и передовой, поставившій воен.-учебн. вѣдомство на небывалую до

тѣхъ поръ высоту. Изъ очерка г. Соколова читатель этого не видитъ. Составителю должно быть неизвѣстна послѣдняя работа, посвященная личности Н. В. Исакова и принадлежащая перу извѣстнаго педагога А. Н. Острогорскаго (см. «Воен. Энцикл.», т-ва И. Д. Сытина, т. XI, стр. 33). Въ этой статьѣ есть много цѣнныхъ указаній на работу Исакова по воен.-учебн. вѣдомству.

Вообще, читая трудъ г. Соколова, выносишь впечатлѣніе, что онъ писался «на скорую руку». Составитель игнорируетъ «архивные» матеріалы и литературные источники. Для доказательства нашего мнѣнія остановимся на слѣдующемъ. Въ эпоху Н. В. Исакова въ вѣдомствѣ появился рядъ удивительныхъ учреждений, о которыхъ тогдашнее Мин. Народн. Просвѣщенія не смѣло и мечтать! Это были: «Учительская семинарія», «Педагогическій музей», «Педагогическіе курсы для подготовки учителей» и свой журналъ «Педагогическій Сборникъ».

Г. Соколовъ, повѣствуя объ учительской семинаріи (стр. 60—61), ссылается лишь на соотвѣтствующую страницу «Всепод. отчета воен. министерства». Даже нѣтъ указанія на интересный трудъ Грекова и Ладнова: «Учительская семинарія военнаго вѣдомства», М. 1905 г., гдѣ детально и поучительно изображается жизнь этого единственнаго въ своемъ родѣ учрежденія. Педагогическому музею воен.-учебныхъ заведеній г. Соколовъ отводитъ всего 2 страницы (65 и 151), при чемъ опирается на устарѣвшій литературный источникъ. О томъ, что музей недавно справилъ свой 50-лѣтній юбилей, что къ этому дню вышелъ въ свѣтъ богато-иллюстрированный историческій очеркъ этого учрежденія, подъ редакціей Я. Л. Барскова, мы у г. Соколова не встрѣчаемъ даже и намека! О Педагогическихъ курсахъ при 2-й Петербургской гимназіи составитель говоритъ на двухъ страницахъ (64 и 130). Достаточно сравнить эти мѣста труда г. Соколова со статьей о курсахъ въ «Педаг. Сборникѣ» (см. № 2, 1915 г.), чтобы бросить вполне основательный упрекъ г. Соколову за полное игнорированіе столь цѣннаго матеріала, который, какъ видно, имѣется въ архивѣ Гл. Упр-нія в. у. з.

Какъ бы «мимоходомъ» упоминаетъ г. Соколовъ и о «Педагогическомъ Сборникѣ» (стр. 221). Какъ шла исторія этого почтеннаго органа (кстати сказать справившаго въ минувшемъ году свое 50-лѣтіе), мы у г. Соколова отвѣта не находимъ, и только цѣнный трудъ И. Симонова «Педагогическій Сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ» (1864—1914) проливаетъ свѣтъ на это обстоятельство. Неужели и этотъ очеркъ, вышедшій изъ стѣнъ того же Главнаго Упр-нія, былъ неизвѣстенъ г. Соколову?!

Въ заключеніе, еще два слова. Подводя итогъ «Милютинскому»

періоду, г. Соколовъ говоритъ: «по свидѣтельству войсковыхъ начальниковъ, служба подготовленныхъ преобразованными военно-учебными заведеніями офицеровъ приносила войскамъ несомнѣнную пользу какъ въ мирное, такъ и въ военное время» (стр. 62). Но если это такъ, то зачѣмъ же было «ломать» милютинскія военныя гимназіи и передѣлывать ихъ въ духѣ пресловутыхъ германскихъ кадетскихъ корпусовъ?! Къ сожалѣнію, «осторожный» составитель и на это не даетъ намъ отвѣта. А онъ былъ бы особенно интересенъ въ настоящее время, когда питомцы «Милютинскихъ» гимназій преимущественно награждаются орденомъ св. Георгія (ген.-ад. Ивановъ, ген.-ад. Рузскій и др.).

Н. Никольскій.

«150 лѣтъ Никольско-Бахметевскаго хрустальнаго завода князя А. Оболенскаго». Историческій очеркъ. Спб. 1914 г. LIII+260 стр. Ц. 6 руб.

Изданіе, заголовокъ котораго мы выписали, представляетъ очень рѣдкое и заслуживающее всяческаго поощренія явленіе. Не говоря уже о превосходной внѣшности, о прекрасныхъ воспроизведеніяхъ стариннаго русскаго стекла, рѣдкихъ старыхъ портретовъ, изданіе привлекаетъ къ себѣ вниманіе и научною цѣнностью опубликованнаго въ ней матерьяла. Это лишній разъ показываетъ, какой богатый научный матеріалъ лежитъ подъ спудомъ въ архивахъ старыхъ нашихъ мануфактуръ и заводовъ.

«Бюро съѣздовъ стекольныхъ заводчиковъ» изслѣдовало архивъ существующаго 150 лѣтъ хрустальнаго завода кн. А. Оболенскаго и извлекло оттуда очень интересный матеріалъ для исторіи русской промышленности. Мы находимъ въ книгѣ сжатый и содержательный очеркъ историческаго развитія никольско-бахметевскаго завода, составленный на основаніи богатыхъ архивныхъ данныхъ, представленныхъ кн. А. Д. Оболенскимъ. За 150 лѣтъ своего существованія хрустальный заводъ перетерпѣлъ «судебъ удары», начиная отъ пугачевского бунта.

Въ этихъ архивныхъ данныхъ, извлеченія изъ которыхъ напечатаны въ приложеніи, мы находимъ и чрезвычайно яркія бытовыя черты и чрезвычайно цѣнныя цифровыя данныя объ издержкахъ производства, цѣнахъ и оборотахъ стариннаго русскаго завода. Приходо-расходныя записи, помимо своей непосредственной научной цѣнности, ярко освѣщаютъ бытовыя стороны жизни завода. Въ любопытныхъ записяхъ «безденежно отпущеннаго товара» мы встрѣчаемъ здѣсь списки чуть ли не всего губернскаго правленія, начиная съ «Вицъ-Губернатора» и кончая протоколистами и регистраторами. Въ этой же записи «безденежно отпущеннаго товара» значится: «Въ Танбовъ къ Преосвященному».

Много цѣнныхъ архивныхъ данныхъ находимъ мы и въ общемъ очеркѣ развитія стекольнаго дѣла въ Россіи. Тутъ изложено характерное дѣло Мальцова, обвинявшагося другимъ стекольнымъ заводчикомъ, Молчановымъ, въ похищеніи съ завода главнаго мастера. «Оной Мальцовъ—жалуется Молчановъ—видимо желалъ безсовѣстно чрезъ увозъ упомянутаго мастера привести показанную ихъ фабрику въ замѣшательство и дѣйствительную остановку, съ тѣмъ самымъ умыслилъ озорнически учинить имъ напрасный убытокъ и раззореніе». Молчановъ жалуется, что въ отвѣтъ на обращеніе въ Романовскую канцелярію, они получили отъ воеводы указаніе, что прокуроръ ярославской провинціальной канцеляріи просилъ его, воеводу, помочь «сманитчеку» Мальцову въ увозѣ мастера Молчанова, «чего де имъ—жалуется Молчановъ—яко дѣйствительно присутственными персонами въ такое неосновательное и во всемъ указомъ противное дѣло и входить не подлежало».

Такихъ бытовыхъ черточекъ мы находимъ очень много въ опубликованныхъ матеріалахъ. Тутъ же встрѣчаются очень цѣнныя указанія на характеръ, размѣры, издержки производства, на цѣны и заработную плату.

Въ напечатанныхъ въ приложеніи архивныхъ извлеченій мы находимъ чрезвычайно интересный матеріалъ для исторіи русской промышленности. Желая добиться запрещенія ввоза хрусталя изъ-за границы въ Россію, Н. А. Бахметевъ препровождаетъ гр. В. Кочубею образцы наиболѣе цѣнныхъ издѣлій своего завода, прося выхлопотать запрещеніе ввоза иностраннаго хрусталя. Гр. В. Кочубей отвѣчаетъ письмомъ: «Отъ васъ совершенно зависить поручить представить стекло Государю. Есть ли вамъ угодно отдать его графу Николаю Александровичу—пишетъ секретарь гр. Кочубея—такъ чтобъ сдѣлать симъ Государю неожиданное удовольствіе, то и сіе будетъ весьма хорошо. Последнее графъ находитъ даже лучшимъ, и только просить васъ предварить его, когда стекло пойдетъ на столъ, дабы и онъ могъ тогда обѣдать у Его Величества».

Въ архивныхъ извлеченіяхъ мы находимъ множество прехарактерныхъ записей, данныхъ, писемъ, ходатайствъ, вводящихъ насъ и во внѣшнюю и во внутреннюю исторію русской фабрики.

Было бы очень хорошо, если бы примѣръ «бюро съѣздовъ стеклозаводчиковъ» нашелъ себѣ подражателей ¹⁾. Въ старинныхъ нашихъ заводахъ и мануфактурахъ лежитъ подъ спудомъ чрезвы-

¹⁾ Значительно ранѣе рецензируемаго изданія появился трудъ, А. Ф. Грязнова «Ярославская большая мануфактура за время съ 1722 по 1856 г.». М. 1910. Ред.

чайно цѣнный историческій матеріалъ, который давно пора пустить въ научный оборотъ. Изданная исторія одного хрустальнаго завода кн. Оболенскаго лишній разъ показываетъ, какія богатые залежи хранятся въ архивахъ нашихъ старыхъ заводовъ и фабрикъ и какъ желательна, если еще не обрабатывающая, то хотя бы добывающая ихъ разработка.

Съ внѣшней стороны исторія завода издана безукоризненно, съ роскошью рѣдкой у насъ даже для художественныхъ изданій.

П. Берлинъ.

В. А. Ватинъ. *Село Минусинское. Историческій очеркъ. Минусинскъ* (Минус. Город. Мартыановскій Музей). 1914. Стр. VI+179. Ц. 1 р. 25 к.

Въ трехъ содержательныхъ очеркахъ авторъ разсматриваетъ «возникновеніе села Минусинскаго», «Село Минусинское въ концѣ XVIII вѣка» и «село Минусинское въ началѣ XIX столѣтія». Вся работа основана на архивномъ матеріалѣ (дѣла Минюсинской земской избы, хранящіяся въ Мартыановскомъ музеѣ) такъ же, какъ и предыдущая книга В. А. Ватина ¹⁾.

Приводя въ систему матеріалъ архива Минюсинской земской избы, В. А. Ватинъ знакомитъ читателя со всѣмъ содержаніемъ архива, давая какъ бы подробное его описаніе. Отсюда чрезвычайная насыщенность книги архивными данными, цифрами, подробностями экономического быта. Благодаря этому, книга служитъ цѣннымъ собраніемъ богатаго матеріала по экономической исторіи Сибири ²⁾.

На основаніи матеріаловъ Минюсинской земской избы В. А. Ватинъ оспариваетъ мнѣніе, будто «Сибирь не знала крѣпостного права», и приводитъ многочисленныя данныя въ подтвержденіе мысли, что «въ Сибири на почвѣ задолженности крестьянства складывались явленія, во многомъ напоминавшія наше крѣпостное право».

Документы прошедшей жизни, заботливо собранные В. А. Ватинымъ, предоставляютъ изслѣдователю обильный историческій матеріалъ. Авторъ отрицаетъ возможность устанавливать въ настоящее время «надлежащіе выводы изъ тѣхъ или иныхъ фактовъ» исторіи Сибири, такъ какъ этому мѣшаетъ ея «полная неразработанность».

Г. Вернадскій.

¹⁾ В. А. Ватинъ. Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ. Этюдъ по исторіи Сибири. Минусинскъ. 1913. Главный источникъ, лежащій въ основѣ этой книги,—архивъ Саянскаго острога.

²⁾ На стр. 26—27 помѣщена таблица числа крестьянъ по отдѣльнымъ селеніямъ, находившимся въ вѣдѣніи Минюсинской избы, при чемъ для исторіи края интересенъ и самый списокъ селеній. Въ примѣчаніяхъ приведены фамиліи крестьянъ, которыя иногда многое могутъ выяснить въ исторіи расселенія.

В. Герье. *Философія исторіи отъ Августина до Гегеля*. М. 1915. II+268 стр.

Полвѣка тому назадъ авторъ только что названной книги, тогда едва лишь начинавшій преподавательскую дѣятельность въ высшей школѣ, издалъ небольшой, но очень содержательный «Очеркъ развитія исторической науки». Книжка была помѣчена 1866 годомъ, но возникновеніе ея относится къ 1865 году, и вотъ ровно черезъ 50 лѣтъ авторъ возвращается къ своей старой темѣ. Новая книга В. И. Герье, однако, не является простымъ пересмотрѣннымъ и дополнительнымъ изданіемъ старой. Въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ авторъ ставилъ своею цѣлью «предостеречь будущихъ историковъ отъ блужданія по теоріямъ» историко-философскаго характера, часто отличавшихся произвольностью, и выдвигалъ на первый планъ развитіе научной, положительной мысли въ прошломъ исторической науки, теперь же, когда научность исторіи достаточно у насъ утвердилась, ему болѣе опасно кажется другая односторонность—«равнодушіе къ идейному и философскому содержанію исторіи». Въ бѣглой замѣткѣ, конечно, не мѣсто сравнивать объ работы автора, и я упоминаю о старой лишь для того, чтобы отмѣтить давнишній интересъ В. И. Герье къ самой темѣ разсматриваемой здѣсь книги.

Въ своемъ новомъ трудѣ проф. Герье настаиваетъ на важности историко-философскаго образованія для всѣхъ изучающихъ исторію. Прежде у него было опасеніе, какъ бы какая-либо отвлеченная философская теорія не сбивала съ пути научное изслѣдованіе, да и теперь онъ высказывается противъ всякой исключительной доктрины, имѣя только въ виду, чтобы путемъ изученія историко-философскихъ идей, взаимно однѣ другія освѣщающихъ и исправляющихъ, историки, изучающіе факты, проникались идеями, получали приуроченное къ ихъ занятіямъ философское образованіе. Послѣднее онъ совершенно правильно полагаетъ въ изученіи исторіи тѣхъ идей и методовъ, которые въ ней царили. «Только тотъ, говоритъ онъ, кому извѣстны различные пути, по которымъ развивалась его наука, различные методы, которые въ ней примѣнялись, и различныя цѣли и задачи, которыя въ ней преслѣдовались,—вполнѣ сознательно опредѣлить свое отношеніе къ ней и выяснить себѣ свою цѣль» (стр. 1). Совершенно вѣрно также замѣчаніе автора объ особенной важности яснаго представленія о развитіи исторической науки для начинающихъ заниматься исторіей (стр. 3). Съ этой стороны позволю себѣ сослаться на личный опытъ—на ту пользу, которую извлекъ для себя изъ чтенія, въ студенческіе годы, первой книжки проф. Герье, посвященной прошлому исторіи. Думаю, что и новый его

трудъ многимъ принесетъ пользу, хотя теперь уже имѣются и другіе однородные труды, да и въ факультетское преподаваніе въ нашихъ университетахъ введенъ особый учебный предметъ, обозначаемый, какъ методологія и философія исторіи.

Философію исторіи въ своемъ новомъ трудѣ проф. Герье понимаетъ въ широкомъ смыслѣ и въ общихъ исторіологическихъ идеяхъ касательно того, какъ вообще совершается исторія, и наиболѣе широкихъ обобщенійхъ относительно дѣйствительно прошлаго, какъ всего человѣчества, такъ и составляющихъ его народовъ, и даже того или другого пониманія предмета, задачи и метода историческаго изслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, умственнаго воспроизведенія прошлаго. Развитие историко-философской, въ этомъ широкомъ смыслѣ, мысли онъ разсматриваетъ, знакомя читателей съ рядомъ писателей, у которыхъ особенно полно и ярко и особенно характерно для отдѣльныхъ эпохъ, для духа того или другого времени, нашли свое выраженіе (въ постановкѣ и въ рѣшеніи) наиболѣе важныя проблемы «философіи исторіи». Этими писателями, кромѣ бл. Августина съ нѣкоторыми другими представителями теологическаго пониманія исторіи, являются Макиавелли, Боденъ, Бэконъ, Вико, Гердеръ, Кантъ, Шеллингъ и Гегель, которымъ посвящены отдѣльныя главы, и рядомъ съ ними еще кое-какіе писатели, упоминаемые только мимоходомъ (напр., Шлегель и Гёрресъ при Шеллингѣ). Каждаго автора проф. Герье беретъ въ связи съ культурнымъ характеромъ его эпохи, равно какъ старается и индивидуально охарактеризовать въ его духовныхъ стремленіяхъ и склонностяхъ, нерѣдко проводя между ними интересныя параллели (напр., между Макиавелли и Боденомъ или Герценомъ и Кантомъ, на стр. 38 и слѣд. и 141 и слѣд.) и постоянно указывая на тѣ шаги впередъ, какіе дѣлались тѣмъ или другимъ искателемъ. Ихъ ученія излагаются при этомъ съ достаточною подробностью, иногда, на мой взглядъ, переходящую въ нѣкоторыя излишества въ смыслѣ вторженія въ общую исторію философіи. Наприм., о знаменитыхъ бэконовскихъ «идолахъ» можно было бы сказать короче, чѣмъ это дѣлается на самомъ дѣлѣ (стр. 74 и слѣд.).

Конечно, списокъ писателей, разсматриваемыхъ авторомъ, могъ бы быть пополненъ. Правда, въ главѣ о Боденѣ, занимающей около 30 страницъ, есть шесть страницъ о Монтескьѣ, но и Тюрго, и Кондорсэ, такъ много сдѣлавшіе для теоріи прогресса, почему-то не обратили на себя вниманія автора. Я думаю также, что онъ напрасно пропустилъ Фихте, «такъ какъ онъ не касался исторіи» (стр. 154). Это не совсѣмъ вѣрно: у Фихте былъ довольно опредѣленный взглядъ на исторію, и во всякомъ случаѣ его не мѣ-

шало бы отмѣтить, разъ въ главѣ, посвященной Шеллингу, упоминается о томъ вліяніи, какое сначала на него имѣлъ Фихте (стр. 154 и 155). Въ главѣ о Гегелѣ желательно было бы встрѣтить и нѣкоторыхъ гегельянцевъ, высказывавшихъ историко-философскіе взгляды. Впрочемъ, вѣроятно, авторъ сознательно стѣснилъ себя извѣстными предѣлами и нѣкоторою общою перспективою болѣе или менѣе субъективнаго характера.

Точныя ссылки на разбираемые сочиненія въ книгѣ проф. Герье вообще очень рѣдки, но ничто не поселяетъ сомнѣній въ томъ, чтобы все, имъ сообщаемое, не покоилось на самостоятельномъ и притомъ очень тщательномъ изученіи подлинниковъ. Рѣдки ссылки и на какія-либо пособія, но тѣ, какія встрѣчаются, свидѣлствуютъ о томъ, что авторъ пользовался, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, новѣйшими трудами. Существенныхъ пробѣловъ въ пониманіи отдѣльныхъ ученій въ книгѣ не замѣчается, хотя и можно было бы указать на кое-что въ родѣ неупоминанія о томъ, что ученіе Вико объ идеальной исторіи навѣяно ему было платонизмомъ (объ общемъ вліяніи котораго, впрочемъ, сказано на стр. 80). Проф. Герье не ограничивается простымъ изложеніемъ,—чѣмъ грѣшитъ, напр., сходная по содержанію книга покойнаго М. М. Стасюлевича, переизданная нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Напротивъ, онъ даетъ, гдѣ нужно, выясняющій анализъ разсматриваемыхъ ученій и сопровождаетъ ихъ критическими замѣчаніями.

Отмѣчу еще, что цѣлая сотня страницъ, составляющая около $\frac{2}{5}$ всей книги, посвящена Гегелю, какъ изложенію и анализу, такъ и оцѣнкѣ его историко-философскаго ученія со ссылками на отзывы нѣкоторыхъ близкихъ къ намъ по времени писателей. Въ общемъ, оцѣнка авторомъ гегелевой «философіи исторіи» вѣрна, т.-е. указаны и сильныя, и слабыя ея стороны, но высказываемая авторомъ мысль о совершающемся возрожденіи Гегеля мнѣ кажется недостаточно обоснованной (стр. 266—267). Зато нельзя не присоединиться къ обозначенію авторомъ, какъ «ироніи судьбы», того обстоятельства, что «наиболѣе идеологическое воззрѣніе на исторію послужило исходной точкой для родоначальника экономическаго матеріализма» (стр. 265).

Н. Карпѣвъ.

Проф. В. Бузескулъ. Лекціи по исторіи Греціи. Т. I. Введеніе въ исторію Греціи. Изданіе третье, переработанное. Петроградъ. 1915.

Проф. Бузескулъ выпускаетъ уже 3-мъ изданіемъ свое «Введеніе въ исторію Греціи», столь хорошо знакомое всѣмъ интересующимся исторіей Греціи.

Новое изданіе «Введенія» сохраняетъ распорядокъ матеріала и внѣшній планъ прежнихъ изданій: какъ и раньше, первая часть посвящена детальному разбору источниковъ, а вторая трактуетъ о разработкѣ греческой исторіи въ XIX в. и началѣ XX в. Но само изложеніе во многихъ случаяхъ подверглось существеннымъ измѣненіямъ. Съ одной стороны, книга содержитъ много новаго матеріала.

Такъ авторъ подробно останавливается на всѣхъ новѣйшихъ открытіяхъ въ области археологическихъ раскопокъ, эпиграфики и папирусовъ и отмѣчаетъ всѣ новѣйшіе труды по исторіи Греціи: въ результатѣ, соотвѣтствующій отдѣлъ увеличился почти вдвое по сравненію со 2-мъ изданіемъ. Наоборотъ, нѣкоторые отдѣлы подверглись значительному сокращенію,—особенно глава объ «Аѣинской Политіи»: во 2-мъ изданіи она занимаетъ около 45 страницъ, въ третьемъ же ей отведено только 26 стр. И это сокращеніе можно только привѣтствовать. Раньше, въ періодъ жаркой полемики по поводу вновь открытаго источника, когда не была окончательно выяснена его цѣнность и значеніе для исторіи Греціи,—«Аѣинской Политіи» можно было удѣлять исключительное вниманіе при обзорѣ источниковъ; теперь же,—когда различныя проблемы, связанныя съ «Аѣинской Политіей», могутъ считаться почти окончательно выясненными,—нѣтъ основаній слишкомъ подробно останавливаться на разсмотрѣніи этого документа.

Несомнѣнно, новый трудъ проф. Бузескула будетъ очень цѣннымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся исторіей Греціи,—особенно въ виду того накопленія и усложненія историческаго матеріала, которое наблюдается въ этой области за послѣднее время.

Слѣдуетъ отмѣтить, что новое изданіе «Введенія» является I томомъ «Лекцій по исторіи Греціи», которыя предполагаетъ издать проф. Бузескуль. Изъ предисловія автора можно заключить, что это изданіе рассчитано на 3 тома. II томъ будетъ содержать «Исторію Греціи до Персидскихъ войнъ»; III томъ будетъ уже извѣстная читающей публикѣ «Исторія аѣинской демократіи» въ новомъ изданіи.

Г. Пригоревскій.

Ш. Диль. По Греціи. Переводъ М. Безобразовой. Москва, Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 1 р. 25 коп.

Глубокій интересъ къ искусству, охватывающій въ послѣдніе годы все болѣе широкіе круги русскаго общества, найдетъ себѣ богатую пищу въ прекрасной книгѣ Дили. Его «археологическія прогулки» по Греціи, по мѣстамъ археологическихъ раско-

покъ, даютъ столько любопытнаго матеріала, столько данныхъ изъ области исторіи греческаго искусства, греческой міѳологіи и исторіи культуры, что 10 главъ этихъ «прогулокъ» являются превосходнымъ введеніемъ въ исторію античнаго искусства.

Книга Диль даетъ только въ «введеніи» краткую исторію всѣхъ археологическихъ открытій XIX вѣка, полностью изложенную Михаэлисомъ въ трудѣ, напечатанномъ въ русскомъ переводѣ въ 1913 году. Но, ограничивая свои «прогулки» Греціей, Диль избѣгаетъ ученой сухости нѣмецкаго профессора и, оставаясь всегда въ строгихъ рамкахъ фактовъ, даетъ увлекательныя картины древней жизни на ряду съ разсказомъ объ ученыхъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ нашего времени. Онъ воскрешаетъ передъ нашими глазами дивную архитектуру древней Эллады и не одинъ разъ стремится набросать также характерныя черты отдѣльныхъ художниковъ, творцовъ откопанныхъ статуй и рельефовъ; къ лучшимъ страницамъ книги принадлежитъ, напр., вторая половина VII главы (стр. 306 и слѣд.), дающая оцѣнку творчества Праксителя.

Говоря о раскопкахъ въ Микенахъ (I глава), Диль прежде всего даетъ біографію Шлимана, сперва мальчика въ бакалейной лавкѣ, потомъ изслѣдователя Гиссарлыкского холма, Микенъ, Иѳаки и Орхомена. Далѣе онъ подробно останавливается на существованіи до нашествія дорійцевъ на Пелопоннесъ богатаго и могучаго царства, оставившаго намъ неоцѣнимыя, съ точки зрѣнія искусства и науки, сокровища въ царскихъ гробницахъ, откопанныхъ Шлиманомъ при самомъ входѣ въ Микенскій акрополь. Говоря о вліяніяхъ, подъ которыми образовалось и развилось примитивное искусство Эллады, представителями котораго являются памятники въ Спатѣ, Мениди, Орхоменѣ, Димини, Вафіо и въ Тириноѣ, Диль удѣляетъ должное вниманіе восточному вліянію, особенно египетскому, переоцѣнивая однако роль Финикіи, какъ передаточнаго звена. Царскій дворецъ въ Тириноѣ (II глава) съ пропилями, украшенными колоннами, со дворами, окруженными портиками, съ обширными покоями, изукрашенными живописью, Диль относитъ къ болѣе позднему времени сравнительно съ упомянутыми Микенскими гробницами; восточное вліяніе сильнѣе, но среди развалинъ дворца сохранились также обломки вазъ съ геометрическими украшеніями, съ человѣческими фигурами, сходными съ изображеніями на глиняной посудѣ Дипилонъ; Тиринескій дворецъ, повидимому, существовалъ дольше Микенскихъ построекъ и сохранилъ поэтому памятники новой цивилизаціи, смѣнившей Микенскую.

Остатки оракула Зевса въ Додонѣ (III глава), открытые

Карапаносомъ у подножія Томароса, знакомятъ насъ съ нѣкоторыми религіозными обычаями грековъ; бронзовыя фигурки, столь важныя для исторіи архаическаго искусства, напоминаютъ современныя серебряныя сердца, руки, ноги и другія изображенія, посвящаемыя прославленнымъ иконамъ. Еще любопытнѣе тѣ 45 свинцовыхъ дощечекъ, на которыхъ приходившіе совѣтоваться съ оракуломъ вырѣзали тексты своихъ вопросовъ. Раскопки Каввадіаса въ Аѣинскомъ Акрополѣ (IV глава) открыли цѣлый рядъ памятниковъ, покрывавшихъ еще до эпохи персидскихъ войнъ скалу Акрополя, а нынѣ проливающихъ совершенно неожиданный свѣтъ на зарождающееся искусство Аттики. Благодаря трудамъ Омолля и Французской школы въ Аѣинахъ (V глава), мы имѣемъ подробный планъ святилища и торговаго квартала Делоса, теперь угрюмаго и запустѣлаго, а нѣкогда центральнаго торговаго пункта на водныхъ путяхъ изъ Сиріи и Египта, изъ Сициліи и Италіи, и съ отдаленныхъ побережій Чернаго моря. Рядъ откопанныхъ эпиграфическихъ документовъ, декретовъ и посвященій проливаетъ свѣтъ на многосодержательную исторію острова. Французскія раскопки святилища Аполлона Птоосскаго (VI глава) дали много матеріала о культѣ бога, управленіи его храмомъ и объ устраиваемыхъ въ честь его играхъ, а также цѣнную серію мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, проливающихъ свѣтъ на греческое архаическое искусство и первые шаги его развитія. Нѣмецкія раскопки въ Олимпіи (VII глава) даютъ Диллю поводъ подробно ознакомить читателя съ олимпійскими играми, съ прекраснымъ храмомъ Зевса и другими памятниками греческаго искусства, нашедшими пріютъ въ тѣнистой рощѣ Альтиса; раскопки Ленормана и Аѣинскаго Археологическаго Общества въ Элевсинѣ (VIII глава) побуждаютъ автора остановиться на мистеріяхъ въ честь «античной Mater Dolorosa»; раскопки того же Общества и Каввадіаса (IX глава) знакомятъ съ святилищемъ Асклепія, «этимъ обширнымъ благотворительнымъ учрежденіемъ—лѣчебницей, дѣйствовавшей подъ руководствомъ бога при поддержкѣ города, гдѣ богатые находили совѣтъ, бѣдные пріютъ, а врачи—наставленія».

Раскопками въ Танагрѣ (X глава), обогатившими наши музеи тысячами восхитительныхъ бездѣлушекъ, сохранившихъ столь богатый матеріалъ для исторіи греческаго костюма,—Диль заканчиваетъ свою книгу, которую, я увѣренъ, всѣ, кто любятъ античное искусство, прочтутъ съ громаднымъ удовольствіемъ, особенно же москвичи, т. к. многіе изъ скульптурныхъ памятниковъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, въ копіяхъ украшаютъ Музей изящныхъ искусствъ и, такимъ образомъ, могутъ служить необходимыми иллюстраціями къ изложенію автора. *Ф. Баллодъ.*

Алкей и Сафо. Собрание пѣсенъ и лирическихъ отрывковъ въ пер. размѣрами подлинниковъ Вячеслава Иванова, со вступительнымъ очеркомъ его же. Москва. Изд. Сабашниковыхъ. 1914. (Памятники мировой литературы).

Издательская фирма Сабашниковыхъ продолжаетъ обогащать нашу литературу переводами античныхъ авторовъ. На этотъ разъ передъ нами произведенія Алкея и Сафо—лирическихъ поэтовъ VII—VI в. до Р. Х. Это родоначальники той поэзіи, главными темами которой служатъ вино и любовь, и эти темы выступаютъ тутъ въ примитивной простотѣ и свѣжести, не затуманенныя приторной сентиментальностью или поверхностной легкостью позднѣйшихъ временъ. Мы подходимъ, такъ сказать, къ нѣдрамъ лирическаго вдохновенія многихъ вѣковъ и народовъ. И читатель отъ души почувствуетъ скорбь, видя эти лоскутки отъ былого богатства античнаго творчества. Надо признаться, что на долю переводчика выпала важная и интересная, но въ то же время и довольно неблагоприятная задача. Дѣло не столько въ трудностяхъ перевода, хотя и это играетъ немалую роль въ виду плохой сохранности текста,—сколько въ томъ отрывочномъ состояніи, въ которомъ дошли почти всѣ стихотворенія: это все цитаты, болѣе или менѣе случайныя у позднихъ авторовъ, при чемъ иногда намъ неизвѣстно даже, въ какой связи стояла та или другая фраза, вырванная изъ цѣлаго стихотворенія. Поэтъ-переводчикъ нерѣдко попадаетъ на заманчивый, но скользкій путь—собственной интуиціей возстановить утраченное. Такъ поступаетъ г. В. Ивановъ, напр., съ гимномъ Аполлону (стр. 33), извѣстнымъ только по прозаическому пересказу ритора Гимерія. Самые переводы въ общемъ нельзя назвать особенно близкими къ оригиналу. Не останавливаясь здѣсь на частностяхъ, укажемъ только, что авторъ ихъ пытается воспроизвести размѣры оригинала, если только можно говорить объ этомъ, такъ какъ греческое и русское стихосложеніе основаны на совершенно разныхъ принципахъ. Это придаетъ стихамъ перевода совершенно непривычный для насъ колоритъ; какъ ни пытается авторъ замаскировать искусственность своего приѣма, разлагая, напр., для большей легкости чтенія одинъ стихъ оригинала на 3 стиха въ переводѣ (см. Алкей VI, «Заговорщикамъ», стр. 42), все же вычурность такого построенія чувствуется и вноситъ нѣкоторый холодъ. Мы, если проводить параллель съ существовавшими ранѣе переводами, отдаемъ предпочтеніе такимъ стихамъ обычнаго типа, каковы переводы двухъ наиболѣе крупныхъ стихотвореній Сафо I и II «Гимнъ Афродитѣ» и «Любовь», стр. 83 и сл., сдѣланные акад. Ѳ. Е. Коршемъ. Имъ, кстати сказать, слѣдуетъ нашъ

переводчикъ въ истолкованіи текста. Въ этихъ переводахъ, намъ кажется, несмотря на нѣкоторую дальность ихъ отъ словъ оригинала, болѣе чувствуется жгучая страсть, которой славилась въ древности поэзія Сафо, чѣмъ у г. В. Иванова. Прибавимъ еще къ этому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстъ перевода, не сопровождаемый никакими поясненіями, можетъ вызвать недоумѣніе у рядового читателя. Срв., напр. Сафо, VII, стр. 95:

Оживись, о священная,

Спой мнѣ пѣснь, черепаха! (т.-е. лира, у которой нижняя часть—резонаторъ дѣлался изъ черепахи).

Переводамъ предшествуетъ небольшой вступительный очеркъ, характеризующій, правда, нѣсколько субъективно, развитіе этого рода поэзіи. Книга отличается обычнымъ изяществомъ всѣхъ изданій изъ этой серіи.

С. Радцигъ.

Вернонъ Ли. Италія. Genius loci. М. 1914. К-во М. и С. Сабашниковыхъ. 361 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Виолетта Паджетъ, извѣстная какъ писательница подъ именемъ Вернонъ Ли, была одною изъ тѣхъ, кто увидѣлъ Италію и былъ покоренъ ею властно и навсегда. Это очарованіе, постоянно измѣнчивое, постоянно связанное съ мѣстностью, вызывающее ряды образовъ и тонкихъ художественныхъ переживаній, она назвала дарами того бога, который царитъ въ каждой данной странѣ, въ каждомъ ея уголкѣ, имя которому *Genius loci*. Въ своихъ очеркахъ она говоритъ о Сіенѣ, Мантуѣ, Пьемонтѣ, много—о Римѣ, но сердце влечетъ ее всегда въ Тоскану, столь близкую и дорогую для англійскихъ эстетовъ. Тотъ, кто любитъ Италію, съ удовольствіемъ перечитаетъ этотъ томикъ, потому что это—хотя и не самая лучшая, но одна изъ отличныхъ и тонко прочувствованныхъ книгъ объ Италіи, ея художественныхъ памятникахъ, ея природѣ и ея жизни, прошлой жизни, нужно добавить.

Сергій Сватиковъ.

Современный Римъ. Сборникъ статей: Иваноэ Бономи, Г. Галасси, Д. Джиліони, О. Марукки, Р. Оливи, Ф. Паолони, Э. Помпеи, В. Н. Рихтера, Ф. Франки, Г. И. Христіана, Д. Шнейдера, Граціози и Г. И. Шрейдера. Съ 16 автотип. М. 1914 г., стр. 188. Цѣна 1 р. 75 к.

Насъ, въ историческомъ журналѣ, не интересуютъ статьи, касающіяся политической и общественной жизни современной Италіи и ея столицы, но 2-я часть, посвященная археологіи и искусству, заслуживаетъ полнаго вниманія читателей. Довольно живой очеркъ В. Н. Рихтера посвященъ руинамъ древняго Рима. Извѣстный специалистъ по христіанской археологіи О. Марукки

и инспекторъ римскихъ катакомбъ, хотя и бѣгло, но съ такимъ знаніемъ, какое бываетъ только у глубокихъ специалистовъ, описали катакомбы и древнія церкви и базилики Рима. Инспекторъ музея папы Юлія—Джиліони далъ обзоръ музеевъ и галерей (живописи и скульптуры). Внѣшнему виду Рима тотъ же Джиліони и Г. Галасси посвятили двѣ статьи. Первый написалъ о церквахъ и дворцахъ, второй—о фонтанахъ и памятникахъ. Книга очень интересна, но какъ жаль, что изъ-за современности пришлось такъ сжать историко-археологическій матеріалъ, и что, изъ-за отсутствія плана, книга такъ много потеряла.

Сергій Сватиковъ.

Борисъ Бухгеймъ. По Италиі. М., 1914, 304+II стр., Ц. 2 р. 25 к.

Украшенная медальономъ съ одною изъ самыхъ изящныхъ женскихъ головъ Возрожденія—головою Сивиллы Дельфійской—на обложкѣ, книга г. Бухгейма будитъ въ читателѣ большія ожиданія. Италія—страна тонкихъ художественныхъ переживаній, и столько уже мастеровъ слова, столько людей съ душою глубокою и изящною—писали объ Италиі. «Впечатлѣнія, настроенія, размышленія» г. Бухгейма далеко не производятъ плохого впечатлѣнія. Наоборотъ, у него языкъ вполнѣ литературный, мысли интересны и, моментами, оригинальны. Но все же, прочтя книгу, невольно говоришь слова автора, написанныя на первой же страницѣ: «обманутыя ожиданія». Авторъ говоритъ намъ о путяхъ, проторенныхъ теперь тысячами русскихъ путешественниковъ—Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, Римѣ, о городахъ и произведеніяхъ искусства, о которыхъ столько большихъ людей сказали свое слово, и слово полное такого глубокаго значенія. Болѣе интересны: Перуджія, Ассизи, Сіена. Вѣроятно потому, что у г. Бухгейма было столько предшественниковъ, читаешь его итальянскія впечатлѣнія, его размышленія о памятникахъ искусства безъ того увлеченія, которое одно способно заставить насъ оцѣнить мысли автора, пережить съ нимъ его настроенія и оправдать появленіе подобныхъ книгъ. Видно и по отношенію къ Италиі и ея образамъ оправдывается старая поговорка, требующая отъ насъ (и отъ автора): *primum discere, deinde vivere, denique philosophare.*

Сергій Сватиковъ.

Поль-де-Сенъ Викторъ. Варвары и бандиты. Пер. съ франц. Л. Горбуновой. Изданіе К. Ф. Некрасова. М. Ц. 90 к.

Совершенно непонятно, почему серьезное издательство, какимъ является издательство К. Ф. Некрасова, сочло нужнымъ выпустить на русскомъ языкѣ этотъ «томикъ» фельетонныхъ замѣ-

токъ въ сущности плохой французской публицистики 1871 г. «Варвары»—это нѣмцы эпохи франко-прусской войны; «бандиты»—это коммунары, состоящіе «наполовину изъ каторжанъ, профессиональныхъ бунтовщиковъ и недавнихъ убійцъ», дѣйствующие подъ руководствомъ интернаціонала—«пройдохъ и бродягъ всей Европы». Думается, что характеристика коммуны перомъ Сень-Виктора говоритъ сама за себя и достаточно опредѣляетъ тонъ разбитнаго жаргона книги, съ которой теперь знакомятъ русскую читающую публику. Врядъ ли подобныя произведенія вообще заслуживаютъ какого-либо вниманія со стороны переводчиковъ, а особенно въ наше время, когда требованія уличной сенсациі и такъ уже заполнили русскую печать и обывательское чувство.

С. Мельгуновъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

- 1) Шим. Аскенази. Царство Польское 1815—1831. Пер. В. Высоцкого. Съ предисл. А. А. Кизеветтера. М. К-во Писателей, ц. 1 р. 25 к. 2) Бахтинъ, Н. Великій слав. педагогъ Янъ Каменскій. Ц. 20 к. П. 1915. 3) С. Н. Боголюбскій. Первый шагъ къ природѣ, ч. I. Изд. «Сотр. Школъ» М. Ц. 75 к. 4) С. И. Бондаревъ. Будемъ трезвы. Серия «Война и Трудъ». Изд. «Задруга». М. Ц. 8 к. 5) Проф. В. Бузескулъ. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX ст. П. Ц. 60 к. 6) П. П. Гнѣдичъ. На окраинѣ. Пет. Изд. Т-ва Марксъ. Ц. 1 р. 25 к. 7) А. Григорьевъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. М. Изд. К. Ф. Некрасова. Ц. 1 р. 8) Н. М. Даниловъ. И. И. Козловъ. Пет. 9) А. Дживелеговъ. Будущее турецкой Арменіи. Изд. «Звѣзда». Ц. 30 к. 10) Ал. Жуэнь. Женщина и кооперация. Пер. съ фр. М. Багдасарьянъ. М. Изд. кн. м. «Трудъ». Ц. 15 к. 11) А. А. Кизеветтеръ. Гильдія Московскаго купечества. М. Ц. не об. 12) Книга для чтенія по древней исторіи, ч. III. Римъ-республика съ иллюстраціями. Изд. «Задруга». Ц. 2 р. 10 к. 13) К. Костанянцъ. Исторія Арменіи. Изд. «Звѣзда». М. Ц. 40 к. 14) Н. И. Костровъ. Торговля Россіи съ Италіей. М. Ц. 1 р. 50 к. 15) П. Кудашевъ. Идеиные горизонты міровой войны. М. Изд. «Трудъ». Ц. 1 р. 25 к. 16) Л. Луццани. Избранныя рѣчи по кооперации и экономіи. Пер. съ итальян. М. Изд. кн. маг. «Трудъ». Ц. 1 р. 17) Массонство въ его прошломъ и настоящемъ. Ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Съ иллюстраціями, т. II. Изд. «Задруга» и С. Ф. Некрасова. М. Ц. по подпискѣ 18) М. Л. Михайловъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей П. В. Быкова, т. IV. Пет. Изд. Т-ва Марксъ. Ц. 1 р. 25 к. 19) Ф. Нансенъ. Въ страну будущаго. П. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Ц. 3 р. 50 к. 20) Новгородск. Писцовыя книги въ стат. обр. I. Таб. мат. съ пред. и «Стат. итогами» проф. А. Кауфмана. П. 1915. Стат. Сем. П. Выс. Ж. К. 21) Пращица духовная. Питирима, арх. ниж. и Соборное дѣяніе. на Мартина Армянина. М. Ц. 5 р. 22) Русская Ривьера Вѣстн. Черноморскаго побережья, № 1—2. Пет. Ц. 60 к. 23) В. Я. Свѣтловъ. Вешній потокъ. Пет. Изд. Т-ва Марксъ. Ц. 1 р. 25 к. 24) Ю. Соболевъ. О Чеховѣ. М. Изд. Бѣлоусова. Ц. 50 к. 25) Фирсовъ, Н. пр. Чтенія по ист. Сибири. В. 1-й. Изд. Имп. М. Арх. Инст. Имп. Николая II, 1915. 26) А. Яриновичъ. Галичина въ ея прошломъ и настоящемъ. Изд. «Задруга». М. Ц. 30 к.

Легенда о подвигахъ Уленшпигеля ¹⁾.

(Романъ Шарля де Костера).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1.

Уленшпигель и Ламъ въ Гейстѣ на дюнахъ и видятъ, какъ изъ Остенде, Бланкенберга, Кнока вереницей тянутся рыбацкія барки, полныя вооруженныхъ людей въ сопровожденіи зеландскихъ Гезовъ съ серебрянымъ полу-мѣсяцемъ на шляпахъ, съ надписью: «Лучше служить турецкому султану, чѣмъ Папѣ».

Уленшпигель радуется и свиститъ жаворонкомъ; со всѣхъ сторонъ отвѣчаетъ ему воинственный пѣтушинный рогъ.

Барки плывутъ или занимаются ловлей и продажей рыбы, и одна за другой причаливаютъ въ Эмденъ. Тамъ задержался Вильгельмъ де Блуа, снаряжающій, по порученію принца Оранскаго, корабль.

Уленшпигель и Ламъ пріѣзжаютъ въ Эмденъ. Въ это время, по приказу Длиннѣйшаго, барки съ Гезами захватываютъ открытое море.

Длиннѣйшій находится въ Эмденѣ одиннадцать недѣль въ тщетномъ ожиданіи. Онъ, словно медвѣдь на цѣпи, то съ корабля сходитъ на сушу, то съ суши поднимается на корабль.

Уленшпигель и Ламъ бродятъ по набережной, замѣчаютъ важнаго господина «съ доброй рожей». Тотъ скушаетъ и тщетно усиливается копьемъ выковырять булыжникъ изъ мостовой, но, все-таки, пытается настоять на своемъ и довести свое предпріятіе до успѣшнаго окончанія. За спиной у него собака грызетъ кость.

Уленшпигель подходит къ собакѣ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ отнять у нея кость. Собака ворчитъ. Уленшпигель не унимается. Собака начинаетъ кидаться и залиисто лаять.

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 1—6.

Важный господинъ поворачивается на шумъ и говоритъ Уленшпигелю:

— Зачѣмъ ты задѣваешь это животное?

— А зачѣмъ вы, господинъ, задѣваете эту мостовую?

— Это двѣ вещи разныя,—возражаетъ тотъ.

— Разница не большая,—отвѣчаетъ Уленшпигель:—собака держится за кость и не хочетъ съ нею разставаться, мостовая—за набережную и тоже не желаетъ съ ней разлучаться. А выходить почти одно и то же, когда люди, намъ чета, возятся съ собакой, а такіе люди, какъ вы, возитесь съ булыжникомъ.

Ламъ стоитъ позади Уленшпигеля, не рѣшаясь вмѣшиваться въ разговоръ.

— Ты кто?—освѣдомляется важный господинъ.

— Я Тиль Уленшпигель, сынъ Класа, въ пламени погибшаго за вѣру.

И онъ свиститъ жаворонкомъ, а важный господинъ поетъ пѣтухомъ.

— Я—адмиралъ Длиннѣйшій,—молвитъ онъ, что тебѣ отъ меня надо?

Уленшпигель рассказываетъ ему о своихъ приключеніяхъ и вручаетъ пятьсотъ королей.

— Кто этотъ толстякъ?—спрашиваетъ Длиннѣйшій, пальцемъ указывая на Лама.

— Мой товарищъ и другъ,—объясняетъ Уленшпигель,—онъ, какъ и я, хочетъ пѣть на твоёмъ кораблѣ прекраснымъ мушкетнымъ голосомъ пѣсню освобожденія земли праотцевъ.

— Вы оба храбрецы,—молвитъ Длиннѣйшій,—отправитесь на моемъ кораблѣ....

Стоялъ февраль: рѣзокъ былъ вѣтеръ, силенъ морозъ. Послѣ трехъ недѣль досаднаго ожиданія, Длиннѣйшій, протестуя, покидаетъ Эмденъ. Думая причалить въ Текселъ¹⁾, онъ выходитъ изъ Вли, но оказывается принужденнымъ зайти въ Вирингенъ, гдѣ вокругъ его корабля замерзаетъ ледъ.

Вскорѣ возлѣ судна создается веселое зрѣлище: сани и конкобѣжцы всѣ въ бархатѣ; конкобѣжки въ юбкахъ и матроскахъ, шитыхъ золотомъ, жемчугомъ, лазоревымъ и алымъ цвѣтомъ, мальчики и дѣвочки снуютъ взадъ и впередъ, скользятъ, смѣются, бѣгутъ гуськомъ или по двое, чета съ четой, взявшись за руки, распѣвая на льду пѣсню любви, или же отправляются въ балаганы, расцвѣченные флагами, уставленные бутылками съ водкой, апельсинами, фигами, яйцами, горячими овощами, блинами и овощами

¹⁾ Сѣверный голландскій островокъ.

маринованными. А вокруг них саночки и санки, въ видѣ кибитокъ, рѣжутъ ледъ своими полозьями.

Ламъ, въ поискахъ за женой, бродилъ на конькахъ по катку вмѣстѣ съ удалыми куманьками и кумушками, но онъ часто падалъ.

Между тѣмъ Уленшпигель нашелъ кровъ и пищу въ маленькой гостиницѣ на набережной; здѣсь ѣда стоила недорого. И онъ охотно бесѣдовалъ со старухой хозяйкой.

Однажды, въ воскресенье, часовъ около девяти, онъ вошелъ туда и попросилъ, чтобы ему дали пообѣдать.

Къ нему подошла красивая женщина, готовая услужить.

— Но,—промолвилъ онъ съ удивленіемъ,—посвѣжѣвшая хозяйюшка, что ты сдѣлала съ твоими прежними складками? Во рту у тебя всѣ зубы бѣлыя, молодыя и губки твои красненькія, точно вишенки. Для меня ль твоя тихая, шаловливая улыбка?

— Нѣтъ,—сказала она,—но чего тебѣ подать?

— Тебя,—молвилъ онъ.

Женщина отвѣтила:

— Слишкомъ жирно будетъ для такого худощаваго, какъ ты. Не желаешь ли другого мясца?

Уленшпигель не проронилъ ни слова.

— Что ты сдѣлалъ,—продолжала она,—съ этимъ красивымъ дороднымъ мужчиной, прекрасно сложеннымъ, котораго я часто встрѣчала съ тобою?

— Съ Ламомъ?—переспросилъ онъ.

— Что ты съ нимъ сдѣлалъ?

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Онъ поѣдаетъ въ балаганахъ крутыя яйца, копченые угри, соленую рыбу и все, что можно взять въ ротъ. И все это потому, что ищетъ свою жену... Эхъ, почему бѣ тебѣ, красавица не быть моею? Хочешь пятьдесятъ флориновъ? Хочешь ожерелье золотое?

Но она, перекрестясь, промолвила:

— Я не покупаюсь и не продаюсь.

— Ты ничего не любишь?

— Люблю тебя, какъ своего ближняго. Но больше всего люблю Господа Іисуса Христа и Пресвятую Богородицу; повелѣваютъ они мнѣ вести цѣломудренную жизнь. Сурово и тягостно исполненіе долга, но Богъ помогаетъ намъ, бѣднымъ женщинамъ. Но есть и такія конечно, которыя грѣшатъ... А что, твой дородный другъ веселъ или нѣтъ?

Уленшпигель отвѣчалъ:

— Онъ веселъ за ѣдой, печаленъ натащакъ и постоянно задумчивъ. А ты, что ты веселая или печальная?

— Мы женщины, рабыни того, кто нами повелѣваетъ!— воскликнула она.

— Кого? Луны?

— Да,—промолвила она.

— Я скажу Ламу, пусть придетъ къ тебѣ.

— Не дѣлай этого,—просила она,—онъ будетъ плакать, и я тоже.

— Видала ль ты когда-нибудь его жену?—полюбопытствовалъ Уленшпигель.

Она со вздохомъ отвѣчала:

— Грѣшила та съ нимъ, и приговорили ее къ строгой епитиміи. Вѣдомо ей, что отправляется онъ въ море ради торжества ереси. Трудно даже помыслить объ этомъ для сердца христіанскаго. Защищай, когда нападутъ на него; врачуй, если ранять. Его жена просила меня попросить тебя объ этомъ.

— Ламъ—мой братъ и другъ,—промолвилъ Уленшпигель.

— Ахъ,—вздыхнула она,—и чтобъ вамъ вернуться въ лоно нашей святой матери Церкви!

— Она поѣдаетъ своихъ чадъ,—отвѣтилъ Уленшпигель и убѣждалъ...

Въ одно мартовское утро дулъ рѣзкій вѣтеръ, ледъ крѣпчалъ, и корабль Длиннѣйшаго не могъ двинуться. И вотъ матросы и солдаты съ корабля пировали и веселились на саняхъ и на конькахъ.

Уленшпигель былъ въ гостиницѣ, словно обезумѣвъ, и очень печальная красивая женщина ему сказала:

— Бѣдный Ламъ! Бѣдный Уленшпигель!

— Почему ты насъ жалѣешь?—спросилъ онъ.

— Ахъ, какъ же васъ не жалѣть! И почему не ходите вы къ обѣднѣ?! Тогда пошли бы въ рай, и я могла бы спасти васъ здѣсь, на землѣ.

Уленшпигель обратилъ вниманіе, что она подошла къ двери и внимательно слушала.

— Не слушаешь ли ты, какъ падаетъ снѣгъ?—пошутилъ онъ.

— Нѣтъ,—промолвила она.

— Что же вѣтеръ слушаешь?—продолжалъ онъ допытываться.

— Нѣтъ,—повторила она.

— Не веселый ли шумъ нашихъ храбрыхъ матросовъ въ сосѣднемъ трактирѣ?

— Смерть подкрадывается, точно воръ.

— Смерть,—повторилъ Уленшпигель,—я тебя не понимаю. Подойди и расскажи.

— Они тамъ,—промолвила она.

— Кто?

— Кто?—переспросила.— Солдаты Симонена-Боля, которые вотъ-вотъ явятся и накинута на васъ во имя герцога. Васъ и принимаютъ здѣсь такъ хорошо только затѣмъ, чтобы перебить, какъ быковъ. Ахъ, почему я узнала объ этомъ только-что?— воскликнула, заливаясь слезами.

— Не плачь, не кричи,—сказалъ Уленшпигель,—и оставайся здѣсь.

— Не выдай меня,—промолвила она.

Уленшпигель, выйдя, побѣждалъ, обѣгалъ всѣ балаганы и трактиры и всюду шепталъ на ухо морякамъ и солдатамъ одни и тѣ же слова: «Испанецъ идетъ».

Всѣ бросились на корабль; второпяхъ приготовивъ все необходимое для битвы, ждали непріятеля. Уленшпигель обратился къ Ламу:

— Видишь ли ты эту красивую женщину, въ черномъ платьѣ, съ ярко-красной вышивкой? Она прячетъ свое лицо подъ бѣлой шляпкой.

— Мнѣ это безразлично,—отвѣчалъ Ламъ,—мнѣ холодно, я хочу спать.

И онъ съ головой закутался въ свой плащъ ¹⁾ и, словно оглохъ.

Тогда Уленшпигель, узнавъ женщину, крикнулъ ей съ корабля:

— Хочешь итти съ нами?

— До могилы, но я не могу,—отозвалась она.

— Хорошо бы ты сдѣлала, если бъ пошла,—убѣждалъ Уленшпигель. Но подумай раньше: пока соловей въ лѣсу, онъ счастливъ и поетъ, но стоитъ ему покинуть лѣсную чащу и понадѣяться на свои малыя крылья на большомъ морскомъ вѣтру, какъ ломаетъ свои крылья и умираетъ.

— Я пѣвала въ домѣ,—отвѣчала она, пѣла бы и наружи, если бъ могла.—Затѣмъ, подойдя къ самому кораблю, сказала:— Возьми эту мазь, пригодится тебѣ и твоему другу, который спитъ, когда нужно бодрствовать.

И она удалилась, промолвивъ:

— Ламъ! Ламъ! Храни тебя Господь отъ бѣдъ, смотри воротись.

И открыла лицо.

— Жена моя! Жена моя!—вскричалъ Ламъ и хотѣлъ выскочить на ледъ.

— Твоя вѣрная жена,—промолвила она.

И бѣгомъ кинулась прочь.

¹⁾ По-фламандски—opperst-kleed.

Ламъ хотѣлъ соскочить съ мостика на ледъ, но какой-то солдатъ помѣшалъ ему, схвативъ его за плащъ. Напрасно онъ кричалъ, плакалъ, умолялъ позволить ему отлучиться. Но начальникъ замѣтилъ:

— Тебя повѣсятъ, если ты оставишь судно.

Ламъ снова хотѣлъ броситься на ледъ, но одинъ старый Гезъ остановилъ его, пошутивъ:

— Полъ-то мокроватъ, гляди, какъ бы ногъ не промочить.

И Ламъ, упавъ на свое сѣдалище, плакалъ и твердилъ:

— Жена моя! Жена моя! Позвольте мнѣ уйти къ моей женѣ!

— Ты еще увидишься съ нею, она тебя любитъ, но Бога еще больше,—утѣшалъ Уленшпигель.

— Чертовка упорная,—бранился Ламъ,—если любить Бога больше мужа, зачѣмъ же показывается мнѣ такая красивая и привлекательная?! И, если любить, почему жъ бросаетъ меня?

— Ясно ль тебѣ видно, когда ты смотришь въ глубокой колодезь?—вопросомъ отвѣтилъ Уленшпигель.

— Эхъ,—вырвалось у Лама,—умру я скоро!

И онъ остался на мостикѣ блѣдный и крайне подавленный.

Тѣмъ временемъ явились люди Симонена-Боля съ сильной артиллеріей.

Они стали обстрѣливать корабль, и тотъ имъ отвѣчалъ. И пули ихъ пробивали вокругъ ледъ. Къ вечеру пошелъ теплый дождь.

Подулъ западный вѣтеръ. Скованное море расходилось и подняло огромныя ледяныя глыбы; онѣ то вставали во весь ростъ, то падали, взаимно сталкивались, надвигались одна на другія, подвергая опасности корабль. А онъ, когда утренняя заря разогнала ночныя облака, раскрылъ, словно птица, свои льняныя крылья и поплылъ въ свободное море.

Тамъ они присоединились къ флоту господина Лимея де ла Маршъ, голландскаго и зеландскаго адмирала, который, какъ таковой, снабдилъ верхушку своего корабля фонаремъ.

— Берегись его, мой сыночекъ, предупреждалъ Уленшпигель. Этотъ тебя не пожалѣетъ, если ты самовольно захочешь уйти съ корабля. Слышишь ты его громовый голосъ? Погляди какъ онъ широкъ и силенъ, какого большого роста! Гляди, какія у него длинныя руки съ кривыми ногтями. Взгляни на его круглые, холодные орлиныя глаза и остроконечную бороду, которую запускаетъ до той поры, пока не перевѣшаетъ всѣхъ монаховъ и священниковъ въ отмщеніе за смерть двухъ графовъ. Гляди на него грознаго и лютаго. При немъ расправа коротка. Чуть начнешь охать да причитать: «Моя жена», мигомъ велитъ повѣсить.

— Мой сыночекъ, тотъ говоритъ о петлѣ для ближняго, у кого вокругъ шеи уже красуется пеньковый воротникъ.

— Тебѣ первому погулять въ этомъ воротникѣ. Таковое мое дружеское мнѣніе.

— Ничего. Еще успѣю полюбоваться на тебя, какъ ты будешь болтаться на висѣлицѣ, на аршинъ высунувъ изъ пасти свой ядовитый языкъ,—не оставался въ долгу Ламъ.

И обоимъ имъ хотѣлось разсмѣяться.

Въ тотъ день корабль Длиннѣйшаго захватилъ бискайское судно съ грузомъ: ртутью, золотымъ пескомъ, винами и бакалейными товарами. И оно было живо лишено своей сердцевины: людей и добычи, словно бычачья кость своего тука на зубахъ льва.

Въ то же время герцогъ обложилъ Нидерланды жестокими и гнусными налогами: всѣ жители, продающіе или покупающіе движимость или недвижимость, должны были платить тысячу съ десяти тысячъ флориновъ. И эта такса считалась незыблемой. Всѣ безъ различія купцы и продавцы, обязывались уплатить королю десятую долю съ купли-продажи. И въ народѣ стали говорить, что такимъ образомъ товаръ перепроданный за недѣлю десять разъ поступалъ цѣликомъ въ королевскую собственность.

Итакъ торговля и промышленность пришли въ крайній упадокъ и замерли.

И Гезы взяли сильно укрѣпленный приморскій городъ Бриль, названный Садомъ свободы.

II.

Въ первые дни мая, въ ясную погоду, гордо плыль корабль по волнамъ, и Уленшпигель пѣлъ:

Прахъ бьется на сердцѣ моемъ.
Пришли палачи и дрались
Кинжаломъ, мечомъ и ружьемъ.
За низость, шпіонство свои
Теперь поплатились они.
Гдѣ Вѣра съ Любовью цвѣли,
Тамъ сѣмя раздоровъ они
Посѣяли подлой рукой...
Въ барабанъ вы бейте,
Въ барабанъ военный!
Живодеровъ бейте!

Да здравствуютъ Гезы!
Въ барабанъ ударьте!
Брилемъ завладѣли,
Флессингеномъ тоже,
Ключомъ къ нашей Шельдѣ,
Кампомъ-Виромъ также—
Безъ пушекъ зеландскихъ.
Гдѣ жъ были зеландцы?!
Есть у насъ пули,

Есть порохъ и ядра.
Желѣзные ядра, чугунные ядра.
Богъ—наша помощь.
Кто же намъ помѣха?!

Въ барабаны бейте,
Въ барабаны славы.
Да здравствуютъ Гезы!
Бейте въ барабаны!

Мечомъ мы взмахнули.
Воспрянемъ сердцами!
Тверды наши руки,
Мечомъ мы взмахнули.
Долой «десятину»—
Не налогъ—разоренье!
Смерть палачу,
Грабителю петля!
Королемъ, нарушителемъ клятвы,
Возмущился возставшій народъ.
Мечомъ мы взмахнули,
Права защищаемъ,
Наши жилища, женъ и дѣтей,
Мечомъ мы взмахнули,
Въ барабанъ ударяемъ!

Мы воспряли сердцами
Тверды наши руки.
Долой «десятину»—
Не налогъ—разоренье,
Долой безславы пошады
Въ барабанъ ударьте,
Въ барабанъ военный!

— Да, собраты и друзья,—говорилъ Уленшпигель,—да, они
воздвигли въ Антверпенѣ, передъ Ратушей, поразительный эша-
фотъ, покрытый краснымъ сукномъ. Герцогъ возсѣдаетъ на немъ,
словно король на тронѣ, окруженный гайдуками и солдатами.
Желая благосклонно улыбаться, онъ корчитъ кислые гримасы.
Въ барабанъ ударьте, въ барабанъ военный!

Онъ кого-то помиловалъ... Тише!.. Его золоченая кираса сіяетъ
на солнцѣ. Генеральный прокуроръ на лошади, возлѣ балдахина.
Вотъ является герольдъ съ цимбалами. Оказывается, онъ
помиловалъ тѣхъ, кто и виноваты не были. Прочіе же всѣ будутъ
жестоко наказаны.

Слушайте, собраты, онъ читаетъ указъ, въ которомъ, подъ
страхомъ наказанія за мятежъ, требуется уплата десятаго и
двадцатаго деніе.

И Уленшпигель запѣлъ:

Слышишь ли, герцогъ, голосъ народный?
Слышишь ли, герцогъ, ропотъ народный?
Такъ море бушуетъ,
Такъ волны рокочутъ...
Довольно грабить! довольно крови!
Прочь разоренье!... Въ барабаны бейте!
Мечъ мы высоко подняли.
Въ барабанъ смерти ударьте!

По свѣжимъ ранамъ
Наносишь удары,
Убивши, трупъ
Ограбляешь.
Ужель тебѣ этого мало?
Хочешь смѣшать наше золото
Съ кровью, чтобы пить его съ нею?
Долгъ вѣрноподданныхъ мы исполняя,
Защиты предъ трономъ искали...
Король нашъ—измѣнникъ, клятвопреступникъ,
И мы отъ присяги отстали...
Въ барабанъ ударьте,
Въ барабанъ военный!

Герцогъ Альба, герцогъ крови,
Посмотри вокругъ: на лавки,
На пивныя, балаганы,
Бакалейную торговлю
И на булочныя тоже.
Все давно совсѣмъ закрыто:
Никто у насъ не торгуетъ,
Чтобы не платить налога...
Выйдешь, кто тебѣ
Поклонъ отвѣситъ?
Ни одна душа живая.
Чувствуешь, презрѣнъ общимъ,
Какъ туманомъ мрачнымъ чумнымъ
Съ головы до ногъ окутанъ.

Была Фландрія цвѣтушей,
Радостнымъ Брабантъ веселый
А теперь они кладбища.
Тамъ, гдѣ нѣкогда, въ дни воли,
Распѣвали скрипки, дудки
Верещали на просторѣ,
Нынѣ тамъ молчанье смерти.
Бейте, бейте въ барабаны!!

Вмѣсто лицъ гулякъ удалыхъ,
Про любовь все распѣвавшихъ,
Лица блѣдныя съ тревогой
Казни ждутъ несправедливой.
Въ барабанъ военный бейте!

И въ тавернахъ звонъ пріятный
Кружекъ ужъ не раздается.
Хороводъ подружекъ милыхъ
Не заводитъ пѣсни звонкой.
И Брабантъ—страна веселья—
Наша Фландрія прекрасна
Стали странами слезъ горькихъ.
Въ барабанъ смерти ударьте!

Земля праотцевъ, родная
И любимая! въ страданьи
Ни за что чела ты низко
Не склоняй передъ убійцей.
Пчелы, вы трудолюбивы,
Устремитесь роемъ цѣлымъ
На испанца-дармоѣда!
Трупы дѣвушекъ и женщинъ,
Въ ямы заживо зарытыхъ,
Ко Христу объ отомщеньи
Изъ могилы возопите!

Ночью въ деревняхъ, на поле
 Души жертвъ пускай выходятъ
 Вопія объ отомщеніи...
 Мечъ руна, дрожа, подъемлетъ:
 Жаждемъ ринуться въ сраженіе.
 Мечъ ужъ поднять, берегися,
 Герцогъ, выпустимъ тебѣ мы
 Кишки, полоснемъ съ размаху
 Ими по твоимъ шекамъ.
 Бейте, бейте въ барабаны,
 Да здравствуютъ бойцы Гезы!

И всѣ матросы и солдаты на кораблѣ Уленшпигеля и на другихъ корабляхъ тоже пѣли:

Высоко мечъ поднять,
 Да здравствуютъ Гезы!

И громовымъ рокотомъ освобожденія звучали ихъ голоса.

III.

Стоялъ январь, мѣсяцъ жестокихъ холодовъ, замораживающихъ теленка въ утробѣ коровы. Выпалъ снѣгъ и былъ сильный морозъ. Мальчишки птичьимъ клеемъ ловили воробьевъ, искавшихъ на примерзломъ снѣгу какого-нибудь, хоть самаго скуднаго пропитанія, и приносили эту дичь въ свои избышки.

На свѣтло-сѣромъ фонѣ неба четко вырисовывались неподвижные костяки голыхъ деревьевъ, на сучьяхъ которыхъ лежали снѣжные подушки. Онѣ покрывали также стрехи избенокъ, сохранявшія слѣды лапъ котовъ, въ свою очередь охотившихся на воробьевъ на снѣгу. Далеко вдали бѣлѣли луга, скрытые подъ восхитительнымъ для глаза руномъ, сберегавшимъ тепло земли, несмотря на рѣзкіе холода.

И Катлина, и Нель однѣ находились въ своемъ домикѣ. И Катлина, качая головою, твердила:

— Гансъ, рвется къ тебѣ мое сердце!—Надобно бы тебѣ воротить семьсотъ королей Уленшпигелю, сыну Сеткинъ. Но, можетъ быть, ты самъ въ нуждѣ, но ты все-таки приходи, дай взглянуть на твое сіяющее лицо... Убери огонь, голова горитъ. Эхъ! Гдѣ твои снѣжные поцѣлуи? Гдѣ твое ледяное тѣло? Гансъ, мой любимый!

И она не отходила отъ окна. Вдругъ пронесся галопомъ вѣстовой съ бубенчиками у пояса и прокричалъ:

— Сейчасъ здѣсь будетъ окружной засѣдатель!

И проѣхалъ къ Ратушѣ, желая предупредить бургомистровъ и эшевенговъ и дать имъ время собраться.

И вотъ среди глубокой тишины услышала Нель музыку двухъ рожковъ. Всѣ обитатели Дама повыходили на крыльца, полагая,

что не иначе, какъ само королевское величество давало знать о себѣ такъ важно.

И Катлина также вышла на крыльцо вмѣстѣ съ Нель. Издали увидали онѣ блестящихъ всадниковъ, гарцовавшихъ цѣлой кавалькадой, и впереди нихъ всадника въ черномъ бархатномъ плащѣ, отороченномъ куннымъ мѣхомъ, въ бархатной курткѣ, мѣховыхъ рыжеватыхъ ботинкахъ, тоже отороченныхъ куницей. И онѣ узнали окружнаго засѣдателя.

За нимъ ѣхали верхами молодые господа, разряженные, не-взирая на запрещеніе покойнаго Его Императорскаго Величества, въ бархатныя одежды, отдѣланныя позументами, золотомъ серебромъ и шелками. И плащи ихъ, наброшенные поверхъ дорогихъ костюмовъ, тоже оторочены были мѣхомъ. Гарцовали они весело, и длинныя страусовыя перья на ихъ шляпахъ, обшитыхъ золотыми пуговочками и позументами, развѣвались по вѣтру.

И, казалось, всѣ они были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ засѣдателемъ особенно же одинъ всадникъ съ кислой рожей въ бархатномъ зеленомъ съ позументами костюмѣ, въ черномъ бархатномъ плащѣ и шляпѣ съ длинными перьями. И носъ у этого наѣздника былъ орлинымъ, загнутымъ книзу, ротъ тонко очерченъ, борода рыжа, лицо блѣдно, осанка гордая.

Когда всадники проѣзжали мимо домика Катлины, она вдругъ кинулась и схватила за узду лошадь блѣднаго синьора и съ безумной радостью вскричала:

— Гансъ, мой возлюбленный! Я знала, что ты воротишься. И красивъ же ты въ бархатѣ да въ золотѣ, словно солнце на снѣгу! А привезъ мнѣ семьсотъ кароловъ? Услышу ль еще, какъ кричишь ты по-орлиному?

Засѣдатель остановилъ кавалькаду и блѣдный синьоръ промолвилъ:

— Что надо отъ меня этой Гезянкѣ?

Но Катлина, продолжая держать лошадь за узду, сказала:

— Нечего чушь городить! Я такъ по тебѣ плакала. Вспоминала, мой милый, ночи сладкія, поцѣлуи твое снѣжные, тѣло твое ледяное. Дитяtko твое здѣсь!

И она указала ему на Нель, которая сердито смотрѣла на него: онъ замахнулся кнутомъ на Катлину. Но Катлина, плача, говорила:

— Ахъ! Неужто забылъ меня совсѣмъ? Смилуйся надъ рабыней своей! Уведи ее съ собой, куда хочешь. Убери огонь, Гансъ, сжалься надо мною!

— Убирайся!—крикнулъ онъ.

Погналъ впередъ лошадь такъ сильно, что Катлина, выпустивъ узду, упала. И лошадь прошла по ней и до крови ранила ее въ лобъ.

Тогда судья обратился къ блѣдному синьору:

— Знаете ль вы эту женщину?

— Совершенно не знаю, это, безъ сомнѣнiя, какая-то сумасшедшая,—отвѣтилъ тотъ.

Тутъ Нель, поднявъ съ земли Катлину, вмѣшалась:

— Пусть эта женщина—сумасшедшая, зато я не сумасшедшая и готова до смерти ѣсть этотъ снѣгъ, и она взяла горсть снѣгу, если этотъ человѣкъ не зналъ моей матери, если онъ у ней не выманилъ всѣхъ ея денегъ, не убилъ собаки покойнаго Класа, чтобы легче взять у колодезной стѣнки возлѣ нашего дома семьсотъ кароловъ, которые остались послѣ покойника.

— Гансъ, мой голубчикъ,—плакала Катлина вся въ крови и на колѣняхъ—Гансъ, мой возлюбленный, поцѣлуй меня, не сердись; видишь кровь течетъ. Душа продолбила дырочку и хочетъ выйти. Умру я скоро: не оставляй меня.—Затѣмъ совсѣмъ шопотомъ продолжала: нѣкогда изъ ревности ты убилъ своего товарища возлѣ плотины. И она протянула палецъ въ направленiи Дюдзиле.—О ту пору ты меня очень любилъ.

И, обхвативъ колѣна синьора, она обнимала ихъ и цѣловала его башмакъ.

— Кто такой, этотъ убитый?—спросилъ у него судья.

— Я не знаю, господинъ судья,—отвѣчалъ онъ. Не стоитъ обращать никакого вниманiя на заявленiя этой Гезянки, ѣдемте.

Народъ вокругъ собрался. Сановитые и почтенные люди, рабочiе и крестьяне стали на сторону Катлины и кричали:

— Правосудiя, господинъ судья, правосудiя!

И судья обратился къ Нель:

— Кто этотъ убитый? Говори по-божески, по правдѣ.

Нель, указывая на блѣднаго синьора, сказала:

— Онъ приходилъ по субботамъ въ чуланъ къ моей матери и выманивалъ у нея ея деньги. Онъ убилъ своего прiятеля, по имени Гильбертъ, на полѣ Серваса Ванъ деръ Вихте, не изъ ревности, какъ полагаетъ ни въ чемъ неповинная сумасшедшая, но чтобы одному сполна завладѣть семью сотнями кароловъ.

И Нель рассказала любовную исторiю Катлины и о томъ, что та слышала, спрятавшись однажды ночью за плотиной, пересѣкавшей участокъ Серваса Ванъ деръ Вихте.

— Злая Нель,—повторяла Катлина,—она плохо отзывается о своемъ отцѣ Гансѣ.

— Клянусь,—увѣряла Нель,—что онъ кричалъ по-орлиному всякій разъ, когда хотѣлъ дать знать о себѣ.

— Лжешь!—протестовалъ синьоръ.

— Охъ, нѣтъ!—настаивала Нель,—и господинъ судья и всѣ важные господа, которые сейчасъ здѣсь находятся, видятъ, что побѣлѣлъ ты не отъ холода, а со страху. Почему лицо твое не горитъ больше? Потому что, должно быть, потерялъ снадобье, которымъ натирался, чтобы свѣтилось оно ярче лѣтнихъ волнъ въ грозу. Но, проклятый колдунъ, сожгутъ тебя на площади передъ Ратушей! Ты виноватъ въ смерти Сеткинъ, ты пустилъ по міру ея сына-сироту. Ты—дворянинъ, приходилъ къ намъ, простымъ людямъ выманивалъ у моей матери деньги и только разъ принесъ ей немного денегъ.

— Гансъ,—спрашивала Катлина,—поведешь меня еще разъ на дьявольское игрище и натрешь меня благовоннымъ снадобьемъ? Не слушай Нель, она—злая: видишь кровь, душа продолбила дырочку и хочетъ выйти. Умру я скоро, пойду на тотъ свѣтъ и стану у райскихъ вратъ, гдѣ никто не горитъ.

— Замолчи, сумасшедшая колдунья, не знаю я тебя и не понимаю, что ты хочешь сказать!

— Не понимаешь!—воскликнула Нель,—А кто жъ, какъ не ты съ своимъ компаньономъ, приходилъ къ намъ и предлагалъ мнѣ его въ мужья, хотъ и зналъ, что не надо его мнѣ. А что случилось съ твоимъ другомъ Гильбертомъ, что случилось съ его глазами, послѣ того, какъ я чуть не выцарапала ихъ ему?

— Злая Нель,—твердила Катлина,—не вѣрь ей, Гансъ, мой голубчикъ: она сердита на Гильберта, тотъ хотѣлъ взять ее силой, но теперь ужъ больше не возьметъ, не можетъ, черви его съѣли. И Гильбертъ былъ некрасивый, одинъ ты красавецъ, мой миленькій. Злая Нель.

Послѣ этого судья сказалъ:

— Женщины, удалитесь съ миромъ.

Но Катлина не хотѣла уходить съ мѣста, гдѣ находился ея возлюбленный. И ее силою пришлось увести домой.

И собравшаяся толпа единодушно кричала:

— Правосудіа, господинъ засѣдатель, правосудіа!

Мѣстные стражники явились на шумъ. Приказавъ имъ не удаляться, засѣдатель обратился къ своей свитѣ:

— Господа дворяне, невзирая на привилегіи, которыми пользуется дворянское сословіе во Фландріи, я долженъ, въ силу обвиненія въ колдовствѣ, возведенномъ на господина Жоса Дамана, приказать его арестовать и содержать подъ стражей до

суда надъ нимъ, согласнаго съ имперскими законами и указами. Вручите мнѣ вашъ мечъ, господинъ Жось.

— Господинъ окружной засѣдатель,—промолвилъ Жось Даманъ съ необычайной заносчивостью человѣка, принадлежащаго къ благородному сословію,—арестовывая меня, вы нарушаете фландрскіе законы, ибо вы—не судья. А кромѣ того, вѣдомо вамъ, что разрѣшается безъ судебного распоряженія задерживать лишь фальшивыхъ монетчиковъ, разбойниковъ на большихъ дорогахъ, поджигателей, развратниковъ, насилующихъ женщинъ; дезертировъ, колдуновъ, отравляющихъ колодцы; бѣглыхъ монаховъ или монахинь и каторжниковъ. Итакъ, господа вельможи и дворяне, защищайте меня!

Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли было, внять его призыву, но засѣдатель сказалъ имъ:

— Господа вельможи и дворяне, являясь здѣсь представителемъ нашего короля, графа и государя, которому принадлежитъ право рѣшенія въ трудныхъ судебныхъ вопросахъ, я отъ васъ требую и вамъ приказываю подъ страхомъ быть объявленными бунтовщиками, вложить ваши мечи въ ножны.

Господа дворяне повиновались, но господинъ Жось Даманъ колебался еще, и народъ, видя его колебанія, кричалъ:

— Правосудія, господинъ засѣдатель! Пусть выдастъ вамъ свой мечъ.

И тогда господинъ Даманъ, противъ воли, отдалъ свое оружіе, сошелъ съ лошади и подъ конвоемъ двухъ стражниковъ былъ отведенъ въ мѣстную тюрьму.

Но его, все-таки, не посадили въ подземелье, но въ отдѣльную камеру за рѣшетку. Здѣсь, за плату, ему топили каминъ, дали постель и хорошо кормили, хотя тюремщикъ бралъ себѣ половину пайка арестанта.

IV.

На слѣдующій день, засѣдатель, двое уголовныхъ протоколистовъ, двое эшевенонъ и цырюльникъ-костоправъ отправились на дорогу въ Дюдзиле для изслѣдованія поля Серваса Ванъ деръ Вихте, не окажется ли тамъ возлѣ плотины, пересѣкавшей вышеупомянутый участокъ, мертваго тѣла мужчины.

Нель сказала Катлинѣ:

— Гансъ, твой голубчикъ, проситъ отрубить и дать ему руку Гильберта; сегодня онъ будетъ кричать по-орлиному, войдетъ къ намъ, въ хибарку, и передастъ тебѣ семьсотъ флориновъ кароловъ.

Катлина отвѣчала:—Хорошо, я ему ее отрѣжу.—И въ самомъ дѣлѣ, взявъ ножъ, она, въ сопровожденіи Нель и судейскихъ, отправилась.

Шла очень быстро, но съ гордымъ видомъ, вмѣстѣ съ Нель, у которой отъ быстрой ходьбы и свѣжаго воздуха разгорѣлось ея миловидное лицо.

Судейскіе, старые и кашлюны понуро тащились за нею. И они, на фонѣ бѣлой равнины, казались похожими на черныя тѣни. И Нель несла лопату.

Когда они пришли на поле Серваса Ванъ деръ Вихте, а потомъ и на плотину, Катлина, шедшая посрединѣ насыпи, промолвила, указывая направо, на лугъ: «Гансъ, ты не подозрѣвалъ тогда, что я здѣсь спряталась и дрожала, отъ лязга вашихъ мечей. И Гильбертъ вскрикнулъ: «Холоденъ мечъ!» Гильбертъ былъ некрасивъ, зато Гансъ красавецъ. Ты получишь его руку, оставь меня одну».

Затѣмъ она спустилась въ лощину налѣво, стала на колѣни въ снѣгу и, вызывая духа, прокричала три раза.

Послѣ этого Нель подала ей лопату, которую Катлина трижды перекрестила, потомъ начертила на льду гробъ и три упавшихъ креста, одинъ—съ восточной стороны, другой—съ западной и третій—съ сѣвера и сказала: «Три это—Марсъ при Сатурнѣ, и три—раскопки подъ Венерой—ясной звѣздой». Промолвивъ это, обвела гробъ большимъ кругомъ и произнесла: «Уходи прочь, злой бѣсъ, ты, который сторожишь мертвыя тѣла!» Затѣмъ, упавъ на колѣни, молилась: «Другъ дьяволъ, Гильбертъ, приказалъ мнѣ Гансъ, мой повелитель и господинъ, явиться сюда, отрѣзать тебѣ руку и принести ее ему. Я должна его слушаться. Не насылай на меня огня изъ преисподней, пускай, не сверкнетъ онъ изъ земли зато, что нарушаю я твой благородный покой, и прости меня ради Бога и ради святыхъ угодниковъ».

Тутъ она разбила ледъ по начерченнымъ линіямъ гроба; докопалась сначала до влажнаго газона, потомъ до песка и вельможный засѣдатель, его подчиненные, Нель и Катлина увидели тѣло молодого мужчины, побѣлѣлое отъ извести. Оно было одѣто въ куртку изъ сѣраго сукна и въ такой же плащъ. Мечъ его лежалъ тутъ же. У пояса у него была металлическая вязаная сумочка для нищихъ и широкій кинжалъ, оставшійся въ груди, подъ сердцемъ. И на сукнѣ куртки виднѣлись слѣды крови; они же замѣчались и подъ трупомъ. И убитый, очевидно, былъ молодъ.

Катлина отрѣзала ему руку и положила ее въ свой кошель. И засѣдатель ей въ этомъ не препятствовалъ, напротивъ, при-

казалъ раздѣть донага трупъ. Катлина освѣдомилась только, приказано ль это тоже Гансомъ. Засѣдатель заявилъ, что онъ дѣйствуетъ исключительно по повелѣнію Ганса; и Катлина послѣ того безпрекословно исполняла его желанія.

Когда трупъ былъ обнаженъ, то увидали, что онъ высохъ, какъ дерево, но не сгнилъ. И засѣдатель съ мѣстными чиновниками удалились, приказавъ предварительно засыпать вырытую яму. И стражники унесли останки убитаго.

И, проходя мимо городской тюрьмы, засѣдатель сказалъ Катлинѣ, что Гансъ ждетъ ее тамъ. И она вошла туда веселой.

Нель хотѣла этому помѣшать, но Катлина твердила: «Я хочу въ гости къ моему господину».

И Нель плакала на порогѣ темницы, понимая, что Катлину арестовали, какъ вѣдьму за фигуры и заклинанія, которыя она чертила на снѣгу и произносила.

И въ Дамѣ говорили, что ей не будетъ ни малѣйшей пощады.

И Катлину посадили въ западную часть тюрьмы, въ подземелье.

V.

На слѣдующій день вѣтеръ подулъ изъ Брабанта, снѣгъ растаялъ, и луга залило водой.

И набатный колоколъ созвалъ судей на засѣданіе, но, по случаю дождя, не на четыре дерновыхъ скамейки, а подъ навѣсъ.

И народъ окружалъ трибуналъ.

Жоса Дамана привели несвязаннымъ и въ дворянской одеждѣ. Катлину также привели со связанными напередѣ руками, въ сѣромъ холщевомъ арестантскомъ платьѣ.

Жосъ Даманъ на допросѣ показалъ, что убилъ Гильберта мечомъ изъ ревности на дуэли. Когда же ему возразили, что не мечомъ, а кинжаломъ, Жосъ Даманъ замѣтилъ: «Я его добилъ уже на землѣ: онъ долго не умиралъ. Сознаюсь охотно въ этомъ преступленіи: по нашимъ фландрскимъ законамъ запрещено карать за убійство, больше чѣмъ десятилѣтней давности.

Засѣдатель задалъ ему вопросъ:

— Не колдунъ ли ты?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Даманъ.

— Докажи, что это вѣрно,—продолжалъ засѣдатель.

— Докажу въ надлежащее время и надлежащемъ мѣстѣ, а сейчасъ мнѣ не хочется доказывать.

Засѣдатель сталъ, было, затѣмъ допрашивать Катлину, но она ничего не слыхала и, глядя на Ганса, повторяла:

— Ты мой зеленый господинъ, прекрасный, какъ солнце, убери прочь огонь, мой голубчикъ!

Тогда Нель заговорила вмѣсто Катлины:

— Ей не въ чемъ признаваться, господа судьи, кромѣ того, что вы уже знаете. Она совсѣмъ не колдунья, а простая сумасшедшая.

Въ отвѣтъ на это засѣдатель замѣтилъ.

— Колдунъ тотъ, кто дьявольскими средствами, разумно употребляемыми, пытается добиться чего-нибудь. И вотъ эти двое людей, мужчина и женщина, колдунъ и колдунья по своимъ намѣреніямъ и дѣяніямъ. Онъ потому, — что доставлялъ бѣсовскую мазь и поддѣлывался лицомъ подъ дьявола для того, чтобы выманивать деньги и развратничать. Она — потому, что подчинялась ему, считала его дьяволомъ и всецѣло отдавалась бѣсу. Одинъ является зачинщикомъ преступленія, другой — соумышленникомъ. Нужно быть безпощадными къ нимъ, я обязанъ это сказать, ибо вижу, что эшеваны и народъ слишкомъ благосклонно относятся къ женщинѣ. Правда, она не убивала, не крада, не нагоняла ни на скотину, ни на людей немочи, не лѣчила отъ болѣзни неслыханными снадобьями, а врачевала простыми, всѣмъ извѣстными средствами, честно и по-христіански. Но она хотѣла отдать свою дочь дьяволу и, еслибъ та, невзирая на свой юный возрастъ, храбро не защищалась, то поддалась бы Гильберту и сдѣлалась бы, какъ и мать, вѣдьмой. И вотъ я спрашиваю у господъ судей, не слѣдуетъ ли ихъ обоихъ предать пыткамъ?

Эшеваны молчали, показывая своимъ молчаніемъ, что насчетъ Катлины у нихъ нѣтъ такого желанія.

Тогда засѣдатель продолжалъ свою рѣчь:

— У меня, какъ и у васъ, господа, есть къ ней чувство жалости, но, вѣдь, эта обезумѣвшая вѣдьма, всецѣло повинующаяся дьяволу, могла бы по приказу своего обвиняемаго гнуснаго любовника отрѣзать серпомъ голову своей дочери. Поступила же подобнымъ образомъ во Франціи, по бѣсовскому внушенію, Катерина Дарю съ двумя своими дочерьми... Такъ вотъ, продолжаю, способна ли была бы она, по требованію своего чернаго супруга, убивать животныхъ, портить масло въ маслобойнѣ, подсыпая въ него сахару, принимать тѣлесное участіе въ честь дьявола на омерзительныхъ, бѣсовскихъ игрищахъ и въ разныхъ непотребствахъ? Не способна ль питаться людскимъ мясомъ, убивать дѣтей и дѣлать изъ нихъ пироги на продажу, по примѣру одного кондитера въ Парижѣ, обрѣзать у повѣшенныхъ икры

для того, чтобы впившись въ нихъ зубами, сдѣлаться безславной воровкой и святотаткой? И вотъ я предлагаю суду убѣдиться, не совершили ли Катлина и Жось Даманъ какихъ-нибудь другихъ преступленій, кромѣ тѣхъ, которыя намъ извѣстны и о которыхъ уже повелось слѣдствіе. А для этого рекомендую предать ихъ обоихъ пыткѣ. Жось Даманъ отказывается сознаваться въ чемъ-нибудь другомъ, исключая совершеннаго имъ убійства, а Катлина далеко не все еще сказала. И поэтому я настаиваю на своемъ предложеніи.

И эшеваны приговорили подсудимыхъ къ пыткѣ и назначили ее на пятницу, т.-е. на послѣ-завтра.

И Нель кричала:

— Пощадите, господа! — и народъ кричалъ вмѣстѣ съ нею. Но все было напрасно.

А Катлина, глядя на Жоса Дамана, говорила.

— У меня рука Гильбера, приходи за ней, мой возлюбленный, сегодня ночью.

И ихъ отвели въ тюрьму.

Тамъ, по распоряженію суда, приказано было тюремщику приставить къ нимъ по двое сторожей и велѣть бить каждый разъ, когда арестантъ и арестантка начнутъ засыпать. Но двое сторожей Катлины дали ей проспять всю ночь, а сторожа Жоса Дамана жестоко били его, лишь только онъ закрывалъ глаза или опускалъ голову.

Кромѣ того весь день въ среду, ночь и весь четвергъ до самаго вечера имъ не давали ѣсть, а потомъ дали соленой съ селитрой говядины и соленой съ селитрой же воды. Это было началомъ ихъ пытки. И утромъ подъ крики о жаждѣ, стражники отвели ихъ въ «адскую комнату».

Здѣсь они были посажены другъ противъ друга и привязаны къ скамейкѣ, обвитой узловатыми веревками, причинявшими сильныя мученья.

И они оба должны были выпить по стакану соленой воды съ селитрой.

Жось Даманъ началъ засыпать на скамѣ, сторожа его били.

И Катлина говорила:

— Не бейте его, господа, разобьете вы его тѣло бѣдное. За нимъ только одно преступленіе изъ ревности: убилъ онъ Гильбера... Я хочу пить и ты тоже Гансъ, мой возлюбленный. Дайте ему первому попить. Воды! воды! Тѣло мое горитъ. Помилуйте его, лучше ужъ я умру. Пить!

Гансъ обратился къ ней:

— Безобразная колдунья, умирай, издыхай, какъ собака! Бросьте ее въ огонь, господа судьи... Пить хочу!

Протоколисты записывали всѣ эти слова.

Тогда судья обратился къ нему:

— Не сознаешься ли въ чемъ?

— Мнѣ больше нечего сказать,—отвѣчалъ Даманъ. Вамъ все извѣстно.

— Такъ какъ онъ,—промолвилъ засѣдатель,—упорствуетъ въ своихъ заpirationъ, то пусть остается до новаго и полнаго признанія на этой скамѣ и на этихъ веревкахъ и терпитъ жажду и бессонницу.

И Катлина со стономъ промолвила:

— Руки холодныя, а сердце горячее, Гансъ, мой возлюбленный. Пить хочется! Голова горитъ!

— А ты, женщина, не скажешь ли еще чего-нибудь?

— Слышу я,—отозвалась она,—ѣдетъ смерть на телѣгѣ, и косточки покойничковъ тарахтятъ... Пить хочу... И везетъ меня въ большую рѣку съ ясной, свѣжей водой; но вода эта огненная. Гансъ, мой голубчикъ, освободи ты меня отъ этихъ веревочекъ... Да, я—въ чистилищѣ, и вижу вверху Господа нашего Иисуса въ раю и Пресвятую заступницу Дѣву Марію. Охъ! Матерь Божія, дай намъ каплю воды, дай отвѣдать твоихъ прекрасныхъ плодовъ съ райскихъ деревъ.

— Женщина эта находится въ злѣйшемъ безуміи. Нужно снять ее съ пыточной скамьи,—замѣтилъ одинъ изъ эшеченовъ.

— Не больше моего она сумасшедшая,—вмѣшался Жось Даманъ, все это игра и комедія,—и угрожающимъ голосомъ сказалъ Катлинѣ:—Увидимся съ тобой въ пеклищѣ огненномъ, а здорово ты разыгрываешь сумасшедшую.—И, заскрежетавъ зубами, самъ разсмѣялся надъ своей ложью.

— Пить хочется,—твердила Катлина, сжальтесь, пить хочется! Гансъ, мой возлюбленный, дай мнѣ попить! Какъ побѣлѣлъ ты съ лица! Пустите меня къ нему, господа судьи!—И, широко раскрывъ ротъ, произнесла:—Да, да, они кладутъ теперь огонь въ мою грудь, и бѣсы привязываютъ меня къ жесткой кровати. Гансъ, возьми мечъ и убей ихъ, ты могучъ. Воды! пить! Пить!

— Издыхай, вѣдьма,—говорилъ Жось Даманъ.—Нужно бы набить ей ротъ гнилой грушей, чтобы не дѣлала она дерзостей мнѣ, дворянину.

При этихъ словахъ эшечень, недолюбливавшій дворянства, обратился къ засѣдателю:

— Господинъ засѣдатель, не допускается нашими законами

набивать на допросѣ подсудимымъ ротъ всякой дрянью, ибо явились они сюда для дачи чистосердечныхъ показаній, на основаніи которыхъ мы могли бы судить. Допускается закрывать ротъ осужденному на смерть, когда съ эшафота онъ обращается къ народу и стремится возбудить народъ и вызвать къ себѣ состраданіе.

— Пить хочется,—повторяла Катлина,—дай мнѣ пить, Гансъ мой миленькій!

— Ага, ты страдаешь, проклятая колдунья, единственная причина моихъ теперешнихъ терзаній! Но въ этой адской комнатѣ узнаешь ты казнь на свѣчкахъ, на дыбѣ, будутъ загонять тебѣ занозы подъ ногти на рукахъ и ногахъ. Голой посадятъ на заостренную, словно лезвѣе, крышку гроба, и сознаешься ты, что совсѣмъ не сумасшедшая, а подлая вѣдьма, которой Сатана велѣлъ вредить дворянамъ... Пить!

— Гансъ, мой возлюбленный,—просила Катлина,—не сердись на твою рабу! Я готова на тысячу мукъ для тебя, мой господинъ. Пожалѣйте его, господа судьи! Дайте ему выпить полную кружку, а мнѣ оставьте только капельку. Гансъ, не пора ли тебѣ кричать по-орлиному?

Между тѣмъ засѣдатель сказалъ Жосу Даману:

— По какому поводу убилъ ты Гильберта?

— Изъ-за одной дѣвушки въ Гейстѣ, которая намъ обоимъ нравилась.

— Изъ-за дѣвушки въ Гейстѣ!—воскликнула Катлина, и всѣми силами старалась приподняться со своей скамейки.—Такъ, значитъ, ты мнѣ измѣняешь, дьяволь-предатель! Зналъ ли ты, что я, спрятавшись за плотиной, слышала твои слова. Ты хотѣлъ себѣ одному присвоить деньги Класа. Должно быть для того, чтобы потомъ съ нею прокутить. А я, я готова была отдать ему свою кровь, еслибы только онъ могъ надѣлать изъ нея золота. И все это для другой! Будь ты проклятъ!

Но сейчасъ же, плача и стараясь повернуться на пыточной скамьѣ, мѣняла тонъ:

— Нѣтъ, Гансъ, скажи, что еще любишь свою бѣдную рабыню, и я землю буду рыть для тебя и вырою тебѣ кладъ. Да, я знаю одинъ кладъ. И я пойду съ орѣховой палочкой, которая гнется въ ту сторону, гдѣ находится металлъ. И я его найду и тебѣ принесу. Поцѣлуй меня, миленькій, и ты будешь богатымъ. И мы будемъ каждый день ѣсть мясо и пить пиво. О, да, да! тѣ, которые тамъ разсѣлись, тоже пьютъ пиво, пиво прохладное, пѣнистое. Ахъ, господа, попотчуйте меня хоть капелькой, я въ огнѣ горю. Гансъ, я очень хорошо знаю, гдѣ растутъ орѣшникъ, но надо подождать до весны.

— Замолчи, колдунья,—говорилъ Жось Даманъ,—я тебя не знаю. Ты приняла за меня Гильберта. Это онъ приходилъ къ тебѣ въ гости. И ты сдуру назвала его Гансомъ. Знай, что меня зовутъ не Гансомъ, а Жосомъ. Мы были съ нимъ одного роста, т.-е., я съ Гильбертомъ. Тебя я не знаю. Безъ сомнѣнія Гильбертъ укралъ эти семь сотъ флориновъ кароловъ... Пить!.. Мой отецъ заплатитъ сто флориновъ за маленькую кружечку воды... Да не знаю я этой женщины!..

— Вельможи и господа!—воскликнула Катлина,—онъ говоритъ, что не знаетъ меня, зато я его хорошо знаю и знаю, что у него на спинѣ волосатая бородавка, смуглая и большая, величиною съ бобъ. Ага! ты любилъ дѣвушку изъ Гейста. Отрекается ль хорошій любовникъ отъ своей возлюбленной? Гансъ или ужъ не хороша я теперь?

— Хороша!—насмѣхался онъ,—у тебя лицо, точно кизиль и тѣло, точно кора на деревѣ. Поглядите на потаскушку, претендующую на любовь дворянина!.. Пить!

— Гансъ, любый мой господинъ, не такъ ты со мной разговаривалъ шестнадцать лѣтъ назадъ. Тутъ она начала бить себя по головѣ и въ грудь.—Огонь внутри сушитъ меня, сердце мое и лицо. Не попрекай меня за это. Помнишь, какъ мы съ тобой ѣли вдвоемъ соленое, чтобы лучше пить, по твоимъ словамъ. А теперь, мой любый, соль въ насъ самихъ, а господинъ засѣдатель пьетъ романское вино. Мы не желаемъ вина. Дайте намъ воды. Протекаетъ по травкѣ ручеекъ, течетъ въ чистый источникъ. Хорошая вода—холодна. Не она обжигаетъ, обжигаетъ только вода адова.—И Катлина плакала и говорила:—Никому я не сдѣлала зла, и всѣ меня въ огонь кидаютъ... Пить!... Воду даютъ и собакамъ безпризорнымъ. Христіанка я, дайте мнѣ пить! Никому я не сдѣлала зла. Пить!

Тогда одинъ изъ эшевенонъ промолвилъ:

— Эта колдунья только въ одномъ пунктѣ сумасшедшая, а именно, когда дѣло заходитъ объ огнѣ, который, по ея словамъ жжетъ ей голову, но во всемъ остальномъ она не безумная и какъ хорошо помогла намъ разыскать останки убитого. Если упомянутая ею волосатая бородавка дѣйствительно окажется на тѣлѣ Жоса Дамана, это—достаточное ручательство, что Гансъ, сдѣлавшій Катлину безумной, и Жось Даманъ одно и то же лицо. Палачъ, покажи-ка намъ эту бородавку.

Палачъ обнаживъ шею и плечи пытаемаго нашель бородавку.

— Ахъ!—воскликнула Катлина,—какъ бѣла твоя кожа! Можно подумать, что это плечи молоденькой дѣвушки! Красавецъ ты, Гансъ, мой возлюбленный!.. Пить!

Тогда палачъ укололъ длинной иглой въ бородавку, но кровь изъ нея не пошла.

И эшеваны стали переговариваться другъ съ другомъ:

— Онъ—дьяволъ, убилъ Жоса Дамана и принялъ его обличье для пущаго обмана блѣдныхъ людей.

И засѣдатель и эшеваны испугались.

— Онъ—дьяволъ и колдовская порча налицо.

И Жось Даманъ протестовалъ:

— Вы знаете, что здѣсь нѣтъ никакой порчи, и что есть мясистые наросты, которые можно проколоть, и кровь изъ нихъ не течетъ. Если Гильбертъ взялъ деньги у этой вѣдьмы; она, вѣдь призналась, что спала съ нимъ, то онъ могъ сдѣлать это съ ея согласія. Въ такомъ случаѣ этого дворянина пришлось бы отнести къ разряду публичныхъ мужчинъ, какъ бываютъ публичныя женщины, получающія деньги за свою красоту и силу.

Эшеваны переговаривались:

— Каково дьявольское нахальство?! Видите!.. Его волосатая бородавка не дала крови. Онъ убійца, соблазнитель, дьяволъ, а хочетъ сойти за простого дуэлиста, сваливъ всѣ прочія свои преступленія на дружка—дьявола, тѣло котораго онъ убилъ, а не душу... И поглядите какъ блѣдно его лицо. Таковы всѣ дьяволы, красные въ аду и блѣдные на землѣ, ибо нѣтъ у нихъ внутри жизненнаго огня, придающаго лицу румянецъ, а лишь одинъ тамъ пепелъ. Надо его снова поставить на огонь, пусть покраснѣетъ и загорится.

Тутъ вмѣшалась Катлина:

— Да, онъ дьяволъ, но дьяволъ добрый, дьяволъ тихій. И его ангелъ хранитель святой Жанъ позволилъ выйти ему изъ ада. Онъ по цѣлымъ днямъ умоляетъ за него Господа Иисуса. Ему уготовано только семь тысячъ лѣтъ въ чистилищѣ. Пресвятая Дѣва этого хочетъ, но Сатана противится. Но Богородица настоитъ на своемъ. А пойдете ль вы противъ Нея?! Разсмотрите хорошенько и вы увидите, что ничего дьявольскаго у него не осталось, кромѣ холоднаго тѣла и блестящаго лица, блестящаго, словно волны морскія въ грозу въ августѣ.

И Жось Даманъ сказалъ:

— Замолчи, вѣдьма, ты меня спалишь!—Затѣмъ обратился къ засѣдателю и городскимъ совѣтникамъ:—Поглядите на меня, я совсѣмъ не дьяволъ, я съ плотью, кровью, костями и водой. Я пью, ѣмъ, перевариваю и выбрасываю пищу, какъ и вы. Кожа у меня такая же, какъ и у васъ, ноги тоже. Палачъ, сними съ меня мои башмаки, въ нихъ я не могу двинуть связанными ногами.

Палачъ снялъ, не безъ страха.

— Посмотрите,—продолжалъ Жось,—указывая на свои блѣлые ноги, развѣ онѣ мохнатыя, какъ бываетъ у дьявола. Что же касается моей блѣдности, то развѣ среди васъ не найдется такого же блѣднаго? Я вижу трехъ такихъ среди васъ. Но кто грѣшенъ, такъ это не я, а эта безобразная вѣдьма и ея злая дочь обвинительница. Откуда взялись у нея деньги, которыя одолжала Гильберту, откуда взялись эти флорины, которые она ему отдала. Не дьяволъ ли ихъ ей заплатилъ, лишь бы обвинить и погубить людей благородныхъ и невинныхъ? У нихъ слѣдуетъ спрашивать, кто задушилъ собаку на дворѣ, кто разрулъ яму и, оставивъ ее пустой, исчезъ, чтобы въ другомъ мѣстѣ схоронить похищенный кладъ. Сеткинъ меня не знала и у нея не могло быть довѣрія ко мнѣ; наоборотъ, къ нимъ обѣимъ, которыхъ она видѣла ежедневно, у нея было такое довѣріе. Но онѣ обѣ украли достояніе, принадлежавшее императору.

Протоколистъ записалъ, и засѣдатель обратился къ несчастной Катлинѣ съ вопросомъ:

— Женщина, можешь ли что-нибудь сказать въ свою защиту?

Катлина, любовно глядя на Жосу Дамана, промолвила:

— Пора тебѣ кричать по-орлиному. У меня рука Гильберта, Гансъ мой возлюбленный! Они говорятъ, что ты мнѣ отдашь семьсотъ кароловъ. Уберите огонь! Уберите огонь!—кричала она затѣмъ.—Пить! Пить! Голова горитъ... Богъ со своими ангелами ѣдятъ въ раю яблоки!..

И она потеряла сознаніе.

— Отвяжите ее отъ скамьи,—приказалъ засѣдатель.

Палачъ съ помощниками повиновались. И она, придя въ себѣ, покачивалась, и кожа на ногахъ у нея вздулась: палачъ слишкомъ затянулъ веревки.

— Дайте ей пить,—распорядился засѣдатель.

Ей дали холодной воды, которую она жадно выпила, держа зубами кружку, точно собака кость, и не желая выпускать ее.

Дали еще, и она хотѣла отнести ее Жосу Даману, но палачъ отнялъ у нея изъ рукъ кружку. И она, словно свинцовая масса, упала и заснула.

Тогда Жось Даманъ яростно воскликнулъ:

Я тоже хочу пить и спать. Почему ей вы дали пить? Почему позволили заснуть?

— Она—слаба, женщина и безумная,—отвѣчалъ засѣдатель.

— Безуміе ея—одно притворство,—протестовалъ Жось Даманъ,—она—вѣдьма. Я хочу спать, хочу пить!

И онъ закрылъ глаза, но подручные палача ударили его по лицу.

— Дайте мнѣ ножъ, я зарѣжу этихъ мужиковъ! Я—дворянинъ, и никто никогда не билъ меня по лицу. Воды! Дайте мнѣ уснуть, я невиненъ. Не я взялъ семьсотъ кароловъ, а Гильбертъ... Пить!.. Никогда я не занимался ни колдовствомъ, ни чародѣйствомъ. Я—невиненъ. Отпустите меня!

Тогда засѣдатель задалъ ему вопросъ:

— Какъ ты проводилъ время послѣ того, какъ оставилъ Катлину?

— Я не знаю Катлины, я не оставлялъ ее,—защищался онъ. Вы мнѣ задаете вопросы о вещахъ постороннихъ дѣлу. Я не обязанъ вамъ отвѣчать... Пить!.. Дайте мнѣ уснуть. Я вамъ говорю, что Гильбертъ все это сдѣлалъ.

— Развяжите его,—приказалъ засѣдатель.—Отведите въ тюрьму. Но не давайте ему пить и спать, пока не сознается въ своихъ колдовствахъ и чародѣйствахъ.

И это было для Дамана жестокой пыткой. Онъ кричалъ въ тюрьмѣ:—«Пить! пить!» такъ громко, что было слышно народу, но никто его не жалѣлъ. И когда стражи били его по лицу за то, что валился отъ потребности спать, то онъ кричалъ:

— Я—дворянинъ и убью васъ, холопы! Я дойду до короля, главы нашего сословія!... Пить!...

Но онъ ни въ чемъ не сознался и его оставили.

VI.

Былъ май, «липа справедливости» зазеленѣла, зазеленѣли также и дерновыя скамейки, на которыхъ засѣдали судьи. Нель вызвали въ качествѣ свидѣтельницы. Въ этотъ день должны были объявить приговоръ.

И народъ: мужчины, женщины, люди почтенные и рабочіе собрались вокругъ на полѣ. И ясное солнце сіяло.

Катлину и Жоса Дамана привели на судъ, и Даманъ, казалось, еще больше поблѣднѣлъ отъ пытки, жажды и проведенныхъ безъ сна ночей.

Катлина, съ трудомъ державшаяся на трясущихся ногахъ, говорила:

— Уберите прочь огонь! Голова горитъ!

И съ нѣжной любовью глядѣла она на Жоса Дамана.

А онъ смотрѣлъ на нее съ ненавистью и презрѣніемъ.

И всѣхъ вельможъ и дворянъ, его друзей, вызвали въ Дамъ, на судъ, какъ свидѣтелей.

И вотъ засѣдатель сказалъ тогда:

— Нель, дѣвушка, беззавѣтно любящая и защищающая свою мать, нашла у той въ праздничной юбкѣ въ карманѣ записочку, подписанную «Жось Даманъ». Среди вещей, принадлежавшихъ убитому Гильберту Ривишу, нашелъ я въ ягдташѣ письмо, адресованное ему вышеупомянутымъ, являющимся въ данную минуту подсудимымъ Жосомъ Даманомъ. Есть, значитъ два документа. Я ихъ оба сохранялъ у себя до удобнаго случая, какимъ представляется мнѣ данный моментъ. По этимъ двумъ документамъ вы можете судить о закоренѣлости этого человѣка и оправдать его или осудить, сообразно съ правомъ и закономъ. Вотъ пергаментъ, найденный въ ягдташѣ. Я не прикасался къ нему и не знаю, возможно ли его прочитать или нѣтъ.

Судьи оказались въ большомъ недоумѣніи.

Засѣдатель попытался развернуть свитокъ, но это ему не удалось. И Жось Даманъ смѣялся.

Тогда одинъ изъ эшевенонъ сказалъ.

— Опустимъ свитокъ въ воду и потомъ просушимъ. Если здѣсь имѣется какое-нибудь таинственное сцѣпленіе, то огонь и вода его устранимъ.

Принесли воды. Палачъ развелъ большой костеръ въ полѣ. Голубоватый дымъ поднимался въ ясное небо сквозь зеленѣющія вѣтки «липы справедливости».

— Не опускайте письма въ тазъ,—промолвилъ кто-то изъ эшевенонъ, ибо если оно написано нашатырной солью, растворенной въ водѣ, то уничтожится почеркъ.

— Нѣтъ,—возразилъ на это присутствовавшій на засѣданіи костоправъ,—вода уничтожитъ лишь клей, мѣшающій развернуть этотъ таинственный свитокъ.

Пергаментъ окунули въ воду и, размягчивъ его, развернули.

— Теперъ,—посоветовалъ костоправъ,—положите его близъ огня.

— Да, да,—промолвила Нель,—положите бумагу передъ огнемъ. Господинъ костоправъ на пути къ истинѣ, ибо поблѣднѣлъ убійца и ноги у него дрожать.

— На это благородный господинъ Жось Даманъ отвѣчалъ:

— Я не блѣднѣлъ и не дрожу, маленькая злая тварь, мужичка, желающая гибели дворянина. Но не удадутся твои расчеты; этотъ пергаментъ, вѣроятно, сгнилъ послѣ шестнадцатилѣтняго лежанья подъ землей.

— Пергаментъ ничуть не сгнилъ,—возразилъ эшевенъ, ягдташъ былъ на шелковой подкладкѣ, а шелкъ не уничтожается въ землѣ, и черви не источили пергамента.

Пергаментъ положили передъ огнемъ.

— Благородный господинъ судья,—заговорила Нель, обращаясь къ засѣдателю,—вотъ чернила уже выступили. Прикажите прочитать.

Когда костоправъ собирался приступить къ чтенію, Жось Даманъ протянулъ руку и хотѣлъ вырвать у него документъ. Но Нель, съ быстротой вѣтра, накинулась на его руку и сказала:

— Не коснешься ты этой бумаги; написана тамъ твоя смерть или смерть Катлины. Если теперь твое сердце, убійца, обливается кровью, то вотъ ужъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, какъ обливается наше. Пятнадцать лѣтъ Катлина страдаетъ. Пятнадцать лѣтъ мозги въ ея головѣ горятъ изъ-за тебя. Пятнадцать лѣтъ, какъ померла Сеткинъ, и все оттого, что мучилась въ пыткѣ. Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ мы въ нуждѣ живемъ, но гордости своей не теряемъ... Читайте бумагу! Читайте бумагу! Судьи это—Богъ на землѣ: они—сама справедливость. Читайте бумагу.

— Читайте бумагу,—кричали съ плачемъ мужчины и женщины Нель хороша! Читайте бумагу! Катлина—не вѣдьма.

И протоколистъ сталъ читать:

«Гильберту, сыну Виллема Ривиша, кавалеру, Жось Даманъ, кавалеръ.

— Милый другъ! не теряй больше своихъ денегъ въ игрѣ въ домино и въ картежныхъ домахъ. Я тебѣ расскажу, какимъ образомъ можно выигрывать безъ проигрыша. Притворимся чертями, чертями красивыми, любимыми женщинами и дѣвушками; будемъ брать красивыхъ и богатыхъ, пренебрегая бѣдными и безобразными и пусть онѣ платятъ за свое удовольствіе. Я этимъ ремесломъ въ шесть мѣсяцевъ заработалъ въ Германіи пять тысячъ талеровъ. Женщины, когда любятъ, готовы отдать любимому человѣку послѣднюю сорочку и юбку. Избѣгай скупыхъ женщинъ, отсрочивающихъ уплату за полученное удовольствіе. Чтобы казаться красивымъ и настоящимъ дьяволомъ—домовымъ, если онѣ будутъ пускать тебя къ себѣ на ночь, ты предупреждай о своемъ приходѣ на свиданіе крикомъ, похожимъ на крикъ какой-нибудь ночной птицы. А чтобы сдѣлать себѣ наводящее ужасъ, истинно дьявольское лицо, натри лицо фосфоромъ, который свѣтится, когда отсырѣетъ. Запахъ отъ него непріятный, но онѣ думаютъ, что это благовоніе самой преисподней. Убивай всякаго, кто тебя стѣсняетъ, мужчину, женщину, животное.

Скоро мы отправимся вмѣстѣ къ добродушной дѣвкѣ—красавицѣ Катлинѣ. Нель ея,—мой ребенокъ, если только Катлина была мнѣ вѣрна—недурна собой. Ты ее возмешь безъ затрудненій. Мнѣ не нужно этихъ незаконнорожденныхъ, которыхъ не можешь

съ увѣренностью признать плодомъ своей любви. Мать ея дала уже мнѣ болѣе, чѣмъ двадцать три карола—все свое имущество. Но она прячетъ кладъ, который, если только я не дуракъ, представляетъ собою наслѣдство Класа, еретика, сожженного въ Дамѣ. Семьсотъ кароловъ подлежатъ конфискаціи. Но доброму королю Филиппу, спалившему столько еретиковъ специально для полученія послѣ нихъ наслѣдства, не удалось сцапать этого клада. Но да ничего, онъ больше будетъ вѣсить въ моемъ ягдташѣ, чѣмъ въ его: Катлина мнѣ скажетъ, гдѣ онъ. Мы его раздѣлимъ. Конечно, на мою долю, за открытіе, придется большая часть.

А женщинъ, нашихъ рабынь и любовницъ, мы уведемъ въ Германію. Тамъ мы ихъ научимъ сдѣлаться чертовками и домовихами, влюбляющими въ себя всѣхъ богатыхъ купцовъ и дворянъ. Тамъ мы и онѣ заживемъ въ любви, которая будетъ оплачиваться прекрасными талерами, бархатомъ, шелками, золотомъ, жемчугами и разными драгоценностями. Такимъ образомъ безъ тяжелыхъ заботъ мы разбогатѣемъ и подъ видомъ дьяволовъ-домовыхъ заставимъ себѣ вѣчно платить. Всѣ женщины набитыя дуры для мужчины, сумѣвшего зажечь въ нихъ огонь, который Богъ заложилъ имъ подъ талию. Катлина и Нель, скорѣй чѣмъ другія, сдѣлаются такими дурами и будутъ насъ слушаться во всемъ. Ты оставь свое имя, но никогда не называй своей фамиліи, своего отца Ривиша. Если судьи и арестуютъ женщинъ, мы удеремъ, и онѣ не узнаютъ, кто мы такіе, и не успѣютъ донести на насъ. На выручку ко мнѣ, мой преданный другъ! Судьба улыбается молодымъ людямъ, какъ говаривалъ Его святѣйшее Величество, покойный Карлъ V, бывшій знатокомъ и въ любовныхъ, и военныхъ дѣлахъ»...

Тутъ протоколистъ, прервавъ чтеніе, сказалъ:

— Таково письмо, оно все мной прочтено и подписано: «Жось Даманъ, кавалеръ».

И народъ закричалъ:

— Смерть убійцѣ! Смерть колдуну! На костеръ, преступника, сводящаго съ ума женщинъ! На висѣлицу разбойника!

Тогда засѣдатель сказалъ:

— Пусть народъ замолчитъ. Пусть не мѣшаетъ намъ свободно судить этого человѣка.

И, обратясь къ эшевенамъ, промолвилъ:

— Я хочу прочесть вамъ второе письмо, которое Нель нашла въ праздничной юбкѣ въ карманѣ у Катлины. Вотъ оно:

«Миленькая вѣдьмочка! вотъ рецептъ микстуры, присланной мнѣ женой самого Сатаны. Съ помощью этой микстуры ты можешь перенестись на солнце, луну и звѣзды; можешь разговаривать съ

сонмищами духовъ, переносящими Богу людскія молитвы и проносятся по всѣмъ городамъ, селамъ, рѣкамъ, лугамъ и по всей вселенной. Ты смѣшаешь вмѣстѣ въ равныхъ дозахъ дурманъ, снотворный пасленокъ, белену, опиумъ, пеньковыя выжимки и белладонну.»

«Если хочешь, мы сегодня ночью отправимся на игрище духовъ, но надо сильнѣй меня любить и не скупиться, какъ въ прошлый разъ, когда ты не дала мнѣ десяти флориновъ и сказала, что ихъ у тебя нѣтъ. Я знаю, что ты прячешь кладъ и не хочешь мнѣ сказать гдѣ. Или ужъ ты меня разлюбила, мое милое сердечко?

Твой холодный дьяволъ Ганскэ».

— Смерть колдуну!—кричалъ народъ.

Засѣдатель сказалъ:

— Нужно сравнить два почерка.

Сравнили и нашли, что они одинаковы.

Тогда засѣдатель обратился къ присутствовавшимъ вельможамъ и дворянамъ.

— Признаете ль вы подсудимаго дворяниномъ Жосомъ Даманомъ, сыномъ гентскаго эшевена?

— Признаемъ,—отвѣчали они.

— Знали ль вы,—продолжалъ спрашивать засѣдатель,—господинъ Гильберта, сына Виллема Ривиша, кавалера?

Отозвался дворянинъ Ванъ деръ Цикенъ и сказалъ:

— Я изъ Гента, живу на площади Сентъ-Мишель. Я знавалъ Вильгельма Ривиша, кавалера, эшевена. Онъ потерялъ лѣтъ пятнадцать назадъ сына въ возрастѣ двадцати трехъ лѣтъ, гуляку, игрока, лѣнтяя. Съ того времени о немъ не было никакихъ вѣстей. Прошу дать мнѣ взглянуть на мечъ, кинжалъ и ягдташъ покойнаго.

Когда эти вещи ему показали, онъ промолвилъ:

— На рукояткахъ меча и кинжала гербъ Ривишей: три рыбы на лазоревомъ полѣ. Тотъ же самый гербъ и на золотомъ щитѣ на ягдатшѣ. А что это за другой кинжалъ?

Начальникъ округа пояснилъ:

— Это—кинжалъ, найденный въ тѣлѣ Гильберта Ривиша, сына Вильгельма.

— Я узнаю,—продолжалъ дворянинъ,—фамильный гербъ Дамановъ: раскрытая пасть, на серебряномъ полѣ. Въ правотѣ моихъ словъ Богъ мнѣ порукой и святыя угодники.

Отозвались и другіе дворяне:

— Мы тоже признаемъ вышепоименованные гербы за фамильные домовъ Ривиша и Дамана. Въ правотѣ нашихъ словъ Богъ намъ порукой и святыя угодники.

Тогда начальник округа сказалъ:

— На основаніи свидѣтельскихъ показаній и уликъ, прочитанныхъ на судѣ, дворянинъ Жось Даманъ является колдуномъ, убійцей, соблазнителемъ женщинъ, воромъ имущества, принадлежавшаго королю, и какъ таковой преступникъ обвиняется въ оскорбленіи небеснаго и земного величества.

— Вы такъ заявляете, господинъ окружный начальникъ, но у васъ нѣтъ на это достаточныхъ основаній—сказалъ Жось. Я—не колдунъ и никогда имъ не былъ. Я лишь разыгрывалъ изъ себя чорта. Что же касается моего блестящаго лица, вы знаете уже рецептъ мази, которой я натирался, она состоитъ изъ соковъ ядовитыхъ растений съ примѣсью большого количества фосфора и только. Когда эта женщина, истинная колдунья, пользовалась моимъ снадобьемъ, она падала и тотчасъ же засыпала и воображала, что отправляется на бѣсовское игрище, водить тамъ хороводы, отвернувшись лицомъ отъ круга, и обожаетъ дьявола съ козлиной наружностью, поставленнаго на алтарѣ. Покончивъ съ хороводомъ, она, по ея мнѣнію, и по обычаю всѣхъ вѣдьмъ, цѣловала подъ хвостъ этого козла—дьявола. А затѣмъ ей казалось, что она вступала со мной въ какую-то чудовищную связь, которая мерещилась ей въ ея фантазіи. Она указывала, что руки и тѣло мое были холодны, но это только свидѣтельствовало о моей тогдашней молодости. Въ любовныхъ дѣлахъ холодъ не жестокъ. Но Катлинѣ хотѣлось считать меня дьяволомъ, хотя я такой же человѣкъ съ плотью и костями, какъ вы, которые глядите на меня. Она одна виновна: приняла меня за бѣса и, сдѣлавшись моей любовницей, грѣшила противъ Бога и св. Духа...

Но Нель перебила эту рѣчь:

— Слышите ль вы этого убійцу?—Онъ поступалъ, какъ поступаютъ продажныя женщины, съ обручемъ на рукѣ, знакомъ ихъ любовнаго ремесла. Слышите ль вы, что теперь, желая спастись, онъ желаетъ обречь на сожженіе ту, которая ему все отдала.

— Нель злая,—не слушай ее, мой любимый Гансъ.

— Нѣтъ,—убѣжденно промолвила Нель,—ты не мужчина, ты—дьяволъ, жестокій и трусь. И, обнявъ Катлину, воскликнула:

— Не слушайте его, этого блѣднаго негодяя, господа судьи. У него одно желаніе: сжечь мою мать, которая не знаетъ за собою другого преступленія, кромѣ только того, что Господь поразилъ ее безуміемъ, и она свои сны и фантазіи считала явью. И такъ ужъ выстрадала она свои вины и тѣломъ, и душою. Не обрекайте ее на смерть, господа судьи! Пусть доживаетъ несчастная въ мирѣ свои дни.

И Катлина говорила:

— Нель злая. Не надо ей вѣрить, Гансъ мой владыка!

И въ толпѣ женщины плакали и мужчины говорили: «Поми-
луйте Катлину»!

И окружный начальникъ, и эшеваны вынесли Жосу Даману приговоръ на основаніи его новыхъ признаній, которыя онъ при-
несъ послѣ вторичной пытки. Онъ былъ осужденъ на лишеніе
дворянства и сожженіе живымъ на маломъ огнѣ до тѣхъ поръ,
пока смерть не послѣдуетъ. И на слѣдующій день послѣ объявле-
нія приговора онъ подвергся мучительной казни передъ Ратушей.

— Заставьте умереть колдунью, она одна во всемъ виновата!
Проклятіе Богу!... Мой отецъ убьетъ судей!...—И онъ испустилъ
духъ.

И народъ говорилъ:

— Видите, какъ онъ прокликаетъ и богохульствуетъ!..
Издыхаетъ по-собачьи.

На утро окружный начальникъ и судьи вынесли приговоръ
и насчетъ Катлины, которую осудили «на испытаніе водой» въ
брюжскомъ каналѣ. Если выплыветъ, постановлено было сжечь
ее, какъ вѣдму; если же пойдетъ ко дну, рѣшено считать, что
умерла по-христіански, и похоронить въ церковной оградѣ.

На слѣдующій день съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ
отвели Катлину босой, въ одной холщевой черной сорочкѣ на
берегъ обсаженного деревьями канала. Впереди шли, съ пѣньемъ
панихиды соборный настоятель изъ Нотръ-Дамъ съ викаріями,
церковный сторожъ съ крестомъ. Позади—судьи, эшеваны, про-
токолисты, старшина, палачъ съ помощниками. На берегу стояла
большая толпа женщинъ и мужчинъ. Женщины плакали, муж-
чины роптали отъ состраданія къ Катлинѣ, которая покорно,
словно агнецъ, шла, не зная, куда ее ведутъ, и неустанно
причитала: «Уберите огонь! голова горитъ! Гансъ, гдѣ ты?».

Нель находилась въ толпѣ женщинъ и кричала: «Бросьте и
меня вмѣстѣ съ нею!» Но женщины не допускали ее близко
подходить къ матери.

Рѣзкій вѣтеръ дулъ съ моря съ неба сѣраго падалъ мелкій
градъ въ каналъ. По повелѣнію Его Величества появилась
лодка съ палачомъ и его подручными. По ихъ приказу
Катлина сошла въ эту лодку. Палачъ стоялъ тамъ во весь ростъ,
взялъ вошедшую на руки и по сигналу прокурора, поднявшаго
жезлъ справедливости, бросилъ Катлину въ воду. Она немного
побилась на поверхности и пошла на дно, крикнувъ:

— Гансъ! Гансъ! На помощь!

И народъ говорилъ, что эта женщина не колдунья.

Мужчины бросились въ каналъ и вытащили Катлину безъ чувствъ вытянувшуюся, словно мертвая. Затѣмъ отнесли ее въ таверну и положили возлѣ огня. Нель сняла съ нея платье и мокрое бѣлье и переодѣла ее. Когда несчастная пришла въ себя, она, стуча зубами, твердила:

— Гансъ, дай мнѣ шерстяную накидку!

И Катлина не могла согрѣться и ее похоронили въ саду, при церкви.

И сирота Нель отправилась къ родственницѣ Розѣ ванъ Овегемъ, въ Голландію.

VII.

На небольшихъ голландскихъ и зеландскихъ корабляхъ плаваетъ Тиль Класъ Уленшпигель.

Свободное море несетъ отважныхъ двухмачтовыхъ судна, на которыхъ находится по восьми десяти и двадцати желѣзныхъ орудій, извергающихъ смерть и истребленіе предателямъ испанцамъ.

Есть на этихъ судахъ опытный канониръ Тиль Уленшпигель, сына Класа. Чтобы оцѣнить его искусство, нужно видѣть, какъ вѣрно онъ наводитъ, какъ хорошо цѣлитъ и пробиваетъ, словно масляную стѣну, остовы кораблей.

На его фетровой шляпѣ серебряный полумѣсяцъ съ надписью: «Лучше служить турецкому султану, чѣмъ Папѣ» ¹⁾.

Матросы, глядя, какъ онъ легко, словно котъ, и ловко, точно бѣлка, взбирается къ нимъ на корабли съ пѣсней, либо веселыми прибаутками дивятся и спрашиваютъ:

— Откуда ты, добрый человѣкъ? Съ виду ты такой молодой, а говорятъ, что давно ужъ, какъ ты родился въ Дамѣ?

— Я не тѣлесный, я духовный, и моя подружка Нель на меня похожа. Духъ Фландріи, любовь Фландріи, мы никогда не умремъ.

— Однако,—возражали они, когда тебя рѣзанешь, ты пускаешь кровь.

— Это такъ, только видимость одна, это—вино, не кровь,—шутилъ Уленшпигель.

— Въ такомъ случаѣ мы вставимъ тебѣ въ животъ вертелъ.

— Я и безъ вертела самъ могу отдать свое вино,—возражалъ Уленшпигель.

— Потѣшаешься ты надъ нами.

— Кто бьетъ въ барабанъ, слышитъ барабанный бой,—отвѣчалъ Уленшпигель.

И вышитыя церковныя хоругви развѣвались на корабельныхъ.

¹⁾ По-фламандски—*Liever den Turc als den Paus*.

мачтахъ. И Гезы, въ митрахъ, съ епископскими жезлами разодѣтые въ бархатъ, парчу, шелка и шитыя золотомъ и серебромъ сукна, въ какія при торжественныхъ церковныхъ служеніяхъ облачаются аббаты, пили монастырскія вина и охраняли суда. И странно было глядѣть на высовывающіяся изъ богатыхъ одеждъ закорузлыя руки съ мушкетами, стальными луками, алебардами или пиками. И всѣхъ эти люди съ грубыми лицами, опоясанные поверхъ плащей пистолетами и ножами, блестящими на солнцѣ, пили монастырское вино, претворившееся въ вино свободы.

И пѣли и кричали: «Да здравствуютъ Гезы.» И такъ проносились они по океану и Шельдѣ.

VIII.

Въ это время Гезы, среди которыхъ находились Ламъ и Уленшпигель, овладѣли городомъ Горкумомъ ¹⁾. Ими командовалъ нѣкій капитанъ Маренъ, бывшій нѣкогда простымъ рабочимъ землекопомъ. Онъ очень важничалъ и вмѣстѣ съ Гаспаромъ Туркомъ, защитникомъ Горкума, подписался подъ капитуляціей, въ силу которой самъ Турокъ, монахи, зажиточные горожане и солдаты, осаждавшіеся въ крѣпости, получали возможность свободного выхода съ пулей во рту, съ пищалью на плечѣ, съ такой поклажей, какую только могли вынести на себѣ. Церковныя же имущества поступали въ собственность осаждавшихъ.

Но капитанъ Маренъ, по приказу господина Люмея, арестовалъ тринадцать монаховъ, остальнымъ же солдатамъ и гражданамъ позволилъ уйти.

И Уленшпигель сказалъ:

— Слово солдата—золотое слово. Такъ должно быть. Почему онъ измѣняетъ своему слову?

Какой-то старикъ Гезъ отвѣтилъ на это Уленшпигелю:

— Монахи—сыны Сатаны, язва націи, стыдъ страны. Съ самаго пріѣзда герцога Альбы они задираютъ носы въ Горкумѣ. Есть среди нихъ отецъ Николай, напыщеннѣй павлина, жесточе тигра. Всякій разъ, когда ему случалось проходить по улицѣ съ своей дароносицей, въ которой лежатъ облатки, онъ глазами, полными ярости, взиралъ на тѣ дома, откуда не выходили женщины и не становились предъ нимъ на колѣни, и доносилъ въ судъ на всѣхъ, кто не падалъ ницъ передъ его тѣстянымъ и мѣдно позолоченнымъ идоломъ. Прочіе монахи брали съ него примѣръ. И по причинѣ этого, были большія не-

¹⁾ Gorkum—Горкумъ, городъ въ южной Голландіи на рѣкѣ Ваалѣ.

счастія, многихъ сожгли, другихъ жестоко покарали. Капитанъ Маренъ поступилъ правильно, когда арестовалъ монаховъ, потому что, оставъ онъ ихъ на свободѣ, они вмѣстѣ съ своими присными пойдутъ по деревнямъ, селамъ, городамъ и городкамъ проповѣдовать противъ насъ, смущать народъ и заставлять сжигать бѣдныхъ реформаторовъ. Договъ, пока не издохнутъ, держатъ на привязи. На цѣпь монаховъ, на цѣпь собакъ кроваваго герцога, въ клѣтку палачей! Да здравствуютъ Гезы!

— Но,—возражалъ Уленшпигель,—господину Оранскому, нашему принцу свободы, угодно, чтобы уважались имущество и свобода совѣсти тѣхъ, кто сдается.

Старики Гезы возражали:

— Вотъ этого-то и не хочетъ адмиралъ для монаховъ. Онъ—начальникъ. Взялъ Бриль. Въ клѣтку монаховъ!

— Слово солдата—золотое слово. Почему онъ ему измѣняетъ?—спрашивалъ у нихъ Уленшпигель. Посаженные въ тюрьму монахи страдаютъ тамъ отъ тысячи обидъ.

— Не бьется больше прахъ на сердцѣ у тебя,—говорили они. Сто тысячъ семей, въ силу указовъ, понесли съ нашей родины на сѣверо-востокъ, въ Англію, ремесла, промышленность, богатство. Люди же повинные въ нашемъ разореніи побогатѣли. Со времени Карла V, Палача Перваго, и при кровавомъ королѣ, Палачѣ Второмъ, погибло отъ казней сто восемнадцать тысячъ. Среди казней и слезъ, кто несъ погребальныя свѣчи? Испанскіе солдаты и монахи несли... Не слышишь ты развѣ жалобы душъ погибшихъ?

— Бьется прахъ на сердцѣ у меня,—промолвилъ Уленшпигель. Но слово солдата—золотое слово.

— Кто,—продолжали они,—хотѣлъ путемъ отлученія отъ церкви разобщить цѣлую страну отъ другихъ націй? Кто, если бы могъ, вооружилъ бы противъ насъ землю и небо, Бога и дьявола и сплоченные сонмы святыхъ угодниковъ и угодницъ? Кто окровавилъ воловьей кровью просфоры, кто заставилъ плакать деревянные статуи? Кто, если не проклятое духовенство, не орда монаховъ—тунеядцевъ заставилъ пѣть отходную нашей родинѣ? И все это для того, чтобы сохранить свое богатство, свое вліяніе на почитателей идоловъ и царить надъ несчастной страной путемъ разоренія, крови и огня... Въ клѣтку волковъ, кидающихся на людей! въ клѣтку гієнъ! Да здравствуютъ Гезы!

— Слово солдата—золотое слово,—твердилъ Уленшпигель.

На слѣдующее утро явился гонецъ отъ господина Люмея съ приказаніемъ перевести изъ Горкума въ Бриль, здѣсь находился адмиралъ, девятнадцать задержанныхъ монаховъ.

— Ихъ повѣсятъ,—сказаль капитанъ Маренъ Уленшпигелю.

— Пока я живъ, нѣтъ,—возразиль тотъ.

— Мой сыночекъ, только не вздумай такъ разговаривать съ господиномъ Люмеемъ. Свирѣпъ онъ, и, безъ снисхожденія, велить тебя повѣсить вмѣстѣ съ ними,—вмѣшался Ламъ.

— Буду разговаривать по правдѣ,—настаиваль Уленшпигель.—Слово солдата—золотое слово.

— Если думаешь, что можешь спасти ихъ, поѣзжай съ ними до Бриля. Возьми съ собою пилота Рошу и, если хочешь, своего друга Лама,—замѣтилъ Маренъ.

— Хорошо. Хочу.

Барку ошвартовали на Зеленой набережной, девятнадцать монаховъ вошли въ нее. Трусливаго Рошу помѣстили у руля. Уленшпигель съ Ламомъ, хорошо вооруженные, помѣстились въ передней части барки. Затесавшіеся, исключительно ради грабежа, въ Гезы негодяи солдаты были приставлены къ голоднымъ монахамъ. Уленшпигель далъ имъ поѣсть и попить. «Этотъ предасть»,—говорили о немъ негодяи солдаты. Сидѣвшіе по срединѣ барки девятнадцать монаховъ-ханжей дрожали, зубъ на зубъ не попадая, хотя дѣло происходило въ іюлѣ, солнце грѣло и свѣтило: и легкій вѣтерокъ раздуваль паруса грузной и пузатой барки, качавшейся на зеленыхъ волнахъ.

И вотъ отецъ Николай обратился къ штурвальному съ вопросомъ:

— Рошу, насъ на поле виселицъ везутъ, да?—Затѣмъ, оборотясь въ сторону Горкума, промолвилъ, протянувъ руку:—О, городъ Горкумъ, сколько мукъ еще выпадеть на твою долю: ты будешь проклятъ между городами, ибо въ своихъ стѣнахъ далъ ты разрастись зерну ереси! О, городъ Горкумъ! И ангель Господень не будетъ больше бдѣть у твоихъ воротъ. Не будетъ больше пещись о цѣломудріи твоихъ дѣвушекъ, объ отвагѣ твоихъ мужчинъ и богатствѣ твоихъ купцовъ. О, городъ Горкумъ, ты проклятъ несчастный!

— Проклятъ! проклятъ!—отозвался Уленшпигель,—какъ проклята гребенка, которой вычесали испанскихъ вшей, какъ проклята собака, рвущая цѣпь, какъ лошадь, стряхнувшая съ себя жестокаго наѣздника. Будь ты самъ проклятъ, глупый проповѣдникъ, если не понимаешь, что нужно на спинахъ тирановъ обламать прутья, даже желѣзные.

Монахъ замолчалъ и, опустивъ глаза, казалось, весь ушелъ въ набожную ненависть.

Негодяи солдаты, затесавшіеся среди Гезовъ, исключительно ради грабежа, находились возлѣ монаховъ, которымъ вскорѣ

снова захотѣлось ѣсть. Уленшпигель попросилъ для нихъ сахарей и селедокъ. На эту просьбу начальникъ барки отвѣчалъ:

— Пусть ихъ бросятъ въ Маасъ, они поѣдятъ тамъ свѣжихъ селедокъ.

Тогда Уленшпигель отдалъ монахамъ весь свой и Лама хлѣбъ и колбасы. Начальникъ барки и негодяи Гезы переговаривались между собою:

— Это—предатель: онъ кормить монаховъ. Нужно на него донести.

Въ Дордрехтѣ барка остановилась въ гавани Блуменскэй у Цвѣточной набережной. Сюда толпой сбѣжались поглядѣть на монаховъ: мужчины, женщины, мальчики и дѣвочки и, указывая пальцемъ или грозя кулакомъ, обмѣнивались замѣчаніями:

— Поглядите вы на этихъ бездѣльниковъ, мастеровъ по части изготовленія «Добрыхъ Боженекъ», тащившихъ тѣла людскія на костры, а души въ огонь вѣчный. Взгляните на жирныхъ тигровъ и на пузатыхъ шакаловъ.

Монахи опускали головы и не смѣли отвѣчать. Уленшпигель увидалъ, какъ они вновь задрожали.

— Намъ еще хочется ѣсть, сострадательный солдатъ,—говорили они.

Но начальникъ барки произнесъ:

— Кто вѣчно пьетъ?—песокъ ненасытный. Кто вѣчно готовъ ѣсть?—монахъ.

Уленшпигель раздобылъ имъ въ городѣ хлѣба, ветчины и большой кувшинъ пива.

— Ъшьте и пейте,—промолвилъ онъ,—вы наши плѣнники, но, если только смогу, я васъ спасу. Слово солдата—золотое слово.

— Почему ты имъ даешь? Они, вѣдь, тебѣ ничего не заплатятъ,—говорили Гезы негодяи. И, перешоптываясь, обмѣнивались словами: «Запомнимъ твердо: онъ обѣщалъ ихъ спасти».

На разсвѣтѣ приплыли въ Бриль. Ворота передъ ними раскрылись и вѣстовой отправился предупредить господина Люмея объ ихъ прибытіи.

Какъ только тотъ узналъ объ этомъ, немедленно, не успѣвъ хорошенько одѣться, поспѣшилъ туда на лошади въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ человѣкъ конныхъ и пѣшихъ.

И Уленшпигель снова могъ увидать свирѣпаго адмирала, въ костюмѣ живущаго въ роскоши феодала.

— Здравствуйте,—молвилъ онъ,—господа монахи. Поднимите руки. Гдѣ кровь господъ д'Эгмонта и де Горна? Вы мнѣ показываете чистыя лапы. Счастье для васъ.

Монахъ, по имени Леонаръ, отвѣчалъ:

— Поступай съ нами, какъ хочешь. Мы—монахи, никто за насъ не заступится.

— Хорошо сказано,—вмѣшался Уленшпигель.—Правда, монахъ порываетъ связь съ міромъ: съ отцомъ матерью, братомъ—сестрою, съ женою и любовницей, и въ рѣшительную минуту некому за него заступиться... Такъ я за него заступлюсь. Капитанъ Маренъ, подписывая капитуляцію Горкума, обязался, что эти монахи наравнѣ со всѣми прочими, взятыми въ крѣпости, будутъ свободны и смогутъ уйти. Но, несмотря на это обѣщаніе, ихъ безъ причины задержали и, судя по разговорамъ, которые мнѣ приходилось слышать, хотятъ повѣсить. Милостивѣйшій государь, я смиренно заступаюсь за нихъ передъ вами, ибо я знаю, что слово солдата—золотое слово.

— Ты кто?—спросилъ господинъ де Люмей.

— Милостивѣйшій государь,—отвѣчалъ Уленшпигель,—фламандецъ я изъ прекрасной страны Фландріи! крестьянинъ, дворянинъ, все вмѣстѣ, рыскаю по свѣту и хвалю прекрасное, и глумлюсь во-всю надъ людскою глупостью. Восхваляю и васъ, если сдержите обѣщаніе, данное капитаномъ: слово солдата—золотое слово.

Тутъ вмѣшались бывшіе на кораблѣ негодяи Гезы:

— Милостивѣйшій государь,—заговорили они,—онъ предатель: обѣщалъ имъ ихъ спасти, кормилъ хлѣбомъ, ветчиной, колбасами, поилъ пивомъ, а намъ ничего не далъ.

Тогда господинъ де Люмей сказалъ Уленшпигелю:

— Разгуливающій по свѣту фламандецъ и кормилецъ монаховъ, ты будешь повѣшенъ вмѣстѣ съ ними.

— И все-таки я не боюсь,—отвѣчалъ Уленшпигель,—слово солдата—золотое слово.

— Видно, ты пѣтушокъ,—промолвилъ де Люмей.

— Прахъ бѣется на сердцѣ у меня.

Монаховъ отвели на гумно и Уленшпигеля съ ними. Тамъ они хотѣли богословскими разсужденіями обратить его въ вѣру истинную, но онъ заснулъ подъ ихъ доводы.

Господинъ де Люмей сѣлъ за столъ, уставленный винами и жаркими. Въ это время прибылъ изъ Горкума отъ капитана Марена посланецъ съ копіями писемъ Молчаливаго принца Оранскаго, повелѣвающаго всѣмъ начальникамъ городовъ и другихъ мѣстъ относиться къ духовенству, такъ же, какъ и къ остальному населенію, съ уваженіемъ къ его правамъ, привилегіямъ и физической неприкосновенности.

Посланецъ просилъ допустить его лично передать де Люмею въ собственныя руки копію писемъ.

— А подлинныя письма гдѣ?—освѣдомился де Люмей.

— У моего начальника, господина Марена,—отвѣчалъ гонецъ.

— И эта деревенщина посылаетъ мнѣ копію!—воскликнулъ де Люмей. Гдѣ удостовѣреніе твоей личности?

— Вотъ оно, милостивѣйшій государь,—отвѣчалъ посланецъ и подалъ бумагу.

Господинъ де Люмей взялъ и громко прочелъ:

«Милостивѣйшій государь и господинъ Маренъ Брандтъ симъ поставляетъ въ извѣстность министровъ, губернаторовъ и офицеровъ республики, дабы чинили они свободный пропускъ»...

Тутъ де Люмей, ударивъ кулакомъ по столу, разорвалъ удостовѣреніе и воскликнулъ:

— Кровь Господня! и чего суется этотъ Маренъ, этотъ прощальга, который до взятія Бриля не смѣлъ приказать положить себѣ на зубы кусокъ маринованной селедки. А теперь величается «милостивѣйшимъ государемъ и господиномъ» и мнѣ, мнѣ посылаетъ указы! Онъ поставляетъ въ извѣстность и приказываетъ! Скажи твоему начальнику, что, такъ какъ онъ капитанъ и милостивѣйшій государь и прекрасно поставляетъ въ извѣстность и повелѣваетъ, то монахи, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, будутъ повѣшены и ты вмѣстѣ съ ними, если только во-время отсюда не уберешься.

И, пхнувъ гонца ногой, онъ заставилъ того выйти изъ зала и крикнулъ:

— Выпить! видали ль вы заносчивость этого Марена?! Меня чуть не стошнило, такъ я разсвирѣпѣлъ. Повѣсить немедленно монаховъ на гумнѣ и привести ко мнѣ парламентаря фламандца, но пусть онъ раньше поприсутствуетъ при ихъ казни. Посмотримъ, посмѣетъ ли онъ мнѣ сказать, что я дурно поступилъ. Кровь Господня! зачѣмъ тутъ еще горшки и стаканы?!

И онъ съ сильнымъ трескомъ перебилъ кубки и посуду, и никто не посмѣлъ съ нимъ заговорить. Слуги хотѣли собрать черепки, но онъ этого не позволилъ и, безъ всякой мѣры выпивая прямо изъ бутылокъ, впалъ еще въ большую ярость, расхаживалъ крупными шагами, давилъ и въ бѣшенствѣ топталъ осколки.

Уленшпигеля привели.

— Ну что? нѣтъ ли новостей отъ твоихъ друзей-монаховъ?—спросилъ онъ его.

Они повѣшены,—промолвилъ Уленшпигель,—и негодай, палачъ, убивающій ради выгоды, распоролъ послѣ смерти одному изъ нихъ животъ и бока, словно свиной тушѣ, желая продать жиръ аптекарю: Слово солдата больше не золотое слово.

Де Люмей, продолжая топтать черепки, крикнулъ:

— Ты все еще хорохоришься надо мною, бездѣльникъ ты этакій четвероногій, но ты тоже будешь повѣшенъ и не на гумнѣ, а унизительно на площади на виду у всѣхъ.

— Стыдно вамъ, стыдно намъ: слово солдата больше не золотое слово.

— Замолчишь ты, желѣзная башка!—крикнулъ господинъ Люмей.

— Стыдно вамъ, стыдно намъ: слово солдата больше не золотое слово.

Тогда господинъ де Люмей бросился къ нему, замахнулся и хотѣлъ ударить.

— Бей,—произнесъ Уленшпигель,—я твой узникъ, но я не боюсь тебя: слово солдата больше не золотое слово.

Тутъ господинъ де Люмей выхватилъ мечъ и навѣрное убилъ бы Уленшпигеля, если бы господинъ Длиннѣйшій, схвативъ нападавшаго за руку, не сказалъ ему:

— Пощадите! онъ честенъ и храбръ и не совершилъ никакого преступленія.

Тогда де Люмей, одумавшись, промолвилъ:

— Пусть попроситъ прощенія.

Но Уленшпигель, продолжая стоять въ той же позѣ, отвѣтилъ:

— Никогда не попрошу.

— Пусть скажетъ по крайней мѣрѣ, что я не былъ неправъ,—воскликнулъ де Люмей, разгорячаясь:

— Я не лизунъ башмаковъ у баръ,—былъ отвѣтъ Уленшпигеля,—слово солдата больше не золотое слово.

— Поставить висѣлицу,—приказалъ де Люмей,—и взять его! Это ему будетъ пеньковое слово.

— Пусть,—сказалъ Уленшпигель,—и передъ всѣмъ народомъ я прокричу тебѣ: «Слово солдата больше не золотое слово».

Висѣлицу воздвигли на Большомъ рынкѣ. Распространилась вскорѣ по городу новость, что вотъ-вотъ повѣсятъ Уленшпигеля, храбраго Геза. И народъ былъ взволнованъ чувствами состраданія и милосердія, и сталъ толпами стекаться на Большой рынокъ. Господинъ де Люмей тоже явился туда верхомъ, желая лично подать сигналъ къ началу казни.

Онъ сурово смотрѣлъ на стоявшаго на лѣстницѣ Уленшпигеля, снаряженнаго на смерть; руки того у локтей были привязаны къ тѣлу, опущены и ладонями сложены одна съ другой; на шею была уже накинута веревка, и палачъ готовъ былъ приступить къ своему дѣлу.

Тутъ заговорилъ адмиралъ Длиннѣйшій:

— Милостивѣйшій государь, простите его, онъ не предатель, и невиданное дѣло, чтобы вѣшали человѣка за то, что онъ былъ искреннимъ и сострадательнымъ.

И мужчины и женщины изъ народа, слыша слова Длиннѣйшаго, кричали:

— Пощадите, милостивѣйшій государь, помилуйте, сжальтесь надъ Уленшпигелемъ!

— Этотъ мѣдный лобъ хорохорился надо мною,—промолвилъ де Люмей,—пусть покается и скажетъ, что я хорошо поступилъ.

— Желаетъ ты покаяться и сказать, что онъ хорошо поступилъ?—спросилъ Уленшпигеля Длиннѣйшій.

— Слово солдата больше не золотое слово,—стоялъ на своемъ Уленшпигель.

— Вздернуть его!—приказалъ де Люмей.

Палачъ готовъ былъ повиноваться, но въ это мгновеніе молодая дѣвушка, во всемъ бѣломъ и съ вѣнкомъ на головѣ, стремительно, словно безумная, поднялась по ступенькамъ эшафота, бросилась на шею Уленшпигеля и закричала:

— Пойдите! этотъ человѣкъ мой: я беру его себѣ въ мужа.

И народъ аплодировалъ, и женщины кричали:

— Да здравствуетъ, да здравствуетъ дѣвушка, спасающая Уленшпигеля!

— Это что такое?—освѣдомился господинъ де Люмей.

Длиннѣйшій пояснилъ:

— По стариннымъ обычаямъ этого города, право и законъ допускаютъ, чтобы молодая дѣвушка или незамужняя спасла мужчину отъ петли, взявъ его себѣ въ мужа подъ висѣлицей.

— Господь съ нимъ,—произнесъ де Люмей,—развяжите его.

Сидя верхомъ на лошади возлѣ эшафота онъ обратилъ вниманіе на дѣвушку, которая усиливалась перерѣзать петлю Уленшпигеля, и на палача, желавшаго помѣшать ея намѣренію и говорившаго:

— Если перерѣжете веревки, кто за нихъ заплатитъ.

Но дѣвушка совѣмъ не слушала его.

Видя ее такой быстрой, любящей и ловкой, онъ смягчился и спросилъ.

— Кто ты?

— Я—Нель, его невѣста,—отвѣчала она,—пришла изъ Фландріи, хотѣла его разыскать.

— Ты хорошо поступила,—промолвилъ де Люмей суровымъ тономъ и удалился.

Тогда подошелъ къ нимъ Длиннѣйшій и спросилъ:

— Женившись, останешься ль солдатомъ на нашихъ корабляхъ?

— Такъ точно,—господинъ адмиралъ,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— А ты, дѣвушка, что будешь дѣлать безъ мужа.

Нель отвѣчала:

— Если позволите, господинъ, буду флейтой на вашемъ кораблѣ.

— Хорошо согласенъ,—одобрилъ Длиннѣйшій.

И онъ подарилъ имъ два флорина на свадьбу.

И Ламъ, смѣясь и плача отъ радости, сказалъ.

— Вотъ еще три флорина: мы хорошенько покушаемъ. Я плачу. Идемъ въ Золотой Гребешокъ. Не умеръ мой другъ. Да здравствуютъ Гезы!

И народъ шумно выражалъ свое одобреніе. И они отправились въ Золотой Гребешокъ и задали тамъ пиръ горой. И Ламъ бросалъ въ открытыя окна деніе въ народъ.

И Уленшпигель говорилъ Нель.

— Голубка моя любимая, вотъ ты и со мною! Праздниковъ праздникъ! Она, моя милая подруга, здѣсь, здѣсь съ плотью и кровью, съ сердцемъ и душою! Ахъ, кроткіе твои глазки и алыя губки, съ которыхъ никогда не сорвалось дурного слова! Она, нѣжно любимая, спасла мнѣ жизнь! Ты будешь на нашемъ кораблѣ флейтой освобожденія... Помнишь... Но нѣтъ... Насталъ для насъ часъ радости, и мое теперь твое лицо милое, словно іюньскій цвѣтокъ. Я—въ раю. Но, что съ тобой, ты плачешь?

— Они ее убили,—промолвила она.

И рассказала ему печальную исторію.

И, глядя другъ на дружку, они плакали отъ любви и отъ горя.

И на пиру они пили и ѣли, и Ламъ грустно глядѣлъ ни нихъ и говорилъ:

— Эхъ! жена моя, гдѣ ты?...

И пришелъ священникъ и перевѣнчалъ Нель и Уленшпигеля.

И утреннее солнце застало ихъ рядомъ, на брачной постели.

И Нель положила свою голову на плечо Уленшпигелю. И когда она на солнцѣ проснулась, онъ сказалъ:

— Свѣжее личико и кроткое сердце мы будемъ мстителями за Фландрію.

Она поцѣловала его въ губы и молвила:

— Удалая голова и сильныя руки, Богъ благословитъ флейту и мечъ.

— Я тебя наряжу солдатомъ.

— Сейчасъ?—спросила она.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ Уленшпигель...—Но кто говоритъ, что утрення клубничка хороша? Твой ротикъ куда лучше.

IX.

Уленшпигель, Ламъ и Нель, точно такъ же, какъ и ихъ друзья и товарищи, забирали въ монастыряхъ добро, полученное съ народа при помощи крестныхъ ходовъ, лжечудесъ и другихъ римскихъ лицемѣрій. Забравшіе поступали въ данномъ случаѣ противъ приказа Молчаливаго, принца свободы, но деньги нужны были на покрытіе военныхъ расходовъ. Ламъ Гудзакъ не довольствовался одними деньгами, онъ захватывалъ монастырскія ветчину, колбасы, бутылки съ пивомъ и виномъ и съ удовольствіемъ возвращался съ ними; несъ, кромѣ того, на груди связку птицы: гусей, индюшекъ, каплуновъ; куръ и цыплятъ и тащилъ за собой на веревкѣ монастырскаго теленка, либо монастырскую свинью. И все это онъ продѣлывалъ, по его словамъ, по военному праву.

Радовался каждой добычѣ и приносилъ ее на корабль, мечтая объ устройствѣ пировъ и гульбищъ. Но приходилось разочаровываться и сѣтовать на матроса повара, плохого доку по части соусовъ и жаркихъ.

Но въ этотъ день Гезы, хлѣбнувъ побѣднаго вина, говорили Уленшпигелю:

— У тебя хорошо чутье по части новостей съ суши, ты знаешь много военныхъ приключеній: спой намъ о нихъ. Ламъ будетъ подыгрывать на барабанѣ, а милая флейта зальется подъ твою пѣсню.

И Уленшпигель началъ съ разсказа:

— Однажды, въ ясный и прохладный майскій день Людвигъ Нассаусскій собрался, было, завладѣть Монсомъ. Но смотритъ и нигдѣ не видитъ ни пѣхоты, ни конницы. А нѣсколько вѣрныхъ ему людей открыли уже ворота, спустили мостъ: легко взять городъ. Но куда же дѣлись солдаты графа Людвигъ? Граждане вотъ-вотъ поднимутъ мостъ. Графъ Людвигъ трубитъ въ свой рогъ. И Уленшпигель запѣлъ:

Гдѣ твоя пѣхота иль гдѣ конница?
Нѣтъ твоей пѣхоты, нѣтъ ни конницы:
Заблудилися въ лѣсу, рыщутъ,
Топчутъ все, не глядячи
Ни на вѣточку сухую,
Ни на ландыши въ цвѣту.
Солнце—батюшка сіяетъ,
Освѣщаетъ лица ихъ,
Лица воиновъ отважныхъ,
Крупы борзыхъ лошадей.
Людвигъ графъ рожокъ хватаетъ,
И трубитъ, трубитъ, трубитъ.
Вотъ услышали звукъ трубный.
Догадались... Тише, братъ,
Тише бейте въ барабаны...

Галопомъ погнали, галопомъ коней.
 Поводья совсѣмъ отпустили,
 Стрѣлою несутся, какъ молнья ихъ бѣгъ.
 Въ вихрь бряцаетъ оружье.
 Грузный всадникъ скачетъ—летитъ.
 Скорѣе, скорѣе на помощь!
 Ахъ!.. мостъ поднимаютъ...
 Пришпорьте сильнѣй,
 Пусть кровію сочатся бедра коней.
 Ахъ!.. мостъ поднимаютъ;
 Городъ потерянь!..

Почти доскакали...
 Ужель опоздали?!
 Бросьте поводья
 Неситесь во-всю!..
 Но вотъ на мостъ скакнулъ
 Гитуа де Шомонъ.
 На своемъ жеребцѣ.
 Мостъ опустился:
 Городъ захваченъ!
 Слышите ль топотъ
 По мостовой Монса?
 Стрѣлою несутся,
 Какъ молнья ихъ бѣгъ,
 Въ вихрь бряцаетъ оружье.

Слава Шомону съ его жеребцомъ!
 На радостяхъ въ рогъ затрубите,
 Въ барабаны ударьте...
 Мѣсяцъ сѣнокоса... Лугъ благоухаетъ
 Жаворонокъ съ пѣсней весело порхаетъ...
 Слава ему, слава!
 Птица онъ свободы.
 Въ барабаны бейте,
 Въ барабаны славы.
 Слава Шомону съ его жеребцомъ!
 На радостяхъ выпить бы надо:
 Городъ захваченъ... Да здравствуютъ Гезы!

И Гезы пѣли на корабляхъ: «Господи Исусе! Съ небеси ты воззри на своихъ солдатъ, направь намъ оружье. Да здравствуютъ Гезы!»

И Нель, улыбаясь, подыгрывала на флейтѣ, и Ламъ билъ въ барабанъ, и въ высь, къ небу, къ Божьему храму, поднимались золотые кубки и неслись гимны свободы. И волны, словно сирены, ясныя и прохладныя, созвучно плескались вокругъ корабля.

Х.

Однажды, въ августѣ, въ удушливый и знойный день, Ламъ грустилъ. Веселый его барабанъ молчалъ и спалъ, и изъ ягдташа высовывались барабанныя палочки. Уленшпигель и Нель, любовно улыбаясь, грѣлись на солнышкѣ. Караульные, помѣстившись на перекладинѣ возлѣ колокола, свистали, либо пѣли, глазами ища на раздольномъ морѣ какой-нибудь поживы. Длиннѣйшій

ихъ спрашивалъ, не видать ли чего. Они постоянно отвѣчали: «Ничего».

И Ламъ, блѣдный и понурый, жалобно вздыхалъ. И Нель спрашивала его:

— Отчего ты, Ламъ, закручинился.

И Уленшпигель говорилъ ему:

— Похудѣлъ ты, мой сыночекъ.

— Да,—соглашался Ламъ,—закручинился я и похудѣлъ. Уходить изъ моего сердца веселость, и теряетъ лицо мое свою свѣжесть. Да, можете надо мною смѣяться, вы преодолѣли тысячи опасностей и все-таки соединились. Смѣйтесь надъ бѣднымъ Ламомъ, который, при живой женѣ живетъ, словно вдовецъ, а вотъ ей,—промолвилъ онъ, указывая на Нель, пришлось вырвать своего мужа изъ объятій петли, которая будетъ его послѣдней возлюбленной. И она, слава Богу, вырвала. Но пусть она не смѣется надо мной! Да, тебѣ, моя милая Нель, не слѣдуетъ смѣяться надъ бѣднымъ Ламомъ. Моя жена и безъ того смѣется за десятерыхъ. Эхъ, вы самочки, жестоки вы къ скорбямъ другого... Да, я скорблю сердцемъ, пораженъ мечомъ покинутости... И ничто меня не подкрѣпитъ, кромѣ нея.

— Или же какого-нибудь жаркого,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Да,—согласился Ламъ, но гдѣ это жаркое на этомъ несчастномъ кораблѣ? На королевскихъ судахъ въ мясоѣдъ даютъ четыре раза въ недѣлю говядину и три раза рыбу. Что касается рыбы, то, накажи меня Богъ, если это прядево, (т. е. рыбье мясо), хоть что-нибудь мнѣ даетъ, кромѣ какъ напрасно распаляетъ кровь, мою бѣдную кровь, которая, рано ль, поздно ль, вытечетъ въ море. А у тѣхъ есть пиво, сыръ, супъ и хорошая выпивка. Да, у нихъ есть все, чего пузо просить: сухари, ржаной хлѣбъ, пиво, масло, солонина, да все: сухая рыба, сыръ, горчица, соль, бобы, горохъ, крупа, уксусъ, оливковое масло, сало, дрова и уголь. А мы, мы боимся забирать скотъ, чей бы онъ ни былъ: купеческій, монастырскій или дворянскій. Мы ѣдимъ селедки и пьемъ слабое пиво. Ахъ! Ничего у меня больше нѣтъ: ни жениной любви, ни хорошаго вина, ни забористаго пива, ни хорошей пищи. Какія здѣсь у насъ радости?!

— Сейчасъ скажу какія,—не утерпѣлъ Уленшпигель.—Око за око, зубъ за зубъ. Въ Парижѣ въ одну Варѣоломеевскую ночь они убили въ одномъ городѣ Парижѣ десять тысячъ свободныхъ сердецъ. Король лично стрѣлялъ по своему народу... Проснись, фламандецъ, схвати топоръ и дѣйствуй имъ безпощадно. Вотъ въ чемъ наши радости. Бей и испанца, врага и католика, бей всюду, гдѣ ни встрѣтишь. Брось толковать о кор-

межкѣ!.. Полныя телѣги накладывали они жертвами, не разбирая ни живыхъ, ни мертвыхъ, везли и бросали въ воду. Мертвыхъ и живыхъ, понимаешь ты, Ламъ?! Сена была красна цѣлыхъ девять дней. И вороны тучами носились надъ городомъ. Въ Шаритѣ, Руанѣ, Тулузѣ, Ліонѣ, Бордо, Буржѣ, Мо происходило страшное избіеніе. Представь себѣ своры наѣвшихся до отвала собакъ, лежащихъ вблизи труповъ! Зубы у нихъ притомились. Полетъ вороновъ сталъ тяжеле; переполнили они свои животы мясомъ жертвъ. Не слышишь ли ты, Ламъ, голоса душъ, вопіющихъ о мщеніи и состраданіи?.. Пробудись, фламандецъ!.. Ты говоришь о своей женѣ. Я не считаю ее невѣрной, напротивъ, влюбленной въ тебя до безумія. И она все еще любитъ тебя, мой бѣдный другъ: ея навѣрное не было въ числѣ тѣхъ придворныхъ дамъ, которыя въ памятную ночь избіенія, своими тонкими руками оголяли трупы, чтобы убѣдиться въ великости или малости ихъ плотской мужественности. И онѣ, эти важныя дамы, при этомъ сладострастно смѣялись. Наслаждайся, мой сыночекъ, но не рыбой и слабымъ пивомъ. Отрыжка послѣ селедки противна, но еще противнѣй запахъ этой мерзости. Убійцы задаютъ обѣды и плохо вымытыми руками, разрѣзаютъ жирныхъ гусей и угощаютъ ими парижскихъ нѣжныхъ барышенъ, крылышками, ножками и гузками. Онѣ недавно ощупывали другое мясо, мясо холодное.

— Я больше не буду жаловаться, мой сыночекъ,—промолвилъ Ламъ вставая.—Для свободныхъ сердецъ селедка—та же овсянка, слабое пиво—та же мальвазія.

И Уленшпигель сказалъ:

Да здравствуютъ Гезы!
Не печальтесь братья.
На развалинахъ и крови
Расцвѣла свободы роза.

Самъ Богъ за насъ,
Кто жъ противъ насъ?!
Послѣ торжества гіэны
Чередъ льва, вѣдь, наступаетъ.

Распоровъ ей брюхо мигомъ
Наземъ онъ ее кидаетъ.
Око за око, зубъ за зубъ.
Да здравствуютъ наши Гезы!

И Гезы на корабляхъ пѣли:

Герцогъ намъ готовитъ участь
Ту же, что и мы ему.
Око за око, зубъ за зубъ,
Кровь за кровь. За здравье Гезовъ!

XI.

Однажды, темной ночью гроза грохотала въ глубинѣ тучъ. Уленшпигель находился на мосткѣ съ Нель и сказалъ:

— У насъ всѣ огни погашены. Мы, лисицы, подстерегаемъ испанскихъ пулярокъ, т.-е. ихъ двадцать два богатыхъ корабля, на которыхъ горятъ фонари. Фонари эти для нихъ звѣзды несчастья. И мы погонимся за ними.

Нель промолвила:

— Эта ночь—колдовская. Это небо черно, какъ адова пасть, эти молніи сверкаютъ, словно усмѣшка Сатаны, далекая гроза глухо грохочетъ, чайки проносятся съ громкимъ крикомъ. Море катитъ волны, и онѣ по-змѣиному свѣтятся. Тиль, мой возлюбленный, пойдемъ къ духамъ. Прими порошокъ, что посылаетъ видѣнія.

— Увижу ль я тогда семерыхъ, моя голубка?..

И они приняли порошокъ, что посылаетъ видѣнія, и увидали страшное зрѣлище.

Небо, земля, море были полны мужчинъ, женщинъ, дѣтей, работавшихъ, плившихъ или бредившихъ. Море ихъ качало. Земля несла на себѣ. И они копошились, словно угри въ корзинѣ.

Семеро мужчинъ и женщинъ сидѣли посрединѣ неба, на тронахъ, и по звѣздѣ горѣло у нихъ во лбахъ. Но обрисовывались они такъ смутно, что Нель и Уленшпигель отчетливо видѣли лишь ихъ звѣзды.

Море, вздымаясь до самаго неба, катило въ своей пѣнѣ безчисленное множество кораблей, мачты и снасти которыхъ сталкивались, перекрещивались, разбивались, съ трескомъ ломались въ тактъ съ бурнымъ движеніемъ волнъ. Потомъ выдѣлился одинъ корабль среди всѣхъ прочихъ. Его нижняя часть была изъ плававшего, какъ огонь, желѣза. Киль его изъ отточенной, точно ножъ, стали. Вода подъ нимъ кричала, стонала. На кормѣ сидѣла Смерть, скалила зубы и, держа въ одной рукѣ косу, въ другой кнутъ, хлестала имъ по семерымъ людямъ. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкомъ скорбнымъ, худымъ, надменнымъ и безмолвнымъ. Онъ держалъ въ одной рукѣ скиптръ, въ другой мечъ. Возлѣ него верхомъ на козѣ находилась краснолицая удалая женщина, съ обнаженными грудями, въ открытомъ платьѣ и съ веселыми глазами. Она похотливо тянулась въ сторону стараго еврея, подбирававшего гвозди, и толстаго чванливаго мужчины, падавшего каждый разъ, когда его ставила на ноги. Въ это время худая, разъярившаяся женщина била ихъ обоихъ.

Толстякъ и его краснолицая подруга не отвѣчали на побои. Между ними монахъ ѣлъ сосиски. Какая-то женщина ползала по землѣ среди окружающихъ, точно змѣя. Она укусила стараго еврея, позавидовавъ его старымъ гвоздямъ, толстяка ради его слишкомъ веселаго вида, краснолицую женщину ради влажнаго блеска ея глазъ, монаха за то, что ѣлъ сосиски и тщедушнаго челоуѣка, позавидовавъ его скиптру. И вскорѣ всѣ начали драться.

Когда Уленшпигель и Нель прошли мимо нихъ, сраженіе было въ полномъ разгарѣ на морѣ, въ небѣ и на землѣ. Пошелъ кровавый дождь. Корабли разбивались подъ ударами топоровъ, мушкетовъ, пушекъ. Обломки ихъ летали въ воздухѣ среди порохового дыма. На сушѣ арміи сталкивались, словно мѣдныя стѣны. Подъ крики и слезы горѣли, пылали города, деревни, сжатые нивы. Высокія колокольни, въ каменныхъ кружевахъ, ярко выдѣлившись въ пламени своими гордыми силуэтами, съ трескомъ падали, словно подрубленные дубы. Черные всадники съ мечомъ, пистолетомъ, тѣсными рядами, словно муравьи, поражали мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Иные изъ нихъ вырывали во льду ямы и погружали въ нихъ живыми стариковъ. Одни вырѣзали женщинамъ груди и посыпали раны перцемъ, другіе вѣшали дѣтей на дымовыхъ трубахъ. Тѣ, кто уставалъ бить, насиловалъ дѣвушекъ или женщинъ, пилъ, игралъ въ домино и, двигая грудями награбленнаго золота, запускалъ въ него свои красные пальцы.

Семеро, увѣнчанныхъ звѣздами, кричали:

«Сжальтесь надъ несчастными людьми!»

И призраки, оскаливъ зубы, издѣвались. И голоса ихъ уподоблялись слившимся крикамъ тысячи морскихъ орловъ. И смерть махала своей косою.

— Слышишь?—спрашивалъ Уленшпигель.—Это хищныя птицы, нападающія на бѣдныхъ людей. Они живутъ малыми птицами, простыми и добрыми.

Семеро, увѣнчанныхъ звѣздами, кричали:

«Люби, справедливости, состраданія!»

И семь призраковъ издѣвались. И голоса ихъ похожи были на слившійся крикъ тысячи морскихъ орловъ. И смерть ихъ хлестала своимъ кнутомъ.

И огненный корабль проносился по волнамъ, разрѣзая пополамъ суда, лодки, мужчинъ, женщинъ, дѣтей. На морѣ раздавались жалобные стоны жертвъ.

— Пощадите!

И красный корабль проходилъ по нимъ всѣмъ, и призраки, смѣясь, кричали по-орлиному.

И смерть, издѣваясь и скаля зубы, пила кровавую воду.

Но вотъ исчезъ корабль въ туманѣ, кончилась битва, исчезли также и семеро, увѣнчанныхъ звѣздами.

И Уленшпигель и Нель видѣли теперь только черное небо, зыбкое море, мрачныя тучи, надвигавшіяся на фосфорически свѣтившуюся воду и, совсѣмъ вблизи, красныя звѣзды.

Это были фонари двадцати двухъ испанскихъ кораблей. Море и громъ глухо рокотали.

И Уленшпигель тихо ударилъ въ набатный колоколъ и закричалъ: «Испанецъ! испанецъ, плыветъ на Флессингенъ!» И крикъ его былъ повторенъ цѣлымъ флотомъ.

И Уленшпигель сказалъ Нель:

— Сѣрое покрывало ложится на небо и на море. Фонари тускло горятъ: заря занимается, вѣтеръ свѣжѣетъ, волны перебрасываютъ свою пѣну черезъ мостки кораблей, идетъ сильный дождь, скоро онъ перестанетъ. Лучезарное солнце встаетъ и золотитъ гребни волнъ: это—твоя улыбка, Нель, свѣжая, точно утро, милая, словно лучъ.

Двадцать два испанскихъ корабля проходятъ. На корабляхъ Гезовъ бьютъ въ барабаны, играютъ на флейтахъ. Де Люмей кричитъ: «Во имя государя принца Оранскаго въ погоню!» Эвонъ Питерсенъ Вортъ, помощникъ адмирала, кричитъ: «Во имя государя принца Оранскаго и господина адмирала въ погоню!» На всѣхъ корабляхъ: на «Іоаннѣ», «Лебеди», «Аннѣ-Ми», «Гезахъ», «Компромиссѣ», «Д'Эгмонтѣ», «Де Горнѣ», «Вилленѣ Цвигерѣ», «Вильгельмѣ Молчаливомѣ» всѣ капитаны кричали: «Во имя государя принца Оранскаго въ погоню!»

— Въ погоню! Да здравствуютъ Гезы!—кричали солдаты и матросы.

Судно Длиннѣйшаго съ Ламомъ и Уленшпигелемъ, называвшееся «Бриль», въ сопровожденіи «Іоанны», «Лебеда» и «Гезовъ» овладѣваетъ четырьмя непріятельскими кораблями. Гезы кидаютъ въ воду всѣхъ испанцевъ, берутъ въ плѣнъ лишь обитателей Нидерландовъ, оставляютъ отъ захваченныхъ кораблей, словно отъ выѣденнаго яйца, одну скорлупку и предоставляютъ имъ плыть безъ мачтъ и парусовъ въ рейды. Затѣмъ гонятся за остальными восемнадцатью. Жестокій вѣтеръ дуетъ изъ Антверпена. Стѣнки быстрыхъ кораблей накрываются въ воду подъ тяжестью парусовъ, раздутыхъ, точно щеки монаховъ, кухоннымъ вѣтромъ. Быстро плывутъ непріятельскія суда. Гезы подъ огнемъ изъ фортовъ ихъ преслѣдуютъ до Миддельбургской гавани. Тамъ завязывается кровавый бой. Съ топорами бросаются Гезы на мостки кораблей, устилаютъ вскорѣ палубу отрубленными руками, но-

гами; ихъ нужно будетъ послѣ битвы корзинами бросать въ воду. Форты стрѣляютъ по нимъ. Они потѣшаются надъ этой стрѣльбой и кричатъ: «Да здравствуютъ Гезы!» забираютъ съ вражескихъ судовъ, пороховъ, пушки, пули и зерновой хлѣбъ; опустошивъ все, поджигаютъ, а сами уходятъ въ Флессингенъ, оставивъ обломкамъ дымиться и пылать въ рейдахъ.

Изъ Флессингена они станутъ посылать отряды для прорыва зеландскихъ и голландскихъ плотинъ, для постройки новыхъ кораблей, типа голландскихъ флиботовъ, вмѣстимостью въ сто сорокъ тоннъ, способныхъ провести до двадцати чугунныхъ пушекъ.

XII.

Идетъ снѣгъ на корабляхъ. Воздухъ очень бѣлъ, кругомъ на далекое разстояніе падаетъ снѣгъ, мягко падаетъ въ воду и таетъ въ ней.

На сушѣ тоже идетъ снѣгъ. Побѣлѣли дороги, совсѣмъ бѣлыми сдѣлались черные остовы обезлиствѣвшихъ деревьевъ. Ни малѣйшаго шума. Лишь далеко въ Гаарлемѣ раздаются удары часового колокола, да радостный карильонъ посылаетъ въ плотный воздухъ свои заглушенные ноты...

Не звоните колокола! не играйте вашу простую и милую мелодію! Донъ Фридрихъ, отродье кроваваго герцога, приближается. Онъ идетъ на тебя, Гаарлемъ, городъ свободы, съ тридцатью пятью испанскими отрядами, твоими смертельными врагами, съ восемнадцатью нѣмецкими, двадцатью двумя валлонскими отрядами, восемьсотъ лошадей ведетъ за собой, сильная артиллерія за нимъ слѣдуетъ.

Слышишь ли шумъ влекомыхъ на телѣгахъ убійственныхъ желѣзныхъ орудій. Пушки разнаго калибра съ большими жерлами—все это для тебя, Гаарлемъ! Колокола, не звоните! Не пускай, карильонъ, радостныхъ нотъ въ плотный воздухъ, насыщенный снѣгомъ.

— Нѣтъ, мы, колокола, будемъ звонить! Я, карильонъ, буду пѣть, пуская смѣлая ноты въ плотный воздухъ, насыщенный снѣгомъ. Гаарлемъ—городъ храбрыхъ сердецъ, отважныхъ женщинъ. Безъ боязни смотреть онъ съ высоты своихъ колоколенъ, на волнующійся адскій муравейникъ черныхъ ордъ палачей. Уленшпигель, Ламъ и сто Гезовъ морскихъ—въ его стѣнахъ. Флотъ ихъ крейсруетъ въ озерѣ.

— Пусть идутъ!—говорятъ жители.—Мы—не солдаты, мы—купцы, рыбаки и женщины. Сынъ герцога Альбы не признаетъ

другихъ ключей для вступленія въ городъ, кромѣ своихъ пушечныхъ. Пусть открываетъ ими, если можетъ, наши некрѣпкія ворота, позади нихъ онъ найдетъ мужчинъ. Звоните колокола, посылай, карильонъ, твои радостныя ноты въ плотный воздухъ, насыщенный снѣгомъ!

У насъ только и оплота, что некрѣпкія стѣны да крѣпостныя рвы стараго фасона. Четырнадцать пушекъ извергаютъ свои ядра, вѣсомъ въ сорокъ шесть ливровъ, на городскія ворота. Замѣняйте выпавшіе камни людьми! Наступаетъ ночь, каждый работаетъ и къ утру глядите, словно никогда тутъ пушка не стрѣляла. Противъ воротъ *Sguys-roort* выпустили они шестсотъ восемьдесятъ ядеръ. Противъ воротъ Сень-Жанъ — семьдесятъ пять. А ключи, оказывается, все-таки, не дѣйствуютъ, ворота не открываются: за ними воздвигся новый валъ. Звоните колокола! Посылай, карильонъ, въ плотный воздухъ твои радостныя ноты.

Пушка бьетъ, бьетъ неустанно по стѣнамъ, камни разлетаются въ разныя стороны, часть стѣны рушится. Брешь достаточна, чтобы провести черезъ нее отрядъ войска. «На приступъ!» Убивай! убивай! — кричатъ они. Взабираются: ихъ — десять тысячъ. Пусть переходятъ черезъ рвы, пусть перебрасываютъ мосты, ставятъ лѣстницы. Наши пушки наготовѣ. Вотъ стадо, обреченное на смерть. Привѣтствуйте ихъ, пушки свободы. Онѣ и привѣтствуютъ: дубовыя ядра, смоляные, пылающіе обручи летаютъ и, свистя, пробиваютъ, рѣжутъ, зажигаютъ, ослѣпляютъ ряды осаждающихъ, которые ослабѣваютъ и бѣгутъ въ безпорядкѣ. Пятнадцать сотъ труповъ устилаютъ ровъ. Звоните, колокола! И ты, карильонъ, посылай въ плотный воздухъ свои радостныя ноты!

«Назадъ, на приступъ!»... — Но они не смѣютъ. Они принимаются за стрѣльбу и начинаютъ вести подкопы. Мы тоже знакомы съ веденьемъ подкоповъ. Подведя, не забудьте зажечь фитиль. Отбѣгайте! Мы увидимъ прекрасное зрѣлище! Четыреста испанцевъ взлетаютъ на воздухъ. Это еще не дорога въ огонь неугасимый. Ахъ! это — прекрасный танецъ подъ серебряную музыку нашихъ колоколовъ, подъ радостную музыку нашего карильона!

Враги не сомнѣваются, что принцъ бдитъ надъ нами, что каждый день къ намъ, по путямъ, хорошо охраняемымъ, подвозятъ на саняхъ хлѣбъ и порохъ. Хлѣбъ для насъ, порохъ для нихъ. Гдѣ ихъ шестсотъ нѣмцевъ, которыхъ мы убили и утопили въ Гаарлемскихъ лѣсахъ? Гдѣ ихъ одиннадцать знаменъ, которыя мы у нихъ отняли, шесть пушекъ и пятьдесятъ быковъ? У насъ былъ цѣлый рядъ стѣнъ, теперь осталось изъ нихъ только

двѣ. Даже женщины дерутся, и Кеннанъ ведетъ ихъ храбрую дружину. Идите же къ намъ, палачи, маршируйте по нашимъ улицамъ, дѣти своими маленькими ножами обрѣжутъ вамъ икры. Звоните, колокола! И ты, карильонъ, посылай въ плотный воздухъ свои радостныя ноты!...

Но счастье не съ нами. Флотъ Гезовъ разбитъ въ озерѣ. Разбито войско, посланное намъ на помощь Оранскимъ... Морозъ, сильный морозъ... Нѣтъ больше помощи... И вотъ затѣмъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ сопротивляется тысяча насъ противъ десяти тысячъ ихъ... Настала пора разсчитаться съ палачами. Пожелаетъ ли отродье герцога, поклявшееся насъ погубить, считаться съ нами? Пусть всѣ наши солдаты выходятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Они прорвутъ вражескіе ряды. Но женщины наши у воротъ, онѣ боятся, какъ бы ихъ однѣхъ не оставили охранять городъ. Не звоните больше, колокола! Не посылай, карильонъ, въ плотный воздухъ свои радостныя ноты.

Вотъ и іюнь. Сѣно благоухаетъ, хлѣба золотятся на солнцѣ, птицы поютъ... Мы голодали пять мѣсяцевъ. Городъ въ траурѣ. Мы рѣшили выйти всѣмъ міромъ изъ Гаарлема: стрѣлки впереди для очистки пути, женщины, дѣти и городское управленіе позади, подъ охраной инфантеріи, охраняющей проломъ въ стѣнѣ... Письмо, письмо отъ «кроваваго отродья». Не смерть ли объявляетъ? Нѣтъ, жизнь всѣмъ, кто находится въ городѣ. О неожиданная пощада! О ложь, быть можетъ! Будешь ли еще пѣть, радостный карильонъ? Они вступаютъ въ городъ.

Уленшпигеля, Лама и Нель переодѣли въ платье нѣмецкаихъ солдатъ и заперли вмѣстѣ съ ними, въ числѣ шестиста, въ монастырѣ святого Августина.

— Сегодня мы умремъ,—очень тихо промолвилъ Уленшпигель Ламу.

И онъ прижалъ къ своей груди милую Нель, дрожащую отъ страха.

— Ахъ! жена моя, не увижу я больше ее никогда!—воскликнулъ Ламъ. Но, можетъ быть, наши костюмы нѣмецкихъ солдатъ спасутъ намъ жизнь.

Уленшпигель качалъ головою въ знакъ того, что не разсчитываетъ ни на какую милость.

— Я не слышу шума грабежа,—сказалъ Ламъ.

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Купцы и люди зажиточные заплатили двѣсти сорокъ тысячъ флориновъ съ условіемъ, чтобы не было грабежей. При этомъ наши обязались уплатить сто тысячъ флориновъ въ теченіе двѣнадцати дней и остальные деньги черезъ три мѣсяца.

Женщинамъ было отдано приказаніе удалиться въ храмы. Безъ сомнѣнія сейчасъ начнется избіеніе. Слышишь: стучать молоткомъ, строятъ эшафоты, воздвигаютъ висѣлицы?

— Ахъ! умремъ мы!—вырвалось у Нель.—Я голодна.

— Да,—промолвилъ Ламъ на ухо Уленшпигелю,—«кровавое отродье» сказало, что, изголодавшись, мы будемъ послушнѣе, когда насъ поведутъ на казнь.

— Мнѣ такъ хочется ѣсть,—снова вырвалось у Нель.

Вечеромъ пришли солдаты и роздали хлѣба на шестерыхъ.

— Триста солдатъ валлоновъ повѣшены на рынкѣ,—разсказали они.—Скоро придетъ и вашъ чередъ. Вѣчно надо женить этихъ Гезовъ на висѣлицахъ.

На слѣдующій день подъ вечеръ снова пришли они съ хлѣбомъ на шестерыхъ.

— Четыремъ важнымъ, почтеннымъ горожанамъ отрубили головы. Двѣсти сорокъ девять солдатъ были связаны попарно и брошены въ море. Вотъ будутъ-то жирными морскіе раки въ этомъ году! Неважный у васъ видъ сейчасъ: съ седьмого іюля ужъ вы находитесь здѣсь. А нидерландцы, извѣстно, отъявленные обжоры и пьяницы. Вотъ намъ, испанцамъ, двухъ фигъ достаточно на ужинъ.

— Вѣроятно поэтому,—отозвался Уленшпигель,—вы куда ни придете, всюду требуете себѣ четыре мясныхъ блюда, разныхъ жаркихъ, пулярокъ, сливокъ, винъ и варенья. Молока для мойки вашихъ начальниковъ и вина для купанья лошадиныхъ ногъ.

Восемнадцатаго іюля Нель сказала:

— У меня ноги мокры. Что это означаетъ?

— Отъ крови,—промолвилъ Уленшпигель.

Вечеромъ солдаты вновь явились съ хлѣбомъ на шестерыхъ.

— Тамъ, гдѣ не хватаетъ петли, мечъ дѣлаетъ свое дѣло. Триста солдатъ и двадцать семь почтенныхъ горожанъ, замышлявшихъ побѣгъ, прогуливаются теперь въ аду, съ головами подъ мышками.

На другой день кровь опять проникла въ монастырь. Солдаты не пришли больше съ хлѣбомъ, а явились лишь для поворки плѣнныхъ и сказали:

— У пятисотъ валлоновъ, англичанъ и шотландцевъ, обезглавленныхъ вчера, были упитанныя лица. А эти вѣроятно голодны, но кому же и помирать отъ голода, если не Гезамъ?

И, дѣйствительно, всѣ плѣнные въ монастырѣ были блѣдны, истощены, изнурены и, словно призраки, дрожали въ лихорадкѣ.

Шестнадцатаго августа, въ пять часовъ вечера, со смѣхомъ вошли солдаты и дали имъ хлѣба, сыру и пива. Ламъ промолвилъ:

— Это—пиръ смерти.

Въ десять часовъ пришло четыре эшелона. Начальники приказали открыть монастырскія ворота и велѣли плѣннымъ подъ звуки трубъ и барабановъ шествовать по четыре въ рядъ до тѣхъ поръ, пока имъ не прикажутъ остановиться. Нѣкоторыя улицы были красны. И плѣнные направлялись на поле висѣлицъ.

То въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ на лугу стояли лужи крови. И вокругъ всей стѣны виднѣлась кровь. Вороны тучами слетались съ разныхъ сторонъ. Солнце пряталось на ложѣ, окутанномъ туманомъ, небо было свѣтло еще, и въ глубинѣ его пробуждались робкія звѣзды. Вдругъ послышалось жалобное зыванье.

Солдаты говорили:

— Это Гезы кричатъ, запертые въ фортъ Фійкэ, за городомъ, ихъ оставили умирать голодной смертью.

— Мы тоже,—промолвила Нель,—скоро умремъ,—и заплакала.

— Прахъ бьется на сердцѣ у меня,—произнесъ Уленшпигель.

— Ахъ!—вырвалось у Лама по-фламандски,—конвойные не понимали этого гордаго языка,—ахъ, если бъ я могъ схватить этого кроваваго герцога и заставить его ѣсть, пока не лопнетъ, все и всѣ веревки, висѣлицы, скамьи, пыточные кобылки, гири и сапожки! Если бъ могъ заставить выпить всю пролитую имъ кровь! Пусть бы отъ жестокихъ ранъ лопнула его кожа, вывалились кишки, и пусть бы, все-таки, онъ не выпускалъ духа. Тогда бы я вырвалъ у него изъ груди ядовитое сердце и заставилъ бы съѣсть его неваренымъ. И зналъ бы я тогда навѣрное, что кончается онъ въ кипящей смолѣ сѣрной, и что дьяволъ неустанно заставляетъ его пожирать эту смолу, и мучится онъ такъ до скончанія вѣковъ.

— Аминь,—отозвались Уленшпигель и Нель.

— Но, не видишь ли ты чего-нибудь?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

— А я вижу,—продолжала Нель,—на западѣ пятеро мужчинъ и двѣ женщины, сидящихъ въ кружокъ. На одномъ изъ мужчинъ золотая корона. Онъ кажется начальникомъ среди другихъ, очень оборванныхъ. Я вижу движется съ востока и другая семерка. Кто-то ими также командуетъ, одѣтъ онъ въ красное одѣяніе, но безъ короны. И эти семеро наступаютъ на восточную семерку. И они бьются съ нею въ облакахъ... Но больше я не могу ничего разобрать.

— Семеро,—промолвилъ Уленшпигель.

— Я слышу,—снова начала Нель,—возлѣ насъ, въ листвѣ голосъ, тихій-тихий, точно чье-то дыханье:

И войною и огнемъ,
Смертью лютой и мечомъ
Ищи.
Въ морѣ крови и слезахъ,
Разрушеньяхъ и смертяхъ,
Найди.

— Эти другіе освободятъ намъ землю фламандскую,—отвѣчалъ Уленшпигель. Ночь становится темнѣе, солдаты зажигаютъ факелы. Мы недалеко отъ поля висѣлицъ. О, моя возлюбленная, зачѣмъ ты пошла за мною?! Ты ничего больше не слышишь, Нель?

— Слышу,—промолвила она,—лязгъ оружія въ хлѣбахъ на нивѣ. И тамъ, на косогорѣ, надъ дорогой, по которой мы идемъ, видишь, искрится на стали красный свѣтъ нашихъ факеловъ? Я вижу огненные точки мушкетныхъ фитилей. Что наша стража спитъ, или же ослѣпла? Слышишь ты этотъ грохотъ? Видишь, падаютъ испанцы, пронзенные пулями? Слышишь: «Да здравствуютъ Гезы?» Они съ пиками взбѣгаютъ по тропинкѣ съ топорами спускаются по откосу. Да здравствуютъ Гезы!

— Да здравствуютъ Гезы!—кричатъ всѣ плѣнные.

— Мушкетеры безпрестанно стрѣляютъ, — говоритъ Нель, — освѣщенные собственными факелами они падаютъ точно мухи. Да здравствуютъ Гезы!

— Да здравствуютъ Гезы!—кричитъ отрядъ спасителей.

— Да здравствуютъ Гезы!—кричитъ Уленшпигель вмѣстѣ съ плѣнными.—Испанцы въ желѣзномъ кольцѣ. Ни одного не осталось больше на ногахъ. Убивай! Не щади! война беспощадная!... А теперь давай Богъ ноги, удирайте въ Энкгюйзъ. У кого есть суконная и шелковая одежда палачей? У кого ихъ оружье?

— У всѣхъ! у всѣхъ! кричатъ освободители.—Да здравствуютъ Гезы!

И, въ самомъ дѣлѣ, они на баркѣ возвращаются въ Энкгюйзъ, гдѣ нѣмцы, освобожденные вмѣстѣ съ ними, остались для охраны города.

И Ламъ, Нель и Уленшпигель снова отыскивали свои корабли. И вновь они распѣваютъ на вольномъ морѣ: «Да здравствуютъ Гезы»!

И они крейсерируютъ въ рейдѣ Флессингена.

XIII.

Здѣсь Ламъ опять повеселѣлъ. Съ удовольствіемъ сходилъ онъ на берегъ и, словно на зайцевъ, оленей и овсянокъ охотился на быковъ, барановъ и пулярокъ.

И онъ не въ одиночествѣ отправлялся на эту питательную охоту. И пріятно было видѣть возвращающихся съ охоты охотниковъ подъ командой Лама. Они за рога тащили крупный скотъ, гнали мелкій, хворостиной подгоняли стадо гусей и на концахъ своихъ посоховъ, несмотря на запрещеніе, несли куръ, цыплятъ и пулярокъ.

И устраивались на корабляхъ пиршества. И Ламъ приговаривалъ: «Запахъ соусовъ поднялся къ небу, господа ангелы радуются въ небесахъ и говорятъ: «Чувствуется самый лучший сортъ говядины».

Пока они крейсеровали, приплылъ торговый флотъ изъ Лиссабона, начальникъ этого флота не зналъ, что Флессингенъ попалъ въ руки Гезовъ. Ему приказываютъ бросить якорь: онъ окруженъ. Да здравствуютъ Гезы! Барабаны и флейты возвѣщаютъ начало боя. У купцовъ есть пушки, пики, топоры, мушкеты.

Пули и ядра дождемъ сыплются съ кораблей Гезовъ. Ихъ мушкетеры, засѣвъ въ маленькія деревянныя крѣпостцы возлѣ большихъ мачтъ, мѣтко и безъ риска для себя стрѣляютъ.

Купцы, словно мухи, валятся на землю.

— На выручку!—кричалъ Уленшпигель Ламу и Нель,—на выручку! Вотъ бакалея, дорогая домашняя утварь, драгоценные товары, сахаръ, мускусъ, гвоздика, инбирь, реалы, дукаты, золотыя, блестящія монеты, бараны. Больше пяти тысячъ монетъ. Испанецъ оплатитъ военныя издержки. Выпьемъ! Отслужимъ обѣдню Гезовъ, т.-е. битву.

И Уленшпигель съ Ламомъ носились всюду, точно львы. Нель играла на флейтѣ подъ защитой деревянной крѣпостцы. Весь флотъ былъ захваченъ.

Посчитали мертвыхъ. У испанцевъ ихъ было тысяча, у Гезовъ триста. Среди убитыхъ оказался и поваръ съ флибота «Бриль».

Уленшпигель просилъ позволенія говорить передъ Длиннѣйшимъ и матросами. Длиннѣйшій охотно разрѣшилъ ему это. И онъ къ нимъ держалъ такую рѣчь:

— Господинъ адмиралъ и вы, товарищи, только что мы получили большое наслѣдство бакалеей, и вотъ передъ вами Ламъ, добрый пузанъ, который находитъ, что покойный нашъ поваръ, дай Богъ ему царство небесное, небольшимъ былъ докой по части жаркихъ. Назначимъ Лама на мѣсто покойнаго повара, и онъ вамъ приготовитъ божественныя рагу и райскіе супы.

— Хорошо,—одобрили Длиннѣйшій и другіе.—Ламъ будетъ поваромъ на кораблѣ. Пусть онъ запасется большой суповой ложкой для сниманья накипи съ своихъ соусовъ.

— Господинъ адмиралъ и вы, друзья-товарищи,—молвилъ Ламъ,—вы видите, я плачу отъ радости, ибо не заслуживаю такой высокой чести. Но благоволили вы прибѣгнуть къ моему недостоинству, и принимаю я на себя благородныя обязанности знатока по части жаркихъ на храбромъ флиботѣ «Брилъ». Хотя позвольте сказать, покорнѣйше прошу васъ: облеките меня высшимъ завѣдываніемъ кухней такъ, чтобы были за вашимъ поваромъ законъ, право и сила помѣшать всякому, кто пожелалъ бы съѣсть чужую порцію.

Длиннѣйшій и прочіе воскликнули:

— Да здравствуетъ Ламъ! будутъ за тобой законъ, право и сила.

— Но,—продолжалъ онъ,—есть у меня къ вамъ и другая покорнѣйшая просьба: я—жиренъ, великъ ростомъ и крѣпокъ, глубоко мое чрево. Моя бѣдная жена, да возвратитъ мнѣ ее Господь, удѣляла мнѣ всегда двѣ порціи вмѣсто одной. Окажите мнѣ тоже эту милость.

Длиннѣйшій и матросы сказали:

— Ты получишь двѣ порціи.

И Ламъ, вдругъ сдѣлавшись грустнымъ, промолвилъ:

— Жена моя, милая моя голубка! если что-нибудь можетъ утѣшить меня въ твоёмъ отсутствіи, то только воспоминаніе, при исполненіи моихъ обязанностей, о твоей божественной кухнѣ въ нашемъ миломъ домѣ.

— Нужно тебѣ теперь присягнуть, мой сыночекъ,—шутилъ Уленшпигель. Пускай принесутъ большую разливательную ложку и мѣдный котелъ.

— Клянусь,—сказалъ Ламъ,—Богомъ, да будетъ Онъ мнѣ помощникомъ, клянусь въ вѣрности милостивѣйшему государю, принцу Оранскому, по прозванію Молчаливому, королевскому намѣстнику въ Голландіи и Зеландіи, въ вѣрности господину де Люмею, адмиралу, командующему нашимъ доблестнымъ флотомъ, и господину Длиннѣйшему, вице-адмиралу и капитану корабля «Брилъ». Клянусь кормить наилучшимъ образомъ, какимъ только смогу, по правиламъ и обычаямъ старинныхъ прекрасныхъ поваровъ, оставившихъ послѣ себя великолѣпныя книги съ картинками, кормить мясомъ и птицей, дарованными намъ самой Судьбою, вышешпоименованнаго господина Длиннѣйшаго, нашего капитана, его помощника, друга моего Уленшпигеля, и всѣхъ васъ: старшихъ мичмановъ, лоцмановъ, боцмановъ, техниковъ, канонировъ, кравчихъ, подручныхъ капитана, костоправа, барабанщиковъ, матросовъ и прочихъ. Если жаркое будетъ не дожарено, птица мало поджариста, если у супа будетъ

непріятный привкусъ, вредный для хорошаго пищеваренія, если запахъ соуса не заставитъ всѣхъ васъ ринуться въ кухню, хотя бы и помимо моей воли; если вы не нагуляете у меня веселыхъ и добрыхъ рожъ, я сложу съ себя свои благородныя обязанности и буду считать себя неспособнымъ сидѣть дольше на кухонномъ тронѣ. Итакъ да поможетъ мнѣ Господь на этомъ и на томъ свѣтѣ.

— Да здравствуетъ поварь-дока!—воскликали присутствовавшіе, кухонный король, императоръ жаркихъ. По воскресеньямъ выдавать ему тройную порцію вмѣсто двойной!

И Ламъ сдѣлался поваромъ на кораблѣ «Бриль». И пока смачный супъ варился въ кастрюлькѣ, новый поваръ гордо стоялъ на порогѣ кухни, держа въ рукахъ, словно скиптръ, разливательную деревянную ложку.

И онъ получалъ въ воскресенье тройной коштъ.

Когда Гезы вмѣстѣ съ нимъ брали въ плѣнъ непріятелей, онъ охотно оставался въ своей лабораторіи соусовъ; но выходилъ изъ нея для мушкетной стрѣльбы; пострѣлявъ, снова спускался и бдѣлъ надъ своими соусами.

Итакъ, онъ оказался усерднымъ поваромъ и храбрымъ солдатомъ и былъ любимъ каждымъ.

Но никто не долженъ былъ проникать въ его кухню. Тогда онъ превращался въ чорта и билъ беспощадно своей деревянной, разливательной ложкой по животу и по спинѣ нарушителя этого правила.

И вновь ему дали прозвище «Ламъ-Левъ».

XIV.

По океану и Шельдѣ въ солнечную погоду, въ дождь, въ снѣгъ, въ градъ, зимою, въ морозъ и лѣтомъ скользятъ корабли Гезовъ.

На всѣхъ парусахъ летятъ, словно лебеди, лебеди бѣлой свободы.

Бѣлый во имя свободы, синій во имя величія, оранжевый въ честь принца, вотъ флагъ этихъ гордыхъ судовъ.

На всѣхъ парусахъ, несутся храбрые корабли, волны ихъ качаютъ, волны орошаютъ ихъ пѣной.

Они, гордые суда Гезовъ, плывутъ, несутся на оттянутыхъ къ водѣ парусахъ, точно тучи, гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ. Слышите? носъ ихъ разсѣкаетъ волну. Богъ—со свободными. Да здравствуютъ Гезы!

Торговые зеландскія судна, флиботы, катеры—быстры, точно вѣтеръ, предвѣстникъ бури, словно тучи, несущія молнію. Да здравствуютъ Гезы!

Катеры, плоскодонки скользятъ по рѣкѣ.

Волны стонутъ подъ ними, когда они, съ длинной убійственной пушкой на своемъ носу, прямо вонзаются въ нихъ.

На всѣхъ парусахъ, на всѣхъ парусахъ несутся храбрые корабли, волны ихъ качаютъ, волны орошаютъ ихъ пѣной!

Днемъ и ночью, въ дождь, градъ и снѣгъ плывутъ они. Христосъ улыбается имъ въ облакахъ, улыбаются также солнце и звѣзды. Да здравствуютъ Гезы!

XV.

Король крови получилъ извѣстіе объ ихъ побѣдахъ. Смерть снѣдала уже палача, и тѣло его было полно червей. Больной и разсвирѣпѣлый бродилъ онъ по коридорамъ Вальядолида, съ трудомъ волоча свои распухшія ноги и налитыя свинцомъ икры. Никогда онъ не пѣлъ, этотъ жестокий тиранъ. Когда занимался день, онъ не смѣялся, и когда солнце, словно улыбка Божья, освѣщало его имперію, онъ не испытывалъ ни малѣйшей радости въ сердцѣ.

Но Уленшпигель, Нель и Ламъ, рискуя собой, распѣвали, точно птицы, изо дня въ день рисковали они всѣ трое своими бѣлыми тѣлами и сильнѣе наслаждались однимъ потушеннымъ Гезами костромъ, чѣмъ черный король пожаромъ, уничтожавшимъ цѣлый городъ.

Въ это же время Вильгельмъ Молчаливый, принцъ Оранскій, разжаловалъ изъ адмираловъ господина де Люмея де ла Марка вслѣдствіе его большой жестокости. Новымъ адмираломъ онъ назначилъ Бувена Эвутсена. Онъ изыскивалъ также средства уплатить за взятый у крестьянъ хлѣбъ, вознаградить ихъ за наложенныя на нихъ принудительныя контрибуціи и представить римско-католикамъ, какъ и всѣмъ прочимъ, свободно исповѣдовать свою вѣру, не подвергая за нее гнуснымъ преслѣдованіямъ.

XVI.

На судахъ Гезовъ, подъ сіяющимъ небомъ, на ясныхъ волнахъ заливаются флейты, верещать волынки, булькаютъ графинчики, позваниваютъ стаканы, блеститъ желѣзное оружье.

— Ну-ка,—говоритъ Уленшпигель,—ударимъ въ барабаны славы, въ барабаны радости. Да здравствуютъ Гезы! Испанію одолѣли, укротили ненасытную. Наше море: Бриль взятъ. Наше—все побережье до Ньюпорта, включая Остенде, Блакенбергъ. Наши—Зеландскіе острова, устья Шельды, Мааса, Рейна до

Гельдерна. Намъ достались Тексель, Виландъ, Реръ-Шеллингъ, Амеландъ, Роттумъ, Боркумъ. Да здравствуютъ Гезы!

Нашъ—Дельфтъ, Дордрехтъ—пороховые приводы. У Господа въ рукахъ пушечные запалы. Палачи покидаютъ Роттердамъ. Свободная вѣра, точно левъ съ когтями и зубами справедливости, побѣждаетъ графство¹⁾ Зютеенское, города Дѣткумъ Дѣебургъ, Гуръ, Ольдензиль, Готтемъ, Эльбургъ и Гардервикъ. Да здравствуютъ Гезы!

Не молнія блеснула, это Кампенъ Zwol, Гассель, Стинвикъ попадаютъ въ наши руки вмѣстѣ съ Удеватеромъ, Гудой, Лейдомъ. Да здравствуютъ Гезы!

Наши—Беренъ Энкгюйзъ! Пока еще мы не завладѣли Амстердамомъ, Шунговенемъ, Миддельбургомъ. Но все со временемъ станетъ добычей упорнаго меча. Да здравствуютъ Гезы!

Будемъ же пить испанское вино! Будемъ пить его изъ чашъ, изъ которыхъ они пили кровь жертвъ. Мы пойдемъ по Зюдерзе, по рѣкамъ и каналамъ. Въ нашихъ рукахъ сѣверная и южная Голландія и Зеландія. Мы завладѣемъ Остомъ и восточной Фризландіей. Бриль станетъ убѣжищемъ для нашихъ кораблей, гнѣздомъ куръ-насѣдокъ на лйцахъ свободы. Да здравствуютъ Гезы!!

Слышите, во Фландріи на нашей родинѣ любимой, раздаются крики о мщеніи. Чистятъ оружье, точатъ мечи. Всѣ задвигались, задрожали, точно струны арфы, подъ горячимъ дыханьемъ душъ, вышедшихъ изъ могилъ, поднявшихся съ костровъ и покинувшихъ окровавленные трупы жертвъ. Кровь погибшихъ оплодотворила все: Эно, Брабантъ, Люксембургъ, Лимбургъ, Намюръ, Льежъ, вольный городъ. Жатва созрѣла для косца. Да здравствуютъ Гезы!

Наши—Сѣверное море во всю свою ширь. Наши—добрыя пушки, гордые корабли, отважное войско грозныхъ моряковъ. Есть въ немъ и бездѣльники, и разбойники, и попы-разстриги, и дворяне, и купцы, и рабочіе, всѣ они спасались отъ преслѣдованій. Всѣ соединились съ нами во имя дѣла свободы. Да здравствуютъ Гезы!

— Гдѣ ты, кровавый король Филиппъ? гдѣ ты? Гдѣ ты, Альба? Ты въ кардинальской шапочкѣ, подаркѣ святого Отца, вопишь и богохульствуешь. Въ барабаны радости ударьте. Да здравствуютъ Гезы! Выпьемъ!..

Вино струится по золотымъ чашамъ. Смакуйте его въ весельи. Жреческія одѣянія, покрывающія заскоружлыхъ людей, залиты

¹⁾ Въ настоящее время Zutphen городъ въ Нидерландахъ на р. Исселѣ.
Примѣч. переводч.

краснымъ ликеромъ. Римско-католическія хоругви развѣваются по вѣтру.

Вѣчная у насъ музыка! заливайтесь флейты, верещите волюнки, бейте барабаны славы! Да здравствуютъ Гезы!

XVII.

Стоялъ волчій мѣсяцъ, т.-е. мѣсяцъ декабрь. Шелъ холодный, колючій дождь и падалъ на корабли. Гезы крейсеровали въ Зюдерзе. Господинъ адмиралъ подъ звукъ барабана созвалъ капитановъ отдѣльныхъ небольшихъ судовъ и флиботовъ и вмѣстѣ съ ними Уленшпигеля. Къ нему онъ прежде всего и обратился:

—Такъ вотъ, принцъ въ награду за твою вѣрную службу назначаетъ тебя капитаномъ корабля «Бриль». Вотъ на пергаментѣ письменное назначеніе. Я тебѣ его вручаю.

— Благодарствуйте, господинъ адмиралъ,—отвѣчалъ Уленшпигель.—Помаленьку я буду капитанствовать и, капитанствуя такимъ образомъ, надѣюсь, съ Божьей помощью, раскапитанить Испанію насчетъ Фландріи и Голландіи.

— Прекрасно,—сказалъ адмиралъ.—А теперь,—продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ,—долженъ я вамъ сказать, что амстердамскіе католики собираются осаждать Эннгюйзъ. Они еще не вышли изъ Ійскаго канала, будемъ крейсировать поблизости отъ нихъ, пусть тамъ и остаются, и будемъ гнаться за всѣми или за каждымъ изъ этихъ тирановъ, если только остова хоть одного изъ нихъ покажется въ Зюдерзе.

Слушатели отвѣчали:

— Мы ихъ перебьемъ. Да здравствуютъ Гезы!

Уленшпигель, поднявшись на свой корабль, собралъ на мостикѣ матросовъ и солдатъ и передалъ имъ адмиральское рѣшеніе.

Они отвѣчали:

— Наши паруса—наши крылья. Наши коньки—кили нашихъ кораблей. Энтеръ-дреки—наши гигантскія руки. Да здравствуютъ Гезы!

Флотъ двинулся и сталъ крейсировать на разстояніи одного льѣ отъ Амстердама такъ, что никто, при всемъ желаніи, не могъ бы оттуда выйти въ открытое море.

На пятый день дождь пересталъ. Дулъ еще болѣе рѣзкій вѣтеръ, но небо было ясно. Амстердамцы не двигались.

Вдругъ Уленшпигель увидалъ Лама. Тотъ взбирался на мостикъ и гналъ передъ собою своей большой деревянной, разливательной ложкой корабельнаго трюксмана¹⁾, молодого парня,

¹⁾ truxman—по-фламандски толмачъ, переводчикъ.

хорошо владѣвшаго французскимъ и фламандскимъ языками, но еще болѣе опытнаго по закуской части.

— Бездѣльникъ,—приговаривалъ Ламъ, колотя его,—безстыдникъ, неужто ты думалъ прежде времени поѣсть мои жаркія и рассчитывалъ, что тебѣ это такъ даромъ и обойдется?! Взырайся на мачту, да погляди, лучше нѣтъ ли движенія среди амстердамскихъ кораблей.

Но трюксманъ отвѣтилъ:

— А что мнѣ дашь за это?

— Еще дѣла не сдѣлалъ, а ужъ претензію заявляешь? Разбойничье ты зелье, если сейчасъ не взлѣзешь на мачту, отдеру тебя хорошенько. И твой французскій тебѣ не поможетъ.

— А хорошій это языкъ, годится и въ любовныхъ, и въ военныхъ дѣлахъ.

И онъ взлѣзъ.

— Ну что, лѣнтяй?—спросилъ Ламъ.

Трюксманъ отвѣтилъ:

— Ничего незамѣтно ни въ городѣ, ни на судахъ.

— Заплати теперь,—говорилъ онъ, спускаясь.

— Пусть ужъ при тебѣ останется краденое,—соглашался Ламъ.—Такое добро впрокъ не идетъ, тебя стошнить непременно.

Трюксманъ сталъ снова подниматься и вдругъ закричалъ съ верхушки мачты:

— Ламъ! Ламъ! воръ забирается въ твою кухню.

— Ничего. У меня въ карманѣ ключи отъ кухни.

Между тѣмъ Уленшпигель отвелъ въ сторону Лама и сказалъ:

— Мой ты сыночекъ, страшить меня эта амстердамская тишина. Видно есть у нихъ какіе-нибудь тайные замыслы.

— Я ужъ объ этомъ думалъ,—промолвилъ Ламъ.—Вода замерзаетъ въ кувшинахъ, въ дежѣ. Птица битая деревянѣтъ. Инеемъ покрываются колбасы. Коровье масло, какъ каменное, оливковое совсѣмъ бѣло. Соль суха, словно песокъ на солнцѣ.

— Скоро море замерзнетъ,—промолвилъ Уленшпигель.—Тогда они пустятся на насъ всѣмъ міромъ въ артиллерійскую атаку.

И, отправившись на адмиральское судно, онъ сказалъ адмиралу о своихъ опасеніяхъ. Тотъ отвѣчалъ:

— Вѣтеръ дуетъ изъ Англіи. Пойдетъ снѣгъ и будетъ оттепель. Ступай обратно на твое судно.

И Уленшпигель удалился.

Ночью выпалъ большой снѣгъ. Но вскорѣ подулъ вѣтеръ

изъ Норвегіи, море замерзло такъ, что по немъ ходить было можно. Адмиралъ видѣлъ это.

Опасаясь, какъ бы амстердамцы не вышли на ледъ и не стали поджигать корабли, онъ приказалъ солдатамъ приготовить коньки на случай, если имъ придется сражаться вокругъ кораблей; велѣлъ канонирамъ положить возлѣ желѣзныхъ и чугуновыхъ пушекъ соотвѣтствующія ядра, зарядить орудія и держать наготовѣ фитили для запала.

Но амстердамцы не явились. И такъ прошло семь дней.

На восьмой день подъ вечеръ Уленшпигель приказалъ угостить по-праздничному матросовъ и солдатъ, пожелалъ, что называется, подложить имъ хорошія кирасы противъ студенаго вѣтра, не перестававшаго дуть.

Но Ламъ сказалъ;

— Остались только одни черные да бѣлые сухари.

— Да здравствуютъ Гезы!—отозвались солдаты. Будетъ, значитъ, постный пиръ въ ожиданіи боя.

— Бой еще не скоро будетъ,—промолвилъ Ламъ.—Амстердамцы придутъ поджигать наши корабли, но не сегодняшней ночью. Для этого имъ надо раньше погрѣться возлѣ печекъ и выпить не одну чару жженки—пошли ее вамъ, Господи! Потомъ, проговоривъ обстоятельно и не спѣша до полуночи за полными кружками, они придутъ къ заключенію, что завтра нужно будетъ рѣшить, стоитъ ли на насъ нападать на будущей недѣлѣ. А завтра снова будутъ пить мадеристую жженку,—пошли ее вамъ, Господи! и вновь рѣшать спокойно, не спѣша и за полными кружками, что необходимо еще разъ собраться и выяснить, можетъ ли ледъ выдержать цѣлое войско. И будутъ выяснять это люди ученые, которые, выяснивъ, выпьются на записанныхъ на пергаментѣ своихъ заключеніяхъ. Получивъ эти заключенія, они узнаютъ, что ледъ въ полъаршина толщиною, достаточно надеженъ и можетъ выдержать нѣсколько сотъ людей вмѣстѣ съ пушками и полевой артиллеріей. Затѣмъ, сѣзнова собравшись для спокойнаго и терпѣливаго обсужденія вопроса, за полными кружками жженки, они начнутъ соображать, стоитъ ли жечь наши корабли или, быть можетъ, благодаря захваченной нами добычи на Лиссабонскихъ судахъ, лучше насъ сжечь. И въ смущеніи, но не торопясь, порѣшатъ, что не надо сжигать нашихъ кораблей, а лучше ихъ взять, невзирая въ данномъ случаѣ на большую несправедливость по отношенію къ камъ.

— Говоришь ты хорошо,—отвѣчалъ Уленшпигель, а погляди-ка на огни, которые зажглись въ городѣ и на людей, дѣловито бѣгающихъ съ фонарями. Видишь?

— Это они отъ холода,—пошутилъ Ламъ и, вздохнувъ, прибавилъ:

— Все переѣли. Ни говядины, ни свинины, ни птицы. И вино все вышло; забористаго тоже нѣтъ. Остались одни черные да бѣлые сухари. Кто меня любитъ, тотъ пойдетъ за мною.

— Куда ты?—спросилъ Уленшпигель.—Никто не можетъ уходить съ корабля.

— Мой сыночекъ,—промолвилъ Ламъ,—ты капитанъ и въ настоящее время нашъ начальникъ. Я не уйду, если ты этого не желаешь. Но благоволи подумать, что еще третьяго дня мы съѣли послѣднюю колбасу. Въ эту студеную пору, кухонный огонь—солнце для товарищей. Кто не хотѣлъ бы нюхать запахъ соусовъ, смаковать душистое вино, живительную влагу, настоенную на цвѣтахъ веселья, смѣха и согласія? Такъ вотъ, капитанъ и вѣрный другъ, безъ ѣды тоска грызетъ мою душу. Я люблю лишь покой, только нѣжныхъ гусей, убиваю жирныхъ цыплятъ, сочныхъ индюшекъ съ удовольствіемъ и я пошелъ за тобою и дѣлю тяготы и битвы. Погляди на эту освѣщенную богатую ферму, на ней много крупнаго и мелкаго скота. Знаешь, чья она? Судовщика фризландца, который предалъ господина Данделота и отвелъ въ Энкгюйзъ барку Албизанъ съ восемнадцатью дворянами и ихъ друзьями. Всѣхъ ихъ казнили въ Брюсселѣ на Лошаденомъ рынкѣ. Это своего рода католическій оплотъ. Этотъ предатель, по фамиліи Слосъ, получилъ отъ герцога двѣ тысячи флориновъ за свое предательство. И вотъ на эту цѣну крови купилъ онъ ферму, которую ты видишь, крупнаго скота и участокъ земли и, благодаря приплоду, я разумѣю скотъ, и хорошимъ урожаемъ обогатился.

Уленшпигель отвѣчалъ:

— Прахъ бьется на сердцѣ у меня. Часъ возмездія настаетъ.

— А также и питанія—добавилъ Ламъ.—Дай мнѣ человѣкъ двадцать твоихъ молодцовъ, храбрыхъ солдатъ и матросовъ, и я пойду добывать предателя.

— Я самъ ихъ поведу,—сказалъ Уленшпигель. Кто правду любитъ, пусть идетъ за мной!.. Погодите... не всѣ, требуется только двадцать, а то, кто жъ будетъ защищать корабль... Кидайте жребій, берите домино... Ну вотъ и всѣ двадцать, идемъ же. Домино хорошо ворожить. Одѣвайте ваши коньки и катитесь на звѣзду, на блестящую Венеру надъ фермой предателя.

Слѣдуйте вы, двадцать, за вашимъ вожакомъ, слѣдуйте за нимъ, скользя на конькахъ, съ топоромъ за плечами.

Вѣтеръ дуетъ и гонитъ передъ собою по льду бѣлые снѣжные вихри.

Вы не пойте и не разговаривайте; вы молча идите прямо къ вашей звѣздѣ. Только ледъ подъ вашими коньками пусть кричить.

Упадетъ кто-нибудь, тотчасъ же и встанетъ. Доходимъ до берега; ни единой человѣческой фигуры на снѣгу, ни одной птицы въ оледенѣломъ воздухѣ. Снимите ваши коньки.

Вотъ мы и на сушѣ, вотъ луга, одѣвайте опять ваши коньки. Затаивъ дыханье мы окружили ферму.

Уленшпигель стучитъ въ дверь, собаки лаятъ. Онъ снова стучитъ. Отворяется окно, и хозяинъ, высунувъ въ него голову, спрашиваетъ:

— Кто ты?

Онъ видитъ только Уленшпигеля, другіе спрятались за прачечной.

Уленшпигель отвѣчаетъ:

— Господинъ де Буссю требуетъ тебя немедленно къ себѣ въ Амстердамъ.

— Гдѣ твой пропускъ?—говоритъ человѣкъ, открывши дверь и выйдя.

— Вотъ онъ,—отвѣчаетъ Уленшпигель, указывая на двадцать Гезовъ, которые у него за спиной вламываются въ двери.

Затѣмъ Уленшпигель ему говоритъ:

— Ты, Слосъ, судовщикъ-предатель, заманившій господъ Д'Анделота, Баттембургскаго и другихъ дворянъ въ западню. Гдѣ цѣна крови?

Дрожа фермеръ отвѣчалъ:

— Вы, Гезы, простите меня. Я не зналъ, что дѣлалъ. Дома у меня нѣтъ денегъ. Я все отдалъ.

Ламъ промолвилъ:

— Темно. Дай намъ сальныхъ или восковыхъ свѣчей.

Хозяинъ произнесъ:

— Вонъ тамъ онѣ висятъ.

Зажгли свѣчу. Одинъ изъ гезовъ внутри дома промолвилъ:

— Холодно, надо затопить. Вотъ хорошая подтопа,—Ламъ, и указалъ на доску, на которой стояли цвѣточные горшки, съ засохшими въ нихъ растеніями. И онъ взялъ въ руку засохшій стебель и потрясъ имъ вмѣстѣ съ горшкомъ, горшокъ упалъ. И по землѣ рассыпались дукаты, флорины и реалы.

— Вотъ кладъ,—промолвилъ онъ, указывая на другіе горшки.

И въ самомъ дѣлѣ, опустошивъ ихъ, набрали десять тысячъ флориновъ.

Хозяинъ при этомъ кричалъ и плакалъ.

Слуги и служанки въ одномъ бѣльѣ сбѣжались на крикъ. Желавшіе заступиться за хозяина мужчины были связаны. Застыдившіяся женщины, въ особенности же молодья, скоро попрятались за мужчинъ.

Тогда выступилъ впередъ Ламъ и сказалъ:

— Предатель-фермеръ,—гдѣ ключи отъ твоихъ погребовъ, конюшенъ, стойлъ и скотнаго двора.

— Подлые грабители,—кричалъ хозяинъ,—повѣсятъ васъ и будете висѣть, пока не удавитесь.

Уленшпигель вмѣшался.

— Часъ возмездія пробилъ, отдавай ключи.

— Господь за меня воздастъ,—говорилъ хозяинъ, вручая ему ихъ.

Опустошивъ ферму, Гезы на конькахъ возвращаются на корабли, легкія жилища свободы.

— Я старшій поваръ,—приговаривалъ Ламъ, ведя другихъ за собою. Подталкивайте славныя санки, нагруженныя виномъ и пивомъ. Гоните впередъ, за рога или какъ хотите, быковъ, лошадей, свиней, барановъ и стадо, поющее свою природную пѣсню. Голуби воркуютъ въ корзинахъ; растолстѣвшіе на мякишѣ каплуны удивляются въ деревянныхъ клѣткахъ, въ которыхъ имъ негдѣ двинуться... Я—старшій поваръ. Ледъ подъ желѣзными коньками скрипитъ. Вотъ мы уже и на корабляхъ. Завтра зададимъ кухонную музыку. Спускайте блоки. Подпоясывайте лошадей, коровъ и быковъ. Красивое зрѣлище, когда глядишь на нихъ, подвѣшенныхъ за животъ. Завтра насъ подвѣсятъ за языки къ вкусному жаркому. На блокѣ ихъ поднимаютъ на корабль. Это—обыкновенная говядина. Бросайте мнѣ теперъ понемногу въ трюмъ пулярокъ, гусей, утокъ, каплуновъ. Кто имъ свернетъ шею? Главный поваръ. Дверь заперта. У меня ключъ въ сумкѣ. Слава Богу, въ кухни! Да здравствуютъ Гезы!

Затѣмъ Уленшпигель отправился на адмиральское судно, ведя съ собою Дирика Слоса и другихъ плѣнныхъ, охавшихъ и плакавшихъ отъ страха передъ петлей.

Господинъ Уорстъ вышелъ на шумъ: замѣтилъ Уленшпигеля и его спутниковъ освѣщенныхъ краснымъ свѣтомъ факеловъ.

— Что ты отъ насъ хочешь?—спросилъ онъ.

Уленшпигель отвѣчалъ:

— Сегодняшней ночью мы схватили предателя Дирика Слоса на его фермѣ. Это—тотъ самый Слосъ, который заманилъ въ западню восемнадцать человѣкъ. Остальные—слуги и служанки, люди ни въ чемъ неповинные.

Потомъ, передавая свой кошель, прибавилъ:

— Тутъ флорины, они цвѣли въ цвѣточныхъ горшкахъ въ домѣ предателя. Ихъ—десять тысячъ.

Господинъ Уорстъ имъ сказалъ:

— Плохо вы поступаете, что оставляете корабли. Но, ради успѣха, прощается вамъ. Желанные гости и плѣнники, и кошель съ флоринами, и вы, храбрецы, которымъ, по военному морскому обычаю, удѣляю треть добычи. Третъ пойдетъ флоту и третъ государю, принцу Оранскому... А предателя повѣсить немедленно.

Гезы повиновались. Послѣ прорубили прорубъ и бросили въ нее тѣло Дирика Слоса.

Тогда господинъ Уорстъ сказалъ:

— Ужъ не трава ли выросла вокругъ кораблей? слышится кудахтанье куръ, блеянье барановъ, мычанье быковъ и коровъ.

— Это—плѣнники нашей утробы,—отвѣчалъ Уленшпигель.— Они заплатятъ выкупъ жаркимъ. Господину адмиралу предназначается самое лучшее.

— Что же касается слугъ и служанокъ, среди которыхъ есть сговорчивыя и миловидныя бабенки, то я заберу ихъ на свой корабль.

Выполнивъ свое намѣреніе, онъ держалъ къ нимъ такую рѣчь:

— Куманьки и кумушки, вы теперь на самомъ лучшемъ изъ всѣхъ кораблей. Мы здѣсь проводимъ время въ постоянныхъ пирахъ и пиршествахъ. Если вы предпочитаете уйти,—уходите, но уплатите выкупъ. Если же пожелаете оставаться, то будете работать и ѣсть, какъ и мы. Что же касается милыхъ кумушекъ, то я имъ, въ качествѣ капитана, даю полную свободу. Пусть располагаютъ собою, какъ хотятъ. Пожелаютъ продолжать жить съ своими дружками, пришедшими вмѣстѣ съ ними на корабль, пусть живутъ. Для меня это безразлично. А то, быть можетъ, предпочтутъ какого-нибудь храбраго Геза и будутъ жить съ нимъ въ супружескомъ союзѣ.

Но всѣ миловидныя бабенки остались вѣрны своимъ прежнимъ друзьямъ, кромѣ одной, которая, съ улыбкой глядя на Лама, спросила его, не желаетъ ли онъ ее.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ, красавица, но мы ужъ того, на сторонѣ заняты.

— Онъ, этотъ добрякъ, женатый, говорили Гезы, видя досаду кумушки.

Повернувшись къ нему спиной, она избрала другого, такого же пузана, съ «доброй рожей», какъ и Ламъ.

Въ тотъ день и слѣдующіе дни были на корабляхъ пиры

горой, лилось вино, подавалась жареная птица и мясо. И Уленшпигель говорилъ:

— Да здравствуютъ Гезы! Пусть себѣ дуютъ холодные вѣтры, мы согрѣемъ воздухъ нашимъ дыханьемъ. Наши сердца пылаютъ по свободѣ совѣсти; наши желудки—по мясу, взятому у врага. Будемъ же пить вино, молоко взрослыхъ мужчинъ! Да здравствуютъ Гезы!

Нель тоже пила изъ большой золотой чарки и, раскраснѣвшись на холодномъ вѣтру, наигрывала на флейтѣ. И, несмотря на холодъ, Гезы весело ѣли и пили на мостикѣ.

XVIII.

Вдругъ всему флѣту бросилась въ глаза на берегу черная толпа, въ которой свѣтились факелы и сверкало оружіе. Затѣмъ факелы потухли и воцарилась полная мгла.

По приказу адмирала быстро были даны сигналы по судамъ: и всѣ огни погасли. Матросы и солдаты, вооруженные топорами, легли животами на мостикѣ. Храбрые канониры, съ запальными фитилями въ рукахъ, не отходили отъ пушекъ, заряженныхъ мѣшками пуль и дубовыми ядрами. По сигнальной командѣ адмирала и капитановъ: «Сто шаговъ»—этой командой указывалось разстояніе, на которомъ находился непріятель,—они должны были палить съ носа, съ кормы или съ бортовъ, смотря по своему положенію на льду.

И слышался голосъ господина Уорста.

— Смерть тому, кто будетъ говорить громко.

И капитаны повторяли за нимъ:

— Смерть тому, кто будетъ говорить громко.

Ночь была безлунной, но звѣздной.

— Слышишь?—спрашивалъ Уленшпигель у Лама тихо, словно дыханье привидѣнія.—Слышишь голоса амстердамцевъ и звуки коньковъ, громко рѣжущихъ ледъ? они спѣшаютъ и говорятъ: «Лѣнтяи Гезы спятъ. Намъ достанется лиссабонскій кладъ». Они зажигаютъ факелы. Видишь ихъ лѣстницы, приготовленные для того, чтобы итти на приступъ, различаешь ихъ безобразныя лица и длину ихъ шайки, готовой насъ атаковать? Ихъ, пожалуй, больше тысячи.

— Сто шаговъ!—крикнулъ господинъ Уорстъ.

— Сто шаговъ!—прокричали капитаны.

И раздался страшный грохотъ и жалобный вой на льду.

— Восемьдесятъ пушекъ разомъ грянули,—промолвилъ Уленшпигель,—они бѣгутъ! Видишь, факелы все больше удаляются.

— Въ погоню за ними!—приказалъ адмиралъ Уорстъ.

— Въ погоню за ними!—повторили капитаны.

Но погоня продолжалась недолго, обратившіеся въ бѣгство имѣли въ запасѣ сто шаговъ, да кромѣ того у нихъ были ноги затравленныхъ зайцевъ.

И на людяхъ, кричавшихъ и умиравшихъ на льду, было найдено золото, драгоцѣнности и веревки, предназначавшіеся для связыванья Гезовъ.

И послѣ этой побѣды Гезы говорили другъ другу: «Если Богъ за насъ, кто противъ насъ?»¹⁾

Но на третій день утромъ, когда господинъ Уорстъ съ безпокойствомъ ждалъ новой атаки, Ламъ вскочилъ на мостикъ къ Уленшпигелю.

— Сведи меня къ тому адмиралу, который не послушался твоихъ предсказаній насчетъ мороза.

— Иди къ нему самъ,—отозвался Уленшпигель.

Заперевъ на ключъ кухню, Ламъ ушелъ. Адмиралъ находился на мостикѣ, ища глазами въ направленіи города признаковъ какого-нибудь движенія.

Ламъ, подойдя къ нему, почтительно промолвилъ:

— Господинъ адмиралъ, позвольте ли старшему повару высказать свое мнѣніе.

— Говори, мой сыночекъ,—произнесъ адмиралъ.

— Милостивѣйшій государь,—началъ Ламъ,—заledenѣлая въ кувшинахъ вода начинаетъ оттаивать; съ колбасъ сходитъ иней; коровье масло мягче становится, оливковое жиждетъ; соль плачетъ. Скоро дождь пойдетъ и мы спасемся, милостивѣйшій государь.

— Ты кто?—спросилъ господинъ Уорстъ.

— Я,—отвѣчалъ спрошенный,—Ламъ Гудзакъ, старшій поваръ на кораблѣ «Бриль». И если бы всѣ великіе ученые, считающіе себя астрономами, читали по звѣздамъ такъ же хорошо, какъ я читаю по своимъ соусамъ, то не могли бы они предсказать морозъ съ бурей на сегодняшнюю ночь. Морозу конецъ, говорю я.

И Ламъ воротился къ Уленшпигелю и около полудня сказалъ ему:

— Еще разъ я оказался пророкомъ: небо чернѣетъ, вѣтеръ дуетъ сильно и порывисто. Идетъ теплый дождь. Есть уже протаины на льду.

Вечеромъ онъ радостно воскликнулъ:

¹⁾ Als God met ons is, wie tegen ons zal zijn?

— Сѣверное море вздулось! Сейчасъ время прибоя, высокія волны перекидываются въ Зюдерзе, и ледъ проламывается, трещить и уже куски его взлетаютъ на корабли, бросаютъ вокругъ свѣтоты искры. Вотъ и градъ вдобавокъ. Адмиралъ нашъ велитъ отойти отъ Амстердама, и при такой водѣ нашъ корабль можетъ уже плыть. Вотъ мы и въ Энкгюйзской гавани... А море снова замерзаетъ. Я—пророкъ, и это Божье чудо.

И Уленшпигель промолвилъ:

— Выпьемъ же въ честь Его, Благословеннаго.

И зима прошла, и настало лѣто.

XIX.

Въ половинѣ августа, когда куры, насытившись всласть зерномъ, глухи къ зовамъ пѣтуховъ, трубящихъ о своей любви, Уленшпигель сказалъ своимъ матросамъ и солдатамъ:

— Кровавый герцогъ находится въ Утрехтѣ и смѣетъ вывѣшивать плакаты, обещающіе, между прочимъ, прекрасныя блага: голодъ, смерть, разореніе тѣмъ изъ жителей Нидерландовъ, которые не пожелаютъ ему покориться. Все, что еще уцѣлѣло, будетъ уничтожено, и Его королевское Величество населитъ нашу землю иностранцами. Кусайся, герцогъ, кусайся! Пила перепиливаетъ зубы ехиднѣ. Мы—такія пилы. Да здравствуютъ Гезы!

Альба, кровь тебя пьянить? Неужели ты думаешь, что мы боимся твоихъ угрозъ или вѣримъ въ твое милосердіе? Твои знаменитые полки, которые ты расхваливалъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, твои «непобѣдимые», «безсмертные» семь мѣсяцевъ бомбардировали Гаарлемъ, слабый городъ, охранявшійся горожанами. Они твои «безсмертные» точно такъ же, какъ и простые смертные, взлетѣли при взрывѣ подкопа на воздухъ. И почтенные горожане поливали ихъ горячей смолой. Кончилось дѣло славной побѣдой твоихъ непобѣдимыхъ надъ безоружными людьми, которыхъ они душили.

Слышишь, палачъ, часть возмездія Божія бьетъ?!

Гаарлемъ утратилъ своихъ храбрыхъ защитниковъ, его камни сочатся кровью. За время осады онъ издержалъ и лишился милліона двухсотъ восьмидесяти тысячъ флориновъ. Епископъ мѣстный ввелся во владѣніе такой же суммой. Онъ благословилъ легкой рукой и съ веселымъ лицомъ церкви. Донъ Фридрихъ присутствовалъ при этихъ благословеніяхъ. Епископъ ему умываетъ руки, но Богъ видитъ, что онѣ красныя, и причащаетъ его подъ двумя видами, чего не разрѣшается простому народу. И ко-

локола звонятъ, и карильонъ пускаетъ въ воздухъ свои тихія, гармоничныя ноты. Этотъ звонъ напоминаетъ пѣніе ангеловъ на кладбищѣ... Око за око, зубъ за зубъ! Да здравствуютъ Гезы!...

XX.

Гезы были въ Флессингенѣ, когда Нель захворала лихорадкой. Она была принуждена покинуть корабль и лежала у реформатовъ Питерсовъ въ Тюрвенъ-Кеѣ.

Уленшпигель горевалъ и въ то же время радовался за нее, надѣясь, что она выздоровѣетъ, а пока испанскія пули навѣрное уже не долетятъ къ ней въ ея убѣжищѣ.

И съ Ламомъ онъ безпрестанно навѣщалъ ее, очень заботился о ней и еще сильнѣе любилъ. И тамъ, у нея, они разговаривали:

— Вѣрный и любимый другъ,—молвилъ однажды Уленшпигель,—знаешь новость?

— Нѣтъ, мой сыночекъ,—отвѣчалъ Ламъ.

— Видѣлъ ли ты флиботъ, который недавно присоединился къ нашему флоту, и вѣдомо ль тебѣ, кто на немъ каждый день пиликаетъ на скрипкѣ?

— Благодаря послѣднимъ холодамъ,—отвѣчалъ Уленшпигель,—я словно оглохъ на оба уха. Что ты смѣешься, мой сыночекъ?

Но Уленшпигель продолжалъ:

— Какъ-то разъ услыхалъ я фламандскую пѣсню и узналъ ея пріятный голосъ.

— Ахъ!—вздохнулъ Ламъ,—она тоже пѣла и играла на скрипкѣ.

— А другую новость знаешь?—спрашивалъ Уленшпигель.

— Нѣтъ, не знаю,—промолвилъ Ламъ.

Уленшпигель сказалъ:

— Намъ отданъ приказъ спуститься по Шельдѣ до Антверпена съ нашими кораблями, захватить вражескіе корабли или сжечь, людей не щадить. Что ты объ этомъ думаешь, пузанъ ты этакій?

— Эхъ,—пожалѣлъ Ламъ,—только и слышишь въ этой скорбящей странѣ, что о сожженіяхъ, повѣшеніяхъ, потопленіяхъ и другихъ людскихъ истребленіяхъ? И когда ужъ придетъ благословенный миръ?! Когда можно будетъ безъ помѣхи жарить куропатокъ, цыплятъ, и когда же черныя кровяныя колбасы започуютъ въ печкѣ среди яичекъ? Я больше люблю черныя, бѣлыя слишкомъ жирныя.

— Наступитъ это милое время,—обнадеживалъ Уленшпи-

гель,—и на яблоняхъ, сливахъ и вишняхъ, вмѣсто яблокъ, сливъ и вишенъ на каждой вѣткѣ будетъ висѣть по испанцу.

— Ахъ!—продолжалъ вздыхать Ламъ.—Найти бы только мнѣ мою жену, мою дорогую, нѣжно любимую, милую голубку, вѣрную женушку!.. Потому что знай, мой сыночекъ, я никогда не былъ и не буду рогиносцемъ. Она всегда сторонилась отъ другихъ мужчинъ. Если и любила наряды, то вѣдь это чисто женское дѣло. Я былъ кухаркой, поваромъ, поваренкомъ, и не стыжусь въ этомъ признаться. Но я былъ и ея хозяиномъ и супругомъ.

— Ну, довольно,—перебилъ Уленшпигель.—Слышишь, адмиралъ кричить: «Поднимайте якоря!» И капитаны вслѣдъ за нимъ повторяютъ то же самое. Надо немедленно сниматься съ якоря.

— Почему ты такъ скоро отплываешь?—спросила Нель у мужа.

— Мы отправляемся на корабли,—отвѣтилъ онъ.

— Безъ меня?—задала она вопросъ.

— Да,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— А ты и не подумаешь о томъ, что я тутъ буду беспокоиться о тебѣ.

— Голубка,—возразилъ Уленшпигель,—кожа у меня желѣзная.

— Ты все шутишь,—молвила она,—я вижу только твою суконную, а не желѣзную куртку, подъ нею твое тѣло изъ плоти и костей, какъ мое. Если ранять, кто тебя перевяжетъ. Неужто такъ и умрешь одинъ среди солдатъ? Я пойду за тобой.

— Эхъ!—говорилъ онъ,—а что если копья, ядра, мечи, топоры, молотки меня пожалѣютъ и обрушатся на твое нѣжное тѣло, моя голубка?! Что я буду безъ тебя дѣлать на свѣтѣ?

Но Нель настаивала:

— Я хочу итти за тобой. Нѣтъ никакой опасности. Я спрячусь въ деревянной крѣпости, гдѣ сидятъ мушкетеры.

— Если ты отправишься, я останусь. И твоего дружка Уленшпигеля сочтутъ предателемъ и трусомъ. Но послушай я спою тебѣ мою пѣсенку:

Шапкой желѣзной,
Не волосами
Природа меня
Надѣлила.
Кожу двойную,
Простую, стальную
Мнѣ подарила.

Смерти гримасы,
Уловки, проказы
Мнѣ не страшны:
Кожа двойная,
Простая, стальная
Мнѣ вѣдь дана.

Я рѣшилъ жить
На свѣтѣ ярко,
Воиномъ жить.
Съ кожей двойной,
Простой и стальной
Мнѣ не тужить.

И, распѣвая, онъ удалился, не забывъ поцѣловать въ дрожащій ротъ и глаза милую Нель, которая лежала въ лихорадкѣ и улыбалась и плакала въ одно и то же время...

Гезы—въ Антверпенѣ и овладѣваютъ непріятельскими кораблями почти въ самой гавани. Среди бѣла дня вступаютъ въ городъ, освобождаютъ плѣнныхъ и, желая получить выкупъ, берутъ новыхъ. Заставляютъ возстать людей зажиточныхъ и принуждаютъ подъ страхомъ смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ безпрекословно слѣдовать за собою.

Уленшпигель говорилъ Ламу,

— Адмиральскаго сына взяли въ плѣнъ. Надо его освободить у шпіонки.

Войдя въ домъ шпіонки, они видятъ этого сына въ сосѣдствѣ съ пузатымъ монахомъ, гнѣвно дѣлавшимъ ему внушенія, желавшимъ обратить его въ лоно «нашей святой матери Церкви». Но молодой человѣкъ ничуть не былъ расположенъ къ этому. Ламъ, схвативъ монаха за капюшонъ, заставилъ слѣдовать за собою по улицамъ Антверпена и приговаривалъ.

— Сто флориновъ съ тебя выкупа. Подбирай ноги и живо впередъ. Что отстаешь? Или у тебя свинецъ въ сандаліяхъ? Эй ты сальный мѣшокъ, кладовая съѣдобная, суповое пузо, двигайся живѣй!

Монахъ отвѣчалъ въ изступленіи.

— Я двигаюсь, господинъ Гезъ, я двигаюсь. Но, неважиря на все мое уваженіе къ вашему мушкету, вы, подобно мнѣ, тоже съ брюшной округлостью, пузаты и толсты.

Но Ламъ, подталкивая его впередъ, говорилъ:

— Ахъ ты, подлый монахъ, какъ ты смѣешь сравнивать свой монастырскій жиръ, бесполезный, бездѣльническій съ моимъ фламандскимъ жиркомъ, честно нажитымъ трудами, тяготами и битвами. Бѣги, а не то поташу тебя, какъ собаку, пришпоривая хорошенько моими шпорами.

Но монахъ, сильно запыхавшись, не могъ бѣжать и самъ Ламъ также. Итакъ они добрались до корабля.

XXI.

Завладѣвъ Раммекеномъ, Гертрюйденбергомъ, Алкмаромъ, Гезы вступили въ Флессингенъ.

Поздоровѣвшая Нель у воротъ ждала Уленшпигеля.

— Тиль,—спрашивала она,—мой дружочекъ Тиль, ты не раненъ?

Уленшпигель запѣлъ:

Я рѣшилъ жить
На свѣтѣ ярко,
Воиномъ жить.
Съ кожей двойной,
Простой и стальной
Мнѣ не тужить.

Эхъ!—говорилъ Ламъ, волоча ногу.—Пули, гранаты, дубовыя ядра дождемъ сыплются возлѣ него, а ему все нипочемъ. Должно быть ты духъ, Уленшпигель, и ты Нель: вѣчно вы веселы, легки и молоды.

— Что ты волочишь свою ногу?—спросила Нель Лама.

— Я не духъ и никогда имъ не буду,—отвѣчалъ онъ.—Удалили меня топоромъ по ляжкѣ, а круглыя и бѣлыя были онѣ у моей жены... Видишь, кровь идетъ... Эхъ, отчего ея нѣтъ здѣсь, поухаживала бы за мною.

— Но Нель съ сердцемъ отвѣтила:

— На что тебѣ жена клятвопреступница?

— Не отзывайся о ней плохо,—протестовалъ Ламъ.

— Стой,—промолвила Нель:—возьми мазь и корпію. Я для Уленшпигеля берегла. Положи на рану.

Сдѣлавъ себѣ перевязку, Ламъ повеселѣлъ: мазь успокоила жгучую боль. И втроемъ они взошли на корабль.

При видѣ монаха, бродившаго по палубѣ со связанными руками, она спросила:

— Кто это? Я ужъ его гдѣ-то видѣла и, кажется, узнала.

— Онъ стоитъ сто флориновъ, такой за него назначенъ выкупъ,—отвѣтилъ Ламъ.

XXII.

Въ тотъ день флотъ праздновалъ. Несмотря на рѣзкій декабрьскій вѣтеръ, невзирая на снѣгъ и дождь, всѣ морскіе Гезы собрались на мостикахъ своихъ кораблей. Серебряные полумѣсяцы сіяли на головныхъ уборахъ зеландскихъ Гезовъ.

И Уленшпигель пѣлъ:

Лейдъ¹⁾ свободенъ.
Герцогъ крови
Ужъ покинулъ
Нидерланды.
Въ колокола
Пусть ударятъ

¹⁾ Leyde—Лейденъ.

Пусть сильнѣй,
Звончѣй ударять!
Карильонъ пусть
Нашъ пѣвучій
Тѣшитъ насъ
Своей мелодьей.
Пусть звенять
Стаканъ съ бутылкой.
Когда догъ съ хвостомъ поджатымъ
И подбитымъ сильно глазомъ
Возвращается уныло,
Онъ на палку страшно злится:
Пасть растерзанная пышетъ
И трясется. Такъ и герцогъ.
Онъ отъ насъ уже убрался...
Пусть звенять стаканъ съ бутылкой!
Да здравствуютъ наши Гезы!...

Онъ со злости готовъ былъ бы
Самого себя поранить,
Но сильнымъ ударомъ палки
Зубы мы ему разбили.
И теперь онъ, толстощекий,
Понурившись, все мечтаетъ
О минувшихъ дняхъ всесилья,
О минувшихъ дняхъ убійства...
Герцогъ крови ужъ убрался.
Въ барабаны славы бейте,
Въ барабанъ военный бейте!

Тщетно Герцогъ кричитъ черту:
«Свою душу я собачью
Продаю за часъ веселья!»
«Намъ съ твоей души не больше
Проку, чѣмъ съ души сеledки»,
Ему дьяволъ отвѣчаетъ:
«Зубовъ нѣтъ у васъ обоихъ,
Нужно было не хвататься
За куски слишкомъ сухіе»...
Герцогъ крови ужъ убрался.
Да здравствуютъ наши Гезы!

Несчастныя собаченки,
Одноглазыя, кривыя,
Безпризорныя такія,
Что на камняхъ издыхаютъ,
И то лапы поднимаютъ,
Всѣ хотятъ его ударить,
Того, кто любилъ убійство...
Да здравствуютъ наши Гезы!

Ни друзей, ни женщинъ, ни веселья,
Ни злого хозяина, ни солнца
Никогда не любилъ, не лелѣялъ.
Только и любилъ одну подругу,
Смерть, свою невѣсту дорогую,
Что перебиваетъ ему лапы:
Людей цѣлыхъ видѣть, вѣдь не можетъ...
Въ барабанъ веселья бейте.
Да здравствуютъ наши Гезы!

И жалкія собаченки,
Одноглазыя, кривыя,
Безпризорныя такія
Снова лапы поднимаютъ

Лапы грязныя, больныя,
Снова бить его желаютъ.
Ихъ примѣру подражаютъ
Псы изъ Венгрии, Брабанта,
Намюра и Люксембурга...
Да здравствуютъ наши Гезы!

И печально онъ уходитъ
Издыхать у ногъ хозяйскихъ,
А хозяинъ недовольный
Даетъ пинокъ рабу сердито:
Не кусался, молъ, какъ надо.
И въ аду ему придется
Въ бракъ вступить со смертью лютой,
И она его любезно
Станетъ называть: «Мой Герцогъ».
Онъ величать ее будетъ
«Инквизиціей моею».
Да здравствуютъ наши Гезы!

Въ колокола
Пусть ударятъ!
Пусть сильнѣй
Звончѣй ударятъ!
Карильонъ пусть
Нашъ пѣвучій
Тѣшитъ насъ
Своей мелодіей!
Пусть звенятъ
Стаканъ съ бутылкой.
Да здравствуютъ
Наши Гезы!

Конецъ четвертой части.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Взятый въ плѣнъ Ламомъ монахъ, замѣтивъ, что Гезы не хотятъ казнить его, а желаютъ лишь взять выкупъ, началъ задирать носъ на корабль.

— Подумать только,—говорилъ онъ, расхаживая и яростно трясая головою,—подумать только, въ какую грязную, черную бездну и отвратительную скверну попалъ я, ступивъ на эту деревянную посудину! Не будь я здѣсь, я, помазанный...

— Чѣмъ? не жиромъ ли собачьимъ?—перебивали Гезы.

— Сами вы собаки,—продолжая злословить, отвѣчалъ монахъ,—да-съ, бродячія, паршивыя, замаранныя каломъ, тощія собаки, бѣжавшія съ привольной тропы нашей матери, святой Римской церкви, и зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы вступить на бесплодный путь вашей нищенски-оборванной реформатской церкви. Да-съ! не будь я здѣсь, въ деревянномъ вашемъ пловучемъ башмакѣ, въ вашей лохани, то давно бы уже Господь поглотилъ ее

въ глубочайшей пучинѣ морской, съ вами виѣстѣ, съ вашимъ проклятымъ оружіемъ, бѣсовскими вашими пушками, вашимъ пѣвцомъ капитаномъ, вашими крейсерами богохульниками, Да-съ! поглотилъ бы въ самую глубину глубинъ неизмѣримой пропасти сатанинскаго царства... Погодите! тамъ вамъ не придется горѣть, нѣтъ! Тамъ вы цѣлую, долгую вѣчность будете мерзнуть, дрожать, будете умирать отъ холода! Да-съ! Этимъ холодомъ Господь Богъ потушить огонь вашей нечестивой ненависти противъ нашей святой матери Римской церкви, противъ святыхъ угодниковъ, ихъ преосвященства, господъ архіереевъ, и зрѣло и въ тиши продуманныхъ благословенныхъ указовъ. Да-съ! И съ высотъ рая я узрю васъ фіолетовыми отъ холода, какъ свекла, и бѣлыми, словно рѣпа. Такъ да будетъ, такъ, такъ, такъ, да будетъ такъ!

Матросы, солдаты и юнги потѣшались надъ нимъ и сухимъ горохомъ стрѣляли въ него изъ самопаловъ. И онъ, защищаясь противъ этой артиллеріи, закрывалъ себѣ лицо руками.

II.

Кровавый герцогъ покинулъ Нидерланды. Господа де Медина Цѣли и де Рекезансъ правили въ нихъ съ меньшей жестокостью. Затѣмъ управляли ими именемъ короля Генеральные Штаты.

Между тѣмъ зеландцы и голландцы, благодаря своему морю и запрудамъ, служащимъ странѣ естественными загражденіями и укрѣпленіями, открыли Богу «свободныхъ» свободные храмы, гдѣ палачи-паписты также могли пѣть свои церковныя гимны. И монсиньеръ Оранскій Молчаливый воздержался отъ основанія штатгальтерства и королевской династіи.

Земля бельгійская была опустошена валлонами, недовольными миромъ, царившемъ въ Гентѣ, долженствовавшемъ, по ихъ мнѣнію, искоренить всѣ раздоры.

И эти валлоны—«рабы Отче Наша» ¹⁾ съ крупными, черными четками на шеѣ, которыхъ въ послѣдствіи въ Спіеннѣ и Эно было найдено двѣ тысячи, воровали цѣлыми тысячами быковъ и лошадей, выбирали лучшихъ изъ нихъ на поляхъ и болотахъ, уводили женщинъ и дѣвушекъ, ѣли, ничего не платя за это, жгли на гумнахъ вооруженныхъ крестьянъ, не дававшихъ уносить плодовъ своихъ тяжкихъ трудовъ.

И въ народѣ шли толки: «Явится скоро донъ Жуанъ съ своими испанцами и также Его Высочество съ своими французами,

¹⁾ Pater-Noster Knechten.

не гугенотами, а папистами. И Молчаливый, желая мирно управлять Голландіей, Зеландіей, Гельдерномъ, Утрехтомъ, Оверисселемъ, уступаетъ по тайному договору землю бельгійскую господину Анжуйскому съ тѣмъ, чтобы тотъ сдѣлался въ ней королемъ.

Но были среди народа люди, надѣявшіеся на болѣе благопріятный исходъ дѣла: «Въ распоряженіи у Генеральныхъ Штатовъ есть двадцать тысячъ человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, сильныя пушки и добрая кавалерія. Они окажутъ сопротивленіе всѣмъ иноземнымъ солдатамъ.

Но болѣе осторожные возражали: у Генеральныхъ Штатовъ имѣется двадцать тысячъ войска на бумагѣ, но не въ полѣ. У нихъ отсутствіе кавалеріи, и они, въ одномъ лѣе отъ своего лагеря, позволяютъ «Рабамъ Отче Наша» воровать лошадей; совсѣмъ не имѣется артиллеріи, ибо несмотря на необходимость ея присутствія у насъ, рѣшили послать Себастьяну Португальскому сто пушекъ съ запасомъ пороху и ядеръ. И неизвѣстно куда идутъ два милліона экю, уплаченныхъ нами въ четыре срока, то въ видѣ налоговъ, то въ видѣ контрибуцій. Гентскіе и брюссельскіе граждане вооружаются. Гентъ стоитъ за реформацію, и Брюссель за одно съ нимъ. Въ Брюсселѣ женщины играютъ на тамбуринахъ, а ихъ мужья работаютъ, укрѣпляя городской валъ. И отважный Гентъ посылаетъ въ Брюссель по рѣкѣ Жуайез'ѣ порохъ и пушки, которыхъ тамъ нехватало для защиты противъ «Недовольныхъ» и испанцевъ.

И всякому горожанину и сельчанину ¹⁾ очевидно стало, что нечего надѣяться ни на господъ изъ Генеральныхъ Штатовъ, ни на множество другихъ спасителей. И зажиточные граждане и рабочій народъ опечалились въ сердцѣ своемъ. Грустно имъ, что, давая деньги и стремясь отдать и свою кровь, они въ то же время не видятъ никакого успѣха въ дѣлѣ служенія благу земли отцовъ и праотцевъ. И земля бельгійская оробѣла и опечалилась: не оказывалось у нея вѣрныхъ вождей, способныхъ доставить ей побѣду хотя бы цѣною великихъ усилій, арміи, готовой сражаться противъ враговъ свободы.

И люди очень осторожные переговаривались между собою:

«При водвореніи мира въ Гентѣ бельгійскіе и голландскіе дворяне поклялись уничтожить раздоры; установить взаимопомощь между бельгійскими и голландскими областями; упразднить конфискаціи; примирить двѣ враждующія религіи; объявить недѣйствительными расклеенныя повсюду официальныя о

¹⁾ По-фламандски—in't plat landt.

ней объявленія; обѣщали истребить позорящіе насъ колонны, трофеи, надписи и изображенія, воздвигнутые и созданные герцогомъ Альбой... Но, невзирая на эти клятвы, въ сердцахъ вожаковъ жива взаимная ненависть. Между союзными государствами возбуждаютъ разладъ дворянство и духовенство. Получая деньги на уплату солдатамъ они ихъ задерживаютъ и употребляютъ на сбыденіе. Разбирательство пятнадцати тысячъ дѣлъ о протестахъ на конфискацію отложено. Лютеране и римско-католики вступаютъ въ союзъ противъ кальвинистовъ. Законнымъ наслѣдникамъ не удастся отдѣлаться отъ грабителей ихъ состоянія. Статуя герцога сброшена на землю, но образъ инквизиціи остается въ ихъ сердцахъ».

И бѣдный рабочій людъ и зажиточные, печалующіеся горожане находились въ неустанномъ ожиданіи отважнаго и надежнаго вождя, который взялся бы повести ихъ въ битву за свободу.

И они обмѣнивались невеселыми замѣчаніями:

«Куда дѣвались наши прославленные борцы, подписавшіе «Мирный договоръ» на благо отечества? Зачѣмъ понадобилось этимъ фальшивымъ людямъ заключать «священнѣйшій союзъ», если потомъ они расторгли его такъ скоро? Къ чему собирались они съ такой помпой, возбуждали гнѣвъ короля, а затѣмъ трусливо и предательски разъединились? Образовавшихъ союзъ вельможъ и простыхъ дворянъ было пятьсотъ человекъ, и въ такомъ количествѣ они спасали насъ отъ испанской свирѣпости. Но они пожертвовали благомъ земли бельгійской во имя своего личного блага точно также, какъ это сдѣлали д'Эгмонтъ и де Горнъ.

«Горе намъ»,—продолжали сѣтовать народные печальники,—вотъ-вотъ явится сюда самолюбивый красавецъ донъ Жуанъ ¹⁾, врагъ Филиппа, но еще большій недругъ нашей родины. Онъ придетъ ради папы и ради себя самого. Дворянство и духовенство—предатели.»

И, дѣйствительно, они начинаютъ мнимую войну... На стѣнахъ улицъ и переулковъ въ Гентѣ и Брюсселѣ, даже на мачтахъ кораблей Гезовъ вывѣшиваются фамиліи предателей, высшихъ военныхъ чиновъ, комендантовъ крѣпостей, а именно: графа Лидекерке, совершенно не защищавшаго своего замка отъ дона Жуана; Льежскаго городского голову, желавшаго продать свой городъ донъ Жуану; господъ д'Эршота, де Монсфельда, де Берлеймона, де Рассенгина; членовъ Государственного Совѣта: Жоржа

¹⁾ Донъ Жуанъ Австрійскій, побочный сынъ Карла V, бывший нѣкоторое время губернаторомъ Нидерландовъ.

Примѣч. переводч.

де Лалинга, фризландскаго губернатора, главноначальствующаго арміи синьора де Россиньоля, донъ-жуановскаго лазутчика, до-вѣреннаго Филиппа II и Жореги, неудачника-убійцу принца Оранскаго; имена архіепископа Камбрэскаго, желавшаго впустить испанцевъ въ городъ; имена антверпенскихъ іезуитовъ, сулившихъ три бочки золота Генеральнымъ Штатамъ за неразрушеніе цитадели и за передачу ее дону Жуану; епископа Льежскаго; римско-католическихъ проповѣдниковъ—хулителей патріотовъ; епископа утрехтскаго, котораго граждане этого города отправили кромѣ того попастись на нивѣ предательства; нищенствующихъ духовныхъ орденовъ, интриговавшихъ въ Гентѣ въ пользу донъ Жуана. Герцогенбушцы пригвоздили къ вертящемуся позорному столбу имя кармелотскаго монаха Пьера, который, при содѣйствіи мѣстнаго епископа и духовенства, старался предать городъ донъ Жуану.

Въ Дуэ, между прочимъ, не осмѣлились даже заочно повѣсить обиспанившагося ректора университета. Но зато на корабляхъ Гезовъ на груди повѣшенныхъ за шею манекеновъ виднѣлись имена монаховъ, аббатовъ и прелатовъ, тысяча восьмисотъ богатыхъ монахинь женщинъ и дѣвушекъ изъ монастыря въ Малинѣ. Онѣ своей лептой поддерживали, золотили и украшали султанами палачей отечества.

И на этихъ манекенахъ, вертящихся столбахъ съ именами предателей, можно было прочесть фамиліи: маркиза Гарро, коменданта крѣпости въ Филиппвиллѣ, бесполезно расточавшаго военные и сѣстные припасы для того, чтобы, подъ предлогомъ недостатка продовольствія, сдать цидатель врагу; Бельве, сдавшаго Лимбургъ въ тотъ моментъ, когда городъ могъ держаться еще восемь мѣсяцевъ; предсѣдателя Совѣта Фландріи, членовъ брюжскаго магистрата, малинскаго магистрата, берегавшаго свой городъ для донъ Жуана, господъ депутатовъ Гельдернской Палаты Графовъ, закрытой за предательство; членовъ Брабантскаго Совѣта и герцогской канцеляріи; тайныхъ и финансовыхъ совѣтниковъ; окружного судьи, бургомистра въ Менинѣ и злонамѣренныхъ пограничныхъ съ областью Артуа ¹⁾ жителей, разрѣшившихъ безпрепятственно двумъ тысячамъ французамъ грабить на своей территоріи.

— Ахъ!—бесѣдуя между собой, восклицали граждане,— вотъ ужъ герцогъ Анжуйскій ²⁾ попираетъ своими ногами нашу зе-

¹⁾ Artois,—въ то время самостоятельное владѣніе на сѣверѣ Фландріи, присоединенное впослѣдствіи, при Людовикѣ XIV, къ Франціи.

²⁾ Анжу (Anjou) область, ставшая частью Фландріи съ XV вѣка. «Анжуйскій»—титулъ, носимый Генрихомъ III до вступленія на французскій престолъ.

млю и хочеть сдѣлаться у насъ королемъ. Видѣли ль вы, какъ онъ вступалъ въ Монсъ, онъ, маленький зубоскаль, съ толстыми бедрами, большимъ носомъ, желтой рожей? Это—важный принцъ, любитель особенной клубнички. Дали ему названіе Анжуйскаго въ шутку, хотѣли, чтобы въ его прозвищѣ заключался отгѣнокъ женской прелести и мужественности ¹⁾...

Уленшпигель замечтался и запѣлъ:

Небо сине, небо ясно...
Чернымъ флеромъ пусть покроютъ
Рукояти шпагъ, знамена,
Драгоценности попрячуть.
Пусть лицомъ къ стѣнѣ поставятъ
Зеркала скорѣе всюду:
Моя пѣсня—пѣснь о смерти
О предательствѣ, измѣнѣ.

Наступилъ ногой измѣнникъ
На животъ и грудь странъ гордыхъ:
Фландрія, Эно, Брабанта,
Антверпена, Люксембурга.
Духовенство и дворянство
Измѣнникомъ оказались:
Позарились на наживу—
Щедрые враговъ посулы...
О предателяхъ пою я...

Когда врагъ повсюду грабитъ,
И въ Антверпенѣ испанцы,
Духовенство, офицерство,
Въ шелкъ и бархатъ нарядившись,
Покидаютъ бѣдный городъ;
Рожи ихъ виномъ лоснятся,
Знаменуя ихъ безславые.

Въ странѣ снова инквизиторъ
Безудержу торжествуетъ.
И опять стража хватаетъ
Глухонѣмыхъ, уличая
Въ еретичествѣ преступномъ...
О предателяхъ пою я...

Подписчики «Компромисса»,
Будьте прокляты,
Вы трусы!
Въ часъ войны
И въ часъ опасный,
Гдѣ вы были?!
Стаей вороновъ тащились
За испанцами въ хвостѣ.
Въ барабаны смерти бейте!

Бельгіи родимой
Измѣнило счастье!

¹⁾ Вѣроятно потому что въ этомъ словѣ намекъ на соединеніе двухъ словъ: ange—ангелъ и jouir—наслаждаться.

Примѣч. переводч.

Грабить лютый врагъ,
Держить подъ оружемъ.
Предатель не дремлетъ,
Заполонилъ землю,
Крупный надѣляетъ
Мелькаго мѣстечкомъ,
Дѣлятъ межъ собою
Должности, занятя.

Раздоромъ и лѣнью—
Ихъ святымъ девизомъ—
Ослабить рѣшили
Всѣ сопротивленья.
Покрываютъ крепомъ
Зеркала и шпаги!
Это пѣснь о смерти,
Пѣсня про измѣну.

На словахъ они испанцевъ
Къ мятежникамъ причисляютъ.
Запрещаютъ помогать имъ
Хлѣбомъ, порохомъ и кровомъ,
А на дѣлѣ... стоитъ взять лишь
Въ плѣнъ испанца, чтобъ повѣсить,
Выпускаютъ его точась.

«Ополчайтесь на врага!»—
Гентъ и Брюссель говорятъ.
«Ополчайтесь на врага!»—
Говоритъ народъ бельгійскій
Точно молотъ съ наковальней,
Папа съ королемъ желаютъ
Раздавить васъ безошадно:
Противъ Фландріи объявленъ
Папой ужъ походъ крестовый.

Сворой алчныхъ собакъ
На пахучую кровь
Устремлялись продажные люди:
Голодомъ, жаждой змѣй
И гизнь такъ сильно
Они всѣ терзались.
Бѣдная родина!
Вѣроятно, она
Для крови, развалинъ
Ужъ созрѣлой была...

И не донъ Жуанъ, конечно,
Папы Римскаго любимецъ
Виноватъ въ твоихъ несчатьяхъ.
Нѣтъ, не онъ, а тѣ, кого ты
Осыпала пышно златомъ
И отличіями щедро—
Исповѣдники духовны
Твоихъ женъ, дѣтей и тщерей.

Поразили тебя
Безошадно они,
И испанецъ тебѣ
Ножъ надъ горломъ занесъ,
И, труня надъ тобой,
Пировали они
Въ честь пріѣзда въ Брюссель
Принца Оранскаго.

И когда надъ моремъ,
Въ честь того жъ приѣзда,
Ракеты, взвиваясь,
Радостно такъ рвались,
Убранныя пышно
Барки красовались,—
Знай, страна родная,
Знай, тогда играли
Старинную пьесу,
Какъ продали братья
Юсифа въ рабство.

III.

Монахъ, видя, что ему на кораблѣ позволяютъ говорить, поднялъ носъ. И матросы съ солдатами, желая возбудить въ немъ еще большій проповѣдническій пылъ, принялись нарочно дурно отзываться о разныхъ предметахъ, связанныхъ съ богослуженнымъ ритуаломъ Римской церкви.

Тогда, впадъ въ бѣшенство, онъ сталъ изрыгать противъ нихъ всевозможныя ругательства.

— Да-съ!—выкрикивалъ,—да-съ! довелось мнѣ очутиться въ гезовскомъ вертепѣ! Да-съ, въ самомъ гнѣздѣ проклятыхъ преступниковъ, поѣдомъ ядушихъ свою родину! А еще говорятъ, что мало ихъ пожогъ инквизиторъ, святой человѣкъ! Нѣтъ видно много еще осталось этихъ грязныхъ гадовъ. Да-съ, на славныхъ и честныхъ корабляхъ нашего государя, нашего короля, на корабляхъ, нѣкогда такихъ чистыхъ, прекрасно вымытыхъ, развелись теперь гады-Гезы, да-съ смердящіе гады! Да-съ, что же какъ не нечистъ, грязная, смердящая, безславная нечисть этотъ капитанъ-пѣвецъ, пузатый поваръ, набитый всяческимъ беззаконіемъ и всѣ прочіе со всѣми крейсерующими богохульниками. Когда король артиллерійской промывкой прикажетъ очистить эти корабли, то больше чѣмъ на сто тысячъ флориновъ потребуется пороху и ядеръ для окончательно уничтоженія этой грязной, подлой, смердящей нечести. Да-съ, всѣ вы рождены на ложѣ госпожи дьяволихи, осуждены на совмѣстное житіе съ сатаною въ червивыхъ стѣнахъ, подъ червивымъ пологомъ, на червивомъ матрацѣ. Да-съ, всѣ вы—плодъ безславной любви дьявола съ дьяволихой, которые произвели на свѣтъ Гезовъ.

Въ отвѣтъ на эту брань Гезы говорили:

— Чего мы бережемъ этого бездѣльника-ругателя? Повѣсимъ его поскорѣе.

И они принялись за осуществленіе своего намѣренія.

Монахъ при видѣ припасенной веревки, лѣстницы, приставленной къ мачтѣ, и приготовленій къ связыванію ему рукъ, жалобно сказалъ:

— Пожалѣйте меня, господа Гезы! Дьяволъ гнѣва вселился въ меня и говорилъ въ моемъ сердцѣ, а не я—вашъ покорный плѣнникъ, бѣдный монахъ, у котораго въ семь мѣсяцевъ нѣтъ ничего, кромѣ жизни. Набейте мнѣ, если вамъ угодно, ротъ гнилой грушей, скверный это фруктъ, но не вѣшайте меня.

Но они, не слушая просьбъ и невзирая на отчаянное сопротивление, тащили его къ лѣстницѣ. Онъ кричалъ при этомъ такъ пронзительно, что Ламъ обратился къ дѣлавшему ему въ кухнѣ перевязку Уленшпигелю:

— Мой сыночекъ! мой сыночекъ! вѣрно украли они изъ клѣтушки поросенка и душатъ. Охъ! разбойники, только бы мнѣ подняться съ постели!

Уленшпигель поднялся на палубу и увидалъ лишь монаха. Тотъ упалъ передъ нимъ на колѣни и съ мольбой протянулъ руки:

— Господинъ капитанъ,—вопилъ онъ,—храбрый капитанъ Гезовъ, грозный на сушѣ и на морѣ, ваши солдаты хотятъ меня повѣсить за то, что согрѣшилъ я своимъ языкомъ. Несправедливое это наказаніе, господинъ капитанъ, ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы вздернуть всѣхъ адвокатовъ, прокуроровъ, проповѣдниковъ и женщинъ, и тогда оскудѣло бы населеніе въ мѣсяцъ. Господинъ, спасите меня отъ петли! Буду предстательствовать за васъ передъ Всевышнимъ, и не осудитъ Онъ васъ. Демонъ велирѣчія соблазнилъ меня и заставилъ наговорить много лишняго: великое это несчастье. Бѣдная желчь моя расходилась, и наговорилъ я того, чего и не думалъ никогда. Пошадите, господинъ капитанъ, и вы, господа, будьте моими заступниками.

Вдругъ Ламъ въ одномъ бѣлѣѣ появился на мостикѣ и произнесъ:

— Капитанъ и друзья-товарищи, оказывается, это не поросенокъ, а монахъ кричалъ, и у меня отлегло отъ сердца. Уленшпигель, мой сыночекъ, есть у меня планъ насчетъ его преподобія. Подари ему жизнь, но не выпускай на свободу, иначе онъ сдѣлаетъ какую-нибудь пакость на кораблѣ. Заставь его сдѣлать на мостикѣ узкую клѣтку, какую устраиваютъ для каплуновъ, въ которой ему можно было бы только сидѣть и спать, и позволь мнѣ кормить его. И, если онъ откажется ѣсть столько, сколько я прикажу, пусть будетъ повѣшенъ.

— Пусть будетъ повѣшенъ, если откажется ѣсть,—сказали въ одинъ голосъ Уленшпигель и Гезы.

— Что ты задумалъ со мною сдѣлать, толстый человѣкъ?—промолвилъ монахъ.

— Увидишь,—отвѣчалъ Ламъ.

И Уленшпигель поступилъ по желанію Лама, и монахъ былъ

посаженъ въ клѣтку, и каждый могъ смотрѣть на него въ ней, сколько было угодно.

Ламъ спустился въ кухню, Уленшпигель пошелъ за нимъ и услыхалъ, какъ онъ разсуждалъ съ Нель:

— Не лягу я больше,—нѣтъ,—твердилъ онъ, ни за что не лягу и не позволю другимъ полоскаться въ моихъ соусахъ. Нѣтъ, не останусь больше въ постели, словно теленокъ.

— Не сердись, Ламъ,—уговаривала Нель,—а не то твоя рана вновь откроется, и ты умрешь.

— И прекрасно, если умру,—говорилъ онъ:—утомила меня жизнь безъ жены. Довольно и того, что я лишился жены, не требуется еще, чтобы ты мнѣ, повару, мѣшала самому присматривать за супомъ. Развѣ не знаешь, что ужъ въ одномъ запахѣ соусовъ и жаркихъ заключается здоровье. Они питаютъ мой духъ и защищаютъ меня отъ несчастья.

— Ламъ,—возражала Нель,—надобно слушаться тебѣ нашихъ совѣтовъ и давать намъ тебя лѣчить.

— Хорошо, лѣчите меня,—соглашался Ламъ,—но если какой-нибудь неучъ-бездѣльникъ, вонючій, гнойливый, сопливый сядетъ на мой поварской тронъ и будетъ своими грязными пальцами копаться въ моихъ соусахъ, то лучше я его прихлопну насмерть своей деревянной, разливательной ложкой, которая на тотъ случай станетъ желѣзной.

— Но все-таки тебѣ нуженъ помощникъ,—настаивалъ Уленшпигель:—ты боленъ.

— Мнѣ помощникъ!—восклицалъ Ламъ,—мнѣ помощникъ! Или ты, словно колбаса рубленнымъ мясомъ, набить неблагодарностью? Помощникъ! и ты мнѣ, своему другу, говоришь это, мнѣ, который тебя такъ долго пресытно кормилъ! Вотъ когда откроется моя рана! Плохой другъ, кто тебѣ здѣсь, кромѣ меня, приготовить такъ обѣды!? Что бы вы дѣлали тутъ безъ меня? Кто бы вамъ, тебѣ, капитанъ, и тебѣ, Нель, приготовилъ вкусное рагу?

— Сами мы займемся кухней,—продолжалъ настаивать Уленшпигель.

— Займешься кухней!—удивился Ламъ.—Тебѣ въ пору только ѣсть, нюхать запахи, да впитывать ихъ въ себя. Нѣтъ, мой бѣдный другъ и капитанъ, несмотря на все мое уваженіе къ тебѣ, я могъ бы разрѣзать ягташъ на кусочки, и ты бы принялъ ихъ за твердую требуху. Нѣтъ, оставь меня, мой сыночекъ, поваромъ, а не оставишь, я высохну, какъ былинка.

— Оставайся въ такомъ случаѣ поваромъ,—промолвилъ Улен-

дспигель.—Но, если не выздоровѣешь, я закрою кухню, и мы будемъ ѣсть одни сухари.

— Охъ, мой сыночекъ,—со слезами воскликнулъ Ламъ,—да и добръ же ты, какъ наша Заступница!

IV.

При всемъ томъ онъ казался поздоровѣвшимъ.

Каждую субботу Гезы наблюдали его за измѣреніемъ длиннымъ кожанымъ ремнемъ талии монаха.

Въ первую субботу онъ сказалъ:

— Четыре фута.

И, помѣривъ себя, замѣтилъ:

— Четыре съ половиною.

И казался грустнымъ

Но, говоря о монахѣ на восьмую недѣлю, былъ веселъ и скащалъ:

— Четыре и три четверти фута.

И монахъ гнѣвно сказалъ ему, когда онъ убралъ свою мѣрку:

— Что ты хочешь отъ меня, толстый человѣкъ?

Но Ламъ, высунувъ въ отвѣтъ языкъ, не проронилъ ни слова.

И разъ семь на день матросы и солдаты наблюдали, какъ онъ съ какимъ-нибудь новымъ блюдомъ подходилъ къ монаху и говорилъ:

— Вотъ жирные бобы съ фландрскимъ масломъ. Случалось ли тебѣ въ твоемъ монастырѣ ѣдать такіе? Нагулялъ себѣ здѣсь добрую рожу. На этомъ кораблѣ не худѣютъ. Чувствуешь, какъ на спинѣ у тебя вырастаютъ подушки жиру. Скоро для спанья тебѣ не потребуется больше матраца.

За вторымъ обѣдомъ монаха онъ предлагалъ ему:

— Вотъ блинчики по-брюссельски, по-французски они называются «креповыми», потому что ихъ носятъ на шляпахъ въ знакъ траура; хотя эти, которыя я тебѣ предлагаю, совсѣмъ не брюнеты, а блондины и позолочены въ печкѣ. Видишь: масло съ нихъ течетъ, такъ вотъ будетъ и съ твоимъ животомъ.

— Я не голоденъ,—отказывался монахъ.

— Не отказывайся! тебѣ нужно ѣсть,—настаивалъ Ламъ. Можетъ быть ты думаешь, что они изъ гречневой муки, отче, жировой отче,—ошибаешься, изъ крупчатки, мой четырехподбородочный отче. Я вижу у тебя ужъ пятый начинаетъ отвисать, и мое сердце радуется. Ышь!

— Оставь меня въ покоѣ, толстый человѣкъ,—просилъ монахъ.

Разгнѣвавшись Ламъ, отвѣчалъ:

— Я—владыка твоей жизни. Нуужели ты предпочтешь веревку протертому гороховому супу съ размоченными въ немъ сухарями? Я сейчасъ принесу его тебѣ.

И Ламъ приносилъ миску и угощалъ:

— Гороховый протертый супъ любить компанію. Погоди, сейчасъ я прибавлю нѣмецкихъ клѣцокъ, прекрасныхъ катышковъ изъ кориѣской муки. Ихъ, что называется, живыми бросаютъ въ кипятокъ; правда онѣ немного тяжеловаты для желудка, но прибавляютъ сала. Поѣшь, сколько можешь. Чѣмъ больше съѣшь, тѣмъ больше меня обрадуешь. Не показывай, пожалуйста, своего отвращенія, не пыхти такъ, словно ты ихъ ужъ слишкомъ наѣлся. Ышь! Не лучше ль ѣсть, чѣмъ быть повѣшеннымъ? А посмотримъ-ка твои икры. Да они тоже пожирнѣли. Двѣ ноги семь дюймовъ въ окружности. Какой тукъ! Никакая ветчина съ тобою не сравнится!

Спустя часть, снова возвращался къ монаху.

— Держи,—говорилъ,—вотъ девять голубей; ихъ убили для тебя; бѣдная птица летала себѣ надъ кораблемъ и ни о чемъ не думала. Не побрезгуй ими, я положилъ имъ въ животъ по катышку масла, хлѣбнаго мякиша, тертаго мускатнаго орѣха, гвоздичной головки, толченой въ мѣдной ступѣ, блестящей, какъ твоя кожа. Солнце-батюшка, вѣрно очень радо, что можетъ смотрѣться, точно въ зеркало, въ твое такое ясное лицо. Ясно оно потому, что жирно, а даль тебѣ этотъ жиръ, я.

За пятой ѣдой принесъ ему ухи и потчевалъ:

— Что ты думаешь насчетъ этой рыбы? Море несетъ тебя и кормить. Больше и для самого Королевскаго Величества оно сдѣлать не можетъ. Да, да, я вижу, замѣтно начинаетъ отвисать у тебя пятый подбородокъ, чуточку больше съ правой стороны, чѣмъ съ лѣвой: нужно сдѣлать пожирнѣй и эту обойденную судьбою сторону, ибо сказано Господомъ: «Будьте справедливы ко всякому». Гдѣ была бы справедливость, не будь равномернаго распредѣленія жиру? На твой шестой обѣдъ я принесу морскихъ ракушекъ, служащихъ устрицами для бѣднаго люда, и подамъ ихъ такъ, какъ, вѣрно, никогда не подавали въ твоёмъ монастырѣ: невѣжды ихъ отвариваютъ и потомъ ѣдятъ. Но на самомъ дѣлѣ онѣ не кушанье, а только предвкушеніе, предварительная закуска. По-настоящему ихъ нужно вынуть изъ скорлупы, положить ихъ нѣжное мясо на сковороду, затѣмъ положить сельдерею и поставить въ печку въ легкій духъ, прибавить мускатнаго орѣха, гвоздички, подлить въ соусъ пивка, подложить муки и подавать ихъ къ жаркому на хорошемъ маслѣ. Вотъ такъ я и для тебя приготовилъ это кушанье. Почему дѣти должны быть признательными своимъ отцамъ и матерямъ? Потому что родители даютъ имъ кровъ,

любовь, а самое главное, пищу: значить, ты долженъ меня любить, какъ отца съ матерью и, точно имъ, обязанъ быть мнѣ признательнымъ, особенной желудочной признательностью. Однако, не води такъ яростно своими глазами.

Скоро я принесу тебѣ пивного супу, подслащенного, съ мукою и съ корицей. И знаешь, зачѣмъ принесу. Затѣмъ, чтобы твой жиръ сдѣлался прозрачнымъ и дрожалъ подъ кожей. А теперь, слышишь, ночной сторожъ стучить: спи съ миромъ, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, съ увѣренностью, что найдешь снова жирный обѣдъ и твоего друга Лама, который непременно подастъ тебѣ его.

— Уходи прочь и дай мнѣ помолиться Богу,—говорилъ монахъ.

— Молись,—соглашался Ламъ,—молись мелодично похрапывая во снѣ: пиво и сонъ прибавятъ тебѣ жиру, добраго жиру. Я—доволенъ.

И Ламъ ушелъ спать.

И матросы и солдаты спрашивали его:

— Что это тебѣ вздумалось такъ жирно кормить этого монаха, который тебѣ добра не желаетъ?

— Не мѣшайте мнѣ, я выполняю великое дѣло.

V.

Пришелъ декабрь, мѣсяцъ долгихъ потѣмокъ. Уленшпигель пѣлъ:

Ваше Высочество,
Маску снимаете,
Править желаете
Бельгійской землей,
Объяснить ее
Хорошо удалось,
Но «объангелочить»,¹⁾
Пока не пришлось.

Объиспанены бельгійцы,
Но во власти своей держать
Государственны имѣнья,
Налоги на потребление,
Городами управленье,
Должностей распредѣленье.
Вотъ Высочество²⁾ желаетъ
Реформатамъ предоставить
Эти выгодныя блага,
Хоть во Франціи слыветъ онъ
Настоящимъ атеистомъ.
Ахъ, какое пораженье!
Ангельское пораженье!

¹⁾ Angevinés—намекъ на герцога Анжуйскаго, въ прозвищѣ котораго заключается слово «ange»—ангелъ.

²⁾ Тотъ же герцогъ Анжуйскій.

Примѣч. перев.

Не на шутку онъ мечтаетъ,
Силою, мечемъ желаетъ
Прочно у насъ утвердиться,
Самодержцемъ воцариться,
Завладѣвъ путемъ обмана
Прекрасными городами.
Но вотъ вспыхнуло возстанье:
Господа, народъ поднялись...
Ахъ какое пораженье!
Ангельское пораженье!

Не на тебя, Франція,
Нашъ народъ накинута
Съ горя, бѣдный, ринулся,
На улицу высыпалъ,
Сталъ разить оружіемъ
Врага своего лютаго.
Не тебя онъ, милая,
Пронзилъ пулей, саблею
Не твоихъ дѣтишекъ
Трупами усыяно
Мѣсто предъ воротами,
Кипъ-Дорпъ по прозванію...
Пораженье-то какое!
Ангельское пораженье!

Не твоихъ дѣтей родимыхъ
Съ городскихъ валовъ высокихъ
Низвергалъ народъ нашъ гордый.
Нѣтъ, Анжуйскаго то принца,
Всѣмъ извѣстнаго гуляку,
Жившаго французской кровью,
Захотѣвшаго бельгійской...
Тотъ къ губамъ поднесъ ужъ кубокъ,
Но... о ужасъ, пораженье!
Ангельское пораженье!

Его Высочество однажды
Явился въ городъ беззащитный
И закричалъ: «Бей, убивай!
Ура, обѣдни торжество!
И съ нимъ были фавориты,
Юноши, въ глазахъ которыхъ
Огонь безстыдный, непокойный
Разврата, не любви, сверкалъ...
Ахъ, какое пораженье!
Ангельское пораженье!

И вотъ ихъ народъ нашъ бѣдный
Поражалъ, какъ могъ, усердно,
Ихъ, что тяжестью налоговъ
Гнутъ къ землѣ людъ безпощадно,
Пошлину на соль взимають,
Податями обременяють,
Правомъ ночи, первой ночи,
Дѣвушкамъ все досаждаютъ.
Тѣхъ, кто, Франція, тобою
Нагло такъ пренебрегаетъ,
Забирая въ то же время
Твои: хлѣбъ, коней, повозки.
А, вѣдь, ты имъ не чужая—
Отецъ кровный, дорогая...
Ахъ, какое пораженье!
Ангельское пораженье!..

А, вѣдь ты имъ не чужая,
 Мать-кормилица родная!
 Ихъ, развратниковъ, ты кормишь,
 А они тебя терзаютъ,
 За границу безчестятъ,
 Имя славное мараютъ.
 И теперь они готовы
 Дикимъ подвигомъ, безславнымъ
 Въ твою ратную корону...
 Ахъ, какое поражение!
 Ангельское поражение!..
 Въ твою ратную корону
 Вплестъ жемчужину большую—
 Захватить землю чужую.

Прогони воякъ безславныхъ,
 Къ чорту брось девизъ противный,
 Ихъ девизъ: «развратъ и битва».
 Наступи, народъ французскій,
 Угнетателямъ на глотку
 Всей ногою раздави ихъ!
 И тогда тебя народы,
 Всѣ народы любить будутъ,
 Любить будутъ, что нанесъ ты
 Дикой сворѣ поражение,
 Ангельское поражение.

VI.

Въ маѣ, когда фландрійскія крестьянки, для предохраненія себя отъ болѣзни и смерти, тихо бросаютъ по ночамъ черезъ свои головы три черныхъ боба, рана Лама вновь открылась. Его сильно лихорадило, и онъ пожелалъ лежать на мостикѣ, противъ клѣтки съ монахомъ.

Уленшпигель одобрилъ это желаніе. Но изъ боязни, какъ бы его другъ не свалился въ море во время приступа лихорадки, приказалъ крѣпко привязать больного къ ложу.

Тотъ, приходя въ сознаніе, настоятельно просилъ не забывать о монахѣ и показывалъ ему языкъ.

И монахъ говорилъ:

— Ты меня оскорбляешь. толстый человѣкъ.

— Нѣтъ,—возражалъ Ламъ,—я тебя утучняю.

Дуль лёгкій вѣтеръ, солнце не сильно грѣло. Лама накрѣпко привязали къ кровати, чтобы въ моменты острыхъ пароксизмовъ не перепрыгнулъ за перила. И онъ, воображая себя въ кухнѣ, бредилъ:

«Ясно растопилась печка. Скоро дождемъ посыплются овсянки. Жена, разставь-ка силки въ нашемъ саду... А хороша ты такъ: съ засученными до локтя рукавами! Бѣла твоя рука, хочется впиться въ нее губами, губы, вѣдь, бархатные зубы. Для кого твое красивое тѣло, для кого прекрасныя груди, просвѣчивающія изъ-подъ тонкаго бѣлаго лифчика? Для меня, мое милое сокро-

вище!.. А кто сдѣлаетъ жаркое изъ пѣтушиныхъ гребешковъ и цыплячьихъ гузковъ?... Не надо класть много мускату, отъ него лихорадка... Бѣлый соусъ, тминъ, лавровый листъ... Гдѣ яичные желтки.

Затѣмъ, жестомъ прося Уленшпигеля нагнуться къ его уху, очень тихо говорилъ:

— Скоро дождемъ посыплется дичина, я для тебя приберегу лишнихъ четыре овсянки. Ты капитанъ, только смотри не выдай меня.

Потомъ, слыша тихіе удары волны о стѣнку корабля, выкрикивалъ:

— Супъ кипитъ!... Мой сыночекъ, супъ кипитъ, но какъ медленно нагрѣвается эта печка!...

Приходя въ сознаніе, тотчасъ же заговаривалъ о монахѣ.

— Гдѣ онъ? Продолжаетъ ли жирѣть?...

Увидавъ же его, высовывалъ ему языкъ и произносилъ:

— Великое дѣло выполнено, я чувствую себя легко.

Однажды попросилъ поставить на мостикѣ большіе вѣсы и раньше посадить себя на одну чашку вѣсовъ, потомъ монаха на другую. Едва посадили монаха, какъ Ламъ стрѣлою взвился на воздухъ и радостно воскликнулъ.

— Вотъ такъ вѣсъ! Вотъ такъ вѣсъ! По сравненію съ нимъ я—легкій духъ. Скоро я птицей взлечу въ высь. Есть у меня планъ... Но, снимите-ка монаха, я хочу слѣзть... положите теперь на мою чашку гири. Взвѣсьте его. Ну, сколько онъ вѣситъ? Триста четырнадцать ливровъ ¹⁾. А я—двѣсти двадцать.

VII.

На слѣдующій день ночью, чуть забрезжило въ небѣ, Уленшпигеля разбудилъ крикъ Лама:

— Уленшпигель! Уленшпигель! иди выручать, не давай ей уходить. Освободите меня, перерѣжьте веревки!

Уленшпигель поднялся на мостикъ и сказалъ:

— Что ты кричишь? Я ничего не вижу.

— Она,—отвѣчалъ Ламъ,—она, моя жена, тамъ, тамъ, въ шлюпкѣ, которая вертится вокругъ вонъ того голландскаго судна; да, да, вокругъ голландскаго судна, съ котораго раздавалось пѣнье и аккорды скрипки.

Поднялась на мостикъ Нель.

— Перерѣжь веревки, подружка моя,—просилъ Ламъ. Развѣ не видишь, что моя рана зажила, ея милая рука залѣчила ее... Она,

¹⁾ Ливръ приблизительно равенъ нашему фунту.

да, да, она... Видишь, стоитъ въ шлюпкѣ? Слышишь? Она еще поетъ. Приди ко мнѣ, любимая, приди, не убѣгай отъ твоего бѣднаго Лама; онъ безъ тебя такъ одинокъ на свѣтѣ?

Нель взяла его за руку, коснулась лица.

— У него опять лихорадка,—промолвила она.

— Перерѣжьте веревки,—просилъ Ламъ,—дайте мнѣ шлюпку! Ожилъ я, счастливъ, излѣчился!

Уленшпигель перерѣзалъ веревки. Ламъ вскочилъ съ постели въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и принялся спускать шлюпку.

— Погляди на него,—сказала Нель Уленшпигелю:—какъ лихорадочно работаютъ его руки и дрожатъ отъ нетерпѣнія.

Шлюпка была готова, Уленшпигель, Нель и Ламъ въ нее спустились съ веслами и направились къ стоявшему въ гавани судну.

— Поглядите на это прекрасное голландское судно,—говорилъ Ламъ, налегая на вѣсла.

Подъ свѣжимъ утреннимъ небомъ оно было окрашено, словно хрусталь, позолоченный только-что вставшимъ солнцемъ, и покоилось на водѣ всѣмъ своимъ большимъ тѣломъ и стройными мачтами.

Ламъ продолжалъ грести, и Уленшпигель спросилъ:

— Расскажи намъ теперь, какъ ты ее разыскалъ.

Ламъ заговорилъ прерывистымъ голосомъ:

— Я спалъ... Чувствовалъ уже себя лучше... Вдругъ глухой шумъ... Что-то деревянное ударилося о нашъ корабль... Шлюпка... Матросъ бѣжитъ на шумъ... Кто тамъ?... Милый голосокъ, ея голосокъ, мой сыночекъ, ея сладостный голосокъ отвѣчаетъ: «Друзья!» Потомъ слышится другой басовитый голосъ: «Да здравствуютъ Гезы». Комендантъ флибота «Юанна» обращается къ Ламу Гудзаку. Матросъ бросаетъ лѣстницу. Луна сіяетъ... Я вижу: какъ будто мужская фигура поднимается къ намъ на мостикъ... сильныя бедра, круглыя колѣни, широкостный тазъ... Я говорю себѣ: «Не мужчина это»... чувствую, словно роза распустилась, касается своими лепестками моей щеки... ея ротъ, мой сыночекъ... слышу я, говоритъ мнѣ она, понимаешь, она сама... покрываетъ меня поцѣлуями, плачетъ. Точно душистое, влажное пламя разливается по моему тѣлу. «Я знаю, что нехорошо поступаю, но люблю я тебя, муженекъ... Нарушаю я клятву, муженекъ, бѣдный мой муженекъ! Часто я приходила сюда... не смѣла подступить къ тебѣ. Наконецъ матросъ позволилъ мнѣ подойти. Перевязывала я твою рану, не узнавалъ ты меня. Но я вылѣчила тебя, не сердись на меня муженекъ. Поѣхала бы я за тобою, но боюсь: онъ—на этомъ кораблѣ... Позволь мнѣ уйти. Если увидить онъ меня, проклянетъ и буду я горѣть въ огнѣ неугасимомъ». Поцѣло-

вала она меня еще разъ со слезами и счастливая ушла, несмотря на то, что не хотѣлъ я этого и плакалъ... Но тогда руки и ноги мои были связаны, мой сыночекъ, а теперь...

Съ этими словаим онъ сильнѣе приналегъ на весла. Шлюпка полетѣла, какъ стрѣла.

Когда они стали приближаться къ флиботу, Ламъ сказалъ:

— Вотъ стоитъ на мостикѣ, играетъ на скрипкѣ моя красавица-жена, съ темно-золотистыми волосами, карими глазами, съ еще свѣжими щеками, круглыми, голыми и бѣлыми руками... Лети мой чѣлнъ!

Капитанъ флибота, замѣтивъ шлюпку и Лама, который неистово гребъ, приказалъ бросить съ мостика лѣстницу. Приблизившись Ламъ, рискуя свалиться въ море, прыгнулъ на лѣстницу, оставивъ сажаняхъ въ трѣхъ за собой шлюпку. Словно котъ, взобрался на мостикъ, подбѣжалъ къ своей женѣ; она обмерла отъ радости, цѣловала, обнимала его и говорила:

— Ламъ! Не бери меня. Я поклялась Богу, но я тебя люблю... Ахъ, дорогой муженекъ!

Нель воскликнула:

— Это—Каллекэнъ Гйбрехтсъ! Красавица Каллекэнъ!

— Да, это—я,—подтвердила она грустно,—но прошла пора моей красоты.

— Что съ тобой было?—спрашивалъ Ламъ.—Что съ тобой сдѣлалось? Почему ты меня оставила? Почему теперь хочешь оставить?

— Выслушай и не сердись,—промолвила она.—Я тебѣ все скажу. Я знаю всѣхъ монаховъ, людей божьихъ. Я довѣрилась одному изъ нихъ. Звали его Броэромъ Корнелисомъ Адриансеномъ.

Услыхавъ это Ламъ воскликнулъ:

— Что!? этотъ лицемѣръ, у котораго не ротъ, а помойница, полная всякой грязи и дряни, который только и говорилъ, что о пролитіи крови реформатовъ!? Что!? этотъ негодяй-разбойникъ!

Каллекэнъ сказала:

— Не оскорбляй божьяго человѣка.

— Божьяго человѣка!—повторилъ Ламъ насмѣшливо.—Знаю я этого божьяго человѣка. Это—грязное, низкое существо... Несчастливая судьба! Красавица Каллекэнъ попала въ руки этого развратнаго монаха!... Не подходи, убью!... А я ее такъ любилъ! Обмануто мое бѣдное сердце; напрасно оно стремилось къ ней. Зачѣмъ ты сюда явилась? Зачѣмъ ухаживала за мною, лѣчила меня? Надобно было оставить меня помирать... Уходи!... Не желаю больше видѣть тебя, уходи, не то я брошу тебя въ море... Ножикъ, гдѣ мой ножикъ!

Она, обнимая, уговаривала его:

— Ламъ, муженекъ мой, не плачь! Я—не то, что ты думаешь. Никогда я не отдавалась этому монаху.

— Лжешь,—говорилъ Ламъ, плакалъ и скрежеталъ зубами.— Никогда раньше не ревновалъ я, а теперь ревную. Печальная страсть, тутъ и любовь и гнѣвъ, стремленіе убить и прижать къ сердцу!... Уходи! нѣтъ, оставайся!... Я такъ хорошо обходился съ ней. А теперь меня властно тянетъ убить ее. Гдѣ мой ножъ! Охъ! все горитъ во мнѣ, гложетъ, сокрушаетъ, ты смѣялась надо мной...

Покорно и кротно, со слезами, она обнимала его.

— Да,—говорилъ онъ съ горечью,—глупъ я, что сержусь. Ты блюла мою честь, честь, безсмысленно связанную съ женской юбкой. Такъ вотъ для чего ты такъ нѣжно улыбалась, когда отпрашивалась у меня сходить съ своими друзьями послушать проповѣдь...

— Дай мнѣ сказать,—просила женщина, обнимая его.—Умри я на этомъ мѣстѣ, если я тебя обманывала.

— Умирай же!—восклицалъ Ламъ, потому что ты сейчасъ солжешь.

— Выслушай меня,—просила она.

— Хочешь говори, хочешь нѣтъ,—мнѣ безразлично.

— Броэръ Адриансенъ,—начала она,—слылъ за хорошаго проповѣдника. Я пошла его послушать. Духовный санъ и безбрачіе онъ ставилъ выше всего, ибо черезъ нихъ можно войти въ рай. Говорилъ очень краснорѣчиво и пылко. Много честныхъ женщинъ смутилъ онъ, въ томъ числѣ и меня, въ особенности смущалъ вдовъ и дѣвушекъ. Безбрачіе—такое великое дѣло! и вотъ предписалъ намъ всѣмъ пребывать въ немъ... Мы поклялись, что никогда не будемъ больше вести брачной жизни.

— Кромѣ какъ съ нимъ, конечно,—вставилъ Ламъ сквозь слезы.

— Замолчи,—промолвила она съ раздраженіемъ.

— Уходи,—довольно,—молвилъ онъ,—пора кончать: ты нанесла мнѣ жестокий ударъ, отъ котораго я не излѣчусь.

— Излѣчишься муженекъ,—если я съ тобой останусь навсегда,—возразила она и хотѣла обнять его и поцѣловать, но онъ ее оттолкнулъ...

— Такъ вотъ вдовы у него на рукахъ клялись никогда больше не вести супружеской жизни,—застыдившись продолжала Каллекэнъ свой разсказъ.

Ламъ слушалъ ее, отдавшись своимъ ревнивымъ грезамъ, а она, между тѣмъ, говорила:

— Накладывалъ онъ епитиміи только на женщинъ и дѣву-

шекъ, молодыхъ и красивыхъ, а прочихъ отсылалъ къ ихъ духовникамъ. Для насъ же установилъ правило: всѣ мы должны были поклясться, что не пойдёмъ къ другимъ духовникамъ. И я тоже поклялась. Мои, болѣе меня образованныя, товарки освѣдомлялись у меня, не желаю ль я порадовать о церковномъ благочиніи и святой епитиміи. Я пожелала... Былъ въ Брюгге, на набережной «Каменныхъ Портныхъ», возлѣ монастыря «Братевъ Рудокоповъ», домъ, въ которомъ жила женщина, по прозванію Каль де Наяжъ, бравшая за обученіе дѣвочекъ на полномъ пансіонѣ король золота въ мѣсяцъ. Броэръ Корнелій изъ своего монастыря могъ тайно пройти къ этой Каль. И вотъ я отправилась въ этотъ домъ, въ маленькую комнатку, гдѣ ужъ онъ одинъ находился. Онъ велѣлъ мнѣ рассказать о всѣхъ моихъ плотскихъ привязанностяхъ. Сначала я не смѣла, но, наконецъ, уступила, заплакала и сказала ему все.

— Эхъ!—заплакалъ Ламъ,—и этотъ боровъ-монахъ принималъ твою милую исповѣдь.

— Онъ мнѣ постоянно говорилъ, и это—вѣрно, муженекъ, что выше земного стыда, стыдъ небесный, и что, ради этой небесной стыдливости надобно принести Богу въ жертву нашъ мірской срамъ. И вотъ, признаваясь своему исповѣднику во всѣхъ нашихъ сокровенныхъ желаніяхъ, мы становимся тогда достойными церковнаго благочинія и епитиміи.

Въ концѣ-концовъ, онъ принудилъ меня показаться предъ нимъ голой и пріять моимъ грѣшнымъ тѣломъ воздаяніе за мои проступки. Однажды онъ силою заставилъ меня раздѣться, я принуждена была снять съ себя бѣлье и лишилась чувствъ. Привелъ меня въ чувство солью и какой-то бутылочкой. «На этотъ разъ достаточно, дочь моя,—сказалъ онъ мнѣ,—приходи черезъ два дня опять и приноси розгу...» Долго это продолжалось, но никогда я... вотъ какъ передъ истиннымъ Создателемъ и его святыми Угодниками... муженекъ... понимаешь... взгляни на меня, погляди, лгу ли я. Я осталась чистой и вѣрной... я тебя любила.

— Бѣдное, милое тѣло!—воскликнулъ Ламъ. Какое постыдное пятно на твоей брачной одеждѣ.

— Ламъ,—возражала она,—онъ говорилъ отъ имени Божія и святой матери Церкви. Какъ же мнѣ было его не слушать?! Я тебя не переставала любить, но я поклялась пресвятой Дѣвѣ страшной клятвой, что откажусь отъ тебя. Но осталось у меня слабость, слабость къ тебѣ. Помнишь гостиницу въ Брюгге. Я была у Коль, ты вмѣстѣ съ Уленшпигелемъ проѣзжалъ мимо на осликѣ. Я пошла за тобою. У меня было порядочно денегъ, на себя

я ничего не тратила, я увидала, что ты голоденъ, меня потянуло къ тебѣ: и жалость нашлась для тебя и любовь.

— Гдѣ онъ теперь?—спросилъ Уленшпигель.

Каллекэнъ отвѣчала:

— Послѣ разслѣдованія, которое дѣлало городское управленіе, и послѣ злыхъ навѣтовъ Броэръ Адріансенъ долженъ былъ покинуть Брюгге и перебраться въ Антверпенъ. На кораблѣ мнѣ говорили, что мой муженекъ взялъ его въ плѣнъ.

— Что?!—воскликнулъ Ламъ,—такъ, значить, монахъ, котораго я откармливалъ...

— Онъ самый,—отвѣчала Каллекэнъ, пряча свое лицо.

— Топоръ! дайте мнѣ топоръ!—воскричалъ Ламъ,—и я продамъ съ публичнаго торгоу жиръ этого похотливаго козла! Живѣй, возвращаемся на корабль. Шлюпка! гдѣ шлюпка!

Нель ему сказала:

— Убить или ранить плѣнника—низко и жестоко.

— Ты смотришь на меня злыми глазами. Не помѣшаешь ли ты мнѣ?

— Да, помѣшаю,—отвѣчала она.

— Ну, хорошо,—сказалъ Ламъ,—я не сдѣлаю ему никакого зла; дай только мнѣ выпустить его изъ клѣтки. Шлюпка! гдѣ шлюпка?

Вскорѣ они въ нее спустились. Ламъ торопливо гребъ и плакалъ.

— Печалишься ты, муженекъ?—вопросительно обращалась къ нему Каллекэнъ.

— Нѣтъ, мнѣ весело,—увѣрялъ онъ,—больше, вѣдь, ты меня не оставишь безъ сомнѣнія?

— Никогда!—воскликнула она.

— Ты была чиста и вѣрна,—промолвилъ онъ. Но, милая, возлюбленная моя Каллекэнъ, я только и жилъ для того, чтобы тебя снова найти, а теперь къ нашему счастью примѣшается ядъ, ядъ ревности. Въ часъ печали или усталости будешь ты мнѣ представляться голый, подставляющей свое тѣло подъ безславное бичеванье. Весна нашей любви была для меня, лѣто—для него. Осень будетъ хмурой, скоро придетъ зима и похоронитъ мою вѣрную любовь.

— Ты плачешь?—спрашивала она.

— Да,—промолвилъ онъ,—что прошло, то больше не вернется.

Тутъ отозвалась Нель.

— Если Каллекэнъ была тебѣ вѣрна, она должна бы въ наказаніе за твои дурныя слова бросить тебя.

— Онъ не знаетъ, какъ я его любила,—замѣтила Каллекэнъ.

— Правда?!—воскликнулъ Ламъ.—Подойди ко мнѣ, женушка! нѣтъ больше ни хмурой осени, ни зимы-погребальницы.

И онъ казался радостнымъ, и они доплыли до корабля.

Уленшпигель отдалъ ключи отъ клѣтки Ламу. Тотъ отворилъ ее. Хотѣлъ за ухо вытащить монаха изъ клѣтки, но не могъ; хотѣлъ извлечь его оттуда за голову, но тоже оказался не въ состояніи.

— Нужно все поломать. Каплунъ зажирѣлъ,—промолвилъ онъ.

Наконецъ монахъ выбрался, ворочалъ тупыми глазами, поддерживалъ обѣими руками свой животъ и подъ толчкомъ большой волны, хлынувшей подъ корабль, завалился и упалъ на сѣдалище.

Тогда Ламъ обратился къ монаху:

— А что?! будешь называть меня «толстымъ человѣкомъ». Ты теперь толще меня. Кто тебя семь разъ на день угощалъ ѣдой? Я. Почему ты, крикунъ, притихъ теперь и кротче относишься къ Гезамъ?

И, продолжая свою рѣчь, прибавилъ:

— Останься ты еще на годъ въ клѣткѣ, и, вѣроятно, тебѣ не удалось бы никогда изъ нея выбраться. При каждомъ движеніи твои щеки трясутся, какъ поросячій, студень. Ты уже больше не кричишь; скоро и пыхтѣть перестанешь. Я—Ламъ Гудзакъ, т.-е. Ламъ—добрый мѣшокъ, а ты Броэръ Дикзакъ, т.-е. Броэръ—толстый, волчій мѣшокъ, да вдобавокъ мѣшокъ жира, лжи, обжорства, разврата. У тебя подъ кожей жировая прослойка въ четыре пальца толщиной. Глазъ твоихъ больше не видно. Уленшпигель и я свободно бы помѣстились подъ сводами твоего желудочнаго собора! Ты назвалъ меня «толстымъ человѣкомъ», хочешь, посозерцай въ зеркало свое многоутробіе. Я тебя питалъ, мясной ты и костяной памятникъ. Я поклялся, что ты будешь плевать жиромъ, потѣть жиромъ, будешь оставлять за собою слѣды жира, точно тающая на солнцѣ свѣча. Говорятъ, что параличъ—спутникъ седьмого подбородка; а у тебя ихъ уже пять съ половиною.

Затѣмъ, обратясь къ Гезамъ, онъ сказалъ:

— Посмотрите на этого развратника! Это—Броэръ Корнелисъ Адриансенъ—Негодяй-сенъ, уроженецъ Брюгге. Тамъ онъ проповѣдовалъ «новый стыдъ». Его жиръ—его наказаніе. Его жиръ—дѣло моихъ рукъ. Но слушайте, вы, всѣ матросы и солдаты. Я ухожу отъ васъ. Оставляю тебя, Уленшпигель, покидаю тебя, малютка Нель, и отправляюсь во Флессингенъ, тамъ у меня есть собственность, и тамъ я буду жить съ найденной вновь

бѣдной женой моей. Вы когда-то поклялись позволить мнѣ все, о чемъ бы я у васъ ни попросилъ...

— Слово Гезовъ—крѣпко,—отвѣчали они.

— Итакъ,—продолжалъ Ламъ,—поглядите на этого развратника, Броэра Адриансена—Негодяй-сена, уроженца Брюгге. Я поклялся заставить его, словно борова, помереть отъ тука. Сдѣлайте клѣтку пошире, насильно заставляйте его ѣсть семь разъ на день; давайте ему пищу жирную и сладкую. Онъ и такъ уже похожъ на быка, доведите его до сходства со слономъ и, увидите, онъ скоро займетъ всю клѣтку.

— Мы его откормимъ,—увѣряли они.

А теперь,—продолжалъ Ламъ, обращаясь къ монаху,—прощаюсь съ тобой, разбойникъ. Я кормилъ тебя по-монашески вмѣсто того, чтобы повѣсить: жирѣй, готовься къ параличу.

Затѣмъ, заключивъ въ объятія свою жену Каллекэнъ, произнесъ:

— Гляди, хрюкай или мычи, я ее у тебя отнимаю, больше ты ее не будешь бичевать.

Но монахъ, впавъ въ ярость, обратился къ Каллекэнъ:

— Такъ ты, значить, уходишь, развратница, на ложе разврата! Да-съ, ты уходишь безъ всякой жалости къ бѣдному мученику Слова Божія, научившему тебя святому, сладостному и небесному благочинію. Будь же ты проклята! Пусть ни одинъ священникъ тебя не проститъ. Пусть земля горитъ подъ твоими ногами. Пусть сахаръ кажется тебѣ солью. Пусть говядина представляется тебѣ собачьей падалью; пускай хлѣбъ для тебя превратится въ золу, солнце—въ ледъ и снѣгъ—въ огонь адовъ! Да будетъ проклята твоя плодovitость! Пусть дѣти твои будутъ уродами: съ обезьяньимъ тѣломъ и головою борова, болѣе объемистой, чѣмъ его брюхо. Да будешь ты обречена на страданья, слезы, стоны въ семь міръ и на томъ свѣтѣ, въ уготованной тебѣ печи огненной, предназначенной для тебѣ подобныхъ развратницъ. Отвергла ты мою отеческую любовь. Будь же проклята трижды святой Троицей! проклята семижды семерыми свѣточами Церкви, пусть исповѣдь твоя обратится въ проклятiе. Пускай св. Причастіе сдѣлается для тебя смертной отравой, и пусть каждая плита въ церкви поднимется, раздавитъ тебя и скажетъ: «Вотъ она блудница, вотъ проклятая, вотъ осужденная преступница!»

И Ламъ, развеселившись, прыгалъ отъ удовольствія и говорилъ

— Она была вѣрна, въ этомъ самъ монахъ невольно признался. Да здравствуетъ Каллекэнъ!

Но она, дрожа и плача, промолвила:

— Сними съ меня, мужъ мой, это проклятіе. Я вижу преисподнюю.

— Сними проклятіе,—приказалъ Ламъ.

— Не сниму, толстый человѣкъ, заявилъ монахъ.

И женщина, сильно поблѣднѣвъ и помертвѣвъ со страху, стала на колѣни и, сложивши руки, умоляла Броэра Адріансена.

И Ламъ приказалъ монаху:

— Снимай проклятіе, а не то будешь повѣшенъ и, если по причинѣ твоего вѣса, веревка порвется, будешь вновь повѣшенъ до тѣхъ поръ, пока не помрешь.

— Будешь повѣшенъ и перевѣшенъ,—подтвердили Гезы.

— Иди же,—промолвилъ монахъ, обратившись къ Каллекэнъ, уходи, развратница, уходи съ этимъ толстымъ человѣкомъ, я снимаю съ тебя мое проклятіе, но помни, Господь и всѣ святые угодники глазъ съ тебя не спустятъ. Уходи же съ этимъ толстымъ человѣкомъ, уходи!

И, вспотѣвъ и задыхаясь, онъ замолчалъ.

Вдругъ Ламъ воскликнулъ:

— Онъ раздувается! онъ раздувается! Я вижу шестой подбородокъ. Седьмой сопровождается параличомъ. А теперь,—адресовался онъ къ Гезамъ:—Господь пусть будетъ вамъ заступникомъ: тебѣ Уленшпигель, вамъ, всѣ мои добрые друзья, тебѣ, Нель, и святому дѣлу свободы, для котораго я больше не слуга.

Затѣмъ, расцѣловавшись со всѣми, онъ сказалъ своей женѣ Каллекэнъ.

— Идемъ, настало время для законной любви...

Пока на виду у всѣхъ скользила по водѣ лодка, уносившая Лама и любимую имъ женщину, матросы, солдаты и юнги, всѣ, отъ мала до велика, махали шапками и кричали ему:

— Прощай, братъ! прощай Ламъ! прощай, братъ и другъ!

И Нель, смахнувъ кончикомъ своего милаго пальца слезинку въ уголку глаза Уленшпигеля, спросила:

— Грустно тебѣ, мой любимый?

— Хорошо онъ былъ,—послышалось ей въ отвѣтъ.

— Ахъ,—вырвалось у нея,—никогда не кончится эта война и придется намъ вѣчно жить въ крови и слезахъ.

— Будемъ искать семерыхъ,—отвѣчалъ Уленшпигель. Съ ними приблизится часъ освобожденія...

Согласно желанію Лама, Гезы утучняли монаха въ клѣткѣ. Когда его выпустили за выкупъ на волю, онъ вѣсилъ триста семнадцать ливровъ и пять онсовъ по фландрскому счету.

И онъ умеръ настоятелемъ своего монастыря.

VIII.

Въ это время Генеральныя Штаты собрались въ Гагѣ судить Филиппа, короля испанскаго, графа фландрскаго, голландскаго и проч., и проч., согласно съ хартіями вольностей и привилегій, имъ подтвержденныхъ и дарованныхъ.

И протоколистъ на засѣданіи говорилъ такъ:

— Каждому вѣдомо, что государь въ странѣ поставленъ самимъ Богомъ въ качествѣ главы и защитника своихъ подданныхъ отъ всяческихъ обидъ, угнетеній и насилій, подобно пастырю, назначенному для защиты и охраны овецъ. Вѣдомо также, что подданные не созданы Богомъ государю на потребу, на то, чтобы во всемъ ему повиноваться, не взирая на законность или незаконность его требованій, не сотворены для того, чтобы рабски ему служить. Но государь есть государь для своихъ подданныхъ, безъ которыхъ онъ не можетъ правильно и разумно управлять, т.-е. поддерживать ихъ и любить, какъ отецъ дѣтей, какъ пастырь овецъ, рисковать ради ихъ безопасности собственной жизнью. Если же онъ этого не желаетъ, то нужно его считать не государемъ, а тираномъ. Король Филиппъ двинулъ противъ нашей родины четыре иностранныхъ арміи, добился папскихъ буллъ, объявляющихъ противъ насъ крестовый походъ и отлученіе отъ Церкви. Какое же наказаніе, согласное съ законами и обычаями нашей страны, наложить на него за это?

— Низложить его,—отвѣчали депутаты.

— Филиппъ нарушилъ свою присягу, забылъ оказанныя ему нами услуги, одержанныя съ нашей помощью побѣды. Видя наше богатство, онъ предоставилъ высокопоставленнымъ испанцамъ брать съ насъ выкупы и грабить.

— Низложить его, какъ неблагодарнаго и разбойника,—отвѣчали представители Генеральныхъ Штатовъ.

— Филиппъ,—продолжалъ протоколистъ,—поставилъ въ нашихъ крупнѣйшихъ городахъ новыхъ епископовъ, предоставивъ въ ихъ распоряженіе имущество богатѣйшихъ аббатствъ. Съ помощью этихъ епископовъ онъ ввелъ у насъ испанскую инквизицію.

— Да будетъ онъ низложенъ,—отвѣчали депутаты,—какъ палачъ и расточитель чужого имущества.

— Наше дворянство, глядя на это тиранство, обратилось въ 1556 году къ государю съ челобитней, въ которой просило смягчить суровость указовъ, касающихся инквизиціи. Онъ же упорно въ этомъ отказывалъ.

Низложить его, словно упрямаго въ своей жестокости тигра,—отвѣчали депутаты.

Протоколистъ докладывалъ дальше:

— Филиппа сильно подозрѣваютъ, что онъ съ помощью своихъ совѣтчиковъ-испанцевъ, тайно подготовлялъ погромъ святыхъ иконъ и церковныхъ кассъ для того, чтобы, придравшись къ случаю, двинуть на насъ вооруженныхъ иноземцевъ.

— Да будетъ онъ низложенъ, какъ орудіе смерти,—отвѣчали представители Генеральныхъ Штатовъ.

— Въ Антверпенѣ Филиппъ приказалъ избить жителей, разрушилъ фламандскую и иностранную торговлю. Онъ и его «испанскій совѣтъ» тайно уполномочили нѣкоего Рода, извѣстнаго негодяя, объявить себя главаремъ грабителей, присваивать себѣ добычу, дѣйствовать именемъ короля Филиппа, поддѣлывать его печати и вести себя словно губернаторъ или намѣстникъ. Перехваченныя королевскія письма, находящіяся въ нашихъ рукахъ, подтверждаютъ этотъ фактъ. Все произошло съ его согласія и послѣ обсужденія въ «испанскомъ совѣтѣ». Прочтите его письма, въ нихъ онъ одобряетъ церковный погромъ въ Антверпенѣ, признаетъ, что принялъ эту отмѣнную услугу, обѣщаетъ наградить за нее, уполномочиваетъ Рода и другихъ испанцевъ не сворачивать съ этого славнаго пути.

— Да будетъ онъ низложенъ, какъ разбойникъ, грабитель и убійца,—отвѣчали государственные представители.

— Мы ничего другого не желаемъ кромѣ поддержанія нашихъ привилегій, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которыя касаются религіи, Бога и вопросовъ совѣсти. Намъ Филиппъ далъ лишь лживые договоры, способные посѣять областные раздоры; хотѣлъ, пользуясь этими раздорами, покорять наши земли одну за другой и обращаться съ ними наравнѣ съ Индіей, прибѣгая къ грабежу, конфискаціи, казнямъ, инквизиціи.

— Да будетъ онъ низложенъ, какъ убійца, задумавшій убійство нашей страны,—рѣшили государственные представители.

— Онъ обагрилъ кровью наши земли при посредствѣ герцога Альбы и его полицейскихъ, съ помощью Медина-Цѣли, Реквезенс'а, членовъ-представителей государственнаго и провинціальныхъ совѣтовъ. Настоятельно рекомендовалъ чрезвычайную, кровавую строгость донъ Жуану и принцу Пармскому Александру Фарнезе (это видно изъ перехваченныхъ писемъ). Объявилъ принца Оранскаго въ опалѣ, подкупилъ трехъ убійцъ, стремясь подкупить четвертаго. Приказалъ воздвигнуть у насъ враждебные намъ замки и крѣпости. Велѣлъ живьемъ сжигать мужчинъ, и живыми закапывать въ землю женщинъ и дѣвушекъ. Наслѣдовалъ имущество жертвъ; задушилъ де Бергеса и другихъ вельможъ, нарушая этимъ свое королевское слово; убилъ своего сына дона Карлоса;

отравилъ принца д'Асколи, приказавъ раньше тому жениться на своей беременной фавориткѣ, доннѣ Евфразіи. Поступилъ такъ, желая обогатить будущаго своего незаконнорожденнаго сына, выпустилъ указъ, объявлявшій всѣхъ насъ предателями внѣ закона, и совершилъ неслыханное въ христіанской странѣ преступленіе, казня безъ разбора виновныхъ и невинныхъ.

— На основаніи закона, права и нашихъ вольностей да будетъ онъ низложенъ,—рѣшили государственные уполномоченные.

И королевскія печати были сломаны.

И солнце сіяло на землѣ и на морѣ, золотило зрѣлые колосья, спѣлило виноградъ, набрасывало на жемчужныя волны фату Нидерландской невѣсты—Свободы.

Затѣмъ, во время пребыванія принца Оранскаго въ Дельфтѣ, онъ былъ пораженъ четвертымъ подосланнымъ убійцей, тремя пулями въ грудь. И онъ умеръ, вѣрный своему девизу: «Спокойствіе среди жестокихъ волнъ».

Враги его говорили о немъ, что, желая задѣть Филиппа, онъ не разсчитывая самъ царить въ южныхъ Нидерландахъ, предлагалъ воцариться тамъ Его Высочеству, принцу Анжуйскому. Но, къ сожалѣнію, этотъ принцъ не созданъ былъ для того, чтобы родить Бельгіи сына, дать ей плодъ брачнаго союза со свободой; свобода не любитъ экзотики въ любви.

И Уленшпигель съ Нель покинули флотъ.

И земля бельгійская, закованная въ кандалы предателями, стонала подъ игомъ.

IX.

Стоялъ мѣсяцъ созрѣванія хлѣбовъ. Воздухъ былъ удушливъ, вѣтеръ тепелъ. Косцы и жницы могли съ радостью заниматься подъ свободнымъ небомъ уборкой ими посѣяннаго хлѣба.

Фризландія, Дрентъ, Овериссель, Гельдернъ, Утрехтъ, Сѣверный Брабантъ, сѣверная и южная Голландія, Вакернъ, Зеландія со всѣми своими составными частями; все побережье Сѣвернаго моря, отъ Кнока до Гельдерна; острова Тексель, Виландъ, Амеландъ, Скимоникъ-Огъ, начиная отъ западной Шельды до восточнаго Эмса, освобождалось отъ испанскаго ига.

Сынъ Молчаливаго Морисъ продолжалъ вести войну.

Уленшпигель и Нель сохраняли свою молодость, силу и красоту—любовь и умъ Фландріи не старѣютъ—и жили вмѣстѣ въ Некрской башнѣ въ ожиданіи пока, послѣ многихъ жестокихъ испытаній, имъ снова удастся пахнуть вѣтромъ свободы на родимую Бельгію...

Уленшпигель просилъ о назначеніи его комендантомъ и охранителемъ башни, объясняя свою просьбу тѣмъ, что у него орлиные глаза и заячьи уши, и онъ поэтому можетъ издалика разглядѣть, если бъ вздумалось испанцу появиться въ освободившихся областяхъ. Тогда, молъ, онъ ударить въ набатъ ¹⁾).

Городской совѣтъ исполнилъ его желанье. За его хорошую службу ему положили флоринъ въ день, двѣ кружки пива, бобовъ, сыру, сухарей и три фунта говядины въ недѣлю.

Такимъ образомъ Уленшпигель и Нель жили вдвоемъ очень хорошо, съ удовольствіемъ наблюдая передъ собою свободные зеландскіе острова и на нихъ луга, лѣса, замки и крѣпости, и вооруженные Гезами корабли, охранявшіе побережье.

По ночамъ часто поднимались они въ башню и тамъ, усѣвшись на площадкѣ, бесѣдовали о жестокихъ битвахъ, о прекрасной прошедшей порѣ любви и о будущемъ. Оттуда глядѣли они на море, которое въ это жаркое время, приносило и относилло свѣтящіяся волны на поморье и съ поморья, бросая ихъ, словно огненные призраки, на острова. И Нель пугалась при видѣ блуждающихъ въ лощинахъ огоньковъ, по ея мнѣнію, душъ бѣдныхъ усопшихъ.

Всѣ эти мѣста служили раньше полемъ битвы.

Блуждающіе огоньки съ лощинъ перебѣгали на плотины, потомъ снова устремлялись въ лощины, словно не желали они покидать тѣла, изъ которыхъ повыходили.

Однажды ночью Нель сказала Уленшпигелю:

— Погляди, сколько ихъ здѣсь и какъ высоко летаютъ! Больше всего ихъ, кажется, возлѣ птичьихъ острововъ. Хочешь пойдемъ туда, Тиль? Возьмемъ съ собой снадобье, которое открываетъ очамъ вещи невидимыя.

Уленшпигель отвѣчалъ:

— Если ты разумѣешь, то снадобье, которое когда-то заставило меня отправиться на великое-игрище, то довѣряю я ему не больше, чѣмъ простому сновидѣнію.

— Не слѣдуетъ,—возражала Нель,—не вѣрить въ силу чаръ. Идемъ, Уленшпигель.

— Хорошо, пойду.

На слѣдующій день онъ попросилъ городское управленіе замѣстить его зоркимъ и надежнымъ солдатомъ, способнымъ охранять башню и стоять на стражѣ безопасности цѣлой страны.

И онъ ушелъ съ Нель на Птичьи острова.

Шли по полямъ и плотинамъ, увидали небольшіе зеленѣющіе острова, между которыми струилась морская вода; на холмахъ,

¹⁾ По-фламандски «wacharm».

поросшихъ травой и тянувшихся до самыхъ дюнъ, стаю луговыхъ, чаекъ и морскихъ ласточекъ, неподвижныхъ и казавшихся бѣлыми островками. Надъ островами носились тысячи этихъ птицъ. Земля была покрыта гнѣздами. Уленшпигель наклонился, хотѣлъ подобрать яйцо на дорогѣ, но увидалъ чайку; она кричала и прямо на него летѣла. На ея призывъ слетѣлось съ тоскливымъ крикомъ больше сотни другихъ чаекъ и онѣ носились надъ головой Уленшпигеля и надъ сосѣдними гнѣздами, но къ нему не смѣли приблизиться.

— Уленшпигель,—промолвила Нель,—эти птицы просятъ пощады своимъ яйцамъ.

Затѣмъ, задрожавъ, она сказала:

— Мнѣ страшно. Заходитъ солнце. Небо бѣло. Звѣзды открываютъ глаза. Часъ духовъ наступаетъ. Видишь проносятся надъ землею красныя испаренія. Тиль, мой возлюбленный, какое это адское чудовище открываетъ свою огненную пасть вонъ въ томъ облакѣ, видишь? Погляди, возлѣ Филипповой Земли, гдѣ король-палачъ былъ два раза и ради удовлетворенія своего жестокаго властолюбія убилъ столько бѣдныхъ людей, погляди, тамъ огоньки пляшутъ. Въ эту ночь души бѣдныхъ мужчинъ, убитыхъ въ битвахъ, покидаютъ холодное преддверье Чистилища и отправляются погрѣться на теплую землю. Въ этотъ часъ можно обо всемъ просить Христа, Покровителя добрыхъ волшебниковъ.

— Прахъ бьется у меня на сердцѣ,—промолвилъ Уленшпигель. Ахъ, если бѣ Христосъ могъ показать семерыхъ, тѣхъ семерыхъ, прахъ которыхъ если развѣять по вѣтру, то можно осчастливить Фландрію и весь свѣтъ!

— Невѣрующій ты человѣкъ! — укоризненно произнесла Нель,—погоди, ты еще ихъ увидишь, благодаря снадобью.

— Можетъ быть,—согласился Уленшпигель, пальцемъ указывая на Сиріусъ,—если какой-нибудь духъ спустится съ этой холодной звѣзды.

Не успѣлъ онъ окончить своего жеста, какъ блуждающій огонекъ, носившійся вкругъ, прикрѣпился къ его пальцу, и чѣмъ больше Тиль желалъ отдѣлаться отъ огонька, тѣмъ крѣпче тотъ держался.

Къ Нель, помогавшей Уленшпигелю освободиться, тоже сѣлъ на край руки огонекъ.

Уленшпигель, похлопывая по своему, приговаривалъ:

— Отвѣчай! Душа ль ты Геза иль испанца? Если ты душа Геза, то ступай въ рай; если же—испанца, отправляйся въ адъ, откуда и пришла.

Нель укоризненно замѣтила:

— Не обижай душъ, кто бъ онѣ ни были, хоть души палачей.

И, понуждая свой блуждающій огонекъ танцовать вокругъ пальца, Нель говорила.

— Огонекъ, огонекъ, миленькій огонекъ, не несешь ли новостей съ того свѣта? Чѣмъ тамъ плохо душамъ усопшихъ? Какъ ѣдятъ, пьютъ души, когда у нихъ не имѣется рта? Вотъ, вѣдь, у тебя, миленькій огонекъ, нѣтъ рта! Или, можетъ быть, только въ раю принимаютъ они человѣческій обликъ?

— Какъ ты это можешь,—удивлялся Уленшпигель,—терять столько времени на разговоры съ этимъ печальнымъ пламенемъ, которому не дано ни ушей, чтобы тебя слушать, ни рта, чтобы тебѣ отвѣчать?

Но Нель, не слушая его продолжала разговаривать съ огонькомъ:

— Огонекъ,—просила она,—отвѣчай мнѣ не словами, а танцами. Буду спрашивать я тебя три раза: одинъ разъ во имя Божее, другой разъ во имя пресвятой Дѣвы, и въ третій—во имя сонмищъ духовныхъ, посредниковъ между Богомъ и людьми.

Такъ и спрашивала, и огонекъ танцевалъ три раза.

Тогда Нель сказала Уленшпигелю:

— Раздѣвайся. Я тоже раздѣнусь. Вотъ серебряная коробка со снадобьемъ.

— Мнѣ все равно,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Затѣмъ, раздѣвшись и натершись благовоннымъ снадобьемъ, они легли голые рядомъ на травѣ...

Чайки жаловались. Глухо грохоталъ далекій громъ въ облакахъ, и порою сверкала молнія. Луна между двухъ облаковъ чуть-чуть показывала золотые рожки своего серпа. Блуждающіе огоньки Уленшпигеля и Нель, отдѣлившись отъ нихъ, принялись танцовать на лугу вмѣстѣ съ другими...

Вдругъ Нель и ея дружка схватила огромная рука великана, бросила на воздухъ, точно дѣтскіе мячи, потомъ подхватила ихъ снова, похлопала другъ объ друга и, повалявъ въ рукахъ, швырнула въ затоны межъ холмами, потомъ вытащила оттуда, повитыми морскими травами, и такъ повела ихъ въ пространство. И великанъ запѣлъ, и отъ голоса его со страха проснулись островныя чайки. Вотъ эта пѣсня:

Ахъ, такіа, вы, сякіа!
Косымъ глазомъ пожелать—
Вши, козявки, вы, кривыя,
Тайный знакъ нашъ разгадать!..
Но блоха ли прочитаетъ
За семью гвоздями слово,
Что такъ прочно намъ сіяетъ
Пригвожденно, свято слово!..

И, дѣйствительно, Уленшпигель и Нель увидали на травѣ, въ воздухѣ и въ небѣ семь мѣдныхъ, свѣтосныхъ таблицъ, прибитыхъ семью пылающими гвоздями. На этихъ таблицахъ было написано:

Ростки въ навозѣ прозябаютъ;
Семеро дурны, но также и добры;
Брильянтъ изъ угля добываютъ;
У дураковъ ученыхъ ученики мудры;
Семеро дурны, но также и добры.

И великанъ шествовалъ въ сопровожденіи всѣхъ блуждающихъ огоньковъ, которые, стрекоча, точно кузнечики, говорили:

Ихъ великій просвѣтитель,
Превыше папъ и королей,
Цезарей руководитель,
Кто?—деревянный дуралей.

Неожиданно черты лица его измѣнились: онъ, казалось, похудѣлъ, сталъ печальнѣе и больше. Въ одной рукѣ держалъ скипетръ, въ другой мечъ. Имя ему было: Гордость.

И, бросивъ Нель и Уленшпигеля на землю, онъ промолвилъ:
— Я—богъ.

Затѣмъ, рядомъ съ нимъ, верхомъ на козѣ появилась краснолицая женщина, съ голыми грудями, открытымъ платьемъ и удалыми глазами. Имя ей было: Сладострастіе. За нею показалась старая еврейка, подбирающая скорлупы отъ яицъ чаетъ; звалась она: Скупость. Потомъ толстый монахъ-обжора, ѣвшій колбасы, поглощавшій сосиски и, не переставая, жевавшій, какъ свинья, на которой онъ сидѣлъ. Это было—Обжорство. Пришла также и Лѣнь; она съ трудомъ волочила ноги, была блѣдна и одутловата, съ потухшими глазами; рогаткой гналъ ее передъ собою Гнѣвъ. Вся въ слезахъ Лѣнь скорбно жаловалась и падала отъ усталости на колѣни. За Лѣнью явилась Зависть, съ головой ехидны, со щучьими зубами; она кусала Лѣнь за то, что та была слишкомъ весела; кусала Гнѣвъ за то, что тотъ былъ слишкомъ оживленъ; Обжорство—за его чрезмѣрную сытость, Сладострастіе—за излишнюю красноту; Скупость—за собиранье раковинъ; Надменность—за то, что на ней было пурпурное платье и корона. И блуждающіе огоньки танцевали вокругъ нихъ.

И они говорили голосами мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ и обиженныхъ дѣтей, со стономъ говорили:

— Надменность—мать властолюбія, Гнѣвъ—источникъ жестокости, вы для сохраненія своихъ скипетровъ и коронъ насъ убивали на поляхъ битвъ, въ тюрьмахъ, казнили на эшафотахъ! Зависть, сколько благородныхъ и полезныхъ мыслей ты въ зародышѣ разрушила! Мы—души гонимыхъ изобрѣтателей. Скупость, кровь народную ты превратила въ золото! Мы—души твоихъ жертвъ.

Сладострастіе, спутница и сестра убійства, ты родила Нерона, Мессалину и Филиппа, короля испанскаго, ты подкупаешь добродѣтель и развращаешь! Лѣньность и Обжорство, вы грязните міръ, нужно васъ изгнать изъ міра! Мы—души умершихъ.

И послышался одинокій голосъ, сказавшій:

Ростки въ навозѣ прозябають;
Семеро дурны, но также и добры;
У дураковъ ученыхъ ученики мудры;
Семеро дурны, но также и добры.
Чтобъ прахъ и уголь получить,
Что должна блошка совершить?

И блуждающіе огоньки говорили:

— Огонь—это мы, воздаяніе за пролитыя слезы, за скорби народныя; воздаяніе за вельможъ, которые охотились на своихъ земляхъ за человѣческой дичью; воздаяніе за бесполезныя битвы, пролитую въ тюрьмахъ кровь, за сожженныхъ мужчинъ; за женщинъ и дѣвушекъ, заживо погребенныхъ, воздаяніе за прошедшее, скованное и обливавшееся кровью. Огонь—это мы. Мы—души усопшихъ.

При этихъ словахъ семеро, не измѣняя своей первоначальной формы, превратились въ деревянные статуи.

И послышался голосъ:

— Уленшпигель сожги дерево.

И Уленшпигель, обратившись къ блуждающимъ огонькамъ, молвилъ:

— Вы—огненные, исполните вашу обязанность.

И блуждающіе огоньки обвили въ кругъ семерыхъ, которые загорѣлись и превратились въ прахъ.

И потекла рѣка крови.

Изъ ихъ праха вышли семь другихъ фигуръ. Первая сказала:

— Раньше я называлась Надменность, теперь называюсь благородной Гордостью. Другія фигуры тоже говорили, и Уленшпигель и Нель увидали, какъ изъ Скупости вышла Бережливость; изъ Зависти—Соревнованіе; изъ Лѣньности—Мечтательность поэтовъ и мудрецовъ. И Сладострастіе, возсѣдавшее верхомъ на козѣ, превратилось въ красавицу-женщину, имя которой было: Любовь.

И блуждающіе огоньки плясали вокругъ нихъ веселымъ хороводомъ.

И услышали Нель и Уленшпигель тысячи гдѣ-то скрытыхъ, звонкихъ и веселыхъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ, похожихъ на бряцанье оружія. Они пѣли:

Когда на морѣ, на сушѣ
Обновленная семерка
Царствовать и править станеть,
Тогда міръ челомъ воспрянетъ,
Счастье на землѣ настанеть.

И Уленшпигель произнесъ: «Насмѣхаются надъ нами духи».

И могучая рука схватила Нель за плечо и бросила въ пространство.

И духи запѣли:

Когда Востокъ съ Западомъ поцѣлуются,
Конецъ наступитъ разрушенью.
Отыщи опоясанье.

— Эхъ!—сказалъ Уленшпигель,—востокъ, западъ и опоясанье, темно вы говорите, господа Духи.

А они насмѣшливо пѣли:

Востокъ—Нидерланды:
Бельгія—Западъ;
Союзъ—Опоясанье;
Опоясанье—дружба.

— Вы, какъ я вижу, теперь не шутите,—господа Духи,—отозвался Уленшпигель.

Они продолжали насмѣшливо пѣть:

Нидерландамъ съ Бельгіей
Подружиться бѣ тѣсно,
Въ дружбѣ-Опоясанѣ
Зажить бы совмѣстно.

Вмѣстѣ бѣ править,
Быть въ союзѣ,
Въ смерти и крови...
Но, увы, союзно
Шельдой править
Не могли.

— Эхъ,—вырвалось у Уленшпигеля,—такова наша жизнь страдальческая: люди плачутъ, судьба смѣется.

Быть въ союзѣ,
Въ смерти и крови.

Продолжали напѣвать насмѣшливо духи.

И та же гигантская рука схватила Уленшпигеля и кинула его въ пространство.

Х.

Нель, упавъ, протерла глаза и увидала только встававшее въ золотомъ туманѣ солнце да кончики травы, тоже позолоченные, да лучъ, красившій въ желтый цвѣтъ опереніе заснувшихъ чаекъ; между прочимъ, онѣ вскорѣ проснулись.

Затѣмъ Нель, оглядѣвшись, замѣтила свою наготу и торопливо одѣлась. Потомъ обратила вниманіе на голаго также Уленшпигеля и прикрыла его. Полагая, что онъ спитъ, она потрясла его, но онъ, словно мертвый, не двигался. Ее охватилъ страхъ. «Ужъ не убила ль я—подумала—своего друга этимъ благовоннымъ снадобьемъ, нагоняющимъ видѣнія? Я тоже хочу умереть! Ахъ, Тиль! пробудись! Онъ холоденъ, какъ мраморъ!»

Уленшпигель не пробуждался. Прошли двѣ ночи и день. Нель съ лихорадочной скорбью бодрствовала надъ своимъ дружкой Уленшпигелемъ.

Начался второй день. Нель услышала звонъ колокольчика и увидала крестьянина съ лопатой. За нимъ шли: бургомистръ со свѣчей и два эшевена, священникъ де Ставениссъ и церковный сторожъ, державшій надъ батюшкой зонтикъ.

Они направлялись для причащенія св. Тайнъ умиравшаго храбраго Геза Жакобсена, который по словамъ батюшки, со страха сдѣлался Гезомъ, а передъ смертью пожелалъ вернуться въ лоно святой Римской церкви.

Вскорѣ шедшіе столкнулись съ Нель и увидали вытянувшееся на травѣ тѣло Уленшпигеля, покрытое одеждой. Нель опустила на колѣни.

— Дѣвушка,—промолвилъ бургомистръ,—что ты дѣлаешь здѣсь у трупа?

Не смѣя поднять глазъ, она отвѣчала:

— Я молюсь здѣсь за своего мужа, пораженнаго молніей. Одна я осталась на свѣтѣ, и хочу умереть.

Тогда священникъ, вздохнувъ отъ удовольствія, воскликнулъ:

— Гезъ-Уленшпигель умеръ, хвала Создателю! Поторопись, крестьянинъ, вырыть яму. Да сними съ него одежду прежде, чѣмъ хоронить.

— Нѣтъ,—возразила Нель,—одежды нельзя снимать, ему въ землѣ будетъ холодно.

— Рой яму—приказалъ священникъ, несшему лопату крестьянину.

— Я согласна, пусть здѣсь похоронятъ,—говорила Нель, заливаясь слезами. Въ песокъ нѣтъ червей и много извести, и онъ, мой красавецъ, сохранится невредимымъ.

И въ отчаяніи она склонилась надъ тѣломъ Уленшпигеля и со слезами и рыданьями обнимала его.

Бургомистру, эшевенамъ и крестьянину было ее жаль, но священникъ радостно и неустанно повторялъ:

— Умеръ великій Гезъ, хвала Создателю!

Затѣмъ крестьянинъ вырылъ яму, положилъ въ нее Уленшпигеля и забросалъ ее пескомъ.

И священникъ сталъ читать на могилѣ погребальныя молитвы; присутствовавшіе стали вокругъ на колѣни. Вдругъ песокъ заходилъ ходуномъ, и Уленшпигель, чихнувъ и страхнувъ съ волосъ песокъ, схватилъ за горло священника и крикнулъ:

— Инквизиторъ! я заснулъ, а ты меня живьемъ поспѣшилъ похоронить. Гдѣ Нель? Не похоронилъ ли ты и ее? Кто ты?

Священникъ закричалъ:

— Великій Гезъ снова возвращается въ міръ. Господи Боже! пріими мою душу.

И пустился бѣжать, словно олень, затравленный собаками. Нель подошла къ Уленшпигелю.

— Поцѣлуй меня, голубка,—сказалъ онъ.

Затѣмъ снова оглядѣлся кругомъ. Двое крестьянъ послѣдовали примѣру священника и убѣжали. Бургомистръ и эшеваны, держась отъ страха за уши, стонали, упавъ на траву.

Уленшпигель подошелъ и потрясъ ихъ.

— Погребаютъ развѣ,—молвилъ онъ,—Уленшпигеля—умъ и Нель—сердце матери Фландріи? Она тоже заснуть можетъ, но умереть—никогда! Идемъ, Нель!

И отправился съ нею, напѣвая свою шестую пѣсню, но никто не знаетъ, гдѣ спѣлъ онъ свою послѣднюю.

Переводъ В. Н. Карякина.

КОНЕЦЪ.

Редакторъ-издатель С. П. Мельгуновъ.

домъ св. Софія. С. П. Мельгуновъ. Русскіе пропилен. Н. Никольскій. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній. П. А. Берлинъ. 150 лѣтъ Никольско-Бахметьевскаго хрустальнаго завода. Г. В. Вернадскій. В. А. Ватинъ. Село Минусинское. Н. И. Карѣвъ. В. И. Герье. Философія исторіи. Г. Пригоровскій. Проф. В. Бузескуль. Лекція по исторіи Греціи. Ф. Баллодъ. Ш. Диль. По Греціи. С. И. Радцигъ. Алкей и Сафо. С. Г. Сватиковъ. В. Ли. Италія; Современный Римъ—сборникъ статей; Г. Бухгеймъ. По Италіи. С. П. Мельгуновъ. П. Сенъ-Викторъ. Варвары и бандиты. 259

VII. Романъ.

Шарль де Костеръ. Легенда о подвигахъ Уленшпигеля. Пер. В. Н. Карякина.

VIII. Рисунки.

Портреты В. Я. Богучарскаго, И. В. Малиновскаго, Ю. Словацкаго. Концовки и заставки изъ изданій XVI—XVII в. (см. замѣтку Я. М. Пашкова № 2).

IX. Объявленія.

НОВАЯ КНИГА:

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.

ч. III-я РИМЪ-ИМПЕРІЯ.

Сборникъ статей: А. А. Фортунатова, В. Н. Дьякова, А. М. Васютинскаго, В. Н. Перцева, М. В. Бердоносоза, А. А. Петрова, Я. В. Сорнева, Е. Л. Богровой, С. И. Радцига, Т. П. Сократовой, В. Е. Эрисманъ, пр.-доц. К. Н. Успенскаго, А. К. Джигелегова, съ 106 иллюстраціями въ текстѣ и 15 на отдѣльныхъ листахъ, подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева и Н. В. Сивкова. Ц. 2 р. 10 к.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

- ч. I-я. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Ц. 2 р. 25 к.
- ч. 2-я Римъ-республика. Ц. 1 р. 60 к.

Складъ изданій: Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6,
Т-во „ЗАДРУГА“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 г.

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ —

ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

подъ редакціей *С. П. Мельникова и В. И. Семевскаго.*

(3-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинками изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 10 руб., на $\frac{1}{2}$ года 5 руб., за границу 12 руб., $\frac{1}{2}$ года 6 руб.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка:

При подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюля 3 руб., 1 октября 2 руб.

— Перешли адреса 20 коп. —

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 1 руб. 25 к., налож. плат. 1 р. 50 к. Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ 7 р. 50 к. (безъ № 1). За 1914 г. по 8 р. На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1915 г. имѣютъ право приобрести на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“ и „Голосъ Минувшаго“ за 1913, 1914 гг. (см. условія въ № 1).

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.